Профессору Энтони Кроссу,
патриарху британской славистики,
с уважением и благодарностью
посвящаем эту книгу

ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Центр по изучению русского искусства
Кембриджского университета и Института Курто
Британский Совет
Институт Петра Великого
Фонд имени Д.С. Лихачева

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, профессор Высшей школы экономики (СПб филиал), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа

Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева

Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»

А.В. Кобак, руководитель Института Петра Великого, директор Фонда имени Д.С. Лихачева

А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева

В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской Академии наук

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа

И.Ф. Свидерская, руководитель программ Института Петра Великого

Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

РОССИЯ–ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

◆

ПЯТЬ ВЕКОВ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Материалы
VI Международного петровского конгресса

Санкт-Петербург
6–8 июня 2014 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2015

Конгресс петровских городов поддержали:

Международный благотворительный фонд
«Константиновский»

Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»

Составители:
А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина

Редакторы:
Е.Н. Кальщиков, Г.Б. Богуславская

Фото на обложке:
В.Ш. Яруллин

Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2015 — 768 с., илл.

ISBN 978-5-8015-0350-9

© Институт культурных программ, 2015
© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2015
© Издательство «Европейский Дом», 2015

Содержание

Предисловие 9

Конгресс «Россия – Великобритания» в фотографиях 11

Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург). Английские штудии Петра Великого и их последствия для русской истории 42

БРИТАНЦЫ В РОССИИ

Э. Кросс (Великобритания). Британский турист в имперской России 46

А.А. Севастьянова (Рязань). Типы и стереотипы восприятия русских в записках англичан конца XVI – начала XVII столетия 57

И.А. Орлова (Александров). У истоков русско-английских связей. Англичане в Александровской слободе во времена Ивана Грозного 61

С.В. Кайдашев (Москва). Старый Английский двор — первое посольство Англии в России 71

И.Ю. Анкудинов (Великий Новгород). Британские «туристы» в Новгороде в 1701 году 88

П.А. Аваков (Ростов-на-Дону). Джон Бекэм: британец на берегах Азовского моря (1699–1711) 95

Т.П. Мазур (Санкт-Петербург). Британские морские специалисты петровского призыва на службе России 112

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург). Британский моряк и инжинер Э. Лейн и его деятельность в Кронштадте 122

В.В. Аристов (Кингисепп). Британцы в Нарве, Ивангороде и Ямбурге (XVI–XX века) 132

А.Н. Акиньшин, *Н.А. Комолов* (Воронеж). Британцы на воронежской земле в конце XVII – начале XX века 144

Е.Е. Дмитриев, *С.А. Мезин* (Саратов). Поволжье петровского времени глазами британского путешественника 157

М.Г. Талалай (Италия). Британская делегация в Петербурге аннинской эпохи и её итальянский описатель (Ф. Альгаротти) 172

Л.Д. Бурим (Санкт-Петербург). Британская колония в Колпине 186

Л.В. Завьялова (Санкт-Петербург). Петербургский Английский клуб и английские клубы в России в XVIII — начале XX века 196

С.Н. Искюль (Санкт-Петербург). «Во всех домах нас встречали с восторгом» (Роберт Вильсон в Петербурге в 1807 и 1812 годах) 205

В.В. Носков (Санкт-Петербург). Пореформенный Петербург глазами британцев (обзор основных источников) 230

Е.И. Жерихина, *Н.В. Новикова* (Санкт-Петербург).
Дело и семья Артура Макферсона 239
А.Д. Ерофеев (Санкт-Петербург). Британия в топонимике Петербурга 249

РУССКИЕ В БРИТАНИИ

Х. Граля (Польша). Россия – Англия – Польско-Литовское
государство: Посольство Осипа Непеи в Лондон
и ягеллонская дипломатия (1557 год) 256
Ф.-Д. Лиштенан (Франция). Пребывание Петра I в Англии:
фактор дипломатического беспокойства? 267
И.Н. Юркин (Москва). «Правление аглинского королевства есть...»
(А.А. Виниус в Англии и об Англии) 275
Т.А. Базарова (Санкт-Петербург). «В делах его царского величества
вспоможение чинят...»: Русско-британское дипломатическое
сотрудничество при Османском дворе (1704–1713) 285
И.О. Пащинская (Санкт-Петербург). Программа обязательного
путешествия вел. кн. Николая Павловича по Великобритании
1816–1817 годов 309
М.К. Герцен (США). А.И. Герцен в Лондоне 334
С.Н. Третьякова (Северодвинск). Лондонский салон О.А. Новиковой
в контексте российско-британский отношений 341
А.В. Ванинская (Великобритания). Русский взгляд:
российские иностранные корреспонденты
в Великобритании начала XX века 350
о. Александр Берташ (Германия). Каменские: семья
петербургских англофилов 359
В.В. Куликов (Ярославль). «Всё русское теперь»:
золотое семилетие русской культуры, экономики
на Британских островах (1907–1914) 380
М.В. Ефимов (Выборг). Д.П. Святополк-Мирский: англичанин
для русских, русский для англичан 388
Е.В. Конюхова (Санкт-Петербург). «Стараясь сделать лучше
для каждого» (Роль семьи кн. В.Э. Голицына
в жизни русской диаспоры в Англии в 1920–1930-е годы) 397
М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург). Русско-английские
церковные связи в XX веке 409

ТЕХНИКА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ

И. Гузевич (Франция). Яков Брюс. У истоков европейской
научно-технической культуры в России,
или британский лорд в Московии 418
Д. Гузевич, И. Гузевич (Франция), *Г.Б. Ястребинский* (Санкт-Петербург).
Блеер, Зенгер, Нартов, Модсли, или «О бедном суппорте
замолвите слово» 427

Е.С. Тараканова (Санкт-Петербург). Распространение британский технологии в России в XVIII – начале XIX века 459

Д.И. Раскин (Санкт-Петербург). Вклад британских изобретателей в развитие российской техники в первой половине XIX века 469

Е.М. Лупанова (Санкт-Петербург). Мастер Джон Берд и обсерватория Петербургской Академии наук 476

В.А. Черненко (Санкт-Петербург). 100 лет на благо России: династия Бердов в Санкт-Петербурге 484

А.М. Пашков (Петрозаводск). Российский шотландец Адам Васильевич Армстронг 502

А.О. Мещерякова (Воронеж). Артур Юнг и русские консерваторы: к истории создания Ф.В. Ростопчиным трактата о плуге и сохе 511

И.А. Серова (Ярославль). Роль Ярославля в истории торговых и дипломатических отношений России и Англии второй половины XVI века 517

Т.А. Лаптева (Москва). Британские купцы Гарднеры и их деятельность в России в XVIII веке 527

В.В. Брызгалов (Архангельск). Архангелогородские суда на службе у купечества Англии в XVIII веке 538

П.В. Лизунов (Архангельск). Британские купцы и биржевая торговля в Петербурге (XVIII – начало XIX в.) 547

В.Л. Степанов (Москва). Опыт британского фабричного законодательства в дореволюционной России 557

Е.Г. Неклюдов (Екатеринбург). Британские предприниматели в составе владельцев уральских заводов 562

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

О.В. Таратынова (Санкт-Петеребург). Английский парк в Царском Селе 571

Б.С. Макаров (Санкт-Петербург). О переходе от французского (регулярного) стиля к английскому пейзажному стилю в императорских садах Санкт-Петербурга 579

Б.М. Соколов (Москва). Книга Томаса Вейтли о британских садах эпохи Просвещения: завершить проект Екатерины Великой 589

И.Г. Степаненко (Санкт-Петербург). Диалог культур в русском пейзажном паркостроении: английские садовые мастера Иоганн и Иосиф Буши 600

А.Д. Марголис (Санкт-Петербург). Памятник британской архитектуры конца XIX века в Царском Селе (дача вел. кн. Бориса Владимировича) 610

Р.П. Блейксли (Великобритания). Повесть о двух академиях: тёплые отношения между ведущими школами искусств Лондона и Санкт-Петербурга 617

Э.В. Седых (Санкт-Петербург). Прерафаэлиты в контексте русской культуры 628

К. Ансон (Великобритания), *Н.Ф. Поленова* (Поленово). Мэри Уоттс и Елена Поленова: заочный дуэт 649

Дж. Боулт (США). Малевич в Зазеркалье 636

К.Э. Лоддер (Великобритания). Наум Габо: проникновение русского искусства и конструктивизма в Британию 644

Т.Ф. Верижникова (Санкт-Петербург). Александр Билибин: судьба и искусство (1903, Россия, Санкт-Петербург — 1972, Англия, Хартинг) 658

О.А. Моргунова (Петрунько) (Великобритания). «Русское присутствие» в Британии: люди, события, контекст 680

М.Ф. Мудрак (Санкт-Петербург). Роль общественной дипломатии в развитии культурного сотрудничества Санкт-Петербурга и Великобритании 688

Т.Р. Кузьмина (Санкт-Петербург). Литературные бренды Великобритании как инструмент Soft Power 697

БИБЛИОТЕКИ, МУЗЕИ, АРХИВЫ

И.М. Беляева, *Г.Н. Питулько* (Санкт-Петербург). Английские книжные раритеты XVI века в собрании Библиотеки РАН 705

Н.Ю. Болотина (Москва). Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов 715

И.В. Кувшинская (Москва). Scotia me genuit...: судьба библиотеки генерала Патрика Гордона 724

Е.П. Рене (Санкт-Петербург). Коллекционер британской живописи Алексей Захарович Хитрово и его дар Эрмитажу 733

И.Ф. Фоменко (Крым) Русско-британские контакты в памятниках материальной культуры: от музейного предмета к музейной реликвии из фондов Ливадийского дворца-музея 744

Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург). Слово на закрытие Конгресса 753

Список сокращений 755

Список авторов 757

Издания Института Петра Великого 761

Предисловие

VI Международный петровский конгресс «Россия — Великобритания: пять веков культурных связей» состоялся в Санкт-Петербурге 6–8 июня 2014 года. Петровские конгрессы проходят ежегодно и приурочены ко дню рождения Петра Великого, который отмечается 9 июня.

Шестой петровский конгресс входил в программу российско-британского Года культуры.

Организаторами конгресса с российской стороны выступали: Министерство культуры РФ, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Институт культурных программ, Институт Петра Великого, Фонд имени Д.С. Лихачева. С английской стороны подготовку Конгресса координировал Центр по изучению русского искусства Кембриджского университета и Института Курто. Содействие в подготовке конгресса оказали Британский совет (Лондон), Фонд «Константиновский» (Санкт-Петербург), информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад».

На церемонии открытия выступили заместитель Министра культуры РФ А.Ю. Манилова, директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский, писатель Д.А. Гранин, директор Центра по изучению русского искусства Кембриджского университета и Института Курто Розалинд Блейксли, российские и британские ученые, руководители учреждений культуры и гуманитарной науки.

На конгрессе прозвучало более 90 докладов участников из многих городов России: Петербурга, Москвы, Аксая, Александрова, Архангельска, Великого Новгорода, Воронежа, Выборга, Екатеринбурга, Кингисеппа, Ливадии, Петрозаводска, Поленова, Рязани, Самары, Саратова, Северодвинска, Соловков, Тулы, Ярославля. Зарубежные страны были представлены участниками из Великобритании, Австрии, Бельгии, Италии, Нидерландов, Польши, США, Франции.

* * *

В 1553 году английский корабль «Эдуард Бонавентура» под командованием Ричарда Ченслера впервые бросил якорь в устье Северной Двины. В Москве англичане были с почетом приняты Иваном Грозным. С этого визита берут начало дипломатические, коммерческие и культурные контакты двух стран. Вскоре англичане получили торговые привилегии и собственное подворье в Москве.

Особая роль в сближении двух стран принадлежит Петру Великому. Период наиболее тесных русско-английских отношений открывает его эпохальный визит в Англию в январе–июне 1698 года. На русскую службу приглашаются английские и шотландские специалисты — морские офицеры, кораблестроители, инженеры, медики. На берегах Невы в XVIII веке появляется процветающая британская колония.

При Екатерине II в среде аристократии зарождается англофилия. Британия становится одним из обязательных пунктов образовательно-воспитательных путешествий отпрысков знатных фамилий. Русские дворяне устраивают в своих усадьбах образцовые хозяйства на английский манер, приглашают английских нянь и гувернанток.

Из Британии в Россию приезжают в разное время опытные инженеры и специалисты (Карл Гаскойн, Чарльз Берд, Мэтью Кларк, Вильям Гесте и другие). Британцы основывают новые и развивают старые металлургические заводы, строят первые паровые машины. Частный завод Берда становится одним из символов Петербурга.

В России хорошо знали работы знаменитых английских мебельщиков, граверов, мастеров фарфора. Английских садовников приглашали как члены императорской фамилии, так и богатые аристократы. «Английские парки» стали отличительной чертой русских имений.

Архитектор Чарльз Камерон создает Павловский дворец и парк, Адам Менелас строит летнюю резиденцию Николая I. Английский художник Джордж Доу приезжает в Россию для осуществления грандиозного замысла Александра I — создания Военной галереи Зимнего дворца.

В Англии находили приют многие русские политические эмигранты, включая А.И. Герцена и Н.П. Огарева, П.А. Кропоткина и С.М. Степняка-Кравчинского. Послереволюционная эмиграция в Англию не была многочисленной, но и она оставила след в британской культуре.

В России английскую литературу всегда ценили чрезвычайно высоко: Шекспир, Вальтер Скотт, Диккенс, Байрон, Дефо популярны здесь более, чем в любой другой стране. В российских книжных магазинах с равным энтузиазмом раскупаются английские детективы, фэнтези, детские книги Джоан Роулинг. Во многих российских театрах ставятся пьесы Стоппарда и Гарольда Пинтера. В Лондоне сегодня проживают сотни тысяч россиян, а британская публика проявляет широкий интерес к русской культуре.

Конгресс «Россия – Великобритания» в фотографиях

А.Н. Говорунов, А.В. Кобак, Б.А. Илларионов, М.Б. Пиотровский

Д.А. Гранин, С.В. Мироненко (Москва)

А.Ю. Манилова, О.Л. Лейкинд

Н. Кожичаров, Р. Блейксли, Г. Мардилович (Великобритания)

А.Ю. Манилова

Д.А. Гранин

М.Б. Пиотровский

Р. Блейксли (Великобритания)

А.Б. Давидсон (Москва)

Е.В. Анисимов

Э. Кросс (Великобритания)

О.В. Таратынова

А.В. Кобак, М.Б. Пиотровский

Пленарное заседание в Эрмитажном театре

Пленарное заседание в Эрмитажном театре

Д.А. Гранин

Е.Я. Кальницкая

Б.М. Кириков

Э. Кросс (Великобритания), А.Ю. Манилова, М.Б. Пиотровский

Р. Блейксли (Великобритания)

Б. Ныкель, Х. Граля, А. Вонсовска-Павлик (Польша)

Э. Кросс (Великобритания), С.Н. Искюль

А.М. Пашков (Петрозаводск), И.Н. Юркин (Москва)

Н. Маррей (Великобритания), Н.Ф. Поленова (Поленово)

Б.М. Кириков

В.В. Знаменов

М.Б. Пиотровский, Л.Д. Фомичёва, Д.А. Гранин

Й. де Молл (Нидерланды), Э. Вагеманс (Бельгия)

Е.В. Анисимов, Ф.-Д. Лиштенан (Франция)

М.Н. Микишатьев, Е.Н. Макошина (Таганрог)

Б.М. Фирсов, Р.Г. Григорьев, Т.Б. Николаева

Н.Р. Славнитский, В.В. Брызгалов (Архангельск)

А.Ю. Манилова, Л.П. Совершаева

Концерт в Петергофе

Концерт в Петергофе

А.Б. Давидсон (Москва), С.В. Мироненко (Москва)

Е.Я. Кальницкая, О.В. Таратынова

И.Ф. Свидерская, Х. ван Конингсбрюгге (Нидерланды)

Е.Н. Кальщиков, Ю.М. Пирютко

С.С. Левошко, М.И. Мильчик

И.Д. Гузевич (Франция)

Л.Б. Усыскин, Д.Ю. Гузевич (Франция)

А.М. Пашков (Петрозаводск), Е.А. Андреева

о. Александр Берташ

А.А. Севастьянова (Рязань)

Д.И. Раскин

В.В. Яковлев

И. Шварц (Австрия)

Е.В. Конюхова

Е.П. Ренне, Д. Я. Северюхин

В.В. Аристов (Кингисепп)

Т.А. Базарова

А.Л. Пунин

И.В. Кувшинская (Москва)

Е.В. Анисимов

С.А. Мезин (Саратов)

Издательство «Европейский Дом»

Возложение цветов к могиле Петра I

Полуденный выстрел

Э. Кросс (Великобритания), П.А. Аваков (Ростов-на-Дону)

Е.В. Анисимов
(Санкт-Петербург)

Английские штудии Петра Великого и их последствия для русской истории

Пётр Великий часто говорил, что он всю жизнь учился. Своими учителями он назвал голландцев, шведов и — конечно — англичан. Известно, при каких обстоятельствах Пётр I оказался в Англии. Неудовлетворенный тем, как строились корабли в любимой им Голландии, Пётр перебрался в Англию, где учился по английским образцам тому, что называется проектированием кораблей, организацией кораблестроения. Известно также, что по возвращении из заграничной поездки он начал последовательно заменять голландских кораблестроителей английскими, признав английское кораблестроение лучшим в мире. И вскоре у него образовалась своеобразная «бригада» высококлассных корабельных мастеров, среди которых особенно выделялись: Джон Ден, Осип Най и два Ричарда — Козенц и Броун. Они привезли с собой бригады плотников, кузнецов и других корабелов.

С этого времени англичане начали перестройку всей системы русского кораблестроения, начиная от кораблестроительной терминологии и заканчивая техническими новинками. Пётр был в восторге от этих мастеров, особенно он полюбил рано умершего Джона Дена, а также Осипа Ная и молодого, весьма честолюбивого Ричарда Козенца, которого некоторые исследователи считают незаконнорожденным сыном Петра от англичанки. Он учился у них кораблестроению — этому по тем временам сложнейшему делу — и заставлял своих подданных брать с них пример.

В неменьшем восторге Пётр был и от организации английского флота. Согласно известному анекдоту, он как-то раз сказал, что пред-

почитает должность английского адмирала должности русского царя. (Правда, в патриотической интерпретации это звучит иначе: «Если бы я не был русским царём, то стал бы английским адмиралом»[1]). Он хорошо знал английские морские порядки, бывал на английских кораблях как в Англии, так и в Ревеле, куда приходил английский флот. Неслучайно Пётр стал активно приглашать служить на русский флот не только матросов, офицеров, но и адмиралов. Речь идёт о десятках, сотнях английских моряков, нанятых Петром. Без преувеличения можно сказать, что Пётр был отличником в английской школе кораблестроения и мореплавания. Он последовательно проводил в этом деле английские принципы организации.

Можно говорить и о том, что Петру лично были весьма симпатичны англичане. Он крайне неохотно отпускал их домой, и известно, что он часто произносил тост: «За здоровье всех храбрых офицеров, которые никогда не думают покинуть меня, особенно в годы войны!»[2]. А уж об участии царя в попойках разгульного «Британского монастыря» и говорить не приходится. Пётр всячески удерживал англичан в России, возводя в дворянство, давал им высокие чины, а главное — держал их деньгами. Как известно, царь был скуп, но на английских специалистов он не жалел денег, прекрасно понимая, что без адмиралов Томаса Гордона и Томаса Сандерса и английских офицеров русский флот не обойдется, а без инженера Эдуарда Лейна не будут построены Кронштадтская и Ревельская военные гавани. Так же охотно принимали при Петре и других специалистов-англичан. Не будем забывать, что Петр по традиции всех русских царей лечился только у английских врачей, держа их при себе.

Постепенно, уже с петровских времён, в Петербурге возникло поселение англичан, и уже через пару десятилетий человек, выйдя из лондонского паба и сев на берегу Темзы на корабль, мог через несколько недель высадиться на Английской набережной Петербурга и войти в английский паб, ничем не отличавшийся от лондонского.

Не менее тесными стали и торговые отношения с англичанами, уже при Петре имевшие двухсотлетнюю традицию. Символично, что первым кораблем, прибывшим осенью 1703 года в только что основанный Петербург, был голландский, а вторым — в 1704 году — стал английский парусник. Загруженный русскими товарами, он вышел в море и, к сожалению, попал в руки шведов. Но это не остановило русско-английскую торговлю.

---

[1] *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 10.

[2] *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 184.

Весьма примечательно, что, несмотря на все сказанное, отношения между нашими государствами в XVIII веке, да и позже, никак нельзя назвать дружескими или хотя бы дружелюбными. Лишь иногда они были проникнуты, по осторожному выражению профессора Энтони Кросса, «известным чувством товарищества», не более.

Вереницу взаимных претензий можно начать с 1714 года, когда курфюрст Ганновера был провозглашён британским королем Георгом I и стал резко возражать против внедрения России в Северную Германию, протестовал против ввода русских войск в Мекленбург и против заигрывания России с Голштинией. И уже совсем стало скверно, когда союзная англо-шведская эскадра адмирала Джона Норриса блокировала русский флот в Ревеле и даже сожгла два сарая на острове Эзель. Оборвать же этот перечень «недружелюбий» большого XVIII века можно фактом участия России в так называемой «Континентальной блокаде» Великобритании.

Причины прохладных отношений России и Великобритании многосложны, но главным оставалось острое соперничество этих двух могущественных империй за влияние на Балтике, в Северной Германии. Усиление России без восторга встречали в Лондоне, и не раз в британском парламенте слышались упреки в адрес английских специалистов, которые помогали усиливать Россию. По мере роста аппетитов Российской империи тень на русско-английские отношения набрасывала длительная борьба за влияние на Босфоре, потом на северных границах Британской Индии и на Дальнем Востоке. Все это приводило к возникновению «провалов равнодушия» в межгосударственных отношениях, взаимным интригам, вражде и даже войне. Память о «Долине смерти» под Балаклавой и огромном «Юнион Джеке» над залитыми кровью бастионами Севастополя была долго болезненна для наших двух народов. И все-таки отметим, что в двух самых судьбоносных для наших народов войнах — с Наполеоном и с Гитлером — мы были союзниками.

Словом, поездка Петра в Англию оказалась эпохальной для русско-английских связей. Следствием английских штудий Петра стало широкое привлечение английских специалистов в Россию, активное внедрение в ее жизнь элементов английской культуры. Благодаря начатому при Петре сближению у русских людей сложился особый образ изобретательного англичанина, про которого поется в народной песне:

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину.

Английских купцов радушно принимали их российские партнеры, британский бизнес считался образцовым и особо честным, а

репутация английского инженера, предпринимателя была в России необыкновенно высокой. Английская сдержанность, деловитость, честность, верность слову, неподражаемый английский юмор, солидность и предприимчивость — все эти положительные черты национального характера англичан ценились и даже без меры идеализировались русскими людьми.

В исторической памяти русского народа эти качества англичан переплелись с уважением перед недостижимыми и непостижимыми политическими ценностями Британии, гарантиями свободы личности, совести, собственности и печати. Английские политические порядки на протяжении столетий казались в России неким образцом, мерилом, по которому оценивалась степень свирепости режима в собственно России. При этом почти всегда делался вывод о принципиальном, ментальном различии наших народов, невозможности перенести английские политические порядки в Россию. Согласно известному анекдоту, Пётр Великий, возражая своим заграничным оппонентам, обвинявшим царя в склонности к тирании, говорил: «Аглинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять».

Именно с петровских времен наша культура пропитана английскими образами и реминисценциями. С XVIII века англичанки учили дворянских детей языку, преподавали им навыки английской культуры. И сейчас нас с детских лет и до старости сопровождают по жизни книги английских писателей, пьесы, фильмы, музыка. Они относятся к числу любимых в России. В целом, образ Англии в русском национальном сознании окрашен положительными эмоциями, вызывает добрые чувства. И роль Петра в этом огромна.

Мне никогда не забыть позднюю петербургскую осень 1994 года, когда на Английской набережной, возле королевской яхты Елизаветы II и британского фрегата сопровождения толпились тысячи петербуржцев. Впервые за многие годы это была добрая, благожелательная толпа, без привычных для нас ожесточения и ксенофобии. Глядя на марш английских моряков по набережной, старики вспоминали парады в Мурманске, наше незабываемое братство по оружию в самой страшной войне, которая выпала на долю наших народов, а молодёжь просто глазела и веселилась. В этой радостной манифестации, в этом праздничном оживлении на обычно пустынной набережной я увидел проявления добрых чувств к Англии, к её великой культуре и её великому народу. Эти чувства, надеюсь, будут сохраняться в наших сердцах и в будущем.

Спасибо за это государю Петру!

Э. Кросс
(Великобритания)*

Британский турист в имперской России

В 1698 году, когда Пётр I совершил свой приснопамятный визит в Англию, некий путешественник, обозначивший себя на титульном листе всего лишь как «английский джентльмен» и подписавший предисловие инициалами «Т.С.», опубликовал «Новый атлас, или путешествия по Европе, Азии, Африке и Америке через самые известные страны света» – и в длинном-длинном названии перечислил все эти страны, включая Московию[1]. Отметив в предисловии, датированном маем 1698 года, что царь нашёл свою «поездку весьма полезной и своевременной», автор лично предпринял путешествие с целью увидеть и описать «редкое и достойное упоминания в тех громадных

* Пер. с англ. Д.А. Прияткина.

[1] [T.C.] The new atlas, or, travels and voyages in Europe, Asia, Africa and America, thro' the most renowned parts of the world, viz. from England to the Dardanelles, thence to Constantinople, Egypt, Palestine, or the Holy Land, Syria, Mesopotamia, Chaldea, Persia, East-India, China, Tartary, Muscovy, and by Poland, the German empire, Flanders and Holland, to Spain and the West-Indies; with a brief account of Ethiopia, and the pilgrimage to Mecha and Medina in Arabia, containing what is rare and worthy of remarks in those vast countries; relating to buildings, antiquities, religion, manners, customs, princes, courts, or affairs, military and civil, or whatever else of any kind is worthy of note. Performed by an English gentleman, in nine years travel and voyages, more exact than ever. London: Cleave and Roper, 1698.

странах, связанное с архитектурой, древностями, религией, манерами, обычаями, знатью и двором, с делами военными и гражданскими, и вообще всё, заслуживающее внимание». Англию он покинул в 1684 году на девять лет, в итоге добрался до Московии примерно в 1687 году, проследовав из Астрахани вверх по Волге через Нижний Новгород в Москву, где прожил некоторое время, а затем отправился в Новгород, Вологду, Владимир и Ростов – и выехал за рубеж через Польшу. Те двадцать страниц, которые он посвятил тому, что увидел в Московии и чем там занимался, могут с полным правом считаться первым туристическим очерком об этой стране.

Разумеется, англичане много путешествовали с елизаветинских времён, причём не только с исследовательскими и торговыми целями, но и ради удовольствия или обучения. Когда в своём «Путешествии по Италии», увидевшем свет в 1670 году, Ричард Лэсселс ввёл в обиход словосочетание «гранд-тур», явление, им обозначенное, было уже широко распространено[2]. Но только в XVIII веке дороги Европы оказались буквально запружены представителями британской аристократии и дворянства, в особенности молодыми, путешествующими и с наставниками, и без оных. Хоть доктор Джонсон и утверждал, что «великая цель подобных вояжей – увидеть берега Средиземного моря»[3], более отважных путешественников влекли северные земли.

Большой привлекательностью у туристов пользовался Санкт-Петербург, основанный в 1703 году, сбылись надежды первого генерал-губернатора князя Александра Меншикова, что город станет «новой Венецией, и многие иноземцы прибудут сюда из чистого любопытства»[4]. Спустя три десятилетия после основания города один из первых англичан, завлечённый в Петербург любопытством, записал в своём дневнике: «Я весьма доволен своей поездкой и считаю её в высшей степени достойным времяпрепровождением для любого, кому не чуждо любопытство – Посмотреть, Пожить недельки три или месяц, а удовлетворив Любознательность, отправиться наслаждаться жизнью в места с более Тёплом Климатом»[5]. Ровно месяц, июль 1774 года, провёл в Петербурге Натаниэль Роксолл, заявивший, что по сравнению с другими северными столицами, «несрав-

---

[2] *Hibbert Christopher.* The Grand Tour. London: Spring Books, 1974. P. 10.

[3] *Boswell James.* Life of Johnson, ed. R.W. Chapman. Oxford: Oxford University Press, 1970. P. 742.

[4] [*Weber F.C.*] The Present State of Russia. London: Taylor, 1723. Vol. I. P. 4.

[5] *Kemp Betty.* Sir Francis Dashwood's Diary of His Visit to St Petersburg in 1733 // Slavonic and East European Review. Vol. XXXVIII. 1959. P. 197.

ненно более достойный предмет истинного любопытства», где «с каждым месяцем множится красота и великолепие этого новорождённого метрополиса»[6].

Сочинение Роксолла, в названии которого слово «тур» было впервые в печатном виде применено к России, оказалось очень популярным и выдержало четыре издания в период с 1775 по 1807 год. К этому времени другой путешественник уже мог утверждать, что «сейчас Россия становится частью гранд-тура – и весьма любопытной и полезной»[7]. Во всех этих цитатах ключевым словом является «любопытство» как стимул к путешествию, и, несомненно, путешественников привлекали странность, отдалённость, экзотичность северных земель, но важную роль играли также и политические факторы: французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны радикальным образом изменили маршруты и графики гранд-туров, изъяв из них проверенный путь в Италию через Францию, как и прелести самой Франции. Хотя под «Россией» подразумевались, в первую очередь, Санкт-Петербург, до которого добирались морем или сушей, через балтийские страны, и Москва, куда въезжали и откуда выезжали по почтовому тракту из столицы или через Минск и Смоленск, проезжая Польшу, британский турист начал посещать и другие части стремительно растущей российской империи, путешествуя, например, через Москву на юг, к новым российским землям вокруг Чёрного моря и в Крым, откуда, как правило, отплывали в Константинополь. Леди Элизабет Крейвен первой из британских женщин – и из туристов обоего пола – опубликовала описание такого путешествия, которое она предприняла в начале 1786 года[8]. Однако наиболее основательные и заслуживающие доверия описания оставили, что неудивительно, странствующие гувернёры, известные также как «дрессировщики медведей», а не те «медвежата» из высокородных семейств, которых они старались воспитывать и обучать[9]. Достопочтенный Уильям Кокс ехал более привычным северным маршрутом вместе со своим подопечным, лордом Гербертом, и поез-

[6] *Wraxall N.* A Tour through Some of the Northern Parts of Europe. 2nd ed., London: Cadell, 1775. P. 5, 266.

[7] *Swinton A.* Travels into Norway, Denmark, and Russia in the Years 1788, 1789, 1790, and 1791. London: Robinson, 1792. P. 341.

[8] A Journey through the Crimea to Constantinople. In a series of letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven to his Serene Highness the Margrave of Brandebourg, Anspach, and Bareith. Written in the year MDCCLXXXVI. London: for Chamberlaine, Montcrieffe, Colles, Burnet, Wilson, 1789.

[9] С особым сарказмом леди Крейвен писала о молодых английских туристах: Ibid. P. 170.

дку эту описал в книге «Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию», которая была издана шесть раз с 1784 по 1803 год, а другой кембриджский преподаватель, достопочтенный Эдвард Дэниэл Кларк с учеником, в правление Павла I путешествовал по маршруту, проложенному леди Крейвен[10]. Однако куда более масштабное и примечательное путешествие в последние годы правления Екатерины совершил оксфордский «дон», достопочтенный Джон Паркинсон, сопровождавший молодого Эдварда Уилбрэма-Бутла, будущего лорда Скелмерсдейла. Грандиозная поездка, совершённая ими в 1792–1794 годах и охватившая Сибирь до самого Тобольска, затем юг России – Астрахань, Каспий, часть Кавказа, далее Крым и возвращение в Москву и Санкт-Петербург через Украину, была детально описана Паркинсоном в дневниках, которые были опубликованы лишь после его смерти[11].

В Москву на коронацию Александра I слетелись юные выпускники «Оксбриджа», и некоторые из них воспользовались случаем отправиться на юг и полюбоваться красотами и археологическими сокровищами Крыма[12], но Тильзитский мир и последовавшие события, включая 1812 год, вызвали ожидаемое прекращение туризма, а когда он возобновился с падением Наполеона и вплоть до Крымской войны, туристы были уже во многом не те, да и вели себя несколько иначе. Конечно, хватало и тех, кого по-прежнему можно было именовать «гранд-туристами», хотя век гранд-туров, тем более с сопровождающим наставником, остался в прошлом. Все большее число путешественников относилось к классу, называемому тогда «средненьким», у кого хватало средств на туристическую поездку[13].

Признаком новой фазы британского туризма стало появление первого справочника-путеводителя по Петербургу, Москве и далее. «Записки о путешествии из Лондона в Санкт-Питербурх через Швецию, а оттуда в Москву, Ригу, Митаву и Берлин» Джорджа Грина, опубликованные в 1813 году, можно считать первым скромным опы-

---

[10] Clarke Edward Daniel. Travels in various countries of Europe Asia and Africa. Part the First: Russia Tartary and Turkey. London: Cadell and Davies, 1810.

[11] *Parkinson John.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea 1792–1794. London: Cass, 1971.

[12] Подробно об этом см.: *Cross Anthony.* From the Assassination of Paul to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807) // Journal of European Studies. Vol. XLII. 2012. P. 521.

[13] Основательное исследование маршрутов европейского туризма, в котором, однако, нет упоминаний о России: *Buzard James.* The Beaten Track: European Tourism, Literature, and the Ways to «Culture», 1800–1918. Oxford: Clarendon Press, 1993.

том в этом жанре, о принадлежности к которому свидетельствует подзаголовок: «описание станционных городков и всего, что есть интересного в русской и прусской столицах и т.д.; с присовокуплением названий, расстояний и цен на каждой станции, и словаря самых полезных выражений на английском и русском языках». Самостоятельную нишу жанр путеводителя по России занял в 1830-х как том из серии путеводителей Ли для путешествующих по Европе. Содержательный, хоть и анонимный «Гид по Москве, включивший описание публичных зданий, исторические заметки, полезную статистику и план дороги из Санкт-Питербурха, с добавлением словаря полезных слов и выражений», был издан в 1835 году, и в том же году доктор Огастес Гранвиль решил сменить название на третьем издании своего монументального труда о Санкт-Петербурге, впервые увидевшего свет в 1828 году, на «Гид по Санкт-Питербурху». В следующем году вышел «Гид по Санкт-Петербургу и Москве, через Гамбург, Любек, Травемюнде, и на почтовом пароходе через Балтийское море в Кронштадт, с подробным описанием всех документов и расходов от Лондонского моста до Санкт-Петербурга», а в 1839 году появился первый русский «Мюррей», который, будучи с тех пор несколько раз переписан и обновлён, стал незаменимым руководством для туриста-путешественника[14].

Таким образом, в 1830-е годы обозначилось понимание потребностей независимых туристов, растущее число которых опровергало утверждение анонимного автора серии публикаций, враждебных по отношению к России Николая Первого и написанных под сильным влиянием русофобских взглядов маркиза де Кюстина, о том, что «Россия – не та страна, которую обычно посещают туристы»[15]. Напротив, в первой половине десятилетия появилось огромное количество типично туристических очерков с названиями вроде: Визит в Санкт-Питербурх, Экскурсии по северу Европы, Письма с севера Европы, Письма о посещении дворов России и Швеции, Путевые заметки и мнения о России и Польше[16]. Автор последних, с вырази-

---

[14] A Handbook for Travellers in Denmark, Norway, Sweden, and Russia / Edited by T.D. Whatley. London: Murray, 1839.

[15] [*Henningsen Charles Frederick*]. Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. III. London: Newby, 1846. P. 1.

[16] *Raikes Thomas.* A Visit to St Petersburg, in the Winter of 1829–30. London: Bentley, 1838; *Barrow John, jr.* Excursions in the North of Europe, through Parts of Russia, Finland, Sweden, Denmark, and Norway, in the Years 1830 and 1833. London: John Murray, 1834; *Charles Boileau Elliott.* Letters from the North of Europe; or, a Journal of Travels in Holland, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Russia, Prussia, and Saxony. London: Colburn and Bentley, 1832; *Frankland Charles Colville.* Narrative

тельным именем Рейфорд Рэмбл (ramble – пешая прогулка, экскурсия), совершивший путешествие несколькими годами ранее прочих, чувствовал себя вправе с уверенностью заявить, что «про Россию никто ничего не знает. Именно поэтому я решил отправиться туда, а не куда-либо ещё»[17]. Можно возразить, как не преминули сделать многие современники Рэмбла, что и вернулся он, так ничего и не зная.

В том же 1836 году, когда вышел опус Рэмбла, Лейтч Ритчи включил в свой очерк о поездке в Россию язвительную характеристику типичного британского туриста, записанную якобы со слов одного русского, с которым он познакомился в Петербурге:

«Мне представляется странным, – говорит он, – что вы, англичане, едете в Россию якобы для того, чтобы с нравами и характером народа познакомиться, и в то же время не знаете ни слова на его языке. Вы приезжаете сюда, полные предубеждений к нам, как нации. Вы видите, что все здесь не такое, как вы привыкли у себя дома, за исключением нравов нескольких десятков семейств, которые вы посетили. Вы ничем не интересуетесь, не осмысляете, не учитываете различий. Вы разглядываете этот грубый, но мощный колосс в ваш театральный лорнет или в окошко кареты. В малых городках высшим авторитетом для вас является ваш лакей, в деревне вы блуждаете в полной темноте, не в силах понять ни единого предмета и задать ни единого вопроса. А потом возвращаетесь домой, радуясь тому, что цель путешествия достигнута, садитесь, без всяких недобрых чувств, а просто по сугубому невежеству, и громоздите массу лжи и нелепостей, которыми у вас уже переполнена Европа»[18].

Незнание туристами русского языка особо подчеркивал Томас Шоу, один из первых серьёзных переводчиков Пушкина, долго живший в России[19]. Надо отметить, что те британские авторы, которые жили и работали в России несколько лет, хоть гувернёрами, хоть садовниками, особенно сурово относились к публикациям туристов, не без вполне объяснимого желания подчеркнуть тем самым собственную квалификацию истинных знатоков русской жизни и нравов. Приведём лишь два примера.

---

of a Visit to the Courts of Russia and Sweden, in the Years 1830 and 1831. London: Colburn and Bentley, 1832; *Ramble Rayford.* Travelling Opinions and Sketches, in Russia and Poland. London: Macrone, and Smith, Elder, and Dublin: Cumming, 1836.

[17] *Ramble Rayford.* Op. cit. P. 1.

[18] *Ritchi Leitch.* A Journey to St. Petersburg and Moscow through Courland and Livonia (Heath's Picturesque Annual for 1836.). London: Longman, Rees, Orme, Brown, Green, and Longman, 1836. P. 156.

[19] Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. LIII. No 329. March 1843. P. 282.

Элизабет Ригби, впоследствии леди Истлейк, жена президента Королевской академии, более года проведшая в Эстонии и Санкт-Петербурге в 1838–1840 годах, нелестно отозвалась о туристах-путешественниках, не исключая и женщин, описав, с одной стороны, тех, кто «даёт публике массу ненужной информации», и, с другой, «более последовательных путешественников, которые совершают регулярные поездки с целью написать книгу»[20]. Ребекка Мак-Кой, проведшая 10 лет в России в 1840-е–1850-е годы в качестве гувернантки, обрушилась с резкой критикой на «большинство путешествующих по России:

«Их обычный план – доехать на пароходе до Санкт-Петербурга и, недолго побыв там, “сгонять” в Москву, вернуться оттуда к отплытию “лодочки” и поспешить обратно со скоростью десяти-двенадцати узлов в час, увозя с собой исключительно превратные и ошибочные представления об истинном положении вещей, о которых они не успели получить даже поверхностного представления»[21].

В случае Ребекки, однако, интересно – и обратим внимание, что она публиковала свои записки во время Крымской войны, – что возражает она против чрезмерно положительных впечатлений о России, которые привозят с собой такие путешественники. Она хочет, «чтобы с пряника московитской цивилизации сняли позолоту»[22].

Можно было бы предположить, что с Крымской войной туризм прекратился, но это было далеко не так. «Военный туризм» возник задолго до Крымской войны, но он был одной из её отличительных черт. Поля сражений издавна привлекали путешественников, и бурные события 1812 года притягивали британских туристов в Бородино и сожжённую Москву, вид которой пробудил меланхолические чувства у оксфордских выпускников Джона Джеймса, Уильяма Мак-Майкла и Роберта Джонстона[23]. Изрядное количество народа специально приехало из Англии, чтобы посетить места недавних сражений в Крыму и, если «повезёт», увидеть настоящую баталию, подобно

[20] Quarterly Review. Vol. LXXVI. June, 1845. P. 101. Elizabeth’s Russian account was anonymously published as: A Residence on the Shores of the Baltic; Described in a Series of Letters. 2 vols. London: Murray, 1841.

[21] The Englishwoman in Russia: Impressions of the Society and Manners of the Russians at Home. By a Lady, Ten Years Resident in That Country. London: Murray, 1855. P. 19.

[22] Ibid. P. 20.

[23] См.: *James John*. Journal of a Tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, during the Years 1813 and 1814. London: Murray, 1816; *Johnston Robert*. Travels through Part of the Russian Empire and the Country of Poland, along the Southern Shores of the Baltic. London: Stockdale, 1815.

жёнам боевых офицеров, с вершин холмов наблюдавших, как воюют их мужчины[24]. Таковы были Генри Бушби, описавший свой «весьма приятный» месячный визит в начале кампании, или братья Мани, назвавшиеся «путешествующими джентльменами» и наблюдавшие осаду Севастополя в августе–сентябре 1855 года, а выходки и приключения достопочтенного Уильяма Уикендена, в число подвигов которого входит не внушающая особого доверия история о том, как он обменялся одеждой со строевым солдатом и провёл ночь в окопах, прямо-таки умопомрачительны[25].

Когда боевые действия закончились, многие британские офицеры перед возвращением домой занялись туризмом, посещая такие места, как ханский дворец в Бахчисарае или дворец Воронцова в Алупке. А в последующие годы Крым по понятным причинам привлекал туристов, которые посещали поля сражений, а потом отправлялись к прочим достопримечательностям. В послевоенные десятилетия в числе этих путешественников были и ветераны той войны, которых на закате жизни влекло, обычно в компании жён, вновь посетить места боевой молодости.

В целом же туристы вскоре стали возвращаться в Россию в больших количествах. Многих по-прежнему привлекали Санкт-Петербург и Москва, куда они приезжали поездом через Польшу или пароходом до Кронштадта, руководствуясь такими публикациями, как «Книга Балтики: маршруты Североевропейской Паровой компании в Данию, Швецию и Россию, Норвегию, Пруссию и ганзейские порты» Джеймса Махоуни (1857). Однако у многих путешественников были другие цели и интересы, и ценность и новизна их путевых заметок существенно возросла.

Кавказ, а позже Алтай и Памир, как магнитом, притягивали поклонников альпинизма, который стал набирать популярность в Британии после открытия Лондонского Альпийского клуба в 1857 году. В 1868 известный альпинист и географ Дуглас Фрешфилд прибыл

---

[24] См., напр.: *Duberly Frances Isabella*. Journal Kept during the Russian War: from the Departure of the Army from England in April 1854, to the Fall of Sebastopol. London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855. Миссис Дюберли, жена полкового казначея и отменная наездница, была свидетелем знаменитой атаки лёгкой кавалерии.

[25] [*Bushby Henry Jeffreys*]. A Month in the Camp before Sebastopol. London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855; *Money A., Money George Henry*. Sevastopol: Our Tent in the Crimea; and Wanderings in Sevastopol by Two Brothers. London: Bentley, 1856; *Wickenden William S.* Adventures before Sebastopol. London: Hall, Virtue & Co., 1855. Феномен «военного туризма» вызвал вполне объяснимое негодование французского пастора, укреплявшего дух раненых (*Frossard Emilen*. The French Pastor at the Seat of War: Letters Written from the East. London: Nisbet, 1856).

с друзьями покорять Казбек и Эльбрус. Через несколько лет его примеру последовал Флоренс Кроуфорд Гроув, один из первых президентов Альпийского клуба и автор «Морозного Кавказа» – воспоминаний о своих странствиях по Кавказу в 1874 году. Лазанье по горам было лишь одним из энергичных видов спорта, которыми увлекались британцы, и многих, конечно же, привлекала охота со стрельбой в загородных поместьях и в горах. Впервые слово «спорт» в этом контексте было, по всей видимости, употреблено в заглавии книги Фердинанда Сент-Джона «Походы по Германии, Франции, Италии и России в поисках спорта», опубликованной в 1853 году, но повествующей о путешествии в августе 1838 года. Впоследствии оно стало появляться всё чаще, например, «Спорт в Крыму и на Кавказе» Клайва Филипса-Уолли, «Спорт на Памире и в степях Туркестана» майора Камберлэнда и «Россия в восьмидесятых: спорт и политика» Джона Бэддели[26]. Отметим не без удовольствия, что не все путешествовали, чтобы пострелять, во всяком случае – не только пострелять: натуралисты, как любители, так и профессионалы, увлекались наблюдениями и описаниями птиц[27]. Российская империя предлагала туристу массу возможностей испытать себя – а в этот период трудно было отличить туриста от путешественника или даже исследователя, идущего более трудными маршрутами: все они перемещались на лодках по рекам, на санях и тарантасах, на лошадях и даже на верблюдах. К 1890-м годам и велосипедисты принялись крутить педали по всей России. Сэр Джон Фостер Фрезер и его друзья проехали на велосипедах от Одессы через Крым и Кавказ – это была часть кругосветного путешествия продолжительностью в 774 дня. Британец Роберт Джефферсон, фанатик велосипеда, утверждал, что поставил мировой рекорд, прокатившись в 1895 году из Варшавы в Москву и обратно за 50 дней. Через три года, в компании русских велосипедистов он проехал вдоль Волги, пересёк киргизские степи и в итоге добрался до Хивы, где был принят ханом[28].

---

[26] Разумеется, охота, стрельба и рыбная ловля были обычным времяпрепровождением для членов британской колонии в Санкт-Петербурге, о чём свидетельствуют такие книги как: James Whishaw's Memoirs. London: Methuen, 1935; his relative Fred Whishaw's Out of Doors in Tsarland. London: Longmans, Green, 1893; and The Romance of the Woods. London: London: Longmans, Green, 1895.

[27] *Harvie-Brown John.* Travels of a Naturalist in Northern Europe, Norway 1871, Archangel 1872, Petchora, 1875. London: Fisher Unwin, 1905; *Seebohm Henry.* Siberia in Europe: A Visit to the Valley of the Petchora, in North-East Russia: with Descriptions of the Natural History, Migration of Birds, etc. London: Murray, 1880; Siberia in Asia: A Visit to the Valley of the Yenesay in East Siberia. London: Murray, 1882.

[28] См.: *Foster Fraser John.* Round the World on a Wheel: being the Narrative of a Bicycle Ride of Nineteen Thousand Two Hundred and Thirty-Seven Miles through

Однако удалённые уголки России стали окончательно доступны для туриста-путешественника благодаря расширению системы железных дорог за переделы петербургского узла. Для «открытия» южных областей империи крайне важна была Транскаспийская железная дорога, начатая в 1879 году и шедшая от Красноводска, конечной станции на Каспии, по маршруту Великого Шелкового пути через большую часть западной Средней Азии до Самарканда через Бухару, а спустя некоторое время продолженная до Ташкента. Наступила эпоха сравнительно комфортного передвижения. Так, Джордж Керзон, снискавший впоследствии славу как вице-король Индии, назвал свою поездку по железной дороге в 1888 году «путешествием, исключительно приятным и необременительным»[29]. Также у нас есть два очерка о поездке по Транскаспийскому пути в конце 1897 года, написанные мужчиной и женщиной, входившими в одну из первых известных английских туристических групп, числом около двадцати пяти, которая проехала от Красноводска до Самарканда и была принята генерал-губернатором края генералом Алексеем Куропаткиным[30]. Любопытно, что в своих заметках, опубликованных с разницей в несколько месяцев, ни один из авторов никак не упоминает другого[31].

Конечно, более известной была Транссибирская магистраль, построенная в 1891–1916 годах. Начата она была в двух конечных пунктах, Москве и Владивостоке, и первоначально включала в себя паромную переправу через громадное озеро Байкал, но когда в 1904 году завершилась прокладка колеи вокруг Байкала, стало возможным проехать весь путь по железной дороге. Разумеется, британцы многие десятилетия путешествовали по Сибири в несравненно менее комфортных условиях и, можно предположить, чаще из любопытства, чем ради удовольствия. Однако антрополог и переводчик

Seventeen Countries and across Three Continents. London: Methuen, 1899; *Jefferson Robert Louis.* Awheel to Moscow and Back: the Record of a Record Cycle Ride. London: Sampson Low, Marston, 1895; A New Ride to Khiva. London: Methuen, 1899.

[29] *Curzon George Nathaniel.* Russia in Central Asia in 1889, and the Anglo-Russian Question. London: Longmans, Green & Co., 1889. P. ix.

[30] В мае 1896 предыдущая группа британских туристов числом около 168 человек посетила Москву и видела коронацию царя Николая II. Это был один из пунктов трёхнедельного тура по северным столицам (*Sykes Arthur Alkin.* The Coronation Cruise of the «Midnight Sun» to Russia, Whitsunside, 1896: A Record. London: for the Author, 1896.

[31] *Perowne J.T.W.* Russian Hosts and English Guests in Central Asia. London: The Scientific Press, 1898; *Phibbs Isabelle M.* A Visit to the Russians in Central Asia. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1899.

Анетт Микин с матерью в 1900 году проделали весь путь по «большой железной ленте». Это были первые англичанки, проехавшие по Транссибу, ещё включавшему в себя паромную переправу через Байкал, от временного терминала в Порт-Байкале до Мысовска, но уже на двух ледоколах со стальными корпусами, сделанных в Британии[32]. И в том же 1900 году российское Министерство путей сообщения опубликовало «Путеводитель по Большому Сибирскому тракту» на английском языке, где были в мельчайших подробностях описаны не только главная магистраль, но и все её ответвления и приложены более 350 фотографий дороги, городков и деревень и их жителей[33]. Если целью этого путеводителя было привлечь англо-американских туристов к путешествиям по всей длине магистрали и, возможно, её ответвлениям, то её можно было считать достигнутой. За первые двадцать лет правления Николая II появилось несколько десятков очерков о полных или частичных поездках по Транссибу[34].

В отличие от Крымской войны, Первая мировая положила конец туризму. По иронии, именно в 1914 году вышел в свет первый путеводитель Бедекера по России на английском, который очень скоро – а к 1917 году определённо – сделался не столько надёжным путеводителем для туристов, сколько любопытным историческим документом. В этом качестве он и был переиздан в 1971 году[35]. А о туризме в советский период, под недреманным оком Интуриста, пусть расскажут другие.

---

[32] *Meakin Annette M.B.* A Ribbon of Iron. London: Constable, 1901.

[33] Guide to the Great Siberian Railway / Edited by A.I. Dmitriev-Mamanov and A.F. Zdziarski. English translation by Miss L. Kukol-Yasnopolsky, revised by John Marshall. SPb.: Typography of the Artitstic Printing Society, 1900. Всестороннее историческое исследование, в котором использованы некоторые заметки путешественников, см.: *Tupper Harmon*. To the Great Ocean: the Taming of Siberia and the Building of the Trans-Siberian Railway. London: Secker & Warburg, 1965. Также см.: *Wolmar Christian*. To the Edge of the World: the Story of the Trans-Siberian Express, the World's Greatest Railway. London: Atlantic Books, 2013.

[34] См.: *Cross Anthony*. In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire. Cambridge: Open Book Publishers, 2014. P. 311ff.

[35] *Baedeker Karl.* Russia with Teheran, Port Arthur, and Peking: Handbook for Travellers. London: Allen & Unwin, 1914. Re-published as Baedeker's Russia 1914. London: Allen & Unwin; Newton Abbot: David & Charles, 1971.

А.А. Севастьянова
(Рязань)

Типы и стереотипы восприятия русских в записках англичан конца XVI – начала XVII столетия

Записки англичан о России XVI – начала XVII века, времени наиболее интенсивных связей двух стран периода средневековья, по-прежнему рассматриваются как важный исторический источник.

Отчёты, донесения, записки, мемуары содержат подчас уникальные сведения не только о русско-английских отношениях, но и о таком сложном вопросе, как восприятие русских людей английскими путешественниками, дипломатами, купцами, «доверенными лицами» монархов.

Тема моей работы позволяет рассмотреть то, что подчас не стоит в этих текстах на переднем плане: типажи, характеристики повседневных поступков, разговоров, поведения русских людей, с которыми общались, виделись, расспрашивали и рассматривали английские гости. В записках Джерома Горсея, Джорджа Турбервилля, Томаса Смита, Джильса Флетчера находим попытки объяснить и понять у русских непривычное, особенное, «чужое» для иноземца в России.

Джером Горсей оставил характеристики своих русских доброжелателей (бояре Романовы, правитель и царь Борис Годунов), а также своих дипломатических противников, в первую очередь, дьяков Щелкаловых[1]. Московские соседи Английского двора, Романовы, хорошие знакомые Горсея, в его записках добрые, достойные люди.

[1] *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990.

У Горсея мы находим уникальный рассказ о грабеже двора Никиты Романовича Юрьева и его сыновей, будущих «романовичей», еще при Иване Грозном: *«...(царь) послал 2 сотни стрельцов грабить Никиту Романовича, нашего соседа, брата доброй царицы Настасии, ...оставил его самого и его близких в таком плачевном и трудном положении, что на следующий день Никита Романович послал к нам на Английское подворье, ...чтобы просить у нас какую-нибудь помощь...»*[2]. Рассказ о грабеже подтверждается еще только одним источником — Московским летописцем, но интересующие нас факты довольно близкого знакомства с англичанами, соседских тёплых отношений с «романовичами» прослеживаются и в некоторых других известиях. Уже в мемуарной части своих записок, много лет спустя, Горсей вспомнит о семье Никиты Романовича: *«Его старший сын, Федор Никитич, был пострижен в монахи.., а теперь, говорят, стал Московским патриархом, у него был сын, родившийся до монашества. Этот сын теперь провозглашен и венчан царем Михаилом Федоровичем... Его отцу, когда он был отроком, для удовольствия, я написал славянскими буквами латинские слова и фразы вроде грамматики, в которой тот находил большое развлечение...»*[3]. Дьяки Щелкаловы, особенно Андрей Щелкалов, напротив, получили резко негативный отзыв Горсея — для англичанина это почти враги, препятствующие получению англичанами привилегий при Иване Грозном. Горсей называет Андрея Щелкалова *«лукавейшим из всех живших скифов»*, взяточником, вором. *«Он внес в грамоты, посланные королеве, много оскорбительных для меня слов от имени царя, но без его ведома...». «Впоследствии он отрицал все, клянясь, как он привык это делать, спасением души; такого рода злоупотребления остаются у них безнаказанными, таков их порядок...»*[4]. В сочинении Горсея видим сначала лестный, а потом негативный портрет Бориса Годунова[5]. Первый портрет находим при описании обстоятельств смерти Ивана Грозного, когда Горсей постоянно вращается в придворном кругу: *«...Борис Федорович... вышел на крыльцо в сопровождении своих родственников и приближенных. ...Велика была его наблюдательность, которая помогла ему быть прославленным, почитаемым, уважаемым и грозным для людей, он под-*

[2] Там же. С. 80.

[3] Там же. С. 138–139.

[4] Там же. С. 169.

[5] Ср.: *Козляков В.Н.* Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 136, 143–146; см. также: *Севастьянова А.А.* Портрет Бориса Годунова в Записках Джерома Горсея // Мининские Чтения. Труды научной конференции. Н. Новгород, 2007. С. 11–15; *Она же.* Англичане и голландцы в России в конце XVI века: Дж.Горсей и Ян де Валле при дворе царя Фёдора Ивановича // Вестник ВГУ. История. Политология. Социология. № 1. 2014. С. 72–74.

держивал эти чувства умелым поведением, был вежлив, приветлив, и проявлял любовь как к князьям и боярству, так и к людям всех других сословий...»[6]. Последний портрет царя Бориса сочинен Горсеем после высылки из России, уже наполовину с чужих слов: *«Борис...захватывал все большую власть, угнетая, подавляя и убирая постепенно самую значительную и древнюю знать... Он приятной наружности, красив, приветлив, склонен выслушать и доступен для советов, но опасен для тех, кто их дает, наделен большими способностями..., склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы..., лукав, очень вспыльчив, мстителен, не слишком склонен к роскоши, но искушен в церемониях...»*[7]. Очень похоже, что своеобразная «повесть о Борисе» в записках Горсея написана по просьбе тех его соотечественников, которым предстояло забыть о царе Иване и ехать в Россию Федора Ивановича и Бориса Годунова. Подобные взаимоисключающие или противоречивые характеристики в записках не редкость потому, что объективные условия пребывания в стране бывали часто изменчивы или даже неблагоприятны для англичан.

Джильс Флетчер, автор полновесного трактата «О государстве Русском», в 1589 году навсегда увозивший из России в Англию Джерома Горсея, был его благодарным слушателем. Во многом благодаря рассказам Горсея собственный научный трактат Флетчера, вышедший в Лондоне уже в 1591 году, имел характерный подзаголовок «... С описанием *нравов и обычаев* жителей этой страны»[8]. Англичанин-протестант подробнейшим образом рассказал о православной церковной службе и таинствах; брачных, крестильных и других обрядах, даже посвятил отдельную главку «домашней жизни и свойствам» русского народа.

Однако самым большим критиком стоит назвать не Флетчера, а Джорджа Турбервилля, оставившего не научные трактаты, а поэтические послания из России друзьям на родину, впервые опубликованные в английских изданиях еще в последней четверти XVI века[9]. Турбервилль относится к русским не только критически, но даже неприязненно, детализируя и иллюстрируя известную ему формулу “Muscovy was no place for a gentlman ” («Россия не место для джентльмена»).

---

[6] *Горсей Д.* Указ. соч. С. 87–88.

[7] Там же. С. 133.

[8] *Флетчер Д.* О государстве русском или образ правления русского царя. СПб., 1906.

[9] Обзор изданий и английский текст см.: Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of the 16th Century English Voyagers / Ed. by L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison; Milwaukee; London, 1968. P. 74–84. См. также: *Турбервилль Джордж.* Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // *Горсей Д.* Указ. соч. Приложение II. С. 245–274.

«Варварской и грубой» Россию, по словам Турбервилля, его научил видеть Сигизмунд Герберштейн, чьи труды обильно издавались на разных языках Европы с начала XVI века. Однако ссылка на Герберштейна у Турбервилля представляется, как минимум, озадачивающей, поскольку этот автор был очень сдержанным и доброжелательным в своих собственных русских характеристиках. Критицизму Турбервилля есть свои объяснения: он свидетельствует о зарождении в английских светских кругах публицистической доктрины отношения к северной стране, и в то же время о жгучем интересе светской публики к России, столь очевидно весь этот век обогащавшей купцов знаменитой лондонской «Московской компании».

В первые годы XVII века состоялась поездка в Россию Томаса Смита, она была возвещением о вступлении на королевский престол Якова I и отчасти — ответной миссией на русское посольство Григория Микулина 1600 года. Томас Смит неожиданно стал «свидетелем» последних дней царя Бориса Годунова. В его отчете читаем эмоциональный и полный трагизма рассказ о крахе семейства Годуновых и гибели царевича Федора Борисовича, чья жизнь *«...подобно театральной пьесе ...завершается ныне ужасною и жалостною трагедией, достойной стоять в одном ряду с Гамлетом»*[10]. Труд Томаса Смита был опубликован в 1605 году. Пьеса о датском принце Гамлете впервые вышла из печати в 1603 году, а её новый, знакомый всем текст появился уже в 1604 году. Можно предположить близость Томаса Смита к кругу шекспировских авторов. Его впечатление от трагедии русского царевича Федора Годунова немедленно напомнило образ принца Гамлета, годом раньше пришедший к английскому читателю и зрителю.

Итак, сочинения и записки английских авторов о России рубежа XVI–XVII веков могут быть историческим источником не только для канвы событий и отношений двух стран. У автора «Потерянного рая» Джона Мильтона, в его «Краткой истории Московии» есть оценка известий англичан о России: «...Будет не самым худшим из занятий обратиться, хотя бы коротко, к началу [сообщений англичан], и проследить эти приключения, пока они не превратились (со временем) в то, что становится общим местом». Не всегда рассказы и суждения английских авторов беспристрастны. Тем более важны эти первые опыты формирования образа другой страны и людей в европейском мире.

---

[10] Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Сост. и пер. И.М. Болдаков. СПб., 1893. См. также: А*лексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. № 33, 93; *Севастьянова А.А.* Джером Горсей и «гнездо Феникса»: русский опыт англичанина и поэтический феномен Англии конца XVI – начала XVII в. // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 126–132.

И.А. Орлова
(Александров)

У истоков русско-английских связей. Англичане в Александровской слободе во времена Ивана Грозного

Установление регулярных дипломатических отношений Российского государства с Англией пришлось на время правления царя Ивана IV. Ричард Ченслер, прибывший в Москву в январе 1554 года, доставил русскому государю грамоту английского короля Эдуарда VI. В 1555 году была основана Московская компания, которой уже покровительствовали новые монархи — Мария и Филипп. Она получила право на беспошлинную торговлю в России и быстро монополизировала российский рынок[1].

Но наибольшую заинтересованность в торговле с Россией проявила вступившая на престол в 1558 году английская королева Елизавета I[2]. Все перипетии ее сложных взаимоотношений с правителем России, различные ситуации, возникавшие вокруг Московской компании, нашли отражение в ее переписке с Иваном Грозным, в записках и отчетах агентов Общества.

В письме Ивана IV (август 1571 года), помеченном «писан в Слободе лета 7079 августа»[3], нашёл отражение один из главных конф-

[1] *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 2. Ч. 2. С. 4–5, 7–8; *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. XVI-й век. Юрьев, 1912. С. 270; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 145–146.

[2] *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 496.

[3] *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 47; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 26.

ликтов, возникший между монархами. Пребывая в «опричной столице», русский царь даёт ответ на письмо английской королевы, доставленное ему Робертом Бестом, с которым он имел и личную беседу. Само письмо Елизаветы I не сохранилось, но суть проблемы ясна из ответа царя.

Роберт Бест был срочно отправлен в Россию в начале 1571 года, так как в Лондоне получили сведения, что после посылки гневного письма английской королеве в 1570 году Иван IV отобрал у Московской компании все ее привилегии. Елизавета хотела знать причину «неожиданной», как она полагала, опалы. Опровергая ее догадки, Иван Грозный пишет, что ни проблемы, связанные с приемом в Англии русского посла Андрея Совина, ни задержка с отправкой в Россию корабельных мастеров не вызвали его такого гнева, как то, что королева «не целовала креста на своей грамоте перед Совиным и не учинила с ним никакого договора». А еще Иван IV настоятельно просит прислать в Россию для дальнейших переговоров «Антона Янкина» — Энтони Дженкинсона — которому еще в 1567 году были доверены некие «тайные дела»[4]. И с того времени требование присылки Дженкинсона повторялось в каждом письме Ивана Грозного.

Когда письмо было, в основном, написано, в Москве получили сообщение, что Дженкинсон наконец в Россию прибыл, находился в Холмогорах, и свое окончательное решение относительно «английских дел» Иван IV отложил до встречи с ним.

Энтони Дженкинсон, слуга Московской компании, неоднократно приезжавший в Россию, выполнял и дипломатические поручения. В 1557–1560 и 1561–1564 годах он сумел добиться расширения привилегий Компании, права для нее транзитной торговли со странами Востока через территорию России, наладил торговлю с Персией. Его успехам в немалой степени способствовало хорошее к нему отношение русского монарха. По поручению Ивана IV Дженкинсон ездил в Англию и в 1567 году привез английских специалистов, в которых нуждался царь[5].

И в конце августа 1567 года Дженкинсон оказался в России в связи с интересами Московской компании: объявившийся в русской столице итальянец Барберини стал добиваться для голландских купцов таких же привилегий, какие имели англичане, а это грозило серьёзно затронуть интересы Общества[6]. После официальной аудиенции 1 сентября, через несколько дней Дженкинсон был неожиданно ночью

[4] *Гамель И.* Указ. соч. С. 47; *Толстой Ю.* Указ. соч. Ч. 2. С. 121–134.

[5] *Гамель И.* Указ. соч. С. 70–71; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 12–18, 21–23; *Любименко И.* Указ. соч. С. 40, 274–275; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 269–270, 458.

[6] *Гамель И.* Указ. соч. С. 72–77; *Толстой Ю.* Указ. соч. Ч. 2. С. 27–28.

вызван в московский опричный дворец Ивана IV. В обстановке совершенной секретности Грозный поведал ему те самые «тайные дела», которые он должен был «изустно» донести до английской королевы. Дженкинсон, возвратившись в Англию, составил подробный отчет об этой тайной встрече[7].

И. Гамель в своей работе так сформулировал суть предложений русского царя: «он желает: 1) заключить дружественный союз с королевою Елизаветою; 2) чтобы она была другом его друзьям и врагом его врагов, он со своей стороны обещает то же; 3) особенно он желает, чтобы королева не дружилась с королем польским; Сигизмунд, говорил он, старается вредить ей и ее народу; 4) чтобы королева позволила приезжать в Россию людям, знающим кораблестроение и мореплавание; 5) отправлять из Англии в Россию артиллерийские и другие военные снаряды; 6) утвердить с обеих сторон клятвою, что государю одной страны можно будет уехать к другому, в случае, если бы принудили его к тому смуты в его государстве, эта статья должна остаться тайною; 7) для заключения такого союза королева должна прислать особу высокого звания», в сопровождении Дженкинсона[8].

Относительно «тайной статьи» Р.Г. Скрынников заметил: «Было ясно, что царь не желал ронять свое достоинство и потому хотел, чтобы соглашение носило обоюдный характер. Каждая из договаривающихся сторон должна была предоставить другой убежище на взаимных условиях»[9].

Рассчитывая на то, что его предложения будут приняты, царь распорядился 22 сентября 1567 года выдать Московской компании жалованную грамоту с подтверждением её привилегий: экономические уступки должны были облегчить достижение дипломатического соглашения с Англией[10].

Первый публикатор документов о русско-английских связях XVI века Ю. Толстой считал, что «в расчеты Елизаветы не могло входить заключение наступательного и оборонительного союза с Иоанном: ожидать от России помощи в своих войнах с католическими державами она не могла; вступать в борьбу с враждебными России Польшей и Швецией было противно выгодам Англии. Россия была для Англии не государством, имеющим какое-либо политическое значение, а не более, как выгодным торговым рынком, на котором сбывались изделия английские и откуда получалось сырье для английской

[7] *Толстой Ю.* Указ. соч. Ч. 2. С. 40–41.

[8] *Гамель И.* Указ. соч. С. 78–79.

[9] *Скрынников Р.Г.* Великий Государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. II. С. 20–21.

[10] *Любименко И.* Указ. соч. С. 42.

промышленности. Назначенный царем срок прошел, а ответа на посланное им предложение не было. Он оставался в неизвестности, выполнил ли Дженкинсон данное ему поручение»[11].

А с точки зрения Ивана Грозного, существовали серьезные причины, по которым он добивался такого соглашения. Они были связаны как с внешними, так и с внутренними обстоятельствами.

Начавшаяся в 1558 году Ливонская война превратилась для России в войну с целой коалицией держав, победы начали сменяться поражениями[12]. Учреждение в 1565 году опричнины не дало тех результатов, на которые рассчитывал Иван IV.

В мае 1566 года в Москву прибыли послы Великого княжества Литовского с предложениями «почетного мира», но правитель России и его окружение были намерены продолжить военные действия. Ивану IV легко удалось добиться подтверждения его намерений Земским собором 1566 года, но совершенной неожиданностью стало получение после этого челобитной с просьбой об отмене опричнины, подписанной участниками собора. Царь сделал вывод, что опричный террор не способствовал «изведению крамолы»[13].

«Масла в огонь» подлила поездка Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, где перед избранной частью монахов он признался в своем желании принять постриг. Слухи об этом проникли не только в опричнину, но и в земщину, вызвав «волнение в умах». Снова всплыла кандидатура князя Владимира Старицкого как возможной альтернативы Ивану IV[14].

Весной 1567 года имела место польско-литовская интрига с письмами, адресованными от имени короля Сигизмунда II Августа четырём самым влиятельным боярам из земской Боярской думы с предложением о переходе на его сторону. У лазутчика были отобраны не только эти письма, но и послание короля агентам и слугам Московской компании, которым предлагалось финансировать заговор против царя. По этому поводу у Грозного состоялось объяснение с Дженкинсоном, при котором царь заявил, что не намерен придавать письмам серьёзного внимания, так как понимает, что их цель — скомпрометировать русских вельмож и английских купцов[15].

---

[11] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 19.

[12] *Тарас А.Е.* Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XV–XVII веках. Москва; Минск, 2006. С. 214; *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 488–489.

[13] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 203–205, 208.

[14] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 7–8; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 214.

[15] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 9–12; *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 185.

Но впоследствии он расправился и с инициаторами подачи челобитной, и устранил своего главного конкурента: князь Владимир Старицкий был по его приказу убит близ Александровой слободы, погибла и его мать Ефросинья[16].

Настойчивость в получении ответа на его предложения в дальнейшем «подогрели» события в Швеции. В 1567 году в Александровой слободе успешно прошли переговоры со шведскими представителями короля Эрика XIV, и для ратификации союзного договора к нему было отправлено русское «Великое посольство», которое в 1569 году вернулось с ошеломительной новостью: Эрик XIV был свергнут с престола своими подданными. Иван Грозный не мог не усмотреть сходства со своей ситуацией. Шведский король вступил в конфликт со своей знатью, прошла целая серия казней, беспокоясь о своей безопасности, король обратился к русским послам с просьбой поспособствовать его бегству в Россию и в разгар подготовки к этому произошёл переворот[17].

Для англичан в это время возникла реальная опасность — утратить безраздельное господство в русской торговле. С взятием Нарвы у России появилась возможность получить выход на Балтийское побережье. Иван IV решил привлечь в Нарву торговцев из Любека. Появились там и английские купцы, не принадлежавшие к Московской компании. Всех агентов общества, которые приезжали для урегулирования ситуации, по приказу Грозного задерживали и не позволяли вести никакую деятельность, пока не будут получены известия от Дженкинсона[18].

Елизавете I пришлось пойти на некоторые уступки и отправить, наконец, в Россию «знатную персону» — начальника почт Фому (Томаса) Рандольфа. Главная его задача заключалась в восстановлении порядка в торговле. «Договор союза он должен был или обойти молчанием, или отвечать уклончиво, о тайном поручении Дженкинсона велено объявить царю, что королева, зная могущество и мудрость царя, усомнилась в достоверности слов, переданных Дженкинсоном; что, впрочем, в случае непредвиденного бедствия, царь будет дружески принят ею в Англии; с своей же стороны она, уповая на милость Божию, вполне уверена в своей безопасности как от своих подданных, так и от внешних врагов»[19].

---

[16] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 60–61.

[17] Там же. Т. II. С. 59; *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 496–497; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 254.

[18] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 20–21; *Любименко И.* Указ. соч. С. 43.

[19] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 21; *Любименко И.* Указ. соч. С. 43; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 506.

Первую часть задачи Рандольфу удалось выполнить: привилегии, полученные Московской компанией в 1569 году, стали её наивысшим достижением в России. Тогда же, по настоятельной просьбе англичан, компания была зачислена в опричнину, что в значительной степени способствовало её успехам в торговле[20].

Компании было разрешено искать железную руду в северных уездах России, строить рудники и мануфактуры, для чего ей в пользование передавались значительные участки земли и лесов. Как отметил Р.Г. Скрынников, «именно опричное правительство впервые в истории России предоставило концессии иностранному капиталу»[21].

Рандольф как мог уклонялся от переговоров о союзном договоре, что нашло отражение в жалобах на него королеве в знаменитом письме Ивана Грозного 1570 года, который отметил, что посол больше говорил о торговых делах, чем о государственных. Но во время пребывания в Вологде от него удалось-таки получить какие-то обещания. Жалованная грамота Московской компании от 20 июля 1569 года была выдана в надежде на подписание союзного договора, для чего с Рандольфом в Англию был отправлен Андрей Совин[22].

Переговоры в Англии не привели к желаемому результату, русский посол вернулся с двумя грамотами, ни одна из которых не удовлетворила русского монарха. Иван Грозный, одним из первых в русской истории, попытался применить «экономические санкции» для решения «политических вопросов». Он не только отнял «повольности» у английских купцов, но и приказал захватить их товары и прекратить торговлю Общества[23].

В послании английской королеве Елизавете 1570 года Иван Грозный нарисовал подробную картину развития русско-английских отношений, подчеркнув значение миссии Дженкинсона и советуя «прислать доверенного человека, а с ним Антона, или одного Антона»[24].

Гневные строки письма произвели впечатление на английскую королеву, и в августе 1571 года Дженкинсон был уже в Холмогорах. Но у Ивана IV были на тот момент другие первоочередные проблемы. Россия пережила нашествие Девлет-Гирея, страшный пожар Москвы, а Дженкинсон прибыл в разгар морового поветрия[25].

Только 23 марта 1572 года Дженкинсон был принят Иваном Грозным в Александровой слободе, о чём также составил подробный

---

[20] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 125.

[21] Там же. Т. II. С. 125-126.

[22] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 23. *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 57.

[23] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 26.

[24] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 330.

[25] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 27.

отчёт. Царь заявил, что на время он откладывает в сторону переговоры по «тайным делам», возвращает Московской компании её привилегии. Во время приёма Дженкинсону была оказана милость поцеловать царскую руку. Иван IV лично принял грамоту королевы в присутствии своих сановников, что для любого посла считалось большой удачей[26]. Обычно во время аудиенции государь сидел всё время, а Дженкинсон отметил, что в начале встречи правитель России поднялся с трона, снял царский венец и осведомился о здоровье английской королевы. А затем, сев, внимательно выслушал все объяснения Дженкинсона[27].

Но прежнего доверия к Дженкинсону в России уже не было, а при сменившем его Даниле Сильвестре произошло настолько серьезное ухудшение отношений между Россией и Англией (вновь с применением «экономических санкций), последовало новое ультимативное требование заключения союзного договора с включением «тайной статьи» с той формулировкой и на тех условиях, которые были нужны Ивану IV, что английский посланник даже осмелился посоветовать Елизавете I пойти на уступки. Как далеко зашла в этом вопросе английская королева, не представляется возможным узнать, так как в 1575 году произошел редчайший случай в истории дипломатии. Согласно официальной версии, «по прибытии в Холмогоры на местном английском подворье Сильвестр был убит молнией, от которой загорелся и дом, в огне погиб ларчик с письмом королевы. Царь был крайне поражен, когда об этом услышал и сказал: да будет воля Божия!»[28]

В связи с неудачами в Ливонской войне и настоятельной необходимостью в боевых припасах, за которыми он мог обратиться только в Англию, Иван IV решил прибегнуть к услугам одного из приказчиков Московской компании — Джерома Горсея, который уже обратил на себя внимание царя рассказами об английских кораблях и их вооружении[29]. Горсей проехал «сухим путем» через враждебные России страны, вручил Елизавете царскую грамоту[30] и «весной 1581 года привел в Россию 13 судов, нагруженных требованными царем припасами, всего на 9 тысяч фунтов стерлингов»[31] Отчет о выполнении поручения был им предоставлен Ивану IV в Александ-

---

[26] *Юзефович Л.* Путь посла. СПб., 2007. С.64.

[27] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 28, 30–31, Ч. 2. С. 135–143.

[28] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. СПб., 1909. С. 43; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 32.

[29] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 44–45.

[30] Там же. С. 47–51.

[31] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 33.

ровой слободе[32]. Царь похвалил его за успешное выполнение поручения, и при дворе его стали рассматривать как главного представителя Московской компании в России. Он стал и частым гостем в Александровой слободе.

«Записки» Горсея[33] содержат немало достоверных сведений, прежде всего о том, чему он сам был свидетелем, а также приличное количество путаных известий, которые записывались со слов других людей. Недостатком является почти полное отсутствие дат в его записях, но они содержат яркие картины быта Государева двора Ивана IV, в том числе и в Александровой слободе. Он подробно описал расправу с осужденными монахами при помощи диких медведей, происходившую в «опричной столице»[34]. Много страниц посвящено детальному рассказу о посещении царской сокровищницы, описанию хранящихся в ней богатств и веры Ивана IV в могущественную силу камней[35].

Горсею и его «Запискам» мы обязаны сведениями еще об одном человеке, который прибыл в Россию из Англии и вместе с Иваном IV пребывал некоторое время в Слободе. О прошлом Елисея Бомелия свидетельствовал Р.Г. Скрынников: «Большое влияние на Грозного приобрел в это время вестфальский астролог и медик Бомелий, прибывший на Русь из Англии. В Лондоне астролог был заключен местным архиепископом в тюрьму за колдовство. По просьбе русского посла Совина медик был освобожден из темницы с условием, что немедленно покинет страну, и вместе с Совиным приехал в Москву летом 1570 года... в мае 1571 года он стал лейб-медиком Грозного и придворным астрологом»[36]. В этом качестве он постоянно сопровождал царя в его поездках, в том числе и в Александрову слободу.

Составляя гороскопы для Ивана IV, Бомелий постоянно «открывал ему глаза» на заговоры и измену, подсказывал пути избавления от них, и тем самым внес свою лепту в запугивание царя[37]. Молва приписывала ему и советы Грозному жениться на английской королеве Елизавете, а позднее и сватовства к Марии Гастингс[38].

---

[32] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 51.

[33] Там же.

[34] Там же. С. 38–39.

[35] Там же. С. 5–6.

[36] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 165–166; *Загоскин Н.П.* Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань. 1891. С. 24; Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 30.

[37] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 222.

[38] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 34–35, 40, 46, 52–53; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 34; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 239.

Когда Иван IV начал чинить расправы над своим ближайшим окружением, Бомелий сделал попытку тайно бежать из России, но был схвачен и подвергнут пытке. С него началось так называемое «второе новгородское дело», приведшее к новой волне террора[39]. Джером Горсей стал свидетелем ужасного конца Бомелия, подробно описав в записках, как его, изувеченного, везли в тюрьму с пыточного двора[40].

Последние в своей жизни дипломатические переговоры в 1582–1584 годах Иван Грозный вёл с королевой Елизаветой I. Как свидетельствует Я.С. Лурье, «они велись царём с единственной, ясно указанной царем целью — возобновить войну в Прибалтике»[41]. Для этого нужны были союзники, поэтому он вернулся к идее союза с Англией.

Отправленный послом к Елизавете дворянин Фёдор Андреевич Писемский получил наказ не только довести дело о союзе до конца, но и сватать за царя одну из родственниц королевы — Марию Гастингс (при наличии у царя в это время шестой «венчанной» жены). Переводчику Эгидию Кроу было приказано тайно передать королеве, что царь имеет намерение тайно прибыть в Англию[42].

Отправленный с Писемским в Россию Иероним Баус получил «самые подробные наказы: относительно союзного договора он должен был настоять на включении условия, чтобы один союзник не был обязан вступать в войну с противником другого, не истощив сперва всех усилий к умирению враждующих сторон... Сватовство Марии Гастингс Баусу было поручено отклонить под предлогом ее нездоровья, если же царь будет настаивать, то по причине несогласия ее родственников на этот брак... В случае прибытия царя в Англию ему обещалось от королевы, что он будет принят с тою ласкою, каковой может ожидать любезный союзник... Главная цель Бауса должна заключаться в подтверждении обществу всех его повольностей, права торговли на Белом море и свободы от всяких поборов»[43] По свидетельству Горсея и документов Посольского приказа, Баус вел себя в России недопустимым для посла образом, но Иван IV закрывал глаза на все его выходки, как полагают, в надежде на «английский брак» и союзный договор[44].

---

[39] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 222.

[40] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 45–46.

[41] *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 518–519.

[42] *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 33.

[43] Там же. Ч. II. С. 207–225.

[44] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 53–55; *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 38.

А тем временем слухи о возможной женитьбе царя на англичанке проникли в русское общество, и, как свидетельствовал Горсей, «князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения». Ближайшее окружение царя было недовольно не только стремлением Грозного заключить династический союз с английской аристократкой, но и всей его покровительственной политикой по отношению к англичанам»[45].

Сторонники версии о насильственной смерти первого русского царя считают, что слухи об «английском браке» сыграли решающую роль в складывании заговора против Ивана IV. Немаловажно, что, когда английский посланник Баус 18 марта 1584 года появился при русском дворе, дьяк Андрей Щелкалов встретил его словами: «Ваш английский царь умер!»[46]

Таким образом, ко времени правления первого русского царя Ивана Грозного относятся не только зарождение регулярных русско-английских дипломатических отношений, бурное развитие торговли, как экспорта, так и импорта, но и одни из первых попыток использования того, что ныне называется «экономическими санкциями» для решения политических вопросов. Большая часть документов этого времени сохранилась в английских архивах, они были введены в научный оборот еще в XIX веке. Картину непростого развития этих связей дополняют записки и отчеты дипломатов и купцов, связанных с Московской компанией. А Дженкинсон и Горсей оставили нам свидетельства о событиях, связанных с Александровой слободой.

---

[45] Записки о Московии сэра Джерома Горсея. С. 35; *Лабутина Т.Л.* Зарождение англомании и англофильства в России // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 36–37.

[46] *Лабутина Т.Л.* Указ. соч. С. 38.

С.В. Кайдашев
(Москва)

Старый Английский двор — первое посольство Англии в России

24 августа 1553 года английский корабль «Эдуард — Благое Предприятие» под командованием Ричарда Ченслора вошёл в устье Северной Двины. Эта дата считается началом русско-английских отношений в Новое время. Осенью 1553 года Ченслор и его спутники прибыли в Москву. В Москве в январе 1554 года Ченслору был устроен торжественный посольский приём. Иван IV обещал покровительство английским купцам.

1. Старый Английский двор. Современное фото

Для Ивана Грозного это появление англичан имело особое значение. Московское государство в XV–XVI веках оказалось, по сути, в дипломатической изоляции, существовало негласное эмбарго на поставку оружия и некоторых сортов сырья в Россию. Иностранные мастера, желавшие служить царю, неизменно сталкивались препятствиями со стороны западных соседей русского государства. Именно этим объясняется доброжелательный прием, который оказал он английскому путешественнику.

Весной 1554 царь отпустил Ченслора в Англию. Ченслор отправился на родину не только с царскими подарками, но и с «грамотой» на беспошлинную торговлю в России.

По результатам путешествия Ченслора в феврале 1555 года была основана «Московская компания» («Muscovy company»), которой удалось получить особую хартию, дающую исключительное право торговли с далеким и, как оказалось, богатым государством. Компания монополизировала торговлю между двумя государствами, а географ и путешественник С. Кабот стал её первым и пожизненным губернатором. «Московская компания» являлась акционерным обществом и процветала благодаря русскому сырью, которое она вывозила в Англию. Она и её представители играли исключительную роль в англо-русских отношениях второй половины XVI–XVII века.

Капитал этой компании, включавшей на первых порах 207 акционеров, был определён в 6000 фунтов. «Московская компания» получила от русского правительства привилегии, среди которых было право владеть своими торговыми дворами в русских городах Москве, Вологде, Ярославле, Холмогорах. Московский Английский двор занимал главенствующее положение этой системе. Это было главное представительство и место пребывания агента «Московской компании», отвечавшего за торговые операции в России.

Во время своего второго путешествия в Россию в 1555–1556 годах Ченслор выступает уже в ранге официального посла и доставляет посольскую грамоту от английского короля Филиппа и королевы Марии в Москву. Царь Иван Грозный принял Ченслора и английских купцов очень милостиво. Об этих событиях имеется летописное сообщение: «Того же месяца (октября) пришли к царю и Великому князю любовною похвалою и царем его благочестивым нарицая на многих государствах и с челобитьем и с прошением о всяком добре. А привезли три грамоты: одна по-фрязски, а другая по-польски, а третья по-гречески, а во всех писано одно дело. И государь пожаловал, почтил их великим жалованием»[1].

[1] Патриаршая или Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XIII. М., 1964. С. 262.

В феврале Ченслор получил ответную грамоту к своему королю и 15 марта был отпущен из Москвы. В Англию он возвращается к королевскому двору с Осипом Непеей Вологжанином, который стал первым русским послом.

В 1555 году в Вестминстерском дворце король Филипп и королева Мария с почетом принимают русского посла Осипа Непею. В Москву он возвратился в сентябре 1557 года вместе с приглашенными английскими специалистами. В Россию приплыли бочары, канатные мастера, скорняки, было доставлено оружие. Русским купцам выдано разрешение беспошлинно торговать в Англии.

Об этих событиях запись в Никоновской летописи: «Того же месяца (сентября) пришел посланник царя и великого князя Осиф Непея от Филипа, короля Изшпанского и Английского и от королевы Марии. А сказывал Непея, что, едучи в Англиньскую землю, разбило их корабли на море и королев посланник Рыцерт с товарищи утонул в море, а их корабли прибило в Шкотоцкое и оттоле его выпустили в Аглинскую землю, и король Филипп принял царя и великого князя присылку с великую любовию и честию их царю его великому князю отпустил. А писали с ним король Филипп и королева Марья с великою любовию и почестью и в поминках прислали лва»[2].

Хотя найти северо-восточный путь в Китай англичанам не удалось, они открыли для себя другую, не менее загадочную и богатую страну — Россию. Собственно льготная грамота, ставшая основой для английской торговли в России, была составлена в Посольском приказе в 1555 году и предоставляла англичанам режим наибольшего благоприятствования в торговле между двумя странами. Помимо права беспошлинной торговли на территории России, английские купцы получили право вести хозяйственную деятельность в России. Позже им удалось получить право транзитной торговли через ее территорию. Компания в XVI–XVII веках становится главным английским торговым агентом в Московии.

К XVI веку относится и первое упоминание о том, что и русский царь англичан «на Москве двором пожаловал». Так, в Никоновской летописи под 1556 годом имеется запись: «Того же месяца (июня) отпустил государь Филиппа короля Английского посланников Рыцерта да Юрья. А с ними послал своего посланника Непею Вологжанина з грамотою; а писал королю о любви и о ссылке и людям его царь и великий князь пожаловал, в своих государствах велел учинити пристанище корабленое на Двине и торг по всему государству поволной дал, так же и на Москве двором устроил»[3]. Этот подарок был

[2] Там же. С. 285.

[3] Там же. С. 270.

призван компенсировать потери, понесенные английскими купцами в ходе экспедиции. Англичане получили бывший двор «Юшки». В архивных документах имеется подтверждение, что двор был передан англичанам с палатою, т.е. строительство здания относится к первой половине XVI века и упоминается имя «московского гостя прозвища Юшкова», владевшего домом до англичан. Почти столетие история этого дома на Варварке оказалась связана с англичанами.

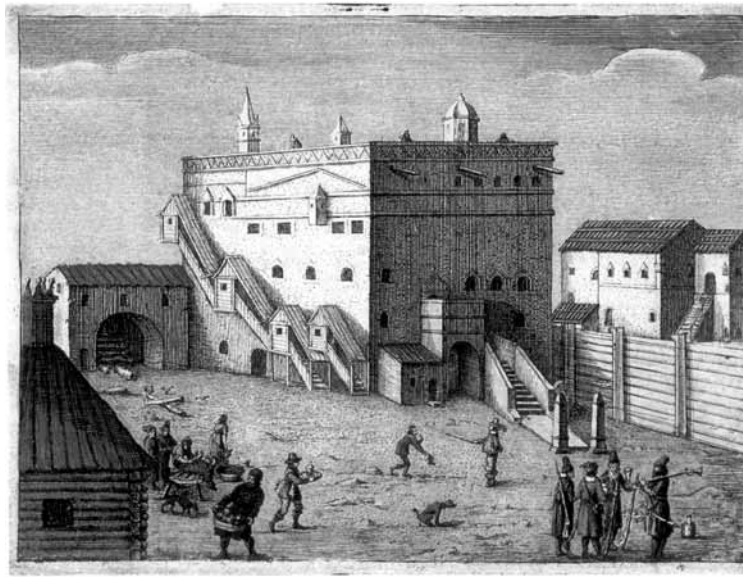
Иван IV, наделяя англичан такими привилегиями, рассчитывал на политические и экономические выгоды, которые могло принести установление прямых отношений с одной из западноевропейских стран. В этом смысле передача англичанам «двора» соответствовала тем канонам обращения с иностранными представителями, которые сложились к XVI веку.

В системе дипломатических приемов и переговоров, способов обращения с послами («посольский обычай»), за мелочами этикета и быта посла вставали серьезные проблемы престижа государства и его верховной власти. «Вся обстановка, окружавшая послов с того момента, как они пересекали границу, была приспособлена для выражения определенных политических идей. Количество и качество предоставляемого продовольствия, посольское подворье, место и церемониал аудиенции, одежда придворных, ассортимент посуды на торжественном обеде и т.д. — все, вплоть до цвета восковой печати на грамотах, в большей или меньшей степени было связано с идеологией государства, с его положением в системе международных отношений эпохи, с конкретной политической ситуацией. Те же идеи, но в сжатой форме выражало и поведение представителей державы за рубежом. В совокупности эти правила, регулировавшие всю внешнюю сторону дипломатических связей, составляли посольский обычай того или иного государства»[4].

О способах приема послов и обхождения с ними подробно сообщают иностранные посланники в своих записках. Однако государственная идеология и дипломатия отражались не только в официальных документах; особое значение традиционно придавалось тому, как и где будут жить иностранные послы в столице русского государства. Иностранные представительства на территории Москвы XVI–XVII веков занимали весьма важное место в общей системе обеспечения и приёма иностранного посольства в России.

Предоставление подворья входило в систему полного государственного обеспечения послов и свиты всем необходимым. Система эта сложилась именно в Москве. Обычно подворья для посольских

[4] *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...» М., 1988. С. 8.

2. *А. Олеарий.* Шлезвиг-голштинское посольство на суздальском подворье

миссий назначались царским двором, но в редких случаях эту традицию нарушали. При этом исследователи посольского обычая, сложившегося в России, отмечают, что характер обеспечения иностранных посольств в России в XVI–XVII веках сильно отличался от принятого в странах Западной Европы. Обеспечение иностранного посольства всем необходимым было характерной чертой русского посольского обычая. Так посол Н. Варкоч пишет: «Как только доехали до границ московской земли, все содержание для нас стало даровое, так что мы совсем не тратились ни на кушанье, ни на подводы. Так уж у них водится»[5]. Однако это же обстоятельство давало русской стороне ряд преимуществ во время переговоров (например, практиковалась «убавка корма»).

Появление Английского двора было знаком дружественных отношений, установившихся между молодым русским государством и английским королевством. Иван IV очень ценил их. В годы затяжной и тяжёлой для России Ливонской войны Иван IV пытался использовать сложившиеся дружественные русско-английские отношения для заключения дипломатического союза, поскольку Россия в ходе вой-

[5] Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча в 1593 г. М., 1875. С. 12.

ны осталась без союзников. С целью заключения союза в Англию была отправлена миссия А. Совина, однако королева Елизавета, не желавшая связывать себя союзническими обязательствами, отвергла эту идею, миссия Совина была неудачной. Вместе с тем, английская королева, понимая какое значение для Англии имеет русская торговля, не давала и решительного отказа на предложения царя о военно-политическом союзе. Иван Грозный предпринимал даже попытку сватовства к Елизавете (об этом сообщает Д. Горсей)[6], однако и этот проект не воплотился в жизнь.

Несмотря на очевидную выгоду торговых отношений с Англией, состояние дипломатических отношений часто зависело от расположения царя и первой жертвой царского неудовольствия подчас становились английские купцы. Это особенно проявлялось в первые десятилетия после установления русско-английских связей. Так, договор о военном союзе, подготовленный в Москве и отправленный Елизавете I в 1569–1570 не был ратифицирован английским правительством. Грозный посчитал отказ Елизаветы оскорбительным[7]. В ответ Иван Грозный аннулировал все привилегии «Московской компании» и даже конфисковал ее товары, хранившиеся на Английском дворе. При этом англичане в России оказались в весьма опасном положении. Позже в ходе долгих переговоров в Александровской слободе английской стороне удалось исправить положение и вернуть привилегии. Тем не менее, единственное, что было обещано английской королевой Ивану Грозному, была гарантия о предоставлении ему убежища в Англии в случае смут и мятежей в России (1570).

Таким образом, торговля и бизнес-интересы «Московской компании» были очень удобным рычагом воздействия на английскую внешнюю политику.

С 1556 до 1649 года Английский двор являлся не только центром английской фактории и главным складом торговой «Московской компании», но и, по сути, первым английским посольством в России. Особенностью палат Старого Английского двора было то, что они не являлись постоянным местом пребывания английских послов в Москве, зато на подворье постоянно находился агент «Московской компании», чья роль в Москве подчас была не менее важна, чем роль официального посла. Палаты совмещали в себе несколько функций. Это была главная резиденция Московской компании в Москве, центр притяжения всех англичан в столице и, иногда, посольский двор.

---

[6] *Горсей Д.* Записки о России XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 63.

[7] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 142–143.

Английский двор не всегда служил местом остановки английских послов в Москве, но всегда послы Англии в первую очередь были озабочены коммерческими интересами своей компании, которой принадлежал дом. Положение этого подворья в Москве было особенным, что было связано с тем особым местом, которое занимали связи с Англией в политических планах Ивана IV. Поэтому прибывавшие в Москву английские дипломаты получали право беспрепятственно ходить «в торг», принимать у себя соотечественников-купцов[8]. По повелению русского царя им разрешалось не уплачивать пошлин и налогов, транзитом выезжать в другие страны, торговать по всей Московии и держать свои дворы в русских городах. В некоторых случаях английским послам давалась возможность выбирать, где они желают разместиться. Так дом на Варварке оказался сердцем английской торговой фактории. Фактически он стал первым самостоятельным двором западной державы в России, одновременно являясь посольским и частным торговым предприятием, находящимся под царским покровительством.

Улица, на которой располагался дом в XVI–XVII веках, была одной из самых оживленных. С запада она выходила к торговым рядам и Кремлю, а другим концом — к Китайгородской стене и городскому рву. Здесь помещались гостиные дворы и дома крупных московских купцов, государственные учреждения и посольские дворы. Основной же центр торговой жизни города находился в районе Варварки и назывался «великим торгом». Вплоть до начала XX века район Китай-города сохранял значение торгового центра.

С середины XVI века это подворье в Москве получает название Английского двора («двора аглинских немцев»). Оно было расположено неподалеку от Кремля на земле, принадлежавшей государю. Известно, что «Московской компании» разрешалось держать в подаренном им доме меры и весы с царским клеймом. К концу XVI века относится первое изображение палат на плане Москвы, датируемом 1597 годом (так называемый «Петров чертёж»).

По сохранившимся свидетельствам видно, что на этом подворье на Варварке, «у Максима Святого за торгом», останавливаются английские послы, например Джон Меррик и Джером Горсей. Так, в донесении Джона Меррика говорится о том, что «по приказанию его величества послал он пристава проводить меня в Английский двор согласно моему желанию»[9]. В Москве некоторые из английских послов получают разрешения посещать английское подворье (в посольство Д. Бауса).

---

[8] *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 79

[9] Старина и новизна. Книга 14. М., 1911. С. 221.

3. «Петров чертеж» Москвы с изображением
Старого Английского двора

Джером Горсей, бывавший в России в 80-е годы XVI века, писал, что по прибытии в Москву в 1589 году его как посла «поместили в прекрасный дом, принадлежавший епископу»[10]. При этом ему разрешают, чтобы прежние русские слуги вернулись служить к нему. Именно они покупают Горсею провизию и поэтому он «не имеет надобности брать что-то с английского подворья»[11]. Пользуясь покровительством русских царей, английские дипломаты могли спокойно ходить по городу и «в торг», принимать у себя на подворье соотечественни-

[10] *Горсей Д.* Указ. Соч. С. 166.

[11] Там же.

ков-купцов. Во время проживания там посла подворье называлось Английским посольским домом. Послу Д. Баусу, с которым царь связывал далеко идущие планы, в нарушение обычая приставы предложили самому выбирать между отведенным подворьем и английским двором Московской компании[12].

Получение такого двора близ царской резиденции означало расположение государя. Английский двор на Варварке стал использоваться с самого начала в представительских целях. В те времена считалось, что чем ближе подворье находится к царской резиденции, тем почетнее для послов.

Характерной чертой Старого английского двора был его экстерриториальный статус. Его, как (позже) и Новый английский двор, «ведали в Посольском приказе». Так, в ходе переписи московских дворов 1638 года ни тот, ни другой дворы не фигурируют. В «Росписном списке Москвы 1638 г.» при перечислении дворов в Китай-городе говорится: «Д[вор] аглинских торговых немец, сказали, что их ведают в посольском приказе и людей у себя не сказали...»[13].

При этом одним из известных нам приставов, вероятно, курировавших Старый английский двор, был уже упомянутый Осип Непея. Он, например, в 1562 году содействовал А. Дженкинсону в получении пропуска в Персию (Первый русский посол О. Непея вернулся в Россию на корабле «Примроз», одном из 4 кораблей экспедиции 1557 года, которую возглавлял А. Дженкинсон). В «Описании путешествия» 1561 года А. Дженкинсон отмечает, что именно Непея способствовал тому, что царь удостоил его приемом: «Но когда я уже получил паспорт и был готов к отъезду, к нам в дом пришел Осип Непея, который убедил меня не уезжать в этот день; он говорил, что царь неправильно осведомлен и очень обвинял царя за его упрямство...»[14].

Английские купцы на первых порах, вероятно, не стали сильно менять облик дома, они воспользовались обширными хранилищами этого подворья. Площади нескольких существовавших в доме подклетов были превращены в складские помещения для английских товаров. Известно, что московский двор «Московской компании» являлся самым крупным складом ввозимых англичанами товаров. Предметами английского экспорта в Россию были оружие, боеприпасы (селитра, порох, свинец, сера), сахар, бумага, посуда, медь,

---

[12] *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 74.

[13] Росписной список г. Москвы 1638 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества. Т. I. М., 1911. С. 111.

[14] Английские путешественники в московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 200.

плитки свинца, лондонское сукно («лундыш» и т.п.), бумажные материи, аптечные снадобья, посуда.

Из России в Англию вывозились в основном судостроительный лес, пенька, воск, лён, воск, сало, масло, ворвань, лён, пенька, мясо[15]. Эти и другие товары могли храниться на Английском дворе. В парадном зале хранилась казна компании. И сегодня Старый Английский двор, расположенный напротив Кремля, сохранил эту планировку. Усилиями реставраторов в домах восстановлены помещения Казенной палаты и белокаменного подклета, какими они могли быть в XV–XVII веках.

В конце XVI – начале XVII века англичане перестраивают доставшиеся им палаты и строения, на территории подворья возводятся многочисленные хозяйственные постройки. Как сообщают источники, «то дворовое место пожаловал блаженные памяти Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси аглинским немцам, а деревянные хоромы аглинские немцы строили сами»[16].

В облике купеческого двора появилось то, что соответствовало быту новых владельцев и новым задачам, которые возлагались «Московской компанией» на подворье в Москве. Англичане привнесли в облик дома черту, характерную для западноевропейских торговых домов. Так, парадная галерея, примыкающая к дому с южного фасада, была сооружена уже при английских владельцах подворья в начале XVII века после разорения, принесенного Москве Смутным временем. Южная галерея являлась парадным входом для гостей. В верхнем ярусе дома появляется грузовой люк с блоком и лебедкой. Блок представлял собой подъемный механизм в виде колеса с веревкой, крепившийся к балке. Это нехитрое приспособление позволяло поднимать тяжелые грузы на чердак, минуя узкую и неудобную лестницу. Чердак также стал использоваться купцами как склад для товаров. На чердаке могли храниться кожи, меха и другие товары, боящиеся сырости. Таким образом, посреди средневековой Москвы, близ Кремля существовало здание, в облике которого можно было увидеть черты европейской торговой архитектуры.

Прилегающая территория, относившаяся к Английскому двору в XVI веке, была большой (около 28 соток) и позволяла разместить как хозяйственные строения, так и жилые. В писцовых книгах имеется упоминание о размерах участка Английского двора: «В Китае-городе

---

[15] *Звягинцев Е.* Английский двор в Москве XVI в. // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 143.

[16] РГАДА. Ф. 35. Д. 173. Ч. 1. Л. 65. 1650.

на Варварском крестце у церкви Максима Христова ради юродивого двор англинский вдоль 30 сажен поперек 20 сажен с полусаженью»[17]. В это время сложился в основном архитектурный комплекс Английского двора.

В более позднем документе говорится: «А в памяти из Земского приказу написано мерою того аглинского дворового места двор в тридцать две сажени без трети, поперек двадцать одна сажень с полусаженью. По другой стороне девятнадцать сажень, да в прикупных местах позади денежного двора у церкви Жен Мироносиц в Знаменской улице. Мерою длиннику девять сажень, поперек восемь сажень»[18] (63,9 на 43,7 м).

Сохранилось и подробное описание Старого Английского двора: «...А на дворе хором взошед на двор по правой стороне горница на жилом подклете против сени с верхом и с переходом позади отход. Цена тем хормам сорок рублей. На левой стороне горница поземная против сени с верхом цена двадцати шесть рублей да под тою же горницею погреб дубовый трех сажен цена два рубли две избы белые промеж ими сени двух сажен цена двадцать рублей да позади тех же хором поварнишко цена полтора рубли под избою погреб дубовой полутреть сажени цена полтора рубли две избенки ... одна белая, другая черная да конюшнишко о трех стойлишках наверху. Сушилишко да избенка приворотная цена тем хоромишкам одиннадцать рублей да за палатою конюшнишко о четырех столишках с верхом... навесишко цена два рубли да забор двадцати шести прясел цена семь рублев двадцать шесть алтын четыре деньги да в саду чердак цена три рубли с полтиною...»[19].

Старый Английский двор представлял собой довольно большой двор с каменными палатами, с садом, деревянными строениями, высоким забором и выходящими на Варварку воротами. Среди окружавших каменные палаты строений были деревянные «белые избы» для служащих «Московской компании», чёрные избы для слуг и ремесленников, «мастерские чуланы», кладовые для хранения товаров, кузница и конюшня. Имелся и плодовый сад, доставшийся англичанам вместе с двором. В описании Старого Английского двора в середине XVII века приводится оценка сада садовником. Сад, по этим данным, состоял из 21 яблони, 11 груш, 22 вишен. В «досмотре» Старого Английского двора XVII века есть описание каменных палат: «А по досмотру на том аглинском дворе палата ветха, во многих

[17] Там же. Л. 62. 1650.

[18] Там же. Л. 217. 1650.

[19] Там же. Л. 98–99. 1650.

метсах развалилась, под нею погребы, да хоромы деревянные четыре избы с сеньми, да горница белая с сенеми же, да две избы кирпишные, да две конюшни, да поварня, да навес, да ворота, да около двора забор»[20]. Старый Английский двор был похож на окрестные усадьбы.

Вполне вероятно, что на подворье имелась кузница и другие постройки, в которых обрабатывалось привозимое на Английский двор сырье. Возможно, здесь плавили и руду. Имеется свидетельство, что англичане некоторое время располагали привилегией чеканить монету из привозного серебра. Не исключено, что для этого использовался находившийся по соседству Денежный двор. Денежный двор на Варварке был одним из первых учреждений Москвы, где изготовляли монеты. Располагавшийся по соседству с Английским двором, близ оживленного варварского крестца, он был хорошо известен москвичам. Денежный двор начал работу в правление матери Ивана Грозного царицы Елены Глинской и функционировал до конца XVI века.

В 1571 году, во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, палаты Английского двора сильно пострадали. По некоторым данным, убытки компании исчислялись в 10 тысяч фунтов[21]. После пожара обгоревший дом отстроили заново. К перестройке этого времени относится возведение палат второго этажа и восстановление свода взамен упавшего над одной из палат первого этажа. Фасады в это время получают новое оформление. К палатам с южной и восточной стороны подходили крыльца, переходившие в открытые галереи. Небольшие остатки их были обнаружены при реставрационных работах. Фрагменты фасадов, относящиеся к этому времени, можно увидеть с северной и западной стороны.

В 1612 году, в ходе освобождения Москвы от поляков, когда главные силы противника были сосредоточены в Кремле и Китай-городе, русскими зажигательными ядрами был повреждён и Английский двор[22]. После восстановления появились дополнительные помещения: сени перед палатами с южной и северной сторон, а южный фасад получил новое архитектурное оформление.

Грамоты царей Федора Иоанновича и Лжедимитрия подтверждают право англичан владеть этим домом: «А что Аглинские земли гостей и у торговых людей по прежним жалованным грамотам прародителей наших великих государей цесарей российских двор на Москве у Максима святого за торгом и англинским гостем и торговым людем жити на том дворе по-прежнему, а держати им на том

[20] Там же. Л. 65. 1650.

[21] *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. Ч. 1. С. 103.

[22] *Маржерет Жак.* Состояние российской империи. М., 2007. С. 85 («...Английское подворье превращено в пепел»).

дворе одного дворника русина или своего немчина. А иных русских людей не держати никого»[23].

В привилегии, полученной «Московской компанией» в правление царя Федора Иоанновича в 1586 году, также имеется упоминание об Английском дворе: «Также мы жалуем всем английским купцам дом Юрия здесь в Москве, прямо против церкви св. максима, за торгом, они будут по прежнему проживать в этом доме, как и раньше; они обязаны держать там кого-нибудь для порядка, русского или их соотечественника»[24]. При этом англичане освобождались от уплаты пошлин и сборов за такой дом.

Англичане постоянно боролись за сохранение привилегий. Частыми были скандалы, которые вызывались финансовыми злоупотреблениями служащих компании. Некоторые из англичан перевозили свои семьи, поскольку были вынуждены жить очень долго в Русском государстве. Так, известный английский купец и дипломат Джон Меррик, сын Уильяма Меррика, стоявшего у истоков «Московской компании», родился в Московии и хорошо знал русский язык, так что его в России именовали не иначе как «Иван Ульянов, Мериков сын».

Относительно того, каков был состав английской торговой колонии, имеются косвенные данные. В письме Ричарда Уоскомба о пожаре 1571 года названо около 30 человек, погибших на английском дворе, но в это число могли входить не только жители английского подворья. По этим же свидетельствам видно, что в 1571 году на подворье размещались представители компании с семьями и слугами[25]. В числе тех, кто приезжал на Старый Английский двор, были, по — видимости, ремесленники, аптекари и др.[26]

Одним из наиболее ярких представителей «Московской компании» в России является Джером Горсей. О его жизни известно немногое. Он происходил из старинного дорсетширского рода. Его

---

[23] *Гамель И.Х.* Указ. соч. С. 108; *Толстой Ю.В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. М., 1875; Список с жалованные грамоты Великого Государя цесаря и Великого князя Дмитрия Ивановича всея России самодержца. 1606 г. // «Старина и новизна». Кн. 14. М., 1911. С. 227.

[24] Русское историческое общество. СПб., 1883. Т. 38. С. 178.

[25] Письмо неизвестного англичанина о сожжении Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 г. // Иностранцы о древней Москве. (Москва XV–XVI вв.) М., 1991. С. 78–79. «Большое число сгорело в погребах и церквях, между прочим, 30 человек в погребах Английской компании, из них трое служителей сэра Томаса Бентама; умерли также Томас Фильд, Джон Уересли; ремесленники Томас Чефи, Томас Карвер, аптекарь и некоторые другие. В соседнем погребе спаслись, по милости Божьей, Роули, Джон Спарка и Уильям Гловер».

[26] *Звягинцев Е.* Указ. соч. С. 142.

отец, Уильям Горсей (отсюда имя Еремей Ульянов, данное Горсею в официальных русских посольских документах, «гость Еремей») был родным братом весьма известного при дворе Елизаветы сэра Эдварда Горсея. Очевидно, именно этому своему родственнику Джером Горсей был обязан знакомством и покровительством Фрэнсиса Уолсингема, могущественного государственного секретаря периода расцвета правления Елизаветы I.

Почти ничего не известно о деятельности Горсея до отъезда его в Россию в 1573 г. и о первых семи годах его службы здесь. Знающий русский язык Горсей привлекает к себе внимание московского правительства. В 1580 году его, занимающего в то время должность управляющего московской конторой Компании, посылают к королеве Елизавете с секретным поручением. Горсей должен был договориться со своим правительством о доставке военных припасов из Англии.

Весной 1581 года он вернулся в Россию с 13 кораблями, нагруженными затребованными царём товарами. В сентябре 1585 г. Горсей был вновь направлен русским правительством в Англию с известием о воцарении Фёдора Ивановича. Летом 1586 года он возвратился в Россию, выполнив щекотливые поручения своего нового покровителя Бориса Годунова. Но когда в августе следующего 1587 года он вновь приезжает в Англию посланником русских, то на родине на него обрушивается поток обвинений и жалоб со стороны «слуг» и купцов «Московской компании».

Его обвиняли в использовании своего положения для личного обогащения, что подрывало национальные интересы Англии. Начинается разбирательство в английском Верховном суде. В этот критический момент (в конце 1587) Горсей вдруг оказывается в России, где тоже не получает прежнего приёма. Московские власти, раздражённые злоупотреблениями английских купцов, обвиняли Горсея в долгах частным лицам и казне, запрещённой самостоятельной торговле на русском побережье. В довершении ко всему всплыло дело о «повивальной бабке» для царицы Ирины. В результате Горсей был арестован и выслан в мае 1589 года в Англию.

В 1590 руководствуясь какими-то своими политическими расчётами, Уолсингем посылает Горсея сначала в Европу, а тот под чужим именем пробирается через польские земли в Смоленск, что вызывает подозрения русских властей. Его ссылают в Ярославль, а в 1591 г. он навсегда покидает Россию.

По возвращении он поселился в Букингемском графстве, в 1603 году получил рыцарское звание, несколько раз заседал в парламенте, в 1610 стал шерифом Букингемского графства. Точная дата его смер-

ти не установлена, хотя известно, что изданные в 1626 году извлечения из его труда появились ещё при жизни автора. Знакомство Горсея с высокопоставленными людьми, с жизнью в Москве позволили ему создать интересную, хотя и не всегда точную картину правления Ивана IV и его преемников.

Горсей, живя в Москве, не только хорошо знал русских бояр и дьяков, он был, по его собственным словам, «хорошо известен при дворе». Он знает и врача Бомелия. Елизар Бомелий в его описании — «враг англичан»[27]. Для англичан, живших сплоченной колонией на английском подворье, появление любого соотечественника могло быть важным событием. О том, какое внимание уделялось этому, красноречиво говорит прием, оказанный пленным наемникам агентом Горсеем: «О, как я рад, что царь не обратил внимания на тех немногих англичан, оказавшихся среди этих пленных [шотландцев]! Это могло бы стоить мне жизни, так как я был хорошо известен при дворе, а царь имел бы повод захватить товары английских купцов, которых было в его государстве, по крайней мере, на 100 тысяч марок стерлингов»[28].

Такая же ситуация повторяется в середине 1570-х годов во время разгрома Иноземной слободы, в которой жили выведенные из Нарвы и Дерпта «голландские или ливонские купцы и дворяне». «Некоторые их этих людей спаслись, укрывшись на Английском подворье, где им дали укрытие, одежду и помощь, рискуя обратить на себя царский гнев»[29]. Всё это ещё раз подчёркивает значимость Английского двора в торговле Москвы XVI века.

О том, какое место занимал агент Д. Горсей в России, можно судить по степени его осведомленности. Так, во время визита посла Д. Бауса в Москву Горсей находится либо в числе москвичей, встречающих посла, либо в свите Бауса. Во всяком случае, он может подробно описать мелочи церемонии приема Д. Бауса: «У дворца их встретил ругой князь, который сказал, что царь ждет его; Баус отвечал, что он идет так быстро, как может. По дороге народ, отчасти угадав цель его посольства, которая была всем неприятна, кричал ему в насмешку: «Карлик!» — что означает «журавлиные ноги». Переходы, крыльцо и комнаты, через которые вели Бауса, были заняты купцами и дворянами в золототканных одеждах». Характерной чертой именно английских приемов было включение купцов в состав свиты. Эта традиция зеркально отражалась и в практике приема рус-

[27] *Горсей Д.* Указ. соч. С. 114.

[28] Там же. С. 71.

[29] Там же. С. 80.

ских послов в Англии, где члены «Московской компании» участвовали в церемониях встречи послов.

Более того, Горсей подробно описывает свое посещение царской сокровищницы, что свидетельствует о его положении при дворе: «Я стоял среди других придворных слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях....»[30]. Об отношениях Горсея с боярами Романовыми — соседями по Зарядью красноречиво свидетельствует такая, например, фраза: «...для него [для старшего сына Никиты Романовича Фёдора Никитича Романова] я написал латинскую грамматику, как смог, славянскими буквами, она доставила ему много удовольствия...»[31].

Так о значении Английского двора в жизни тогдашней Москвы можно судить по одному из описаний Д. Горсея. Когда Никиту Романовича Юрьева ограбили по приказу Ивана Грозного, русский боярин, как сообщает в своих записках Джером Горсей, «...послал к нам на Английское подворье, чтобы дали ему низкосортной шерсти сшить одежду, чтобы прикрыть наготу свою и своих детей, а также, просить у нас какую-нибудь помощь»[32]. Исследователи относят этот эпизод к 1575 году[33]. Таким образом, в Москве у англичан были неплохие отношения с соседями.

С 1636 года подворье получает название Старого Английского двора, поскольку в Москве появляется новый двор «в Белом городе за Ильинскими воротами», приобретенный агентом «Московской компании» Симеоном Дигби для ее нужд и названный «Новым Английским двором». Оба двора — основная резиденция англичан Старый Английский двор на Варварке и Новый двор в Белом городе — находились во владении англичан до 1649 года.

«Московская компания» занимала особое место в русско-английских отношениях XVI–XVII веков. Эта корпорация, в которой состояли как английские купцы, так и дворяне, была одной из первых международных торговых компаний. Она сыграла значительную роль в истории русско-английских отношений и стала предшественницей более значительных корпораций, таких, как «Ост-Индская компания».

Через «Московскую компанию» в Россию вербовались английские специалисты — врачи, артиллеристы, оружейники, ремесленники. Врачи были самыми привилегированными и высокооплачиваемыми среди иностранных специалистов. Первоначально они обслуживали только царей и царские семьи. Английский врач Ро-

---

[30] Там же. С. 119.

[31] Там же. С. 128.

[32] Там же. С. 80.

[33] *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 44.

берт Якоби приезжал в Россию два раза, в 1582–1584 годах, участвовал в переговорах с царём по поводу возможной женитьбы царя на Марии Гастингс, а во второй раз приезжал в Московию в 1586 году с рекомендательным письмом Елизаветы к царице Ирине.

Однако в царствование Алексея Михайловича английские купцы потеряли свое исключительное положение; их привилегии и беспошлинная торговля стали вызывать нарекания русских купцов. Пользуясь тем, что в Англии был, свергнут, а затем казнён законный монарх Карл I, царь Алексей Михайлович вообще запретил английским купцам беспошлинную торговлю в России. Так, в деле о высылке англичан говорилось: «...а ныне Великому Государю нашему Царскому величеству ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти, и за такое злое дело в Московском Государстве вам бытии не довелось»[34]. Во второй половине XVII века дом часто менял владельцев. В 1649 году палаты и все дворовые строения были проданы боярину Ивану Андреевичу Милославскому, с 1659 года владение было передано в Посольский приказ.

Иностранные представители оставили карты, планы, чертежи, рисунки Москвы. Адам Олеарий в своем «Путешествии» поместил замечательные рисунки с изображением посольств, церковных праздников, торговых лавок. Ему же принадлежит гравюра, помещенная в этом труде, «Шлезвиг-голштинское посольство на суздальском подворье». На подворье останавливается А. Олеарий в составе Шлезвиг-голштинского посольства. Вероятно, это было суздальское подворье в Китай-городе. Считается, что одно из строений на этой гравюре — Английское подворье на Варварке (см. *илл. 1*)

Здание Старого Английского двора на улице Варварке в настоящее время филиал Музея Москвы. Это не только древнейшее гражданское здание Москвы и первое иностранное посольство столицы. Гораздо важнее то, что именно на примере Английского двора мы видим образец отношений России и Западной Европы, заложенных в XVI веке Иваном IV и проявившихся на примере русско-английских связей: отношений, основанных на обоюдном уважении, взаимовыгодной торговле и культурном диалоге вопреки всем различиям между народами.

---

[34] Полное собрание законов. Собрание 1. № 9, 1 июня 1649 г. Также в архиве имеется запись: «В прошлом 1649 году указал Ц.Г. и В.К. [Ц.Г. и В.К. — Царь государь и великий князь. — *С.К.*] Алексей Михайлович аглинские земли торговым немец из Московского государства выслать за море, а торговать приезжая у Архангельского города, а в Московском государстве не жить» // РГАДА. Ф. 35. Д. 35. Д. 173. Ч. 1. Л. 163. 1649.

И.Ю. Анкудинов
(Великий Новгород)

Британские «туристы» в Новгороде в 1701 году

В коллекции «Приказные дела старых лет» Российского государственного архива древних актов сохранился документ (полностью публикующийся в приложении к данной статье), характеризующий с необычной стороны поведение британских офицеров, поступивших на службу Петру I. Он представляет собой черновой список грамоты из Посольского приказа, отправленной вскоре после 8 июля 1701 года в Новгород Я.В. Брюсу. В соответствии с нормами делопроизводства того времени в этой грамоте был полностью повторен текст сообщения, присланного в Москву из Новгородской приказной палаты. Из этого сообщения выясняется следующая ситуация: 20 мая 1701 года в 12-м часу дня на Спасской башне новгородского кремля был замечен пожар: горели полицы на шатре башни. Стоявшие на карауле стрельцы ударили в колокол и приняли меры к тушению пожара. Когда ударили в колокол, из башни на городовую стену вышли 5 человек иноземцев, из которых один «пил табак» (т.е. курил). Иноземцы были арестованы и отведены в Приказную палату. При этом они пытались оказать сопротивление: «А как де тех иноземцов в Приказную полату стрелъцы вели, и один де человек иноземец держал у себя в руках нож и хотел их, стрелцов, резать. И тот нож у него отняли». Задержанные были допрошены поодиночке. Как видно из текстов расспросных речей, всем им были заданы однотипные вопросы. Следователей интересовали имя задержанного, его национальность (какой земли человек), род занятий, каким образом оказался на башне (по-видимому, этот вопрос был связан с тем обстоятельством, что стоявшие при башне на карауле стрельцы не ви-

дели, как эти иноземцы на нее поднялись, и следователей интересовало, как же они прошли незамеченными мимо караула), что они делали на башне, курили ли табак, почему возник пожар. Ответы всех задержанных были почти одинаковы, дополняя друг друга в деталях.

Среди задержанных иноземцев было четверо англичан и один голландец. Их имена в документе даны, конечно, в русифицированной форме. Кроме того, написание некоторых из них варьируется по тексту документа. Вот их имена: англичане Рыцарь Гревс (Крефт), Исак Абрамов, Иван Иванов (Аган Аганов (Яганов)), Карлус Абрамов Гокфорст, голландец Симон Елисеев Ваненборк (Фомберх, Фомберс). Как видно из документа, «заводилой» у них был Р. Гревс. (Отмечу, что в ходе обсуждения сообщения было обращено внимание, что Ричард Гревс, несомненно, тождественный главному «герою» данного документа, упоминается в 1703 году в Копорье в чине капитана. К сожалению, я лишен возможности сделать точную ссылку на документ, подтверждающий данный факт).

Все они были бомбардирами – артиллерийскими офицерами. В соответствии с родом своих занятий, они оказались, независимо друг от друга, на новгородском Пушечном дворе, располагавшемся на территории новгородского кремля в непосредственной близости от Спасской башни.

О причинах своего появления там они отзывались с сугубо профессиональной стороны: «пришли они на город пушек смотрить», пришли «на городовую каменную стену для розмеру пушек». Но при этом выясняется, что особой надобности в их появлении на Пушечном дворе не было: как выразились они в своих расспросных речах, в Каменном городе (кремле) у Пушечного двора они «гуляли». Видимо, находясь в Новгороде в ожидании назначения по гарнизонам, иноземные офицеры-артиллеристы вели достаточно праздный образ жизни.

За канцелярскими строками рассматриваемого документа просматривается совершенно живая ситуация: Р. Гревс увлёк с собой двоих соотечественников (которые даже не были знакомы друг с другом) гулять возле Пушечного двора, оттуда они поднялись на кремлевскую стену и окликнули ещё двоих европейцев, которых, надо полагать, увидели со стены. Затем они поднялись на смотровую площадку на Спасской башне.

Спасская башня вплоть до середины XVIII века была самым высоким сооружением Новгорода (выше 30 м), смотровая площадка в её шатре, несомненно, служила для дозора за городом и его окрестностями. Вид Спасской башни этого времени запечатлен на изобра-

1. Спасская башня Новгородского кремля. Изображение начала XVIII века

2. Спасская башня Новгородского кремля. Современное фото

жении новгородского кремля на иконе «Знамение» из церкви Михаила архангела на Торгу *(илл. 1)*. В конце 1950-х годов была проведена реставрация стен и башен новгородского кремля, возвратившая Спасской башне её первоначальный облик *(илл. 2)*.

Во время их пребывания на смотровой площадке и вспыхнул пожар. Вряд ли могут быть сомнения, что причиной пожара стало именно поведение этих «гуляк». Но никакого решения по результатам расследования причин пожара не было принято и наказания, по-видимому, никто не понес. Указ из Москвы лишь предписывал внимательно относиться к обеспечению пожарной безопасности в Новгороде: «и вы б от таких случаев впредь были в болшом опасении и осторожности, и на караулех по всему городу капитаном и урядником велели смотреть накрепко, чтоб городу и по городу наряду и всякой нашей, великого государя, казне в нынешнее военное время какой порухи не учинить».

В этой истории обращает на себя внимание цель, с которой англичане, впервые оказавшиеся в русском городе, забрались на самую высокую точку крепости. Они сформулировали её так: «смотрить города и воды» (или «смотреть около города воды»).

С высоты Спасской башни, действительно, открывался великолепный вид на южные окрестности Новгорода: на горизонте видне-

3. Вид на южные окрестности Новгорода
с крыши Софийского собора. Фото 1944 года

лось озеро Ильмень, Городище и около 15 пригородных монастырей. К сожалению, сейчас вся эта территория заросла деревьями и кустарником, но некоторое представление о том, что же видели поднявшиеся на Спасскую башню может дать фотография южных предместий Новгорода, сделанная в 1944 году с кровли Софийского собора *(илл. 3)*. Хотя к 20 мая пик паводка на Волхове уже должен был пройти, все же, вполне возможно, еще стояла довольно высокая вода, и взорам английских артиллеристов представала территория, залитая водой, среди которой как острова поднимались холмы с монастырями и храмами.

Британские военные специалисты, оказавшись в Новгороде в начале XVIII века, вели себя точно так же, как и наши современники, путешествующие по разным странам. Как сейчас путешественников притягивают видовые точки и смотровые площадки, позволяющие одним взором охватить большую территорию, так и 300 лет назад «герои» рассматриваемого документа стремились на самую высокую точку города. Причем, как видно из их речей, это был вполне осознанный выбор (по крайней мере, некоторых из них).

Наш документ показывает, что английские артиллеристы и в 1701 году не чуждались того, чтобы в свободное от службы время вести себя как самые настоящие туристы.

1701 года июня после 8. Грамота из Посольского приказа в Новгород генерал-майору Я.В. Брюсу по поводу пожара на Спасской башне новгородского кремля

(*Л. 1*) От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в нашу отчины в Великий Новъгород генералу нашему маеору Якову Вилимовичю Брюсу с товарыщи. В нынешнем 1701-м году июня в 8 день писали к нам, великому государю, из Великова Новагорода Иван Татищев да дьяк Андрей Юдин. В нынешнем 1701-м году маия в 20 день в Великом Новегороде на Софейской стороне в Каменном городе на Спаской проезжей башне загорелись над зубцами нижние полицы. И в то де время поиманы в той башне иноземцы бомбандиры четыре человека, которые в Великом Новегороде у артилерии, да пятой человек иноземец же Аглинской земли, и приведены в Приказную полату и роспрашиваны.

[1]Да им же де извещал гранатной мастер Андрей Федотов на инженеров,[2] что де они, инженеры, ручные гранатки разных рук нарежают плохо. И против того извету Пушечного двора голова Селиверст Незнанов допрашиван. Да он же, Селиверст, подал немецкое писмо с писмом московского пушкаря Ларки Родионова за рукою. А то немецкое писмо, по переводу, писано из Ругодева к вышепомянутому аглеченину Ягану, которой поиман на Спаской башне в то ж время, как на ней загорелось. А живет де тот иноземец в Великом Новегороде у иноземца у Николая Шмита. И он, Яган, про то писмо не роспрашиван, для того что лежит болен. И против того пушкарского писма капитан стрелецкой и кораулщики допрашиваны ж. А ты де, генерал маеор, лежиш болен, и за тою болезнью в Приказную полату не ездиш. А вышеписанной извет и допрос и немецкое писмо послали они к Москве.[1]

А в приводе Григорьева полку Янковского самарских стрелцов сотника Матвея Протопопова написано: Привел он в Приказную полату иноземцов пять человек, а сказал: Сего де числа маия в 20 день в Каменном (*Л. 2*) городе у Спаских проезжих ворот стоял он на корауле да с ним самарских же стрелцов двенатцать человек. И сего дня во втором-на-десят часу в первой четверти ходил он для досмотру кораулу за те Спаские ворота. И чередной де стрелец Гришка Евсеев кричал ему, Матвею, что на той Спаской башне полицы горят.

[1] В ркп. зачёркнуто.

[2] В ркп. инжеров.

И он де велел в колокол бить. И как де в колокол стали бить, и вышед ис тое башни на городовую стену пять человек иноземцов, смотрили к тому их кораулу. И у них де один человек пил табак. И он де велел тех иноземцев поимать. А на той де башне огонь утущили. А руские люди с теми иноземцы в той башне хто были ль, того он не видал. А как де тех иноземцов в Приказную полату стрелъцы вели, и один де человек иноземец держал у себя в руках нож и хотел их, стрелцов, резать. И тот нож у него отняли. Да того ж полку капитан Яков Кудрявцов в Приказную полату принес три писма да книжку немецкого писма; и те писма и книжку ты, генерал маеор, велел отдать вышеписанным иноземцам. И те де писма и книжка им отданы.

А в роспросех те иноземцы сказали: Один сказался Рыцарем ево зовут Гревс, родом Аглинские земли, бомбондир. С товарыщи своими с ыноземцы Аглинские же земли з бомбодиры ж с Ысаком Абрамовым да с Ываном Ивановым гуляли, и пришли они на город пушек смотрить. И шли городом до Спаских ворот. И взошли на ту башню в шатер смотрить города и воды. И после их пришли к ним иноземцы два человека бомбондиры ж агличанин Карлус Абрамов Гокъсфорт да Симон Елисеев Ваненборк по ево, Рыцареву, зову. А откуды они на тот город взошли, того он не ведает. И пили они на той башне в шатре табак. А отчего та башня у нижних палиц загорелась, про то он не ведает. И пьючи де они табак, ис трубок вон не кидали.

А иноземец Исак Абрамов сказал, родом он агличанин, и велено ему быть в Великом Новегороде у артилерии. И маия в 20 день шол он, Исак, с товарыщи своими с Рыцарем Крефтом да з другим иноземцом, а как ево зовут, не знает, на городовую каменную стену для розмеру пушек. И пришли к Спаской проезжой башне. И в то де число пришол к ним по их зову цетвертой иноземец Симон (*Л. 3*) Фомберх от житного двора. И взошли де они четверо на тое башню в шатер смотреть около города воды. А пятой иноземец Карлус Абрамов пришел к ним в тое ж башню после их, а откуду он пришел, того он не ведает. И на той де башне пили табак они, три человека. А нижние полицы у той башни отчего загорелись, про то он не ведает.

А третей человек иноземец сказался Карлусом зовут Обрамов, родом Аглинские ж земли, бомбандир, а в Великий Новгород прислан он к алтилерному делу. И маия в 20 день пошел он на Каменной город гулять з денщиком с руским человеком, которой ему дан. И взошел на Спаскую башню вверх. И до него на той башне были вышеписанные иноземцы и пили табак походя Рыцарь Кревс, Исак Абрамов. И в то де время загорелись у той башни нижние полицы, а чего загорелись или кто зажег, про то он не ведает.

А четвертой иноземец сказался Симоном зовут Фомберс Галанской же земли бомбандир. И маия в 20 день гулял он у пушечного двора,

и в то время з городовой стены вышеписанные иноземцы звали ево к себе. И он де по тому их зову на городовую стену пришол к ним з генералского двора Якова Брюса один. И с вышеписанной башни смотрили они около города на все стороны. И в то время Рыцарь Кревс табак пили. А отчего та башня загорелась, про то он не ведает.

А пятой человек иноземец сказался Аганом ево зовут Аганов, родом Аглинские ж земли. Жил де он в Новегороде на Немецком дворе у иноземца Николая Шмита. И мая де в 20 день пришел он к иноземцу к бомбандиру х Карлусу Обрамову на подворье для взятья книги, и ево в дому не застал. И с товарищем де ево с бомбандиром с Рыцарем Кревсом по ево зову пошел с ним. И взошли на городовую каменную стену, и з стены взошли на башню. И на той башне пили походя два человека табак. И у той башни загорелось в дву местех. А отчего загорелось или кто зажег, про то он не ведает.

И после роспросу Иван Татищев да дьяк Андрей Юдин на той Спаской проезжей башне горелой кровли и полицы осматривали. А по осмотру их на той башне выгорело полиц четыре доски, шатра три доски, бруса да бревна в толщину выгорело по половине. А над теми полицами два моста. И у верхнево моста, где иноземцы пили табак, полицы (*Л 3 об.*) целы.

И как к вам ся наша, великих государей, грамота придет, и вы б от таких случаев впредь были в болшом опасении и осторожности, и на караулех по всему городу капитаном и урядником велели смотреть накрепко, чтоб городу и по городу наряду и всякой нашей, великого государя, казне в нынешнее военное время какой порухи не учинить.

Писан на Москве лета 1701-го июня в …[3] день.

РГАДА. Ф. 141. 1701 г. Д. 188. Черновой отпуск.

[3] В ркп. оставлено место для даты.

П.А. Аваков
(Ростов-на-Дону)

Джон Бекэм: британец на берегах Азовского моря (1699–1711)

Как известно, становление регулярного военно-морского флота в России в конце XVII — начале XVIII века происходило с широким использованием английского опыта в области кораблестроения и судовождения и при активном участии английских специалистов, нанятых на договорной основе. Первое применение этого опыта состоялось в ходе создания так называемого Азовского флота — военно-морской тактической единицы, которую царь Пётр I планировал базировать на Азовском море с целью дальнейшего применения в борьбе с Турцией за выход в Чёрное море[1]. Начало созданию Азовского флота было положено приговором Боярской думы от 20 октября 1696 года, в соответствии с которым в следующем году в Воронежском крае, в Паншине и Усть-Хоперском казачьих городках на Дону развернулось интенсивное кораблестроение[2].

В отечественной историографии и краеведении закрепилась традиция изучения Азовского флота, главным образом, с позиции истории судостроения. Изучение же его функционирования в качестве боевого соединения после прорыва, осуществленного в этой области в середине XIX века С.И. Елагиным, значительно не продвинулось. Вероятно, во многом это обусловлено трагической судьбой самого

[1] См., например: *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 19.

[2] ПиБ. Т. I. СПб., 1887. С. 111–113; *Елагин С.И.* История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. С. 52–65; *Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. Т. I. М., 2005. С. 357–364.

1. Автограф Д. Бекэма. Факсимиле. РГА ВМФ

Азовского флота, навсегда оставшейся в тени славы Балтийского флота Петра I и плохо вписывающейся в торжественные нарративы его царствования. По этой же причине моряки, которые несли флотскую службу лишь на Азовском море и не продолжили ее на Балтике, оказались преданы забвению. Памяти одного из них и посвящена настоящая статья.

Как известно, первой военно-морской базой России на Юге стал бывший турецкий город-крепость Азов, взятый войсками Петра I в июле 1696 года. Он располагался на левом берегу Дона, в 15 верстах от Азовского моря, и служил местом дислокации флотилии, использованной во время его осады для блокирования с моря. Флотилия состояла из одного корабля[3], четырёх брандеров, 23 галер и не имела самостоятельного тактического значения, будучи вспомогательным средством поддержки сухопутных сил[4]. После взятия Азова непосредственный надзор над судами был поручен стольнику князю Андрею (Михайловичу?) Гагарину[5]. 15 июня 1697 года, во время так называемого третьего Азовского похода, воевода Большого полка боярин А.С. Шеин назначил нового «воеводу к морским судам». Им стал стряпчий князь Константин Никифорович Оболенский, сосланный в Азов за неявку на службу в Казыкерменьский поход 1695 года и Азовский поход 1696.[6]

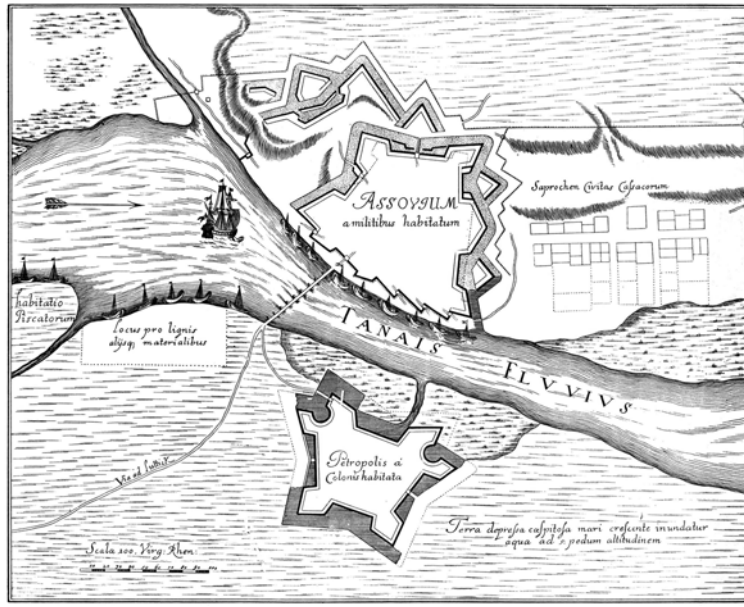
---

[3] Недостроенный 36-пушечный корабль «Апостол Пётр I» в осаде Азова не был задействован (Елагин С.И. История русского флота. С. 37–38, 44). Следует отметить, что в источниках тех лет этот парусный фрегат ошибочно называется галеасом (от итал. Galeazza — большая галера, букв. — галерище). На известном офорте А. Шхонебека «Города Азова списание от взятья, как великий государь царь и великий князь Пётр Алексиевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, осадил маия 16 числа а взял июля 19 числа 7205-го году» 1699 г. «Апостол Пётр I» изображён как двухпалубный трехмачтовый корабль (Отдел эстампов РНБ. Э-Пог. Л/9-396), что никак не укладывается в рамки понятия «галеас».

[4] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 21–22, 31–38, 40–46; *Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы для биографии. Т. I. С. 300–302, 310–315.

[5] ИРФ. Ч. 1. СПб., 1864. С. 73–75, 121.

[6] Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, в 1697 году // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. VII. Одесса, 1868. С. 150; ИРФ. Ч. 1. С. 112; *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 154–155.

2. План Азова 1698 года.
Из дневника И.Г. Корба

Недисциплинированный князь отрицательно зарекомендовал себя на поприще начальника порта и был обвинён азовским воеводой боярином князем Алексеем Петровичем Прозоровским в «непослушании». По распоряжению Пушкарского приказа воевода в декабре 1698 года отстранил К.Н. Оболенского от дел и в январе 1699 года отправил под конвоем в Москву, а на его место «до указа» определил подполковника «солдатского строя» Ивана Матвеевича Новикова[7].

Капитан английского флота Джон Бекэм (John Beckham) был принят на российскую службу в рамках акции Великого посольства по массовому найму иностранных специалистов. Однако посещение Великим посольством Англии не было предусмотрено. Царь Пётр I, познакомившись в сентябре 1697 года в Утрехте с Вильгельмом III Оранским — королём Англии и Шотландии, наместником Нидерландов и своим давним кумиром, принял решение посетить остров Великобритания. Его визит продолжался с 11 января по 25 апреля 1698 года и имел неофициальный характер. Во многом он был вызван стремлением ознакомиться с расчётно-конструкторской частью

[7] ИРФ. Ч. 1. С. 112–119; ГАРО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 117. Л. 117 об.–118; *Андрющенко О.В.* Указ. соч. С. 154–155; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10. Л. 695 об.

процесса создания кораблей, так как по прохождении на верфях Ост-Индской компании практический курс голландской судостроительной школы он не смог получить этих знаний[8]. В результате, по словам английского посланника в России Чарльза Уитворта, царь «в особенности полюбил английский способ постройки, как более чистый и лёгкий, сравнительно с голландским...»[9].

Во время пребывания Петра I в Англии существовал закон, запрещавший английским морякам поступать на службу в иностранные государства. Следовательно, «выезд» Дж. Бекэма в Россию являлся прямым нарушением этого закона. С.И. Елагин объяснил поступок капитана его принадлежностью к партии «якобитов» (Jacobites) — сторонников претендента на английский престол Якова II Стюарта[10]. Утверждение представляется сомнительным. По свидетельству другого английского капитана, Джона Перри, заключившего контракт о поступлении на российскую службу одновременно с Дж. Бекэмом, Вильгельм III дал Петру I «свободу и позволение выбирать из его подданных в свою службу тех, в которых представлялась ему надобность»[11]. Вероятно, у Дж. Бекэма были и веские личные причины для «выезда» в Россию. Судя по тому, что в сентябре 1696 года Военный суд Королевских военно-морских сил признал капитана виновным в потере корабля «Фортуна», его карьера в английском флоте зашла в тупик[12].

Путь Дж. Бекэма в Россию лежал через Нидерланды. Именно оттуда капитан прибыл в Архангельск 9 июня 1698 г. на яхте «Королевский транспорт» («The Transport Royal»), подаренной Вильгельм III Петру I. На борту судна находилось 110 иноземцев, пожелавших служить русскому царю, среди которых было

---

[8] *Матвеев В.М.* «Дипломатия в верхах» в XVII веке: Пётр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) // Пётр Великий — реформатор России. М., 2001 (Материалы и исследования / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский кремль». [Т.] 13).С. 227–245; *Козловский И.В.* Пётр I в Дептфорде // Там же. С. 247–253; Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб., 2013. С. 18, 21–58; *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. Т. 2. Л., 1941. С. 161–164, 270–273, 297–389; *Елагин С.И.* История русского флота... С. 93–96.

[9] ИРФ. Ч. 2. СПб., 1864. С. 137.

[10] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 278 (прим. 38).

[11] *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 1. [Отд.] 4. С. 108.

[12] The National Archives.

[Электронный ресурс] // http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C10064594 (дата обращения: 31.08.2014)

69 англичан[13]. Чем занимался моряк в течение последующих 12–13 месяцев в России, установить не удалось. Известно, что ему было назначено довольно приличное годовое жалованье в размере 432 руб.[14]

В России фамилия англичанина была исковеркана до неузнаваемости: в подавляющем большинстве документов тех лет она писалась как «Бекман»[15] (изредка — «Беком»). Имя его обычно воспроизводилось в калькированном виде, с вариантами: «Ян», «Иван» и «Яган». С.И. Елагин в своём труде «История русского флота: период азовский» воспроизвёл фамилию моряка в форме «Бекгам».

К сожалению, в известных нам источниках отсутствуют сведения, позволяющие составить объёмное представление о Дж. Бекэме как о личности. Российские документы отражают лишь его многотрудную служебную деятельность в Северо-Восточном Приазовье, достаточно рутинную и размеренную.

В 1699 году Дж. Бекэму довелось участвовать в знаменитом Керченском походе Петра I. Боевая эскадра Азовского флота, сопровождавшая до Керчи корабль «Крепость» (известен также как «Сила») с чрезвычайным и полномочным послом в Турцию Е.И. Украинцевым на борту, по мысли царя, должна была продемонстрировать превращение России в морскую державу и послужить дополнительным «аргументом» на переговорах о мире. В источниках существует разноголосица в вопросе, каким именно кораблем командовал Дж. Бекэм в этой экспедиции. Отложившийся в архиве Кабинета Петра I список участвовавших в Керченском походе судов с указанием имён их командиров, а также его копия, вручённая самим царём шведскому резиденту Т. Книпперу по возвращении в Москву, свидетельствуют, что Дж. Бекэм командовал фрегатом «Соединение» (известен также как «Уния»). Аналогичную информацию содержит «Роспись начальным людем и кораблям, каторые по указу великаго государя были в походе в морском караване», помещённая в картуше гравированной карты Азовского моря А. Шхонебека 1701 года[16]. По данным же составленного в 1699 году описания Керченского похода, сохранившегося в материалах «Турецких дел» Посольского приказа, англий-

---

[13] *Перри Д.* Указ. соч. С. 108; ИРФ. Ч. 2. С. 205–206, 479–480; *Данков М.Ю.* Тайны яхты «Transport Royal» // «Мы были»: Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Ч. 1. СПб., 2004. С. 42–45.

[14] ИРФ. Ч. 2. С. 213.

[15] Примечательно, что в феврале 1698 года, находясь в Англии, Пётр I нанял на российскую службу парикмахера по имени Ян (Джон?) Бекман, который вместе со своим коллегой отправился в Москву через Нарву и Новгород (ПиБ. Т. I. С. 240).

[16] ПиБ. Т. 1. С. 766; *Елагин С.И.* История русского флота... С. 285; РНБ. К 1-Чер 2/11.

ский капитан командовал фрегатом «Безбоязнь»[17]. Представляется, что большего доверия заслуживает последний источник, в котором для нужд дипломатического ведомства довольно подробно зафиксирован ход морской экспедиции к Керчи. Достоверность записки о Керченском походе можно проверить путём сопоставления содержащихся в ней сведений с данными статейного списка Е.И. Украинцева и походного «журнала» К.И. Крюйса 1699 года. Происхождение же списка судов российской эскадры и их командиров 1699 года, воспроизведенного в донесении Т. Книппера и на карте А. Шхонебека, все же не совсем ясно. Не исключено, что это всего лишь проект, разработанный Петром I при планировании Керченского похода и затем претерпевший изменения. На это косвенно указывают и некоторые другие отличия данного списка от перечня кораблей и их командиров, приведенного в записке о Керченском походе[18].

К 24 мая 1699 года, когда Пётр I прибыл в Азов, 36-пушечный фрегат «Безбоязнь» уже пришёл туда с верфи Усть-Хоперского городка[19]. Вероятно, Д. Бекэм добрался до Азова примерно в это же время. 14 августа эскадра Азовского флота отплыла от Таган рога к Керчи, при этом, по свидетельству участвовавшего в плаванье вице-адмирала К.И. Крюйса, Дж. Бекэму «повелено было наперед идти, чтоб эсквадру вел». 18 августа российские суда вошли в Керченский пролив и бросили якорь близ турецкой эскадры, стоявшей на рейде напротив Керчи. К.И. Крюйс отметил в походном дневнике, что неожиданный визит россиян «с такою изрядно вооружённою эсквадрою» привёл турецких моряков в ужас, который буквально «можно было из лица их видеть». 21 августа вице-адмирал в сопровождении нескольких офицеров, среди которых был и Дж. Бекэм, отправился на двух шлюпках осмотреть турецкую эскадру и Керчь. Под предлогом покупки кофе они посетили галеру османского сераскира Хасана-паши, где имели с ним любопытную беседу, подробности которой К.И. Крюйс зафиксировал в дневнике. Хасан-паша, узнав, что перед ним англичане и голландцы, заявил, что это «наилучшие друзья» турок, и удивился, зачем они служат русскому царю. Смущённые иностранцы ответили, что они — «наилучше друзья» царя, у которого с их государями мир, и служат тому, кто им «больше денег дает, и друг Англии и Голландии».

---

[17] ИРФ. Ч. 1. С. 430.

[18] Так, в качестве командиров кораблей «Крепость» («Сила») и «Замок» («Ситодель») в списке кораблей 1699 года фигурируют соответственно голландские капитаны Симон Рокескин и Петер фон Памбург, тогда как из записки о Керченском походе и ряда других источниках известно, что все было наоборот.

[19] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 129; *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. Т. IV. Л., 1948. С. 56.

Затем К.И. Крюйс с товарищами направились в Керчь, но стража не пропустила их через городские ворота, и им пришлось вернуться на свои суда. 31 августа российская эскадра возвратилась к Таган рогу, где на следующий день Д. Бекэм, вероятно, стал свидетелем закладки города-крепости Троицкого, сопровождавшегося освящением православной церкви, и присутствовал на пиру, устроенном боярином А.С. Шеиным для Петра I и офицеров[20].

Участвовавшие в Керченском походе девять кораблей разных классов[21], две галеры, яхта, шлюпки и боты были временно оставлены у Таган рога, где тогда же началось строительство первого в истории России искусственного военно-морского порта. Заведывание судами Пётр I поручил Дж. Бекэму, считая его, вероятно, одним из опытнейших моряков своего флота. Под командой англичанина в Северо-Восточном Приазовье также остались три капитана, командор и ряд нижних морских чинов. При этом Дж. Бекэм попал в непосредственное подчинение азовского воеводы боярина Степана Ивановича Салтыкова, которому он должен был докладывать, «если что к тому корабельному сохранению надобно будет, и где положить корабельные и всякие припасы»[22]. Такое положение дел не имело ничего общего с ситуацией, сложившейся в Англии — давней «владычице морей», военно-морские силы которой имели отлаженную и проверенную веками структуру. Но в России, делавшей самые первые, решительные, но слишком поспешные и потому необдуманные шаги на пути превращения в морскую державу, тогда ещё не было профильного морского ведомства, функции которого частично исполняли Владимирский судный приказ (с декабря 1696 года), на который было возложено руководство государственным кораблестроением, и образованный в декабре 1698 года Приказ воинских морских дел (Воинский морской приказ), ведавший личным составом флота[23]. Поэтому

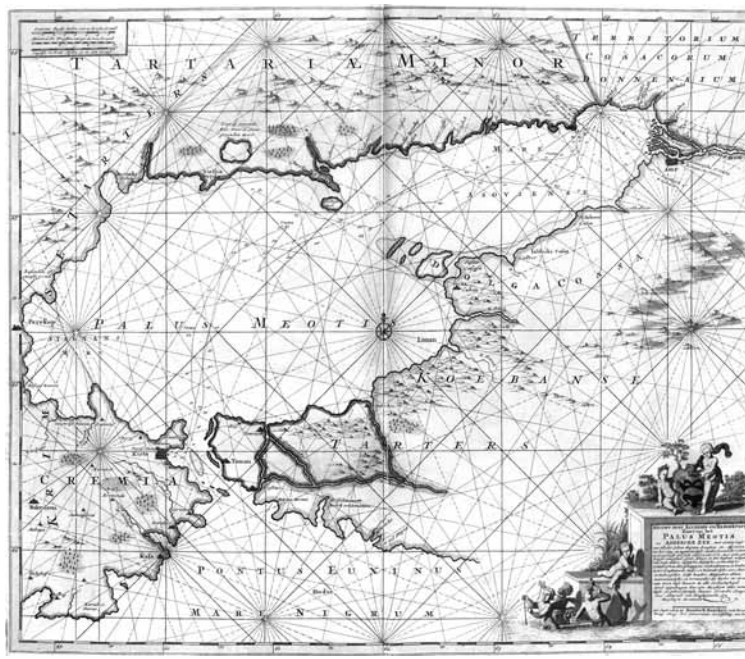
---

[20] [*Крюйс К.И.*] Экстракт из журнала, державного от господина вице-адмирала Крейса, на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову, 1699 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 8. СПб., 1850. С. 383–384, 388–392, 394; ИРФ. Ч. 1. С. 430–431, 437–438; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 303.

[21] «Благое начало», «Соединение» («Уния»), «Апостол Петр», «Отворенные врата», «Цвет войны», «Меркуриус», «Скорпион», «Замок» («Ситодель»), «Безбоязнь».

[22] ИРФ. Ч. 2. С. 212–213.

[23] *Богословский М.М.*: 1) Административные преобразования Петра Великого в 1699–1700 гг. Ч. 2 // Известия АН СССР: Сер. 7: Отд. гуманитарных наук. 1929. № 2. С. 104–105; 2) Пётр Великий: Материалы для биографии. Т. I. С. 363–365; 3) Пётр I: Материалы для биографии. Т. IV. С. 266; *Лавринов Ю.М.* История кораблестроения в Воронежском крае в конце XVII века: Автореферат дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 1982. С. 18–20; *Елагин С.И.* История русского флота... С. 55, 101.

3. Карта Азовского моря с изображением маршрута Керченского похода 1699 года. 1703/1704 года. Из атласа реки Дон

неудивительно, что английский капитан, по существу исполнявший обязанности начальника порта (ещё не существовавшего), оказался в непосредственном подчинении городового воеводы. Отчасти этому способствовало специфическое стратегическое положение Северо-Восточного Приазовья в качестве приграничного края, недавно включенного в состав Российского государства.

Поскольку Таганрогская гавань ещё не была приспособлена для стоянки флота, в сентябре участвовавшие в Керченском походе корабли под руководством Дж. Бекэма были переведены к Азову. Однако четыре судна так и не удалось провести через гирла Дона из-за мелководья: фрегат «Меркуриус» сел на мель и получил пробоину, а корабли «Скорпион», «Замок» и фрегат «Безбоязнь» 27 ноября вернулись к Таган рогу. Для их зимней стоянки Дж. Бекэм и командор Генрих Фогт (Андрей Фохт) выбрали место в затоне к востоку от Таган рога. Чтобы защитить суда ото льда, предполагалось оградить их сваями. Вероятно, эти работы не были проведены, так как 3–4 декабря, во время оттепели, когда волны разбили ледяной покров моря, два корабля сорвало с якорей и унесло в разные

стороны[24]. В мае 1700 года Д. Бекэму наконец удалось привести «Скорпион», «Замок», «Безбоязнь» и «Меркуриус» в Азов. В начале июня того же года из Константинополя к Таган рогу вернулся посольский корабль «Крепость» под командованием капитана Петера фон Памбурга[25] (эти сведения, содержащиеся в отписке азовского воеводы С.И. Салтыкова в Разрядный приказ, ставят точку в вопросе о том, какой именно российский корабль впервые совершил плаванье в турецкую столицу в 1699 году). 21 июня «Крепость» перевели к Азову, а на следующий день на судне произошел пожар, который воевода с «ратными людьми» потушили. Докладывая о происшествии в Разряд, С.И. Салтыков пересказал содержание письма Дж. Бекэма, сообщившего о причине возгорания: «не нарочно загорелас смола в котле, и ис того котла смола пошла через, и оттого огнем захватилос окно сверху поварни, где идет дым, малое число и незнатно, и убыт никакова нет, и болши того худа никакого нет — скоро погасили»[26].

Отмечая в донесении царю от 14 декабря 1700 года, что «надзирать» над флотом в Северо-Восточном Приазовье — его «долженство», Дж. Бекэм с удовлетворением отметил, что он корабли «к месту поставил и на бок взвалил и вычестил так, что несрамно объявить их всему свету». Из этого же документа мы узнаем, что азовский воевода С.И. Салтыков, который «часто приходит флот смотреть», теперь «из города пришел и у флота будет жить», и капитану «приказывает все давать, что надобно»[27]. Боярин не формально относился к проблемам флота, забота о котором была возложена на него воеводским наказом, полученном 12 апреля 1699 года при назначении в Азов[28]. Подчинённость моряка воеводе отнюдь не была формальной. Англичанин не только отчитывался перед ним о работе, но и получал от него под расписку расходные материалы — от строевого леса до свечей. При этом не обходилось без традиционной российской волокиты. Так, в ноябре 1698 года Дж. Бекэм «с товарыщи» обратился к С.И. Салтыкову со словесным челобитьем о выдаче им на корабли свеч и дров. Элементарная, казалась бы, просьба поставила боярина в тупик, и в поисках решения проблемы ему пришлось доложить о ней в вышестоящую инстанцию. В отписке, отправленной на имя

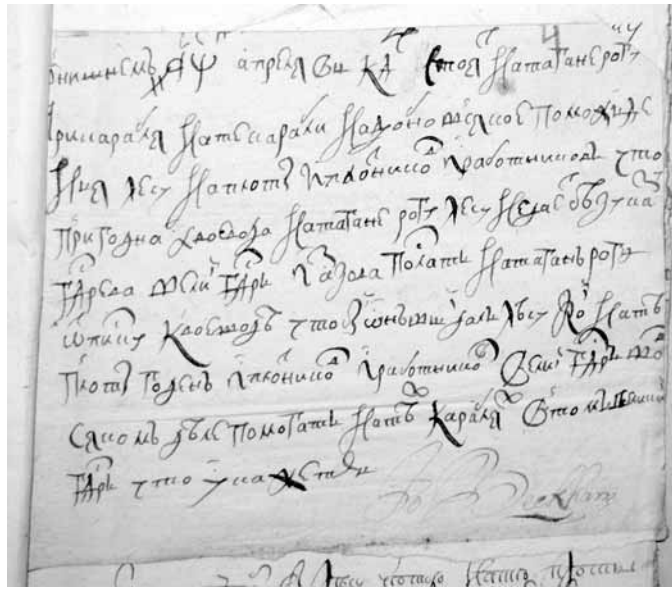
[24] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 168. Л. 36–36 об.; Оп. 1. Д. 172. Л. 5; РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 348–349 об., 399–400; Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 19 об.–20.

[25] ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 98–98 об., 124.

[26] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 558 об.–559, 561 об.

[27] Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оные. Ч. 2. СПб., 1829. С. 12.

[28] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 7. Л. 42–43.

4. Письмо Д. Бекэма С.И. Салтыкову.
1700 год. ГАВО

царя в Разрядный приказ, Степан Иванович, в частности, констатировал: «...а без твоего великого государя указу свеч и дров мы, холопи твои, давать им не смеем». Суть отписки сводилась к вопросу: «И о даче на корабли свеч и дров по сколку на карабль, великий государь, что укажешь?». Занимаясь в апреле 1700 года ремонтом стоящих у Таган рога трёх кораблей, капитан вынужден был писать азовскому воеводе о необходимости получения леса и рабочей силы для сооружения плотов, так как троицкий воевода стольник Е.И. Янов отказывался выделить ему все это «без указу государева». Поэтому Дж. Бекэм просил С.И. Салтыкова: «...вели, государь, из Азова послать на Таган рог отписку к воеводе, чтоб он выдал лесу, кой на те плоты годен, плотников и работников». Написанное русским подьячим письмо английского моряка заканчивалось почти иррациональной просьбой: «Вели, государь, во всяком деле помогать на тех кораблях»[29]. В специфичных российских условиях троицкий воевода мог оказать содействие капитану в выполнении служебных обязанностей лишь по письменному обращению его непосредственного на-

[29] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 168; ИРФ. Ч. 1. С. 501 (подстрочн. примеч.); ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 168. Л. 34; там же. Д. 247. Л. 4.

чальника, так как был не вправе расходовать материалы и использовать работников не по целевому назначению на работах, находящихся в ведении азовского воеводы.

Основным местопребыванием Дж. Бекэма в Северо-Восточном Приазовье с 1699 года был Азов. К концу 1700 года там сконцентрировалось большое количество морских судов, участвовавших во втором Азовском и Керченском походах: 14 кораблей, 4 галеры, 24 фурката (парусно-гребных фрегата), 13 бригантин, яхта, 2 каги и 2 бота[30]. Другая, меньшая часть Азовского флота, базировалась у Таган рога. Поскольку там отсутствовали условия, необходимые для содержания и ремонта судов, для этого их отправляли в Азов. Основной задачей Дж. Бекэма являлась починка старых судов, оснастка и спуск на воду новых, приходивших с верфей Верхнего Дона, а также создание необходимой для этого инфраструктуры (строительство доков, эллингов, мастерских, сараев и т.п.)[31]. Для починки судов в мае 1700 года из Воронежа в Азов были командированы три иностранных корабельных мастера и 50 русских плотников[32]. В 1701 году у Азова, на противоположном правом берегу Дона, был основан Адмиралтейский двор, имевший в длину 40 и ширину 31 сажень (85 х 66 м). К лету 1711 года там находились 20 амбаров для хранения «корабелных припасов», мачт и шлюпок, а также 6 «мостов» из бруса «для таскания из воды» кораблей, галер и шлюпок — то есть эллинги. Между ними располагалась пристань на сваях, а за ней — «деловой двор», где хранились лесоматериалы. «Для охранения кораблей, которые переделывают» у Адмиралтейского двора возвели бревенчатый раскат, служивший артиллерийской позицией, и караульную избу. Поблизости на берегу Дона находились: «ветреная пилная мельница», 4 мастерские, 2 угольных амбара, 8 кузниц и целая слобода флотских служащих из 64 дворов, принадлежащих офицерам, мастерам и матросам[33].

Сам Дж. Бекэм, как и другие иностранцы, старшие офицеры и представители местной администрации, жил в Азове. Сохранилось подробное описание его двора, составленное 30 января 1700 года: «изба с комнаткою из бударного лесу, мерою длиной пол 4 сажени, поперешнику 3 сажени; перед нею сени, в сенях забрана поварня, мерою сени — длиной 3 сажени, поперег пол 4 сажени, в ней строения — пол и лавки, печь белая под лесней; изба черная мерою дву сажен длиной и поперег, крыты избы и сени досками бударного лесу;

---

[30] ИРФ. Ч. 1. С. 476.

[31] Там же. Ч. 2. С. 30, 39, 77, 79–81, 84–85, 88–90, 92–93, 100–102.

[32] Там же. Ч. 1. С. 470–471.

[33] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 312. Л. 14; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 497–498.

...изба белая из бударного лесу, в ней строеня — пол и лавки, печь белая, перед нею сени того ж бударного лесу, мерою изба и сени — в длину и поперег по 2 сажени, крыты тесом бударных досок; у дву белых изб двери на крюках». К 1711 году двор англичанина был перестроен, и теперь там располагались «2 светлицы, меж ими сени, погреб с напогребицею, поварня, конюшня, сарай»[34].

Следует отметить, что Дж. Бекэм входил в число многочисленных корреспондентов Петра I, причём моряк переписывался с ним не только по вопросам своей профессиональной деятельности. Например, в письме из Троицкого от 24 июля 1709 года он поздравлял царя «з доброю викторию» в Полтавской битве[35].

Российские корабли в начале XVIII века ходили по Азовскому морю довольно редко, в основном в учебных, испытательных и разведывательных целях. Тогда российская акватория заканчивалась у Миусского лимана, и заходить в турецкие территориальные воды без особой нужды было нежелательно. Тем не менее, в 1702 году состоялось плаванье двух российских кораблей к Белосарайской косе и Керчи[36]. Оживлению мореходства способствовало развитие в Северо-Восточном Приазовье соляного промысла, монополизированного государством. В 1703 году Россия начала казённую добычу соли в рапных озёрах, расположенных между устьем р. Берда и Бердянской косой, то есть на территории Крымского ханства. С тех пор туда из Троицкого ежегодно посылалась специальная морская и сухопутная экспедиция для ломки соли. Если в 1703 году плаванье к Бердянским озёрам совершил один корабль — «Разженое железо», то в 1707 там побывали уже три корабля («Ёж», «Соединение», «Разженное железо»), которые доставили в Троицкий более 30,5 тысяч пудов соли. Во время этих экспедиций корабельные экипажи проходили профессиональную подготовку[37]. Плаванье кораблей за бердянской солью С.И. Елагин справедливо считал единственными «проблесками морской жизни» Азовского флота[38].

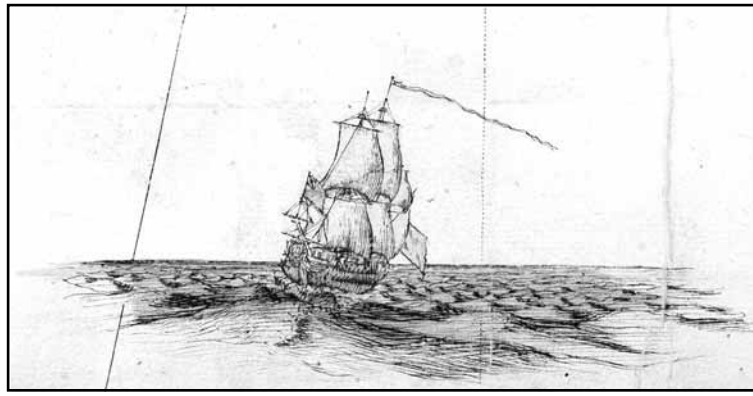
[34] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 796–796 об; Д. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 303.

[35] Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оные. Ч. 2. С. 11–12; ПиБ. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 288; Вып. 2. М., 1952. С. 1089.

[36] *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII–начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 201–204.

[37] *Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII–начале XVIII в.: (Очерки заселения и хозяйственного освоения): Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966. С. 230–232; ИРФ. Ч. 2. С. 21, 30–32, 54, 65–66, 85, 91, 93; ПиБ. Т. 5. СПб., 1907. С. 611; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 8. Л. 133.

[38] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 217.

5. Корабль Азовского флота.
Фрагмент плана Таганрогской гавани П. Бергмана. 1702 год. ОР БАН

В 1709 году Дж. Бекэм был произведён в чин капитана-командора красного флага[39]. Вероятно, это сделал лично Пётр I во время пребывания в Северо-Восточном Приазовье в апреле–мае. По крайней мере, уже 25 мая «морского флота капитан-комендор красного флага Иван Бекман» председательствовал на морском суде над тремя офицерами флота[40]. Примечательно, что сам царь, официально служивший во флоте, имел тогда аналогичный чин[41]. К 1710 году под непосредственным началом Дж. Бекэма находились: три капитана, семь поручиков, подпоручик, четыре штурмана, капрал, три лекаря, шесть боцманов и шестнадцать матросов[42].

Именным указом от 29 марта 1710 года Пётр I повелел находящиеся в Троицком и Азове «корабли, каторги и всякие мореходные суда и на них морских служителей ведать, и во всем служителям быть послушным» азовскому губернатору Ивану Андреевичу Толстому. Дж. Бекэм воспринял это подчинение как «отнятие» у него команды и связывал его с кознями губернатора. В письме азовскому генерал-губернатору адмиралу графу Ф.М. Апраксину от 1 июня капитан-командор подчёркивал свою лояльность и доказывал, что не мог вызвать недовольство И.А. Толстого. В частности, моряк писал: «...я по приказу

[39] Общий морской список. Ч. 1. СПб., 1885. С. 38. Указ о чинопроизводстве Д. Бекэма пока не удалось разыскать в архивах.

[40] ПиБ. Т. IX. Вып. 1. С. 196–198. Подсудимые капитаны Генрих Нанинг, Корнелиус Боот и капитан-поручик Николас Хагман обвинялись в хищении казенного имущества.

[41] Общий морской список. Ч. 1. С. 5.

[42] ИРФ. Ч. 2. С. 305 (подстрочн. примеч).

в[ашего] п[ревосходительства] всегда с его милостию о всяком споможении спрашивался, а я морской флот команду управляю тому 10 лет и всегда царскому величеству служу верою и правдою; я желал себе от твоего превосходительства прибавочного чину, а ежели ныне убавится чин, то зело мне болезненно». Отношения капитана-командора и губернатора в это время совершенно испортились. Так, в письме от 22 января 1711 года Дж. Бекэм ревностно доказывал графу Ф.М. Апраксину, что И.А. Толстой не имеет непосредственного отношения к постройке сараев для хранения мачт и шлюпок, и если он «станет доносить, что оное управлял он, и тогда не дело, потому что он ничего ко флоту из своей головы не чинил...». Англичанина, служащего, по его собственным словам, «двенадцатый год верою и правдою», задело заявление губернатора о том, что «команда морскаго флота его». И.А. Толстой, в свою очередь, уверял графа Ф.М. Апраксина, что капитан-командор ему «не послушен»[43].

В августе 1710 года Дж. Бекэм возглавил две экспертные комиссии, организованные для обследования находящихся в Северо-Восточном Приазовье морских судов[44]. Ревизия подтвердила слабую боеспособность Азовского флота. Так, из 19 кораблей шесть требовали ремонта, а шесть пришли в полную негодность. Не лучше было состояние и судов других типов[45].

В ноябре 1710 года Турция объявила войну России. Разработанный Петром I вскоре стратегический план военных действий включал операции на широком фронте от Балканского полуострова до Северо-Западного Кавказа. Азовскому флоту в начавшейся войне отводилась второстепенная роль. Отправляя в начале 1711 года адмирала графа Ф.М. Апраксина на юг, царь даже не дал ему никаких конкретных распоряжений для действий флота на Азовском море. Первоначально в предстоящей кампании предполагалось использовать довольно мощную эскадру из 32 судов. Однако их осмотр показал, что боеспособность Азовского флота намного ниже, чем представлялось. По техническим причинам в море можно было вывести лишь 13 судов (в т.ч. шесть линейных кораблей)[46]. В связи с тем, что

---

[43] Там же. С. 89, 90, 101–102.

[44] Общий состав комиссий был следующий: капитан-командор Джон Бекэм, комиссар Владимир Похвиснев, капитаны Лука Лицца, Корнелиус Боот, Генрих Нанинг, Ян Мургант, поручик Энгель Хартох, корабельные мастера Ариан Арианов, Корнелиус де Вильде, галерный мастер Константин Юрьев, корабельный подмастерье Эверт Янсон.

[45] ИРФ. Ч. 2. С. 93–95.

[46] *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 93–108; ИРФ. Ч. 2. С. 106–108; *Елагин С.И.* История русского флота... С. 231.

в 1711 году весенний разлив Дона не достиг ожидаемого уровня, большинство этих судов из-за мелководья не смогли двинуться в поход с верфей Воронежского края. Лишь два корабля, две шнявы и шесть скампавей смогли пройти Доном к Азову и выйти в море[47].

До прибытия в Азов адмирала графа Ф.М. Апраксина и вице-адмирала К.И. Крюйса Дж. Бекэм руководил там подготовкой судов к кампании. Ещё в самом начале 1711 года, опасаясь нападения кубанских ногайцев, он вооружил стоящие в Азове корабли пушками и для их защиты начал сооружение надолбов вокруг «слободы морскаго флота». В середине марта здоровье капитан-командора серьёзно и надолго пошатнулось — прибывший в Азов 27 апреля К.И. Крюйс застал его больным[48]. 1 мая вице-адмирал перебрался в Троицкий, оставив капитана-командора в Азове. Занимаясь приготовлением к выходу в море судов, продолжавших прибывать по Дону из Воронежа, Дж. Бекэм вёл с К.И. Крюйсом оживлённую служебную переписку, едва ли не ежегодно докладывая ему о состоянии дел в Азове[49].

В соответствии с полученной 6 апреля 1711 года инструкцией, вице-адмирал К.И. Крюйс должен был сформировать у Таган рога эскадру из пяти-шести кораблей, галер и бригантин, и послать её к Керченскому проливу для диверсии. В случае появления в проливе турецкого флота, российской эскадре следовало крейсировать между северным и восточным берегом Азовского моря и оказывать противодействие судам противника. Но предполагаемое плаванье к Керченскому проливу из-за малочисленности эскадры не состоялось. Прибытие судов с Верхнего Дона задерживалось из-за мелководья реки — Таган рога они достигли только в конце мая, причём два корабля пришлось оставить в Азове для окончательной достройки. К концу июня под командованием вице-адмирала находился один линейный корабль «Гото Предестинация» («Божье Предведение»)[50], два фрегата «Соединение» и «Меркуриус», брандер, две галеры, три

---

[47] ИРФ. Ч. 2. С. 113–114; *Елагин С.И.* История русского флота. С. 232–233.

[48] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 20. Л. 75–75 об.; Д. 19. Л. 30 об.; ИРФ. Ч. 2. С. 100–102, 112, 115–116.

[49] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 37; Ф. 234. Оп. 1. Д. 25. Л. 8–9, 10–10 об., 13–14 об., 18–24 об., 26–26 об., 28–30 об., 32–34, 37–39 об., 42, 49–49 об., 52–52 об., 55–55 об., 58–61 об, 63–65 об., 69–71, 74–76 об., 79–85 об., 97–97 об., 99–99 об., 102, 105–106 об., 110, 112–120, 133–134 об.

[50] Примечательно, что шедевр русского кораблестроения, гордость Петра I — 58-пушечный линейный корабль «Гото Предестинация», построенный под руководством самого царя и спущенный на воду в Воронеже в апреле 1700 года, вышел в море лишь спустя одиннадцать лет — в июне 1711 (*Елагин С.И.* История русского флота. С. 162–165; РГА ВМФ, Ф. 234. Оп. 1. Д. 25. Л. 85; ИРФ. Ч. 2. С. 121–122, 127).

шнявы, две бригантины, тартана, четыре каги, одиннадцать скампавей и до ста казачьих стругов. В начале июля эскадра пополнилась линейным кораблём «Ластка», командование которым должен был принять Дж. Бекэм[51]. Таким образом, военно-морские силы России на Азовском море не представляли реальной угрозы для османского флота и об использовании их в целях наступательной войны не могло быть и речи.

9 июля османская эскадра из 18 кораблей, 14 галер, около 40 фуркатов и более 100 мелких судов, беспрепятственно вошла в Таганрогский залив и направилась к Таганрогу. В тот же день обуреваемым воинским духом, служебным рвением и честолюбием Дж. Бекэм писал К.И. Крюйсу: «Прошу у вашего превосходителства милости, чтоб ко мне указ прислат, чтоб мне в Троецкой быт, и ваше превосходителство изволиш меня приказат наредить. Ежели с неприятелским флотом учиница бой, и как я при том не буду, и в том честь свою потеряю, и спросят у меня: что я здес делаю? О том надежен на милость вашего превосходителства, аки на своего патрона. Пожалуй, учини надо мною милостиво, чтоб мне свою честь не потерят. Я всесердешно рад служит, куды ваше превосходителство изволиш меня наредит, толко пожалуй, не учини меня по милости своей в забвении»[52]. Но морскому бою в Азовском море не суждено было произойти, и не только из-за слабости российской эскадры.

12 июля 1711 года на главном театре войны в Молдавии был подписан Прутский мирный договор, по условиям которого Россия обязалась вернуть Турции Северо-Восточное Приазовье[53]. Закономерным следствием этого стала ликвидация Азовского флота. Корабли «Гото Предестинация» и «Ластка», шнявы «Лизет» и «Мункер» граф Ф.М. Апраксин продал за 26 167 венецианских золотых османскому капудану-паше Мехмеду-паше, негодные ветхие суда были брошены у Азова, а остальные отведены вверх по Дону к Черкасску и Транжаменту[54].

---

[51] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 35, 37; ИРФ. Ч. 2. С. 110, 115–117, 121–123, 127–128; Война с Турцией 1711 года: (Прутская операция): Материалы извлеченные из архивов. СПб., 1898 (Сб. Военно-исторических материалов. Вып. 12). С. 152, 232–233; Елагин С.И. История русского флота. С. 235–236.

[52] РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 4–6; Ф. 9. Оп. 3. Д. 13. Л. 6, 7; РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 25. Л. 105–105 об.

[53] ПиБ. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 322–324.

[54] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 270–270 об., 368, 369 об.; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 13. Л. 596 об., 597; Ф. 160. Оп. 1. 1711. Д. 11. Л. 15; ИРФ. Ч. 2. С. 136–137, 143, 153; ПиБ. Т. 12. Вып. 2. М., 1977. С. 567, 568; *Елагин С.И.* История русского флота. С. 238–240.

10 августа К.И. Крюйс приказал Дж. Бекэму зимовать в Черкасске во главе оставленной там группы моряков, однако это не входило в планы последнего (он намеревался отпроситься у графа Ф.М. Апраксина «для нужд своих к Москве ехат»). В этой связи 15 августа капитан-командор обратился к вице-адмиралу с просьбой «в Черкаском не быт», мотивируя это тем, что служит царю уже тринадцатый год, и предложил назначить вместо себя капитана Луку Дамиани (Демьянова). В это время англичанин находился в Азове, где вместе с другими моряками под руководством адмирала занимался делами флота[55].

Будучи третьим человеком на Азовском флоте после графа Ф.М. Апраксина и К.И. Крюйса[56], Дж. Бекэм так и не проявил себя в качестве флагмана. Как отметил С.И. Елагин, «по странному стечению обстоятельств», капитан-командор «не пережил печальной участи, постигшей суда и оба порта», которыми он заведовал на протяжении двенадцати лет. После пятимесячной болезни он скончался 16 сентября 1711 года, о чём граф Ф.М. Апраксин вскоре сообщил покинувшему регион К.И. Крюйсу: «Господин капитан-камендор Бекман волею Божиею света сего лишился сего сентября 16 числа»[57]. Для описи движимого имущества покойного в Азове была организована специальная комиссия из трёх офицеров флота[58]. 20 сентября граф Ф.М. Апраксин приказал комиссии «пожитки, которые осталис после смерти морского флота капитана-комендора красного флага Ивана Бекмана, по иноземческому обычаю, кто пожелает купить — продать настоящею ценою»[59]. Двор моряка при передаче Азова туркам был продан наряду с другим «хоромным строением»[60].

Итог деятельности британца в Северо-Восточном Приазовье оказался неутешительным: после заключения Прутского мира дело, которому он посвятил себя в России, пошло прахом. Начавшаяся в 1710 году русско-турецкая война показала, что Азовский флот является небоеспособным и бесполезным соединением. Тем не менее, Дж. Бекэм, как и многие другие иностранные моряки, внёс свой вклад в создание российского военно-морского флота.

---

[55] РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 25. Л. 134–134 об., 150.

[56] Шаутбенахт (контр-адмирал) граф И.Ф. Боцис со времени приезда в Россию в 1703 году служил на Балтийском флоте (Общий морской список. Ч. 1. С. 52–53).

[57] *Елагин С.И.* История русского флота. С. 241; РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 25. Л. 160–160 об.

[58] Состав комиссии: капитан Лука Дамиани, поручик Энгель Хартох и подпоручик Яков Камер.

[59] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28. Л. 528.

[60] Там же. Д. 31. Л. 302, 303.

Т.П. Мазур
(Санкт-Петербург)

Британские морские специалисты петровского призыва на службе России

Российско-английские отношения берут начало с середины XVI века. Россия, обладавшая огромными природными богатствами, значительно отставала в экономическом развитии от стран Запада. Торговые и культурные связи страны были затруднены оторванностью от морей. Российские правители неоднократно планировали прорыв к морям. Особенно настойчиво в этом вопросе проводил свою политику царь Иван Грозный. Ярким примером в освоении морских просторов для России стала история крупнейшей морской державы мира, Англии.

В 1553 году в устье Северной Двины бросил якорь английский корабль «Эдуард Бонавентура». Представители Британских островов с почетом были приняты в Москве царем Иваном Грозным. С этого визита начались дипломатические, культурные и экономические связи России и Англии, Вскоре представители Британских островов получили собственное подворье в Москве, где селились торговые люди и представители знатных родов, решивших связать свою судьбу с Россией. Примером может служить шотландский род Брюсов, представители которого жили в России с 1647 года. Ярким представителем рода является Яков Вилимович Брюс — один из образованнейших сподвижников Петра I, родившийся в России в 1670 году и начавший службу в потешных войсках молодого царя. Он был участником первых походов зарождавшегося российского военно-морского флота, сопровождал Петра I во время пребывания в Англии, и ему царь поручил завершить неоконченные в Англии дела. Именно ему и А.И. Остерману было поручено подписание в 1721 году Ниш-

тадтского мирного договора между Россией и Швецией. Брат Якова, Роман Вилимович Брюс, был петербургским обер-комендантом в петровский период.

Развитие российско-английских отношений продолжалось при представителях рода Романовых. Особая роль здесь принадлежит великому преобразователю России Петру I. Вступивший на престол молодой царь Пётр ставит перед собой цель — превратить Россию в могучее европейское государство. Он прекрасно понимал, что задуманные реформы в экономической, политической и культурной сферах во многом зависели от возможности свободного выхода к морям. Пётр I одну из стратегических задач сформулировал так: «к силе земной присовокупить и морскую». Это определило содержание внешней и внутренней политики государя, направленной на превращение России в великую морскую державу. Он понимал что для осуществления целей стране нужен регулярный военно-морской флот, а не создаваемый эпизодически, как это было при его предшественниках.

Сам государь был душой строительства флота. Но как бы ни был гениален один человек, без квалифицированных и верных соратников претворить в жизнь великие цели невозможно. Было принято решение опереться на богатейший опыт западноевропейских стран. Не считаясь ни с социальной, ни с национальной принадлежностью, Пётр I собрал под свои штандарты специалистов со всего света. В истории Российского военно-морского флота заметный след оставили представители Британских островов, пришедшие на русскую службу военные моряки, кораблестроители, фортификаторы, учёные.

Первый и самый многочисленный наем английских морских специалистов был осуществлён в период пребывания в Европе в 1697–1698 годах Великого Посольства, в составе которого находился и Пётр I. Европа для Петра I — это море и корабли. В путешествии он знакомился с верфями и строительством кораблей; с военными, коммерческими и промысловыми флотами крупнейших морских держав, Голландии и Англии.

Первой на пути Великого Посольства была Голландия. Здесь царь в качестве ученика ознакомился со всеми этапами строительства корабля. Вникая во все этапы работы, Пётр I заметил, что в Голландии кораблестроители не обладали теоретическими знаниями, а руководствовались только практикой. Узнав от одного из английских специалистов, находившихся в Голландии, что в Англии эта отрасль является более качественной, Пётр I решает отправиться туда. Его визит в Англию в январе – июне 1698 года стал эпохальным. Пребывание в стране Пётр I посвятил изучению достижений английского

кораблестроения, науки и найму на русскую службу специалистов. Знакомство с английским флотом началось еще в голландском порту Гельветслюйс, куда прибыла английская эскадра для доставки группы во главе с Петром I к берегам Альбиона. Наиболее сильное впечатление у представителей Великого Посольства осталось от Портсмута, где Пётр I со спутниками осматривал корабли. На Спитхедском рейде царю демонстрировали «примерное» сражение. Поселившись в Дептфорде, Пётр I занялся изучением теории английского кораблестроения, плавал на английском флоте до острова Уайт и присутствовал на устроенных в его честь маневрах. У него состоялось несколько встреч с королем Вильгельмом III, от которого Пётр I получил в подарок яхту. Без внимания царя не остались достижения английских ученых, музеи и библиотеки. «Навсегда остался бы я плотником, если бы не научился у англичан», — говорил Пётр I.

Одним из полезнейших следствий Великого Посольства и путешествия вместе с ним Петра I было приглашение на русскую службу специалистов. В Англии было принято не менее 80–90 человек, некоторые были приняты самим царём. Это были кораблестроители, инженеры, мастера различных специальностей и несколько моряков.

Из английского приёма 1698 года особенно полезными российскому флоту были кораблестроители. Это прежде всего Джозеф (Осип) Най, принятый 18 июня 1698 года самим Петром I со званием корабельного мастера. С 1698 по 1712 год он проходил службу в Воронеже, где им были построены корабли «Черепаха», «Шпага», «Сулик», «Скорпион» и «Цвет войны». В 1710 году внёс предложение «Об исправлениях, которые подлежит сделать в корабельных чертежах». В 1712 году переведён в Санкт-Петербург. Построил на р. Ижоре 20 бригантин. А затем, находясь при Санкт-Петербургском адмиралтействе, построил 10 кораблей, в том числе: «Исаак Виктория», «Астрахань», «Крейсер», «Пётр II», «Слава России». Принимал участие в достройке 100-пушечного корабля, начатого Петром I. Дослужился до звания капитан-командора (1723) и 10 мая 1737 года за старостью и из-за болезней уволен со службы с пожизненной пенсией. Уехал в Англию.

В 1698 году принят на службу сын выдающегося английского кораблестроителя Э. Дена корабельный мастер Джон Ден. Но его пребывание в России было весьма кратким. В 1699 году он умер в Москве.

Особо следует отметить корабельного мастера Ричарда Козенца, теоретика и практика российского кораблестроения начала XVIII века. Потомственный английский корабел окончил высшую школу корабельной архитектуры и работал на Королевской верфи в Депт-

форде. Вероятно, когда там знакомился с кораблестроением Пётр I, к нему поступило предложение о приеме на русскую службу. В 1700 году Ричард Козенц приезжает в Россию, она становится его второй родиной. До 1712 года в звании корабельного мастера работал в Воронеже и Таврове на строительстве Азовского флота. На Воронежской верфи построил корабль «Спящий лев», а в Таврове руководил постройкой четырех судов. В 1712–1733 годах в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской верфи под его руководством было построено около 10 судов, в том числе «Ингерманланд», «Москва», «Гангут». При строительстве «Гангута» разработал проект эллинга на Адмиралтейской верфи и руководил его постройкой. В 1733 году в чине капитан-командора (1723) направлен на Архангельскую верфь. Здесь им построены линейные корабли «Северная звезда» и «Город Архангельск». Умер в декабре 1735 года в Архангельске. За 35 лет работы на российских верфях подготовил сотни квалифицированных рабочих и десяток опытных мастеров-судостроителей. Он один из авторов стандартизации в российском судостроении.

В этот период Петром I на службу принят шлюзный мастер Джон Перри, осуществлявший работы на канале, которым предполагалось соединить Волгу с Доном, и по устройству доков для Азовского флота. В 1712 году уехал в Англию.

В период Великого Посольства было принято всего несколько моряков. В 1698 году на подаренной английским королем Петру I яхте прибыл в Архангельск Ян Бекман. 4 июня он принят на русскую службу капитаном. В 1699 году участвовал в Керченском походе, командуя кораблем «Безобоязнь». После кампании оставлен в Азове для управления Азовским флотом. В 1709 году получил звание капитан-командора красного флага. В 1711 году командовал кораблем «Ласка» в эскадре вице-адмирала К. Крюйса. 16 сентября 1711 года умер в Азове.

В 1697 году на службу в российский флот принят Петром I служивший в английском флоте французский моряк Франц Вильбуа, закончивший свою военную карьеру в звании вице-адмирала, отдав службе России 50 лет.

В 1698 году в Голландии принят английский моряк Ян Валронт. В Керченском походе командовал кораблем «Меркурий». С 1704 по 1708 год находился на Олонецкой верфи. В 1710 году командовал кораблем «Иван-Город», находящимся в эскадре, сопровождавшей к Выборгу транспорты с провиантом и артиллерией. В 1712 году плавал с флотом к Выборгу. В 1713–1727 годах находился в увольнении. В 1728 году вновь принят на службу и служил до конца своих дней. Умер в Архангельске 13 октября 1729 года.

Пётр I понимал, что кроме найма на службу иностранных моряков, Россия должна готовить свои кадры. Во время пребывания в Англии Петру I в 1698 года в Лондоне был представлен, как опытный преподаватель математических наук и мореплавания, профессор математики Абердинского университета шотландец Генри (Андрей Данилович) Фарварсон. 15 ноября 1699 года царь принимает его на службу учителем математики для подготовки специалистов для флота. При открытии 14 января 1701 года в Москве Школы математических и навигацких наук Генри Фарварсон назначен учителем математики. Преподавал математику, навигацию, геодезию. При учреждении в Санкт-Петербурге в 1715 году Морской академии переведён профессором математики, где продолжал деятельность до своей кончины 19 декабря 1739 года. Сорокалетняя деятельность Генри Фарварсона была чрезвычайно полезна для нашего молодого флота. Он признан первым русским профессором математики и навигации, учителем первых отечественных моряков Российского военно-морского флота. По мнению современников, ему принадлежит заслуга введения в России арабских цифр. Рецензировал все выходящие книги по математике. Составил первые учебники по математике, в том числе по высшей, на русском языке. Адмиралтейств-коллегия поручила ему составление Генеральной карты Каспийского моря. Генри Фарварсон — автор многочисленных трудов по тригонометрии, навигации, геодезии, астрономии, которые издавались и после его смерти.

В 1698 году для подготовки российских морских специалистов принимаются в помощь Генри Фарварсону для преподавания мореходных наук Стефан Гвын (Гвин) и Ричард Грейс (Грис). По прибытии в 1699 году в Россию они поступили в ведение Оружейной палаты. При основании в Москве Школы математических и навигацких наук зачислены преподавателями навигации. Судьба Ричарда Грейса (Гриса) сложилась трагически. Он был убит в январе 1709 года в Москве разбойниками. Стефан Гвын в 1715 году переводится в Санкт-Петербург в Морскую академию на должность «академического» учителя и продолжил службу до своей смерти в 1720 году.

После завершения миссии Великого Посольства прием английских морских специалистов продолжался. Наём поручался русским агентам, постоянно проживавшим за границей, морским офицерам, специально посылаемым с этой целью, и самим Петром I во время его второго визита в Европу.

Особенно необходимо отметить среди выходцев с Британских островов боевых морских офицеров, внесших вклад в боевую летопись Российского военно-морского флота. Их судьба была тесно связана с Санкт-Петербургом и его форпостом Кронштадтом. Многие из них на невских берегах и на о. Котлин нашли свой покой.

В первые годы XVIII века на русскую службу пришли два английских моряка. В 1702 году боцманом поступает на русский флот Джон Никлас. В 1717 году он получает офицерский чин лейтенанта. С 1721 по 1752 год командовал различными судами и плавал в Балтийское море. 4 февраля 1752 года уволен со службы и награждён годовым жалованием.

В 1703 году принят на службу капитаном Генрих Симсон и направлен в Воронеж, но уже в 1704 году переведён на Олонецкую верфь. В 1705 году, командуя шнявой «Святой Иоаким», участвовал в обороне Кронштлота. До 1711 года служил на Балтийском флоте, командуя различными кораблями. В апреле 1711 года переведён в Тавров, а затем в Азов. Плавал в эскадре вице-адмирала К. Крюйса и после заключения мира с Турцией в соответствии с договором о продаже туркам наших кораблей был послан в Константинополь для их передачи. В ноябре 1712 года был там арестован, но вскоре освобожден и отправлен через Англию в Россию. В январе 1713 года прибыл в Архангельск. Произведен в капитаны 1 ранга и, приняв командование кораблем «Архангел Гавриил», совершил переход на Балтику. В июне 1714 года вступил с кораблём в состав Ревельской эскадры и в 1715 г. крейсеровал с флотом у Дагерорда. 26 ноября 1915 года уволен со службы.

В июне 1713 года на купленном для российского флота в Англии фрегате «Лансдоу» в должности его командира прибывает на Балтику Питер Нейльсон (Нильсен) и принимает участие в плаваниях в составе Балтийского флота. В декабре 1713 года получает звание капитана 3 ранга. В январе 1714 года состоит членом суда над вице-адмиралом К. Крюйсом, под приговором стоит его подпись. Командовал в 1714–1716 годах различными кораблями в составе флота. В 1717 году закончил службу.

В 1714 году российский флот пополнился ещё двумя английскими моряками. Поручиком принят на службу Джеймс Кенеди. Плавал на различных судах, постепенно продвигался в чинах. С 1725 по 1752 год командовал кораблями и находился в плаваниях в составе эскадр генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, адмирала Т. Гордона, вице-адмирала З. Д. Мишукова, адмирала Н.Ф. Головина и др. В 1734 году, командуя кораблем «Выборг» в составе эскадры Т. Гордона, участвовал в осаде крепости Вексельмюнде. В 1752 году командовал Ревельской эскадрой. Осенью этого же года назначен присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. 5 мая 1757 года произведён в вице-адмиралы с увольнением от службы.

50 лет жизни отдал службе на Российском военно-морском флоте Вилим Люис. В 1740-х — 1750-х годах командовал Кронштадтской и

Ревельской эскадрами. В 1757, командуя Ревельской эскадрой, принимал участие в блокаде прусских портов. Являлся главным командиром Кронштадтского (1747) и Ревельского (1754) портов. Присутствовал в заседаниях Адмиралтейств-коллегии (1751, 1757). В 1762 году назначен первым членом в учреждённую Петром I Морскую комиссию. 10 апреля 1762 года произведён в вице-адмиралы, а в мае награждён орденом св. Александра Невского. 16 января 1764 года уволен со службы по старости.

В 1717 году из командоров английского флота принят на службу с чином шаутбенахта Георгий Паддон. Командовал эскадрой, имея флаг на корабле «Шлиссельбург», у Березовых островов. Вместе с П. Сиверсом и Т. Гороном по повелению Петра I освидетельствовал всех российских офицеров в теории и практике морского искусства. Подал царю предложения об улучшениях по содержанию флота и обучению морских команд в зимнее время, порядке производства в чины. Участвовал вместе с вице-адмиралом К. Крюйсом в переводе на русский язык уставов английского и голландского флотов и адмиралтейств. Его служба в России была недолгой. Он умер в декабре 1718 года. Службу в российском флоте продолжил в 1720 году его сын Джордж Паддон, дослужившийся до звания капитан-командора. В 1746–1749 годах исполнял должность капитана над Кронштадтским портом. По воспоминаниям современников, среди начальствующего состава он отличался человеколюбием и благородством. Умер в Кронштадте 28 октября 1749 года.

В 1717 году в Париже Пётр I знакомится с отправленным по повелению короля Георга I в ссылку за участие в деле претендента на английский престол Иакова (Якова) Стюарта английским морским офицером Томасом Гордоном. Государь поручает ему приглашать из Англии в Россию морских офицеров. С 1 июня 1717 года он зачислен на русскую службу со званием капитан-командора, а в мае 1727 года произведён в адмиралы. За время службы в российском флоте командовал различными кораблями и эскадрами Балтийского флота. В 1734 году, имея флаг на корабле «Пётр I и П», руководил эскадрой в военных действиях против Данцига, бомбардировал крепость Вексельмюнде и расположенный вблизи её лагерь французских войск. В 1736 году командовал флотом у Красной горки. С ноября 1727 по июнь 1729 года и с 1733 до самой смерти был командиром Кронштадта. За безупречную службу на благо России в ноябре 1725 года награждён орденом св. Александра Невского, а в ноябре 1732 года получил в вечное потомственное владение в Кронштадте депутатский дом. Скончался в Кронштадте 18 марта 1741 года.

В 1718 году в Амстердаме с чином капитан-командора принят на службу Томас Сандерс. Вся его служба проходила в составе Балтийского флота. В феврале 1722 года принял главную команду о. Котлин и до 1726 командовал Кронштадтской эскадрой. В 1730–1732 годах был командиром Кронштадта, ему было поручено наблюдение за работами при канале и доках. С января 1732 года — член Воинской морской комиссии. В 1727 присвоено звание вице-адмирала, а 25 января 1732 года определён вице-адмиралом белого флага. Умер в Санкт-Петербурге в декабре 1733 года.

В 1723 году в Лондоне полномочным послом Б.И. Куракиным приглашается на службу один из видных якобитов лорд Дуффус. Весной он прибывает в Санкт-Петербург и 4 июня 1723 года именным указом Петра I с чином шаутбенахта зачисляется на службу во флот с назначением присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. В кампанию 1723 года, имея флаг на корабле «Нептунус», плавал с флотом до Ревеля. В феврале 1724 года назначен главным командиром Ревельского порта и, командуя Ревельской эскадрой, участвует с флотом в практическом плавании. В марте 1726 отозван в Санкт-Петербург, за неэтичные проступки лишён на полгода чина шаутбенахта, всемилостивейшее прощён в августе и отпущен в отпуск в Швецию. В 1727 году зачислен шаутбенахтом от белого флага. С 1728 по 1731 год присутствовал в Адмиралтейств-коллегии. В январе 1732 года назначен главным командиром Кронштадта, но из-за болезни 27 марта 1732 сдал должность, а 2 апреля 1732 года скончался в Кронштадте.

Заметный след оставили в возведении фортификационных, гидротехнических сооружений и застройке Кронштадта два шотландца. Особо необходимо отметить уроженца Уэльса капитан-командора Эдварда Лейна, поступившего на русскую службу в 1702 году в поручики. На протяжении 25 лет он проводил работы на о. Котлин. Он первый инженер-строитель всех гидротехнических сооружений Кронштадта, создатель морской строительной части. Под его руководством с 1709 по 1723 год велись работы по строительству и реконструкции Купеческой, Военной и Средней гаваней. После победы флота при Гангуте в 1714 году возник вопрос о перестройке форта Кроншлот, и эта работа поручается Э. Лейну. В 1721–1724 годах возводится форт «Император Пётр I». В 1719–1727 годах возводятся Канал императора Петра Первого Великого и доки, Итальянский пруд. С введением должности капитана над портом он становится первым капитаном и находится на олжности до своей смерти 11 марта 1729 года. Э. Лейн провёл большую работу по определению мест для возведения кронштадтских маяков и строил Лондонский

маяк. Участвовал в организации лоцманской службы в Финском заливе. В 1723 году принял участие в распланировке улиц в Кронштадте.

С 1714 до своей кончины в 1752 году служил в России инженер генерал-лейтенант Иоанн-Людвиг Люберас. Строил гавани в Ревеле, Рогервике, на о. Нарген. С 1739 года его жизнь связана с Кронштадтом. Он принял участие в составлении плана постройки нового адмиралтейства в Кронштадте и артиллерийского двора, осматривал и исправлял крепости в Кронштадте, Выборге и Кексгольме. Под его руководством строился Кронштадтский канал. В 1743 году он был полномочным послом на Абовском конгрессе, где 7 августа подписал мирный договор со Швецией. За заслуги перед Россией был награжден орденом св. Александра Невского (1740) и в день открытия Кронштадтского канала 30 июля 1752 года из рук императрицы Елизаветы Петровны получил орден св. Андрея Первозванного.

В этот период продолжалось строительство новых судов, и огромный вклад в это дело внесли английские мастера-корабелы, большая часть службы которых была связана с невскими берегами.

В 1705 году со званием корабельного мастера принят по контракту на 3 года Ричард Броун. Как и многие иностранные корабелы, Ричард Броун российскую службу начал в Воронеже, а затем был послан на Олонецкую верфь. В 1707–1708 годах там он построил бомбардирский корабль и 10 бригантин. В 1708 году истек срок его контракта, но он до конца дней остается на русской службе. В 1708–1710 строил на Ладоге 50-пушечные корабли «Рига» и «Выборг». С 1710 переведён в Санкт-Петербург. Перед всем миром показал свой гений, выстроив для царя Петра 17 кораблей, в том числе: «Св. Екатерина» (1711–1713), «Шлиссельбург» (1713–1714), «Фридрихштадт» (1716–1720), «Не тронь меня» и др. В июле 1723 года пожалован рангом капитан-командора и не остановился на достигнутом. В 1733 году назначен обер-комендантом и строит фрегат «Св. Яков», переименованный при спуске в «Принцессу Анну», а в 1745 опять в «Св. Яков». В апреле 1738 году Р. Броун получил за свои заслуги каменный дом на Васильевском острове. Умер 21 сентября 1740 года.

В 1706 году принят на службу в Англии агентом Стельсом Роберт Девенпорт со званием корабельного подмастерья. В 1718 году удостоен звания корабельного мастера. В 1719 чинил суда в Ревеле. В январе 1720 вызван в Санкт-Петербург. В 1720–1721 годах находился в Амстердаме при строительстве 50-пушечного корабля «Принц Евгений». В 1722 послан в Ревель для починки судов. 10 июля 1723 года произведён в капитаны 1 ранга. В 1727 году переведён из Ревеля в

Кронштадт. С 1732 по 1735 год в Санкт-Петербурге строил 60-пушечный корабль «Ревель» и 12-пушечную фоб-яхту «Анненгоф». Умер 19 января 1735 года.

В 1715 году приходит на службу в корабельные мастера с рангом капитана Ричард Рамз. До 1724, находясь в Петербургском адмиралтействе, строил суда: «Норд-Адлер», «Св. Андрей», «Рафаил», «Винд-Хунд». В 1725 участвовал в достройке собственного Его величества корабля. В 1727 году послан в Казань для заготовки леса для кораблей. В 1728 вызван в Санкт-Петербург. В 1730–1731 годах находился в Кронштадте, ремонтировал корабли. В августе 1732 получил звание капитан-командора. В 1739–1740 годах строил в Санкт-Петербурге 10-пушечные корабли «Юпитер» и «Самсон» и чинил имевшиеся в Морской академии корабельные модели (1739).

Говоря о вкладе английских специалистов петровского призыва в историю Российского военно-морского флота, нельзя обойти вниманием ещё двух человек. Это Питер Гамильтон и Джон Дэн. Первый из них в декабре 1715 года производится в поручики, а в 1717 прислан в Санкт-Петербург для перевода голландской грамматики. 13 июля 1719 назначен постоянным переводчиком при Адмиралтейств-коллегии. В 1725 году состоял на кораблях переводчиком при генерал-адмирале Ф.М. Апраксине. Морской офицер Джон Ден на службе в российском флоте был деятельным офицером. Но у него были промахи по службе, за что он привлекался к суду, понижен в звании, а в 1722 году уволен со службы. Его заслуга в том, что он оставил потомкам своё сочинение «История Российского флота в царствование Петра Великого». Это единственное известное произведение иностранца-современника, посвящённое становлению Российского военно-морского флота петровского времени.

Необходимо сказать, что имена моряков и специалистов из Англии петровского призыва навечно остались в истории России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

РГА ВМФ. Ф. 176, 177, 212, 218, 223, 230, 233, 234.

Общий морской список. Т. I. СПб., 1885.

Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875.

Берх В.Н. Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. I. СПб., 1831.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое Посольство: рубеж эпох или начало пути. 1697–1698. СПб., 2008.

Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999.

Расторгуев В.И. Воронеж — родина первого Адмиралтейства. Воронеж, 2007.

Н.Р. Славнитский
(Санкт-Петербург)

Британский моряк и инжинер Э. Лейн и его деятельность в Кронштадте

Английский моряк Эдвард Лейн поступил на российскую службу в чине поручика в 1702 году, и значительная часть его деятельности прошла в Кронштадте, где в 1711–1712 годах ему были поручены работы по строительству гаваней и укреплений.

В феврале 1711 года укрепления Котлина и Кроншлота немного пострадали от наводнения: «болшую батарею от воды малое число попортило, а меншая батарея совсем разорена, около Кроншлота большую половину быков выломало и рознесло»[1]. Под руководством петербургского обер-коменданта Р.В. Брюса солдаты гарнизонных полков сразу приступили к починке повреждений, а работы у крепости Святого Александра было решено отложить на лето, «понеже все дерновая работа»[2].

Тогда же Р.В. Брюс вместе с капитаном Э. Лейном осматривал пристань и составил смету бревнам, необходимым для ее постройки (в тот период требовалось 3290 бревен)[3]. Обер-комендант сообщил об этом А.Д. Меншикову: «Пристань по указу вашего светлейшества с капитаном Лейном осматривал мерою оной прибавитца в длину до 9 футов воды впрям 70 сажен да в заворот кривины 30 сажен всего 100 сажен прибавку оной пристани будет, а по ведомости капитана Лейна надобно разных рук для строения оной пристани по последней мере 3290 бревен которую работу надеюсь с помощью божиею упра-

[1] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4224. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Там же. Л. 2 об.

вить, ежели господин ландрихтер меня удовольствует подводами на чем оной лес вывозить, в чем он мне обещает свою помощь чинить»[4].

В июне 1712 года английский посланник Ч. Витворт сообщал: «Я не раз упоминал об острове Рычарде или Котлине. В нем около пяти английских миль в длину, в ширину же, в большинстве мест, две или три мили; он расположен в углу Финского залива и узлах в трех от материка в каждую сторону. Пролив между островом и финским берегом довольно глубок; но подводные камни в нем так часты, что в него не решается войти ни одно судно... Многие пункты острова снабжены батареями для защиты этого прохода и на треть его, на глубине 24 фута, выдвинут широкий мол, который предложено хорошо снабдить пушками; он ляжет в основание гавани, предназначенной для русского флота. Заведывание этими работами поручено капитану Лейну, англичанину, преподававшему навигацию на «Вульвиче» и оставленному в России несколько лет тому назад. Прочие же сведения, нужные для построек такого рода, он приобрел, вероятно, уже здесь. Для укрепления свай он употребляет большие ящики, наполненные камнем, и говорил мне, что работы хватит еще лет на семь и больше. А так как таскать корабли ежегодно взад и вперед в косе в устье реки неудобно, он пока устраивает временную стоянку за молом, где корабли могли бы укрыться от ветра, льда и внезапных нападений неприятеля, и думает окончить ее уже к будущей зиме»[5].

В 1712 году Э. Лейн вместе с вице-адмиралом К.И. Крюйсом занимался укреплением гавани. 1 июля К.И. Крюйс докладывал Ф.М. Апраксину: «Чертеж новому шанцу, кругом новопостроенных каменных палат, мню, что по мысли его царского величества определен... Сию работу лучше зачать в нынешнее сухое время, то спасет нам треть людей, я, как возможно крайне с господином капитаном Лейном разсудил, что надобно нам к сей работе 500 человек работных людей, 500 средней руки бревен на рогатки и на мост под пушки, 3000 досок в 3 и 4 сажени длиною, толщиною в 2 и 3 дюйма...»[6]. То есть в то время Э. Лейн был помощником К.И. Крюйса.

Эти работы продолжались в феврале 1714 года, и о том, как они проходили в это время, капитан регулярно докладывал А.Д. Меншикову. В документах зафиксировано, что для работы были привлечены солдаты полка Чемесова и Белозерского полка, а также каторжники. Использовались они, естественно, на таких работах, где не было необходимости в квалифицированном труде.

---

[4] Там же. Л. 1.

[5] Сб. РИО. Т. 61. СПб., 1888. С. 224–226.

[6] МИРФ. Ч. I. СПб., 1865. С. 290; *Раздолгин А.А., Скориков Ю.А.* Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 34.

Из донесений Э. Лейна видно, что они выполняли следующее: «перенесено и положено в новые в 202 сваи, и опущено в воду а имянно в 5 струбов 106 венцов, да на те же старые струбы нарублено вновь прошлых недель 19 венцов...»[7].

11 июня он получил распоряжение губернатора «изготовить на Котлине острове камня сколько возможно, и чтоб его класть в удобное место и беречь до указу»[8]. Скорее всего, речь шла о строительстве дворца А.Д. Меншикова — от планов размещения столицы на острове к тому времени уже отказались. Но нам интересен и ответ капитана, в котором он сообщил об условиях работы: «оного камня готовить некем работных людей у меня малое число, а которые есть и те толко управляют адмиралейскую работу, а когда адмиратейской работы не бывает то теми людми сколко возможно камень готовим... а ежели камень готовить и класть в сажени, то надлежит прислать работных людей 600 человек, да на карбасы которые у меня ныне готовы возить камень надобно работных же людей 600 человек итого всего к работе 1200 человек»[9].

Тут же он доложил о численности рабочих в его распоряжении. Работных людей: 119 человек, из них «ходят на работу 75, больных — 44. Арестантов — 98 работающих, 130 больных, каторжных, соответственно, 73 и 109. Всего же в распоряжении Э. Лейна было 529 человек, из которых 246 здоровых и 283 больных[10].

В его же ведении оказался прием артиллерийских орудий, которые стали активно завозить на Котлин в начале 1714 года 27 февраля Э. Лейн доносил А.Д. Меншикову, что «в прошлой недели» привезено пушек чугунных 169, да сей недели 68 (в том числе 18-фунтовых 53, 12-фунтовых 10, 8-фунтовых 6), всего и с прежними неделями в привозе 237 (в то числе 18-фунтовых 124, 12-фунтовых 67, 8-фунтовых 46)[11]. Спустя две недели, 13 марта 1714 года он сообщил губернатору, что «прошлых недель привезено пушек 251, да сей недели 29 (в том числе 18-фунтовых 21, 12-фунтовых 3, 8-фунтовых 5), всего прошлых и нынешних недель в привозе 280 пушек (в том числе 18-фунтовых 159, 12-фунтовых 70, 8-фунтовых 51)[12]. 20 марта он же писал: «прошлых недель привезено пушек 280, да сей недели 18-фунтовых 10, 12-фунтовая 1, 6-фунтовых 20, итого сей недели 31,

[7] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6427. Л. 1.

[8] Там же. Д. 6578. Л. 1.

[9] Там же. Л. 1 и об.

[10] Там же. Л. 2.

[11] Там же. Д. 6325. Л. 1.

[12] Там же. Д. 6361. Л. 2.

всего прошлых и нынешней недель в привозе пушек 312 (в том числе 18-фунтовых 169, 12-фунтовых 71, 8-фунтовых 51, 6-фунтоых 20)[13].

То есть можно говорить, что в том году Э. Лейн занимался рутинной, но при этом важной работой. Вообще он первоначально мог рассматриваться как обычный исполнитель, однако ситуация внесла коррективы. С.И. Елагин отмечает, что строительство гавани было поручено Э. Лейну после того, как вице-адмирал К.И. Крюйс был отправлен в ссылку[14]. И документы это подтверждают — первоначально он был помощником вице-адмирала, а затем вся работа легла на его плечи.

В марте 1715 года он доложил Ф.М. Апраксину, что «гавани от старых шести струбов вынут один струб и поставлен в другое определенное место, еще из одного струба выбирают камень и подымают; к переноске в новые места те струбы приготовлены и побито свай на 4 струба, на пятый струб еще бьет сваи...»[15]. То есть в то время под его руководством продолжалась все та же рутинная работа.

В декабре 1715 года под руководством Э. Лейна, произведенного в том году в чин капитана 1-го ранга, приступили к постройке еще одного форта на территории Котлина. 7 января следующего года он был заложен и стал называться «Новый Кронштлот». Докладывая об этом Ф.М. Апраксину, Э. Лейн, в частности, отмечал: «Нового Кронштлота срублено выше воды аршин и ныне оные срубы всеми людьми и лошадьми возят на лед»[16]. Это укрепление, возведение которого было закончено в 1719 году, представляло собой каменную стену бастионного начертания с гаванью посередине. Орудия, установленные на нём, могли вести перекрестный обстрел фарватера, и таким образом защищали не только форт, но и проход[17].

Из письма капитана Э. Лейна, следует, что начало постройки нового форта намечалось на 5 декабря 1715 года. Он сам накануне произвёл соответствующие замеры, сделал расчеты рабочей силы и материалов, начертил чертеж форта и отправил его вместе с письмом к Ф.М. Апраксину. Нужно отметить, что подготовительные работы были к тому времени уже проведены: «лес к тому месту притаскан, камень... сбиран на груз». Единственное, что сдерживало интенсивное строительство, — тонкий лед у Кронштлота. Декабрь выдался довольно теплым, и «лед зело живет тонок и скоро пропадет»[18].

---

[13] Там же. Д. 6384. Л. 2.

[14] *Елагин С.И.* Начало Кронштадта. Кронштадт, 1866. С. 10–11.

[15] МИРФ. Ч. III. СПб., 1866. С. 575.

[16] Там же. С. 575.

[17] *Шелов А.В.* Исторический очерк крепости Кронштадт. СПб., 1904. С. 61–62.

[18] *Раздолгин А.А., Скориков Ю.А.* Указ. соч. С. 39.

Видимо, в декабре удалось только вбить колышки в местах нового строительства. А датой заложения форта «Новый Кроншлот» лучше будет считать 7 января 1716 года. Это видно из следующего письма того же Э. Лейна графу Апраксину: «Сей субботы, то есть января 7 числа, можно к новозачетому Кроншлоту бить сваи, где надлежит, и... изволите ли сами при закладке оного Кроншлота быть или повелите оные сваи бить». Ход строительства четко прослеживается в том же письме: «Нового Кроншлота срублено выше воды аршин и ныне оные срубы всеми людьми и лошадьми возят на лед». «Нового Кроншлота срубы, которые были срублены на берегу, и те срубы с берегу свожены и в воду опущены и камнем грузят».

В марте, судя по тому же донесению Э. Лейна, били сваи для строительства корабельного магазина19. Ему же в то время приходилось и заниматься починкой кораблей, точнее, надзирать за мелким ремонтом. Таким образом, в ведении капитана, по сути, постепенно оказывался весь комплекс работ в Кронштадте. В донесении А.Д. Меншикову от 31 декабря 1716 года он же подробно описал ход работ по строительству гавани. Из донесения видно, что с наибольшим рвением трудились уроженцы Азовской губернии, начавшие «рубить гавань по берегу в длину на 165 сажен, а глубины будет в воду на 9 фут»[20].

Незадолго до этого, 27 октября 1716 года, Г. Чернышёв сообщал Ф.М. Апраксину, что «капитан Лейн требует указу, где строить гавань и сказывает, что царское величество, смотря по чертежу изволил говорить, что зачатой старой гавани несколько убавить, а на чертеже подписать не изволил, того ради он без указу строить не смеет. А что ему новый Кроншлот строить велено, о том ему чертеж подписан рукой царского величества»[21]. Из этого можно сделать вывод, что проект строительства гавани был составлен именно Э. Лейном, затем согласован с царём, который внёс в него небольшие изменения. Остается неясным, почему Пётр I не стал подписывать этот чертёж, но и Ф.М. Апраксин не стал останавливаться на этом, сообщив 5 ноября Г. Чернышеву, что «о строении Кроншлота и о прочих тамошних делах имеет указ от царского величества светлейший князь, и нам в оное мешаться не надлежит»[22]. В то же время присылка работников оставалась в ведении адмиралтейской коллегии.

За возведением гавани стал следить А.Д. Меншиков, и 9 января 1717 года капитан отправил губернатору чертеж гавани; весь объём

[19] МИРФ. Ч. III. С. 576.

[20] Там же. С. 578–579.

[21] Там же. С. 577.

[22] Там же. С. 577.

предстоящих работ он распределил на шесть губерний (Московская, Нижегородская, Архангелогородская, Сибирская, Казанская, Азовская) пропорционально количеству присланных из них людей. Раньше он просил А.Д. Меншикова доложить царю, что с 1 января 1717 года надо начать завозить камень на Кронштлот, и что люди, необходимые для перестройки Кронштлота, до сих пор не прибыли. Первыми приступили к работам «переведенцы» из Казанской губернии: они «зачали рубить гавань на берегу»[23].

23 декабря Э. Лейн доложил А.Д. Меншикову, что «драгунов есть только у рубки корабельных амбаров 50 человек, еще 50 человек рубят срубы под амбары, а иных солдат при работе нет, только зело нужны под амбары срубы, а ежели срубы в готовности не будут, то сваи под амбарами изломает. А 50 человеками зачинать Кронштлота не кем работать»[24]. Из этого документа становится понятно, что рабочих рук на первом этапе катастрофически не хватало (точнее — просто не было), и снова, как и в 1712 году, пришлось привлечь гарнизонных солдат (в то время это еще было редкостью, широкий масштаб подобное приняло в следующем десятилетии по инициативе Б.Х. Миниха).

Однако вскоре работники появились, и уже 31 декабря Э. Лейн доложил А.Д. Меншикову, что «зачата рубить гавань по берегу в длину на 165 сажен, а глубины будет в воду на 9 фут»[25]. В те же дни он сообщил К.И. Крюйсу, вернувшемуся к тому времени из ссылки, что «машты стоят на море за пять верст Котлина острова. Людей померло, которые машты волокли 59 человек, да еще умерло 4 человека. Многие люди отзнабили руки ноги и прочее к чему для лечения тех людей требует капитан Лейн двух человек лекарей, чего ожидает немедленно»[26].

21 января 1717 года, судя по донесению Э. Лейна Ф.М. Апраксину, «к старой гавани на 50 сажен начали рубить...»[27]. Вообще из переписки Э. Лейна хорошо видно, что работать в то время приходилось в очень сложных условиях, как погодных, так и организационных — рабочие к назначенному сроку прибывали в недостаточном количестве, и в то же время не удавалось обеспечить всех их медицинской помощью. Более того, 20 февраля он доложил губернатору, что «Кронштлот, что зачали работать определенными ныне на работе

[23] Там же.

[24] Там же. С. 578.

[25] Там же. С. 578–579.

[26] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 101.

[27] МИРФ. Ч. III. С. 581–582.

людьми, и онаго невозможно теми управить, того ради, что работают зело плохо, прошу... к Кроншлоту определить работных людей от губерний, которые ныне работают у пристройки старой гавани, по моему усмотрении. А здесь без вашего указа меня не послушают»[28].

В то же время капитану довелось заниматься и вопросами приёма артиллерийских орудий. 13 мая 1717 года он доложил А.Д. Меншикову, что: «Сделано станков 72, в том числе оковано 30, а на Кроншлоте на 5 станков пушки поставлены. Московской губернии перевезено 8 станков»[29]. 1 августа он же писал, что «пушечных станков сделано 100, под оные станки сделано саней 91, а сибирской губернии не сделано саней 9, оных станков оковано 62»[30].

Собственно, прием пушек для Э. Лейна, как мы видели, не был в новинку. Сейчас же, судя по приведенному донесению, на Котлине под его руководством занимались уже и производством станков (отметим, что это единственное известное нам упоминание об изготовлении станков в Кронштадте).

Из этих же документов следует, что один мост для установки пушек на гавани был уже готов, другой планировали скоро доделать, кроме того, строили караульную избу в Новом Кроншлоте[31]. Отметим любопытную деталь — в те годы Э. Лейн в своих донесениях губернатору указывал не просто что именно сделано на Котлине острове, а какие работы выполняют работники по губерниям. Именно так указывалось в упоминавшихся документах, в частности, он писал, что работники из Азовской губернии определенный им мост сделали, а «московской, архангельской, сибирской губерний мост мостят и вскоре готов будет». Видимо, это было связано с отчетностью и для губернаторов, которые присылали работников.

Работа, таким образом, двигалась, однако, судя по всему, не без проблем. 28 ноября Петр I написал М.М. Самарину: «Понеже я слышал, что при гаванной работе посоха без призрения, а особливо больные, что по улицам мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу — милостыни просят, и понеже над сим делом велено тебе надсматривать, того ради как по первому указу трудись дело гаванное сей зимы к совершению привесть всеконечно, так и сего смотри, дабы люди не были презрены, и такого бы немилосердия от презрения не было»[32]. Речь, очевидно, идет о том, что медицинская

[28] Там же. С. 584.
[29] Там же. С. 586.
[30] Там же. С. 588.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 589.

помощь (и вообще санитарные условия) была очень скверной, что приводило к высокой смертности рабочих. Это, в принципе, не входило в функции Э. Лейна и не ставилось ему упрёк, однако царю, как видим, пришлось поручить решить эту проблему. И М.М. Самарин также занялся и надзором за тем, что выполняют работники из той или иной губернии, по крайней мере, следующие ведомости шли уже от него[33].

Интересно, что тогда же Э. Лейн снова поднял вопрос об использовании в строительных работах солдат гарнизона: «Плотники наемные с вышеозначенной торговой гавани просят с каждого венца за работу по 30 рублев, а по мнению моему, кажется, что прибыльнее и работать будут солдаты поспешнее, и были бы беспеременно, хотя бы им давать за оный труд с каждого венца по 5 рублев, или что Ваше сиятельство изволит, и они будут за такие деньги работать с прилежанием; а есть в островском полку солдаты, которые плотничать знают»[34].

В 1719 году начали разбирать старую гавань, срубы переносили на стенку средней гавани; камень из воды вынимали пленные шведы и арестанты. Следы этих работ встречаются еще в 1722 году. Разборка старой гавани, однако, не означала полного окончания новых гаваней, отделка которых продолжалась до 1723 года. Во всех этих работах участвовала не только пехота, но и артиллерия, что видно из следующего: 6 июня 1721 года Э. Лейн просил увеличить число рабочих на 300 человек матросов или артиллеристов[35]. Из этого следует, что он в то время продолжал заниматься строительством новых и перестройкой старых гаваней в Кронштадте.

Кроме того, в те же годы он занимался и надзором за строительством канала от берега залива до одновременно строившегося бассейна с доками (с 1719), который позже получил название «петровский док». Считается, что именно Э. Лейн стоял у истоков этой работы (которые позже продолжил И. фон Люберас)[36]. Этой же работе пристальное внимание уделял и М.М. Самарин. Э. Лейн, как следует из его донесений А.Д. Меншикову и Петру I, в большей степени сосредоточился над возведением гаваней, донесения о работах, связанных с каналом, появляются лишь в 1720 году[37].

---

[33] Там же С. 590–592.

[34] Там же. С. 594.

[35] *Шелов А.В.* Указ. соч. С. 72.

[36] *Семенцов С.В., Красникова О.А., Мазур Т.П., Шрадер Т.А.* Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII в. СПб., 2004. С. 30.

[37] МИРФ. Ч. III. С. 608, 610, 613.

24 декабря 1720 года он сообщил А.Д. Меншикову, что «гавани первый венец от купеческой до военной гавани обложили, а вчерашнего числа к тому зачали сваи бить»[38].

2 января 1721 года. Э. Лейн доложил: «У военной гавани к больверку, которой возят с Лисьего носу, побито 103 сваи. Подле купеческой гавани от моря первого больверка заложен один венец. Больверк, которому быть против старой гавани, заложен один венец. Гавань, которая заложена от купеческой до военной гавани... к тому побито 80 свай. К каналу побито паженных 204 свай, меж щитов положено земли 16 сажен»[39]. Из донесения 29 января 1721 года видно, что эти работы продолжались, а в дальнейшем он сосредоточился на возведении бастиона на военной гавани и строительстве купеческой гавани вплоть до конца 1721 года, когда отправился в Рогервик[40], где планировалось возведение еще одного порта и Э. Лейну надлежало проектировать гавань. В том же году он был повышен в чине и стал капитан-командором.

Однако в Рогервике ему работать не довелось. 12 января 1722 года он докладывал А.Д. Меншикову о проделанной работе в Кронштадте, где отмечал, что «шанец против Ивановской батареи, первый венец положен, к тому побито 160 свай, при новом Кроншлоте 3 бастиона заложили и зачали бить сваи, а старого Кроншлота лес который сгнил и тот выбирают.; при военной гавани 3 бастиона також заложили по первому венцу; четвертого бастиона закалывают первый венец...»[41].

Из отчета о выполненной в ту зиму работе, который Э. Лейн отправил императору 5 марта, видно, что строительство шанца против Ивановской батареи шло полным ходом, сваи под три упомянутых бастиона были уже забиты, и их нагружали камнем, кроме того, около военной гавани начали возводить еще 4 бастиона, поднимать военную гавань и бить сваи под мост, который должен был соединить эту гавань с островом[42].

Растянулась эта работа практически на целый год, лишь в декабре 1722 года Э. Лейн доложил А.Д. Меншикову, что «гаванную работу и крепость, которые строятся и ежели остановки не будет в лесах и работниках, то надеюсь... сей зимы будет сие сделано»[43]. Остановки

---

[38] Там же С. 623.

[39] Там же. С. 623.

[40] Там же. С. 631.

[41] Там же. С. 633.

[42] Там же. С. 633–634.

[43] Там же. С. 639.

не произошло, и к началу 1723 года Кронштадт стараниями Э. Лейна превратился в мощную крепость. Тогда же была учреждена должность капитана над кронштадским портом, и Э. Лейн стал первым капитаном[44]. После этого в его ведении оказалось не только строительство укреплений, но и прокладка улиц, надзор за возведением домов и многое другое, связанное как с вопросами городского хозяйства, так и с надзором за состоянием базы Балтийского флота.

Таким образом, деятельность Эдварда Лейна оказалась очень тесно связана с Кронштадтом, причем именно он непосредственно занимался возведением укреплений и гаваней в 1710-е и 1720-е годы. Его заслуги весьма велики. Сначала он был помощником К.И. Крюйса, затем занимался всеми работами самостоятельно, а с 1717 года — в составе команды. На российской службе Э. Лейн находился вплоть до своей кончины в 1729 году.

[44] *Орловский К.И.* Краткий исторический очерк Кронштадтской городской полиции по случаю 100-летия ее существования. Кронштадт, 1912. С. 23.

В.В. Аристов
(Кингисепп)

Британцы в Нарве, Ивангороде и Ямбурге (XVI–XX века)

Вскоре после установления первых контактов между Московским государством и Англией и открытия в Москве подворья английской торговой Московской компании британские купцы появились в Нарве — пограничном городе, стоявшем на границе Ливонии с Россией. В сентябре 1577 года Иван Грозный дал им привилегию свободно вести здесь торговлю наряду с Дерптом и такими российскими городами, как Вологда, Холмогоры, Казань, Астрахань. В самом начале Ливонской войны, в мае 1558 года войска Ивана Грозного взяли Нарву. Вместе с русским Ивангородом, расположенном напротив неё на правом берегу реки Наровы, Нарва превратилась в главный морской порт России.

К 1560 году британские купцы прочно обосновались в Нарве. Группу торговцев из Англии возглавили купцы Вильям Бонд и Джон Фоксол. При этом только первый из них состоял членом Московской компании. Но и он действовал, не имея официальных полномочий[1]. Груз, доставляемый Бондом и Фоксолом в Нарву, представлял собой в основном оружие и военную амуницию. Доставка шла через датский пролив Эрезунд. Она осуществлялась тайно на зафрахтованных иностранных судах[2]. Таким образом, речь шла о контрабанде англичанами в Россию грузов военного назначения.

---

[1] *Таймасова Л.Ю.* Тайны Ливонской войны: герцог Магнус Голштинский, Московская компания и английская контрабанда через русское «оконце в Европу» // Новый исторический вестник. Вып. № 34 / 2012.

[2] Там же.

В 1566 году представители английской Московской компании Христофор Гудсон, Лоренс Манлей и Георг (Джордж) Миддльтон (Миддлетон) основали в Нарве свои торговые дома[3]. Тогда же руководство компании велело «осмотреть путь от устья Двины до Новгорода и Нарвы касательно удобств его для возки товаров водою и сухопутным путём»[4]. К моменту открытия в Нарве фактории Московской компании английская торговля здесь шла уже полным ходом. В связи с этим около 1567 года два агента нарвской фактории — Кристофер Беннет и Томас Гловер — направили послание к Ивану Грозному. Они доносили о фактах нарушений правил торговли в Нарве. По их словам, в 1566 году, помимо 42 кораблей английской Московской компании, зарегистрированных в таможенных книгах Эрезунда, Нарвский порт посетило ещё более 70 английских судов. Таким образом, выходит, что в тот год сюда прибыло свыше 110 кораблей из Британии.

Незарегистрированные суда принадлежали английским купцам, не являвшихся членами компании, или, как их называли, «аутсайдерам»[5]. Англичане-«аутсайдеры» всё больше оседали в Нарве и вели там дела параллельно с представителями Московской компании. В результате между первыми и вторыми в главном морском порту России того времени развернулась настоящая торговая война.

В 1567 году к царю Ивану Грозному из Нарвы в Москву был отправлен с письмом королевы Елизаветы уже упоминаемый Георг Миддльтон. В письме говорилось: *«В числе поручений, возложенных на Миддльтона, главное состоит в том, чтобы он... ходатайствовал у вашего величества о взятии под стражу... некоторых англичан в Нарве (Томаса Гловера, Ральфа Руттера, Джеймса Уаттона и Христофора Беннета), которые с явным к нам пренебрежением, с величайшим обманом для наших подданных и к немалому оскорблению вашего величества, показали себя в отношении к нам чрезвычайно неверными, дерзкими и лукавыми»*[6].

Следует отметить, что переписка королевы Елизаветы, а также английской Московской компании со своими представителями шла в основном именно через Нарву. Она осуществлялась при посредничестве живших там британцев Андрея Аттертона и Томаса Грина. Через Нарву в Москву прибывала и большая часть агентов английской Московской компании. Всё сказанное свидетельствует о том,

[3] См.: *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 92.

[4] *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ч. 1. СПб., 1865. С. 79.

[5] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 92.

[6] *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. С. 85.

что в начале 1560-х годов в Нарве возникла постоянная английская колония. Она периодически пополнялась новыми членами и имела связь с родиной. Члены колонии активно занимались торговыми делами и выполняли дипломатические поручения. Отсюда руководство Московской компании направляло их для работы в другие города. Так, Андрей Аттертон был назначен руководителем английской фактории, по всей видимости, в Новгород[7].

В 1566 году руководство британской факторией в Нарве было возложено на Кристофера Хадсона, пайщика Московской торговой компании. В это время в Лондоне отмечали, что, по сравнению с другими иностранными портами, коммерция в Нарве является самой прибыльной для Англии. Через Нарву британцы завязали торговые отношения с Персией и Арменией[8].

В те годы Нарва купечествовала не только с Англией, но и со всей Европой. Однако самыми крупными судами, доставлявшими наибольшее количество товаров, были английские. При этом суда британцев ходили под охраной своих военных кораблей и именно они успешно отбивались от пиратов, или капёров. Летом 1570 года флотилия польских капёров из Данцига напала на караван английских судов в Финском заливе. После упорного боя капёры были разгромлены англичанами под командованием Вильяма Борро. Часть польских судов британцы захватили и привели в Нарву. Здесь более 70 пленных пиратов в назидание другим были повешены[9]. Четыре года спустя Вильям Борро был назначен королевой Елизаветой главным агентом Московской компании в России[10].

В том же 1570 году царь отказал англичанам в привилегиях и конфисковал все английские товары. В мае следующего года к Москве подошли татары и сожгли ее. В пожаре сгорели и здания английской Московской компании. Тридцать англичан погибли, лишь нескольким удалось уцелеть. Среди них был Томас Гловер, которого в 1567 году королева просила арестовать вместе с несколькими другими англичанами, нарушавшими в Нарве монополию Московской компании на торговлю в России. После пожара он перебрался из Москвы опять в Нарву и отсюда послал в Англию описание постигшего Москву бедствия.

После поражения России в Ливонской войне Нарва вместе с Ивангородом и Ямом (будущим Ямбургом, современным Кингисеппом)

[7] Там же. С. 108.

[8] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 96.

[9] Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948. С. 18.

[10] *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. С. 109.

оказалась в составе Швеции. Международная торговля в Принаровье резко сократилась. Москва, потеряв Нарву с Ивангородом, перенесла свою основную торговлю на Белое море.

Второй период английского присутствия в Нарве, теперь уже шведской, наблюдался в XVII веке. Сначала это было в 1630–1640-х годах, когда из-за войны между Польшей и Швецией основная торговля на время переместилась из Риги в Ревель и Нарву. При этом возникла острая торговая конкуренция между Нарвой и Ивангородом. Чтобы её избежать, шведские власти, которым принадлежали оба города, лишили в 1640-х годах Ивангород прав самостоятельного городского поселения и включили его в состав Нарвы. Возникла единая Нарва из двух городов, располагавшаяся теперь по обоим берегам Наровы и просуществовавшая в таком виде в течение последующих трёхсот лет (до 1945 года).

В 1650-х годах объединённая Нарва начала возрождаться как важный торговый город в восточной части Финского залива, ее чаще всего посещали корабли и купцы из Любека. За ними шли голландцы. Однако в 1670-х годах второе место среди иностранных купцов в Нарве заняли англичане[11]. В то время в отношении всех купцов, не являвшихся жителями Нарвы, действовал ряд торговых ограничений. В первую очередь — на продажу соли, сельди, вина и табака. Англичане же в основном ввозили в Нарву табак. Поэтому «многие подданные английской короны — как купцы, так и судовладельцы — становились бюргерами Нарвы, а позднее членами Большой гильдии»[12] этого города. «Начиная с 1670-х годов английские купцы играли очень важную роль в вывозе льна, конопли, поташа, смолы, дёгтя» и досок[13].

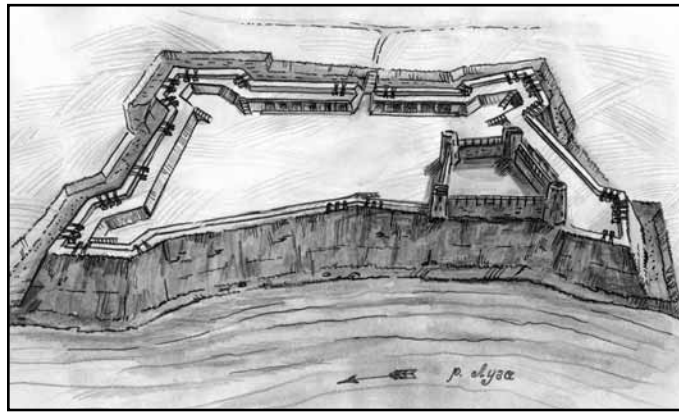
Присутствие английских купцов в Нарве зафиксировано в период первой осады этого города войсками Петра I в 1700 году. Как писал дореволюционный историк А.В. Петров, вскоре после «прибытия к Нарве, Пётр Великий отправил с двумя барабанщиками к нарвскому коменданту письмо, в котором, от имени князя Трубецкого излагалась просьба не чинить притеснений „английской компании московским жителям" (Андрею Стельсу и другим), задержанным в Нарве, а отпустить их с товарами». Вместе с тем от имени Трубецкого же было отправлено также письмо «английским торговым людям» в Нарве следующего содержания:

---

[11] *Кюнг Э.* Торговые условия иностранцев в Нарве в 17 веке // Narva Ajalugu. Машинописная рукопись. Архив Научной библиотеки Нарвского музея. Л. 3.

[12] Там же. Л. 7.

[13] Там же.

1. Земляная бастионная крепость Ямбурга, построенная по проекту Петра I в 1703 году и включавшая в себя каменный детинец старой крепости Яма. Худ. В.А. Ухин

«*Господа торговыи от английской компании, в Нарве обретающейся. Понеже я, при приходе своем под Нарву с частию войск... моего царя и государя, имею некоторую нужду в виноградных винах, и того ради прошу при сем случае, дабы, с позволения г. коменданта, мне некоторую часть оных прислати, за что пристойную цену готов немедленно вам заплатити...*»[14]

Новый, третий, этап присутствия в Нарве и Ивангороде англичан начался с самого царя Петра. Но ещё более ярко при нём наблюдается присутствие британцев в Ямбурге, расположенном в 22 километрах восточнее Нарвы и Ивангорода. После того как в мае 1703 года русские войска взяли город Ям, переименованный Петром в Ямбург, царь приказал построить здесь новую земляную бастионную крепость. Одним из главных её строителей выступал англичанин Ричард Гревс.

Вероятно, уже в 1704 году в Ямбурге начал работать стекольный завод — старейший в окрестностях Петербурга. Указом Петра на него перевели часть английских мастеров с Московского зеркального завода. Около 1711 года вблизи Ямбурга, в деревне Жабино, был построен второй стекольный завод. Мастерами на нём тоже были англичане. Известно письмо, написанное пятью английскими мастерами Петру I. Оно гласит: «*Понеже ваше царское величество благоволит ныне новой стеклянишной завод в Ямбурхе строить, а мы, рабы ваши, царского величества, прежде сего были у стеклянишного заводу и служили на Москве... покорно просим... приказать нам тут быть впредь*

[14] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 193–194.

2. Ямбургский стеклянный завод. Кубок с изображением корабля «Предистинация» и надписью «Виват шаут-бенахту от российских флотов». 1709–1714 годы

у того нового стеклянишного заводу в мастерах и совершати нам аки в Аглицкой земли... зеркальные стеклы и оконишныя и хрустальныя всякие сосуды и бутылки...»[15].

Как видим, мастера из Британии просили царя Петра оставить их в Ямбурге насовсем.

Имена этих англичан: Вильям Мильс, Ричард Вилькок, Израэль Роджерс, Томас Бел, Эдвард Грин.

3. Ямбургский стеклянный завод. Штоф и стакан. Первая четверть XVIII века

Продукция Ямбургских заводов, изготовляемая с помощью английских мастеров, шла на остекление домов Петербурга, для нужд русского флота, но главным образом — для царского двора и особняков петровской знати. В новую столицу из Ямбурга поставлялись стёкла, зеркала, стеклянная и хрустальная посуда. Некоторые экземпляры этой посуды сохранились в коллекциях Эрмитажа и представляют собой большую ценность.

Первым владельцем Ямбургских стекольных заводов был князь Александр Меншиков. После его опалы в 1727 году заводы стали казёнными. В 1730 году, в начале правления императрицы Анны Иоанновны, Ямбургские заводы были отданы в аренду британскому предпринимателю Вильяму Эльмзелю (другие написания его фамилии в русских источниках — Элмселл, Элмсейл, Элмзен). В это время на обоих заводах работало свыше 90 человек. Иностранные мастера на них в основном по-прежнему были англичанами.

[15] «Просил нас Англицкий купец». Документы из архивов России и Англии // Исторический архив. 1994. № 3. С. 189–190.

Продукция Ямбургских заводов продавалась в Петербурге, на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы, где стояли деревянные амбары предпринимателя Вильяма Эльмзеля. Однако именно при Эльмзеле, во второй половине 1730-х годов, Ямбургские заводы разорились и были переведены — один на Ладожское озеро, а второй — в Петербург[16]. 30-летнее пребывание англичан в Ямбурге и его окрестностях, по-видимому, закончилось. Однако их присутствие в Нарве с Ивангородом продолжалось.

Одним из наглядных примеров такого присутствия в XVIII веке может служить коммерческий успех купца 1-й гильдии Рихарда Толей-Болтона. Он родился в Англии и, вероятно, более правильно его имя звучало как Ричард. Обосновавшись в объединённой Нарве, этот человек построил свою корабельную пристань и торговые склады в устье реки Россонь, соединяющей Лугу с Наровой и впадающей в Нарову перед самым Финским заливом. Толей-Болтон занимался внешней торговлей. Причём настолько успешно, что его торговый дом существовал в Нарве с 1752-го по 1848 год. Известно, что у купца Толей-Болтона имелось 7 судов[17].

Середина XIX века для Нарвы и Ивангорода ознаменовалась началом нового этапа присутствия здесь выходцев из Великобритании. Этот этап был связан с созданием большого комплекса предприятий лёгкой промышленности. Они были построены на левом (эстонском) берегу Наровы напротив здешних водопадов и на острове, лежащем между водопадами. По названию острова — Кренгольм — возникшая здесь мануфактура стала называться Кренгольмской. К концу XIX века она была самой крупной и передовой не только в России, но и в Европе. В состав мануфактуры входили шесть больших фабрик[18]. Долгое время стоявшие здесь водяные колёса, а после них водяные турбины, использовавшие силу Нарвских водопадов, считались самыми мощными в мире. В 1899 году полезная площадь всех производственных зданий Кренгольмской мануфактуры составляла 162 228 кв. метров, или 16,22 гектара[19].

---

[16] Признанный специалист по истории художественного стекла в России Нина Ашарина считала, что Вильям Элмзен разорил Ямбургские заводы и поэтому в 1730-х годах перевёл один из них на Ладогу, а другой — в российскую столицу.

[17] *Пуллат Р.* Народонаселение эстонских городов в 18 веке. Архив Научной библиотеки Нарвского музея. Л. 20.

18 Эти фабрики: Старопрядильная и Староткацкая, Новопрядильная и Новоткацкая, Йоальская и Георгиевская. Самой крупной по площади была Йоальская — 46 500 кв. м.

[19] *Коченовский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991. С. 173.

4. Общий вид Кренгольмской мануфактуры.
Фото 1930-х годов

Первый корпус мануфактуры на острове Кренгольм был заложен в апреле 1857 года. Основателем предприятия явился купец 1-й гильдии Иоганн Людвиг Кноп (1821–1894). Этот уроженец Бремена был немцем. Однако в возрасте 18 лет он приехал в Москву в качестве представителя английской торговой компании «Де Джерси». Своё дело в России начал, продавая здесь английские паровые машины и станки.

В 1857 году по инициативе Людвига Кнопа было создано Товарищество Кренгольмской мануфактуры. Одним из учредителей являлся британский подданный Ричард Барлоу (в русской литературе — Барлов). Его можно считать «первой ласточкой» обширного английского присутствия в истории этого предприятия.

Сама мануфактура строилась по английскому образцу. Общий план первой фабрики разрабатывал тот же Ричард Барлоу. Фамилия другого разработчика Д. Фрерикс. Оба эти специалиста руководили монтажом оборудования. Кроме того, Ричард Барлоу стал членом правления Кренгольмской мануфактуры. Оборудование на этом предприятии, конечно, тоже было английским — самым передовым по тому времени. Соответственно всей технической частью предприятия заведовали англичане.

С 1858-го по 1899 год должности технических директоров занимали:

И.И. Мак Нил (июль 1858 года – апрель 1859 года);

У.Х. Готсон (март 1859 – апрель 1860);

У.И. Шокросс (апрель 1860 – март 1892);
И.Р. Карр (март 1892 – апрель 1899)[20].

С самого начала размеры Кренгольмской мануфактуры были настолько велики, что один технический директор не мог справиться со всеми делами. Поэтому часть его обязанностей выполняли помощники технического директора, почти все тоже англичане. С 1860-го по 1907 год это были:

Джон Гови (август 1860 – август 1868);
Иван Тринклер (май 1866 – сентябрь 1869);
Джон Брандрет (октябрь 1869 – август 1872);
Ричард Гудвин (ноября 1872 – ноябрь 1878);
Джон Карр (января 1878 – февраль 1892);
Генри Портер (апреля 1898 – июнь 1905);
Альфред Найвтон (июль 1899 – ?).

Со времени постройки трёх отдельно стоящих фабрик мануфактуры[21] для руководства ими назначались другие специальные помощники технического директора.

С весны 1871 года такими помощниками работали:

Вильям Брандрет (апрель 1871 – май 1886);
Герберт Вольмслей (июль 1875 – декабрь 1880);
Томас Сид (ноябрь 1879 – май 1883);
Перси Шарплес (ноябрь 1879 – июнь 1892);
Томас Эскриг (декабря 1880 – апрель 1891);
Артур Шокросс (январь 1886 – март 1888);
Филипп Мур (февраля 1889 – июнь 1892);
Георг Коттам (июль 1892 – ноябрь 1900);
Джеймс Трельфал (апрель 1892 – июль 1903);
Отто Ган (август 1895 – июнь 1904);
Чарльз Смит (декабрь 1900 – март 1907)[22].

Как видно по именам и фамилиям этого списка, почти все эти люди (очевидно, за исключением Коттамма и Гана) были англичанами. Только в одном 1907 году помощниками технического директора Кренгольмской мануфактуры работали 5 англичан:

Ричард Пиллинг (с июня 1893);
Эдмунд Витакер (с июля 1903);

---

[20] Кренгольмская мануфактура. 1857–1907. Историческое описание. СПб., 1907. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.stena.ee/blog/oldnarva/istoriya-vozniknoveniya-i-stanovleniya-krengolmskoj-manufaktury, свободный.

[21] Новой прядильной, Йоальской и Георгиевской.

[22] Кренгольмская мануфактура...

Эдуард Папмель (с мая 1905);
Фредрик Кальверт (с мая 1905);
Джесси Фаррар (с марта 1907)[23].

В течение нескольких десятков лет на фабриках Кренгольма трудились и английские мастера. В «наградной» ведомости мастеров и служащих мануфактуры за 1905–1906 годы перечислены следующие фамилии:

	Выдано за 1905 год	*Выдано за 1906 год*
А. Стюарт	1000 руб.	1000 руб.
С. Карр	500	600
Дж. Кристи	750	Выбыл 26 августа 1906 г.
Д. Ирвинг	750	750
Дж. Петри	650	750
А. Мунро	600	600
Д. Рид	500	500
Дж. Форрестор	150	250
Д. Горс	150	Выбыл 1 авг. 1906 г.
Д. Риддель	125	150
А. Клапкан	Поступил 15 нояб. 1905 г.	150
Дж. Хиварт	Поступил 17 июня 1906 г.	75
Дж. Кармихаел	Поступил 29 июля 1905 г.	75[24]

Очевидно, что все 13 мастеров и служащих этого списка — тоже британцы.

Работавшие в техническом руководстве Кренгольмской мануфактуры директоры, их помощники, мастера и различные служащие представляли собой в Нарве постоянную британскую колонию. Одна их часть жила в самом городе, другая в посёлке Кренгольм. Здесь жил и член правления товарищества Кренгольмской мануфактуры англичанин В.И. Шокросс, умерший там же в 1900 году (само правление находилось в Москве).

В 1897 году на Кренгольме было зарегистрировано 57 человек английской национальности — 34 мужчины и 23 женщины[25]. Среди всех работавших на Кренгольме иностранцев англичане стояли на втором месте после немцев (их было 166)[26]. Но именно выходцы из Великобритании занимали ведущие должности на фабриках ману-

[23] Там же.

[24] ЦГИА СПб. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 5. Л. 100; Папка «Льнопрядильная мануфактура». Док. № 45. Архив Научной библиотеки Нарвского музея.

[25] Кренгольмская мануфактура...

[26] Там же.

фактуры. И это при том, что сама Нарва по своей культуре, наиболее образованной и активной части населения традиционно считалась немецким городом.

На Кренгольме англичане жили с семьями в специально построенных для них мануфактурой домах. Жилое строительство в этом посёлке на краю Нарвы велось по образцам рабочих посёлков Великобритании. С 1857 по 1908 год здесь было построено 77 домов, в том числе 22 многоквартирных дома для рабочих и 28 малоквартирных домов для служащих. Как писал исследователь архитектуры Нарвы историк Олег Коченовский, «все сохранившиеся жилые дома мастеров представляют собой интересные примеры очевидного влияния английских приёмов в архитектуре, когда квартиры проектировались максимально изолированными друг от друга, что достигалось обособленными наружными входами»[27].

В 1891 году в посёлке Кренгольм был открыт Клуб служащих мануфактуры. В первое время его членами являлись почти исключительно англичане. Поэтому клуб стали называть Английским. Позднее в него вступили местные служащие. В самом начале работы клуба здесь был установлен английский биллиард. В 1896 году построен кегельбан, а через два года появился даже кегельклуб, носивший название «Виктория».

Вплоть до революции 1917 года Английский клуб был одним из самых изысканных заведений Нарвы для отдыха и общения местной интеллигенции.

Во время Первой мировой войны работавшие на Кренгольме британцы принимали участие в патриотической кампании помощи Русской армии. В январе 1917 года газета «Нарвский листок» опубликовала письмо командира 92-го пехотного Печорского полка, стоявшего в Нарве до войны на квартирах. В письме выражалась благодарность различным нарвским организациям, а также Английскому комитету Кренгольмской мануфактуры «за присланные для нижних чинов подарки к празднику Рождества Христова»[28].

В марте 1918 года в результате революционного развала Русской армии и открытия большевиками фронта Нарву заняли немецкие войска. При приближении немцев практически все англичане спешно покинули Кренгольм и город. Остался только один англичанин — технический директор мануфактуры Джесси Фаррар, работавший в этой должности с ноября 1917 года. Он «был очень предупредителен по отношению к немецкому командова-

[27] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 183.

[28] Нарвский листок. № 6 от 17 января 1917 г.

5. Дом мастеров Кренгольмской мануфактуры. Современное фото

6. Дом директора Кренгольмской мануфактуры И. Карра. Современное фото

нию... но это не помогло — вскоре его отправили в Германию в качестве военнопленного...»[29]

По Тартускому миру 1920 года Эстонская республика была признана самостоятельным государством, и Нарва с Ивангородом вошли в его состав. Кренгольмская мануфактура сократила своё производство, но продолжала работать. Новыми техническими директорами в период существования первой Эстонской республики (1918–1940) вновь были англичане. В декабре 1921 года пост технического директора занял Ф. Орелл. Через три года его сменил В. Иствуд, а ещё через два пришёл А. Таулер. В августе 1940 года Эстония была присоединена к Советскому Союзу, а Кренгольмская мануфактура национализирована. Вероятно, весь английский персонал уехал на родину[30]. Так закончилась история английской колонии в Нарве.

В связи с работой Кренгольмской мануфактуры эта история длилась более 80 лет. Если же считать с открытия в Нарве подворья английской торговой Московской компании во времена Ивана Грозного, то с перерывами история британской колонии в Нарве насчитывает почти четыре века.

[29] К 75-летию Кренгольмской мануфактуры. 1857–1930. Перевод с эст. Машинописная рукопись. Папка «Архитектура Кренгольма». Архив Научной библиотеки Нарвского музея. Л. 11.

[30] Автор высказывает только своё предположение, так как до сего дня этот конкретный вопрос остаётся неизученным.

А.Н. Акиньшин (Воронеж),
Н.А. Комолов (Воронеж)

Британцы на воронежской земле в конце XVII – начале XX века

Первые выходцы из Альбиона появились в Придонье в конце XVII века. Развернувшееся здесь строительство военного флота требовало привлечения специалистов-корабелов из ведущих морских держав. Первоначально предпочтение отдавалось венецианцам, голландцам, датчанам, но после посещения Англии, личного знакомства с мастерами, чье умение основывалось не просто на ремесленных шаблонах, а имело теоретическую основу, Пётр I сделал акцент на вербовке британцев.

В 1698 году в Воронеж прибыла первая партия англичан, включавшая как корабельных и иных мастеров, так и офицеров и матросов. Из наиболее ценных специалистов «первой волны» необходимо назвать Джозефа (Осипа) Ная (Ноя)[1] (Joseph Ney; умер после 1737). Более 13 лет продолжалась его плодотворная деятельность в качестве корабельного мастера на верфях воронежского края.

О. Най, заложивший в ноябре 1698 года 58-пушечную «Черепаху», работал одновременно с Петром I, трудившимся над «Гото Предестинацией», в основе которой лежал прототип английского судна. Царь консультировался с английским корабелом, чтобы рассеять постигший его «мрак сумнения» в начатом деле. Обращаться за советом к британским мастерам «иногда, в случае нужды» Пётр наказал и своим помощникам в строительстве «Божьего Предведения»[2].

---

[1] Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

[2] *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1871. №. 2.

Оба корабля были спущены почти одновременно. Работой О. Ная царь восторгался в открытую, назвав его во «Мнении о некоторых судах Воронежского флота», составленном после 25 апреля 1700 года, лучшим из всех. О своем же корабле, поскольку «нашего есть размера и труда», Петр скромно умолчал, предоставив пение дифирамбов современникам[3]. И те не замедлили высказать своего восторга. Но если боярина Ф.А. Головина, сообщавшего в мае 1700 года гетману И. Мазепе, что правильные пропорции и художественные достоинства «Гото Предестинации» вызвали удивление в том числе и английских мастеров, можно заподозрить в подобострастии, то упрекнуть в высокой оценке царского корабля резидента Нидерландов ван дер Гульста, специально приехавшего на церемонию спуска, весьма трудно[4]. В настоящее время в Воронеже завершено музейное оформление полноразмерной копии «Божьего Предведения», открытой в конце июля 2014 года.

Вместе с О. Наем к казенным кораблям в 1698 году был определён и другой английский мастер — Джон (Ян) Ден (John Deane), нанятый в Амстердаме[5]. К сожалению, ему не удалось продемонстрировать в Придонье свои строительные дарования. В письме от 8 марта 1699 года из Москвы к лорду Кармартену Д. Ден описал состояние российского военно-морского флота после своего визита в Воронеж[6]. Умер он спустя десять дней, 19 марта, вскоре после отъезда Петра, специально приезжавшего из Воронежа на похороны Ф.Я. Лефорта. Глубоко опечаленный новой утратой, царь, тем не менее, не оставил без внимания судьбу технического письменного наследия Д. Дена. Из Керченского похода монарх писал переводчику Посольского приказа англичанину Андрею Кревету (Крефту) о необходимости перевести на русский язык деловую корреспонден-

---

С. 120. Посланник Ч. Уитворт усилил учительскую роль своих соотечественников, отметив в депеше 1705 года, что работа русских и англичан на одной верфи приводит к тому, что первые учатся у вторых «почти всем мелочам» (*Елагин С.И.* История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 2. СПб., 1864. С. 43–44).

[3] ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 357, 817.

[4] *Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 467–468.

[5] Там же. Приложения. Ч. 2. С. 205, 208. Около 1711 г. начал свою службу на Балтийском флоте его тезка Джон Ден, автор сочинения, в котором вкратце сообщается о зарождении военно-морского флота в Воронеже (*Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого / Вст. ст., примеч. П.А. Кротова. СПб., 1997; *Лабутина Т.Л.* Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 177–188).

[6] *Cross A.* In the Lands of the Romanovs. An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). United Kingdom, 2014. P. 74.

цию соотечественника[7]. К слову, в составе эскадры кораблей, отплывшей из Воронежа к Керчи, на руководящих постах было несколько англичан. Ян Бекман (Бекгам) (John Becham, Bekham; умер в 1711 в Азове) командовал кораблем «Соединение», Ян Валронд (Валронт) (Ian Walrond; умер в 1729) — «Меркурием».

Вслед за «Черепахой», в 1700 году О. Най заложил 60-пушечные «Шпагу» и «Сулицу». Помощник адмиралтейца Ф.М. Апраксина в Воронеже, стольник П.М. Игнатьев в октябре того же года высоко отзывался о деятельности британца: корабли у него строятся «немедленно»[8]. Но, разумеется, существовали и текущие производственные проблемы[9]. Осложняла работу «немалая противность» между англичанами и голландцами, персонифицированная в конфликте вице-адмирала К. Крюйса и О. Ная[10].

В 1703 году О. Най, ввиду истечения срока контракта, снизил темпы своей работы, отказался закладывать два новых корабля, ссылаясь на необходимость закончить прежние суда, к тому же просил разрешения съездить на родину на полгода. Удержать столь ценного специалиста помогла прибавка жалованья. Эта мера добавила О. Наю энтузиазма, и в 1704 году он заложил 60-пушечные корабли «Скорпион» и «Цвет войны».

Слухи, которые распускали неудовлетворенные ожидаемым вознаграждением англичане, осложняли наем. В этом плане удачным «приобретением» для Петра I стал потомственный корабел Ричард Козенц[11] (Richard Cozens; 1674–1735), который в 1701 году заложил на воронежской верфи два 70-пушечных корабля «Спящий Лев» и «Старый Дуб». Помимо Р. Козенца, удалось нанять еще ряд британских подданных: корабельного мастера Яна Терплия, а также двух

---

[7] ПиБ. Т. I. С. 277–278, 283, 763–764.

[8] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 11. Л. 190 об.

[9] В ноябре 1699 года О. Най жаловался на «великое промедление», связанное с задержками процесса кораблестроения, в частности отсутствием пилованных досок, необходимостью их «тесать и приделывать» (*Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 460).

[10] *Елагин С.И.* Указ. соч. С. 208, 311. К.И. Крюйс не упускал возможности уязвить британских корабелов и позже. Так, в мае 1711 года он писал Ф.М. Апраксину из Троицкого, чтобы тот не возлагал больших надежд на достоинства судов «Спящий Лев», «Цвет войны», «Скорпион» и «Черепаха», поскольку «они никогда не будут добры к службе, для того что господа англичане о том труд свой присягли» (*Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 117).

[11] О найме Р. Козенца агентом А. Стейльсом см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 145–147. Подлинную подпись Р. Козенца см.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 255. Л. 139.

мачтовых[12] и двух блоковых мастеров[13]. Последние удостоились комплиментов стольника П.М. Игнатьева за то, что «зело поспешно работают» и делают лучше прежних специалистов[14].

Ян Терплий, в отличие от своих коллег, преимущественно занимался переделкой старых кораблей. Наиболее значимое поручение ему состоялось в июне 1701 года: переделать 10 кумпанских судов итальянской постройки, находящихся на верфи в Ступино[15]. Помимо Я. Терплия, переделкой кумпанских кораблей занимался английский подмастерье, его ученик Леонард Чапман[16].

12 июня 1703 года после десятидневной горячки Ян Терплий скончался. В связи с его смертью царь приказал своему агенту, купцу Андрею Стейльсу обеспечить дополнительный набор английских мастеров, учеников и плотников. А. Стейльс, который в феврале 1703 года вместе с Петром I и своим соотечественником, купцом Гилем, сам побывал в Воронеже, сомневался в успехе этой затеи. Он полагал, что возможные препоны и «противность» могут возникнуть от воронежского воздуха, поскольку за короткий срок умерло много англичан[17]. Болезни и смертность, действительно, были серьезной проблемой, останавливавшей или затягивавшей работу[18], качественное выполнение которой стимулировалось достойным содержанием.

Самым высокооплачиваемым британским специалистом был Р. Козенц, которого Ч. Уитворт в своем донесении 1706 года назвал «главным английским корабельным мастером в Воронеже»[19]. В 1700 году Р. Козенцу выплачивалось годовое жалованье в размере 1060 руб.[20] Мастер О. Най за 183 дня работы, с 1 октября 1699 по 1 апреля 1700 года, получил 274 руб. 16 алтын, имея дневной заработок в 1 руб. 16 ал-

---

[12] Один из них — Самуил Райт (Wright), работавший в Воронеже до 1710 г. (*Ден Д.* История Российского флота...С. 152).

[13] *Елагин С.И.* Указ. соч. С. 149: Он же. Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 210–211.

[14] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 11. Л. 189 об.

[15] *Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 332–333. Впоследствии земляки Я. Терплия в вопросе своего участия в переделке были более категоричны. В 1706 г. Ф.М. Апраксин писал Петру, что англичане «в старое строение и в починку не вступят» (*Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 53).

[16] Там же. С. 28, 211.

[17] Там же. С. 14, 16; ПиБ. Т. 2. СПб, 1889. С. 204, 557, 578–579.

[18] Так, в августе 1703 года у Р. Козенца и О. Ная болело около 150 плотников (*Елагин С.И.* Приложения. Ч. 2. С. 17–18).

[19] Там же. С. 56.

[20] Там же. С. 219. В начале XVIII века Р. Козенц получал чуть менее 140 руб. в месяц (*Никитин А.А.* Начало русского военно-морского флота: мастера-иноземцы на рубеже XVII–XVIII веков // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 133).

тын[21]. После прибавки О. Най стал зарабатывать 2 руб. в день (730 руб. в год)[22]. Жалованье других английских специалистов в 1700 году было следующим: мастер блокового дела Николай Бэгс (Багз) (Baggs) — 340, Я. Терплий — 320, шлюзного дела мастер Джон Перри — 300, резного дела мастер Антон Мальтварт — 295, шлюпочного дела мастер Симон Шипор — 220, Л. Чапман — 90 руб.[23].

В 1709 году О. Най и Р. Козенц заложили близ Таврова (предместье Воронежа) четыре корабля: три — 48-пушечных и один — 24-пушечный. После Полтавской битвы воронежский обер-комендант С.А. Колычев по просьбе Петра I сообщил английским мастерам о победе и отправил им по шведской шпаге. Эти трофеи должны были подчеркнуть особое отношение к корабелам со стороны монарха, а также, видимо, «вдохновить» их на начало очередной партии судов. Осенью того же года Р. Козенцу около Таврова следовало уже положить кили новых двух 48-пушечных кораблей, Наю — 48-ми и 24-пушечных[24].

В начале августа 1709 Р. Козенц сопровождал С.А. Колычева в поездке на р. Осередь, по итогам которой англичанин составил чертеж пригодного места для будущей верфи[25]. Она стала по сути градообразующей составляющей новой крепости в Среднем Придонье (с 1715 — Павловск), где судостроение продолжалось с перерывами вплоть до 1780-х годов.

Даже высокое качество судов работы английских мастеров не избавляло их от необходимости ее переделывать. Неумолимое время требовало обновления деревянных конструкций. О. Най в 1710 году сообщал Ф.М. Апраксину: «Корабль Черепаха весь вновь сделан, только киль старый здоров, також малое число внутри досок здоровых, а прочие леса все вновь; и ныне тот корабль весь в отделке, опричь резьбы и столярства»[26]. В 1711 Осип Най заложил еще два 48-пушечных корабля, столько же должен был летом на Осереде заложить и Р. Козенц[27]. Деятельность английских корабелов на воронежской зем-

---

[21] Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

[22] Общий морской список. Ч. 1. СПб., 1885. С. 271; *Елагин С.И.* Указ. соч. С. 182. Согласно ведомости Адмиралтейского приказа 1700 года жалованье в 730 руб. он получал уже в этом году (*Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 219).

[23] Там же. С. 219.

[24] ПиБ. Т. 9. Вып. 1. М.-Л., 1950. С. 279, 304–305, 345.

[25] *Комолов Н.А.* Воронежский обер-комендант Степан Колычев и его переписка с Петром I в 1709 г. // «Морским судам быть!...»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет. Воронеж, 1996. С. 123.

[26] *Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 92.

[27] Там же. С. 118. Ричард Козенц неоднократно просил предоставить ему будары для возки лесов на Осеред к закладке новых кораблей, но безрезультатно (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249. Л. 209).

ле закончилась после подписания Прутского мирного договора 1711 года. В январе 1712 года из Воронежа вместе с переводчиком и плотниками выехал к Москве О. Най, в феврале — Р. Козенц вместе с корабельным подмастерьем Робертом Девенпортом (Robert Davenport; умер в 1735), принятым на службу в Англии в 1706 году[28]. В дальнейшем О. Най и Р. Козенц были отправлены в Петербург.

Кратко необходимо упомянуть и о других британцах, трудившихся в воронежском крае.

Ричард Броун (Браун) (Brown; умер в 1740), отдавший кораблестроительной деятельности в России более тридцати лет, начал ее с Воронежа, немного проработав здесь в конце 1704 года[29]. Его коллега корабельный мастер Ричард Бент (Bent; умер в 1709) в октябре 1708 прибыл из Воронежа в Петербург. В 1709–1712 в Таврове работал корабельный подмастерье Вильям Гардинер (Гарн) (William Gardiner), в 1707 и 1710 в том же звании на верфи упоминается Генри Джонстон (Джонсон, Янсен)[30].

Посланник Ч. Уитворт в 1705 году упомянул об англичанах, которые по истечении контракта направлялись из Воронежа в Архангельск, возвращаясь домой: корабельные плотники Эдвард Хилл (Edward Hill), Вильям Бэрроу (William Barrow), столяр Байгрув (Bygrove), весельный мастер С. Лэнгфорд (Solomon Langford)[31]. В то же время никакими иными данными о деятельности этих людей на воронежской земле, особенно корабельных мастеров, мы не располагаем.

В 1709–1710 при Р. Козенце работал подмастерье Роберт Гадлий (Хэдли), (Robert Hadley)[32]. В 1711 году в Таврове трудился над шнявами английский мастер Самюэль Робинсон (Робертсон) (Robinson),

---

[28] Общий морской список. Ч. 1. С. 123. В 1718 году Р. Девенпорт получил звание корабельного мастера. О его службе в Придонье в этом источнике ничего не сообщается.

[29] Там же. С. 63 (здесь указано, что Р. Броун принят на службу в качестве корабельного мастера в 1705 году). Однако согласно выдержке из письма Ф.М. Скляева к Петру из Петербурга от 12 января 1705 года («Мастер Броун с Воронежа приехал и ныне отправлен на Олонецкую верфь») фактическая деятельность англичанина в России началась с Придонья еще в предыдущем году (Материалы для истории русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. С. 47–48).

[30] *Ден Д.* История Российского флота...С. 152, 154–155.

[31] Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. // Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 114.

[32] ПиБ. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 1124; *Ден Д.* История Российского флота...С. 152; ГАВО. Ф. И-296. Оп. 1. Д. 12. Л. 1. В его послужном списке отмечено, что Р. Гардлий (Гадлей) в 1710 в качестве подмастерья был послан в Ладогу (Общий морской список. Ч. 1. С. 92).

в июле 1710 принятый на службу капитаном со званием корабельного мастера и посланный в Воронеж. В январе 1713 года он был переведен в Петербург[33].

Андрей Симсон (Симпсон) (Andrew Simpson) в 1703 году был принят на службу капитаном и направлен в Воронеж, в 1704 переведен на Олонецкую верфь. В 1711 году определен командиром корабля «Спящий Лев», однако затем назначен капитаном на «Унию». После подписания Прутского договора и завершения сделки по продаже за 26167 золотых венецианских червонцев кораблей «Гото Предестинация», «Ластка» и двух шняв туркам был послан в Константинополь для их передачи[34].

Уэльсец Эдвард Лэйн (Edward Lane, умер в 1729), в 1702 был принят на службу поручиком, в феврале 1703 года послан из Воронежа на Олонецкую верфь с матросами и корабельными припасами[35].

Своими деяниями запечатлелся на воронежской земле английский инженер-гидротехник Джон Перри (John Perry; 1670–1732), знаменитый, прежде всего, мемуарами, в которых он описал и свою деятельность в Воронеже[36]. Недостаточная глубина фарватера реки Воронеж для прохода крупных судов вызывала озабоченность Петра. В связи с этим он поручил Д. Перри посредством устроенного в верховьях реки шлюза сделать ее судоходной от одноименного города до р. Дон. Шлюз был построен в 1704 году, но его значение упало после того, как в следующем, 1705, в семи верстах южнее Воронежа была устроена новая верфь и крепость Тавров. Название «Шлюз» сохранялось в местной топонимике вплоть до 1970-х годов.

Д. Перри работал в Воронеже с 1702 до 1706 года, имел возможность видеть здесь царя. Шлюзовой мастер получил от Петра позволение выстроить за казенный счет дом по своему вкусу. На том месте, где производились работы, инженер построил на случай приезда царя «красивую комнату для приема Его Величества». В ней установили камин, прислоненный к русской печи, чтобы иметь возможность разводить огонь на английский манер[37].

---

[33] *Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 120; Общий морской список. Ч. 1. С. 326.

[34] *Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 108–110; Общий морской список. Ч. 1. С. 338–339; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 267.

[35] Общий морской список. Ч. 1. С. 213–215.

[36] Новейшую статью о нём с ранними биографическими данными, основанными на западной историографии см.: *Десятсков К.С.* Английский инженер и капитан Джон Перри на Новгородской земле в начале XVIII века // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 72. С. 6–8.

[37] *Акиньшин А.Н., Комолов Н.А.* Династия Романовых и Воронежский край (1696–1916). Воронеж, 2014. С. 40.

Подробные и достоверные, как установлено исследователями, сведения об Азовском флоте[38] можно почерпнуть из сочинения и депеш уже упомянутого английского дипломата Чарльза Уитворта, бывшего в курсе дел в Придонье и регулярно информировавшего о них свое правительство[39]. В 1705 году он не исключал для себя возможность при «малейшем ободряющем намеке» предпринять путешествие «не только для ближайшего ознакомления с положением корабельного дела в Воронеже, но еще в надежде на лучший успех переговоров при возможности вести их лично с государем...». Но англичанину такой шанс не представился. По информации Ч. Уитворта, во время подавления восстания атамана К.А. Булавина в Воронеже публично казнили несколько сот человек, в том числе в присутствии царя[40].

Помимо англичан, на воронежской земле «отметились» и шотландцы. Особо стоит отметить пребывание в Воронеже в канун второго Азовского похода 1696 года генерала Патрика Гордона (Patrick Gordon; 1635–1699), подробнейший дневник которого за 1635–1695 годы (с пробелами) опубликован М.Р. Рыженковым. Интересный эпизод: весной 1696 года в Воронеже на празднестве у Ф.Я. Лефорта П. Гордон отказался пить за здоровье английского короля Вильгельма III и поднимал бокал за его предшественника Якова[41].

В Азовском походе 1696 года командовали ротами братья Яков и Роман Брюсы, видные петровские сподвижники[42].

В первой половине XVIII века присутствие англичан на воронежской земле обуславливалось не только фактором кораблестроения. В 1723 году в Придонье работала геологическая экспедиция во главе с Джоном Диксоном, которая исследовала полезные ископаемые региона[43]. Были вос-

---

[38] Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта / Статья и коммент. Ю.Н. Беспятых. М.; Л., 1988. С. 127–130. В своём сочинении дипломат высказывает любопытное суждение о существовании на Дону трёх верфей: во главе с царём и Ф. Скляевым, Р. Козенцем и О. Наем (Там же. С. 98–99).

[39] *Лабутина Т.Л.* Петровская Россия глазами британского дипломата Ч. Уитворта // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 137–152.

[40] *Комолов Н.А.* Калейдоскоп воронежской истории. Воронеж, 2008. С. 35.

[41] *Акиньшин А.Н., Комолов Н.А.* Указ. соч. С. 74.

[42] *Елагин С.И.* Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 46–47, 50, 53. Яков Брюс был в Воронеже еще и весной 1700 г. (ПиБ. Т. 1. С. 806). 25 июня 1709 года Р.В. Брюс писал А.Д. Меншикову о присылке ему Петром I из Воронежа чертежа, по которому строить контрэскарпы вокруг Кронверка (Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Ч. 1. СПб., 2003. С. 112).

[43] Подробнее см.: *Комолов Н.А.* Занимательный алфавит воронежской истории. Конец XVII – начало XIX вв. Воронеж, 2012. С. 188–189.

требованы и медицинские специалисты из среды британцев. Так, с конца 1737 по начало 1740 года в Таврове в качестве лекаря работал молодой шотландец Джон Кук (1712–1804)[44].

В годы русско-турецкой войны 1735–1739 годов несколько англичан были приняты на русскую службу лейтенантами и, будучи командированными в конце 1736 года в Донскую экспедицию, вероятно, проехали через Среднее Придонье. Огльби (Огильви) в 1737 году, командуя прамом «Овод», плавал из Азова к реке Миус и умер в том же году. Его земляк Джордж Лесли в середине 1740 года был прислан из Азова под арестом за неповиновение[45].

В канун начала первой в царствование Екатерины Великой войны с Турцией в Придонье было возобновлено кораблестроение, длившееся дольше петровского. На верфях воронежского края строились суда различных типов, при этом одной из основных проблем оставалась задача проводки кораблей до Азовского моря. В связи с этим появлялись различные проекты, которые учитывали местную специфику. В 1771 году английский адмирал на российской службе Чарльз Ноульс предложил проект 58-пушечного фрегата, сочетавшего в себе небольшую осадку и мощное, по сравнению с другими кораблями такого класса, артиллерийское вооружение. Екатерина II одобрила эту идею и в декабре 1771 приказала командующему Азовской флотилией А.Н. Сенявину построить на Дону два таких фрегата по чертежам Ч. Ноульса. Первоначальное финансирование составило 50000 руб. Корабли, получившие названия «Третий» и «Четвертый», были заложены в мае 1772 года на Новохоперской верфи. Ч. Ноульс несколько раз менял состав вооружения фрегатов, добиваясь сочетания усиленной огневой мощи и хороших мореходных характеристик. К сожалению, последние, как показала практика, оказались невысокими, чему способствовало, вероятнее всего, низкое качество постройки судов. Они не подлежали эксплуатации в Черном море и через несколько лет завершили свою короткую жизнь: «Третий» взорвался, а «Четвертый» за ветхостью не мог даже нести вахту в Керченском проливе[46].

В июле 1771 г. на русскую службу лейтенантами были приняты три английских моряка: Джон Аикман, Вилим (Уильям) Гакс и Томас Галимар. Все они были отправлены в Донскую экспедицию, плавали в Азовском море (в 1772 г. Д. Аикман на корабле «Модон»,

[44] *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 28–29.

[45] Общий морской список. Ч. 2. СПб., 1885. С. 232, 301.

[46] *Лебедев А.А.* Создание и действия Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Дисс...канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 180, 188–190.

Т. Галимар — на «Новопавловске», В. Гакс — неизвестно) и рано скончались. Д. Аикман умер 30 октября 1773 г., В. Гакс — 18 июля 1774 г., Т. Галимар — 20 января 1775 г.[47]

Согласно «Топографическому описанию Воронежского наместничества» 1785 г. численность англичан по 4-й ревизии составляла всего 7 человек: 3 — мужского пола и 4 — женского[48].

В июне 1800 г. воронежскую землю посетил ученый Эдвард Дэниэл Кларк (1769–1822), автор выдержавшей несколько изданий книги «Путешествия в различные страны Европы, Азии и Африки»[49]. Сведения о британских путешественниках, побывавших в Воронеже в XIX — начале XX в. (Р. Пинкертоне, Р.С. Фаркварсоне, Д. Ньюмене, Д. Брайсе и Д. Поллоке), содержатся в новейшем библиографическом исследовании известного английского русиста Э. Кросса[50]. В 1816 г. через Воронеж проехал представитель Британского миссионерского общества Роберт Пинкертон (Robert Pinkerton; умер в 1855 г.), предпринявший в том году большое путешествие (примерно в семь тысяч миль) по России, Польше и Германии. Из Воронежа миссионер направился в Новочеркасск, Таганрог, затем в Крым.

Особую страницу в летопись пребывания англичан в Воронеже вписали участники Крымской войны. Некоторые из них оставили свои мемуары, в которых поделились интересными впечатлениями. Так, в 1883 г. в Эдинбурге были опубликованы (а спустя несколько лет переизданы в Данди) «Воспоминания Крымской кампании и русского плена» Роберта Стюарта Фаркварсона (Farquharson Robert Stuart, род. в 1831 г.). Рядовой 4-го драгунского полка прибыл в Крым 18 сентября 1854 г., принимал участие в битве при Альме и был захвачен казаками. Первоначально с ним плохо обращались, но впоследствии обхождение русских офицеров стало намного лучше. Р. Фаркварсон описал свой переход в Воронеж через Симферополь, Екатеринослав, Харьков, свои переживания на постое в местных семьях, отношения с пленными товарищами. В августе 1855 г. англичанин был отправлен в Одессу.

В 1855 году в Воронеже оказалась значительная группа в несколько сот военнопленных. Они также проделали пешком путь от

---

[47] Общий морской список. Ч. 3. СПб., 1890. С. 23–24, 340.

[48] Описание Воронежского наместничества 1785 года / отв. ред. В.П. Загоровский. Воронеж, 1982. С. 24.

[49] *Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. 4-th edition. P. 1. V. 1. London, 1817. P. 260–296.

[50] *Cross A.* In the Lands of the Romanovs. An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). United Kingdom, 2014. P. 135–136, 194, 210, 261, 389.

Крыма. Подробно о своем пребывании в Воронеже рассказал сержант 23-го пехотного батальона королевских валлийских стрелков Джордж Ньюмен (George Newman; 1828 — после 1857), написавший по возвращении в Англию воспоминания для своих близких. В 1977 году они были изданы под названием «Пленники Воронежа» («The prisoners of Voronesh»). Книгу подготовил историк Дэвид Инглесант (David Inglesant). В Воронеже на это издание обратил внимание литературовед О.Г. Ласунский[51].

Сержант Д. Ньюмен начал свой дневник 5 ноября 1854 года в тот самый день, когда был взят в плен в битве под Инкерманом, и закончил его 26 октября 1855. Он описал свой переход в 550 английских миль из Севастополя в Воронеж через Перекоп, Запорожье и Харьков, ежедневные будни участников марша, контакты с местным населением, наблюдения за его обычаями. Воронежа англичане достигли в феврале 1855 года. Д. Ньюмен основное внимание уделил жизни здесь английской колонии, в которой собрались представители многочисленных родов войск (военнопленные прибывали партями еженедельно): драгуны, гусары, уланы, стрелки, матросы, артиллеристы, штаб-трубач шотландец Крорфорд... Жили англичане довольно сносно и, можно даже сказать, свободно. Беспрепятственно ходили по улицам, посещали базар, дворянские гостиные и балы, молитвенный дом католиков и православные церкви, плавали на шлюпке по реке. Наиболее предприимчивые (среди них был и Д. Ньюмен) преподавали родной язык немногим дворянам-англоманам. Среди последних был исследователь воронежской старины Н.И. Второв, желавший усовершенствовать свои знания и больше узнать о своем любимом поэте Д. Байроне[52]. Пленные сразу же выяснили, что в городе есть соотечественники: выходец из Уэллса Томпсон с женой и преподаватель иностранных языков в Кадетском корпусе шотландец Макферсон (Macpherson), который, по словам мемуариста, организовал в Воронеже фонд помощи военнопленным[53].

В октябре 1855 года англичане покинули Воронеж и направились через Харьков на Одессу, где воюющие державы произвели размен военнопленными. Как выяснилось, несколько человек изъявили желание остаться в России: к воронежским мещанам приписались

---

[51] *Ласунский О.Г.* Глазами английского сержанта // Подъём (Воронеж). 1979. № 2. С. 143–145.

[52] *Он же.* Литературно-общественное движение в русской провинции. Воронеж, 1985. С. 40.

[53] К сожалению, в Юбилейном сборнике этого корпуса (Воронеж, 1898) он не значится в числе педагогов. Нет его фамилии и в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1856 год».

Донанс Аткенсон[54] и Николай Герст-Перет (1834–1863) — его смерть была зарегистрирована в метрической книге католиков (к сожалению, в воспоминаниях Д. Ньюмена они не упомянуты).

Десятилетие спустя в Воронеже вновь появился посланец туманного Альбиона. Это был сотрудник славянского отдела библиотеки Британского музея Вильям Рольстон (Rolston; 1828–1889). Фольклорист, переводчик, он перевел прозой на английский язык ряд стихотворений А.В. Кольцова и И.С. Никитина. В июле 1868 года, в первый свой приезд в Россию, В. Рольстон побывал в Воронеже, посетил могилу Кольцова, встретился с его сестрой А.В. Андроновой, прочёл свои переводы в одном из домов, куда имел рекомендательное письмо от В.И. Даля[55].

Следующим англичанином, транзитом проехавшим через Воронеж, был Джеймс Брайс (Bryce James, 1838–1922), опубликовавший в 1877 в Лондоне заметки о своем путешествии в Закавказье и на Арарат во время отпуска. Книга, видимо, пользовалась спросом, так как в течение двадцати лет вышла четырьмя изданиями. Британский юрист, историк и политик, Д. Брайс начал свой отчет с выезда из Нижнего Новгорода 24 августа 1876 года. Затем через Воронеж он отправился в Таганрог и далее на Тифлис, откуда выехал в Армению 6 сентября.

Среди воронежских дворян выходцев из Англии не имелось. Сохранились единичные упоминания о гувернерах и педагогах-англичанах в дворянских семьях Станкевичей, губернатора В.А. Трубецкого (мисс Уир). Учителем «в одном из воронежских семейств» в 1870-е годы был Г. Брочер (G. Brocher), возвратившийся позднее в Лондон. Английский язык тогда был не в моде и не преподавался в воронежских учебных заведениях вплоть до революции.

Еще одним интересным гостем Воронежа уже в послеоктябрьский период стал сэр Джон Поллок (John Pollock, 1878–1963). Бывший сотрудник Тринити-колледжа Кембриджского университета, он отправился в Польшу в 1915 году в качестве представителя Великобритании в Польском комитете для организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Впоследствии Д. Поллок стал международным уполномоченным Российского Красного Креста. Он был в Петрограде во время обеих революций и посетил Киев, Саратов, Воронеж и Екатеринодар. Д. Поллок также выступал в качестве кор-

[54] ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 342. Л. 2.

[55] Речь, произнесённая В.А. Никитиным в зале дворянского собрания, 27 октября 1868 года, по случаю открытия памятника А.В. Кольцову // Воронежские губернские ведомости. 1868. 13 нояб., № 87. Часть неофиц. С. 370.

респондента «Манчестер Гардиан» и других английских газет. В значительной степени на их основе была написана книга «Война и революция в России: очерки и исследования», законченная в России в сентябре 1917 года и в следующем году изданная в Лондоне[56].

Таким образом, небольшая английская община оставила существенный след на воронежской земле, особенно своим результативным участием в строительстве кораблей Азовского флота и переделке судов мастеров из других стран. Деятельность О. Ная и Р. Козенца способствовала внедрению в технический обиход английской морской терминологии[57]. Без освещения роли британских подданных, привлечённых как в качестве корабельных специалистов, так и офицерами, невозможно представить историю донского кораблестроения, отдельных судов. А путевые заметки английских путешественников, проезжавших через Воронеж в 1816–1917, ещё ждут своего исследователя.

[56] *Cross A.* In the Lands of the Romanovs. An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). P. 135–136, 194, 210, 261, 389.

[57] *Елагин С.И.* Указ. соч. С. 117.

Е.Е. Дмитриев (Саратов),
С.А. Мезин (Саратов),

Поволжье петровского времени глазами британского путешественника

Шотландский врач Джон Белл (1691–1780) прибыл в Россию в 1714 году и находился там (с перерывами) до 1753 года. Его биография в общих чертах известна и в наиболее полном виде представлена в очерке Энтони Кросса[1]. По словам Белла, в Россию его привело «непреодолимое желание увидеть далекие страны»[2]. Из Петербурга он совершал путешествия в Персию, в Китай, на Кавказ, в Константинополь. Должность врача он совмещал с дипломатическими обязанностями, причем как на русской, так и на британской службе, а также с коммерческой деятельностью. Нет оснований сомневаться в словах Э. Кросса, что Белл «был человеком в высшей степени достойным и завоевал уважение и доверие как со стороны британского, так и со стороны русского правительства»[3]. Однако придирчивому историку могут показаться странными некоторые детали его биографии. Он прибыл в Россию с рекомендательным письмом к личному врачу Петра I Роберту Эрскину, который был горячим сторонником свергнутого английского короля Якова II Стюарта и двоюродным братом вождя якобитов герцога Мара и, таким образом, персоной нон грата для английских властей. Связи с Эрскиным (впрочем,

[1] *Кросс Э.* Разнообразные анекдоты о Петре Первом» Джона Белла (1779) // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 83–92; см. также: Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 683.

[2] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia. In two volumes. Glasgow, 1763. Vol. I. P. XIII.

[3] *Кросс Э.* Указ. соч. С. 85.

очень недолгие) не помешали Беллу впоследствии вступить на британскую дипломатическую службу и даже одно время исполнять в Петербурге обязанности британского поверенного в делах. Возможно, страсть к путешествиям и сбору информации, участие в дипломатических и военных акциях, характерные для Белла, побуждают некоторых отечественных исследователей утверждать, что британские подданные, проживавшие в России, нередко совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной[4].

Принимая участие в различных российских посольствах и экспедициях, Джон Белл представил в 1763 году на суд британской публики книгу «Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia in two volumes»[5]. Об истории создания этой книги сохранилось любопытное свидетельство лондонского журнала «Quarterly Review» за 1817 год:

«В течение многих лет по возвращении из своих странствий г. Белл имел обыкновение развлекать своих друзей рассказами из увиденного им, причем воспоминания свои он освежал, пользуясь дневником своих каждодневных записей и наблюдений. Граф Гранвилль, президент совета, услышав некоторые из его приключений, убедил автора свести свои записи воедино; просьба была выполнена, и результат столь понравился графу, что он отправил рукопись д-ру Робертсону (речь идёт о знаменитом шотландском историке Уильяме Робертсоне. — *Авт.*), чтобы последний сделал необходимые правки и подготовил текст к публикации. Шотландский историк был слишком погружен в свои литературные занятия, что не позволило ему принять на себя данный труд. Посему он рекомендовал автору обратиться к г. Баррону, профессору Абердинского университета, чтобы получить консультацию по стилю повествования и взять какую-нибудь книгу путешествий за образец. Историк (Баррон. — *Авт.*) дал следующий совет: «Возьмите в качестве образца «Путешествия Гулливера», и Вы не ошибетесь». Автор так и поступил, и оттого «Путешествия Белла» по простоте изложения схожи с «Путешествиями Гулливера», но преимущество первых заключается в том, что основой для них послужили истинные события, а не вымысел»[6].

Как видно, издание было основано на дневниках, которые автор вел во время путешествий. Д. Беллу пришлось дважды проплывать по Волге: в 1715 году в составе посольства Артемия Волынского

[4] *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2014. С. 349.

[5] Книга выдержала в Британии пять изданий, была переиздана во Франции, в Германии и дважды в Голландии; см.: *Минцлов Р.И.* Пётр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 182–184 (на франц. яз.)

[6] M'Leod's Voyage in the Alceste // Quarterly Review. London, 1817. P. 464–465.

в Персию и в 1722 году, сопровождая Петра I в Персидском походе. Главным образом во время первого путешествия любознательный британец составил подробные описания природы, населения и городов Поволжья петровского времени, представляющие интерес для изучения местной истории. Выяснение источниковедческой ценности сведений шотландского автора о Поволжье — главная задача нашего доклада. Извлечения из записок Белла, посвященные Нижней Волге, были опубликованы в 1896 году в «Астраханском сборнике»[7], а затем этот же текст был помещён в краеведческом сборнике, вышедшем в 1936 году в Сталинграде[8]. Небольшой отрывок, посвященный Самаре, был недавно опубликован С.В. Польским в новом переводе[9].

Полностью книга путешествий Д. Белла была переведена на русский язык и издана в Петербурге еще в XVIII веке. Переводчиком с французского издания 1766 года выступил известный литератор Михаил Иванович Попов. Перевод, заказанный Собранием, старающимся о переводе иностранных книг, был закончен в 1773 году. За печатание и распространение взялся Н.И. Новиков, однако выкупить тираж в 700 экз. он не смог. Титульные листы были перепечатаны, и книга вышла в свет в 1776 году под маркой Академии наук[10]. Возможно, Н.И. Новиков рассчитывал получить прибыль с этого общезанимательного издания. Однако есть основания утверждать, что известного русского просветителя, книгоиздателя и патриота к этому сочинению привлек не только коммерческий интерес. Новиковские издания были направлены против тех зарубежных авторов, вроде Шаппа д'Отроша, «которые легкомысленно и развязно писали о России и русских, фальсифицируя русскую историю»[11]. Книга Д. Белла демонстрировала противоположный подход. Среди британских авторов, писавших о России, Белл зарекомендовал себя явным русофилом. Большинство британских очевидцев высоко оценивали усилия Петра I по цивилизации России, но при этом противопостав-

---

[7] Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань, 1896. С. 219–236.

[8] Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках / Сост. В. Алексеев. Сталинград, 1936. С. 147–159.

[9] *Польской С.В.* Самара начала XVIII века в путевых записках Джона Белла // Самарский земский сборник. Самара, 1999. № 1(3). С. 106–108.

[10] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1: А–И. М., 1962. С. 86; ср.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 471.

[11] *Дербов Л.А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Саратов, 1974. С. 286.

ляли просвещенного царя варварскому русскому народу. Эта тенденция была характерна для Джона Перри, Чарльза Уитворта, Томаса Консетта, Питера Генри Брюса и по сути была общей идеей британской россики первой половины XVIII века[12]. Из этого ряда авторов явно выпадал доктор Белл, что, вероятно, и определило тот факт, что его книга стала единственным произведением британских авторов XVIII века о России, увидевшим свет в русском переводе еще при жизни автора.

Благожелательное отношение ко всему русскому заметно с первых страниц книги Белла. Например, все британские авторы отмечали красоту Москвы при взгляде на неё с дальнего расстояния, но знакомство с городом с близкого расстояния разрушало их благоприятное впечатление. Белл ограничился замечанием, что «весьма мало есть таких городов в свете, которые бы составляли в таковом расстоянии лучшее зрелище»[13]. Он восхищался обилием и дешевизной съестных припасов в русских городах и «хлебородностью» русской земли. Позитивный настрой буквально пронизывает повествование британского путешественника. По его словам, шведские пленные живут в Нижнем Новгороде «очень изрядно»; казанский губернатор принял путешественников «с великим приятством», казанские татары живут «весьма опрятно», черемисы и чуваши «весьма обходительны», калмыки «храбры и отважны», индийцы в Астрахани «просты и человеколюбивы», и даже астраханский климат, хотя и жаркий, но «чрезвычайно здоровый» и т.д. Впрочем, сравнение русского перевода с оригиналом дает основание утверждать, что Михаил Попов несколько акцентировал положительные оценки автора. В любом случае, Белл не выказывал ни малейшей неприязни к России и русскому православному населению. Он совсем не склонен, в отличие от многих европейских собратьев по перу, подчеркивать невежество русского духовенства. Лишь один раз он в качестве курьеза рассказал случай, когда игумен казанского монастыря не пустил в храм переводчика в парике, то есть с покрытой головой. Не встретим мы в книге Белла и обычных для иностранных авторов рассуждений по поводу пьянства русских. К этому следует добавить авторскую характеристику Петра I как идеального правителя. Белл выступал не только как горячий поклонник деятельности царя, но и как «опровергатель» иностранных писателей, которые «кажется, не

[12] *Дмитриев Е.Е.* Пётр I глазами британцев-современников // Историографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 121–142.

[13] *(Белл Д).* Белевы путешествия чрез Россию в разные асиятския земли; а именно: в Испаган в Пекин, в Дербент и в Константинополь. Перевел с французскаго Михайло Попов. СПб., 1776. Ч. 1. С. 9.

инако знали о Петре Великом, как по слышанному ими об оном в кабаках, в которые ходят упиваться пивом, и между самою подлостью в народе, и от сего-то происходит, что многие почитали его порочным государем и тираном, хотя и был он совершенно сопротивного сему свойства»[14]. Шотландский врач, опираясь на собственные наблюдения, характеризовал Петра I как идеального монарха и доходил до того, что хвалил даже почерк царя, который, по его словам, «очень чист и уставен». Мы сознательно приводим цитаты по изданию XVIII века, чтобы показать, насколько комплиментарно звучали оценки Д. Белла в переводе М. Попова. Впрочем, оценивая позицию автора, следует все-таки обращаться к оригинальному тексту.

Сама река Волга и природа её берегов неоднократно привлекали внимание британского путешественника. Он сообщает о ней как общие сведения, так и личные наблюдения. *«Волга ранее называлась рекой Ра, и исток ее находится в западном направлении неподалеку от Твери.<...> Волга, чьи воды текут на юго-восток, проходит через многие плодородные земли и впадает в Каспийское море, примерно шестьюдесятью верстами ниже Астрахани; на всем ее протяжении нельзя встретить ни единого порога, препятствующего судоходству; что же касается рыбы, то ни одна река в мире не может похвастаться таким количеством и разнообразием видов»*[15]. Белл видел Волгу у Твери, а затем совершал путешествия по Оке и по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани. Река удобна для судоходства, утверждал автор, но из его дальнейшего рассказа следует, что ледостав, ледоход и быстрое течение могут создавать трудности для плавания по реке. Путь от Черного Яра до Астрахани по правому берегу опасен от кубанских татар, а по левому безопасен — от калмыков, — уточнял он. На самом деле еще немало опасностей подстерегало путешественников на Нижней Волге в петровское время[16]. Шотландский врач был далеко не первым путешественником, кто восхищался обилием и отличным вкусом волжской рыбы и икры. *«Кроме стерляди, в Волге весьма много осетров, а также рыбы, размером и формой схожей с гигантским лососем, на вкус весьма изрядной; так как мясо ее белое, то и называют её белой рыбой* (речь идёт о белорыбице. — *Авт.*)*»*[17].

Берега Средней Волги очень плодородны. По наблюдениям автора, *«Прилегающая к Казани земля весьма приятна и плодородна; там*

---

[14] Там же. С. 181.

[15] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 9–10. Здесь и далее перевод с англ. Е.Е. Дмитриева выделен курсивом.

[16] См.: *Бруин К. де* Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 146–147.

[17] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 20.

произрастают пшеница, рожь, ячмень, овес и различные виды бобовых[18]. *Леса к югу и западу состоят из величавых дубов, коих достаточно для удовлетворения потребностей всех флотов мира; отсель Ст. Петербург изобильно снабжается древесиной, необходимой для целей кораблестроения; перевозка осуществляется весьма удобным водным путем»*[19]. В лесах водится огромное количество дичи, а с наступлением весны на берега реки прилетают «целые стада речных птиц», которые здесь откладывают яйца. *«В Казани нашли мы изрядную говядину, баранину, мясо домашней птицы; различные съестные припасы продаются по божеской цене»*[20] — с удовлетворением отмечал автор.

Едва ли не впервые (но не в последний раз в литературе) обозрение Волги рождало у автора образ Русского Нила. *«Весной, когда начинается таяние снега, Волга заливает низины, иногда на больших расстояниях; последствия сего подобны разливу Нила в Египте; поскольку ил, сносимый потоком, чрезвычайно удобряет землю, то на островах Волги, некоторые из которых весьма велики, и заросли высокими деревьями, я отыскал множество превосходной спаржи»*[21]. Слабозаселенные и невозделанные берега Нижней Волги, увиденные в начале лета, когда степь зеленеет, породили у автора чувство сожаления: *«трава вырастает высокой, и смешивается с шалфеем, тмином и другими растениями; там также имеются дубовые рощи. Несколько сот акров подобной земли имели бы огромную ценность в Англии, хотя здесь она пропадает впустую и не обрабатывается»*[22]. Любознательный британский путешественник не мог не обратить внимания на особенности природы дельты Волги — окрестностей Астрахани, где великая река вливается в море семью или восемью «великими устьями», не считая небольших протоков. Здесь он увидел много водоплавающих птиц: гусей, уток, пеликанов. А в степях по берегам реки водились куропатки и дрофы, а также сайгаки и зайцы-тушканчики.

Просвещенный автор опровергал мифические сведения об астраханском «баранце» — полуживотном-полурастении. *«Перед тем как покинуть Астрахань, я счел необходимым исправить ошибочное мнение, которое, по моему наблюдению, зачастую встречается в сочинениях авторитетных немецких авторов; они, описывая удивительные факты этой страны, сообщают, что в прилегающей к Астрахани пустыне, или степи, произрастает в немалом количестве некий куст или растение,*

[18] В русском переводе появилась явно ошибочная фраза о выращивании там сарацинского пшена, то есть риса.

[19] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 20.

[20] Ibid.

[21] Ibid; см. также: Vol. II. P. 329.

[22] Ibid. Vol. I. P. 28.

которое по-русски называется Татарским барашкой; Армяне, Персы, Татары и др., отделывают его шкурой свои головные уборы. Они (немецкие авторы — *Авт.*) *также пишут, что сей татарский барашка не чужд отведать как животной, так и растительной жизни; что он пожирает всю траву и растения вокруг себя. По размышлению моему, люди, имеющие каплю здравого смысла, столь нелепое мнение никак не должны были бы разделять, однако мне доводилось беседовать с теми, кто имел склонность этому верить. <...> В поисках сего чудесного растения я прошел немало миль, и меня сопровождали татары, которые населяют эти пустыни; однако мне удалось найти лишь несколько сухих кустиков, разбросанных там и сям...»*[23]. «Вздорная басня» о баранце, родоначальником которой в европейской литературе, кажется, был Сигизмунд Герберштейн, оказалась очень живучей. Её повторяли, хотя и не без сомнений, Адам Олеарий, Ян Стрейс, Николас Витсен... Дидро поместил в Энциклопедии статью «Agnus Scyphicus», в которой на этом примере рассуждал о научных способах опровержения предрассудков и суеверий[24].

Поволжские города автор «Путешествий» разделял на «большие» и «малые». К первым он относил Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Симбирск, Саратов и Астрахань. Остальные проходили по разряду «малых». Впрочем, не величина города являлась главным критерием авторского внимания, а его достопримечательности и степень знакомства, зависевшая от срока пребывания в нем Д. Белла. Например, Нижний Новгород автор охарактеризовал кратко как *«город великий, защищаемый кремлём. Сей город стоит на высоких берегах Оки, напротив того места, где Ока соединяется с Волгой». Кроме того он упомянул о пребывании в городе «генерала Крейца и еще нескольких шведских офицеров, взятых в плен под Полтавой; они проживали здесь вполне свободно»*[25]

В Казани автору пришлось прожить с ноября 1715 по июнь 1716 года, поэтому он приобрел разнообразные сведения о местоположении и окрестностях города, о его истории и татарском населении, о городской промышленности и торговле. *«Казань находится примерно в пяти верстах к северу от Волги, на высоком берегу речушки Казанка, и от этого места возможно осуществлять судоходство до реки* (Волги. — *Авт.*). *Расположение города весьма надежно, он защищен крепостью, обнесенной кирпичными стенами. В крепости находятся соборная церковь, дома архиепископа и губернатора, а также помещение судебной пала-*

[23] Ibid. P. 43–44.

[24] Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... Paris, 1751. T. 1. P. 179–180.

[25] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 16.

ты. Город окружен рвом и частоколом. Окраины в основном населены мастеровыми, кроме одной или двух улиц, где проживают татары-магометане, потомки коренных жителей, издревле живших здесь. Они живут весьма благочинно, свободно исповедуют свою веру, и имеют многие привилегии. Они торгуют с Турцией, Персией, и другими странами, и некоторые из этих торговцев весьма на этом разбогатели»[26].

По наблюдению британца, в Казани выделывается особым образом кожа (юфть), которая идет на экспорт в европейские страны, особенно в Ливорно[27]. Автор давал небольшую справку о завоевании Казани Иваном IV и отмечал, что татарские князья, перешедшие в христианскую веру, получили от царя большие пожалования.

Во время долгого пребывания в Казани автор проводил время в компании пленных шведских генералов *«Гамильтона и Розена,...взятых в плен под Полтавой, тяготы заключения которых заключались лишь в том, что к ним в дом приходил гарнизонный солдат; благодаря проявленному губернатором благородству, они жили настолько свободно, сколь позволяли им данные обстоятельства»*[28].

«Симбирск, город довольно большой, столицу одноименной губернии»[29] почти не задержал внимания путешественника, но он отметил находящиеся неподалеку *«отчетливые следы укрепленного лагеря, который, как мне сказали, был возведен великим татарским полководцем по имени Хромой Тимур или Тамерлан; он подошел к этому месту с великой армией; однако был вынужден вернуться домой, получив известие о восстании в собственной стране Самарканде, ныне Бухаре»*[30]. Речь наверняка шла о Болгарском городище. Однако город Болгар был не построен, а разрушен Тимуром в 1395 году.

Выше Самары Д. Беллом было отмечено месторождение самородной серы (Серная гора) и Царев курган, где, *«как нам сказали, был погребен знаменитый татарский государь, называемый Мамай»*[31]. Самара *«расположена на левом берегу в прекрасном месте. Город еще невелик и укреплен только рвом и частоколом с деревянными башнями на определенном расстоянии. Здесь установлено достаточное количество артиллерийских орудий для его защиты от набегов татар, имену-*

---

[26] Ibid.

[27] Ibid. P. 21.

[28] Ibid. P. 24.

[29] Белл ошибочно называл Симбирск губернским городом; русский переводчик обозначил его как центр провинции.

[30] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 26.

[31] Ibid. P. 26–27.

емых каракалпаками, или черными колпаками, которые обитают в пустыне к востоку от этого места»[32].

Далее автор писал: *«Мы прибыли 25-го к Змиевым горам, получившим сие название из-за изгибов реки в этом месте*[33]*; проплыв мимо нескольких городов, и многих деревень, которые все расположены на правой стороне, причалили в Саратове, большом городе, расположенном на этой же стороне <…> город несильно укреплен рвом, деревянными стенами, имеются башни с пушками; город защищен гарнизоном, состоящим из регулярных войск и казаков»*[34]. Наблюдение автора о значительной заселенности берегов Волги от Змеёвых гор до Саратова вызывает сомнение. В рукописном «Журнале путешествия по Волге» 1716 года (не исключено, что он связан с экспедицией, членом которой был Д. Белл) на этом отрезке волжского берега указаны лишь села Малыковка (современный Вольск) и Воскресенское[35]. Эта местность могла показаться густонаселенной лишь в сравнении с берегами ниже Саратова, где в то время сёл совсем не было. Британский путешественник отметил особенность Саратова как центра калмыцкого торга на Волге. Он подробно описал ярмарку напротив Саратова, куда съезжались калмыки для продажи своих лошадей: *«Мы заметили около пятисот или шестисот калмыцких татар, собравшихся в поле; тут же свободно паслось множество лошадей, кроме тех, которые были оседланы татарами. Они поставили свои кибитки вдоль реки»*[36]. Лошади «ростом удобные для наездника» продавались здесь по 16 рублей («крон»). Любопытный наблюдатель заметил здесь также двугорбых верблюдов, коров и курдючных овец.

От Саратова до Астрахани на большом расстоянии друг от друга находились лишь города-крепости Камышин (Дмитриевск), Царицын и Черный Яр. В русском переводе «Беллевых путешествий» не может не вызвать удивления фраза: «В <Камышине> нашли мы капитана Перри, родом англичанина, со множеством работников, про-

---

[32] Ibid. P. 27. Каракалпаки в то время действительно кочевали между Самарой и южными предгорьями Уральских гор. См.: *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков: сборник. (Труды Института востоковедения. Т. VII). М.; Л., 1935. С. 63; ср.: *Польской С.В.* Самара начала XVIII века в путевых записках Джона Белла. С. 108.

[33] Змеёвы горы — возвышенность на правом берегу Волги между современным городом Вольском и селом Воскресенское. Современные ученые объясняют их название извилистым характером реки Большой Иргиз, которая впадает в Волгу напротив этих гор. См.: *Козинец С.Б.* Топонимический словарь Саратовской области. Саратов, 2013. С. 71.

[34] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 28–29.

[35] РГАДА. Госархив. Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. № 269.

[36] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 29.

капывающих ров между Волгой и Доном, чрез что учинилось бы сообщение с Черным морем; но как земля была очень жестка и неровна, то оставили сию работу, хотя разстояние не более как на пятьдесят верст простиралось»[37]. Как известно, строительство канала в Камышине было прекращено в 1702 году, и Д. Перри был отозван отсюда, а затем (не позже 1712 года) покинул Россию. Однако не стоит обвинять Д. Белла в сочинении небылиц. В авторском тексте ни о какой встрече с Перри речи не идёт, а лишь упоминается о строительстве канала: *«В <Камышинке> англичанин капитан Перри, с большим количеством работников, был нанят для прорытия канала между Волгой и Доном, который должен был обеспечить проход к Черному морю; но поскольку земля была твердой и в некоторых местах неровной, то сие предприятие пришлось оставить, хотя расстояние уже не превышало пятидесяти верст»*[38]. Фраза о присутствии в Камышине капитана Пери была вставлена в текст переводчиком книги на французский язык, который таким образом проявил свою «эрудицию»[39].

Астрахань наряду с Казанью привлекла самое пристальное внимание британского путешественника, что обусловлено как ведущим значением этих губернских городов в Поволжье, так и многонациональным составом их населения. *«Астрахань располагается примерно в пятидесяти верстах от Каспийского моря, на острове реки Волги, главный рукав которой течет по направлению на запад. Город укреплен мощной кирпичной стеной, в которой имеются бойницы, с прямоугольными башнями, находящимися на необходимом расстоянии друг от друга. В крепости размещены соборная церковь, дворец губернатора и присутственные места. Для судов, плавающих по реке и Каспийскому морю, имеется залив или гавань. Дома в основном построены из дерева, которое сплавляется плотами; поскольку на соседней территории ничего не произрастает, и она представляет собой бесплодную пустыню. К западу* (от Астрахани — *Авт.*) *на многие мили воды найти невозможно. Впрочем, близлежащие к городу острова весьма плодородны и там произрастает великолепный виноград <...> Растут в сих местах также и арбузы, считающиеся лучшими в мире; а также мускатные дыни, персики, вишни, груши, яблоки и абрикосы»*[40].

Автор обращал внимание на заботы царя о разведении винограда в Астрахани, к чему был привлечен и один француз. Из местного

---

[37] *(Белл Д).* Белевы путешествия чрез Россию в разные асиятския земли. Ч. 1. С. 30.

[38] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 34–35.

[39] *Bell J.* Voyages depuis St. Petersbourg en Russie, dans diverses contrées de l'Asie. Paris, 1766. T. 3. P. 44.

[40] Ibid. P. 36.

винограда, по его словам, получается очень хорошее вино, но оно портится от перевозки. В противном случае «могла бы Россия им снабдить всю остальную часть Европы». Белл также описывал добычу соли в окрестностях Астрахани, отмечает наличие здесь селитренного и порохового производства. *«Астрахань является местом разнообразной торговли с Персией, Хивой, Бухарой и Индией. Торговцы этих народов имеют общий караван-сарай, где они живут и выставляют товары на продажу»*[41]. Автор констатировал необычайное изобилие съестных припасов на рынке Астрахани, особенно рыбы: ту рыбу, которую не удается продать до десяти часов утра, продавцы просто выбрасывали «на навозную кучу». Британца особенно восхищали огромные, «жирные и сочные» сазаны. Автор не мог не упомянуть и о таком шедшем из Астрахани товаре, как каракуль (европейцы до сих пор называют его astrakhan (фр.) — *Авт.*), описав жестокий способ его получения. Самый ценный каракуль, по его словам, происходил из Бухары и Хивы, который шел по 25–30 руб. за штуку, калмыцкие же шкурки ниже качеством и стоили всего 50 копеек (*«за бухарские и хивинские по пять или шесть стерлингов, за калмыцкие не давали больше двух шиллингов»*)[42].

Д. Белла, как и других выходцев из Западной Европы, особенно интересовали нерусские народы Поволжья. В Среднем Поволжье кроме татар-идолопоклонников и татар-магометан он выделял два многочисленных языческих народа — чувашский и черемисский (марийцев). Эти народы занимаются хлебопашеством и охотой. Автор верно отмечал, что их язык отличается от языка казанских татар. Различаются они и уровнем приобщения к цивилизации: «магометане кое-что знают о науках, а черемисы и чуваши никакого знания вообще не имеют»[43]. Белл приводил любопытную историю о женитьбе некоего плотника-англичанина на черемисинке. Познакомившись с ними в Казани, Белл имел возможность рассмотреть и подробно описать национальный головной убор женщины и отметил при этом, что «остальное ея одеяние было весьма опрятно и красиво, и очень мне полюбилось»[44], — так перевел этот пассаж М. Попов. В оригинале же эта фраза была несколько иной: *«Остальная ее одежда была вполне опрятной, хоть и неказистой, но в целом ей вполне была к лицу»*[45]. Явствует несоответствие тона оригинала и перевода — автор более

[41] Ibid. P. 37–39.

[42] Ibid. P. 45.

[43] Ibid. P. 21–22.

[44] *(Белл Д).* Белевы путешествия чрез Россию в разные асиятския земли. Ч. 1. С. 19.

[45] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 23.

критично описывал наряд черемисинки, нежели в изложении переводчика. Рассказывая о верованиях и происхождении поволжских народов, автор «Путешествий» не претендовал на точность информации, а лишь передавал услышанное от других.

Живущие на Нижней Волге калмыки представляли для автора, пожалуй, наибольший интерес своим необычным внешним видом и экзотическими обычаями. *«Эти татары* (калмыцкие. — *Авт.*) *крепко сложены и кряжисты; они широколицы, носы их плосковаты, а глаза маленькие и темные, но весьма острые. Простая их одежда состоит из овчинного тулупа, подпоясанного кушаком, на голове носят они маленькую подбитую мехом круглую шапку с красной шелковой кисточкой; костюм их также состоит из кожаных или холщовых штанов и сапог; головы их выбриты, кроме пучка волос, который они заплетают и он свисает у них за спиной»*[46]. Автор сообщал некоторые сведения об истории калмыков, пришедших на Волгу из Восточной Азии. Калмыки — кочевники, скотоводы и охотники, прекрасные наездники. *«Избегают они любого труда, как величайшей неволи; единственными их занятиями являются скотоводство, умение объезжать лошадей, и охота»*. Живут они в лёгких юртах — *«один верблюд может их везти пять или шесть»*. Калмыцкие мужчины храбры и решительны, а женщины — *«честны и целомудренны, лишь немногие подвержены распутству; прелюбодеяние же преступление столь для них редкое, что почти таковое не встречается»*. Вольная кочевая жизнь вселила в этот народ, по словам Белла, *«отвращение к тиранству и угнетению»*. *«Что же касаемо до их вероисповедания, то мало я могу о том сказать; являются они сущими язычниками, и среди них много лам или священнослужителей, коих можно различить по их желтым одеяниям»*[47]. Их хан Аюка, по словам путешественника, славится на всём Востоке своими способностями и любовью к правосудию.

В Астрахани английский путешественник наблюдал жизнь татар: *«Татары-магометане живут вне городских пределов и обладают теми же привилегиями, как и в других местах»*[48]. На улицах города встречались татарки с кольцами в носу[49]. Астраханские армяне держали в своих руках торговлю с Персией, *«ибо сами персы редко покидают собственную страну»*. Индийцы, которые красят себе лоб шафраном, *«весьма добродушны, простоваты и питаются большей частью плодами»*[50].

---

[46] Ibid. P. 30.

[47] Ibid. P. 30–34.

[48] Ibid. P. 38.

[49] Некоторые из них охарактеризованы в переводе Попова как «весьма пригожие», однако в авторском тексте этого выражения нет.

[50] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. I. P. 39.

Как видим, британский автор очень благожелательно, без характерного для многих европейских путешественников христианского и просвещенного высокомерия описывал иноверческие народы. Нередко он подчеркивал их свободный образ жизни и вольнолюбие. При этом он различал их по степени просвещенности, отдавая пальму первенства среди поволжских народов татарам-мусульманам. Лишь о жителях Хивы Д. Белл писал с чужих слов неодобрительно: *«Они весьма беспокойны и опасны как для путешественников, так и для своих соседей, ибо зачастую либо грабят первых, либо подвергают опустошительным набегам вторых»*[51].

В описании Каспийского похода 1722 года, когда Д. Белл сопровождал Петра I и русское войско, автор опустил характеристику Поволжья, сославшись на свое «персидское путешествие». Военную акцию царя, носившую в сущности завоевательный характер, автор называл походом *«на помощь шаху Гуссейну, который просил его усмирить бунтовщиков»*[52]. О том, что реальные впечатления Белла от похода были не столь благостны, как они описаны в «Путешествии», свидетельствует запись беседы с ним в неопубликованном дневнике Франческо Альгаротти[53]: «Я беседовал с мистером Беллом, секретарем английского резидента, который был в той знаменитой экспедиции царя в качестве хирурга. Он сказал, что все, что говорилось о несметных богатствах, которые царь там нашел, — сущая болтовня. Страна там нищая и малонаселенная, города бедные. Всё, что они там нашли, это неудобства и нехватку всего на свете, и они бы все там погибли, если бы флот не доставил царю провиант из Астрахани. <...> Во время экспедиции русские постоянно подвергались набегам недружественных горцев, а солдаты погибали и в гарнизонах, и в пути по стране, потому что совсем не могли переносить местный климат. В конце концов добились завоеваний в пользу своего государства, и граница отодвинулась от Астрахани. Царь часто говорил, что “он не искал более земли, которой у него даже слишком много, а искал воду”»[54].

Среди сообщений о плавании Петра I по Волге в 1722 году, пожалуй, наиболее интересным и оригинальным является описание встре-

---

[51] Ibid. P. 42–43.

[52] Ibid. Vol. 2. P. 327.

[53] Итальянский просветитель и литератор.

[54] Giornale del Viaggio da Londra a Petersburg nel vascello *The Augusta* di Milord Baltimore nel mese di Maggio v.s. l’anno MDCCXXXIX («Журнал путешествия из Лондона в Петербург на корабле «Августа» милорда Балтимора в мае месяце ст.ст. 1739 г.») // British Library, Add. Mss. 17482. Сообщено и переведено с итал. М.Г. Талалаем, за что авторы выражают ему свою благодарность.

чи царя с калмыцким ханом Аюкой в Саратове, которое он датировал 20 июня[55]. По Д. Беллу, царь пробыл в Саратове два дня, Походный журнал царя зафиксировал однодневную остановку 13 июня[56]. В остальном тексты не противоречат, но дополняют друг друга. Британский врач обратил основное внимание на описание хана Аюки, прибывшего для переговоров на царскую галеру. *«Аюка-хан — человек старый, ему примерно семьдесят лет, но он всё еще крепок и весел. Этот государь наделен большой мудростью, отличается благоразумным поведением, и пользуется уважением всех своих соседей по причине честности и прямоты характера. <...> Он весьма хорошо осведомлен о положении дел на востоке». Только у Белла отмечен приезд ханши на встречу: «Государыне было около пятидесяти лет, манеры ее были приличны и веселы;в свите её находились молодые женщины; принцесса, в особенности, отличалась прекрасным цветом лица; волосы ее были черны как смоль, и локонами ниспадали с плеч; в глазах калмыков казалась она совершенной красавицей. Они* (мать и дочь. — *Авт.*) *были одеты в длинные платья из персидской парчи, их головы покрывали подбитые соболиным мехом маленькие круглые шапочки, согласно принятой в их стране моде». Императрица Екатерина подарила ханше «золотые часы с репетициею, осыпанные алмазами, и несколько кусков парчи и другие ценные материи из шелка». Белл сообщал, что царь попросил у Аюки десять тысяч воинов для своего похода, но хан якобы ответил, «что десять тысяч его воинов в распоряжении Императорского Величества, однако, по его мнению, для целей похода достаточно и половины сего числа»*[57].

Описание переговоров вызвало реплику переводчика Михаила Попова, полагавшего, что Белл неверно описывал Аюку как сильного и равного Петру правителя. Имеющийся в Походном журнале рассказ о блиц-поездке Петра в ханскую ставку на левом берегу Волги отсутствует у Белла, писавшего лишь о том, что видел сам. Описание переговоров заканчивается сентенцией об их быстроте и эффективности: *«Эти два могущественных монарха затратили на начало, обсуждение и заключение договора менее времени, нежели обычно занимает трапеза полномочных послов наших западно-европейских монархов»*[58].

---

[55] Судя по описанию пребывания в Нижнем Новгороде, Д. Белл пользовался русским календарем. Однако далее даты в «Путешествии» и в Походном журнале расходятся.

[56] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 42–45.

[57] *Bell J.* Travels from Saint-Petersburg in Russia. Vol. II. P. 332–333.

[58] Ibid. P. 333–334.

Своё повествование о походе на Дербент Д. Белл завершил обширной характеристикой Петра I[59]. Он описывал царя как очевидец его поступков, ибо *«ничего не мог он* (царь. — *Авт.*) *такого сделать, чтобы я не приметил»*. Как уже отмечалось, Петр выступал под пером британского автора как идеальный монарх, почти лишенный недостатков. «Погрешностей его была причиною единственно великая его склонность к женскому полу». В остальном Белл не видел изъянов в царе и защищал его от нападок других иностранных авторов, в частности, в вопросе о часто инкриминируемом ему пьянстве. По словам шотландского доктора, во время Дербентского похода царь жил «весьма трезвым образом» и вообще «имел отвращение к крепким напиткам». За ужином Петр выпивал некоторое количество «полпива», иногда — несколько рюмок вина. В изображении Д. Белла царь, кажется, напоминал идеального англичанина: он был деловит и справедлив, «набожен без суеверия», «носил обыкновенно аглинский фрак», ел на ночь «овсяную кашицу»...

Сравнительное изучение страниц книги Д. Белла, посвященных путешествиям по Волге, свидетельствует о том, что автор был знаком с описаниями своих предшественников. Он несомненно читал основополагающий для английской россики петровского времени труд Д. Перри, не исключено его знакомство с близким по сюжету сочинением голландца Корнелия де Бруина, с трудами Вольтера. Конечно, у него была возможность познакомиться с британскими «историями» Петра, вышедшими из-под пера Д. Моттли, Д. Бенкса, А. Гордона и др. При этом автор «Путешествий» совершенно не был склонен к компиляции. Он не претендовал на философский подход и обобщения, не оттачивал на русском материале своих критических способностей, но изложение его представляется вполне оригинальным, основанным на личных наблюдениях, при этом вполне искренних и благожелательных.

[59] Ibid. P. 355–368; *(Белл Д)*. Белевы путешествия чрез Россию в разные асиятския земли. Ч. 3. С. 181–192.

М.Г. Талалай
(Италия)

Британская делегация в Петербурге аннинской эпохи и её итальянский описатель (Ф. Альгаротти)

Официальная британская делегация посетила столицу Российской империи, Санкт-Петербург, в 1739 году — на закате аннинской эпохи, хотя в тот момент ещё ничто этот закат не предвещало. Напротив, государственное событие, на празднование которого прибыла делегация, видимым образом олицетворяло прочность и даже апофеоз правления императрицы Анны Иоанновны: давно уж вдовая и бездетная государыня (ей тогда было 46 лет) выдавала замуж свою племянницу и наследницу Анну Леопольдовну Мекленбургскую за герцога Антона-Ульриха Брауншвейгского. Таким образом российскому трону прочилось твёрдое положение, встроенное к тому же в систему европейских династических координат.

Приглашение на царскую свадьбу было заблаговременно передано, вероятно, через российского посланника в Лондоне князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, одного из самых блестящих людей аннинской эпохи. На посту посланника в британской столице, который он занимал с 1732 года, Антиох необыкновенно много сделал для политического и культурного сближения двух стран[1]. По сути дела, он стал одним из главных участников возрождения двухсторонних отношений, которые были прерваны ещё при Петре I, в 1720

[1] О роли А. Кантемира как деятеля культуры и, в особенности, о его связях с А. см. *Володина И.П.* Фр. Альгаротти и А. Кантемир (к истории одного стихотворного послания) // Литература в зеркале эпохи. Сб. статей к юбилею профессора И.П. Куприяновой. СПб., 1999. С. 41–47.

году (из-за отказа Британии признать Россию империей и из-за её поддержки Швеции) и возобновлены именно Анной Иоанновной в 1730 году. Один из важнейших результатов такого сближения — торговый англо-русский договор 1734 года, подписанный в Петербурге. Он дал английским купцам особые привилегии в России и стал крупным успехом британской дипломатии, стремившейся также вытеснить из этой части Евразии основного конкурента — Францию. Можно считать, что аннинское время было одним из благоприятных моментов англо-русских отношений, когда предприимчивые британцы успешно осваивали новые геополитические пространства и, главное, — торговые рынки, проложив тогда через Россию новый транзитный путь на Восток, преимущественно в Персию: его траектория и интересы частично вторили знаменитому Великому шёлковому пути.

Непосредственной дипломатической подготовкой визита британцев Кантемир не занимался, так как в 1738 году его перевели в Париж, где он и скончался. Назначенный преемник, Сергей Григорьевич Долгоруков, увы, до Лондона не добрался, так как был арестован по обвинению в антиправительственном заговоре и вскоре казнён. Так что собственно в момент отъезда делегации российское посольство было без начальника, что, по-видимому, не мешало его работе.

Для Англии союз Антона-Ульриха, герцога Брауншвейгского, с наследницей Анны Иоанновны представлял очередное укрепление своих позиций в России: ведь правящий британский монарх Георг II также принадлежал по рождению к этой династии: будущий король родился в Германии, в Ганновере, имея отцом — Георга-Людвига, курпринца Брауншвейг-Люнебургского, матерью — Софию-Доротею, герцогиню Брауншвейг-Целльскую. Конечно, Георгу II было известно, что Антон-Ульрих уже давно был избран в суженые Анны Леопольдовны и даже жил в России в качестве её жениха — с 1733 года.

Во главе делегации был поставлен Чарльз Кальверт, пятый лорд Балтимор (1699–1751), культурный и богатый аристократ, в недавнем прошлом губернатор провинции Мэриленд в Северной Америке, а теперь придворный короля Георга II и член Парламента. Один из самых блестящих и богатых англичан своего времени, он придал делегации в Петербург самый высокий статус. По возвращении его благожелательная в целом позиция помогла дальнейшему развитию англо-русских отношений.

О лорде Балтиморе и его месте в истории русско-британских связей существует особая статья Энтони Кросса — «Лорды Балтимор в

России», и я отсылаю к этой публикации (в ней рассказывается также о путешествии в Россию сына Чарльза Кальверта)[2].

Обратимся к интересному источнику той поры — к свидетельству итальянского литератора и деятеля Просвещения Франческо Альгаротти, включённого, скажем так, по знакомству, в состав британской делегации. Собственно, этих свидетельств два — его книга «Русские путешествия (Письма о России)»[3], опубликованная им 20 лет спустя после поездки с лордом Балтимором (далее — Книга), и его Дневник путешествий, не опубликованный пока ни по-итальянски[4], ни по-русски, хотя и существует полный его перевод — по рукописи, хранящейся в рукописном отделе Британской библиотеки в Лондоне[5]. Книга и Дневник, понятно, пересекаются, но во многом и разнятся.

Оба источника начинаются одинаково: корабль «Августа», личный фрегат лорда Балтимора, отплыл из устья Темзы 21 мая 1739 года. Из людей культуры и науки на борту, кроме Альгаротти, присутствовал учёный Кинг — в то время, весьма известный, так как «Санкт-Петербургские ведомости», сообщившие о прибытии англичан, писали, что на борту корабля находится «славный математик Кинг»[6]. В Дневнике Альгаротти фиксирует разные публичные эксперименты Кинга, по сути дела — своего возможного конкурента по русским проектам (Альгаротти надеялся издать в России собственную монографию о Ньютоне[7]). Позднее в Книге он уже позволяет

---

[2] *Cross A.G.* The Lords Baltimore in Russia // Journal of European Studies 18 (1988). P. 77–91. Рассказ о лордах Балтимор вошёл также в монографию: *Cross A.G.* By the banks of the Neva. Cambrige University Press, 1997. P. 335–337 (копию текста предоставил Дм. Гузевич). Пользуясь случаем, приношу благодарность уважаемому проф. Энтони Кроссу за любезный просмотр моей статьи и за ценные замечания.

[3] Первые два (анонимные) издания книги имели название «Избранные письма о России» (в популярном французском переводе — «Письма о России»), в то время как первое авторское издание титуловалось как «Русские путешествия» («Viaggi di Russia»). Первое русское издание книги вышло в 2006 г. (СПб.: Крига) в переводе автора этих строк.

[4] Публикация оригинала Дневника Ф. Альгаротии на итал. яз. намечена в Италии на 2015 г.

[5] Перевод Дневника выполнил в 2012 г. автор этих строк на грант, полученный от Фонда «Эрмитаж-Италия».

[6] «Санкт-Петербургские ведомости» от 12 (23) июня 1739 г. сообщили, что в российскую столицу вместе с лордом Балтимором прибывают «славный математик Кинг и другие ученые персоны».

[7] А. сделал крупнейший вклад в дело популяризации открытий великого английского учёного. В 1737 г. он опубликовал книгу «Ньютонизм для дам, или диалоги о свете», получившую европейскую известность. Князь Кантемир Антиох сделал её конспективный перевод на русский, который предполагался к публикации

себе пренебрежительный к нему тон — «сей Кинг упросил милорда взять себя в Петербург, намереваясь прочесть там курс экспериментальной физики самой императрице, хотя не знаю, заблагорассудится ли ей лицезреть его». Так как эти ироничные ремарки писались уже после путешествия, то думается, что лекция Кинга для государыни, действительно, не состоялась. В своё время Эразмус Кинг († 1760) в Лондоне имел устойчивую репутацию блестящего лектора-просветителя по натуральной и экспериментальной философии: свои лекции он читал в течение более 20 лет, в 1730–1750-х годах, в лондонском университете Вестминстер и в других местах, рекламируя их через газету «The Daily Advertiser». Об опытах Кинга на пути в Петербург, естественно, в более уважительной манере, рассказал его коллега натуралист Стивен Гейлс (иначе Хейлз) в одном из переизданий своего фундаментального трактата «Statical Essays» («Статистические очерки»)[8]. И сам Кинг в 1741 году выпустил в Лондоне сборник своих самых интересных опытов в духе Просвещения[9].

Другой интересный член британской делегации — Томас Дезагюлье (Thomas Desaguliers; 1721–1780). О нём автор упоминает (в Книге, не в Дневнике) вскользь, как «молодого Дезагюлье, которого отец отправил в море упражняться на практике в навигации». В самом деле, Томасу тогда было всего лишь 18 лет, однако затем он стал видным офицером английской армии, военным инженером, начальником Арсенала (с 1748) в Вулвиче. Его отец, священник и литератор Джон Теофилус Дезагюлье (1683–1744), вошёл в историю Англии как деятель европейского Просвещения и как один из основателей масонства. Подобные знакомства позволяют подозревать, что и сам итальянец являлся «вольным каменщиком». Вне сомнения, Альгаротти, поклонник Ньютона, был тесно знаком с космополитом (франко-гугенотского происхождения) Дезагюлье-старшим: будучи ассистентом Ньютона, Дезагюлье много сделал для развития и пропаганды оптики, физики, естествознания. Отправляя в Россию своего сына, Джон Дезагюлье попросил Эразмуса Кинга сопроводить юношу (вероятно, и Кинг был членом масонской ложи).

Будучи членом официальной делегации из Лондона, Альгаротти окунулся в мир британской торговли и дипломатии. По всему курсу

в России. В предисловии к новому изданию книги 1739 г. А. выразил надежду, «что, в скором он, возможно, станет пропагандистом Ньютона в обширной Российской империи, и да распространится новая вера в новых мирах».

[8] Об Эразмусе Кинге см.: *Appleby J.H.* Eighteenth-century experimental philosopher // Annals of Science. Vol. 47. № 4. July 1990. P. 77–91.

[9] [*King E.*] A catalogue of the experiments made by Mr. King, in his course of natural philosophy. London, 1741.

«Августы» он встречается с британскими купцами, военными, политиками. Уже в самую первую стоянку в российском тогда порту, в Ревеле, проводником англичан к местным властям был их соотечественник, некий купец «Клейс» (Cleiss). Он показывает путешественникам город, рассказывает о торговле и о политике, утверждая, в частности, что русское правление принесло благоденствие краю и что местный люд «благословляет своих русских правителей». В Дневнике описан и визит вместе с «Клейсом» к губернатору Ревеля.

Кто же был этот «Клейс», английский житель русского Ревеля? Как сообщает наша таллинская коллега Наталья Андреева, в местных источниках часто упоминается английское купеческое семейство Клейхиллс, занимавшееся торговлей в Ревеле с 1633 года по начало XX века; произношение фамилии Clayhills могло показаться Альгаротти как Cleiss. В момент посещения Альгаротти в Ревеле пребывало два Клейхиллса — Томас (1690–1757) и его сын Херманн Джон (в Ревеле: Герман Йоханн; 1719–1770). Учитывая высокий статус гостей и юный возраст сына (20 лет), с уверенностью можно сказать, что британцев опекал Клейхиллс-старший.

Ревельской верфью заведовал другой англичанин, Оливер, «весьма дельный корабел», по словам итальянца. В Дневнике опять-таки шире, нежели в Книге, приводится содержание бесед с Оливером (он, в частности, критиковал русское корабельное дерево, по сравнению с английским). К сожалению, других сведений об Оливере обнаружить не удалось.

Когда же британцы приплыли в Петербург и стали на рейде у Кронштадта, то первым петербуржцем, который встретился с ними, тоже стал их соотечественник — контр-адмирал Христофор Обриен (точнее О'Брайен), служивший на русском флоте и специально поднявшийся на борт «Августы». На царскую службу в Петербург его увлёк упомянутый выше Антиох Кантемир: О'Брайен сделал значительную карьеру, занимаясь развитием Кронштадта, и скончался в России в 1743 году.

Надо заметить, что Альгаротти очень внимательно осмотрел Кронштадт и даже зарисовал в Дневнике его укрепления — об этом он не сообщает в Книге, что позволяет предположить о том, что у итальянца существовал и умысел собрать сведения стратегического характера, которые можно было бы в будущем кому-то предложить (скорей всего, так и произошло, так как после русской поездки он прямиком поехал к кронпринцу Фридриху, будущему королю Прусскому, расположение и покровительство которого завоевал на всю жизнь).

В самом Петербурге Альгаротти встречается с рядом британцев. Делегацию, естественно, опекает министр-резидент Клаудис

Рондо[10], пребывавший в столице уже почти десять лет, с самого начала восстановления дипломатических отношений. Похоже, что с ним особо тесные отношения не установились, в отличие от его секретаря шотландца Джона Белла (1691–1780), о котором в Книге итальянец совсем не упоминает, только в Дневнике. Это интереснейшая личность — врач, путешественник, дипломат, участник Персидского похода Петра I; с 1714 года он жил в Петербурге, участвовал в дипломатических миссиях в Китай и в Персию; в общей сложности состоял на русской службе около 30 лет[11].

У него Альгаротти, согласно Дневнику, расспрашивает о Петре I и его иностранной политике. Можно лишь гадать, почему автор исключил упоминание о шотландце из Книги: в целом, 20 лет спустя после поездки, он был очень осторожен к живым персонажам. Возможно, ему стало известно, что Джон Белл вернулся из России в Шотландию и тоже пишет свои воспоминания. Знаменательно, что перерабатывая Дневник в Книгу и придавая ей эпистолярный жанр как «Письма о России», автор в качестве главного адресата писем избрал своего английского друга, вице-канцлера лорда Джона Харви[12], уже к тому моменту умершему. На Книге, напечатанной в родном городе Альгаротти, Венеции, он из предосторожности поставил как место издания Неаполь. Да и первые, прижизненные издания вообще выходили анонимными.

Заметим, что Альгаротти даже не упоминает о цели своего вояжа, о царской свадьбе, по понятным причинам: во время её подготовки к печати (уже в елизаветинскую эпоху) история Анны Леопольдовны, а тем более плода её замужества — несчастного императора Ивана Антоновича — стала, мягко говоря, неактуальной.

Описывая и оценивая Петербург и Россию, итальянец зачастую исходил из прекрасно знакомого ему английского контекста — про архитектуру нового города он замечает, что ей не хватает Иниго Джонса, знаменитого лондонского зодчего, автора проекта собора св. Павла (уточним, что в аннинскую эпоху Петербург и в самом деле

---

[10] Клаудиус (у А.: Клод) Рондо (Rondeau; †1740), британский дипломат, служивший в России с 1728 по 1739 г. См. о нём в книге: *Cross A.G.* By the banks of the Neva.

[11] Подробнее о Джоне Белле см. в данном сборнике в статье: *Дмитриев Е.Е., Мезин С.А.* Поволжье петровского времени глазами британского путешественника.

[12] Джон Харви, лорд Икворт (Hervey, lord of Ickworth; 1696–1743), вице-канцлер короля Георгия II; в 1725–1733 гг. член парламента от партии вигов. Литератор, историк, мемуарист, автор многих сочинений, посвящённых Италии. А. познакомился с ним в Лондоне благодаря рекомендации Вольтера; первые восемь «Писем о России» адресованы лорду Джону Харви, однако это — мистификация автора.

имел мало из его будущей архитектурной славы). Про Анну Леопольдовну в Дневнике он пишет, что «она прекрасно воспитана и исполнена великих идей, так что полагают, что стань она Императрицей, то это была бы настоящая Елизавета Севера», имея в виду королеву Елизавету Тюдор — понятно, что в опубликованную Книгу этот льстивый эпитет не вошёл, так как Анна Леопольдовна к тому моменту уже бесславно скончалась в Холмогорах. Итальянец часто цитирует поэтов английской школы, со многими из которых был знаком лично. Немало сведений он приводит о всё растущей англо-русской торговле.

Именно в те дни у него родился знаменитый афоризм «Петербург — окно в Европу», внедрённый затем в русскую культуру А.С. Пушкиным. Но и тут, возможно не обошлось без английского «следа» — очень вероятно, что прославленная метафора сложилась в беседах с его спутниками, в первую очередь с хозяином корабля[13]. К примеру, мы знаем о беседе лорда Балтимора с Фридрихом II. Прусский король в письме к Вольтеру от 10 октября 1739 года сообщал: «Он [лорд Балтимор. — *М.Т.*] говорил о русских, как о механических зверушках, и заявил, что Петербург — это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, она опять впадёт в полное варварство, из которого едва вышла»[14]. Метафора Альгаротти «окно в Европу» не отдаёт подобным снобизмом, да и лорд Балтимор по возвращении проводил русофильскую политику, так что нельзя исключить, что прусский король в пересказе гипертрофировал ремарку англичанина.

Когда итальянец готовил Книгу, он широко пользовался и английскими источниками: установлено, что он прорабатывал «Состояние России при нынешнем царе», т.е. Петре I, инженера, строителя каналов и шлюзов Джона Перри (1716), — русский перевод вышел в 1871 году, а также «Путешествие в Россию» Элизабет Джастис, которая три года прожила гувернанткой в аннинском Петербурге (1739). Вне сомнения, он лично или через лорда Балтимора знал рассказы о Петербурге сэра Френсиса Дэшвуда, посетившего новую столицу в 1733 году — Дэшвуд оставил и мемуары, ходившие в списках — его книга вышла много позднее[15]. Нельзя исключить и то, что перед поездкой в Петербург Альгаротти встречался в Лондоне с Дэшвудом.

---

[13] Подробнее см. *Неклюдова М.С., Осповат А.Л.* Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник 2. М., 1997. С. 255–272.

[14] Oeuvres de Frederic le Grand. V. 31. Berlin, 1856. P. 327; цит. по: *Cross A.G.* Lords Baltimore in Russia // Journal of European studies. Vol. 18, 1988. P. 83.

[15] Мемуары Ф. Дэшвуда, изданные в Лондоне в 1959 г., частично опубликованы в переводе на русский в: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 57–63.

Взявшись за Книгу, Альгаротти поставил своей целью написать не очерк о путешествии в Россию, а очерк о России. Поэтому мы найдём в ней целые новые главы, составленные значительно позднее. Для истории англо-русских связей особенно интересно его Девятое письмо, тоже,кстати, адресованное уже покойному адресату — веронскому эрудиту маркизу Шипионе Маффеи.

Письмо это целиком посвящено английской торговле с Персией, проходившей через Россию. Хронологически этот сюжет уже в основной его части, начинаясь в аннинскую эпоху, относится более к елизаветинским временам. Дабы оправдать хронологическое расширение, автор ставит более позднюю дату, 1750 год, и сочиняет изящную преамбулу: «Коммерция англичан с персами через Россию и Каспий, о которой столько толковали в торговом и в политическом мире, находилась ещё в зародыше во время моего петербургского пребывания, и посему могу Вам [Шипионе Маффеи] поведать лишь об её истоках и лишь удержанное в памяти из тогдашних бесед. Недавний продолжительный визит в Берлин одного англичанина, много торговавшего с Персией, позволяет мне, однако, сообщить Вам о начале и о конце сей торговли, и тем самым удовлетворить Вашу жажду эрудита».

Вне сомнения, англичанин в Берлине — это Джонас Хенуэй (Jonas Hanway), купец, сотрудник британской Русской (Московской) компании[16], в 1743–1750 годах курсировавший между Россией и Персией. Его книга «Historical Account of British Trade over the Caspian Sea, with a Journal of Travels» ([«Исторические сведения о британской торговле через Каспийское море с Дневником путешествий»], London, 1753) была серьёзно проанализирована и даже кратко изложена итальянцем. Мы даём ниже выдержки из этого интересного Письма, иллюстрирующего малоизвестный сюжет проникновения Британии в Азию через Россию.

В целом в лице Франческо Альгаротти, многолетнего жителя Лондона, англо-русские связи не только аннинской эпохи, но и всей первой половины XVIII века нашли чуткого, просвещённого, глубоко осведомлённого и умного описателя.

[16] Первоначальная компания английских купцов, торговавших с Россией и странами Востока, была учреждена в Лондоне ещё в 1554 г.

Девятое «Письмо о России» Ф. Альгаротти[17]

«Письмо», якобы отправленное из Берлина 27 августа[18] 1750 г., вошло в состав анонимной книги «Saggio di lettere sopra la Russia» («Избранные письма о России»), опубликованной в 1760 г. и состоявшей из 12 писем, «адресованных» уже покойным персонам: первые восемь имели «адресатом» лорда Джона Харви и были основаны на петербургском Дневнике Альгаротти; последние четыре, «адресованные» веронскому литератору маркизу Шипионе Маффеи, являлись результатами позднейших кабинетных исследований автора. Нумерация писем была введена ливорнийским издателем Марко Кольтеллини уже в посмертное их издание с именем автора (1764).

Предлагаемый текст Альгаротти — это литературное резюме книги британского купца Джонаса Хенуея «Historical Account of British Trade over the Caspian Sea, with a Journal of Travels» (1753), непосредственного участника описываемой политико-коммерческой эпопеи: Альгаротти, не называя его имени, говорит, что мемуарист pars magna fuit (лат.: играл большую роль).

<…> Англичане заинтересовались Каспием, лишь принявшись за торговлю с Россией через Архангельский порт, в правление знаменитого Иоанна Васильевича. Они быстро усвоили, что по этому морю, лежащему между Россией и Персией, и, главным образом по Волге, текущей по русским землям вплоть до Каспия у Астрахани, могут достичь Персии легче и быстрее, нежели португальцы, тогдашние хозяева Индий, огибавшие Африку с Азией ради Ормуза[19] в Персидском заливе. К тому же северная Персия, выходящая к Каспию, для торговли привлекательнее южной. Именно там, в провинциях Ширван, Мазандеран и особенно в Гиляне (древней Гиркании) вырабатывают наиболее ценные и знаменитые восточные шелка[20]. С этими шелками англичане хотели завести у себя фабрики тканей, как

[17] Перевод письма впервые вышел в книге «Русские путешествия: Письма о России» (СПб., Крига, 2007. С. 142–151); для настоящего издания он пересмотрен, уточнён и дополнен новыми комментариями.

[18] Во втором, тоже анонимном (1763) и в третьем, уже с именем А., издании «Писем о России» (1764) стоит другая дата — 27 декабря.

[19] Ормуз — пролив между Персидским и Оманским проливами.

[20] Азербайджанский Ширван был самостоятельным ханством до 1805 г., когда был включён в состав Российской империи; Мазандеран и Гилян — исторические области в Персии; Гиркания — старинный край на территории южного Азербайджана.

прежде с шерстью, что сначала отправлялась во Фландрию, а потом успешно обрабатывалась на собственных мануфактурах. Они совершили несколько столь успешных попыток, что о них даже сообщил в своей «Истории» сам де Туан[21]. Однако тогда русские ещё не возобладали на юге империи над татарами, да и англичане ещё не развернулись, а следовательно, рассчитывать на удачу весьма обширного и сложного плана было трудно. <…>

Французы, некогда тоже мечтавшие о торговле (этой государственной артерии, как говорил Бэкон)[22], проектировали свои маршруты через Россию, в особенности под конец правления Людовика XIV, когда в Париже пребывал персидский посол. Их план, едва зародившись, увял.

Наконец, за дело взялся терпеливый и предприимчивый английский гений. Некий Элтон[23], моряк, купец и воин, с богатым воображением и развитым честолюбием, посадил желаемое растение, обработал его, дождался роста и плодов, а затем сам его и загубил. Служа у русских и отлично зная их страну, Элтон быстро усвоил выгоду перевозки товара через Россию, а затем вниз по Волге к Каспию. Англичане могли бы так сбывать в Персии собственное сукно (в Леванте[24] их совершенно вытеснили французы) и на вырученные средства закупать шёлк-сырец непосредственно у крестьян в Гиляне, а не в Смирне или в Алеппо[25] — у армян, прибравших к рукам благодаря своим караванам всю торговлю в Азии. Элтон сумел оценить изначальные благоприятные обстоятельства: Надир-шах, известный нам под именем Кули-хан, собрал войско в двести тысяч человек и, будучи покровителем торговли, перенёс столицу Персидской империи в Мешхед, главный город Хурасана, в нескольких днях пути от Астрабада[26], на каспийском побережье. Персы теперь нуждались в европейском сукне, прежде поставляемом из

---

[21] Жак-Огюст де Ту (у А. — Туан) (Jacques-Auguste de Thou; 1553–1617), французский историк, автор обширного трактата «История моего времени» (Historia sui temporis. Paris, 1604–1608; 138 [!] томов). Первое полное издание трактата вышло в Лондоне в 1733 г., и А. мог бы познакомиться именно с английской публикацией.

[22] Фрэнсис Бэкон (Bacon; 1561–1626) — английский философ (основатель эмпиризма), общественный и государственный деятель. Мысль о торговле как государственной артерии высказана им в написанном на латыни трактате «О достоинстве и приумножении наук» (1605), с которым А., очевидно, ознакомился.

[23] Джон Элтон (Elton, † 1751), английский моряк, родоначальник англо-персидской коммерции на Каспии. В 1735–1738 гг. состоял на русской службе в чине капитана. См. дальше у А. подробности о его бурной деятельности как торгового агента, вызвавшей недовольство в России, и о его гибели в Персии.

[24] Общее для европейцев название Восточного Средиземноморья.

[25] Современный турецкий Измир и сирийский Халеб.

[26] Астрабад — современный Горган (Гурган), сейчас отстоящий от берега Каспия на несколько километров.

западных стран левантийцами-армянами. Торговлю имело смысл протянуть до Хивы, Бухары, татарских ханств, восточного Каспия, а также и до северной части империи Могола[27], откуда взамен можно было бы получать золото, бирюзу и прочие индийские драгоценности, идущие в Европу дорогостоящим кружным путем. Англичанам следовало завести на Каспии пару кораблей, сработанных на Волге, в Казани: тогда они бы самостоятельно торговали в этих водах, имея главной базой Астрабад, а центром коммерции — Мешхед.

Элтон, предложив свой план английской фактории в Петербурге, в тридцать девятом году был послан в Персию с небольшим товаром, для пробы. Замысел казался близким к воплощению, когда он вернулся в Петербург с благосклонным и обширным указом Резы Кули-мирзы[28], правителя империи в отсутствие Надир-шаха, ушедшего воевать с Моголом[29]. Петербургская фактория сделала представление в главную контору Русской компании в Лондоне, где инициативу горячо поддержали. Несмотря на сопротивление Левантийской и Ост-Индской компаний[30], не желавших проникновения Русской компании в их сферы, парламент санкционировал каспийскую торговлю[31]. И в России ее приветствовали: страна получила бы выгоду от провоза персидских и английских товаров, прежде шедшего через Турцию, и связала бы себя с англичанами взаимным интересом. Последние, набрав заказы, питали самые радужные надежды. Элтон, назначенный агентом новой торговли, проявил предприимчивость и весной сорок второго года отчалил из Казани с богатой поклажей на «добро сколоченном», как сказал бы Гомер[32], корабле. Через несколько дней, миновав Астрахань, он вышел в Каспийское море, впервые увидевшее английский стяг, уже покоривший океаны.

В Персии однако дела пошли иначе, чем думалось. Лишь треть персидской армии нуждалась в суконном обмундировании; дорога из Астрабада до Мешхеда оказалась опасной из-за свирепых туркменов, жителей безводных и посему недоступных для войск пустынь. Хивинцы и бухарцы европейскими товарами не прельщались, а на азиатской

---

[27] Империя Великих Моголов существовала в 1526–1767 гг. преимущественно на территории Индии.

[28] Реза Кули-мирза (1719–1747), сын и наследник Надир-шаха, ослеплённый по повелению отца, который заподозрил его в намерении захватить власть.

[29] Надир-шах в 1737–1739 гг. вел успешную войну на территории Индии с Великим Моголом Мухаммад-шахом.

[30] Компании английских купцов, основанные, соответственно в 1549 г. и 1600 г. ради торговли с Ближним Востоком и с т.н. Ост-Индией (т.е. Индией и рядом южноазиатских стран).

[31] Акт Британского парламента санкционировал проект Дж. Элтона в 1741 г.

[32] Неоднократно повторяющийся в «Илиаде» и «Одиссеи» т.н. украшающий эпитет.

части России татары и калмыки промышляли разбоем подобно арабам в Южной Азии. Персия, кроме того, переживала печальные и смутные времена: её разоряли и обескровливали жестокие войны. Богатые трофеи, захваченные Надиром в Индии и способные поправить дела страны, были им же потрачены на крепостные строения Калата[33] — войско существовало лишь за счёт безжалостных поборов.

Торговля всё же шла, суля предприимчивым и трезвым купцам немалый барыш, но исподволь возникали и те препятствия, что в итоге сгубили затею. Армяне, перемещенные в Персию Аббас-шахом[34] и принявшиеся торговать и там, вознегодовали на новых соперников по Каспию. К заговору армян против англичан, естественно, присоединились и русские купцы, привозившие из Казани кожу и иной товар. Англичанам пришлось бы туго от соперничества с хитрыми и малоразвитыми людьми, обосновавшимися тут и усвоившими восточное раболепие — в царствах чужих владык долгий успех в торговле почти невозможен.

Предприятие окончательно лопнуло после похода войска Надир-шаха в прикаспийский край. Когда он три года воевал в Индии, на Хорасан постоянно нападали бухарские и хивинские татары, а на Ширван — лезгины. И те и другие уводили в рабство множество персов. Надир, после триумфального возвращения домой, легко разбил татар Хивы и Бухары, обитателей открытых равнин, но не так-то просто было сладить с лезгинами, жителями неприступных дагестанских гор, вольнолюбивыми воинами, вроде азиатских швейцарцев. Персы попытались покорить их, но безуспешно: тут поговаривают, что лишь сумасшедший государь пойдет против лезгин. Надир, некогда благоразумный, всё же пошел, разделив участь предшественников. Слава шаха-полководца склонила перед ним ряд племен на южной границе, отдавших персам заложников: по восточному обычаю, он переселил покоренные племена в Хорасан. Тут ему бы и остановиться, как остановился Цезарь на Рейне[35], лишь припугнув германцев и не собираясь выкуривать их из лесных нор. Напротив, Надир, воодушевившись первыми успехами, двинулся вперед, заняв многие земли и проникнув в горы Дагестана. Лезгины, знавшие там каждую тропку, окружили и атаковали покорителя Индии. Его военного ума, достойного Сенусерта[36] и Александра, хватило лишь на то,

---

[33] Калат — древняя крепость на территории современного Пакистана, некогда резиденция Надир-шаха.

[34] Аббас (Абаз) I Великий (1571–1629), персидский шах с 1587.

[35] Эпизод Галльских войн (55 г. до н.э.), когда Юлий Цезарь вступил на земли германцев, не разу не дав им боя, и спустя 18 дней вернулся в Галлию, демонстративно уничтожив за собой мост.

[36] Сенусерт (Сезострис) III — легендарный египетский фараон (XX–XIX вв. до н.э.), которому в античности приписывали многочисленные победы в Эфиопии,

дабы вырваться из клещей лезгин, пробиться к Дербенту за провиантом для своих оголодавших солдат. Именно тогда, убедившись в удобстве моря для перевозок, шах объявил Дербент порто-франко и пригласил русских с их хлебом. Россия, без энтузиазма смотревшая на столь большое войско у себя под боком и даже запретившая любой экспорт, всё же подкормила персов и спасла Надира. Элтон в то время причалил в Гиляне с грузом риса. В Дербенте он отправился в лагерь Надира, где по просьбе владыки долго и с присущей англичанам дотошностью рассказывал о мореходстве и о торговле. Великий шах, обласкав Элтона как равного, наобещал ему с три короба и без труда удержал при себе честолюбивого любителя приключений. Для начала Надир поручил ему построить форт на Балханском заливе[37] для укрощения туркменов, разбойничавших не только на суше, на пути из Астрабада до Мешхеда, но и на побережье у Астрабада и вообще на южном Каспии. Персы, пусть и не знавшие морского дела и вообще не имевшие к нему склонности, стали всерьез помышлять о флоте, надеясь опереться на Гилян, богатый лесом и хлопком, и на Манзерадан, богатый железом. Элтон, в кратчайшие сроки построив двадцатипушечный военный корабль, стал царить в каспийских водах, заставляя приспускать флаг русские суда, которые тут ранее опасались лишь бурь. Так Надир, благодаря трудам Элтона, стал морским владыкой Каспия, подобно Петру Великому прежде.

Петербургский двор, естественно, вознегодовал и потребовал отозвать Элтона. Русская компания, будучи не в состоянии вынудить его оставить Персию, предложила соотечественнику крупный куш и продвижение как офицера английского флота, либо как главы экспедиции по отысканию пролива с юга на северо-запад Америки. Элтон то ли не мог, то ли не желал возвращаться. Компании пришлось продать корабли, построенные в Казани, а в сорок шестом году русское правительство нанесло фатальный удар, запретив ей любую торговлю на Каспии. Надо было сворачиваться и доставить в Петербург закупленный в Персии хлопок-сырец, но и это у компании не получилось. Торговля, вопреки ожиданиям, не шла, да и не могла идти из-за частых бунтов в Персии, которую к тому же спустя год после смерти Надира постигла полная разруха. Английское добро, подобно кораблю, утопленному морскою невзгодою, пропало, будучи расхищенным, а потом погиб и столь деятельный Элтон[38], ввязавшийся

Азии и на юге Европы; Александр Великий, иначе Македонский (356–323 гг. до н.э.), создатель огромной империи, стал в европейской культуре эталоном воинской славы.

[37] Балхан — селение на южном берегу Каспия.

[38] Анахронизм: Элтон был казнён в Персии во время дележа наследства Надир-шаха в апреле 1751 г., т.е. уже после «написания» Девятого письма; об этом

в междоусобицы персов ради сохранения своего господства на Каспии. В итоге торговый путь англичан в Персию через Россию пресекся почти сразу после смерти его основателя.

Все эти сведения сообщаю благодаря пребыванию в Берлине упомянутого мною выше англичанина, что *pars magna fuit*. Он вроде бы собирается их опубликовать в обширной книге[39], вместе со сведениями о Персии, где жил, а также о мореходстве и о природе Каспия. Если ранее это море было известно благодаря русскому оружию, то теперь — благодаря английской торговле <…>.

Перевод с итал. М.Г. Талалая

указал А. Франческетти — см. *Franceschetti A.* L'Algarotti in Russia: dal «Giornale» ai «Viaggi» // Lettere Italiane, XXXV, 3 (luglio-agosto 1983). P. 319–320.

[39] Литературный приём автора: «Письмо» писалось якобы ещё до выхода книги Джонаса Хенуея.

Л.Д. Бурим
(Санкт-Петербург)

Британская колония в Колпине

Город Колпино — центр Колпинского района Санкт-Петербурга — расположен в 26 километрах к юго-востоку от северной столицы. Своим рождением город на берегах реки Ижоры обязан градообразующему предприятию — Ижорским заводам, основанным по указу императора Петра I в 1722 году. С середины XVIII века рядом с Ижорской пильной мельницей начинают развиваться металлургические и машиностроительные производства, ориентированные на выполнение заказов для флота.

Первые выходцы из Великобритании появились на Адмиралтейских Ижорских заводах (АИЗ) в 1781 году. Тогда Адмиралтейство приобрело в Англии плющильную машину, изготавливающую медные и железные листы для брандспойтов, котлов и кровли. Руководил новым производством плющильный мастер Фрэнсис (Франц) Морган. Он был «выписан» в Россию на 10 лет и до службы на Ижорских заводах работал в Петербурге, на Матисовом острове, обучая «адмиралтейских учеников деланию математических и оптических инструментов»[1]. Морган служил на АИЗ до своей смерти в 1802-м, а с 1799 года по 4-летнему контракту здесь работал его сын Виллиам Морган[2]. В 1803-м дом Морганов в Колпине был куплен Адмиралтейской коллегией для начальника заводов. Интересно, что деньги от продажи получил зять Ф. Моргана — известный петербургский заводчик Чарльз (Карл Николаевич) Берд[3].

---

[1] *Бурим Л.Д., Ефимова Г.А., Лопатенко Н.Л.* «Один ответствовать должен...» Очерки о директорах Ижорских заводов. СПб, 2001. С. 12.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 8. Д. 1701. Л. 12–13.

[3] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2907.

В 1782 году в Колпине начал действовать литейный завод[4] с четырьмя плавильными печами и горном для отливки медных гвоздей, втулок, колец, планок и крюков. Заведовал новым цехом также английский мастер Джозеф (Иозеф) Поул (Поуль, Поль, Поуэлл)[5].

Очевидно, третьим мастером из Великобритании стал Иван Тейлер, автор проекта двух новых пильных рам, производительность которых была на 30 процентов выше прежних. Сын мельничного мастера, И. Тейлер родился, если судить по послужному списку, в 1750 году и в 1789-м был приглашен в Россию. Он постоянно работал мельничным мастером и механиком на АИЗ, но в 1794, 1796 и 1798 годах командировался на Новгородскую парусную фабрику «для осмотра и исправления плотины и пильных амбаров»; в 1799-м инспектировал мельницы в Казани для приобретения их в казну, а с 1800-го по 1802 год там же изучал впадающие в Волгу реки на предмет строительства лесопилен[6]. Тейлер жил с семьей в Колпине, очевидно, до своей смерти, которая последовала не позднее 16 января 1808 года[7].

Скупы и отрывочны сведения о работе британских мастеров на Ижорских заводах в XVIII веке. Интересная деталь, например, содержится в Инструкции командиру АИЗ 1783 года: иностранные мастера освобождались от ежедневных дежурств по заводам из-за плохого знания русского языка[8].

В начале XIX века британская колония на Ижоре становится более многочисленной. С мая 1802-го до конца марта 1803-го АИЗ руководил Антон Антонович Юнг. Он родился в Англии в 1759 году. В Россию приехал в 1785 как один из множества английских специалистов, приглашенных для освоения причерноморских областей. С 1792 года Юнг служил при Николаевском адмиралтействе, где проектировал машины для подъема тяжестей, для растирания красок, для мытья белья, для подъема якорей, воды, а также веялки, ветряные мельницы и многое другое. Особого внимания начальства удостоился «станок на платформе для действия носовых корабельных пушек». Устройство нашло широкое применение на флоте. К 1799 году было сделано 43 таких механизма. В послужном списке 1799 года отмечаются превосходные профессиональные качества

---

[4] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 52. Л. 16.

[5] Городков Г.И. Адмиралтейские Ижорские заводы. СПб, 1903. С. 31; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век. СПб, 2005. С. 262–263.

[6] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 8. Д. 13. Л. 142–143.

[7] Там же. Л. 42.

[8] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2915. Л. 6.

А.А. Юнга, его добросовестное отношение к службе, знание языков: английского, немецкого и русского[9].

Но в Колпине Юнг не успел себя проявить. 29 декабря 1802 года император Александр I осмотрел медные обшивные листы АИЗ и признал их негодными. Возможно, этот инцидент и привел к отставке Юнга с поста директора. Однако достоинств его как механика никто не умалял. Контр-адмирал П.В. Чичагов поручил Юнгу составить проект и смету постройки новой каменной плотины и цехов Ижорских заводов. Все работы Юнг оценил в 1125 732 рубля. Смета показалась завышенной, и был принят проект, представленный его соотечественником Чарльзом (Карлом Карловичем) Гаскойном.

В 1804–1807 годах А.А. Юнг работал на посту директора Адмиралтейских Ширшемских заводов, лесопильного предприятия близ Архангельска. Но в 1807 году Россия прервала все отношения с Англией. Кризис был обусловлен заключением Тильзитского мира с Францией и перемирия с Турцией, бывшими врагами России и Англии. В результате Англия переходила из союзников России в ее враги. А в Российской империи работали сотни англичан. В государственные учреждения был сделан запрос: собираются ли дальше служить выходцы из далекого Альбиона? Юнг, отвечая на вопрос, высказался в том духе, что, «так как он природный англичанин», то не может больше продолжать службу в России. Заявлению был дан ход. И Юнга уволили[10], да так, что до 1810 года не вручали абшид, отставку, а без этого документа он не мог устроиться на работу. Средств на отъезд в Англию со всем семейством у Юнга не оказалось. В конце концов его судьбу решил министр иностранных дел. Бывшему адмиралтейскому механику разрешили жить в Москве[11].

Юнга на посту директора АИЗ сменил выходец из Шотландии Чарльз Гаскойн (1739–1806). О Гаскойне в последние двадцать лет много писали отечественные и иностранные историки[12], поэтому в рамках своей статьи остановлюсь только на его заслугах перед Ижорскими заводами.

В управление заводами Ч. Гаскойн вступил 25 августа 1803 года в самый трудный период истории предприятия. Он разработал свой план реконструкции, который 1 октября 1803 года утвердил император Александр I[13]. План был столь кардинален, что 1803-й иногда называют годом основания Ижорских заводов.

---

[9] Там же. Ф. 406. Оп. 7. Д. 63. Л. 277-278.

[10] Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 100. Л. 145.

[11] РГИА. Ф. 560. Оп. 11. Д. 1309. Л. 1-2.

[12] *Кросс Э.* Указ. соч.; *Тараканова Е.С.* Карл Гаскойн и русские пушки // Север. 2001. № 4-12; и др.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 8. Д. 2. Л. 2.

Дж. Сэксон. Портрет Чарльза Гаскойна. XIX века. Государственный Эрмитаж

Капитальные работы, развернувшиеся в Колпине в 1803–1808 годах, преобразовали заводы и сформировали новый исторический центр села, сохранившийся в основных чертах до нашего времени. Была построена каменная плотина, поднявшая уровень реки на 10 метров, прорыт левобережный водоотводной канал для стока лишней воды. На обоих берегах заводского бассейна Ижоры в два ряда встали здания мастерских. На правом, более высоком, берегу: плющильная, резная для вытяжки железа, медная, красильная, цементная, машинная, литейная, столярная и модельная мастерские. На левом берегу — инструментальная, точильная, якорная, камбузная и сверлильная, слесарная и отделочная. С пуском этих производств Ижорские заводы сделали гигантский шаг вперед от пилен XVIII века к многопрофильному предприятию. Морской министр П.В. Чичагов писал в 1804 году послу России в Великобритании графу С.Р. Воронцову: «Этот человек в течение шести месяцев произвел столь поразительные изменения в этой фабрике или, лучше сказать, остатках и развалинах этой фабрики, что она может поставлять адмиралтейству все объекты первой необходимости и в таком совершенстве, которого никогда не встречалось раньше. Я должен еще сказать относительно Гаскойна, что это единственный человек на свете, который мог произвести это громадное изменение; недостаточно быть ученым и механиком, надо было уметь применить гениальные способности к местным условиям, и это то, чем он обладает глубоко и до конца...»[14]

К работам на Ижоре Гаскойн привлек архитектора Вильяма (Василия Ивановича) Гесте (1763–1832), также шотландца по происхождению. В 1803–1805 годах по его проектам в Колпине были построены здания заводской конторы и мастерских[15].

[14] Архив князя Воронцова. Том XIX. М., 1881. С. 110.

[15] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 8. Д. 30. Л. 163.

С.К. Зарянко (?). Портрет инженер-генерала А.Я. Вильсона. 1854 год. Из кн.: *Г.И. Городков.* Адмиралтейские Ижорские заводы. СПб, 1903

В фондах ЦГИА СПб хранится многостраничная записка Ч. Гаскойна об устройстве Колпинских заводов, демонстрирующая уровень организации предприятия, которое он принял к управлению[16]. Отсутствовала бухгалтерия, неизвестна была стоимость выпускаемых изделий, т.к. никто не знал, сколько стоят отпускаемые адмиралтейством материалы. Первой и главнейшей задачей Гаскойн считал назначение бухгалтера; предлагал наладить строгий учет поступающих и расходуемых материалов.

Рабочий персонал разделили на классы: мастер, подмастерье, мастеровые 1-го и 2-го классов, ученики, сторожа. Мастеровой должен был иметь двух подмастерьев, одного ученика. Мастеру разрешалось иметь не более трех учеников. Гаскойн предлагал выдавать вознаграждение тем мастеровым, ученики которых отличались выучкой. Устанавливалась сдельная поштучная плата на все заводские работы. Сохранился собственноручно написанный Гаскойном по-английски черновик списка утвержденных праздничных дней[17]. Они также были сокращены до 18 праздников в год. Допускалась работа в праздничные и воскресные дни в случае выполнения срочных заказов. Кроме оплаты, мастеровые ежемесячно получали провиант. Подумал директор и о будущих заводских мастерах: «Дети мастеровых должны воспитываться при отцах, без разрешения министра их нельзя отпускать с завода и определять в другие места»[18].

Однако увидеть воплощение этого своего последнего замысла – реконструированные Ижорские заводы – Чарльзу Гаскойну было не суждено. Он умер 20 июля 1806 года в Колпине и, согласно завещанию, был похоронен в Петрозаводске. Могила не сохранилась.

Менее известен наследник Гаскойна на посту руководителя Ижорских заводов инженер-генерал Александр Яковлевич Вильсон (1776–

[16] Там же. Д. 2. Л. 18–26.

[17] Там же. Л. 32.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 8. Д. 2. Л. 26.

1866). Он был русским подданным, хотя родился в Эдинбурге в семье кузнеца и в восьмилетнем возрасте вместе с отцом приехал в Россию. Джеймс Вильсон (в России его стали звать Яков Александрович) был приглашен архитектором Чарльзом Камероном для строительства дворцов в Царском Селе[19].

Известно, что Д. Вильсон работал в Царском Селе с 1 мая 1784 до 1 мая 1790 года, выполняя кузнечные работы в Екатерининском дворце и Камероновой галерее. Очевидно, он рано стал привлекать к своему ремеслу старшего сына Александра. Решётка Камероновой галереи исполнена, судя по документам, уже отцом и сыном. Александр Вильсон, как сказано в его послужном списке, «не обучался в казенном заведении, но знает науки, принадлежавшие его званию; также языки – русский, английский, французский и, частично, немецкий»[20]. Осенью 1790 года Александр переведен на Сестрорецкий оружейный завод, через десять лет он начинает служить у Гаскойна. Их судьбы с этого времени тесно связаны.

Сначала Александр Вильсон чертит планы и исполняет различные поручения, а в 1801 году в качестве письмоводителя уезжает с Гаскойном на Луганский завод. С 1803 года служит на Ижорских заводах. Вместе с А.Я. Вильсоном в Колпине с 1 октября 1803 года до своей смерти в 1821 году работает его отец, сначала в должности смотрителя заводов, а затем в должности помощника директора[21].

Получив в управление АИЗ, Гаскойн, руководивший одновременно еще четырьмя предприятиями, расположенными в разных частях России, назначает Александра Вильсона своим заместителем по производству. После смерти учителя Вильсон заменил его на посту управляющего Императорской Александровской мануфактурой; на АИЗ ему сначала была поручена исполнительная часть, т.е. производство. В полное управление заводами он вступил 1 марта 1807 года; с 18 июня 1808 года назначен директором. Ему было тогда 32 года.

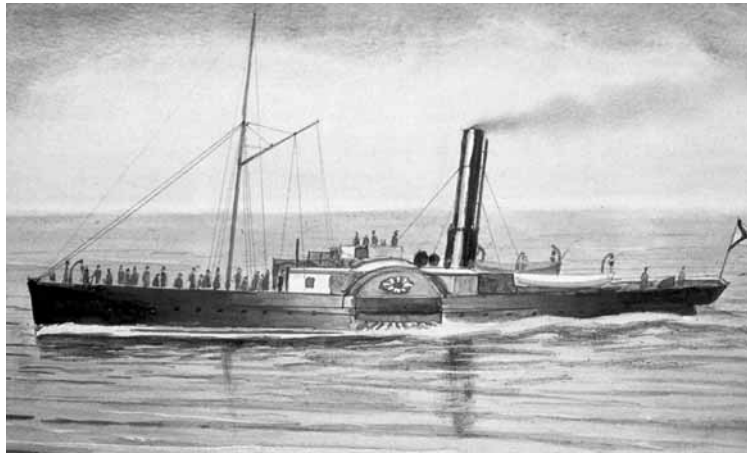
План реконструкции АИЗ Ч. Гаскойна был выполнен летом 1808 года. По разрешению адмиралтейского департамента Вильсон вносил в него коррективы потому, что директора обязывали заниматься выпуском изделий, не предусмотренных первоначальной специализацией заводов. Так, в 1806 года началась отливка медных орудий, с 1810-х годов — чеканка мелкой медной монеты, штамповка пуговиц, с 1818 года — изготовление навигационных приборов, с 1833 года —

---

[19] *Ходасевич Г.Д.* Шотландские мастера в Царском Селе // Россия – Англия: страницы диалога. СПб., 1999. С. 15–18.

[20] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 476. Л. 2.

[21] Там же. Оп. 7. Д. 222.

Пароход «Ижора». Построен на Адмиралтейских Ижорских заводах в 1825–1827 годах. Акварель Б. Новицкого. Центральный военно-морской музей

производство медных пороховых ящиков. В первой половине XIX века АИЗ строили пароходы, паровые машины и механизмы, выпускали пушки, навигационные приборы и инструменты, якоря и якорные цепи, мундирные пуговицы, чеканили мелкую медную монету и многое другое.

Вильсон пытался внедрить на заводах все новое и передовое, что появлялось на заграничных заводах. Например, в 1830 году, находясь в Англии, он пригласил специалистов по выделке якорных цепей. В 1831–1836 годах цепной мастерской в Колпине руководил Гизе, в 1839–1845 годах — Томас Бейнон, с 1846-го по 1850 год — Джон Макартней. Производство гвоздей возглавляли английские мастера Вильям Эдмундс — с 1835-го по 1839-й и Георг Ятес — в 1839–1850 годах[22].

Первый пассажирский пароход в Петербурге построил в 1815 году шотландец Чарльз Берд. Через год на АИЗ был построен первый русский военный колесный пароход «Скорый». В последующие годы — «Проворный», «Ижора», «Богатырь», «Геркулес», строительством которых руководили приглашенные А.Я. Вильсоном английские механики Иван Ишервуд и Буртон.

Вместо планировавшихся Гаскойном 19 производств к середине XIX века Ижорские заводы освоили 28[23]. Производительность АИЗ

[22] *Городков Г.И.* Указ. соч. С. 56–57.

[23] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

выросла с 3,5 тысяч пудов в 1803-м до 370,4 тысяч в 1856 году. Число мастеровых в этот же период увеличилось с 500 человек до 1700[24]. При Вильсоне начали складываться династии ижорских мастеров, из поколения в поколение передававших секреты рабочих профессий.

При Вильсоне завод начал принимать участие в российских и международных выставках. Высоких наград и отзывов удостаивались прежде всего изделия мастерской навигационных инструментов, изготовившей и починившей за 40 лет существования на АИЗ более 62000 точных математических инструментов, морских навигационных приборов. Первым руководителем этой мастерской был английский механик Джозеф (Иосиф) Эдвардс, в 1815–18 годах служивший в Паноптическом заведении на Охте, переведенном затем в Колпино и преобразованном в мастерскую.

В условиях закрытого населенного пункта, каким было Колпино до 1878 года, начальник заводов (так стала называться должность Вильсона с 1826 года) был практически хозяином в селе. Что можно сказать о проводимой им социальной политике? Вот несколько фактов. Кроме заработной платы мастеровые (объединенные с 1827 года в 6-й морской рабочий экипаж) получали провиант на себя и детей. Семейным рабочим строился за счет завода дом, холостые размещались в казармах. В 1809-м на заводах открылась первая столовая, и к концу года ею пользовались уже все холостые рабочие заводов. С 1808 года для мастеровых и служителей заводов стали шить одежду — мундиры темно-синего цвета[25].

В селе Колпино был построен госпиталь, работала школа для сыновей рабочих, а в 1836 году Вильсон в директорском доме открыл школу для девочек. Дети — предмет постоянной заботы начальника. Журнал исходящих документов сохранил распоряжения о порядке выполнения прививок от оспы, о лечении школьников, а также неоднократные ходатайства в Адмиралтейство о присылке в Колпино «ученой» повивальной бабки[26].

Колоссальная ответственность за выполнение важных государственных заказов, лежавшая на плечах Вильсона, требовала недюжинного характера. За строками архивных документов ощущается воля, настойчивость, порой даже жесткость. А вот мнение современника: «Исполнительный сам и строгий к самому себе, он и от подчиненных требовал беспрекословного исполнения возложенных на них обязанностей. Умея наказывать, он за добросовестную работу умел и

---

[24] *Городков Г.И.* Указ. соч. С. 52, 73, 85.

[25] *Бурим Л.Д., Ефимова Г.А., Лопатенко Н.Л.* «Один ответствовать должен...». С. 39.

[26] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 8. Д. 29. Л. 130.

поощрять денежными наградами, производством мастеровых в унтер-офицеры, а затем в офицеры. Многие труженики Ижорских Адмиралтейских заводов всем своим дальнейшим общественным положением обязаны были строгому, но справедливому начальнику генералу А.Я. Вильсону»[27].

Руководя одновременно двумя предприятиями, Вильсон бывал в Колпине несколько дней в неделю, постоянно проживая в селе Александрове при мануфактуре (сейчас — участок проспекта Обуховской обороны). Александровской мануфактурой он руководил до ее закрытия в 1863 году. Здесь ткали салфетки, полотна, выпускали игральные карты. Здание льнопрядильни Александровской мануфактуры, построенное в 1810-х годах по проекту А.Я. Вильсона, вошло в учебники по архитектуре как первое в Петербурге производственное сооружение с внутренним металлическим каркасом[28]. В 1833 году А.Я. Вильсон вошел в состав пайщиков Невской бумагопрядильной мануфактуры (ОАО «Прядильно-ниточный комбинат им. Кирова»), в 1835 году стал основным пайщиком общества «Российской бумагопрядильной мануфактуры» (ОАО «Фабрика «Веретено»)[29].

О частной жизни Вильсона мы знаем очень мало. Известно, что с 1808 по 1865 год он состоял членом Английского клуба. Можно предположить, что именно там состоялось его знакомство с Александром Сергеевичем Пушкиным. Великий поэт работал тогда над «Историей Пугачева», повсюду разыскивал редкие книги XVIII века. Вильсон посылает поэту книги из своей библиотеки: «Вместе с тем получить извольте записки капитана Брюса, в которых найдете много любопытства новой стороны показывает нам директора достойного...Записки доктора Куна при сем же получить извольте»[30]. Оказывается, он был обладателем обширной (18 тысяч томов) библиотеки и редких книг, был хорошо знаком с историческими документами адмиралтейского архива.

Инженер-генерал А.Я. Вильсон умер 13 февраля 1866 году, трех дней не дожив до своего девяностолетия. Его похоронили на Колпинском кладбище[31].

Многие годы вместе с Вильсоном на АИЗ служил другой ученик Ч. Гаскойна — Данила Макли (1774?-?). Он происходил из шотландских дворян, имел герб, данный ему «тамошней героль-

---

[27] *Левицкий М.* Адмиралтейские Ижорские заводы. Газета «Котлин», 1897, № 45.

[28] *Пунин А.Л.* Архитектура Петербурга XIX века. СПб.: Лениздат, 1990. С. 160.

[29] *Барышников М.Н.* Деловой мир России. СПб, 1998. С. 258, 314.

[30] *Пушкин А.С.* Переписка. В 3-х т. СПб., 1911. Т. 3. С. 258–259.

[31] Санкт-Петербургские ведомости. № 47. 1866. 17(29) февраля. С. 3.

Разлив реки Ижоры перед главной плотиной.
Из фотоальбома «Адмиралтейские заводы» 1866 года.
Музей Ижорских заводов

дией». В Россию был вызван Гаскойном и по прибытии в мае 1794 года определен на Александровский пушечный завод в Петрозаводске. По формулярным спискам Макли и Вильсона можно судить о карьере Гаскойна в России, т.к. эти сотрудники работали там, где служил их учитель. Так, Макли после Петрозаводска работал на установке «машин для битья монеты» на Банковом монетном дворе, руководил модельной и столярной мастерскими в Луганске, а 1 декабря 1804 года был переведен на АИЗ для устройства машин. 1 февраля 1805 год после увольнения с Ижорских заводов архитектора Гесте Макли была поручена строительная часть заводов. С 10 мая 1821 года он назначен помощником начальника АИЗ «с оставлением при прежней должности смотрителя при строениях». Макли был награжден орденами св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й степени[32].

Выходцы из Великобритании работали и лекарями Ижорского морского госпиталя в Колпине. Старший врач Василий Линд служил на АИЗ в 1807-1810 годах, его сменил штаб-лекарь Ричард (Ричард Егорович) Одли, работавший в Колпине до 1813 года[33].

Полный список британских специалистов, служивших на колпинских заводах в XVIII и первой половине XIX века, пока не составлен. Но имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что вклад инженеров и техников из «туманного Альбиона» в развитие отечественной промышленности трудно переоценить. Поменяв навсегда родину или проработав в России по контракту несколько лет, они отдавали нашей стране свой труд, мастерство, свои знания и опыт.

[32] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3035. Л. 1–4.

[33] *Бранц Л.Ю. Бурим Л.Д.* Колпинская больница. СПб., 2003. С. 174.

Л.В. Завьялова
(Санкт-Петербург)

Петербургский Английский клуб и английские клубы в России в XVIII – начале XX века

Историки по-разному определяют время появления первых клубов. Некоторые английские исследователи XIX века полагали, что клубы имелись уже у первобытных племён. Однако более распространенная точка зрения состоит в том, что впервые клубы появились в Англии в конце правления королевы Елизаветы на рубеже XVI–XVII веков. Ко второй половине XVIII века клуб стал неотъемлемой частью английской культуры. Английские купцы, путешественники, военные способствовали распространению клубной моды среди жителей других стран, подтверждая известную шутку о двух англичанах, оказавшихся на необитаемом острове и в первую очередь организовавших на нем клуб. Везде, где появлялись англичане, даже в самых отдалённых частях земного шара, клубная идея пускала корни, и появлялись клубы, созданные по английским образцам.

В правление Екатерины II английская колония в Петербурге насчитывала около 1500 человек. Один англичанин-современник отмечал: «Постоянно живущие в Санкт-Петербурге англичане — преимущественно купцы, они получают и тратят много денег и живут точно так же, как их соотечественники на родине. Дома обосновавшихся здесь британцев дают полное представление об английском образе жизни. Обстановка, пища, хозяйство — всё английское, вплоть до огня в очаге. Даже уголь англичанин привозит из дома — а ведь дров здесь предостаточно»[1].

[1] Цит. по: Англофилия у трона: Британцы и русские в век Екатерины II: Каталог выставки / Сост. Э.Г. Кросс. Лондон, 1992. С. XIV.

Первоначально функции клубов выполняли трактиры и гостиницы, вокруг которых складывались небольшие, но устойчивые сообщества постоянных посетителей. Содержали и посещали данные заведения главным образом иностранцы. Популярным местом, где можно было обсудить дела и поиграть в карты, среди представителей английской колонии была гостиница, которую в 60-х годах XVIII века содержал Корнелий Гардинер. Когда хозяину в связи с финансовыми проблемами пришлось закрыть свое заведение, один из постоянных посетителей, английский коммерсант Франц Гарднер предложил устроить клуб и поручить его хозяйство разорившемуся Гардинеру. Своим девизом собрание избрало слова «Согласие и веселье» («Concordia et Laetitia»). 1 марта 1770 года был принят устав клуба. Эта дата считается датой учреждения Петербургского Английского собрания (так официально назывался Английский клуб), старейшего клуба Российской империи.

Первый устав клуба состоял всего из двенадцати статей. Основные принципы, заложенные в уставе, сохранялись в клубе на протяжении всей его истории. С первых дней существования декларировалась закрытость общества. Никто, кроме членов клуба, которым выдавались специальные знаки, не имел права его посещать. Запрещались азартные игры. Выписывались российские и иностранные периодические издания, которые можно было читать только в помещении клуба. Попытка выноса газет каралась штрафом. В буфете продавались вина и ликеры. Закрывался клуб в полночь. Если члены задерживались, то им приходилось платить за освещение из собственного кармана.

Новое учреждение вызвало живой интерес в светском обществе Петербурга. В начале 1770 года граф В.Г. Орлов писал своему брату Фёдору, находившемуся при русском флоте на Средиземном море: «Здесь (т.е. в Петербурге. — *Л.З.*) зима редко так умеренна бывает как сего года: во все время больших морозов не было. В городе здесь не видать, чтоб война настояла, об оном немного беспокоятся; да и много веселья: маскарады, вольные комедии при дворе, ассамблеи у больших господ по очереди всякую неделю, куда более ста человек съезжаются. Еще новый род собрания, называется клоб, похоже на кафегаус (т.е. кофейню), где уже более 130 человек вписались, платит каждый по 30 рублей в год; всякого сорта люди есть в нем: большие господа все почти, средние, ученые, художники и купцы. Можно в оное ехать во всякое время, поутру и после обеда. Желающих в оное вступить избирают баллотированием»[2].

[2] [Орлов В. Г. Письмо к брату Фёдору] // *Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова: В 2 т. СПб., 1878. Т. I. С. 192–193.

Семена клубной идеи упали в России на подготовленную почву. В результате реформ Петра I существенно изменились стереотипы социального поведения. Петербург изначально создавался как город для открытого образа жизни. Петровские ассамблеи, указ о создании которых был объявлен 26 ноября 1718 года, можно считать предтечей клубов. Немалую роль в формировании интереса к клубным учреждениям сыграло и такое явление отечественной истории и культуры последней трети XVIII – первой трети XIX века, как англомания. Один русский путешественник в 1790-х годах писал: «Ныне англичане стали модным народом. Теперь во всей Европе за одно почитается быть по-английски или быть по моде. Россияне, земляки наши, которые целые сто лет беспрестанно все перенимают у других, переняли также и общую моду быть по-английски»[3].

Петербургский Английский клуб просуществовал почти полтора столетия. Самый яркий период в его истории приходится на первую половину XIX века. С началом царствования Александра I Английский клуб стал самым фешенебельным и модным клубом столицы. Современник писал: «...быть членом Английского собрания значило иметь светское положение. Все наши знаменитости, все люди должностные и чиновные считали обязанностью поступить в общество; люди государственные, невзирая на свои обширные занятия, считали за честь и удовольствие быть старшинами собрания и входить в подробности клубного хозяйства»[4]. Членами клуба были видные государственные и военные деятели, деятели науки и культуры. Среди них — светлейший князь М.И. Кутузов, граф М.М. Сперанский, А.П. Ермолов, князь В.П. Кочубей, светлейший князь А.М. Горчаков, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский, Н.И. Греч и многие другие. Клуб оказывал значительное влияние на общественное мнение, особенно в период своего расцвета с начала XIX века до 1860-х годов. Некрасов в поэме «Недавнее время» писал об Английском клубе:

Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...[5]

---

[3] *Предтеченский А.В.* Англомания // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 85.

[4] Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания: Исторический очерк. Воспоминания. Список старшинам. Список почетным членам и членам. СПб., 1870. С. 6.

[5] *Некрасов Н.А.* Недавнее время // Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. III. С. 76.

Всего за годы существования членами Петербургского Английского клуба побывало более 4500 человек.

Особое значение имела баллотировка в члены клуба. Желающих вступить в члены было очень много, кандидатские списки насчитывали сотни фамилий, кроме того, для вступления в клуб необходимо было заручиться поддержкой двух действительных членов клуба. Член клуба в 1851–1865 годах М.Н. Лонгинов писал: «Кандидатов предлагали с большим разбором, один раз в год. Часто случалось, что члены-предлагатели отказывались от баллотировки своих кандидатов даже перед самым избранием, заметивши, что в приеме их есть сомнение. Баллотировка была строгая; при мне однажды забаллотировали в один и тот же день четырех кандидатов, в том числе одно лицо в очень большом чине и занимавшее весьма видное служебное место. Были люди высокопоставленные, но никогда не рискнувшие подвергнуться испытанию баллотировкой в члены, неприятие в которые производило большое впечатление в городе»[6]. Баллотировка производилась при помощи белых и черных шаров. Так как шар отрицательного голоса имел черный цвет, то в обществе о провале кого-либо на выборах в члены Английского клуба говорили, что его «прокатили на вороных», или что он получил «большое количество чернышей»[7]. Барон М.А. Корф в 1844 году писал в дневнике: «Как бы то ни было, а я удивляюсь, как Правительство допускает баллотировку в клубах темными шарами. В державе монархической такое гласное проявление общего мнения против людей с аристократическими именами и приближенных ко двору, следственно и к лицу Государя, не составляет ли явной оппозиции?»[8]

Но подобные выпады членов клуба создавали лишь иллюзию политической свободы. Клубная культура, сформировавшаяся в России, во многом отличалась от английской клубной культуры. В России клубы принадлежали, прежде всего, к сфере развлечений и соответственно воспринимались современниками. Клубы не смогли принять на себя роль центров аристократической оппозиции, и их влияние на общественную жизнь никогда не было столь значительным, как в Великобритании. Это было совершенно очевидно современникам: «В Англии под сим именем разумеются общества людей, собирающихся вместе в известные положенные дни для рас-

[6] Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания... С. 33.

[7] *Червяков А.П.* Путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1865. С. 269.

[8] Цит. по: *Долгих Е.В.* Личность монарха в восприятии сановника николаевского времени (М.А. Корф) // Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999. Вып. 3 (Российская ментальность: Методы и проблемы изучения). С. 138.

суждения о делах государственных, для собрания мнений и составления адресов, приличных обстоятельствам, а у нас общества, составляющиеся единственно для забавы и препровождения времени с приятностью и удовольствием», — трактовал понятие «клуб» «Новый словотолкователь» Н.М. Яновского, изданный в начале XIX века[9]. Большинство членов клуба вместо разговоров о политике увлеченно спорили о погоде, привезенных в столицу львах, актерах и актрисах, производстве в новый чин, маневрах, дуэлях, женщинах. На вопрос: «Когда изволил приехать Государь?» — можно было получить немедленный ответ: «В 2 часа и тридцать три минуты с половиною»[10].

Современники, сравнивая отечественные клубы и английские, отдавали пальму первенства последним. И.И. Панаев характеризовал разницу между ними следующим образом: «Помещения наших клубов не имеют ни того комфорта, ни той роскоши, которыми отличаются новые лондонские *club houses*. Клубы в Петербурге хотя и размножаются в последнее время, но они еще не вошли в потребность нашей жизни. Мы не смотрим, как англичане, на клуб с экономической точки зрения; при наших широких натурах клубы не сокращают, а значительно увеличивают наши расходы. При нашем образе жизни клубы — роскошь, а роскошью могут пользоваться только люди со средствами. Да наконец и человек со средствами, занятый каким-нибудь делом, не играющий в карты, особенно не ведущий большой игры, человек семейный, нежелающий или неимеющий времени поддерживать, или заводить светские связи, — что он будет например делать в Английском клубе?.. Обед он имеет дома, газеты и журналы так же, общих интересов у нас нет никаких или очень мало, следовательно говорить почти не о чем. После обеда в так называемой разговорной комнате английского клуба собирается пятьшесть человек неиграющих потолковать кое о чем, поспорить; но я полагаю что можно легко обойтись и без этого обмена мыслей, ни к чему не ведущего. К неудобствам нашей клубной жизни присоединяются еще сословные предрассудки, табели о рангах, благосклонные или неблагосклонные взгляды свысока и так далее»[11].

Петербургский Английский клуб открыл первую страницу в истории отечественных клубов. Немного позднее в Петербурге появился Бюргер-клуб или, как его чаще называли по имени создателя (немца

---

[9] Клуб // *Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: В 3 ч. СПб., 1803–1806. Ч. II. С. 238–239.

[10] Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5 (Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы). С. 163, 214.

[11] *Панаев И.И.* Петербургская жизнь: Заметки Нового поэта // Современник. 1860. Т. 82. С. 125–126.

Шустера), Шустер-клуб, объединявший преимущественно купцов, ремесленников, чиновников и артистов. В 1772 году был организован Музыкальный клуб, в 1784 — Коммерческое общество для соединения биржевого купечества. Спустя год открылся Танц-клуб для небогатых мещан и купцов. Вскоре мода на создание клубов охватила провинцию. Через сто лет уже было сложно найти город, где не существовал бы свой клуб. Писатель и юрист Р.Р. Минцлов в 1879 году замечал: «Когда впервые появились у нас в России клубы, — я не знаю, не имея даже никаких материалов в виду по этому вопросу. Редкий город русский однако обходится теперь без этого учреждения, и часто в каком-нибудь уездном городке вы встретите два клуба, из которых один непременно "благородный"»[12]. Клубы удовлетворяли естественную потребность людей к общению, стали местом, в котором можно приятно провести время, завести полезные знакомства и завязать связи в обществе, а также насладиться великолепной кухней и сыграть в карты, бильярд или кегли.

Петербургский Английский клуб был не единственным английским клубом в России. Заметим, что, несмотря на название, собственно английским он пробыл недолго. Изначально национальный состав его членов был довольно пёстрым. Однако память об английских корнях довольно долго сохранялась в различных клубных ритуалах. Английский посланник произносил речь во время торжественных обедов в клубе, после тостов за российского императора всегда провозглашался тост за английского короля или королеву. Один из обеденных столов в клубе назывался английским, за ним сидели те немногие англичане, которые состояли в клубе членами, а также любители, по выражению современника, «просиживающие за стаканами по окончании обеда, следуя английскому обычаю»[13].

Серьезный удар по клубному русско-английскому содружеству был нанесен в 1842 году, когда один англичанин не был избран в члены клуба, в результате чего двое старшин и двенадцать членов-англичан, приняв этот факт за личное оскорбление, оставили клуб. Вторым ударом, практически уничтожившим английские приметы в клубных обрядах, стало начало в 1853 году Восточной войны, когда Россия и Англия оказались по разные стороны баррикад. Несоответствие между названием и национальным составом членов клуба являлось предметом постоянного удивления. Авторы путеводителей для путешествующих по России иностранцев отмечали, что в клубе

[12] *Минцлов Р.Р.* О клубах: По поводу одного процесса // Юридический вестник. 1879. № 5. С. 758.

[13] Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания... С. 29.

не подают английские блюда, слуги не умеют говорить по-английски, в клубной библиотеке находится мало английских изданий, а английские джентльмены, приезжающие в Петербург, нуждаются в специальных рекомендациях, чтобы попасть в клуб в качестве гостей.

Московский Английский клуб, получивший не меньшую известность, чем Петербургский, открыл свои двери посетителям в 1772 году. В отличие от Петербургского Английского клуба англичане не имели отношения даже к основанию этого заведения. Клуб был учреждён французами. В 1798 году он был закрыт по распоряжению Павла I и возобновил свою деятельность только в середине июля 1802 года. Англичанин К. Фрэнкленд, посетивший Московский Английский клуб во время своего путешествия по России в 1830–1831 годах, записал свои впечатления: «В три часа я приехал в Английский клуб, названный так потому, что вряд ли хоть один англичанин принадлежит к нему»[14].

Благодаря Петербургскому и Московскому английским клубам словосочетание «английский клуб» стало в России синонимом респектабельности, а членство в таком клубе должно было свидетельствовать о принадлежности к высшему столичному обществу, в стремлении подражать которому крылись причины появления ряда английских клубов в других городах России в первой половине XIX века. Название «английский клуб» не отражало действительный национальный состав членов этих клубов, но должно было подчеркнуть уровень названного так заведения.

1 ноября 1831 года был основан английский клуб в Одессе. Правила, принятые в Одесском Английском клубе, были схожи с уставами Петербургского и Московского клубов. Клуб имел закрытый характер; его члены собирались, чтобы поговорить и поиграть в карты. «Клуб этот отличается своею изысканно-роскошною обстановкою и кабинетом для чтения, в котором находится большое собрание русских и иностранных газет и журналов», — отмечал один из современников[15].

13 декабря 1838 года был основан Екатеринославский Английский клуб. К сожалению, об истории этого заведения известно немного. Пожар, произошедший в клубе в 1897 году, уничтожил клубный архив. В клубе находилась одна из лучших в городе библиотек. В том же 1838 году был учрежден Керченский Английский клуб[16].

---

[14] Цит. по.: *Овчинникова С.Т.* Пушкин в Москве: Летопись жизни А. С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 5 мая 1831 г. М., 1985. С. 216.

[15] Путеводитель по Одессе и её окрестностям: С указанием разных адресов и планом города с окрестностями. Одесса, 1867. С. 52.

[16] *Лучник М.М.* Краткая историческая записка к 75-летнему юбилею Екатеринославского клуба: 1838–1913. Екатеринослав, 1913; *Федотов П.М.* 75-летняя годовщина Керченского Английского клуба: Историческая справка. Керчь, 1913.

Со второй половины XIX века клубы, созданные по сословно-национальному признаку, постепенно утрачивают свою популярность. Процессы, происходившие в России в 1860-х–1870-х годах, изменили социальную стратификацию и диктовали необходимость изменений форм организации общественной жизни. Со второй половины XIX века в Петербурге, Москве и других крупных городах начали распространяться профессиональные и внесословные клубные учреждения, объединившие более широкие, чем в рамках конкретного сословия, слои горожан. Новые клубы носили не только всесословный характер и были ориентированы как на мужчин, так и на женщин, но и имели более широкий функциональный спектр. Изначально в уставах клубов были заложены благотворительные цели, предусматривались культурно-просветительские мероприятия — лекции, театральные вечера, любительские концерты, создание общедоступных бесплатных библиотек. У англичан российская публика позаимствовала новое увлечение — спорт, в результате появилось немало спортивных клубов. Первоначально клубы, созданные в пореформенный период, стремились подражать во всём старым благородным собраниям, но идеи, заложенные в их фундамент, принципиально отличались от традиционных, принятых в существовавших в конце XVIII – первой половине XIX века в России клубах. Английские клубы начинают терять популярность, сохраняя, однако, звание самых аристократических клубов обеих столиц.

В начале XX века подданные английской короны вновь создали свои собственные клубы. В 1905 году в Петербурге открылся клуб с характерным названием — Новый Английский клуб, призванный объединить всех лиц английского подданства, проживающих в столице империи. Главой клуба стал посол Великобритании Д. Бьюкенен. Члены клуба устраивали спортивные состязания, игры в гольф, футбол и бильярд, проводили благотворительные вечера, званые обеды в честь национальных праздников и приезда из Англии общественных деятелей. Членами клуба состояли коммерсанты, подданные Великобритании и США, представители английского посольства и др.[17]

В 1910 году в Москве был организован Британский клуб «с целью более близкого общения проживающих в г. Москве и Московском районе подданных США и Великобритании». В Одессе для граждан Великобритании и Соединенных Штатов был создан Английский и

[17] Новый Английский клуб // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 1–25; Устав Нового Английского клуба в С.-Петербурге. СПб., 1905.

Американский клуб, в котором «для господ членов» были устроены шахматы, домино, бильярд, карты, танцы[18].

Следует также упомянуть английский клуб, созданный в 1891 году в Нарве. Первоначально его членами были работавшие на Кренгольмской мануфактуре англичане, отчего клуб и получил свое название. Позже в клуб стали вступать все служащие мануфактуры, независимо от национальности, и с 1900 года клуб получил название «Клуб союза Кренгольмских служащих», но прежнее наименование сохранилось за ним в качестве неофициального[19].

[18] British and American Club // Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 12/б. Л. 119–145; Устав Британского клуба в г. Москве. М., 1910.

[19] Нарва: Культурно-исторические справочник. Нарва, 2001. С. 125.

С.Н. Искюль
(Санкт-Петербург)

«Во всех домах нас встречали с восторгом» (Роберт Вильсон в Петербурге в 1807 и 1812 годах)

«Во всех домах нас встречали с восторгом...» — слова из дневника полковника Роберта Вильсона, который вёл его день за днём, в том числе и в 1807 году, когда силою обстоятельств он оказался в Санкт-Петербурге.

Вильсон дважды побывал в Петербурге. В первый раз, в 1807 году, он приехал в северную столицу сразу после Тильзитского свидания двух императоров, который знаменовал собой разрыв союза русского императора с английским королем и установление новых отношений с императором французов. Второй раз Вильсон прибыл в Петербург в 1812 году, когда союз с Англией вновь обрёл свою силу, и когда война 1812 года была в полном разгаре.

В первый раз, когда Вильсон только прибыл к воротам Петербурга из Нарвы, его красный мундир с золотым шитьём, который он ни при каких обстоятельствах не снимал, да и сам британец, оказались в большой моде. В 1812 году на полях сражений русской кампании его друзья — М.С. Воронцов, М.А. Милорадович и др. — не раз спасали его от пуль русских солдат — но это было на полях сражений, а в салонах Петербурга его мундир по-прежнему был в большой моде. Этому немало способствовало и то обстоятельство, что в 1812 году Вильсон был принят при дворе. В «Камер-фурьерском журнале» не раз отмечено присутствие Вильсона за обеденным столом в Зимнем дворце.

В первый раз Вильсона, в конце концов, что называется, выставили за дверь, второй раз его, как и в первый, встретили в распрос-

тёртыми объятиями, но уехал он по своей доброй воле, направляясь в русскую армию.

Кто же такой этот сэр Роберт Томас Вильсон, появившийся в Петербурге летом 1812 года?

Он родился 14 августа 1777 года в Лондоне. Роберт был четвертым ребенком в семье художника-портретиста и гравёра Бенджамена Вильсона (1721–1788), запечатлевшего своей кистью некоторых из своих современников, чаще всего представителей аристократического общества. Портреты эти хранятся ныне в Национальной Галерее и в других музеях, а также украшают стены общественных зданий Великобритании, как, например, портрет Шекспира, выполненный им в 1769 году для ратуши Стратфорда-он-Эйвон. Художественные таланты отца сэра Роберта, удостоившиеся похвалы Джошуа Рейнольдса и Уильяма Хогарта, снискали ему покровительство герцога Йоркского, пригласившего Вильсона-отца в свой домашний театр. Но не только как живописец был известен Б. Вильсон — он с успехом занимался исследованиями в области электричества, опубликовал несколько серьезных работ, в том числе и «трактат об электричестве» (1750), получил золотую медаль Королевского Общества за опыты с электричеством и был избран членом ряда ученых обществ Англии и континента.

Отец умер, когда Роберту Томасу было десять лет. Оба поприща, на которых успешно подвизался Бенджамен Вильсон, остались за пределами интересов Вильсона-младшего и при жизни отца, и после его смерти. Но, судя по всему, влияние отца всё же положительным образом отразилось на складе ума и характере будущего генерала. Вероятно, именно отцу он был обязан привычкой культурного человека — потребностью в ежедневном чтении. Первоначальное образование Вильсон получил в Вестминстерской школе, затем продолжал учение в Винчестере.

После смерти отца Роберт поселяется в доме своего дяди, и именно там, в одном из центров вигской оппозиции Лондона, где главенствовали такие признанные вожди вигов, как Чарлз Фокс и Чарлз Грей, в течение четырех лет взгляды Вильсона из расплывчатых и неопределенных приобретают ясные и четкие ориентиры. К примеру, его восприятие революции, вспыхнувшей на континенте, едва ли чем отличалось от воззрений большинства обитателей или гостей дома, где он жил: всё то же восхищение победой во имя свободы, все та же ненависть к деспотизму победивших «бунтовщиков». Как раз в это время молодой Вильсон, вопреки воле своего покойного отца, делает шаг к тому поприщу, на котором ему суждено было снискать громкую известность. С помощью своей сестры Френсис, бывшей

замужем за полковником У. Босвилом, Вильсон вошел в окружение герцога Йоркского и вскоре был записан в корнеты 15-го легкого драгунского полка. Молодому офицеру не пришлось проходить азы воинской службы в британских гарнизонах; почти тотчас же он принял участие в настоящей войне, в которой многое, если не все, зависело от него самого, от его умения проявить себя и отличиться.

После неудачи, постигшей первую антифранцузскую коалицию, военные действия через некоторое время возобновились с новой силой при поддержке англичан, высадившихся на континенте. Боевое крещение Вильсон получил при штурме и взятии Премона (близ Сен-Кантена, на севере Франции) 17 апреля 1794 года и в сражении против французских войск, разыгравшемся на следующий день.

24 апреля Р. Вильсон в числе восьми английских офицеров с двумя эскадронами драгун (всего несколько сот сабель) участвовал в атаке, задержавшей продвижение французских войск при Вийе-ан-Куше. Это успешное движение предотвратило пленение императора Священной Римской империи Франца II, которого французы едва не захватили на его пути из Валансьена в Катийон. Более тысячи убитых и раненых осталось на поле боя. Под Вильсоном была ранена лошадь.

Четыре года спустя Император вручил офицерам 15-го драгунского полка восемь памятных золотых медалей. Георг III разрешил им носить эту медаль «как почетный символ храбрости на поле битвы»[1]. В 1800 году Император пожаловал тем же офицерам крест ордена Марии-Терезии; Вильсон с разрешения короля Великобритании принял и эту награду вместе с титулом барона Священной Римской империи и рыцарским достоинством.

В первой своей кампании Вильсон участвовал также и в сражении при Като (26 апреля), затем — при Турне (22 мая), во взятии Ланнуа, Рубе и Муво, в трудном отступлении на Тамплёв, повлекшем тяжелые потери в арьергарде, которым командовал Вильсон, и в деле при Диффеле 16 июля. В сентябре 1794 года при Бокстеле-он-Доммеле Вильсон вновь имел случай отличиться: вместе с капитаном Кэлкрэфтом и несколькими драгунами он проник в расположение французской главной квартиры, взял в плен адъютанта генерала Жозефа-До-миника Вандамма и двух жандармов, посадил их на лошадей генерала и, несмотря на преследование, избежал плена, вернувшись в расположение своих[2].

---

[1] London Gazette. 1798. 9 Juin; *Costigan G.* Sir Robert Wilson: A Soldier of Fortune in the Napoleonic Wars // University of Wisconsin Studies in the Social Science and History. 1932. № 16. P. 22–23.

[2] Life of General Sir Robert Wilson ... From Autobiographical Memoires, Journals, Narratives, Correspondences etc. / Ed. By His Nephew and Son-in-law, the Rev. Herbert Randolph... London, 1862. Vol. 1. P. 78–99.

Английская армия отступила на территорию Священной Римской империи (Австрии), а Вильсон покинул полк и возвратился в Англию в конце 1795 года, после чего оказался причисленным к кавалерийскому депо в Кройдоне. В сентябре 1796 года лейтенант Вильсон, произведенный в этот чин в октябре 1794, получил в командование эскадрон. По-видимому, для него это было немаловажным обстоятельством, если иметь в виду, что, познакомившись летом в Уэймоуте с дочерью полковника У. Белфорда Джемаймой, он вскоре сделал предложение и получил согласие. Некоторые формальности юридического порядка были преодолены, и молодые поженились. Но воинский долг, субординация и прочие особенности военной жизни плохо сочетаются с семейными привязанностями, и Вильсон нередко и подолгу принужден был оставлять семью ради исполнения служебных обязанностей.

В мае 1798 года Р. Вильсон сопровождал генерал-майора Фридерика Сент-Джона в Ирландию и служил в оперативно-разведывательном отделе его штаба, а затем и в качестве адъютанта. Вероятно, именно в это время он проникается особым участием к положению ирландских католиков, в поддержку которых впоследствии не раз выступал. Однако в 1799 году вновь вспыхнувшая война на континенте заставляет Вильсона вернуться в свой полк и провести всю Нидерландскую кампанию с отличием во многих сражениях, в том числе и при Эгмонте-оп-Зее 2 октября, когда он сдерживал натиск французских войск, часто вынуждая противника перегруппировывать силы или изменять направление атак. Вильсон также принимал участие в военных действиях 6 и 10 октября 1799 года, но, когда стало ясно, что дальнейшие усилия вряд ли сулят союзникам успех, английские войска эвакуировались в Англию. Кампания в Нидерландах едва ли могла отразиться на общем ходе противоборства Франции и коалиционных держав, но она имела определенное познавательное значение для Вильсона. Именно тогда, во время этой безнадежной и тяжелой для обеих сторон войны, он впервые увидел русских солдат, которые в составе экспедиционного корпуса взаимодействовали с английскими войсками.

В 1800 году Р. Вильсон был произведен в майоры и получил назначение в полк конных егерей. Осенью того же года его послали со специальной миссией в Вену, а оттуда — к австрийской армии в Италию. Но честолюбивого офицера прельщала иная перспектива, и он добился разрешения присоединиться к армии генерала Джона Аберкромби, ибо полагал, что ему в ближайшем будущем непременно должна была представиться возможность принять участие в более важных предприятиях, — и не ошибся.

7 марта 1801 года Р. Вильсон высадился в Абукире и уже через шесть дней включился в боевые действия против французской армии в Египте, а затем участвовал в битве при Александрии 21 марта, а в августе 1801 в её осаде и присутствовал при капитуляции французских войск. В середине декабря 1801 года он покидает Египет и возвращается в Англию. За свои заслуги в этой кампании Вильсон был награждён турецким орденом Полумесяца.

Египетская кампания принесла Вильсону известность; причиной тому была книга, которую он написал вскоре после возвращения в Англию[3]. Критика благожелательно встретила её, отметив ряд достоинств, выделявших книгу среди других описаний этой экспедиции: несомненную осведомленность автора, его точность, известную широту взглядов и, разумеется, стиль[4]. «Я хотел, чтобы весь цивилизованный мир узнал об ужасном варварстве, коим запятнал себя главнокомандующий французской армии и тем запятнал свое имя позором», — писал Вильсон при посылке экземпляра «Истории британской экспедиции» австрийскому императору. Книга была отправлена также и в Петербург; император Александр I выразил автору свою признательность через российского посла в Лондоне[5].

Сочинение снискало Вильсону большую популярность, в частности, благодаря тому, что явилось оправданием усилий, которые прилагали тогда и впоследствии европейские державы, но главным образом Англия, в борьбе против Франции, которую все более и все чаще с тех пор олицетворяло имя Наполеона Бонапарта[6]. Книга обвиняла генерала в преступлениях против человечности: в уничтожении трёх тысяч турецких пленных и отравлении собственных солдат, заболевших чумой. Страстная инвектива Вильсона должна была пригвоздить главнокомандующего французской армии к позорному столбу, и на протяжении всей жизни Наполеона она оставалась одним из самых тяжких аргументов, которым, быть может, чаще всего пользовались роялисты и другие противники Бонапарта. Известно, что сам Наполеон протестовал против этого обвинения, но британское правительство оставило протест без ответа. Обвинение, как теперь вполне доказано, было от начала до конца несправедливым, основанным на слухах и личном предубеждении, но Р.Вильсон использовал весь-

---

[3] *Wilson R.-T.* History of the British Expedition to Egypt; to which is Subjoined a Sketch of the Present State of That Country and Its Means of Defence. London, 1802.

[4] The Monthly Review... London, 1803. Vol. XL. P. 281–288.

[5] С.Р. Воронцов — Р. Вильсону, 25 ноября (7 декабря) 1803 // Life of General Sir Robert Wilson ...Vol. I. P. 234.

[6] *Jackson G.* The Diary and Letters, from Peace of Amiens to the Battle of Talavera (1802–1809). London, 1872. Vol. II.

ма красноречивые и просившиеся на перо, хотя, к сожалению, непроверенные факты. Слова осуждения были произнесены, ничего изменить было нельзя, и Наполеон до конца дней своих тяготился этой несправедливостью[7].

Вернувшись в Англию после Египетской экспедиции, Вильсон продолжал служить в качестве штаб-офицера британской армии, инспектируя армейские части в графствах Сомерсетшир и Девоншир. В 1804 году выходит его новая книга «Исследование нынешнего состояния вооруженных сил Британской Империи и соображения относительно их реорганизации»[8]. Книга явилась плодом авторских наблюдений армейской жизни на протяжении многих лет, причем характерной её особенностью было безусловное осуждение практики телесных наказаний в британской армии как несовместимой с нравственной атмосферой британского общества и общими принципами политики правительства. Книга Р. Вильсона была тотчас же использована лидерами вигов, критиковавшими порядки, царившие в королевской армии, что не замедлило перерасти в критику самого правительства и межпартийную полемику[9].

К этому времени относится попытка Р. Вильсона поступить на российскую военную службу. В ноябре 1804 года он обратился с письмом к графу С.Р. Воронцову, с которым, вероятно, только что познакомился, и просил его о содействии[10]. Воронцов ответил Вильсону большим письмом, где, отметив его несомненные достоинства и заслуги, а также собственное желание видеть его в рядах русской армии, не скрыл от него ряд обстоятельств, которые наверняка помешали бы Вильсону осуществить своё желание. Например, если он и был бы принят на российскую службу, то заведомо чином ниже, и жалование русского офицера в то время было ниже половинного оклада соответствующего чина в британской армии. Но важнейшее обстоятельство в данном случае — знание языка, причем это условие касалось всех должностей снизу доверху. Дружеская симпатия и откровенность российского посла убедили Вильсона отказаться от своего проекта[11], но, вероятно, это способство-

---

[7] *Las Cases E. de*. Mémorial de Sainte-Héléne. Paris, 1968. P. 66–70.

[8] *Wilson R.* Enquiry into the Present State of the Military Force of the British Empire, with a View to its Reorganisation. London, 1804.

[9] An Englishman: A Letter to Lieutenant-Colonel Sir Robert Wilson, K.M.T. London, 1804; The Monthly Review... 1804. Vol. XLV. P. 330.

[10] Исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 410–411об. Автограф.

[11] Life of General Sir Robert Wilson ...Vol. I. P. 244–246.

вало завязыванию более тесных отношений с С.Р. Воронцовым, его семейством и друзьями[12].

Тогда же, в 1804 году, Р. Вильсон был произведен в подполковники, но он не остался в своём 19-м лёгком драгунском, а перевелся в 20-й драгунский полк. Причина была только одна — возможность участвовать в экспедиции британских войск с целью восстановления английского владычества на мысе Доброй Надежды. Однако экспедиция не оправдала надежд Вильсона, ибо основные боевые действия закончились до его прибытия на юг Африки. Военная служба в новых условиях не отличалась разнообразием, была скорее будничной, а о перспективах и говорить не приходилось. В этих обстоятельствах Вильсону оставалось надеяться, что при первом же удобном случае ему удастся получить разрешение покинуть африканский юг. Такой случай представился только в апреле 1806 года, и Вильсон поспешил им воспользоваться, вероятно, не без помощи своего друга лорда Джона Хатчинсона-старшего, под началом которого он участвовал в Египетской кампании.

Ко времени возвращения Вильсона в Европу противоречия между державами переросли в открытое военное столкновение, и очередная антифранцузская коалиция потерпела сокрушительное поражение при Аустерлице. Франко-имперский мир не мог способствовать укреплению Священной Римской империи германской нации, скорее наоборот, он приблизил её неминуемое падение. Однако борьба продолжалась. Против Франции выступила Пруссия, которую Англии и России до тех пор не удавалось привлечь к активным военным действиям.

3 ноября 1806 года Р. Вильсон был включён в состав специальной миссии лорда Хатчинсона при прусском дворе. Это как нельзя более подходило сэру Роберту. Престиж британского офицера вне неизбежно стеснительных обязанностей службы позволял ему беспрепятственно перемещаться среди союзных Англии прусских и русских войск, а дипломатический статус давал Вильсону возможность получить доступ к императору Александру I и к прусской королевской чете. Еще два года назад убеждение в необходимости борьбы с французским преобладанием в Европе вынуждало его предпринимать поиски более деятельной службы в рядах российской армии.

[12] Краткое упоминание об этом эпизоде см.: *Samuel I.* An Astonishing Fellow: The Life of General Sir Robert Wilson. K.M.T., M.P. Slough, 1985. P. 51. В вышедшей ранее основательно документированной книге М. Гловера ни словом не упоминается о желании Р. Вильсона поступить на российскую службу и вообще о его дружбе с Воронцовыми (см.: *Glover M.* A Very Slippery Fellow: The Life of Sir Robert Wilson, 1777–1849. Oxford, 1978).

Теперь же Вильсон не только снискал дружбу и уважение многих высших русских офицеров, включая П.И. Багратиона, Л.Л. Беннигсена, М.С. Воронцова и М.И. Платова, который называл его запросто «брат Вильсон»; заслуги Вильсона были отмечены самим императором, который 26 апреля 1807 года возложил на него знаки ордена св. Анны за бесстрашие и отвагу в сражении при Прёйсиш-Эулау[13].

Кампания 1806–1807 была памятна Р. Вильсону прежде всего тем, что в это время у него завязались многочисленные русские знакомства, которые поддерживались не только в походе и на полях сражений, но и за столом в дружеской беседе. Русские товарищи полюбили Вильсона как одного из своих. Когда англичанин рисковал под пулями, проявляли заботу о его безопасности, как, например, казачий атаман Платов. Их видели вместе на рекогносцировках и при иных обстоятельствах настолько часто, что становится понятным, почему дежурный генерал Иван Васильевич Сабанеев писал графу М.С. Воронцову в июне 1812 года из «треклятого Бухареста» в таких выражениях: «К вам едет генерал Вильсон, тот самый, который был в Пруссии с Платовым»[14]. Однако Михаилу Семеновичу, отличившемуся в лихих атаках при Пултуске, Эйлау и в других делах кампании 1806–1807 годов, не было нужды в 1812 напоминать о том, кто такой Р. Вильсон. Приязненно-почтительные отношения, завязанные Вильсоном с Воронцовым-старшим, переросли в самые дружественные и непринужденные отношения сэра Роберта с сыном старого графа[15], чему в немалой степени способствовало и то, что в переписке с отцом М.С. Воронцов часто пользовался посредством Вильсона. Да и сам Вильсон также писал Воронцову-отцу; в архиве Воронцовых сохранилось несколько автографов его писем. В них, часто весьма обстоятельных, — из Кёнигсберга, Мемеля и других мест — Вильсон делился с С.Р. Воронцовым впечатлениями о ходе кампании, об участии в ней русской армии, вызывавшей его неизменное восхищение, и всегда отдавал должное мужеству, самопожертвованию и храбрости русских солдат. Отнюдь не сомневаясь в конечном успехе кампании, он не упускал случая лишний раз упомянуть о желательности преодолеть сопротивление Венского кабинета и о вовлечении Австрии в войну на стороне коалиции, подстре-

[13] Большинство биографов Вильсона допускает неточность, считая, что генерал был награждён за Эйлау Георгиевским крестом. См., например, *Costigan G.* Sir Robert Wilson... P. 34–35. Сведения о награждении Вильсона орденом св. Георгия попали и в Dictionary of National Biography (London, 1900. Vol. LXII. P. 128), который, вероятно, и является источником этой ошибки.

[14] Архив князя Воронцова. М., 1893. Кн. 39. С. 354.

[15] Life of General Sir Robert Wilson ... Vol. II. P. 90–125.

кая тем самым русских дипломатов. Писал он и о желательности более активного участия в войне Англии посредством посылки английских войск для поддержки союзников[16].

Однако благостным надеждам сэра Роберта, вызванным некоторыми частными успехами на полях сражений, не суждено было сбыться. Тяжелое поражение союзников под Фридландом сменилось напряжённым ожиданием неясных перемен, которые, наконец, приобрели осязаемые контуры переговоров о перемирии, сменившихся свиданием Наполеона и Александра I в Тильзите, и переговорами о мире, переросшими в переговоры о союзе между былыми недругами. Будучи естественным противником каких-либо переговоров с французами, Вильсон поддерживал отношения с теми, кто олицетворял собою политику прежних лет и кого Александр I уже начинал сторониться — с А. Чарторыйским, Н.Н. Новосильцевым и П.А. Строгановым[17], что, впрочем, никак не отразилось на дальнейших отношениях Вильсона и императора Александра I.

Испросив и получив разрешение на поездку в Петербург, Вильсон заехал по пути в Митаву, где посетил двор претендента на французский престол, будущего Людовика XVIII, и 9 августа 1807 года прибыл в северную столицу России, которая явилась перед ним во всем своем блеске и великолепии. Впечатления превзошли все возможные ожидания, какие могли явиться Вильсону после знакомства с описаниями города или отзывами современников. Записывая свои впечатления, Вильсон несколько раз употребляет восклицательный знак.

Пока он добирался до дома, в котором жил британский посланник, Вильсон успел обозреть город и составить себе общее впечатление. And what a city! — пишет он в своем дневнике. — «Величественный настолько, что поражает всякое воображение». Первое впечатление не снизило дальнейшее знакомство со столицей России. Вильсон вообще считает, что в Европе ничто не может сравниться с Петербургом по величию городских сооружений — творение нескольких государей, внесших вклад в строительство столицы[18].

В 1812 году восклицаний меньше, но есть такой пассаж: «Петербург украсился новыми строениями: Казанская церковь окончена, Адмиралтейство почти тоже. Любая столица могла бы гордиться каждым из этих сооружений»[19].

---

[16] Исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 1246. Л. 286–287об., 290–291, 323–326.

[17] *Harris J.* Earl of Malmsbury. Letters of the First Earl of Malmsbury. London, 1870. Vol. II. P. 36.

[18] Life of General Sir Robert Wilson... Vol. II. P. 344.

[19] Ibid.

Сопровождаемый британским посланником Левисоном-Гоуэром графом Гренвилом или чиновником посольства Чарлзом Стюартом, Вильсон бывал везде, что только заслуживало внимания.

Характерно, что, несмотря на усталость с дороги, в первый же день он побывал во Французском театре и отметил, что спектакль хорош, но зрителей почти не было, что объяснялось тем, что начался дачный сезон и вся петербургская знать отправилась за город.

В 1812 году ситуация изменилась. «Позавчера отправился во французский театр, — пишет Вильсон, — посмотреть знаменитую мадемуазель Жорж в роли Федры. Она вполне заслуживает свою славу. Театр, однако же, являл собою странное зрелище: при всех ее талантах и прелестях ложи и скамейки пустовали. Мне весьма полюбилось таковое патриотическое жертвование удовольствием, жаль только, что чувство сие не было изъявлено ранее, ибо общественное мнение в таком виде могло бы повлиять и на двор»[20].

Не сумев познакомиться с представителями петербургской знати в театре, Вильсон с первых же дней пребывания в Петербурге стал посещать их за городом. С помощью лорда Гоуэра и других британских дипломатов Вильсон завязал близкие отношения с семейством графа Григория Владимировича Орлова, тайного советника, сенатора и камергера, и его женой графиней Анной Ивановной (урожд. Салтыковой), с семейством графов Ливенов, в особенности с Дарьей Христофоровной Ливен, с которой вместе в одной паре открывал один из балов (как пишет Вильсон, графиня была с ним так любезна, что можно было подумать, что не французы выиграли войну, а союзники вкупе с англичанами)[21]. У Вильсона установились теплые отношения и с семейством графа Григория Александровича Строганова, действительного тайного советника, обер-камергера и члена Государственного Совета, а также с графиней Софьей Владимировной, супругой генерал-майора Павла Александровича Строганова, хозяйкой салона, служившего средоточием высшего петербургского света, посещавшегося многими выдающимися современниками. Дачу Г.А. Строганова на Выборгской стороне Вильсон посещал особенно часто, особенно отмечая в своем дневнике то немаловажное обстоятельство, что Строганов был настоящий хлебосол, а прогулки в его садах на берегах Невы в приятном обществе — истинное наслаждение. На одном из обедов у Строганова Вильсон встретил княгинь Голицыных, как он пишет, старую и молодую — возможно, княгиню Наталию Петровну, знаменитую в то время Princesse

[20] Life of General Sir Robert Wilson... Vol. II. P. 345.

[21] Ibid. P. 380.

Moustache (фр., усатую княгиню), и не исключено, что как раз к нейто в её «Сен-Жерменское предместье» на Морской улице он нанёс свой визит уже в 1812 году, а молодую княгиню — это княгиню Евдокию Ивановну, так называемую Princesse nocturne, или Princesse de minuit (фр., ночная или полуночная княгиня), дочь действительного тайного советника И.М. Измайлова, у которой в доме на Миллионной (у наб. Мойки) собиралось изысканное и разнообразное общество почитателей её особенной красоты, проводившее время в непринужденных беседах.

При этом Вильсон отмечает, что обеды у Строганова проходили не в большом дворце, а в великолепном особняке, из которого открывался роскошный вид на Неву. «Я никогда не видел столь широкой реки», — пишет Вильсон и отмечает чистоту и прозрачность воды. После обеда все общество некоторое время располагалось в обширной гостиной дворца, убранной цветами, где гостям были предложены разнообразные фрукты (all the luxuries of summer fruits). Вильсон знал, что климат в России суровый, и тем более он удивлялся всему тому, чему явился свидетелем у Строганова, и заметил в дневнике, что еще немного и почувствовал бы себя словно в Италии[22].

Кроме Каменного острова, Вильсон посетил и Аптекарский, отметив, что Петр Великий отвел его под Ботанический сад и разные научные заведения. Впрочем, как пишет он далее, многие знатные фамилии имеют свои загородные резиденции, как, например, княгиня Александра Григорьевна де Лаваль, для которой ее муж — французский эмигрант — построил величественный замок и разбил при нем сад.

Вильсон особенно ценил женскую красоту, особенно ему по сердцу была княгиня Голицына La Belle — Авдотья Ивановна Голицына, та самая полуночная княгиня — «черные как смоль волосы и прекрасный цвет лица суть главные достоинства ее красоты». Напротив, красота Марии Антоновны Нарышкиной, у которой, по отзывам современников, была «невозможная красота», а сама она находилась тогда в известных отношениях с Александром I, не произвела на Вильсона в 1807 году никакого впечатления: «I'm not one of her voluptaries (Я не из числа ее сластолюбцев). По крайней мере она не моя Venus. Ее голова и в самом деле хорошо очерчена, совсем как у леди Оксфорд (известная графиня Джейн — *С.И.*), её профиль хорош, но полное лицо на уровне рта отнюдь не приятно. Сложена она не сказать, чтобы хорошо», и Вильсон употребляет при этом французское словечко disgracieuse»[23]. Единственное достоинство у

[22] Ibid. P. 349.

[23] Ibid. P. 357.

Нарышкиной, по мнению Вильсона, — ее «очаровательный» английский, но склонен, видимо, считать это заслугой её горничной-англичанки, которая «во всём задаёт тон».

Вопреки некоторым предположениям, Р. Вильсон всё же был принят императором Александром I, хотя и чувствовалось, что императору в тягость эта встреча с представителем еще недавно союзной державы. Ему стоило большого труда противостоять общественному мнению, неодобрительно относившемуся к только что заключенному миру, но от Вильсона не ускользнуло (или сам Александр I дал это понять), что согласие на подписание договоров с Францией было им дано скрепя сердце. В этом Вильсон имел возможность убедиться за обедом наедине с императором незадолго до своего отъезда в Лондон с депешами британского посла.

Когда Вильсона 19 августа 1807 года ввели в большую столовую императорского дворца на Каменном острове, он нашёл там канцлера графа Н.П. Румянцева, обер-гофмаршала графа Н.А. Толстого и других, включая одного или двух министров. Но, отмечает Вильсон, Александр I тут же подошёл к нему, взял за руку и подвёл представиться к императрице. Вильсон был очарован её приёмом (with most flattering expressions of her good will), а император указал ему место справа от себя и в продолжение обеда оживлённо и «без церемоний» беседовал с ним[24].

Отправляясь в Англию, Вильсон повёз и письмо А. Чарторыйского к графу С.Р. Воронцову, где, в частности, говорилось: «Вильсон, который вручит вам сие письмо, уже известен вам; это превосходный молодой человек безукоризненного поведения, любимый всей нашей армией. Император отдает ему должное и только что наградил его. Вильсон полон рвения к правому делу. Он сообщит вам множество важных подробностей, писать о коих было бы слишком утомительно...»[25]. Чуть позже Чарторыйский, уже почтой, писал к тому же Воронцову: «Вильсон держится по-прежнему превосходно, его искренность, добросердечие и рвение ради сохранения союза двух держав вызывают восхищение. Он не упускает ничего и ничем не пренебрегает, что могло бы предотвратить окончательный разрыв, и если это только в человеческих силах, они (Вильсон и британский посол в Петербурге лорд Левисон-Гоуэр. — *С.И.*) добьются успеха».[26] Однако в то время, сразу после Тильзита, это едва ли могло быть кому-

[24] Ibid. P. 353–354.

[25] А.Чарторыйский — С.Р.Воронцову, 21 августа (2 сентября) 1807 // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 15. С. 425.

[26] Там же. С. 430.

нибудь по силам, но некоторые надежды еще некоторое время оставались, и выразителем этих чаяний Вильсон прибыл в Лондон 19 сентября 1807 года. По его мнению, Александр I, заключив мир с Францией, собирался остаться верным своим обязательствам перед Англией, превратив вынужденный для него мир в ловушку для Наполеона[27]. Но премьер-министру мнения одного Вильсона было мало, и в целях прояснения ситуации последний был послан обратно в Петербург с «конфиденциальными сообщениями» от министра иностранных дел Джорджа Каннинга.

Покинув Лондон 4 октября, Вильсон, несмотря на то, что лёд уже препятствовал навигации через Скагеррак, смог достичь Гётеборга, а оттуда по береговой линии через тринадцать дней непрерывной езды верхом добрался до Петербурга. И снова, на короткое время обратив на себя всеобщее внимание, молодой англичанин отдает дань светским удовольствиям и развлечениям. Едва ли он впадал в преувеличение, когда писал, что в театре его могли видеть «переходящим из ложи в ложу с видом генерала, инспектирующего свои войска»[28]. Светские успехи Вильсона являли собой разительный контраст по сравнению с тем, какой прием был оказан в Петербурге первому дипломатическому представителю императора французов генералу Жану Мари Савари, вскоре ставшему герцогом де Ровиго. В данном случае ко всему прочему примешивалось и то, что именно Савари в 1804 году был участником захвата Луи-Антуана Анри де Бурбона герцога Энгиенского на баденской территории, что повлекло за собой расстрел герцога по приговору военного суда в Венсенне под Парижем и разрыв между Россией и Францией.

Помимо светских удовольствий, Вильсон отдал дань и иным посещениям. Он побывал в Императорской Публичной библиотеке, осмотрел всё, что ему хотели показать. Особое внимание Вильсона привлекли две, как он пишет, книги: одна — была приобретена одним англичанином при взятии Парижа, от которого она досталась королеве Марии, затем — королю Французскому, а тот передал ее в библиотеку Бастилии, из которой в эпоху Революции она была спасена и оказалась у Екатерины II. Вторая — как пишет Вильсон, это «древнеримский служебник, изданный стараниями Церкви, в котором имеется знаменитый рисунок, изображающий одно из чудес Девы Марии (an ancient Roman Missal edited under the auspices of the Church) и так странно написанный, что я смеялся с полчаса, рассматривая его»[29].

---

[27] *Harris J.* Earl of Malmsbury. Letters of the First Earl of Malmsbury. London, 1870. Vol. II. P. 48–49.

[28] *Costigan G.* Sir Robert Wilson... P. 46.

[29] Life of General Sir Robert Wilson... Vol. II. P. 351.

В первом случае Вильсон обратил внимание на молитвенник Марии Стюарт, который всегда демонстрируют высоким гостям, предлагая им при этом непременно надеть шерстяные перчатки, что касается второго — то это из разряда загадок.

Визит Вильсона в Публичную библиотеку тем более вызывает интерес, что в 1807 году известное здание библиотеки, основанной в 1795, еще строилось, её открытие предполагалось в 1812 году, а официально оно состоялось двумя годами позже.

Посетил Вильсон и Строгановский дворец на Невском проспекте, где осматривал большую коллекцию минералов и «лучшие картины», а также различные покои дворца, «наилучшим образом убранные». Ему удалось посетить и Таврический дворец, который привел англичанина в восхищение, и не только дворец, но и парк, который содержался в отменном порядке.

К числу развлечений Вильсона можно отнести и тушение пожара. Это случилось в том же 1807 году 23 августа. Загорелось около 12 часов ночи, когда Вильсон был в гостях, горело что-то в окрестностях Арсенала и ситуация была сложной, тем более что дул сильный ветер, но Вильсон не остался безучастным зрителем, а участвовал в тушении пожара до 4-х часов утра. «Моё лицо было до того чёрным, что лицо самого дьявола, как его обычно рисуют в монастырях» — записал он в дневнике. Вильсон должен был оттирать копоть, как он пишет, в 12-ти водах, настолько он был запачкан (была ли это русская баня, Вильсон не сообщает)[30]. Его усердию в тот день способствовало то обстоятельство, что на пожаре, как в прошлом это бывало в обыкновении — все императоры ездили «на пожар», присутствовал и сам Александр I.

Что же касается дипломатической стороны пребывания Р. Вильсона в Петербурге, то здесь его преследовали неудачи. Он не смог добиться личной аудиенции у императора, а глава российского внешнеполитического ведомства граф Н.П. Румянцев принял Вильсона весьма холодно. Одной из причин этого было то обстоятельство, что Вильсон успел познакомить некоторых из своих русских друзей с английским памфлетом «Размышления о Тильзитском мире» (Reflections on the Peace of Tilsit), содержавшим множество разного рода намеков на подлинные намерения российского императора, давшего согласие на подписании мира с Францией. Объяснения, которые вынужден был дать Вильсон, только отчасти удовлетворили графа Румянцева; письмо Вильсона императору Александру I было возвращено нераспечатанным, а вскоре, 8 ноября, он получил повеление покинуть Петербург[31].

---

[30] Ibid. P. 359–360.

[31] Seven Britons in Imperial Russia: 1698–1812 / Ed. By Peter Putnam. Princeton (New Jersey), 1952. P. 351–352.

Выехав из российской столицы 8 ноября 1807 года с депешами от лорда Гренвила Левисона-Гоуэра министру иностранных дел, Вильсон в третий раз за три месяца должен был как можно быстрее преодолеть путь из Петербурга в Лондон. Теперь же его подгоняло еще и то, что надо было сообщить Дж. Каннигу известие первостепенной важности, а с паспортом в Петербурге вышла проволочка. Вильсону оставалось только догадываться — почему, но здесь не было никаких случайностей или недоразумений. Промедление с паспортом объяснялось тем, что в самых высоких сферах стала известна осведомленность Вильсона касательно ближайших планов российского императора. Объявление войны с Англией — об этом, в конце концов, можно было и так догадаться, но в данный момент речь шла о прямом следствии высоких переговоров в Тильзите: о русском вторжении в шведскую Финляндию.

Вильсону удалось узнать не только об этом. Ему стало известно, что его паспорт задерживают именно для того, чтобы русский курьер с важными дипломатическими депешами (вероятно, для российского посольства в Швеции) опередил англичанина. Опережение и в самом деле составило бы предположительно 36 часов, и курьер, видимо, мог не слишком торопиться... Так ли на самом деле необходимы были все эти испытания или здесь мы имеем дело — как это часто бывало — с честолюбивым желанием возвысить себя в глазах современников и потомков? Как бы то ни было, Вильсону удалось по льду Ботнического залива и при весьма неблагоприятной погоде достичь шведской столицы, оставив русского курьера далеко позади. Из Гётеборга Вильсон отплыл в Англию и, преодолев в который раз тяготы морского путешествия, высадился на британском берегу. В Лондон он прибыл в четвертом часу утра 2 декабря и, застав Каннинга в постели, что нимало не смутило обоих, вручил министру срочные депеши из Петербурга.

Вильсон удостоился лестного отзыва Каннинга за находчивость и служебное рвение. Своевременное донесение о враждебных намерениях России позволило британскому правительству принять превентивные меры, в частности, в отношении российских кораблей как в английских портах, так и на Балтике. Каннинг поздравил Вильсона с успешным завершением блестящей, полной драматических усилий миссии — вероятно, он мог даже позволить себе в данном случае подходящее сравнение ее быстроты с метеором или чем-нибудь в том же роде — миссии, которая явилась последним аккордом русско-английских союзных отношений.

Но они возобновились, как известно, в 1812 году, а в промежутке Вильсону довелось проявить себя в противостоянии французским

силам в Испании и Португалии во главе так называемого Лузитанского легиона. За заслуги в португальско-испанской кампании Вильсон 25 июля 1810 года был произведен в полковники британской службы и пожалован в адъютанты короля, а как командующий португальскими королевскими войсками — награждён португальской медалью и возведён в звание рыцаря-командора ордена Башни и Шпаги.

Возвратившись в Англию, сэр Роберт Вильсон, ветеран полудюжины кампаний, в которых удостоился наград четырех европейских монархов, два с половиной года проводит в Лондоне в кругу семьи. В то время как генерал Уэлсли, более известный под именем герцога Веллингтона, продолжал стяжать громкую славу на полях сражений, методически накапливая силы для будущего успеха жесточайшей дисциплиной, Вильсон садится за воспоминания или, если угодно, исторический труд памятной ему кампании в Восточной Пруссии в 1806–1807 годах. Собственно говоря, все, что ни выходило из-под пера Вильсона, может быть отнесено и к историческому жанру, поскольку одна из сильных сторон его сочинений заключалась в анализе и умении приподняться над событиями, участником которых он был.

Книга Вильсона, опубликованная в 1810 году, имела тот же шумный успех, что и его история Египетской кампании[32], в особенности благодаря тому, что вышла во время разрыва русско-английских отношений, в эпоху русско-французского союза и Континентальной блокады, к которой со времен Тильзита должна была примкнуть и Россия. Доброжелательное повествование о русских солдатах и офицерах кампании 1807 года как бы давало недвусмысленный ответ на вопрос, который давно уже был головной болью британских политиков: где тот союзник, на которого Англия, находившаяся в отнюдь не «блестящей» изоляции, могла бы опереться в борьбе с Францией? Отличные боевые качества русских солдат и офицеров, сумевших противостоять первоклассной армии Европы, вселяли в англичан уверенность, что при благоприятных обстоятельствах помощь со стороны России может иметь решающее значение. Книга Вильсона представляла и немалую познавательную ценность, ибо написана была с большим знанием дела — и даже не столько самой кампании, сколько русской армии, её формирования, вооружения, взаимоотношений солдат и офицеров и прочих особенностей, — с претензией (в лучшем смысле этого слова) на объективность суждений и с устойчивой критической тенденцией. Последнее обстоятельство отнюдь не противоречило общей тональности изложения: у непредвзя-

[32] The Monthly Review... 1812. July. P. 225–226.

того читателя создавалось правильное впечатление, что автор не находится в плену своих симпатий и умеет обратить внимание на все, заслуживающее критического отношения (к этому можно отнести суждения Вильсона, касавшиеся организации работы армейских штабов). Это заметили не только рецензенты, но и читатели, среди которых были люди, определявшие политику тогдашней Англии.

Не случайно поэтому, когда возник вопрос, кто будет сопровождать нового британского посла в Турции Роберта Листона к месту назначения, кандидатура Вильсона тотчас вызвала интерес; правда, не обошлось и без возражений: дескать «сэр Роберт — весьма храбрый малый и приятен в общении, но для дипломата он чересчур легкомыслен»[33]. Но вскоре все сомнения были преодолены. «Мы надеемся, — заявил Вильсону военный министр, — что ваш военный опыт в соединении с весьма отличным знанием русской армии и знакомством с высшими русскими офицерами сделают вас полезным г-ну Листону, которого вам надлежит извещать о состоянии российских войск и о ходе событий, касающихся военной стороны дела»[34]. Разумеется, здесь сыграло роль и то, что Вильсон буквально слонялся без дела и изнывал от скуки, обивая пороги Военного министерства, с тем, в частности, чтобы заинтересовать министра собственным проектом усиления английского противодействия Франции в турецких владениях. Сыграли свою роль и разного рода знакомства, и партийные интриги. Как бы то ни было, Р. Вильсон получил назначение в специальную миссию Министерства иностранных дел, и 8 апреля 1812 года, теперь уже в чине бригадного генерала, снабженный особыми секретными инструкциями, отплыл на корабле «Арго» из Портсмута в Константинополь. Он прибыл в столицу Турции в конце июня и после некоторого промедления, вызванного интенсивными переговорами с турецкой стороны, добился фирмана на продолжение своей миссии, но уже в европейской Турции. По распоряжению британского посла Вильсон получил назначение отправиться в Шумлу, на Бухарестский конгресс и к адмиралу П.В. Чичагову, командующему Дунайской армией, для ведения важных переговоров.

Британский посол писал в письме от 16 июля 1812 года российскому дипломатическому представителю, что для организации взаимодействия британских и российских сил необходимо «многое обсудить и о многом договориться». Правда, он имел в виду главным

[33] The Bath Archives: A Further Selection from the Diaries and Letters of Sir Georges Jackson / Ed. By Lady Jackson. London, 1873. Vol. I. P. 222.

[34] *Forgues E.-D.* Général Sir Robert Wilson, commissaire anglois au camp russe pendant la guerr de 1812. Paris, 1861. P. 6.

образом вопросы, связанные с русско-турецкими отношениями, которые нуждались в урегулировании в преддверии мира, и то, что вытекало из своеобразного положения Австрии. Именно для переговоров по всем этим вопросам Р. Листон и выразил готовность послать в Россию Роберта Вильсона[35].

Устраивал ли Вильсона такой поворот, такой характер его миссии? Как показывает его беседа с российским послом в Турции, у него были собственные взгляды на этот счет. В частности, он сказал, что «был направлен в Константинополь с двойным поручением: оказать давление на Порту, чтобы она заключила мир с императорским (российским. — *С.И.*) двором, согласившись ради этого на некоторые жертвы, и в то же время побудить императорский двор снять условия, которые могли помешать завершению переговоров». С этой целью, по словам Вильсона, ему было предписано отправиться на берега Дуная и в Бухарест, но «нынешнее состояние переговоров сделало его миссию излишней, и вследствие этого он незамедлительно покинет Константинополь». Генерал заверил посла, что имеет честь быть лично знаком императору Александру I и находился в своё время при его армии[36].

Вильсон считал, его миссия подошла к завершению, и устремился туда, где уже полным ходом шла война, в Россию. В своем дневнике он не скрывает радости, охватившей его при встрече со своими былыми товарищами по оружию, с М.С. Воронцовым, Л.Л. Беннигсеном и М.И. Платовым. С энтузиазмом Вильсон принял участие в сражении при Смоленске, где не раз находился под огнем. «Обстрел был изрядно силен, — пишет он в дневнике, — но, с Божьей помощию, я скорее умер бы рядом с Барклаем, чем оставил позицию». Но с великим сожалением он все же должен был покинуть привычную обстановку и друзей: «Поелику же я не предполагал, что может произойти генеральная баталия, а у меня была настоятельная надобность встретиться с Императором, то я и отправился в Петербург с рекомендательным письмом генерала Барклая и горячими мольбами всей армии открыть Императору правду»[37]. Вильсон имел в виду «усильные» просьбы русского генералитета внушить императору

---

[35] Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1962. Серия. 1. Т. VI. Примеч. 511.

[36] А.Я. Италинский — П.В. Чичагову, 5 (17) июля 1812 // Внешняя политика России... Т. VI. С. 483.

[37] *Вильсон Р.Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года. Письма к разным лицам / Пер. с англ. и примеч. С.Н. Искюля и Д.В. Соловьева, Биогр. очерк С.Н. Искюля. СПб., 1995. С. 50.

мысль о необходимости введения единоначалия в армии, замены Барклая де Толли русским военачальником и приостановления дальнейшей отступательной тактики открытием наступательных операций. Если бы он мог только предугадать дальнейшие события, то наверняка остался бы при армии и принял участие в Бородинской битве.

На пути в Петербург по Большой Московской дороге, в трехстах пятидесяти верстах от столицы Вильсон встретил великого князя Константина и имел с ним продолжительную беседу, а затем, проехав далее верст сто, встретил М.И. Кутузова, направлявшегося принять командование армиями. По словам Вильсона, «князь вышел из кареты, и мы говорили около часа. Я был изрядно польщен его сердечным приглашением возвратиться к войскам. Он взял меня за руку и сказал: «Езжайте, не теряя времени, обратно. Мне весьма надобен такой сотоварищ, как вы, и в штабе, и в поле»[38].

После встречи с Кутузовым Вильсон продолжил путь в Петербург, куда и прибыл около 27 августа, где остановился в Европейской гостинице. Появление генерала Вильсона в Петербурге никак не могло пройти незамеченным хотя бы потому, что со времени разрыва отношений двух держав его мундир стал непривычен для русского глаза, а то, что Вильсон появился на берегах Невы за несколько дней до приезда лорда Уильяма Шоу Кэткарта, назначенного к российскому двору в качестве британского посланника, неизбежно вызывало интерес.

Пребывание Вильсона в Петербурге было занято разного рода дипломатическими делами и визитами. В числе первых он посетил обеих императриц (император был в то время в отъезде, встречаясь в Або с шведским наследным принцем). В дневнике он записал: «Я провёл час у Императрицы Елизаветы и два с Императрицей-матерью, которая, отпуская меня, после множества любезностей и, невзирая на тот язык правды, каковой я почитал своим долгом употреблять и который так редко нравится государям, сказала: “Генерал, ваш приезд оказывает величайшую услугу и моему сыну, и всей Империи. Мы снова, как не единожды прежде, в долгу перед вами. Я надеюсь часто видеть вас, пока вы здесь”». На следующий день Вильсону рассказали, что «вчера за обедом она меня беспрестанно хвалила, что весьма меня радует...»[39]. Но «светские обязанности», посещения тех особ, знакомства с которыми сохранялись с 1807 года, занимали его «до поздней ночи, а необходимость посвящать часть оной делам или же

[38] Там же. С. 51–52.

[39] Там же. С. 52

тратить на это раннее утро не дает мне оставаться в постели более четырех часов».

Тогда же Вильсон записал, что с нетерпением ожидает отъезда к армии, «хотя и люблю сию столицу; однако же теперь не здесь тот театр, в котором я хочу быть одним из действующих лиц»[40].

Вторичное пребывание Роберта Вильсона в Петербурге совпало с первой публикацией его сочинения на русском языке. 14 декабря 1813 года столичная петербургская газета поместила объявление о том, что в «лавке Московских купцов Глазуновых» продается книжка «Краткие замечания о свойстве и составе русского войска, извлеченные из книги, сочиненной Английским офицером Сером Робертом Вильсоном». «В сих замечаниях, — говорится в объявлении, — в первый раз (с того времени, как иностранцы пишут о России) отдается справедливость достоинствам русского народа и без злобы упоминается о некоторых наших недостатках. Санкт-Петербург. 1812. Цена 75 копеек»[41]. Через месяц в разделе «Новые российские книги и эстампы» газета повторила это объявление[42].

Между тем, книжка уже полгода как продавалась в Петербурге, снабженная предисловием «От переводчиков», в котором говорилось следующее: «Почти все иностранные сочинения, в которых описываются нравы и обычаи Российского народа, столько наполнены неправдами и клеветами, что нельзя их читать без душевного огорчения <...>. Но сколь велико должно быть в истинном Россиянине негодования при чтении таковых злословий, столь, напротив того, приятно ему находить в самых же иностранцах людей, приверженных к правде и возражающих противу неосновательных писаний о России. Таково было в нас чувствование, когда мы рассматривали полезное сочинение под названием «Краткие замечания о свойстве и составе Русской армии». Сочинитель, исполненный любви к справедливости, стремится не обинуясь вещать истину и обличать нелепости, выдуманные противу нашего отечества. Он, выхваляя добрые качества русских, не оставил, однако ж, без должного замечания некоторые их недостатки. Мы ласкаем себя надеждою, что Публика удостоит своего внимания предлагаемые здесь выписки из сей книги — и может быть, что сие возбудит охоту в людях, имеющих способность и досуг, все сие творение переложить на русский язык и доставить соотчичам нашим удовольствие видеть, что есть правди-

[40] Там же.

[41] Санкт-Петербургские ведомости. 1813. 14 февраля. С. 131.

[42] Там же. 18 марта. С. 221–222.

вые писатели, которые, в изобличении пристрастия и клеветы самых своих иноземцов, чистосердечно свидетельствуют истину о Российском народе»[43].

Книга, выборки из которой были опубликованы в Петербурге осенью 1812 года, называется «Краткие замечания о характере и составе русской армии и обзор кампании в Польше в 1806 и 1807 годах». Автором этой книги, вышедшей в Лондоне в 1810 году, был бригадный генерал Роберт Томас Вильсон[44]. Отдельному изданию предшествовала публикация в июльском номере петербургского журнала.

Такое совпадение было весьма знаменательным и вполне могло быть воспринято и истолковано символически как результат восстановления прежних, включая коммерческие и союзные, отношений между Россией и Англией, прерванных сепаратным Тильзитским миром, а вслед за ним и союзом былых противников — Наполеона и Александра I.

4 сентября, повидавшись с лордом Кэткартом, беседа с которым «была довольно примечательной и отчасти неожиданной», Вильсон отправился на Каменный Остров, куда в назначенное для аудиенции время опоздал на целых полчаса. Но, «когда меня ввели в кабинет Императора, — пишет в дневнике Вильсон, — он не позволил мне приложиться к его руке, а сам обнял меня и несколько раз поцеловал».

Между ними «в течение двух с половиною часов имела место чрезвычайно важная беседа, касавшаяся некоторых деликатных предметов, и я уехал с чувством величайшего восхищения перед здравым смыслом и откровенностью Императора». В дневник Вильсон ничего не записал «о делах политических, ибо был связан долгом, честию и торжественным обещанием, но могу присовокупить только, что касательно военных обстоятельств он выразил полное своё одобре-

---

[43] *Вильсон Р.* Выписка из книги: Краткие замечания о свойстве и составе русского войска, сочиненной Англинский офицером Сером Робертом Вильсоном. СПб., 1812. С. 1–3. См. публикацию из «Выписки» в «Санкт-Петербургском вестнике, издаваемом Обществом любителей Словесности, Наук и Художеств» (СПб., 1812. Ч. III. № 7. С. 87–112). В публикации имеется примечание о том, что «выписка» была доставлена от г. почетного члена Общества Его Превосходительства Алексея Николаевича Оленина; таким образом, можно предположить, что переводчиком мог быть сам директор Императорской Публичной библиотеки. Под заглавием «Замечания Англичанина о Русских» выдержки из «Выписки из книги» были опубликованы также в сентябрьской книжке журнала «Вестник Европы» (СПб., 1812. № 9. С. 135–141).

[44] Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army and a Sketch of the Campaigns in Poland in the Years 1806 and 1807 by Sir Robert Wilson, Aide de Camp to the King, Knight of the Military Order of Maria Theresa etc. London. 1810.

ние моим мыслям, а я прочёл ему своё донесение о ходе войны. Добавлю ещё, что как государь и человек, он поклялся продолжать борьбу, пока у него остаётся хоть один подданный, даже если придётся отдать Петербург и Москву»[45].

На следующее утро Вильсон получил записку с приглашением к императорскому столу. Перед тем как отправиться в Зимний дворец, у него вновь была беседа с Кэткартом, и тот уже сообщил о своем одобрении изъявленного желания отправиться в действующую русскую армию, «ибо никто другой не сможет исполнить это с таким же достоинством», и теперь у посла было ещё более причин к этому, поскольку император выразился на этот счет совершенно определенно. Говоря об этом с императором, Вильсон счел за благо сказать ему, что, отправляясь к армии, хотел бы заручиться с этой целью высочайшего соизволения, ибо желал находиться там не как негласный агент, а вполне официально. По словам Вильсона, Александр I ответствовал, «как и подобает мудрому государю, в весьма лестных для меня выражениях».

За обеденным столом присутствовали императрица-мать, царствующая императрица, великая княгиня (одна из сестёр императора. — *С.И.*), Антуанетта-Эрнестина герцогиня Вюртембергская, Катарина Амалия Христина принцесса Баден-Дурлахская и другие. Перед тем, как садиться за стол, император и императрица беседовали с Вильсоном, а после обеда в соседней комнате императрица удостоила его еще одним разговором на четверть часа, после чего в течение получаса с ним опять говорил император. «Особенное их ко мне внимание, — подчёркивает Вильсон, — бросалось в глаза, поелику ни один из них не разговаривал ни с кем другим долее нескольких минут, да и то лишь с самыми знатными особами, что было замечено всеми моими друзьями».

В дневнике Вильсон останавливается на этом, живописуя «все сии почести и комплименты», отнюдь не из тщеславия, а ради того, чтобы противопоставить тому «приему», который был оказан ему по возвращении из Лондона в 1807 году, когда разрыв с Англией был уже состоявшимся фактом.

Вечером того же дня он побывал на нескольких приемах, в том числе у знаменитой в то время Анны-Жермены де Сталь, которая приехала в Петербург из Москвы и собиралась покинуть столицу, отправляясь в Швецию. Вильсон пользовался обществом баронессы в течение целого часа, где «осмелился с большой горячностию трактовать о некоторых предметах в присутствии столь острого

[45] *Вильсон Р.Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий... С. 54.

ума»[46]. Англичанин простился с нею, «вполне завоевав ее благосклонность, удостоенный множества лестных для похвал». В своих записках баронесса не забыла помянуть Вильсона, «везде ищущего случая вступить в борьбу и своим бодрым духом воодушевляющего друзей...»[47], но о каких «предметах» они беседовали, упомянуть, по всей вероятности, просто забыла.

7-го сентября Вильсон обедал у императрицы Марии Феодоровны в обществе императора и остальной августейшей фамилии[48]. Вильсон вновь отмечает, что ему было «оказано то же лестное внимание, что и прежде». У императриц были непростые отношения и, случайно или не слишком, но он сидел «прямо насупротив» императрицы Елизаветы Алексеевны «за весьма узким столом и имел возможность без помех беседовать с нею».

Накануне весь день был посвящён визитам, в том числе и к тем особам, знакомство с которыми завязалось ещё в 1807 году, т.е. к Строгановым, Голицыным, Орловым и другим: «считая все дома, в коих мы побывали, это было чуть ли не смотром целого полка, но повсюду сие скопление *masse en rouge* (фр., красных, т.е. английских, мундиров) принимали с восторгом».

Посетив 8 сентября по приглашению сестру императрицы, принцессу Амалию, что Вильсон в дневнике своем называет «весьма лестной любезностью, которая имеет особливое значение в теперешние времена», он явился с визитом к М.А. Нарышкиной. Вильсон отчасти изменил о ней мнение, сложившееся в прошлый приезд, оставив в своем дневнике такие строки: «Она и вправду очаровательна, весьма расположена к англичанам, в том числе и ко мне; однако же это первый и последний мой визит, поелику я не хочу, чтобы кто-нибудь отнёс моё влияние за счёт её благосклонности»[49]. Это по поводу её отношений с императором.

За три дня до отъезда в русскую армию Вильсон присутствовал на церемонии тезоименитства Александра I, как он пишет, «в церкви Св. Александра Невского». Для него «это была одна из самых завораживающих и великолепных церемоний в целом свете», а императрица Елизавета Алексеевна, которую он увидел рядом с императором, показалась ему самим «воплощением изящества и грации». Ему «никогда ещё не приходилось зреть столь блестящее зрелище». Во время

[46] *Вильсон Р.Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий... С. 55.

[47] Madame de Staël. Dix année d'exil. Paris, 1904. P. 370.

[48] Обед имел место в Таврическом дворце. Упоминание об этом встречается в «Камер-фурьерском церемониальном журнале императрицы Марии Феодоровны 1812 года» (СПб., 1911. С. 451–452).

[49] *Вильсон Р.Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий... С. 56.

этой церемонии он узнал о генеральном сражении и о том, что Кутузов не только был пожалован в фельдмаршалы, но единовременно получил 100 000 рублей, а его солдаты по 5 рублей на брата[50].

15 сентября отправившись в армию, в рядах которой он в продолжение всей кампании деятельно участвовал в войне 1812 года, Вильсон с тех пор уже не появлялся в Петербурге, но когда он писал в своем дневнике «С каждым часом Россия делается для меня все более и более любезна» или «С каждым днём я всё больше и больше люблю Россию», он имел в виду и Петербург, где ему был оказан столь теплый приём.

Характеризуя личность Роберта Вильсона, академик Н.Ф. Дубровин, впервые издавший ряд писем из его обширной корреспонденции за 1812 год, писал: «Человек энергичный, увлекающийся, не вполне беспристрастный, Вильсон смотрел на всё с точки зрения исключительно английских интересов». Поэтому при чтении всего того, что вышло из-под пера генерала «необходимо помнить, что их пишет англичанин, пишет человек, у которого личные отношения, симпатии и антипатии имели весьма большое значение как в характеристике лиц, так и событий». Заключая эту далеко не бесспорную характеристику, Дубровин тем не менее признавал важность его записей «так как в них сохранились такие подробности, которые дают ключ к объяснению совершившихся фактов и уяснению исторической истины»[51].

Через пять лет после того, как война 1812 года закончилась, английский генерал писал: «Исход кампании хорошо известен; но истинная история всех событий, каковые ее сопровождали, хотя и представляет большой интерес для государственных мужей, военных и философов и, наконец, для всех тех, кто испытывает естественные человеческие чувства, эта история, говорю я, для Европы ещё остаётся загадкой». В то время Р. Вильсон ещё не мог писать о кампании 1812 года с полной откровенностью, как он записывал в дневнике о своём пребывании в Петербурге, поэтому он избегал всяких указаний на личности и раскрытия сюжетов, могущих задеть чьё-либо самолюбие. Тем не менее, Р. Вильсон ясно давал понять: ему известно несравненно больше того, что тогда он считал возможным сказать.

Те, кто держал в руках его дневник и читал его переписку, знают, что Роберту Вильсону часто свойственно было изрекать на первый взгляд честолюбивые и самонадеянные высказывания. Такими выс-

---

[50] Там же... С. 57.

[51] *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письма современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 140–141.

казываниями, как, к примеру, «Будь я в этом случае главнокомандующим», «Имей я только в своем распоряжении отряд английских солдат» или «Стоило бы мне пробыть всего неделю английским посланником в Петербурге» и т.д., пестрят бумаги, вышедшие из-под его пера. Но автор, проникнувший в психологию военного человека и в этом смысле большей частью снисходительный, склонен всё же приписывать подобные пассажи Вильсона скорее чистосердечию и правдивости, чем хвастливости фанфарона[52].

«Из числа записок англичан, участников войны 1812 года, первое место принадлежит известному сэру Роберту Вильсону <...>, — писал выдающийся историк и знаток эпохи К.А. Военский. — Записки его о походе 1812 года, о русской армии и личные воспоминания о главнейших русских деятелях этой эпохи представляют чрезвычайно драгоценный историко-бытовой материал, до сих пор ещё, кстати, мало использованный»[53].

С тех пор досадный пробел, отчасти объясняемый известной предубеждённостью к критическим суждениям иностранца или стремлением решительно во всём усматривать злонамеренные козни коварного недруга, был восполнен опубликованием полного перевода дневника и корреспонденции генерала Р. Вильсона за 1812 год, а также и изданием его исторического сочинения под названием «Повествование о случившемся». Это тем более важно, что оба эти произведения до недавнего времени оставались в исторических исследованиях почти не использованными в силу целого ряда причин, одна из которых заключалась в идеологическом пересмотре практически всех достижений отечественной историографии до 1917 года, что не могло не сказаться на самом течении исследовательской мысли, ибо явилось преградой на пути к документальному осмыслению прошлого.

---

[52] Русский вестник. 1862. Т. 37. Кн. 1. С. 129–196.

[53] *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., 1912. С. 74, 183; см. также: *Он же.* 1812 год в английской литературе (Наполеон, Англия и Россия) // Отечественная война и русское общество. СПб., 1912. Т. VII.

В.В. Носков
(Санкт-Петербург)

Пореформенный Петербург глазами британцев (обзор основных источников)

После окончания Крымской войны и восстановления двусторонних отношений наступил новый этап в истории британского познания России. Интерес англичан к России особенно усилился после начала Великих реформ. События последних лет, писал британский дипломат Т. Мичел, сделали Россию страной «в высшей степени интересной для тех, кто изучает политический прогресс наций и сопутствующий ему рост их благосостояния»[1]. Мичел родился в английской семье, проживавшей в Кронштадте, с детства знал русский язык, серьезно занимался изучением России[2]. Он был членом Русского географического общества, Сельскохозяйственного и Энтомологического обществ С.-Петербурга[3]. С 1860 до 1873 год «Фома Иванович», как называли Мичела в России, занимал должности атташе и, с 1866 года — второго секретаря британского посольства, совмещая дипломатическую службу с исполнением обязанностей консула Великобритании в Санкт-Петербурге. Он имел репутацию самого компетентного знатока русских дел во всем дипломатическом корпусе.

В 1865 году Мичел опубликовал подробное описание Санкт-Петербурга в путеводителе по России, Польше и Финляндии, который

[1] Handbook for Travellers in Russia, Poland, and Finland. London, 1868. P. V.

[2] См. статью участника конгресса: *Saunders D.* An Anglo-Russian Critic of the Abolition of Serfdom // Slavonic and East European Review. Vol. 92. № 2 (April 2014). P. 255–283.

[3] *Michell Th.* Statistics of Crime in Russia // Journal of Statistical Society of London. Vol. 27 (September 1864). P. 369.

неоднократно переиздавался в последующие годы и стал стандартным источником сведений об этих странах для англоязычных читателей. В сфере внимания Мичела оказались практически все аспекты петербургской жизни. Своё сочинение он начинал с характеристики климата Петербурга, затем переходил к описанию зимнего сезона в российской столице и столичного общества, к истории города и его топографии. Мичел описал также гостиницы, музеи, памятники, театры, клубы, дворцы и храмы Петербурга, отметив среди них Англиканскую церковь (дом № 56 на Английской набережной). Особое место в его описании занимает Эрмитаж, художественные богатства которого получили яркое освещение благодаря содействию секретаря британского посольства Дж. Ламли-Сэвила и сотрудников музея. В конце 1873 года Мичел был отозван из Санкт-Петербурга, но в 1878 году он получил назначение консулом в Тифлис, важный в то время пункт на театре русско-британского противостояния.

Позднее Мичел опубликовал книгу о России, которая включала большой очерк «Современная столица», посвящённый Санкт-Петербургу. Этот «замечательный город», — писал он, — «заключает в себе объекты столь большого интереса и содержит художественные богатства такой огромной и исключительной ценности, что едва ли какая другая столица в Европе больше заслуживает быть описанной пером и запечатлённой карандашом»[4]. Начав с Зимнего дворца, Мичел подробно остановился на художественных коллекциях Эрмитажа, используя при этом работу британского искусствоведа А. Маскела[5]. С Миллионной улицы Мичел ведёт своих читателей к Исаакиевскому собору, чтобы осмотреть его интерьеры, а затем бросить с его галереи взгляд на центральную часть российской столицы. После этого следует прогулка по Невскому проспекту до Александро-Невской Лавры, дается описание Петропавловской крепости и собора. Англиканская церковь предстаёт в том виде, какой она обрела после перестройки в 1873 году. Мичел коротко останавливается на прелестях дачной жизни на Островах и в Новой Деревне, а затем обращается к достопримечательностям петербургских пригородов — Петергофа, Стрельны, Кронштадта, Царского Села, Павловска.

В противоположность Мичелу, Дж. Х. Сэвил, виконт Поллингтон, всего на несколько дней останавливался в Санкт-Петербурге летом 1865 года. В его дневнике даются беглые зарисовки самого города, Эрмитажа, при посещении которого он обратил особое вни-

[4] *Michell Th.* Russian Pictures Drawn with Pen and Pencil. London, 1889. P. 32. О книге см.: Русская жизнь в оценке англичанина // Исторический Вестник. 1890. № 1. С. 212–213.

[5] См.: *Maskell A.* Russian Arts and Art Objects in Russia. London, 1884. P. 12–27.

мание на коллекцию английской живописи, Зимнего и Таврического дворцов, Исаакиевского собора, Зоологического музея, достопримечательностей невских Островов, Петергофа, Царского Села, Павловска. Помимо прочего, Поллингтон упоминает об известных в своё время меблированных комнатах мисс Бенсон на Английской набережной (дом № 72), из которых открывался прекрасный вид на Неву. Вслед за другими авторами, он характеризовал Санкт-Петербург как «город огромных расстояний»[6].

Британский журналист Э. Дайси побывал в России осенью 1866 года, имея целью освещение визита герцога Уэльского, который представлял британскую корону на бракосочетании великого князя Александра Александровича с датской принцессой Дагмарой. Помимо подробного описания свадебных церемоний, Дайси посвятил отдельные разделы своей книги таким сюжетам, как «Невский проспект», «Парад на Царицыном [лугу]», «С.-Петербург в снежное время», «Бал у Белозерских», британский морской «Госпиталь в Кронштадте», «Жизнь низов в С.-Петербурге», «Жизнь высшего общества в С.-Петербурге». Дайси называл Санкт-Петербург «картонным городом» (pasterboard city), подчёркивая его нарочитость (говоря по-русски — «умышленность»), иллюзорность, неопрятность и принципиальную незавершенность. Мостовые российской столицы, по его утверждению, — худшие из всех, какие ему доводилось видеть, а Невский — «второразрядная улица»[7]. Санкт-Петербург, «эта странная столица», — «город громадных контрастов», в котором крайности сосуществовали бок обок. Английский журналист не нашёл на берегах Невы ни одного приличного отеля или ресторана, но обратил внимание на повальное пьянство. Говоря о ценах, Дайси, замечал, что в этом отношении Лондон являлся образцом умеренности по сравнению с Санкт-Петербургом[8].

Интересные материалы о жизни пореформенного Петербурга содержатся в воспоминаниях британского дипломата Х. Румбольда, занимавшего пост первого секретаря посольства Великобритании в 1868–1871 годах. Британский дипломат и его жена-американка поселились в маленьком особняке на Сергиевской улице, на месте нынешнего дома № 18. Поскольку его брат Уильям был женат на княжне Н.А. Лобановой-Ростовской, британский дипломат был вхож во многие петербургские дома, поэтому его воспоминании содержат

[6] *Pollington*, Viscount. Half Round the Old World. Being Some Account of a Tour in Russia, the Caucasus, Persia, and Turkey, 1865–66. London, 1867. P. 4–12.

[7] *Dicey E.* A Month in Russia during the Marriage of the Czarevitch. London, 1867. P. 17–23.

[8] Ibid. P. 62–71.

«немало любопытных подробностей о нашем великосветском обществе»[9]. Мы находим у Румбольда интересные данные о британском посольстве (оно располагалось в доме № 4 на Дворцовой набережной), даче посла Э. Бьюкенена в Лигово, доме Паскевичей на Английской набережной (№ 8), о других петербургских салонах и иностранных дипломатических миссиях, а также о знаменитом «Английском магазине», представлявшем собою «громадное заведение, которое обеспечивало потребности двора, начиная с бриллиантовых табакерок и украшений до напитков, которые заполняли императорские подвалы»[10]. Румбольд описывает ритуал освящения воды, так называемые «пальмовые балы» и другие придворные церемонии, происходившие в Зимнем дворце. Представляет интерес его упоминание о катке, устроенном петербургскими англичанами на Васильевском острове, учитывая, что увлечение коньками принесли на берега Невы именно выходцы с Альбиона и они же задавали тон на ледовых аренах Санкт-Петербурга.

Воспоминания Румбольда дополняют мемуары Ф.А. Уэллсли, который с 1871 по 1877 год являлся британским военным атташе в Санкт-Петербурге. По замечанию рецензента, он «не сообщает серьезных, основательных сведений о стране, обществе и народе», но «хорошо изучил то, что касалось его специальности, именно военного дела»[11]. Уэллсли описывает повседневную жизнь военных атташе, их участие в многочисленных смотрах, разводах и парадах, касается других сторон светской и общественной жизни российской столицы и быта столичной аристократии. Санкт-Петербург, в его представлении, — «нечто вроде смеси всех других главных городов Европы», но его светская жизнь совершено отличалась от иных столиц[12].

Обширные мемуары оставил также лорд Огастес Лофтус, британский посол при императорском дворе с 1872 до 1879 г. Как отмечал русский рецензент, он «не обращает никакого внимания на бытовую сторону исторических событий и почти никогда не выходит из заколдованного круга дипломатических сфер»[13]. «Лофтус не был тон-

---

[9] *Штейн В.И., фон.* Воспоминания дипломата Румбольда // Исторический Вестник. 1909. № 8. С. 646.

[10] *Rumbold H.* Recollections of a Diplomatist. London, 1902. Vol. II. P. 257. Магазин располагался на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы (№ 16/7).

[11] *Тимирязев В.А.* Воспоминания полковника Веллеслэя о России во время мира и войны (1871–1877 г.) // Исторический Вестник. 1905. № 11. С. 692.

[12] *Wellesley F.A.* With the Russians in Peace and War. Recollections of a Military Attaché. London, 1905. P. 24–29.

[13] Воспоминания английского дипломата XIX столетия // Исторический Вестник. 1893. № 2. С. 584.

ким наблюдателем и сообщал своему двору только совершившиеся факты», замечал другой рецензент его сочинения[14]. Санкт-Петербург в его изображении, — «столица, производящая внушительное впечатление. Храмы с их золочеными куполами, площади, дворцы и общественные здания придают ему дух величия, которому голубые воды Невы, когда они не скованы морозом, добавляют дополнительную прелесть». Но следом британский посол сообщал о зловонных петербургских каналах, превратившихся в источник всяческой заразы[15]. На блестящем во всех отношениях императорском дворе, по его наблюдению, лежала печать «Восточного величия». Лофтус отмечал также избранность и исключительность высшего света российской столицы, подчеркнув его особую предупредительность к иностранцам.

В его мемуарах получили отражение такие события в истории парадного Санкт-Петербурга, как празднества по случаю 200-летия Петра I в 1872 году, визиты германского кайзера и персидского шаха в 1873 году и австрийского кайзера в 1874 году, состоявшиеся в том же году бракосочетания вел. кнж. Марии Александровны с герцогом Эдинбургским и вел. кн. Владимира Александровича с герцогиней Мекленбург-Шверинской, повторный визит самодержца Персии в 1878 году. По поводу петровского юбилея Лофтус замечал: «Как это обычно бывает в России, это была громадная смесь военной помпы и религиозных обрядов, священников и военных»[16]. Не обошёл он вниманием и печальные события — кончины вел. кнн. Елены Павловны в 1873 году и Марии Николаевны в 1876, похороны герцога С.М. Лейхтенбергского, погибшего во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Хорошо передана также переменчивая атмосфера, царившая в российской столице во время войны. Лофтус покидал российскую столицу в тот момент, когда там установилась гнетущая атмосфера, порожденная тяжелыми военными потерями, с одной стороны, и деятельностью нигилистов, с другой. Посеянные ими ядовитые семена дали отравленные всходы, заключал британский дипломат, и породили «всеобщее чувство тревоги и опасности»[17].

Особую группу источников составляют описания праздничных торжеств, проходивших в Санкт-Петербурге в январе 1874 года по случаю бракосочетания вел. кнж. Марии Александровны с герцогом

---

[14] Исторический Вестник. 1894. № 6. С. 864.

[15] The Diplomatic Reminiscences of Lord Augustus Loftus, 1862–1879. London & Co., 1894. Vol. II. P. 3–4.

[16] Ibid. P. 24.

[17] Ibid. P. 269–270.

Эдинбургским. К их числу относятся частные письма и официальные донесения настоятеля Вестминстерского собора А.П. Стэнли, совершившего обряд бракосочетания по англиканскому ритуалу; автобиографические заметки журналиста Дж. Фарли и воспоминания британского писателя Э. Йейтса, присутствовавшего на этих торжествах в качестве корреспондента *New York Times*[18]. Особый интерес представляют их описания той обстановки, в которой проходили свадебные церемонии и сопровождавшие их торжества. Следует отметить, что благодаря настойчивости англичан корреспонденты иностранных и русских газет были тогда впервые допущены на церемонию, проходившую в Зимнем дворце.

Картину столичной жизни середины 1870-х годов дополняет краткое описание Кронштадта в письмах бывшего главного конструктора британского флота, члена парламента Э. Дж. Рида[19]. В конце 1876 года Санкт-Петербург посетил один из самых известных британских журналистов того времени, корреспондент *Daily Telegraph* Дж. О. Сала. Он уже бывал в России в 1856 году и опубликовал по итогам своей поездки книгу путевых очерков[20]. Итогом второй поездки, помимо политических репортажей, стали колоритные зарисовки некоторых эпизодов, в том числе, связанных с проживанием в гостинице «Англетер» и с посещением Эрмитажа и Александро-Невской Лавры[21].

Петербургская жизнь последних лет царствования Александра II получила отражение в переписке лорда Дафферина, представлявшего интересы британской короны в российской столице в 1879–1881 годах, в записках его супруги, в воспоминаниях секретарей британского посольства Ф. Гамильтона и Р. Дж. Кеннеди, а также в свидетельствах нескольких британских журналистов.

Среди первых впечатлений посла Дафферина — «ужасный» распорядок дня столичной аристократии, относительно которого он замечал: «их рауты и приемы не начинаются до половины двенадцатого и вы никогда не доберетесь до кровати раньше трех или четырех»[22]. Главной

---

[18] *Prothero R.E.* The Life and Correspondence of Arthur Penrhyn Stanley, D.D., Late Dean of Westminster. London, 1893. Vol. II. P. 422–444; Letters and Verses of Arthur Penrhyn Stanley, D.D. Between the Years 1829 and 1881 / Ed. by R.E. Prothero. London, 1895. P. 383–393; *Furley J.* In Peace and War. Autobiographical Sketches. London, 1905. P. 287–296; Edmund Yates: His Recollections and Experiences. London, 1885. P. 438–443.

[19] *Reed E.J.* Letters from Russia. In 1875. London, 1876. P. 83–90.

[20] *Sala G.A.* A Journey due North; being Notes of a Residence in Russia. Boston, 1858.

[21] The Life and Adventures of George Augustus Sala, written by himself. N.Y., 1895. Vol. II. P. 253–262.

[22] *Lyall A.* The Life of the Marquis of Dufferin and Ava. London, 1905. Vol. I. P. 296.

особенностью Санкт-Петербурга Дафферин считал его «европейский глянец»[23]. Много внимания в его письмах на родину уделяется пригородам российской столицы (Царское Село, Петергоф, Кронштадт, Ораниенбаум, Павловск), даётся подробное описание больших манёвров в Красном Селе летом 1879 года[24]. Два года пребывания Дафферина на посту посла ознаменовались чередой покушений на Александра II, поэтому описание обстановки, складывавшейся после каждого из них, занимает важное место в его письмах. После взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 года посол немедленно отправился на место происшествия, об обстоятельствах которого ему поведали император и герцогиня Эдинбургская. «Катастрофа погрузила весь город в состояние великого ужаса», — писал он[25]. Утром 1 марта 1881 года Дафферин встречался с императором на разводе войск в Михайловском манеже, а после того, как Александр II подвергся нападению, в числе первых прибыл в Зимний дворец. В течение нескольких дней, утверждал посол, российская столица жила в состоянии «всеобщей паники»[26].

В насыщенных множеством подробностей письмах леди Дафферин говорится преимущественно о повседневной жизни британского посольства и дипломатического корпуса в С.-Петербурге. Это единственное из известных нам английских сочинений, посвященных С.-Петербургу того периода, написанное женщиной. Супруга посла имела специфический круг общения и видела те стороны жизни российской столицы, которые были недоступны взору её мужа и его сослуживцев, а на те события, которые были общим достоянием, она смотрела иными глазами, чем очевидцы-мужчины. Столичные улицы пребывают в незавидном состоянии, писала английская леди, мостовые «неотделанные и неровные, витрины магазинов невзрачные, а большие дома выглядят мрачно, как если бы они пострадали от сырости»[27]. Леди Дафферин подробно описывает все дворцы, особняки знати, дипломатические резиденции, театры и другие общественные места, в которых ей приходилось бывать. Особенно интересны ее описания Михайловского и Николаевского дворцов по состоянию на 1879 год. Интерес представляют также её впечатления о покушениях на императора и о том, что происходило в те дни в С.-Петербурге.

---

[23] Ibid. P. 314.

[24] Ibid. P. 299–301; Dufferin & Ava H. My Russian and Turkish Journals. N.Y., 1916. P. 38–51.

[25] *Lyall A.* The Life of the Marquis of Dufferin. P. 310–311.

[26] Ibid. P. 319–321. См. также: *Black Ch. E.D.* The Marquess of Dufferin and Ava. London, 1903. P. 170–173.

[27] *Dufferin & Ava H.* My Russian and Turkish Journals. P. 8

Описание многого из того, что видела леди Дафферин в российской столице, выдержано в критических тонах.

Краткие заметки второго секретаря британского посольства Кеннеди посвящены преимущественно внутренней жизни посольства[28]. Гораздо более насыщены интересным материалом воспоминания первого секретаря посольства Гамильтона. По прибытии в С.-Петербург он испытал самое большое разочарование в своей жизни. «С вокзала (Варшавского. — *В.Н.*) мы вышли на необычайно широкую улицу, вдоль которой стояли убого-претенциозные дома, все несущие признаки небрежения. Ужасно неровные мостовые, общая неопрятность, широкая проезжая часть, которая была пустынной, если не считать одну-две громыхающие телеги, отсутствие пешеходов и низкое ватное небо — всё создавало эффект невыразимой угрюмости», вспоминал британский дипломат[29]. Тем не менее, Гамильтон освещает в своих воспоминаниях многие интересные страницы истории С.-Петербурга начала 1880-х годов. В сфере его внимания оказываются британское посольство и его внутренняя жизнь, зимняя Нева, как она выглядела из окон посольства, Исаакиевский собор, Невский проспект, императорский Яхт-клуб, рестораны на Островах, аристократические дома столицы, интерьеры Зимнего дворца и происходившие там парадные церемонии. Ему довелось, в частности, увидеть коллекцию дворцового серебра, в том числе английского.

В другой своей книге Гамильтон пишет о любительских спектаклях, которые пользовались большой популярностью в светских и дипломатических кругах столицы, а также в британском деловом сообществе Санкт-Петербурга[30]. Немало места в его мемуарах занимают описания петербургских пригородов — Царского Села, Павловска, Гатчины и, особенно, Петергофа. «В действительности вокруг Петергофа переизбыток дворцов, — отмечал британский дипломат. — Они растут так густо, как иглы на спине дикобраза»[31]. Воспоминания Гамильтона существенно дополняют и обогащают картину петербургской жизни в моменты покушений на императора, нарисованную его соотечественниками[32].

Корреспондент *Times* Дж. Добсон, начинавший на рубеже 1870–1880-х годов свою многолетнюю карьеру в России, ярко описал пер-

---

[28] *Kennedy R.J.* Some recollections of service with Lord Dufferin at the St. Petersburg Embassy // *Lyall A.* The Life of the Marquis of Dufferin. P. 325–328.

[29] *Hamilton F.* The Vanished Pomps of Yesterday, being Some Random Reminiscences of a British Diplomat. N.Y., 1921. P. 85–88.

[30] *Hamilton F.* The Days before Yesterday. London, 1920. P. 222–228.

[31] *Hamilton F.* The Vanished Pomps of Yesterday. P. 191–198.

[32] Ibid. P. 159–161; *Hamilton F.* The Days before Yesterday. P. 235–236.

вые впечатления о въезде в Санкт-Петербург морем и по железной дороге[33]. Свои воспоминания о Петербурге того времени оставил также корреспондент лондонской газеты *Standard* Дж. Ф. Бэддли, который на долгие годы после этого связал свою судьбу с Россией и даже написал две книги по её истории. Бэддли был знаком со «сливками» столичного общества и многими иностранными дипломатами и стал очевидцем серии драматических событий, завершившихся убийством Александра II[34]. Сала в очередной раз прибыл в Санкт-Петербург уже после цареубийства. Вместе с послом он имел возможность наблюдать за процессией, перевозившей тело покойного императора из Зимнего дворца в Петропавловский собор, из дома английского коммерсанта А.Ф. Кларка[35].

Британский бизнесмен Э.Ф. Ло, бывший одно время нештатным корреспондентом *Daily Telegraph*, благодаря своим деловым и родственным связям имел возможность глубоко проникнуть в русскую жизнь. В своих газетных публикациях он отразил настроения, распространившиеся в петербургском обществе после завершения русско-турецкой войны, особо отметив общее чувство беспокойства и тревоги. В качестве переводчика лорда Дафферина Ло присутствовал на процессе цареубийц, он отмечал отсутствие сочувствия к ним со стороны народа, когда их везли на казнь. После возвращения на родину Ло опубликовал большую статью в журнале *Fortnightly Review* о положении в России после убийства Александра II, в которой, помимо прочего, указал на деморализующие условия и разлагающее влияние жизни в больших городах на массу их нового, бывшего крестьянского населения[36].

---

[33] *Dobson G.* St. Petersburg. London, 1910. P. 10–14.

[34] *Baddeley J.F.* Russia in the 'Eighties'. Sport and Politics. London & o., 1921. P. 3–116.

[35] The Life and Adventures of George Augustus Sala. Vol. II. P. 316–324. Дом Кларка располагался у Николаевского моста, через который проходила траурная процессия, и выходил тремя своими фасадами на Английскую набережную, Благовещенскую площадь и Галерную улицу (№ 38/1/39).

[36] The Life of Sir Edward FitzGerald Law / Comp. and ed. by Th. Morison and G.T. Hutchinson. Edinburgh & London, 1911. P. 20–30.

Е.И. Жерихина (Санкт-Петербург),
Н.В. Новикова (Санкт-Петербург)

Дело и семья Артура Макферсона

Имя Артура Макферсона хорошо известно любителям спорта, ведь он был основателем российских федераций футбола, тенниса и гребли. В нашей работе мы хотели рассмотреть фигуру Макферсона как замечательного общественного деятеля, известного финансиста-биржевика и, одновременно, главу большой семьи. Многочисленная семья Макферсон играла заметную роль в жизни английской диаспоры российской столицы. Родоначальник семейства, судовой меха-

А.Д. Макферсон с семьей в Крестовском лаун-теннис клубе. Фото 1903 года. ЦГА КФФД СПб., е 3612

ник, выпускник Эдинбургского университета, Лео (Lachlan) появился в Петербурге в 1804 году, приехал для реорганизации русского флота, оставшись здесь, обзавелся семьёй. Затем более полувека Макферсоны работали в области кораблестроения и морской механики. Его сын Марк Макферсон (Murdoch Macpherson) в 1841 женился на 17-летней Юлии Елизавете Максвелл (Maxwell) и стал отцом 15 детей, из которых 5 умерли во младенчестве. Они воспитали 5 мальчиков и 5 девочек, которые между собой называли семью «Клан».

Дед А.Д. Макферсона Марк Львович вместе с соотечественником М.Е. Карром основал судостроительный «Балтийский завод». Несмотря на успешное исполнение крупных правительственных заказов, долгосрочные работы в 1860–1870-х оказались убыточны, и М.Л. Макферсон умер разоренным. Его сыновья Альфред и Джордж работали инженерами и управляющими. Незамужние дочери Кэрри, Люси, Юлия — преподавательницами в женских институтах и гимназиях.

Отец нашего героя — инженер Давид Маркович, женатый на Анне-Елизавете Хатти. Артур-Генри Давид Макферсон (1870–1919) родился 17(5) ноября[1] в доме своего деда на Кожевенной линии Васильевского острова, напротив завода, которым управляли отец и дед. Вскоре отец разорился, оставив большую семью, но продолжал работать на Балтийском заводе и жить на Васильевском острове (в старости, в 1890–1990-х годах, он работал страховым агентом общества «Саламандра»). Макферсоны сохраняли британское подданство.

Закончив частное училище Ф.Ф. Видемана, Артур-Генри в 24 года начинает самостоятельную жизнь. Он рано женился на Элеоноре-Вильгельмине Робертовне Мальмгрен, шведке, происходившей из Ревеля, дочери владельца экспедиционной конторы СПб. порта, жившей на Васильевском острове[2]. Артур-Генри с детства занимался спортом, но повредил ногу и в дальнейшем ходил с палкой. При основании Крестовского лаун-теннис клуба в 1894 году, уже семейный человек, он внес 50 рублей, чтобы считаться пожизненным членом, и в 1896 году был избран председателем клуба. Семья организатора клуба с маленьким сыном Артуром-Вильямом[3] переехала на

[1] ЦГИА СПб., Ф. 852. Фонд Биржевого комитета. Маклерские книжки. в т.ч. Макферсона.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 97. Д. 1319. Канцелярия СПб. градоначальника. Отделение иностранное. Дело о ходатайстве А.Д. Макферсона на получение российского гражданства. Л. 3. Отец её, Роберт Эдуард Мальмгрен был купцом 2 гильдии. Справочная книга о лицах Петроградского купечества... получивших с 1 ноября 1899 г... сословные свидетельства... Сост. Аверин И.А. СПб., 1900. С. 390.

[3] РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 8. Книги Англиканской церкви в СПб. С. 113 об. О крещении рожденного 19/31 января 1896 г. сына А.Д. и Е.В. Макферсон.

Группа награжденных теннисистов.
Фото 1903 года. ЦГА КФФД СПб., е 3620

Крестовский остров и более 10 лет проживала в съемной квартире неподалёку от клуба, на Надеждинской улице, 22 (38). С Крестовским островом все последующие годы будет связана жизнь и самого А.Д. Макферсона, и его семьи.

Деревянный дом, судя по планам, стоял на кольце единственной конки, которая ходила нерегулярно. Остров низкий, во время наводнения это место заливала Невка. А.Д. Макферсон постоянно присутствовал в клубе, участок земли для которого безвозмездно передал князь К.Е. Белосельский, на расстоянии почти километра от дома, куда добирался немощеной дорогой. Современник писал: «Надо было удивляться, как поспевал Артур Давыдович за день сделать все, что он сам на себя возлагал, и что он считал своими обязанностями по отношению к тем спортивным организациям, которые он возглавлял. Ведь личные и семейные дела отнимали у него немало времени, да и жизнь он любил, будучи веселым компаньоном в разных зачастую устраиваемых увеселениях»[4].

Семья Макферсонов, где супруга поддерживала мужа, постоянно появляясь как «дама-посетительница» на кортах его клуба, увеличилась: в 1897 родился второй сын, Роберт. Эти роды, последовавшие менее чем через год после рождения первенца, были тяжелыми: мла-

[4] Журнал «Лаун-теннис» № 8. СПб., 1914. С. 13.

А.Д. Макферсон с супругой (слева) в собственном гребном клубе «Стрела». Фото 1910 года. ЦГА КФФД СПб., е 15889

денец перенес родовую травму. Но уже в 1900 году родился младший сын Виктор[5], а спустя два года — единственная дочь Джулия.

Сам А.Д. Макферсон считал, что клуб, который сначала был убыточным предприятием, начал расти с 1897 года[6]. Благодаря неутомимой деятельности Макферсона клуб расширялся и стал вскоре самой крупной в России спортивной организацией. В 1903 году на площадках клуба состоялось первое международное соревнование. Среди членов клуба были представители Имп. фамилии: вел. кн. Владимир Александрович, его супруга Мария Павловна и их сыновья Кирилл и Борис Владимировичи. Позже «попечительницей» клуба станет дочь принца Эдинбургского вел. кн. Виктория Фёдоровна.

Действительными членами Крестовского клуба были теннисисты-предприниматели: директора товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры и других предприятий Ф.Ф. Утеман и Г.Л. Гейзе, владелец экспедиционной конторы и директор СПб. коммерческого общества Э.А. Тотин, владельцы крупнейшей фирмы по шитью мужского платья братья Брюно-Флоран, дирек-

[5] Там же. С. 115 об. Роберт-Давид родился 31 дек./12 января 1897. С. 125. Виктор-Джорж родился 30 марта/12 апреля 1900. ЦГА КФФД СПб., Фото Е 3612, Е 3621. Крестовский л-т клуб. Группы отец и мать с детьми. 1903.

[6] *Макферсон А.Д.* Крестовский лаун-теннис клуб. 1895–1910. СПб.: Тип. Г. Скачкова, 1910. С. 4–6.

тор торгового дома К.К. Неандр, представители крупнейших банковско-биржевых семейств Д.Е. Эбсворт, Б.Ф. Юнкер, В.И. и М.И. Вавельберг, О.С. Бернсон, М.В. Штифтер, вице-директор Северного банка П.Ф. Лажье, А.П. Петрококкино, А. Рафаилович[7], а также директор «Нового клуба» В.Ф. Трепов с сыном. Эти богатые любители спорта, судя по отчетам клуба, финансировали первые соревнования по теннису, дарили ценные кубки и жертвовали деньги для приобретения ценных призов[8].

Видимо, друзья решили помочь материальному благополучию семьи Макферсонов, поскольку в возрасте 30 лет, на рубеже XX века, в судьбе А.Д. Макферсона произошел социальный разрыв. Если в 1890-х годах он был всего лишь, как и его отец, «представителем Страхового общества «Саламандра», то в 1899 году он принял российское подданство (его старшие сыновья Артур и Роберт остались подданными Великобритании) и вошел во вторую купеческую гильдию (свидетельство на личное занятие № 6269)[9]. В 1901 году он, не имея капитала или предварительного коммерческого стажа, был избран маклером Санкт-Петербургской биржи, членом котировочной комиссии фондового отдела биржи. Для поступления на Биржу требовались рекомендации, а не капитал, которого пока у Макферсона не было, но маклер должен был дать крупным банкам серьезные гарантии по сохранению их средств[10]. Рекомендации и гарантии наверняка последовали от друзей-теннисистов. На поприще члена СПб. Биржи деятельность Макферсона также была успешной и незапятнанной. В 1902 году А. Д. Макферсон избирается директором Коммерческого общества, в дирекцию которого входили упомянутые члены клуба Д.Е. Эбсворт и Э.А. Тотин. Клуб в тот год переехал в здание СПб. частного коммерческого банка (Английская набережная, 18). Вскоре Макферсону удалось упрочить своё финансовое положение: к 1910 Артур Давыдович стал директором Компании Онежского лесного торга, а его брат, Кеннет — помощником директора правления компании «Русский Ллойд».

Современник вспоминал: «Макферсон на собственные средства возил молодёжь, не обладавшую достатком, на состязания в Москву

---

[7] *Макферсон А.Д.* Состав Крестовского лаун-теннис клуба // Крестовский лаун-теннис клуб. 1895–1910. СПб.: Тип. Г. Скачкова, 1910. С. 10, 14–16.

[8] *Макферсон А.Д.* Крестовский лаун-теннис клуб. С. 10.

[9] РГИА. Ф. 1284. Оп. 97. Д. 1319. Канцелярия СПб. градоначальника. Отделение иностранное. Дело о ходатайстве А.Д. Макферсона на получение российского гражданства. Л. 1,3, 3 об., 6. Справочная книга о лицах Петроградского купечества... С. 387.

[10] Консультации доктора ист. наук, проф. П.В. Лизунова (Архангельск), автора книги «СПб. биржа и российский рынок ценных бумаг». СПб., 2004.

Санкт-Петербургский Коммерческий банк
(Английская набережная, 18). Фото 1910 года.
ЦГА КФФД СПб., д 9195

и всегда широко шел навстречу нуждам русского спорта, причем делал он это не бравируя, а просто будучи всей душой предан этому благородному делу. Талант устраивать спортивные празднества и принимать гостей, вплоть до самых высоких по положению, был у Макферсона изумительный... Второго такого хозяина, каким был Артур Давыдович, найти было нелегко»[11]. В 1907 году по инициативе Артура Давыдовича был создан «Всероссийский союз лаун-теннис клубов» (из 60 объединений), который единогласно избрал А.Д. Макферсона председателем.

Санкт-Петербургская футбольная лига (Крестовский остров, Александровский пр., 21), также основанная Макферсоном и Г. Фульда, находилась под покровительством вел. кн. Бориса Владимировича и кн. С.К. Белосельского-Белозерского[12]. Членами Крестовского клуба были теннисисты Б.А. Суворин (издатель), дипломат кн. Л.В. Урусов, шталмейстер А.Д. Зиновьев, ген.-адъютант бар. Ф.Е. Мейендорф с сыном, сенатор В.И. Срезневский.

В 1905 году А.Д. Макферсон приобрёл на Крестовском острове собственный участок земли для гребного клуба «Стрела»[13] («Arrow

[11] Журнал «Лаун-теннис» № 8. СПб., 1914, С. 14.

[12] *Фоменко Б.И.* Три страсти Артура Макферсона. М., 2008. С. 127–129.

[13] ЦГА КФФД СПб. Фото Е 15889. Гребной клуб «Стрела», группа с семьей А.Д. Макферсона.

Открытие Шведской спортивной выставки Михайловском манеже.
В центре сидит вел. кн. Николай Николаевич, за ним стоит А.Д. Макферсон.
Фото 1909 года. ЦГА КФФД СПб., е 6801

Boat Club», Ольгинская улица, 4–6). Теперь он жил рядом со своим клубом, по адресу Александровский пр., 1 (управляющий князей Белосельских на этом участке — брат теннисиста-чемпиона Г.В. Брея, В.В. Брей). Также Макферсон — председатель кружка Политехнического института, основанного Министерством финансов.

А.Д. Макферсон стоял во главе спортсменов-участников открытой в Петербургском Михайловском манеже в 1909 году Шведской спортивной выставки, которую поддерживали члены Имп. семьи[14] и предприниматели. Там он познакомился с вел. кн. Николаем Николаевичем, августейшим покровителем Олимпийского комитета. После участия сборной России в Олимпийских играх в Стокгольме, великий князь, признавая «организацию командирования на эти состязания, выбор наиболее достойных лиц... подыскание наиболее удобных средств передвижения и размещения участников... поддержание должного порядка во время командировки, вызвало много усердия и труда особенно со стороны председателя Всероссийского союза лаун-теннис клубов, члена котировальной комиссии СПб

[14] ЦГА КФФД СПб. Фото Е 6801. Открытие русско-шведской выставки. В центре — вел. кн. Николай Николаевич-младший, прямо за ним — А.Д. Макферсон. 1909.

А.Д. Макферсон с детьми-теннисистами на корте гребного клуба «Стрела». Фото 1913 года из кн.: *Фоменко Б.И.* Три страсти Артура Макферсона. М. 2008 С. 111

фондовой биржи, СПб. купца Артура Макферсона»[15], ходатайствовал перед военным министерством о награждении его орденом.

Военное министерство представило Макферсона к первой в истории России государственной награде за труды по развитию спорта, и это — вопреки правилам. Министр В.А. Сухомлинов[16] в письме на имя статс-секретаря, обергофмаршала двора А.С. Танеева признавал, что Макферсон «как не принадлежащий к привилегированному сословию, не пользуется правом на получение ордена св. Станислава 3-й степени, испрашиваемого в виде первоначальной награды...», а только если имеют уже «шейную золотую медаль». Но «...по занимаемому г-ном Макферсоном общественному положению... награждение медалью не представлялось бы удобным». Сухомлинов предлагает «г-на Макферсона наградить... в изъятие из правил, орденом св. Станислава 3-й степени в поощрение выдающейся его деятельности по организации командирования русских офицеров и частных лиц в г. Стокгольм, на Олимпийские игры...», добавляя, что «со стороны министра финансов не имеется препятствий осуществления предположенной данному лицу награды». Награждение А.Д. Макферсона упоминается в «Списке наградам за благотворительную и общеполезную деятельность» по Главному штабу[17].

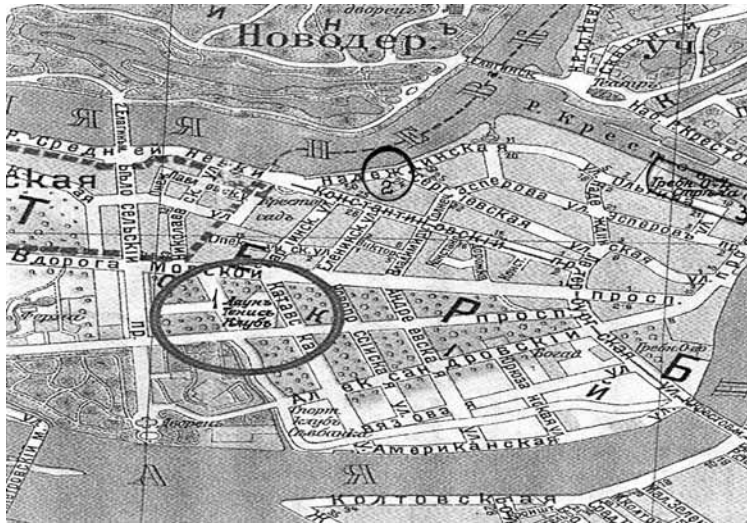
А.Д. Макферсон в 1912–1914 годах был издателем журнала «Лаун-Теннис» и теннисных ежегодников, но сложил с себя звание предсе-

---

[15] РГИА. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 585. Собственная Его имп. величества Канцелярия. Л. 1, 1 об., 2.

[16] Там же.

[17] Список наградам за благотворительную и общеполезную деятельность по Главному штабу. За Сентябрьскую треть 1913 г. Л. 5, 6. По поводу награждения А.Д. Макферсона, как «Петроградского 2-й гильдии купца» запросили Департамент общих дел МВД. ГАРФ. Ф. 102. 6 делопроизводство. 1916. Д. 6, литера Г, вход. 9217.

План Крестовского острова 1913 года.
1. Крестовский лаун-теннис клуб; 2. Место первого адреса семьи Макферсон; 3. Гребной клуб «Стрела» и последний адрес семьи Макферсон

дателя Всероссийского союза гребных обществ и председателя Всероссийского союза футбол-клубов. При этом он до самой революции владел своим клубом «Стрела», где тоже устроил теннисные корты. П.Н. Столпянский[18] писал: «Из рук князя Белосельского Крестовский остров в 1910 перешел во владение особой акционерной английской компании, которая предполагала заняться усиленной эксплуатацией острова, но помешала война, потом революция»... Организация спортивных учреждений при этом не прекращалась, и 3 мая 1915 года состоялось открытие новых площадок и помещения Крестовского клуба по адресу: Петроград, Крестовский остров, Белосельский проспект, угол Батарейной дороги.

В самом начале войны, летом 1914 года, сын А.Д. Макферсона Роберт (1897–1916) покинул Россию для службы в британских войсках. Лейтенант Роберт Макферсон погиб на борту крейсера «Гэмпшир» в Северном море. Артур (1896–1973) с осени 1917 служил резидентом английской разведки в Риге и затем выехал в США. А.Д. Макферсон работал в военное время в «Фонде помощи» британской колонии в Петрограде. В 1919 году его арестовали, уже больного

[18] *Столпянский П.Н.* Петербургъ. Как возник, основывался и рос Санктъ-Питербурхъ. Пг.: Изд. «Колос», 1918. С. 370.

увезли в Москву, где он скончался в тюрьме от тифа. Его тело опознали английские солдаты из посольства Великобритании, но захоронили его в общей могиле[19].

В дни столетия теннисной федерации России энтузиасты-спортсмены отремонтировали могилу родителей А.Д. Макферсона на Смоленском кладбище и 24 октября 2004 года в связи с отсутствием его могилы на этом месте установили «кенотаф» в память великого петербургского организатора русского спорта.

Авторам удалось уточнить даты и обстоятельства жизни и деятельности А.Д. Макферсона, состав его семьи, найти портреты членов семьи и, наконец, определить историческую роль этой личности, впервые в истории России поставившей на службу русскому обществу значительное влияние членов императорского дома совместно с денежными средствами крупного банковско-биржевого капитала.

[19] *Фоменко Б.И.* Указ. соч. С. 170–189.

А.Д. Ерофеев
(Санкт-Петербург)

Британия в топонимике Петербурга

В моём выступлении речь пойдёт как об английских, так и о шотландских названиях. На поверку оказывается, что представителей Шотландии, так или иначе увековеченных в Петербурге, больше, чем англичан. Впрочем, начать следует всё же с Английских набережной и проспекта. Это первые топонимы в нашем городе, связанные со страной туманного Альбиона.

Предварительно хотелось бы вспомнить одну известную лондонскую улицу: Бейкер-стрит. Конечно, сразу вспоминается Артур Конан Дойль и лучший фильм о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, снятый ленинградским кинорежиссёром Игорем Масленниковым, с гениальной музыкой Владимира Дашкевича.

Но я хочу перенестись во времена более ранние. Вспомнить, как описывал эту улицу Чарльз Диккенс в «Очерках боза»:

«Скотленд-ярд — это маленькая, очень маленькая полоска земли между Темзой и садами Нортамберленд-Хаус, упирающаяся с одной стороны в конец Нортамберленд-стрит, а с другой — в Уайтхолл-Плейс. Несколько лет тому назад некий приезжий провинциал, заблудившийся на Стрэнде, случайно открыл эту землю и обнаружил на ней первых поселенцев: то были портной, два кухмистера, содержатель распивочной и пирожник. Кроме них, там проживало племя туземцев, рослых и сильных людей, которые каждое утро, часов в пять или шесть, отправлялись в Скотленд-Ярдские доки, доверху нагружали углём тяжёлые ручные тележки и расходились во все концы города, чтобы снабдить топливом его обитателей».

«Но лучшим уголком Скотленд-Ярда была старая распивочная на углу».

Когда до жителей стали доходить слухи, что лорд-мэр «без обиняков грозится снести старый Лондонский мост, а на его месте построить новый», жители С-Я сначала не придали этому значения, ибо «жители Скотленд-Ярда были совершенно уверены, что если бы лорд-мэр и в самом деле замыслил такое тёмное дело, его бы тотчас упекли в Тауэр на недельку-другую, а затем предали казни за государственную измену».

Когда стали строить, самый старый угольщик «неопровержимо доказывал, что, как только будут снесены устои старого моста, вся вода из Темзы утечёт и на месте реки останется сухая канава».

«И хотя жители Скотленд-Ярда встали на другой день в полной уверенности, что смогут теперь переходить в Педлар-Эйкр, не замочив подошв, — оказалось, к их неописуемому удивлению, что Темза течёт себе как и текла».

«Новое стало быстрыми шагами подбираться к самому порогу Скотленд-Ярда». В Хангерфорде открылся рынок, а на Уайтхолл-Плейс обосновалась сыскная полиция. Уличное движение в Скотленд-Ярде стало более оживлённым; в палате общин прибавилось депутатских мест, новые депутаты от столицы нашли, что путь через Скотленд-Ярд удобнее и короче, и многие другие пешеходы стали следовать их примеру».

Как видим, улица изменялась, название оставалось без изменений. Этого нельзя сказать о Петербурге. Если в XVIII веке изменения проходили стихийно, то с октября 1918-го всё было поставлено на поток в соответствии с идеологией.

Впрочем, всё по порядку.

Английский проспект. Это самое раннее английское название в Петербурге. Магистраль проходит от Мойки до Фонтанки, пересекая с севера на юг западную часть Коломны. 20 августа 1739 года проезду присвоили название Успенская улица, поскольку на пересечении с современной Садовой улицей предполагалось построить церковь Успения Пресвятой Богородицы. В действительности здесь возвели Покровскую церковь, уничтоженную в 1930-е годы. Наименование осталось лишь на бумаге; вместо этого с 1771 года магистраль называлась Аглинской перспективой, затем Аглинским, Англинским проспектом, с 1846 года — Английским. Причины возникновения этого имени те же, что и для Английской набережной, о которой речь впереди, — в начале проспекта, против Галерного двора, жило много английских граждан.

Помимо этого, во второй половине XVIII века существовало название Дровяная улица, но эту историю оставим в стороне. Англий-

ский проспект просуществовал до октября 1918 года, когда его переименовали в проспект Маклина.

Джон Маклúн (правильно делать ударение на втором слоге) (24 августа 1879 – 30 ноября 1923) — шотландский учитель и революционер. Кстати, сторонник независимости Шотландии. Он был марксистом, в своё время представлял Советскую Россию в Шотландии, был одним из лидеров левого крыла Британской социалистической партии. Во время Первой мировой войны Маклин занял интернационалистскую позицию, организовал ряд крупных антивоенных демонстраций, стачек, не однажды подвергался арестам, в результате был уволен из школы, в которой работал. В 1916 году он получил три года тюрьмы, выпустили его, однако, в 1917 году после массовых демонстраций.

В том же 1917 году товарищи по классовой борьбе выбрали его почётным заместителем председателя исполкома Петросовета. 15 апреля 1918 года Маклина снова арестовали — за «большевистский мятеж», приговорили в пяти годам каторжных работ, но вынуждены были отпустить под давлением мощной рабочей кампании за его освобождение.

Маклин выступал против интервенции англичан под лозунгом: «Руки прочь от России». В 1920 году левые социалисты составили ядро вновь образованной Коммунистической партии Великобритании, но Маклин в этом не участвовал из-за несогласия с радикально-коммунистическими идеями. Между тем, он был делегатом 2 Конгресса Коминтерна, который проводился в 1920 году, и с делегацией посетил Петроград. Побывал ли он на проспекте Маклина, да и вообще узнал ли, что в городе есть проспект, носящий его имя, — точно неизвестно. Скорее всего, думаю, ему об этом сказали. Вопреки правилам английского языка, название проспекта упорно произносили с ударением на первый слог, превратив шотландскую фамилию Маклин в фамилию, звучавшую вполне по-русски.

8 сентября 1994 года проспекту, как и набережной, вернули историческое название в связи с визитом в Петербург королевы Великобритании Елизаветы II.

Теперь о набережной. Она проходит по левому берегу Невы от площади Декабристов до Ново-Адмиралтейского канала. Это своего рода рекордсмен — в XVIII веке было зафиксировано 22 её названия. Первое из них, известное с 1715 года — 1-я линия ниже Адмиралтейства.

В 1777 году появляется наименование Аглинская линия. В этой части города, вблизи Галерного двора, жило много англичан — купцов и мастеров-корабельщиков. Здесь же, в современном доме № 56,

размещались английское посольство и церковь. Посольство впоследствии выехало отсюда, церковь же оставалась на месте вплоть до 1917 года. Здание постройки первой половины XVIII века было капитально перестроено в 1814 году по проекту Джакомо Кваренги. В 1876 году Ф.К. Болтенгаген несколько изменил фасад, в целом же классический облик, приданный дому Кваренги, остался прежним.

Название набережной постепенно приобретало современную форму — Аглинская набережная, Англинская, с 1829 года — Английская набережная. В это же время исчезли дублирующие наименования, и имя Английская стало официальным. В октябре 1918 года её переименовали в набережную Красного Флота. Основанием послужило то, что у набережной в ночь штурма Зимнего стоял крейсер «Аврора», отсюда он совершил свой выстрел холостым снарядом по Зимнему дворцу. Вопреки распространённому мнению, по дворцу крейсер не попал, все незначительные повреждения фасаду Зимнего были нанесены шрапнелью из орудий, стрелявших из-под арки Главного штаба и с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости.

Как я уже сказал, в 1994 году в Петербург приезжала королева Великобритании Елизавета II, и по этому случаю 8 сентября того же года набережной и Английскому проспекту были возвращены исторические названия. Самое же интересное, что возвращению имени сопутствовало установление довольно дёшево исполненных памятных досок на каждом из домов по набережной. И на здании Сената, в котором тогда работал архив, установили... первую в городе доску с грубыми ошибками. Она гласила, что возвращение названия «является примером дружбы» между нашими странами, причём в слове «является вместо «В» была буква «Б», что превращало глагол в не вполне приличное слово, а мэр Собчак был назван на японский манер Собцаком.

На пресс-конференции по случаю данного события (возвращения названия, естественно) я, извинившись за вносимую «ложку дёгтя в бочку мёда» спросил, как такое могло произойти. Мне ответили, что таблички делали... французы, не обученные русскому языку. После этого вице-губернатор Владимир Петрович Яковлев призвал считать мой вопрос не ложкой дёгтя, а изюминкой, и пригласил всех на фуршет. Ошибки исправили дня через три, много — через неделю. Но замазали грубо, неопрятно. Впоследствии эти доски вообще убрали, заменив нормальными, соответствующими высокому статусу невской набережной.

И снова поговорим об Английском проспекте. Но уже о другом, который с 1952 года носит имя героя гражданской войны Александра Яковлевича Пархоменко.

Английским он был со второй половины XIX века, хотя на карты впервые попал в 1887 году, поэтому и в Топонимической энциклопедии упомянута именно эта дата.

История такова. В 1802 году английский фермер Александр Дэвидсон предложил Александру I устроить вблизи Петербурга, по тем временам, можно сказать, в дачной местности, образцово-показательную ферму для разведения лучших пород овец и крупного рогатого скота. Сначала ферма располагалась у Чёрной речки, в районе села Никольского, близ нынешнего Красногвардейского переулка. Прежде он именовался Головиным, по имени графа-землевладельца. Дэвидсон купил эту землю. Затем участки подарил граф А.А. Безбородко, а позднее земля была куплена и у графа Кушелева. Вот последняя земля и оказалась пересечена дорогой, которая стала Английским проспектом. Но уже без Дэвидсона, поскольку затея его провалилась. Причём довольно быстро. В 1811 году участок, на котором располагалась главная усадьба, был передан Лесному департаменту. Так начиналась история Лесотехнической академии, но это тема отдельного выступления.

Так вот, проспект просуществовал под английским названием до 1952 года, когда оно уже, по мнению чиновников, не только устарело, но было неуместно и по политическим соображениям. От него веяло космополитизмом. Однако уже через 12 лет, как будто в порядке компенсации, появилась Манчестерская улица. Она проходит от проспекта Энгельса до проспекта Тореза. Первоначальное её название — Исаков переулок — известно с 1896 года и происходит от фамилии владелицы дачи «Три колодца», стоявшей в начале проезда (сейчас на её месте корпуса объединения «Светлана»). Современное наименование улицы присвоено 17 августа 1964 года в честь английского города Манчестера — побратима Ленинграда. Там же появились Дрезденская, Гданьская и Гаврская улицы.

Город Манчестер был основан римлянами, его нынешнее название — искажённое латинское Манкаструм. Castrum — значит «лагерь», значение кельтской основы «ман» расшифровать не удалось. Кстати, об английской ферме отдалённо напоминает Фермское шоссе, название которого ведётся от той самой фермы Дэвидсона.

Из британских личностей на карте города остался только Чарльз Берд. Его имя носит мост через речку Пряжку. На Матисовом острове был знаменитый завод Берда, в советское время — фольгопрокатный.

Современная улица Чернова в Невском районе прежде носила имя сына Чарльза Берда. Первоначальное её название — Бертовская. Оно возникло в начале 1920-х годов и происходило от искажённой

фамилии владельца сталепрокатного завода Егора Францевича Берда. Е.Ф. Берд был внуком Чарльза Берда, основателя династии петербургских промышленников, прибывших в столицу Российской империи при Екатерине II.

Бертовская улица была несколько длинней, чем сейчас, а 15 декабря 1952 года она ещё увеличилась в размерах — к ней присоединили Бертовский переулок, возникший тогда же, когда и улица, и шедший от Невы до Шлиссельбургского проспекта (проспект Обуховской Обороны). Но объединённый проезд получил другое имя — улица Чернова, в честь основоположника отечественного металловедения, автора теории термической обработки стали Дмитрия Константиновича Чернова (1839–1921).

Наконец, Шотландская улица. Она находится на Гутуевском острове. Её название известно с 1955 года, хотя история его происхождения относится к 1910-м годам. В ту пору здесь находился склад Шотландского акционерного общества, которое занималось морскими перевозками и продажей продовольственных товаров из Шотландии. Иногда улицу называют Шотландским шоссе.

Невозможно обойтись без сподвижников Петра I. В Пискарёвке есть Брюсовская улица. Название дано в 1908 году в честь братьев Брюсов, в ряду других улиц этой местности, получивших имена в честь сподвижников Петра I (Меншиковский, Зотовский, Шафировский проспекты).

Яков Вилимович Брюс (1670–1735), граф, генерал-фельдмаршал, представитель обрусевшего шотландского рода, был одним из самых образованных людей своего времени, занимался математикой, астрономией, физикой, составлял и редактировал карты и глобусы, оборудовал обсерваторию при Навигацкой школе в Москве. Перевёл на русский язык книгу Х. Гюйгенса «Космотеорос», проповедовавшую учение Коперника. Кроме того, Я.В. Брюс участвовал во всех походах Петра I, создавал русскую армию, в Полтавском сражении командовал артиллерией. Возглавлял Берг- и Мануфактур-коллегию, вместе с А.И. Остерманом подписывал Ништадтский мир с Швецией. Его брат, Роман Вилимович (1668–1720) был капитаном Преображенского полка — по тем временам огромная честь, ведь Пётр I до самой смерти считался всего лишь бомбардиром этого полка. Р.В. Брюс участвовал почти во всех походах Петра, а с основанием Петербурга в чине генерал-лейтенанта возглавил оборону города от шведских войск. Позже он перестраивал Петропавловскую крепость из земляной в каменную и стал её первым обер-комендантом.

Последняя британская в топонимическом плане находка — Белевское поле. Этимология этого названия прояснилась совсем не-

давно благодаря краеведу Вере Фёдоровне Андрейчевой. Она выяснила, что огромными участками земли в селе Александровском владел Джон Белль. От его-то фамилии и повелось название Белевского поля. Затем в 1993 году, когда поля не стало, топоним практически исчез, новая пробивка между улицей Цимбалина и проспектом Александровской фермы получила название Белевского проспекта. Как автор этой идеи, скажу, что жалею о своём тогдашнем предложении. Эту дорогу трудно назвать проспектом. Верней было бы назвать Белевской дорогой или Белевским шоссе. Но, как известно, в нашем городе каждый переулок стремится стать проспектом.

Я начал выступление с цитаты Диккенса. Завершить хотел бы тоже обращением к английской литературе. В одном из самых известных рассказов Гилберта Кийта Честертона «Сломанная шпага» священник отец Браун говорит о генерале Сент-Клере: «Он — кумир всей округи; добрая половина гостиниц, парков и улиц названа в честь генерала и его подвигов... Столетиями его мраморные статуи будут вдохновлять души гордых наивных юношей. А его сельская могила станет символом верности...»

В действительности же генерал Сент-Клер был не героем, а предателем. А вспомнить об этом надо, потому что, говоря о личностях, так или иначе увековеченных в памятниках, будь то монументы или названия улиц, мы часто начинаем оценивать исторического персонажа. Естественно, с сегодняшних позиций и исходя из дошедших до нас свидетельств. Честертоновский отец Браун обещал молчать о том, что знает правду о генерале, если всё «ограничится незаслуженным восхвалением», но заговорит, если в его смерти станут обвинять невинных людей.

И потому в своём выступлении я воздержусь от каких-либо оценок британцев, перечисленных в моём выступлении.

Х. Граля
(Польша)

Россия – Англия – Польско-Литовское государство: Посольство Осипа Непеи в Лондон и ягеллонская дипломатия (1557 год)

Зарождение дипломатических отношений между Российским государством и Англией в эпоху Ивана IV Грозного (миссия Ричарда Ченслора в Москву — октябрь 1555 года и ответная миссия Осипа Непеи в Лондон — февраль–апрель 1557) совпало с обострением политической обстановки в Балтийском регионе: русско-шведской войной (1554–1557) и дипломатическим наступлением Москвы на Ливонию (с 1554), которое сильно беспокоило её ганзейских партнёров и союзников в Немецкой империи, а также главного регионального конкурента Российской державы — Польско-Литовское государство. Предлагая английской короне «любовь и соединение» русский царь надеялся на конкретные эффекты сближения. В первую очередь на военное снаряжение и специалистов, которых получить в Европе другим путём оказалось невозможным из-за ганзейской солидарности и блокировки соседями московских границ.

Исключительно важным элементом «английской политики» Ивана IV стала именно упомянутая выше миссия Осипа Непеи, отправленного в Лондон вместе с первым посланником английской короны — Ричардом Ченслором. Российское посольство направлялось в

отдалённую и малоизвестную страну с очевидной целью создать основы политическо-экономического альянса, а при случае заполучить определённое количество военной техники и заманить на царскую службу заморских «умельцев» — опытных ремесленников с Запада. Происки «московитов» были с большим интересом встречены представителями лондонского купечества и английской аристократии, ибо слухи о богатствах «Северной страны», об изобилии в ней пушнины и других богатствах побудили энергичных и находчивых англичан создать Московскую торговую компанию (февраль 1555)[1].

Миссия Осипа Григорьевича Непеи — одарённого купца «вологжанина», который и в будущем (уже как дьяк) будет играть не последнюю роль в налаживании русско-английских связей, — неоднократно привлекала внимание исследователей, из-за скудности русских источников почти полностью обречённых на свидетельства источников английских[2].

Ягеллонская дипломатия традиционно предпринимала в Лондоне энергичные действия, чтобы не допустить продажу в Россию во-

[1] См.: *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester 1953; *Он же.* The Early History of Russia Company 1553–1603. Manchester 1956. Ср. также: *Любименко И.И.* История торговых сношений России и Англии. Юрьев, 1912. Вып. 1. XVI-й век. С. 30–31; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 169–170, 200–201.

[2] *Baron S.* Osip Nepea and the Opening of English-Russian Commercial Relations // Oxford Slavonic Papers. N.S. T. XI. Oxford, 1978. S. 42–63; ср.: *Любименко И.И.* Указ. соч. С. 67; *Willan T.* The Early History of Russia Company 1553–1603. С. 15–18, 28; *Лурье Я.С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 426–429. О карьере Непеи см. также: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 135; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 462, 467.

енного снаряжения (миссия Войцеха Крыского — 1555[3]). В условиях заметного интереса английских купцов к торговле с Россией (Московская компания) весьма целесообразным было внимательное наблюдение за ходом лондонских переговоров. Из ряда донесений, которые дошли до Вильнюса и Кракова, подробностью и точностью выделяется анонимное «Содержательное и короткое описание великолепия с каким московский посол въехал и был введён в Лондон, а также какими поминками был одарен и чествован самой королевой и лондонскими купцами» *(Summaria et brevis descriptio pompae, qua Moschoviticus legatus Londinum ingressus et introductus ac quibus muneribus cum a regina ipsa tum etiam mercatoribus Londiniensibus est donatus atque exceptus etc.)*[4].

Источник, на существование которого автор этих слов указывал уже двадцать лет назад[5], сохранился в составе составленного в канцелярии Сигизмунда II Августа сборника документов, касающихся «Ливонских дел» за 1556–1557 годы, который вошёл в состав королевской библиотеки как своего рода *сумма* свидетельств о ягеллонской политике тех лет в Ливонии и представляет собой обширное донесение хорошо осведомлённого дипломатического агента-очевидца[6]. Данный материал содержит подробное описание торжественного въезда царс-

---

[3] *Jasnowski J.* England and Poland in the XVI and XVII centuries (Political relations) // Polish Science and Learn. Newton, 1948. № 7. S. 12–13; *Żelewski, R.* Kryski Wojciech // Polski Słownik Biograficzny. T. 15. S. 488–450. Примечательно, что весной 1555 года Ягеллон с предложением антимосковского военного альянса направил к шведскому королю Густаву I Вазе своего посланника Херонима Маковецкого, который недавно вернулся из посольства в Лондоне к королеве Марии. См.: *Jasnowski J.* Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565). Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Oświęcim, 2014 (переиздание публикации от 1939). S. 97–98. На обратном пути Маковецки задержался в Любеке, чтобы примирить ганзейских купцов с их гданьским конкурентом Фентцлом, якобы наносящим вред их интересам в Лондоне.

[4] Biblioteka Jagiellońska w Krakowie, Rkp. № 58 («Rerum Livonicarum liber continens acta 1556–1557»). Л. 183–185 об.

[5] *Граля И.* Указ. соч. С. 325–326.

[6] О рукописи см.: Wisłocki W. Katalog rękopisów Biblioteki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Cz. 1. Rękopisy 1-1875. Kraków 1877–1881. S. 19. Долгое время в историографии держалось авторитетное мнение Владислава Кентжинского, который связывал появление данного сборника с деятельностью известного историка и архивиста, составителя монументальной коллекции «Acta Tomiciana», каноника Станислава Гурского. См.: *Kętrzyński W.* O Stanisławie Górskim kanoniku płockim i krakowskim i jego dziełach // Roczniki Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. T. VI. Poznań, 1871. S. 126. Более обоснованной кажется позиция В. Хоронжычевского, согласно которой появление сборника надо связывать с личной инициативой самого Сигизмунда II Августа, который под влиянием трудов Гурского приказал собирать документы своего правления (о принадлежности кодекса к личной

кого посла в Лондон, его приёма на королевском дворе, а также информацию о последствиях его миссии. В связи с утратой российской посольской книги, содержащей документацию миссии Непеи, её ход известен нам только по английским источникам[7]. Поэтому ценность

библиотеке монарха свидетельствует наличие королевского суперэклибриса). См.: *Chorążyczewski W.* Prywatne archiwa w Polsce XVI wieku // Archiwa —Kancelarie — — Zbiory. Toruń, 2010. № 1(3). S. 36–37, 43. Стоит добавить, что данный сборник существует в другой редакции второй половины 1580-х годов из собрания Библиотеки Польской Академии наук в Курнике, предполагаемым заказчиком которой был Анджей Опалинский: Biblioteka Kórnicka PAN. Rkp. 263 (Acta Livonica A.D. 1556–1557). Упомянутый выше рассказ о русском посольстве в Лондоне, см.: K. 231v–233. И в ещё одной более поздней копии из собрания той же библиотеки, см.: Biblioteka Kórnicka. Rkp. 264 (*Acta Livonica Seu Epistolae Legationum, tum Responsa Sigismundi Augusti Regis Poloniae obstante motu Cruciferorum seu Equitum Ordinis Theutonici, tum confederatio contra inclitum Regnum Poloniae durante revolutione ab Ano. 1555. usque ad septimum. Quem Librum in Biblioteca Lubartoviensi Celsissimi Ducis Pauli Lubartowicz Sanguszko Supremi Mareschalci Magni Ducatus Litvaniae in manuscripto inventum a me Alexio Comite in Skrzynno Dunin Referendaride Regni perscribi demandatum. Ano. 1737.*); известие о русском посольстве см. там же: P. 368–370, ср.: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=121164&from=FBC (электронный ресурс — доступ 20.02.2015). Последняя рукопись восходит к 1737 году, а её появление через почти два века после описываемых событий надо связывать с деятельностью бывшего регента колонной канцелярии и референдария Якуба Дунина, вопросом ленна Речи Посполитой (1726) и смертью последнего из династии Кетлеров — принца Фердинанда (1737), что окончательно привело по требованию Анны Иоанновны к передаче курляндского престола Эрнесту Иогану Бирону (1740) как вассалу польской короны. Ценность «ливонского» сборника подчёркивают отдельные публикации Александра Филюшкина. См.: Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 680–686; см. также: *Попов В.Ю., Филюшкин А.И.* «Война коадъюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1/2 (5/6), С. 159, 162; *Они же.* Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонском ордену в 1557 г. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени / Гл. ред. А.В. Малов. М., 2011. Вып. 2. С. 192–201. К сожалению, авторы всех этих публикаций пользуются исключительно упомянутыми выше копиями сборника, не указав при этом на их метрики.

[7] *Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques et Discoveries of the Englisg Nation. Vol. II. Glasgow, 1903. P. 356–367. См. также довольно сжатый рассказ хроники Рафаэля Холиншида (http://www.english.ox.ac.uk/holinshed/texts.php?text1=1587_8561 — электронный ресурс, доступ 20.02.2015). Ср.: *Stowe J.* Annals of England. S. l. 1603. P. 1064–1067. Об отсутствии в архиве Посольского приказа статейного списка Непеи и других документов, относящихся к истории русско-английских переговоров вплоть до 1581 года см.: *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 427–431; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. Н.М. Рогожин. М., 1990. С. 62. Определённую информацию содержит летописный рассказ о возвращении царского

исчерпывающего донесения ягеллонского информатора для истории русско-английских переговоров в середине XVI века остаётся бесспорной, а вопрос о его публикации кажется весьма актуальным[8].

Рассказ о визите российского посла содержит подробную информацию о масштабных торжествах, связанных с церемонией въезда *(ingressus)* царского посланника в английскую столицу 27 февраля 1557 года, о проявленном к «московиту» уважении со стороны королевы Марии и её подданных, что нашло отражение в богатых подарках.

Согласно донесению, российское посольство въехало в Лондон со стороны Smitfiel, где гостей ожидал бургомистр *(maior)* и весь городской совет *(senatus)* в сопровождении королевских дворян. Помехой для первой встречи не стала плохая погода и сильный мороз *(in magna a?ris intemperie geluque acutissimo)*, на котором хозяева простояли более двух часов. Во время первой встречи посол получил от столичных купцов богатые подарки, в том числе две породистые лошади с ценным нарядом *(erant enim equi isti stragulis aureis ad imum usque insigniter ornate)*, украшенным золотом и жемчугом *(margaritis et auro)* и богатую одежду. Учитывая, что посол лишился всего своего багажа во время кораблекрушения у берегов Шотландии, кажется, что данные подарки имели не только символическое значение.

Кортеж, который сопровождал посла в его лондонскую резиденцию — дом Джона Темака *(Joannem Themack)*, — составляли два отряда лондонских купцов (насчитывающие 60 и 40 всадников), многочисленная группа королевских дворян *(cubiculariis reginae et nonnulli alii, quos ipsi pensionarios appellant)*, за которыми следовали члены московского посольства. Самому послу составляли компанию два английских сановника: с правой стороны — от имени королевы Марии — *(vicecomes de Montagne dominus ab Gartwen*[9]*)*, а с левой — мэр столицы *(maior Londinensis*[10]*)*. За ними следовал известный путеше-

---

посланника Осипа Непеи «от Филипа короля Испанского и Английского и от королевы Марии из Лунска», см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 285–286; Т. 29. С. 258.

[8] Критическая публикация всех имеющихся вариантов указанного сообщения готовится в данный момент автором этой публикации и др. Мареком Яницким, которому, пользуясь случаем, выражаем благодарность за ценные замечания и советы.

[9] Antony Brownie, vicecount Montagu — один из ближайших советников королевы Марии, см.: *Elzinga J.G.* Browne, Anthony, first Viscount Montagu (1528–1592) // Oxford Dictionary of National Biography (online ed.). Oxford University Press, 2004 (http://www.oxforddnb.com/index/3/101003667 — электронный ресурс, доступ 20.02.2015).

[10] Sir Thomas Curteys — см.: http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1509-1558/member/curteys-thomas-1502-59 (электронный ресурс, доступ 20.02.2015).

ственник Себастьян Кабот, вместе с переводчиком посла *(legati interprete*[11]*)*. Кортеж завершала сотня слуг лондонских купцов.

Стоит отметить, что автор сообщения обратил внимание на необычные для латинского мира наряды «московитов», одетых «по-русскому обычаю» в длинные платья, красные сапоги и белые колпаки *(vestibus oblongis, ocleis rubeis et albis pileis, Ruthenorum more vestiti)*[12].

Донесение содержит немало ценных подробностей о торжественном приёме посла у королевы Марии, в том числе подробный перечень полученных им по случаю прощальной аудиенции 14 апреля подарков, среди которых выделяются два льва — самец по имени Эдвард и самка Елизавета *(leone, quem Edwardum, et leaena, quam Elisabetham cognominare solita fuerat)*, лёгкие доспехи миланской работы, когда-то заказанные для короля Генриха VIII *(chlamydem militarem ex lamine chalybeio contextam et holoserico viridi obductam, clavis argenteis undique insutis, quam vestem Mediolanenses regi Henrico octavo parasse dicuntur)*, драгоценные ткани и золотая цепь стоимостью в 600 дукатов *(cathenam auream sexcentorum ducatorum)*[13].

---

[11] Переводчиком царского посланника был Роберт Бест, см.: *Allinson R.* A Monarchy of Letters. Royal Correspondence and English Diplomacy in the Reign of Elizabeth I. New York, 2012. P. 114.

[12] С данным описанием перекликается графическое представление посольства Ивана IV в Регенсбург в 1576 году (гравюра Михаеля Петерле), см.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt/M, 1972. S. 287–289 (Il. 9a–9c); ср.: *Bojcow M.A.* Die Erlebnisse der Vertreter Ivans der Schrecklichen auf dem Reichstag zu Regensburg im Jahre 1576 und ihr Nachwirken // Bayern und Russland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Grossen. Hrsg. A. Schmidt. München, 2012. S. 230–231.

[13] Информация «Res Livonica» перекликается с донесением русских летописей, см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 286: «король Филип и королева Мария с великой любовною почестю и в поминках прислали царю и великому князю льва да львицу живы, да король прислал доспех свой полон да скморлаты и отласы многие». Ср. также: ПСРЛ. Т. 29. С. 258. Как видно, данные ягеллонского источника значительно пополняют переданные в летописи посольские отчёты, в том числе позволяют узнать имена львов (весьма пикантно, что имена зверей совпадают с именами сводных брата и сестры королевы Марии — покойного короля Эдварда VI и будущей королевы Елизаветы I), изображение которых украшает рассказ Лицевого Летописного свода о миссии Непеи, см.: ГИМ. Синод. 962. Л. 308–308 об.; ср.: ЛЛС. Синодальный том. Л. 308–308 об. Издание: Лицевой летописный свод. М., 2006. Кн. 9. С. 615. Согласно ягеллонскому источнику может показаться, что подарки были предназначены для посланника *(reginalis maiestas ... donavit eum)*, но их исключительный характер (лев — король зверей; «*скорлаты*» — багряница) доказывает, что в данном случае имеем дела с подарками монархов для монарха. Ср. также: *Никитина Л.А.* Английские хроники о титуле русских царей // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвящённых 70-летию

Для представления о самой атмосфере вокруг российского посольства большое значение имеет фрагмент донесения с информацией о готовности со стороны лондонских купцов возместить послу все его потери и расходы (употребляемый в документе термин «adventarii» соответствует русскому понятию «гости») и о различных пирах и зрелищах, которые хозяева устраивали в честь царского дипломата.

Донесение содержит точную дату отбытия Непеи на родину (12 мая 1557) и описание сопровождавшей его английской эскадры, в состав которой входили — кроме флагманского судна — три хорошо вооружённых и оснащённых военной техникой корабля[14].

Льва Владимировича Черепнина. М., 1975. С. 176–177. Другое дело, что посланник и так обязан был передать в царскую казну полученное им «жалование» иностранного монарха, см.: *Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 121. Об изображении посольства Непеи на миниатюре ЛЛС, см.: *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 97–98 (на стр. 97 — прорись миниатюры); *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982 (= Литературное наследство. Т. 91). С. 18–20 (на стр. 19 — воспроизведение миниатюры), 91; см. также: *Алексеев М.П.* Англия и англичане в памятниках Московской письменности XVI–XVII вв. // Уч. записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 15. Л., 1947. С. 65.

[14] Ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 286: «Да отпусти [король. — *Х.Г.*] с Непеею мастеров многих дохторов и злату и сребру искателей и делателей». Информацию о снабжении московского посольства вооружением содержит также отчёт французского резидента в Венеции, ибо дипломатия дома Валуа расценивала это в контексте восточной политики Ивана IV, как доказательство агрессивных намерений русского монарха в отношении Османской империи, традиционного союзника Франции. См.: *Charriere E.* Negotiations de la France dans le Levant ou correspondences, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France. Vol. II. Paris, 1850. P. 449–450; ср.: *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 427–428; *Граля. И.* Указ. соч. С. 326. Именно донесения из Италии *(Nova ex Italia)* повлияли на содержание письма королевского секретаря Траяниуса Провано, который 22 августа 1557 года, сообщал герцогу Альбрехту Прусскому: *«Orator Moscorum discessit et Lundino Angilae X Mai cum quattor navibus, oneratis variis mercaturis artificibusque, medicis, bombardarum magistri et pixidum, una cum materia ad conficiendas eas»*, см.: Elementa ad Fontium Editiones. T. L: Documenta ex Archivo Regimontano ad Poloniam spectanta. XX Pars. 1549–1568. Ed. C. Lanckorońska. Romae, 1980. № 574. P. 106; ср.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 200–201. О слухах о масштабном завозе посольством Непеи в Москву военного снаряжения см. также: *Гамел И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 65. Учитывая, что высылка данных товаров в Россию являлась прямым нарушением обещаний со стороны английской короны, данных летом 1555 года посланнику Сигизмунда II Августа (ср.: *Jasnowski J.* England and Poland in the XVI and XVII centuries. S. 13), понятным становится конфиденциальный характер переговоров Марии и Филиппа с Непеем, о чём свидетельствует довольно энигматическая фраза в их послании Ивану IV: «В настоящее время воздерживаемся писать Вам более пространную грамоту и просим, чтобы Вы дали веру в остальном тому, что скажет тот Ваш посланник»,

В сравнении с авторитетным и наиболее подробным описанием торжеств в фундаментальном труде Гаклюйта и с намного более лаконичным свидетельством «Annals of England» — ягеллонское донесение содержит немало ценных, неизвестных по другим источникам подробностей[15].

Отдельным вопросом остаётся большой международный резонанс посольства Непеи, который объясняет само появление источника. Если в случае миссии Ричарда Ченслора (1555) европейская дипломатия была обречена на слухи и догадки (иногда весьма фантастические), чему способствовало начало русско-шведской войны, привлекшей пристальное внимание многих европейских дворов[16], то обмен официальными посольствами между Иваном IV и королевой Марией и её габсбургским мужем Филиппом делал ситуацию намного серьёзнее.

Русско-английские переговоры могли беспокоить Францию, которая в попытках российской стороны обеспечить себе поставки военной техники усматривала опасность для своего традиционного союзника — Османской Порты. Но в первую очередь посольство вызывало понятный интерес у ближайших соседей Москвы — Ливонского ордена и Польско-Литовского государства.

Наконец, в объяснении нуждается само появление ягеллонского донесения. Анализ всего комплекса существующих английских источников по пребыванию посольства Непеи в Лондоне зимой–весной 1557 года позволяет дать высокую оценку работе информатора польского короля. Учитывая, что *Summaria et brevis descriptio pompae* в немалой степени напоминает полуофициальный *«A discourse of the honorable receiving into England of the first Ambassador from the*

см.: Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты, собрания, переписанные издания Ю. Толстым. СПб., 1875. № 4. С. 17; ср.: *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 427–428. В будущем — уже после воцарения Елизаветы I — слухи об английских военных поставках для «Московии» стали в Западной Европе ещё более интенсивными, см.: *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII вв. Т. I. СПб., 1889. С. 142–143; *Donnert E.* Der livländische Ordensritterstaat und Russland. Der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 258–261.

[15] *Hakluyt R.* Op. cit. P. 357–367 (существует также версия электронного ресурса, см.: https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v03/chapter18.html — доступ 25.12.2014); *Stowe J.* Annals of England. P. 1064–1067; ср.: Рассказ хроники Рафаэля Холиншида, (http://www.english.ox.ac.uk/holinshed/texts.php?text1=1587_8561 — электронный ресурс, доступ 20.02.2015). См. также: Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. С. 10–11.

[16] Примечательной кажется энергия, с какой наблюдал за активностью московской дипломатии Альбрехт Прусский, см.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 170–171.

Emperor of Russia /.../», составителем которого является «Master John Incent Protonotarie»[17] — вне сомнения ветвь известной семьи чиновников, приближённых к королевскому двору, вряд ли можно зачислить данное донесение в разряд описания любопытных событий случайным наблюдателем-иностранцем, вроде гданьского купца, приехавшего в Лондон ради своих торговых дел.

Автор донесения имел — как легко можно убедиться — более точный источник информации, чем французские и итальянские дипломатические агенты[18]. Вероятно, источник сообщения мог происходить прямо из английской королевской канцелярии, что связано с наличием в ней (причём именно у «московских» дел) людей, знающих польский язык. Об этом свидетельствует весьма знаменательный факт: ответ Марии I русскому царю был подготовлен на трёх языках: греческом, итальянском и польском![19]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Summaria et brevis descriptio pompae, qua Moschoviticus legatus Londinum ingressus et introductus ac quibus muneribus cum a regina ipsa tum etiam a mercatoribus Londiniensibus est donatus atque exceptus etc.

Anno ab icarnatione Christi MD LVII, die vero XX VII maior et universus senatus civitatis Londinensis una cum reliquis sibi a regina adiunctis equitibus, legatis Moschoviticis ad Schmidtzfeldt usque obviam processerunt, commorantes ibidem ad duas ferme integras horas in magna a?ris intemperie geluque acutissimo.

Cumque iam ad urbem accederent legati, benigne et comiter sunt excepti, quibus ea quae sequuntur munera a negotiatoribus Londinensibus gratulandi causa sunt oblata:duo egregii atque praestantes equi phalerati, qui una cum phaleris et ornamentis suis centum librarum pretio aestimati sunt (erant enim equi isti stragulis aureis ad imum usque insigniter ornati); item stapedes, capistra, fraena et reliqua ornamenta, quae tam a fronte, quam a tergo propendebant, margaritis et auro ita distincta adornataque fuerunt, ut multum splendoris attulerint; item ocreas auro obductas, vestem quoque atque pallium ex panno aureo et 24 nodulos sive nexus aureos eidem legato donarunt.

Quo ordine urbem sint ingressi

---

[17] См. *Hakluyt R.* Op. cit. P. 356–367.

[18] См. сноска 14.

[19] *Allinson R.* Op. cit. P. 114.

Primo loco equitarunt sexaginta mercatores Londinenses vestitu nigro ac sericis fimbriis circumducto induti, gestantes pileos, cingula atque vaginas ex serico villoso, item cathenas aureas.

Hos deinde secuti sunt adhuc quadraginta negociatores opulentiores et potentiores induti et oranti vestibus holosericis; item pileis, cingulis et vaginis ex holoserico et cathenis aureis.

Tertio loco secuti sunt nonnulli ex cubiculariis reginae et nonnulli alii, quos ipsi pensionarios appellant, etiam vestibus holosericis induti cathenisque aureis ornati.

Quarto sequebantur septem equites, ministri Moschovitici legati, vestibus oblongis, ocleis rubeis et albis pileis, Ruthenorum more vestiti.

Quinto viginti seniores una cum duobus notariis, qui etiam oblongis vestibus purpureis induti cathenisque aureis ornati fuerunt.

Postea ductus est equus phaleratus vacuus absque sessore, quem, ut antea dixi, negotiatores Londinenses Moschovitico legato honorarii muneris loco praesentarunt.

Deinde secutus est legatus Moschoviticus, cuius dextrum latus vicecomes de Montagne dominus ab Gartwen, reginae nomine, sinistrum vero latus maior Londinensis, civitatis nomine in incessu occupavit.

Hos secutus est capitaneus Cabottus una cum legati interprete.

Postremo tandem secuti sunt centum ministri negotiatorum Londinensium satis splendide etiam et insigniter ornati, habentes pileos sericos alteraque manu singuli hastam tenentes.

Hac tam honorifica pompa et comitatu legatum in urbem deduxerunt eumque per ea loca, ubi naves erant expositae et ubi varia genera mercium tam ex auro quam argento magnifice elaborata et admiratione digna in ipsius honorem spectandi causa undique ex locis aeditioribus erant proposita, in hospitium usque, quod erat apud Joannem Themack prosecuti sunt.

Negotiatores autem, quos adventarios appellant, ei promiserunt restitutionem omnium sumptuum, quos in itinere iam fecisset et adhuc facturus esset.

Item regina eum iisdem muneribus donavit, quibus ipsa ab Italis in suo adventu fuerat donata.

Et cum legatus in aulam fuisset accersitus comitati sunt eum praecipui mercatores, qui curarunt, ut omnes reginae ministri a guardia in ordine ceu statione quadam a cubiculo reginae usque ad inferiora aeque loca constituti advenientem legatum expectarent, quo ipse per medium quasi agmen summa cum dignitate atque honore arcem ascenderet.

Ad haec reginalis maiestas cum iam rebus omnibus expeditis legatum ad decimum quartum diem Aprilis dimissura esset pluribus adhuc eum muneribus affecit. Nam donavit eum leone, quem Edwardum, et leaena, quam Elisabetham cognominare solita fuerat. Item tribus egregiis

pannis Anglicis optimi et tenuissimi fili coloris diversi. His addidit cistam quadra tam in qua repositi fuerunt duo panni aurei et duo argentei, praeter alios preciosos pannos varii generis, utpote panni holoferici, Damasceni, undulati et id genus alii complures. Addidit etiam sagum sive chlamydem militarem ex lamine chalybeio contextam et holoserico viridi obductam, clavis argenteis undique insutis, quam vestem Mediolanenses regi Henrico octavo parasse dicuntur.

Donavit eidem quoque cathenam auream sexcentorum ducatorum. Nec solum muneribus tantis eum tum advenientem, tum discedentem ornarunt, sed etiam hoc toto tempore quo Londini moratus est, conviviis frequentibus magnificeque extructis eum exceperunt multisque ludicris rebus et spectaculis iucundissimis exhilararunt.

Die vero XII Maii navem summo mane sunt ingressi et tribus navibus, bombardis et aliis militaribus instrumentis bene munitis, rursus in regionem suam traiecerunt.

Ф.-Д. Лиштенан
(Франция)*

Пребывание Петра I в Англии: фактор дипломатического беспокойства?

Перед тем как обратиться к избранной мной теме, следует сказать несколько слов о состоянии материалов и документов, хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел в Ла-Курнев. Политическая и дипломатическая переписка, относящаяся к Петру I, в нём, можно сказать, не классифицирована, и мы находим документы, датированные 1698-м годом, в разных папках. Переснятые на микрофильмы, они особенно трудны в обращении. Иначе говоря, этот доклад является лишь первой попыткой их изучения, за которой должны последовать более систематические исследования массива документов, где в разделах «Политическая переписка» и «Докладные записки и документы» послания французских дипломатов, работавших в Лондоне, несомненно, являются наиболее информативными[1].

Готовясь к своей первой поездке на Запад, Пётр намеревался посетить Францию[2]. Однако во Франции он нежеланный гость. Его недавняя победа над турками под Азовом нарушает политические планы Версаля, давнего союзника Оттоманской Порты. Молодой царь «ещё не так славен и силён», чтобы Людовик XIV мог забыть своё неудовольствие. К этому следует добавить польский вопрос:

---

* Пер. с фр. М.Г. Щербины.

[1] Архив Министерства иностранных дел, Ла-Курнев, Политическая переписка, Англия, т. 174, т. 175, т. 176, т. 177, дополнение к т. 178, т. 192, т. 193, т. 200, т. 201, т. 202, т. 203, т. 204, т. 205, т. 206, т. 207 и т. 208. Дополнение Англия, т. 3.

[2] См.: *Гузевич Д.Ю.* Великое посольство и Франция (1697–1699): неиспользованные возможности и начало контактов // Французы в научной и интеллектуальной жизни России, XVIII–XX вв. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 77–86.

Франция относит на счёт России свою неудачу в выдвижении кандидатур принца Конти из дома Бурбонов и Станислава Лещинского на польский трон. Правда и то, что на Западе достаточно редки заграничные поездки коронованных особ. Последние встречаются за кулисами военных баталий, оставляя дипломатам вопросы церемониала и протокола. Пётр инициирует новую форму дипломатии, которая устанавливается между монархами или главами государств, выходя за рамки компетенций послов и дипломатов. Его путешествие по Западной Европе представляет собой решительный разрыв с московскими традициями и нарушает патриархальные запреты. В не меньшей мере оно смущает министерские кабинеты Габсбургов, Бурбонов, Гогенцоллернов и принца Оранского.

Располагаясь на противоположных краях Европы, Франция и Россия непрерывно противодействуют друг другу в Польше, Константинополе, в Святых Местах и, вскоре, в Швеции. Нелюбимый царем Патриарх Московский Адриан предупреждает Петра: французы в Иерусалиме «ведут себя хуже турок, разграбили Гроб Господень, захватили половину Голгофы, разбили православные иконы и Святой престол»[3]. Пётр уже характеризуется в это время как союзник всех противников Франции, и, похоже, что его поездка подтверждает данный факт. Он посещает Бранденбург, имперские города и Польшу, подвластную королю Августу, — заклятому врагу союзников Людовика XIV, Оттоманской Порты и, вскоре, по настойчивым слухам, Швеции. К этому добавляется сложная международная ситуация, поскольку Европа раздираема войнами, а Версаль противится возведению на английский престол протестантского принца Вильгельма Оранского[4].

В то время, когда Пётр отправился с Великим посольством, Европа покрыта пеплом пожарищ. Продолжается война Аугсбургской лиги, в которой весы начинают склоняться в сторону Франции. В конфликт с Людовиком XIV вовлечены английский король и штатгальтер Нидерландов Вильгельм III, император Священной Римской империи Леопольд I, король Испании Карл II, герцог Савойский Виктор-Амадей II, а также немецкие князья и курфюрсты. Дей-

---

[3] *Rambaud Alfred.* Recueil des Instructions données aux Ambassadeurs et Ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française: 1648–1789 (*Альфред Рамбо.* Собрание инструкций, выданных послам и министрам Франции с Вестфальского трактата до Французской революции: 1648 по 1789 год). Russie, t. I. Paris: F. Alcan, 1890. P. 91–92.

[4] *Bély Lucien.* Les Relations internationales en Europe: XVII–XVIIIe siècles (Бели Люсьен. Международные отношения в Европе: XVII–XVIII вв.). 3e éd. Paris: Presses universitaires de France, 2001. P. 355 sq. (Themis-Histoire).

ствия коалиции невыгодны для России: судоходство по Северному морю заблокировано, и ни одно торговое судно не может дойти до Архангельска. Кроме того, не завершён конфликт с Оттоманской Портой: Азовская победа Петра (1796) остается неустойчивой, и царь пытается упрочить существующие союзнические связи или завязать новые для «борьбы с басурманами».

Несмотря на желание сохранить поездку в тайне, передвижения царя ни для кого не были секретом. Однако до прибытия Петра в Голландию поездка не вызывала дипломатических волнений: его встреча с курфюрстом бранденбургским и будущим королем Пруссии Фридрихом прошла незаметно, а в Голландии переговоры с Вильгельмом Оранским не привлекли внимания шпионов. В исторических описаниях слишком часто почти мифическое пребывание Петра в Голландии сводится, в основном, к работе на судостроительных верфях, посещению анатомических кабинетов и беседам с философами и деятелями церкви. Несмотря ни на что, поездка в Голландию сопровождается неудачей. Пребывание Петра в Амстердаме отмечено трудностями, связанными с военными действиями. Царь хочет закупить 70 парусных военных кораблей и 100 галер для своего будущего флота, в чем ему было отказано! Аргумент властей заведомо лжив: мол, война Аугсбургской лиги истощила ресурсы страны, которая потеряла слишком большую часть своего флота и испытывает финансовые затруднения для его пополнения. В 1697 году, исчерпав свои экономические ресурсы, враждующие стороны ищут выход из затянувшегося конфликта. Передача целой армады кораблей противнику Оттоманской Порты, одного из ближайших союзников Версаля, создавала угрозу возобновления военных действий. Для штатгальтера, носившего одновременно титул короля Англии, речь шла, прежде всего, о защите границ Соединенных Провинций. Для этого надо было блюсти интересы Версаля. При посредничестве Швеции в мае 1697 года во дворце Вильгельма III в Рисвике открылась мирная конференция. Пётр понимает, что его страна желанна в качестве военного союзника, но также и то, что никто не приглашает его вмешаться в европейские дела, логика которых, похоже, ему недоступна, хотя только внешне. Интересы старого континента не могут безоговорочно соответствовать геополитике России. В этом щекотливом контексте судьба восточных христиан, служившая движущей силой первых военных кампаний, никого больше не интересует[5].

[5] *Liechtenhan Francine-Dominique*, Pierre le Grand, tsar et empereur de l'ouverture (*Лиштенан Франсин-Доминик*. Пётр Великий, царь и император открытия). Paris: Tallandier, 2015, готовится к выходу.

Охлаждённый отказом продать ему корабли, Пётр отправляется в Гаагу, на несколько месяцев ставшую столицей старого континента, куда съехались послы и полномочные представители коронованных особ с поручением обсудить достойный выход из войны Аугсбургской лиги. Вся необходимая информация стекается к этому городу. Русский царь надеется оценить сложившуюся конъюнктуру. Достаточно проявить внимание, чтобы понять, каковы основные цели дипломатов на данный момент, завязать знакомства с закулисными воротилами международной политики и оценить их интриги. Одновременно Пётр продолжает свою игру в прятки, то скрываясь за анонимной личностью, то желая быть узнанным и почитаемым. Он пользуется ей, чтобы проверить, какова будет реакция на его возможное нападение на Швецию. Ещё никогда ни один русский монарх не был в таком окружении! Он встречается с английским, датским, польским, шведским, австрийским и бранденбургским посланниками. Пётр избегает, однако, любых контактов с дипломатической миссией Франции, союзницы оттоманских турок[6]. Особым его вниманием пользуется представитель Августа II. Происходят их секретные встречи. В миссиях открыто обсуждают то, каковы могут быть истинные намерения гостя из Московии. Царь благосклонно относится к незамедлительному заключению мира, так как это позволяло императору Священной Римской империи Леопольду I возобновить войну с турками. 20 сентября Франция и морские державы подписали Рисвикский мир. Но, к великому неудовольствию Петра, Леопольд I продолжал военные действия. В конце концов, при невозможности сопротивляться давлению Франции и вести войну на два фронта, 20 октября Вена уступила, и, в свою очередь, ее представители также подписали договор. Версаль тут же воспользовался этим, чтобы внести в него дополнительное условие: оно касается свободы культовой обрядности католиков, оставшихся проживать на уступаемой Францией территории. Ущемление свободы их верования и литургии будет приравниваться к *поводу для объявления войны*! Таким образом, мир оказывается сомнительным! Раздосадованный царь пишет оставшемуся в Москве Андрею Виниусу: *«Дураки зело ради, а умныя не ради, для того что Ѳрацузъ обманулъ, і чаютъ въскоре опять войны»*[7]. Что это? Предчувствие? Политическая проницательность? Спустя четыре года Война за испанское наследство охватила Западную Европу и сковала силы Австрии. Параллельно с ней разворачи-

[6] Об отношениях с Францией см.: *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох или начало пути: 1697–1698. СПб.: Д. Буланин, 2008. С. 144–158.

[7] Пётр Виниусу, 8 ноября (29 октября) 1697 г. // ПиБ. СПб.: Государственная Типография, 1887. Т. I. № 198. С. 208.

ваются события Северной войны, вовлекая Европу в глобальный конфликт, продолжающийся в самых северных ее частях вплоть до 1721 года.

Французам пребывание Петра в Голландии кажется подозрительным, и они предчувствуют его возможное присоединение к тому или другому враждующему лагерю. Разве Вильгельм не захватил английский трон с помощью батавов, изгнав короля Якова, обратившегося в католичество? С тех пор католическая вера осуждается *Тест-актами* (*Тест-акт* — закон о присяге в отречении от признания папской власти и догмата пресуществления *(ист. англ.)*), согласно которым отныне ни один католик не может стать королём Англии. Мечтает ли Пётр об усилении антикатолической лиги? Ходят упорные слухи, что во время своей поездки царь обратился в протестантскую веру.

По своему обыкновению Пётр не упускает случая присутствовать на англиканских службах. Его долгие беседы с Френсисом Ли, Уильямом Пенном и Гилбертом Бернетом, архиепископом Солсбери, становились предметом дипломатических докладов[8]. По мнению этих компетентных собеседников, Пётр отличается весьма солидным знанием Библии и широтой взглядов. Несмотря на вопиющие пробелы в образовании, молодой царь имеет все задатки, чтобы стать великим человеком. Своих собеседников Пётр спрашивает о религиозных практиках последователей англиканской церкви, и, похоже, что он хорошо осведомлен об их напряженных отношениях с католиками. Он интересуется у новых друзей функционированием политической системы их страны, проявляя при этом свое непонимание. Как можно вообразить себе ограниченную власть короля? Для чего нужен Парламент? Такая система представляется ему посягательством на основные права самодержца. Петра интересует английское законодательство, и он отмечает для себя некоторые его принципы, которыми будут вдохновляться отдельные будущие указы, например, о единонаследии, или о побуждении молодых людей поступать на оплачиваемую государственную службу. Специально для Петра Френсис Ли составляет «Предложения <...> для рамочного права его Правительства — по его собственной просьбе»[9]. В 1717 году при учрежде-

---

[8] *Winter Eduard.* Russland und das Papsttum (*Винтер Эдуард.* Россия и папство), Berlin: Akademie-Verlag, 1960. Bd. II. S. 32; *Wittram Reinhard.* Peter I. Czar und Kaiser, zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit (*Виттрам Рейнхард.* Пётр I, царь и император. К истории Петра Великого и его времени) Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. Bd. 1. S. 160–161.

[9] *Lee Francis* Proposals [...] for the right framing of his government — at his own request (*Ли Френсис.* Предложения [...] для рамочного права его правительства — по его собственной просьбе). Apoleipomena or Dissertations Theological, Mathematical und Physical. Londres: A. Strahan, 1752. T. I. P. 1–12.

нии Петром коллегий (министерств) царь вспоминает советы старого философа, а также обращается к шведской модели администрации. Френсис Ли вводит Петра в Лондонское королевское общество: именно оно, а также берлинская и парижская Академии послужат ему прообразом при разработке проекта создания Российской Императорской Академии наук в 1724 году. Дни напролет, проведенные Петром в английских портах, убедили его в превосходстве английского флота. Он приглашает в Россию многочисленных британских специалистов для того, чтобы построить, наконец, конкурентоспособный военный флот. В их числе один из его первых мемуаристов, Джон Перри. Этот английский инженер удостоился чести сопровождать русского царя в его дальнейшем европейском путешествии.

Петр не скрывал своего нетерпения быстрее отправиться в Англию. Он тщательно подготовил поездку, для которой обзавелся в Амстердаме у одного торговца-еврея соответствующими книгами и путеводителями, содержавшими точную информацию о достопримечательностях, которые ему предстояло увидеть. За три с половиной месяца он посетил Лондон, Дептфорд, Вулвич, Гринвич, Виндзор, Оксфорд и Портсмут. В писцовой книге русской дипломатической миссии указаны представительские расходы, сделанные в Голландии перед поездкой в британскую столицу. Речь идет преимущественно о париках и парадной одежде для Петра и сопровождавших его лиц общим числом пятнадцать персон, включая Меншикова и переводчика Шафирова. Царь умел создать внешнее соответствие требованиям иностранных дворов[10]. Во время морского переезда Петр был одет в костюм голландского матроса и выполнял все соответствующие функции. Он принимал участие в маневрах судна и взбирался на вершины мачт. После пересечения пролива Ла-Манш судно поднялось вверх по Темзе и причалило в Лондоне. Едва прибывшего Петра застает врасплох визит Вильгельма III[11]. Вместе с шестью или семью спутниками царь занимает одну маленькую комнату, окна которой настежь раскрыты, несмотря на ледяной холод. Король находит его полуодетым, в простой курке на голое тело. Преодолев первый момент смущения, оба они садятся за стол. Их разговор

[10] *Франсуа Лефорт*. Сборник материалов и документов / Сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьёва М.: Древлехранилище, 2006. С. 253–254.

[11] *Hughes Lindsey*. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London: Yale UP, 1998. P. 25–26; *Dixon Simon et al.*, Britain and Russia in the Age of Peter the Great (*Диксон Саймон и др. авторы*. Британия и Россия в эпоху Петра Великого). Londres: School of Slavonic and East European Studies, 1998. P. 16–24; обобщающее исследование: *Cross Anthony*. Peter the Great through British Eyes (*Кросс Энтони*. Пётр Великий глазами британцев). Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 16–39.

нарушает неизвестно откуда взявшаяся обезьяна, которая собирается напасть на Вильгельма. Пока ловили разбушевавшуюся обезьяну, время визита закончилось[12]. Британский монарх не в обиде на своего гостя. Он устраивает ему встречу с известным портретистом Годфри Кнеллером, который пишет портрет молодого царя во весь рост. По приглашению короля Пётр присутствует при военных маневрах в Портсмуте. Перед ним разыграли два инсценированных морских сражения, которые так увлекли Петра, что он воскликнул: «Если бы я не был царём, то желал бы стать британским адмиралом»![13] В ремонтных доках и на кораблях он, не колеблясь, выполняет самую неброскую работу. Плохо одеваясь, живя в стесненных условиях, он снова пытается скрыть свою личность. Двусмысленность положения, выходки и странности Петра в конце концов стали утомлять британские власти.

Посол Франции в Лондоне Камиль д'Отен де ла Бом, герцог и маршал де Таллар, занятый наблюдением за ситуацией в Ирландии, поначалу не отметил для себя прибытие Петра в Англию. В то же время Людовик XIV начал официальную процедуру признания Вильгельма законным монархом Великобритании, так как освобождавшийся испанский трон открывал выгодные перспективы для Франции, требуя одновременно полной боеготовности её армии. В Версале приезд Петра в Лондон поначалу вызвал беспокойство религиозного порядка. Что предпринять в этом сложном контексте, если Россия присоединится к сильным протестантским державам? Не лучше ли будет «занять» царя делами юго-восточной Европы, возродив Священную лигу?[14]

Между тем, отчёты Таллара остаются лаконичными: царь отправился на судостроительные верфи, царь посетил ремонтные доки, царь участвует в постройке корабля или же: царь посетил такой-то город и сделал такие-то покупки. Они создают образ человека, далекого от монарших забот. Вскоре сомнения рассеиваются, и де Таллар уже мечтает о торговом договоре с Россией, первом шаге в сближении, носящем скорее политический характер. Дело в том, что Англия и Россия в течение нескольких веков поддерживают тесные эконо-

---

[12] *Gaedeke Arnold.* Peter der Grosse in England im Jahre 1698 (*Гедеке Арнольд.* Пётр Великий в Англии в 1698 году) // Im neuen Reich (Leipzig). Jg. 2, Bd. 1. 1872, Januar-Juni. S. 217–224.

[13] *Perry John.* The State of Russia under the Present Czar (*Перри Джон.* Российское государство при настоящем царе). Londres: B. Tooke, 1716; в переводе на франц.: Etat présent de la grande Russie ou Moscovie (Современное состояние великой России или Московии). La Haye: H. Dusauzet, 1717. P. 199.

[14] *Wittram Reinhard.* Op. cit. Bd. 1.; *Winter Eduard.* Op. cit. Bd. II. S. 32.

мические связи. Вместе с голландцами британцы в значительной мере контролируют внешнюю торговлю России, поскольку её импорт и экспорт осуществляется на их судах. Может быть, стоит воспользоваться шансом, который дает присутствие Петра в Лондоне? Неожиданно французский дипломат получает указание встретиться с царём в качестве первого шага к заключению торгового соглашения о покупке табака[15]. Однако французов обогнали англичане. Маркиз де Камертен получил от царя согласие на импорт в Англию 10 000 бочек табака по цене 4 фунта стерлингов за фунт. Вскоре Лондон получает также монополию на вывоз всего украинского табака. При отъезде Петра из Англии де Таллар ещё сохраняет надежду. Он считает, что царь может согласиться на предложение Версаля. Однако Пётр не принимает предложение французов, которое считает недостойным: как могут они снизить цену 10 000 бочек табака до 50 тысяч экю, ничтожной суммы по сравнению с предложением англичан?[16] Версалю придётся дожидаться царствования Екатерины II, чтобы в 1787 году подписать первый торговый договор с Россией, почти сразу утративший силу в связи с революционными событиями.

У де Таллара осталось смешанное впечатление от русского царя; умудрённый опытом дипломат и выдающийся полководец, в сущности, не знал, что о нём думать. Одно из его редких наблюдений не нуждается в комментариях: «Московский царь вчера отплыл в Голландию. Во время своего пребывания здесь он проявил усердие лишь в изучении судоходства, что делает весьма проблематичным уважение к персоне этого государя»[17]. Французский дипломат не смог правильно проанализировать поведение Петра, почти нетипичное для европейского монарха. Характер царя и его нескрываемый интерес к миру труда остались загадкой, что в значительной мере объясняет трудности его поездки 1717 года, наконец приведшей Петра в Париж.

---

[15] *Rojdestvenski Sergey, Lubimenko Inna.* Contribution à l'histoire des relations commerciales franco-russes au XVIIIe siècle (*Рождественский Сергей, Любименко Инна.* К истории франко-российских торговых отношений в XVIII веке) // Revue d'histoire économique et sociale. 1929. T. XVII. P. 362–402; *Price Jacob M.* The Tobacco Adventure to Russia. Enterprise, Politics and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Tobacco, 1676–1722 (*Прайс Якоб М.* Табачная авантюра России. Предпринимательство, политика и дипломатия в поисках северного рынка для английского колониального табака, 1676–1722). Philadelphia, 1961. American Philosophical Society, Transactions, N. S. Vol. LI. P. 22, 28, 58. См. также: Mémoire sur le tabac d'Ukraine (Памятная записка об украинском табаке). Archives nationales. Paris, Affaires étrangéres, B III 432, non fol.

[16] Архив Министерства иностранных дел. Париж. Политическая переписка. Англия. Т. 174. Письмо де Таллара от 12/22 апреля 1698 г. Кн. 46.

[17] Там же. Письмо де Таллара от 15/25 апреля 1698 г. Кн. 62.

И.Н. Юркин
(Москва)

«Правление аглинского королевства есть…» (А.А. Виниус в Англии и об Англии)

1. Среди имён деятелей, достойных упоминания в истории связей Россия — Великобритания, имя Андрея Андреевича Виниуса приходит в голову не сразу. Родившийся, скорее всего, в Нидерландах, в культурном плане на протяжении всей его жизни он был наиболее близок именно к ним. Но Виниус оказался шире культуры, из недр которой вышел, в связи с чем вне Голландии занял особое положение. Живя преимущественно в России, он играл роль культурного посредника. Причем посредника не только *пассивного*, передающего инокультурную традицию бессознательно — потому, что живет в ней и с ней. Он был посредником *активным*, в своей разнообразной деятельности осознанно работавшим в направлении «связывания» культур России и Западной Европы[1].

Культуртрегерскую работу Виниуса можно наблюдать, в том числе, на примере его контактов с Англией, контактов, которые, находясь на периферии личных его культурных интересов, тем не менее, внесли определенный вклад в развитие связей между двумя народами. Виниусу принадлежит выразительная и ставшая в некотором отношении классической характеристика образа правления в Англии — ее не раз вспоминали, когда заходила речь о представлениях русских XVII века о странах и людях Западной Европы. С.М. Соловьев заметил (и М.П. Алексеев позднее с ним согласился), что Виниус был первым, кто включил в свой статейный список подобные

[1] *Юркин И.Н.* А.А. Виниус и Пётр, ещё не Великий // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. С.-Петербург, 7–9 июня 2013 г. СПб., 2014. С. 206–214.

известия[2]. Основой для них послужили впечатления, вынесенные им, переводчиком Посольского приказа, из поездки в Западную Европу, в ходе которой он в качестве дипломатического агента посетил Англию, Францию, Испанию, проездом побывал в Голландии и в некоторых немецких и шведских городах. В Англии он в 1673 году побывал дважды: сначала без малого два месяца (с 26 февраля по 15 апреля), позже еще полмесяца (с 5 по 21 октября)[3]. Литературным плодом этой поездки явился статейный список его посольства[4].

Опираясь на него, остановимся на дипломатической миссии Виниуса и на том, какую роль она сыграла в его формировании в качестве ученого-географа (в том числе, на отражении английской темы в географических его сочинениях). Рассмотрим также английские книги в библиотеке Виниуса — следы этой дипломатической его поездки.

2. Виниус был направлен в страны Западной Европы для передачи их монархам царских грамот, склонявших их помочь Польше в её борьбе против Османской империи. С дипломатическим содержанием этой поездки связан ряд не до конца проясненных вопросов, оно требует дальнейшего осмысления. Насколько реалистично были определены её цели, поставлены задачи, решение которых требовалось для их достижения[5]? Не вполне ясны и организационные аспекты. Одновременно с ним в Голландию (а также Данию и Швецию) с аналогичным заданием был отправлен подьячий Посольского приказа Емельян Украинцев — почему не Виниус?

Сам Виниус дипломатических переговоров не вел, он выступал в качестве гонца. Но, выполняя основное поручение, собирал дипломатическую информацию, используя для этого различные источни-

---

[2] *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI. История России с древнейших времён. Т. 12. С. 518; *Алексеев М.П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Учёные записки ЛГУ. Сер. исторических наук. Л., 1947. Вып. 15. С. 50.

[3] В обоих случаях вторые даты соответствуют времени отбытия из Лондона (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 26, 26 об., 131). Дни, когда Виниус покинул землю Великобритании, в статейном списке его посольства не указаны.

[4] Там же. Л. 1–144. Грамоты царя Алексея Михайловича европейским монархам, наказ Виниусу и донесения, посланные им в Россию, см. в кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1856. Т. 4. Стлб. 803–827, 880–890, 919–932.

[5] М.А. Алпатов уверенно заявляет: «Понятно, что никаких союзников для Польши они (А.А. Виниус и отправленный с тем же поручением в другие страны Е.И. Украинцев. — *И.Ю.*) отыскать не могли» (*Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М., 1973. С. 358). Было понятно, однако гонцов посылали.

ки, прежде всего — беседы с чиновниками (в Англии — с «мастером церемонии» Чарльзом Катерином[6], секретарем одного из статс-секретарей, писарями королевской канцелярии и др.) и зарубежными дипломатами при английском дворе (французским, испанским). В каждой из стран посещения он должен был выяснить характер ее отношений с другими европейскими державами. Поскольку некоторые из них находились в состоянии взаимной войны (Франция и Англия воевали с Голландией), следовало собрать сведения о ее причинах. Требовалось выполнить несколько мелких поручений: нанять «трубачеев», привезти образцы руд драгоценных металлов. (Они были сходны с теми, которые давались царским комиссарам, в том числе Андрею Денисовичу Виниусу, отцу Андрея Андреевича, посылавшемуся в этом качестве в Голландию за 18 лет до сына.)

Виниус побывал во всех порученных ему странах, везде получил аудиенцию первых особ, не уронил на этих встречах чести своего государя (в Англии даже пресёк её неумышленное умаление), вручил привезенные с собой царские грамоты, получил на них ответы. Он собрал информацию и письменно изложил сведения об отношениях между государствами, о причинах войны. Специальные задания (касавшиеся «трубачеев» и руд) в Англии он не выполнил, поскольку трубачи в связи с военным временем были отправлены в качестве сигнальщиков на суда, а руд и рудокопов вблизи Лондона не оказалось[7].

С дипломатическими поручениями Виниус справился. Карл II Стюарт в ответной грамоте даже отметил «благоумие и прилежание» русского посланца. (Чем Виниус, не скрывая, гордился: в 1707 году, обращаясь к царю, напоминал ему свои «многиа труды и верныа услуги в розных приказех. В Посолском свидетелствует 1673 лист, за рукою краля Аглинскаго, и протчиа мои тамо службы»[8].) Но основная цель посольства достигнута при этом не была. Ни одна из стран, в которые ездил Виниус, не откликнулась на просьбу русского царя. Точнее, откликнулась, но в такой форме и объеме, что отклик можно было счесть формальным. Вот как охарактеризованы итоги посольства в предваряющем статейный список более позднем резюме: «...на что ему, посланному, от тех дворов от королевских министров ответствовано: от аглинского — к споможению королевству Полскому королю аглинскому воспрепятствовала настоящая воина с галанцы;

[6] Например, в статейном списке: «Того ж дня приезжал к посланному пристав Чарлус и говорил:...». (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 20 об.).

[7] Там же. Л. 27. Образцы руд Виниус сумел приобрести в Испании (Там же. Л. 100).

[8] ПиБ. Т. 5: Январь – июнь 1707. СПб., 1907. С. 718.

от французского — за вступлением в тяжкую войну з галанцы, с цесарцы и з гишпанцы вспоможение Полскому королевству учинить невозможно; от гишпанского, что де король и королева для свойства с королем полским намерены тому королевству учинить вспоможение денгами, а воинскими людьми помочь учинить им неудобно ради дальняго от Полши разстояния»[9].

Реальная польза от поездки состояла прежде всего в том, что в Россию была привезена свежая и достоверная информация дипломатического характера[10] (в статейном списке ей посвящены разделы, помещенные после событийных фрагментов рассказа[11]). Немаловажно и то, что Виниус, в качестве культурного посредника еще формировавшийся, получил обширные сведения о странах, с которыми ранее был знаком преимущественно из книг.

3. Находясь за границей, Виниус не только нечто *делает* — он также и *наблюдает*. Попытаемся выделить в направленности интереса Виниуса индивидуальные черты, отличающие избираемые им объекты наблюдения от чужих.

Первый внимательный исследователь его статейного списка Н.А. Казакова отметила, что по сравнению с некоторыми современниками «дневниковые разделы статейного списка Виниуса беднее сведениями о природе, достопримечательностях, быте населения и т.д.»[12]. Сведения же, которые имеются, распределены неравномерно: ими относительно богаче описание Франции, беднее — Испании. Англия посередине. Самое простое этому объяснение — то, что Франция произвела на него наибольшее впечатление. Но можно ли считать это объяснением? Почему именно она, а не Англия, почему Париж, а не Лондон? Ответ, как нам кажется, прост. Виниус посетил

---

[9] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–2 об.

[10] Другой вопрос — являлась ли эта информация эксклюзивной. В регулярно составлявшихся «Вестях-Курантах» (по большей части выжимках западноевропейских газет) политическая информация была весьма обширна. Нам, однако, кажется важным замечание М.А. Алпатова о том, что находясь в воюющих странах, русские дипломаты А.А. Виниус и Е.И. Украинцев могли «наблюдать на месте всю дипломатическую игру этих стран» (*Алпатов М.А.* Русская историческая мысль... С. 358). Может быть именно это — возможность «из первоисточника» проверить правильность представлений о международных отношениях — и оправдывало посылку дипломатических миссий, заведомо обреченных на неудачу.

[11] В английской части это идущие следом друг за другом разделы: «А с которыми государи король аглинской имеет ссылки, союз и с кем война», «О чине правления королевства аглинскаго» и «Чиновные люди по короле» (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 27 об.–32)

[12] *Казакова Н.А.* А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1985. С. 363.

столицу Британии через шесть лет после знаменитого большого ее пожара 1666 года. Лондона, каким он был недавно, *уже* не существовало. Нового Лондона не существовало *еще*[13]. С учетом этого становится, кажется, понятным, почему, составляя статейный список, единственным несвязанным с его поручением событием в Лондоне, которое Виниус решил в него (список) включить, был повлекший массовые жертвы несчастный случай: «Того ж дня с час спустя, как посланной у короля на отпуске был, против королевского двора на Темзе реке потонуло королевских салдат со сто человек»[14].

Но сведений нет не только о достопримечательностях, мало — не только о быте и происшествиях. О некоторых достоверно известных встречах с небезразличными для цели поездки людьми упоминаний в статейном списке также не находим. Так, известно, что Виниус встречался в Лондоне с епископом Честерским Петром Гоннингом. Об этом свидетельствует сделанная Виниусом запись на книге Иоанна Ювеллия «Апология англиканской церкви», сообщающая, что Гоннинг ему ее подарил[15]. В статейном списке Виниус о встрече умалчивает, хотя этот его собеседник для русского дипломатического ведомства, вероятно, был более интересен, чем городские коменданты и бурмистры, разговоры с которыми Виниус прилежно отмечал[16]. Предполагаем, что в данном случае он избегал афишировать свои иноконфессиональные контакты. На фоне борьбы за чистоту веры, которая велась тогда в России, такого рода встречи могли вызвать негативную реакцию.

Бедность в статейном списке сведений о повседневной культуре компенсировалось наличием богатой информации политико-страноведческого характера. Говоря об образе правления, он находит в английском государстве черты сразу трех систем. Он определяет «чин правления» следующим образом: «Правление Аглинского королевства, или, как общим имянем имянуют, Великой Британии, есть отчасти монархиально (*помета на полях:* единовластно), отчасти ари-

[13] Как известно, Москва тоже страдала от частых пожаров. Среди них были и сильные, уничтожавшие целые районы города. Так, 19 июня 1676 года (через два с половиной года после возвращения Виниуса) пожар, начавшийся у Петровских ворот, уничтожил в ней до трёх тысяч домов и унёс от трёхсот до четырёхсот жизней (Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 520).

[14] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 24. Дело происходило 10 апреля, после церемонии отпуска посла королём.

[15] Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса: Каталог / Сост. Е.А. Савельева. СПб., 2008. № 136. Из того же источника в библиотеку Виниуса попала и англиканская библия на греческом языке (№ 29).

[16] Там же. Л. 9 об., 10, 127, 129 об., 131–133.

стократно (правление первых людей), отчасти же демократно (народоправительно)»[17]. Дав определение, Виниус раскрывает, в чем выражается каждый из перечисленных элементов «правления»: «Монархиарно (sic. — *И.Ю.*) есть потому, что имеют агличаня короля, которой имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому, во время великих приналежащих каких дел — вчатия войны, или учинения миру, или поборов каких денежных, и тогда король съзывает парламент или сейм, а тот парламент делится в 2 дома, единаго имянуют Вышным, другаго Нижным домом. В Вышнем собираются сенаторы и шляхта лутчия всей земли, в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест. И хотя что в Вышнем доме и приговорят, однако ж без позволения Нижнего дома совершити то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные принадлежат к меншему дому. И потому Вышней дом может нарещися аристократия, а Нижней демократия»[18]. Из различия палат Парламента Виниус выводит отношения с ними короля, особенно усложнившиеся в период войны.

Затем он перечисляет «чиновных людей по короле»[19]. Приведенный им список важнейших должностей невелик: им названы только адмиралы, канцлер и статс-секретари с собственными их секретарями. Это кажется несколько странным. Прожив в столице достаточно долго, общаясь с представителями двора и послами, Виниус имел возможность разобраться в устройстве законодательной и исполнительной власти в государстве. И, несомненно, в них разобрался. Предполагаем, что он отбирал сведения для включения в статейный список с точки зрения собственных достаточно субъективных представлений об их полезности для русских дипломатов. Последние, в своем большинстве в то время не знавшие иностранных языков, были за границей более изолированы, нежели их коллеги Петровской и последующих эпох. Виниус, отбирая информацию для включения в статейный список, отсекал значительную её часть, полагая, что тем, кто поедет вслед за ним, отброшенный материал не понадобится.

4. Поездка Виниуса не только обогатила русское дипломатическое ведомство новейшими сведениями о современных им Англии, Франции и Испании, их внутреннем положении и международных связях. Она значительно расширила кругозор Виниуса и пополнила его память сведениями, полезными для интересовавшей его геогра-

[17] Там же. Л. 30 об.

[18] Там же. Л. 30 об.–31.

[19] Там же. Л. 31 об.–32.

фической науки. Тем самым, сыграла роль в формировании Виниуса как ученого-географа.

Свидетельств об особом интересе Виниуса к географии и картографии сохранилось немало. Это и большое число книг соответствующей тематики в его библиотеке, и содействие русскому картографу Семену Ремизову в создании им географических атласов Сибири, и информационная подпитка работы выдающегося голландского картографа и географа Николааса Витсена, и собственные картографические опыты[20].

Развитию этого интереса помогла его поездка в Западную Европу в 1672–1674 годах. Разумеется, места, по которым он проезжал, относились к территории, хорошо изученной европейской географической наукой. Но эти сведения еще предстояло перенести на русскую почву. Одного комплектования географическими сочинениями библиотек Посольского приказа и личных было недостаточно. Требовалась русскоязычная географическая литература. Её появлению помогал Посольский приказ — здесь делали переводы[21]. Появлялись и оригинальные тексты. Виниус — создатель первого в России географического справочника, сообщавшего краткие сведения о крупнейших городах Западной Европы.

Полное название этого справочника, появившегося на свет в 1667 году (то есть за пять лет до путешествия Виниуса) — «Описание разстоянию столиц и нарочитых градов, славных государств и земель, также и знатных островов и проливов, водным и сухим путем по розмеру книги, именуемые Водный мир и иных, приналежащих к тому описанию Российскаго государства, от первопрестолнаго его царского величества града Москвы сколко до которого города и проливы верст, по алфавиту, яко предлежащий лист ниже сего представляет». В разных его списках перечень городов различается — их от 52 до 56. Среди них несколько столиц, посещенных автором во время путешествия 1672–1674 годов. Есть и английские города — «Лондон столица Аглинского королевства» и «Еденбург столица Шкотскаго государства»[22]. Таковых всего два, но следует помнить, что это справочник преимущественно столиц[23].

---

[20] *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007. С. 353–378, 390–416.

[21] *Кудрявцев И.М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 179–244.

[22] В печатной версии начала XVIII века Эдинбург имеет более развернутую характеристику: «Еденбурх град, столица великого и славнаго королевства шкоцкаго».

[23] Кроме них в Описание попали места, имевшие уникальную значимость в религиозном отношении (Афонская гора, Святая гора Синайская), большие острова (Исляндийский, Кинарийские, Кипрский, Кандийский) и «Гибральтерская

В Описании указано расстояние от этих городов до Москвы, иногда по нескольким дорогам. В статейном списке Виниус также иногда фиксировал расстояния (например, от Гарвича до Лондона 65 английских миль, от Глюкстада до Гамбурга 7[24] и т.д.), причем, как правило, уточнял, какой мерой длины (милей английской, французской, немецкой) оно измерено[25]. Помимо прочего, эти данные могли быть использованы при составлении и редактировании справочников, подобных Описанию.

Русский читатель узнавал нужную ему географическую информацию о зарубежных странах из зарубежных же географических карт и собственного производства «хожений» — записок отечественных путешественников. Виниус с интересом относился к литературе путешествий, собирал соответствующие книги на европейских языках. (Отметим в его библиотеке изданную во Франкфурте в 1667 году книгу «Странник, описание гишпанские и аглинские земли», в которой только английская часть составляла 132 страницы[26]). Но требовались издания и другого типа. Жанру, который бы содержал общезначимую географическую информацию, но был очищен от излишних подробностей, родиться в России еще предстояло. Первыми ласточками были Книга большому чертежу и Поверстная книга. Работа Виниуса расширяла пространство, охваченное ими, виртуально присоединяя к России огромный мир, в котором жили европейские (и не только) народы.

5. Сказанное выше нашло многочисленные отражения в знаменитой библиотеке Виниуса. Существуют два источника, дающие представление о ее составе. Это каталог сохранившейся ее части, подготовленный Е.А. Савельевой, и хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов ранняя (1717) ее опись. В каталоге 375 книг (363 названия), в описи 663.

Мы выделили все книги, имевшие «английский след»: напечатанные на английском языке, напечатанные в Англии, полностью или частично посвященные Англии и/или англичанам. По описи таких обнаружилось 15. К ним прибавляем одно издание из каталога Савельевой — книгу, скорее всего подаренную Виниусу в Англии. Всего 16 единиц, что составляет 2,4 % от общего числа. По языкам эти книги распределяются так: голландских — 6; английских — 4; немец-

---

пролива». В некоторых списках присутствуют добавления, не получившие массового распространения.

[24] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 9 об., 134 об.

[25] Там же. Л. 9 об., 85 об., 86.

[26] Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса. № 1.

ких — 2; греческих — 1, на нескольких языках — 2; на неуказанном языке — 1. Их содержание разнообразно. Среди них книги о жизни и деяниях английских монарших особ, сочинения, посвященные англо-голландской войне, издания религиозного содержания, описания путешествий, лингвистические сочинения. Это разнообразие отражает разнообразие интересов владельца библиотеки.

Обратимся к книгам на английском языке. Их всего четыре, с оговорками к ним можно присоединить еще две: учебник английского языка и четырехъязычный лексикон.

Изданная в Лондоне в 1669 году книга Чарльза Карлейля «Описание трех посольств от Карла II к Великому князю Московскому, королю Шведскому и королю Датскому в 1663 и 1664 годах»[27] привлекла Виниуса, вероятно, темой. Она была издана незадолго до посещения Виниусом Англии и, возможно, попала к нему (была куплена или подарена) именно здесь. В ходе собственного его посольства как минимум дважды имели место действия, нарушавшие дипломатический протокол: на приеме король осведомился о здоровье русского царя, не встав и не сняв шляпы, позже, при сообщении о назначении русским содержания, им было передано, что оно много больше того, которое получали в Москве английские дипломаты, что не соответствовало действительности. Виниус, защищая честь русского государя, сослался на практику, имевшую место при приеме английских посольств в Москве: «А которые ваши королевского величества послы и посланники были у великого государя нашего его царского величества, и великии государь наш его царское величество о вашем, брата своего любительнаго великого государя нашего, королевскаго величества здоровье спрашивал сам, встав»[28]. Возможно, подбирая аргументацию, он использовал не только собственные знания дипломатического протокола, но и сведения из купленных и изученных (с помощью толмача) книг.

Следующие две книги напрямую посвящены вопросам, волновавшим русскую дипломатию. Некоторых из рассмотренных в книге, названной в описи «Двор короля аглинского и состояния государства ево»[29], Виниус коснулся в статейном списке своего посольства[30]. Отражения других, важных для формировании внешней политики на южном направлении, можно было ожидать в вышед-

[27] Там же. № 57.

[28] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 16 об.

[29] Там же. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 92. Л. 346 об.

[30] Нам не удалось найти эту книгу в каталоге Е.А. Савельевой, но, если она вышла до начала работы Виниуса над статейным списком, не исключаем, что он ее использовал.

шей из печати в Лондоне в 1664 году книге «Описание двора салтана турского» (в оригинале «Обзор истории и правления в Турецкой империи»)[31]. Виниус вполне осознает особые отношения, сложившиеся у англичан с турками — он пишет об этом в своём статейном списке, отмечая присутствие в Стамбуле постоянных английских представителей. Виниус приобретает книгу, полагая сведения, сообщаемые в ней, важными для русских дипломатов.

Четвертая книга на английском языке — «Псалтирь» — проникла в библиотеку Виниуса, возможно, в качестве образца перевода Священного писания на национальные языки.

Что Виниус специально английскую литературу не собирал, в общем, понятно: он не владел английским языком. Три книги из названных четырех были приобретены явно по служебной необходимости. Не исключаем, что все или хотя бы некоторые из них приобретались первоначально для библиотеки Посольского приказа, но по какой-то причине не были туда переданы. Впрочем, в личном его собрании книги на неизвестном ему языке могли «оседать» и естественным образом, если принадлежали к особым тематическим группам — таковы издания Священного Писания (в нашем случае — «Псалтирь»), словари, учебники языка.

Известно, что Виниус довольно активно формировал свою библиотеку: не только покупал книги, но также и продавал их, не желая засорять собрание дублетами и изданиями, тематически ему чуждыми. Почему же он не избавился от книг на английском языке, хотя с дипломатического поприща вскоре после той поездки свернул, и эти книги по прямому их назначению стали ему не нужны? Рискнём предположить, что ему, страстному библиофилу, они были дороги как память о первом большом путешествии, совершённом им за границу, — путешествии, оставившем неизгладимый след не только в памяти, но и на книжной полке.

[31] Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса. № 191.

Т.А. Базарова
(Санкт-Петербург)

«В делах его царского величества вспоможение чинят…»: Русско-британское дипломатическое сотрудничество при Османском дворе (1704–1713)

История русско-английских отношений началась в середине XVI века. В 1553 году первый английский торговый корабль под командованием Р. Ченслера пристал к берегу в устье Северной Двины. Английский капитан посетил Вологду и Москву, где был принят царём Иваном IV Грозным. В 1556 в Англию отправился первый русский посол О.Г. Непея. В следующем году он с английским послом Э. Дженкинсом вернулся в Россию. Вместе с ними в Москву прибыли «мастера многие, дохторы, злату и серебру искатели, и иные многие мастера». Царю передали грамоты королевы Марии Тюдор и разнообразные подарки, в том числе льва и львицу. В дальнейшем все прибывавшие в Россию с Британских островов посольства имели цель добиваться привилегий для англичан в области коммерции; интересы английских купцов в Москве защищал резидент. Заключая выгодные для англичан торговые договоры, русские власти надеялись и на сотрудничество в области международных отношений. Со времён Ивана IV Грозного английскому правительству неоднократно предлагали заключить политический союз, направленный против Ливонии, Швеции, Польши или Османской империи[1].

[1] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 91–92; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией при

В конце XVII века развитию русско-английского сотрудничества способствовал визит Петра I на Британские острова в ходе Великого посольства (1697–1698) и его личная встреча с Вильгельмом III. В течение нескольких лет между двумя государствами значительно вырос объем торговли. Половина прибывавших в Архангельск торговых кораблей была из Англии[2]. Нанятые на Британских островах специалисты сыграли существенную роль в создании российского флота. Русские дворяне начали изучать в Англии морское дело и навигацию.

Как и его предшественники на царском престоле, Пётр I намеревался заключить с Англией не только взаимовыгодные торговые, но и политические договоры. В первые годы Северной войны (1700–1721) он также возлагал надежды на английское посредничество в мирных переговорах со Швецией.

В начале XVIII века правительство Вильгельма III (1689–1702), а затем и Анны Стюарт (1702–1714) было занято войной за Испанское наследство (1701–1714), однако пристально следило и за изменением ситуации на Севере Европы. Придерживавшаяся политики «баланса сил» Англия стремилась не допустить чрезмерного усиления Швеции или северных союзников. В 1700 году Англия и Голландия выступили гарантами Травендальского мира, который вывел Данию из Северной войны, но не позволил Карлу XII уничтожить её флот[3].

В сентябре 1700 года (вскоре после начала осады Нарвы) английский посланник в Голландии объявил русскому послу А.А. Матвееву о готовности своего короля взять на себя посредничество во время переговоров о перемирии со шведами[4]. В октябре Вильгельм III послал царю грамоту, в которой настаивал на прекращении военных действий со шведами и предлагал своё посредничество в деле при-

---

первых Романовых // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LXVI. 1916. Ноябрь. С. 1–5; *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 8–10.

[2] С 1697 по 1704 г. объём торговли увеличился в 3,5 раза (*Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. С. 27).

[3] *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 85–86. В августе 1700 года в замке Травендаль близ Любека Данией с одной стороны и Гольштейном и Швецией с другой был пописан мирный договор. Дания признавала суверенитет герцогства Гольштейн, обязывалась возместить ему военные издержки, соблюдать ранее заключённые со Швецией договоры и не оказывать помощи её врагам. Таким образом, один из союзников Петра I уже в самом начале Северной войны вышел из антишведской коалиции.

[4] *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. VIII: История России с древнейших времён. Т. 15. С. 42.

мирения сторон. После поражения под Нарвой Пётр I в ответной грамоте выразил согласие начать мирные переговоры и попросил короля назначить место встречи уполномоченных. Однако Карл XII отказался разговаривать о мире, усилилось сближение Швеции и Францией, поэтому Англия оставила намерение примирить воюющие стороны[5].

Через несколько лет русские дипломаты предприняли ещё одну попытку склонить английское правительство к посредничеству в деле заключения мира со Швецией. В марте 1705 года в Москве судья Посольского приказа Ф.А. Головин и тайный секретарь П.П. Шафиров начали переговоры с чрезвычайным посланником английской королевы Анны Стюарт Чарльзом Уитвортом. Прибывший в феврале 1705 года к царскому двору посланник имел инструкцию объявить Петру I о желании своего правительства заключить «более тесный дружественный союз в виду обоюдных промышленных и торговых выгод». Ч. Уитворту также поручалось добиваться торговых привилегий, «добыть сведения о планах и намерениях русского двора», а также о военном и финансовом потенциале России. Обсуждать вопросы посредничества он не имел соответствующих полномочий[6]. Политические интересы Англии требовали, чтобы Швеция продолжала воевать с Россией и не могла оказать помощь Франции в войне за Испанское наследство.

В конце 1706 года с миссией склонить английское правительство взять на себя посредничество в примирении России со Швецией царь направил в Лондон А.А. Матвеева. В переданной им статс-секретарю Р. Харли записке говорилось, что в случае отказа Карла XII начать переговоры царь соглашался вступить в союз с Великобританией и ее союзниками против Швеции. Переговоры велись больше года, английское правительство выражало готовность заключить новое торговое соглашение, но не желало ухудшать отношения с Карлом XII. В июне 1708 года А.А. Матвеев был отозван назад в Россию[7].

---

[5] *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. С. 24.

[6] Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 г. по 1708 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. № 1. С. 1–7.

[7] *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. С. 33–34, 56–57. Незадолго до отъезда из Англии русский посол оказался арестован и заключён в тюрьму из-за долга в 50 фунтов стерлингов. Этот инцидент вызвал возмущение всего дипломатического корпуса в Лондоне. А.А. Матвеева освободили, а британское правительство выразило сожаление о случившемся. Под влиянием протестов Петра I и европейских дипломатов английский парламент принял закон о неприкосновенности дипломатических представителей (*Александренко В.Н.* Дело об оскорблении русского посла в Лондоне А.А. Матвеева // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Т. 289. Сентябрь. Отд. III. С. 158–172).

После Полтавской победы и восстановления Северного союза британское правительство начинает предпринимать действия, направленные к ослаблению позиций России и развалу Северного союза. В октябре 1710 года русский посол Б.И. Куракин прибыл в Лондон с заданием «стараться отвлечь английский двор от шведов». Вскоре он убедился в невозможности достичь желаемого результата и отметил, что англичане враждебнее всех в Европе относятся к российским интересам[8].

Осенью 1711 статс-секретарь Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, написал Ч. Уитворту, что успехи северных союзников могут нарушить европейское равновесие на Севере, выразив мнение о необходимости затягивать переговоры с «северными монархами»[9]. Впрочем, по наблюдению Н.Н. Молчанова, внешне «русско-английские отношения сохраняют респектабельную видимость нормальных, даже дружественных дипломатических контактов»[10].

В условиях постепенного ухудшения отношений между двумя державами английские дипломаты при дворах ведущих европейских держав активно противодействовали инициативам русских дипломатов[11]. Иная ситуация сложилась на другом краю европейского континента – в Османской империи, где в течение почти десяти лет русско-британское дипломатическое сотрудничество развивалось успешно и плодотворно.

Очевидно, наиболее информативными источниками для изучения точек русско-британского соприкосновения при османском дворе являются хранящиеся в РГАДА документы Посольского приказа (статейные списки, письма, указы, доношения и др.)[12] и материалы походной канцелярии П.П. Шафирова[13].

Ценные сведения содержат опубликованные А.Н. Куратом до-

---

[8] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 267.

[9] Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. Ч. Витворта, А. Вейсборда, Дж. Мэкензи, Дж. Норриса и Дж. Джефферисса // Сб. РИО. 1888. Т. 61. № 14. С. 76.

[10] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 267.

[11] Подробнее см.: *Базарова Т.А.* Русско-британское дипломатическое противостояние начала 1710-х годов: По материалам фонда Походной канцелярии А.Д. Меншикова Научно-исторического архива СПбИИ РАН // Санкт-Петербург – Великобритания: XVIII–XXI вв. СПб., 2014. С. 232–244.

[12] Главным образом, в фонде 89 «Сношения России и Турции».

[13] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 1, 3. Материалы походной канцелярии П.П. Шафирова опубл.: Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб., 2011.

несения посла в Стамбуле Р. Саттона[14], а также английских послов из России, поддерживавших регулярную переписку со своими коллегами в Стамбуле и при дворе пребывавшего в Бендерах Карла XII[15].

Важными дополнениями этого массива источников являются письма и мемуары других западноевропейских участников событий. Это письма генерала шведской службы Ст. Понятовского[16], мемуары голландского переводчика В. Тейлса[17], посланника Гольштейн-Готторпского герцогства при дворе Карла XII Фридриха Эрнста фон Фабриса[18] и посетившего шведский лагерь француза О. де ла Мотрэ[19].

Последние десятилетия XVII века отмечены военной активностью России на своих южных рубежах. Это было обусловлено напряженностью в русско-турецких и русско-крымских отношениях, а также общеевропейской политической ситуацией[20]. По договору о Вечном мире с Речью Посполитой (1686) русское войско выступило против Крымского ханства (являвшегося вассалом Османской империи, с которой вела войну «Священная лига»)[21]. Два возглавляемые князем В.В. Голицыным похода в Крым (1687 и 1689) не принесли славы русскому оружию. Значительные людские потери вызвали недовольство в Москве и во многом спровоцировали внутренний кризис, приведший к падению правительства царевны Софьи. Отмечая военные неудачи Крымских походов историки, как правило, подчёркивают их международное значение: Россия участвовала в европейской коа-

---

[14] The Despatches of sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714) / Ed. by A. N. Kurat. London, 1953.

[15] Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 г. по 1711 г. // Сб. РИО. 1886. Т. 50; Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. Ч. Витворта, А. Вейсборда, Дж. Мэкензи, Дж. Норриса и Дж. Джеффериса // Сб. РИО. 1888. Т. 61.

[16] Letters of Poniatovsky on the Prut campaign 1711 // Slavonik and East Europian review. London, 1947. V. 26. № 66. P. 239–258.

[17] *Theyls W.* Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII roi de Suéde. Leyde, 1722.

[18] The Genuine Letters of Baron Fabricius, Envoy from His Serene Highness the Duke Administrator of Holstein to Charles XII of Sweden. London, 1761.

[19] *Motraye A. de la.* Travels through Europe, Asia, and into part of Africa... London, 1723. Vol. 1–2.

[20] *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 13.

[21] В противостоявшую Османской империи в войне 1683–1699 гг. «Священную лигу» входили Австрия, Венецианская республика, Польша и Мальта. Россия присоединилась к ним в 1697 г.

лиции и задержала огромное татарское войско в Крыму, что позволило «Священной лиге» потеснить турок на европейском театре[22].

Продолжил войну с Османской империей молодой царь Пётр I, который решил установить свой контроль над устьями Днепра и Дона. Основной целью Азовских походов (1695 и 1696) стала расположенная в устье Дона турецкая крепость Азов. Она сдалась русским войскам только 19 июля 1696 года. Успех обеспечили русский галерный флот и австрийские инженеры[23]. Победа дала России выход в Азовское море, а также возможность закрепиться на побережье строительством новых крепостей и морского флота.

В 1700 года в Стамбуле чрезвычайные посланники Е.И. Украинцев и И. Чередеев подписали мирный договор (получивший название Константинопольского) сроком на 30 лет. Он закрепил за Россией завоеванный Азов с прилегающими территориями, а также заложенными указу царя крепостями Таганрог, Павловск и Миус. Россия освобождалась от ежегодной выплаты дани крымскому хану. Особой статьей в договоре оговаривалось пребывание при Османском дворе русского посла.

Возможность иметь постоянное дипломатическое представительство в Османской империи в сложный период начала Северной войны имела большое значение для русского правительства. Сохранение мира с турками было жизненно необходимо России, поскольку давало возможность направить все силы государства на войну со Швецией. Между тем, несмотря на мирный договор, обстановка на южных рубежах России оставалась неспокойной. Не были четко определены границы территорий двух государств. Турки не смирились с потерей Азова и искали повод разорвать договор. Крымских татар не устраивала потеря ежегодной дани, и они продолжали тревожить русские пограничные селения своими набегами.

В ноябре 1701 года Пётр I указал отправить послом к турецкому султану Мустафе II Петра Андреевича Толстого (1645–1729). В его полномочной грамоте подчёркивалось, что основной задачей русского посла является содействие поддержанию мирных и дружественных отношений между двумя государствами[24]. П.А. Толстой не

---

[22] *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1994. С. 23; История внешней политики России: Конец XV–XVII век: (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Отв. ред. Г.А. Санин. М., 1999. С. 341–342.

[23] Обстоятельства Азовских походов, осады и штурма Азова не раз становились предметом исследования отечественных историков. Напр.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I: Потешные и Азовские походы; *Лунин Б.В., Потапов Н.И.* Азовские походы Петра I (1695–1696 гг.). Ростов-на-Дону, 1940; *Павленко Н.И.* Пётр Великий. С. 39–58.

[24] ПиБ. СПб., 1889. Т. II. № 424. С. 53.

имел дипломатического опыта, зато прекрасно владел итальянским языком, который был международным языком общения для европейских дипломатов при османском дворе. В Москве будущий посол получил подробную инструкцию и тайный «наказ». П.А. Толстому следовало разузнать и описать «тамошнего народа состояние», контакты Порты с другими государствами, состояние армии и флота, торговли и финансов и пр. В наказе русскому послу также предписывалось с «чюжестранными министрами обходиться политично, и к ним ездить, и к себе призывать, как обычай во всем свете у министров, при великих дворах пребывающих»[25]. Россия, имевшая тесные торговые связи с Англией и Голландией, рассчитывала на поддержку послов этих государств и при османском дворе.

П.А. Толстой прибыл в Эдирне (Адрианополь), где тогда находились двор султана Мустафы II и османское правительство, в августе 1702 года. Однако прямые контакты с европейскими коллегами ему удалось установить не сразу. Османы не доверяли русскому послу и, пока велись переговоры, держали его в изоляции сначала в Адрианополе, а затем в Стамбуле. В апреле 1703 года П.А. Толстой сообщил Ф.А. Головину, что живёт на «жидовском» дворе в городе, «и на двор ко мне никакому человеку приттить невозможно, понеже отвсюду видимо; и чюрбачей у меня стоит с янычанами, бутто для чести, а все для того чтоб християне ко мне не ходили»[26]. В июне 1703 года русский посол обратился с протестом к великому драгоману А. Маврокордато: «В таком обережении меня имеете, бутто я был вор или разбойник или бунтовщик <...> Ежели есть посол, потребно мне быть свободну как и протчия послы <...>»[27].

Длительное время с другими послами П.А. Толстой контактировал только через секретарей и переводчиков (главным образом это были взаимные поздравления с праздниками). Лишь через третьих лиц Петру Андреевичу удалось восстановить отношения со знакомым ещё по путешествию по Италии венецианским послом (байлом) Лоренцо Соранцо. В 1703 году П.А. Толстой доложил Ф.А. Головину, что Л. Соранцо «имел со мною любовь, когда я был в Венецыи». Венецианец «ныне по прежней любви» передал русскому послу чертеж новой турецкой крепости[28].

От тесного общения с западноевропейскими дипломатами отговаривал П.А. Толстого и патриарх Иерусалимский Досифей, предуп-

[25] Там же. № 419. С. 30–38.

[26] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 205. Чурбаши — младший офицерский чин в янычарском войске

[27] Там же. Л. 381 об.

[28] Там же. Л. 482 об.–483.

реждавший: «...и не надейтеся, что галанцы и агличаня суть приятели государю и для того им верить удобно, ниже тайну какую когда им сказывате, понеже тотчас скажют о том Порте...»[29].

Первым европейским дипломатом, нанесшим визит П.А. Толстому, стал английский посол. Это произошло в марте 1704 года, т.е. через два с половиной года после прибытия П.А. Толстого к Порте. Английским послом при османском дворе с 1701 по 1716 год был Роберт Саттон, который отлично владел итальянским и латынью и предположительно знал французский (но не говорил по-турецки, как голландский посол Я. Кольер). Опубликовавший донесения Р. Саттона турецкий историк А.Н. Курат отметил, что, судя по докладам посла, он более симпатизировал России, чем Османской империи. Р. Саттон охотно оказывал помощь русскому посольству, что в то время не расходилось интересами и Британии, занятой в войне за Испанское наследство и стремившейся ослабить французское влияние при османском дворе, используя в том числе и русско-турецкие противоречия[30].

Статейный список П.А. Толстого содержит подробное описание первой встречи русского и английского послов[31]. 28 марта после полудня Р. Саттон прибыл к посольскому двору верхом на лошади в сопровождении пятидесяти человек и был торжественно принят послом и служителями. В Статейном списке П.А. Толстого записано: «Встретил посол аглинского посла в верхних сенях на верхнем крыльце, а дворяня и переводчики и подьячие и толмачи на нижнем крыльце у ворот, а люди посолские за вороты»[32].

После взаимных поздравлений П.А. Толстой проводил англичанина в палату, где они «сели на уготованных креслах». Р. Саттон счёл нужным сообщить, что давно хотел нанести визит русскому послу, однако не мог получить разрешения от Порты. Затем он заметил, что поскольку в настоящее время королева с царем пребывает в согласии, то и им, послам, тоже подобает быть в согласии. Во время беседы английский посол (который вел обширную переписку со своими коллегами при европейских дворах) продемонстрировал хорошую осведомленность в российских делах. Так, он одобрил намерение царя развивать торговлю через порты Балтийском море, что было бы в интересах и английского купечества. Дипломаты также обсудили возможности развития русско-турецкой торговли через

[29] Там же. Л. 450.

[30] The Despatches of sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714). P. 7.

[31] РГАДА. Ф. 89. Оп 1. 1704 г. Д. 3. Л. 145–149.

[32] Там же. Л. 145 об.

Азов. В конце беседы послы договорились об обмене информацией и взаимных услугах[33].

Через пять лет П.А. Толстой сообщил послу в Вене А.А. Матвееву, что английский и голландский послы «со мною имеют всегда добрую корреспонденцию, наипаче же превосходителнейший посол аглийской, изрядный мой приятель, и воистинно муж всякия похвалы достойный <...> обои оные послы усердствовали удерживати Порту Оттоманскую от зачатия войны; никако бы тщание предсупело, ащели бы правителство сего двора в каковой войне предусмотрили себе каковую-либо ползу»[34].

В период до Полтавской победы Р. Саттон помог П.А. Толстому наладить контакты с влиятельными персонами в османском правительстве и во дворце султана, подсказывал, к кому можно обратиться с тем или иным вопросом. Англичанин делился информацией о событиях при европейских дворах и предупреждал о враждебных действиях крымского хана Девлет-Гирея и французского посла П.П. Дезальера. Он не препятствовал неформальному общению с П.А. Толстым своего переводчика дуброчанина Луки Барки, который несколько лет получал жалование и от русского правительства[35]. В свою очередь П.А. Толстой сообщал Р. Саттону сведения о ситуации в России и при царском дворе, новости с фронтов Северной войны и т.д. Расстановка политических сил в Стамбуле резко изменилась после Полтавской победы, вынудив Р. Саттона напрямую «вмешаться» в русско-турецкие отношения.

После побед русской армии под Полтавой и Переволочной остатки потерпевшего поражение войска шведского короля Карла XII, а также отряды казаков гетмана И.С. Мазепы нашли убежище в землях Османской империи[36].

8 августа 1709 года П.А. Толстой сообщил канцлеру Г.И. Головкину, что шведский король «неизреченные соблазны туркам доносит

---

[33] Там же. Л. 146–147.

[34] Там же. 1709. Д. 1. Л. 87–87 об.

[35] В данном случае идет речь о Луке Барке-младшем, племяннике дубровчанина (натурализованного неаполитанца) Лука Барка, который возглавил консульство в османской столице после Карловицкого мира (1699) и был представителем Дубровника (Рагузы) на Кипре, в Каире и Александрии. П.А. Толстого с Лукой Баркой познакомил С.Л. Владиславич-Рагузинский. Дубровчанин имел обширные связи при османском дворе и в правительстве и вскоре стал поставщиком неоценимых сведений для российского посольства. После смерти в 1709 Луки Барки-старшего консулом Дубровника в Стамбуле стал Лука Барка-младший (*Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 243).

[36] По данным Б.Н. Григорьева короля от Переволочны сопровождали 1300 шведов и 1500 запорожцев (*Григорьев Б.Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 371).

и премногие дела им обещает, чтобы они встали войну против царского величества, в чем ему зело способствует хан крымской»[37]. 19 августа с сообщением о прибытии Карла XII на османскую территорию в Стамбул приехал М. Нейгебауэр. Среди дипломатов, которые первыми через своих секретарей приветствовали шведского посланника в его резиденции на Галате, был и английский посол (вслед за французом и австрийцем)[38].

В августе–сентябре почти все бывшие сторонники Станислава Лещинского перешли на сторону короля Августа II, а территория Польши была почти бескровно очищена от шведских войск[39]. По замечанию С.Ф. Орешковой, с того времени Османская империя в планах короля занимает главное место[40]. В Стамбул на помощь М. Нейгебауэру был отправлен Ст. Понятовский. Шведская дипломатия настойчиво добивалась от османского правительства заключения направленного против России военного договора[41]. На несколько лет лагерь шведского короля стал центром притяжения антирусских сил (мазепинцев, сторонников Станислава Лещинского и представителей крымского хана).

Сложившуюся ситуацию пытались использовать для ослабления возросшего после Полтавской победы политического влияния России и ведущие западноевропейские державы. Усилилось антирусское давление на Порту со стороны посла союзной Швеции державы Франции П.П. Дезальера. Двойственную позицию заняли австрийские дипломаты. Австрия, как и Англия, являлась сторонницей политики «баланса сил» и опасалась усиления позиций и Франции, и Российского государства.

Все это привело к тому, что русско-турецкие отношения резко обострились. Уже в конце 1709 года появились слухи об османских военных приготовлениях и возможном подписании Портой союза со Швецией, направленного против России. Грамота султана Ахмеда III о подтверждении мирного договора с Россией, отосланная в феврале 1710 года, стала последней дипломатической победой П.А. Толстого. 9 ноября 1710 во многом под давлением шведской дипломатии и крымского хана султан объявил войну России[42]. П.А. Толстого на полгода заключили в Семибашенный замок (Едикуле).

---

[37] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. № 1. Л. 494.

[38] Там же. Л. 510.

[39] *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы: (1709–1714 гг.) М., 1990. С. 34–35.

[40] *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 64.

[41] Там же. С. 64–65.

[42] С.Ф. Орешкова подчёркивала, что шведскую позицию активно поддерживали представители Франции, Австрии и Англии, а в принятии окончательного

Перспектива ведения войны одновременно на севере и на юге сразу с двумя серьезными противниками ставила Петра I в нелегкое положение. Русские дипломаты снова попытались найти посредников для мирных переговоров. В феврале 1711 года Б.И. Куракин в Лондоне получил царский указ предложить английскому правительству посредничать в деле примирения России со Швецией и Османской империей. Русский посол передал английскому правительству предложение Петра I: в благодарность за примирение Россия вступит в союз против Франции и предоставит союзникам 30 000 армию. Однако Карл XII в надежде на успехи османской армии опять не пожелал начать мирные переговоры[43].

Главным военным событием русско-турецкой войны 1710–1713 годов стал Прутский поход, который едва не закончился трагически для Петра I и русской армии. 9 июля 1711 года на правом берегу р. Прут русская армии была окружена обладавшим тройным численным превосходством войском Османской империи. Военный совет принял решение предложить туркам начать переговоры о перемирии, ведение которых царь возложил на вице-канцлера П.П. Шафирова.

12 июля вице-канцлеру в результате напряженных переговоров удалось убедить великого везира Балтаджи Мехмед-пашу подписать договор не просто о перемирии, а о вечном мире[44]. Россия сохранила основные завоевания Северной войны, а Османская империя добилась основной цели — возвращения Азова с прилегающими землями, разорения Таганрога, Каменного Затона, крепости в устье р. Самара. Подписавшие договор П.П. Шафиров и генерал-майор М.Б. Шереметев[45] были оставлены при османском правительстве в

решения о начале войны большую роль сыграла антирусская агитация крымского хана (*Орешкова С.Ф.* 1) Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 78; 2) Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 38). Английский посол Р. Саттон, сообщив своему правительству об объявлении турецким султаном войны России, заметил: «этот великий поворот дел является целиком работой татарского хана» (The Despatches of sir Robert Sutton... P. 28).

[43] *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. С. 84; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 281.

[44] Текст Прутского договора был написан на русском, турецком и итальянском языках. В русском тексте и итальянском переводе употреблялось выражение «вечный мир» (См., напр.: ПиБ. Т. XI. Вып. 1. № 4576. С. 322–324). Из-за спешки русские послы не имели возможности сверить все варианты текстов. Между тем, в турецком оригинале не был указан срок действия договора.

[45] Полковник Астраханского полка и сын командующего русской армией Б.П. Шереметева, Михаил Борисович Шереметев, «для лутчего почтения» получил генерал-майорский чин всего лишь днем ранее (ПиБ. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 580–581).

качестве заложников до ратификации договора и выполнения Россией всех его условий.

П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев получили ранг полномочных министров[46]. Однако вице-канцлер уже 16 июля в письме Г.И. Головкину печально констатировал: «... мой всемилостивейший государь, изволишь разсудить, ибо мы не так в министрском лице, как в аманатах, здесь оставлены, дабы договор исполнен был с вашей стороны во всем»[47]. Послом при Порте по-прежнему оставался находившийся в заключении П.А. Толстой. В конце июля 1711 года великий везир пообещал П.П. Шафирову содействовать освобождению заключенного. Однако П.А. Толстой покинул тюремные стены только в апреле 1712. Он так не получил подтверждавшей его полномочия царской грамоты и потому не мог принимать участия в дальнейших мирных переговорах.

Итак, летом 1711 года П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву следовало подтвердить Прутский мирный договор и вернуться в Россию. Предполагалось, что процесс ратификации не затянется, поэтому дипломатам не только не вручили точных инструкций как им действовать в случае осложнения ситуации, но и не был определен статус каждого из них. Лишь в сентябре 1711 года Г.И. Головкин передал П.П. Шафирову указ царя: «все дела отправлять и писатся вместе, также и дачи, кому что надлежит давать, с общаго совету»[48].

Между тем, уже через несколько дней после заключения Прутского мира царь дал османам повод обвинить себя в изначальном намерении не придерживаться статей трактата. Уже 15 июля 1711 года царь указал Ф.М. Апраксину не торопиться вывозить военное имущество из Азова и разрушать Таганрог, чтобы протянуть время до начала ноября[49]. В тот же день Пётр I приказал Д.М. Голицыну не спешить уничтожать укрепления Самарской крепости и вывозить военное имущество из Каменного Затона[50].

17 июля Пётр I напрямую связал выполнение русской стороной условий вывода войск из Польши, передачу Азова и разорение Таганрога с высылкой Карла XII из Османской империи[51]. Ещё через

---

[46] Грамоты о ранге чрезвычайных и полномочных послов П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву доставил А.Ф. Лопухин 13 августа 1712 года.

[47] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 32.

[48] Там же. Л. 139.

[49] ПиБ. Т. XI. Вып. 2. М., 1964. № 4592. С. 12.

[50] Там же. № 4593. С. 13–14.

[51] Там же. № 4602, 4603 С. 22–23. В Прутском договоре не были оговорены условия и сроки вывода войск из Польши, а также разорения и передачи Азова и других южных крепостей. 19 августа 1711 года П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев

три дня П.П. Шафиров получил указ стараться, «дабы короля швецкого турки из области своей выслали немедленно»[52]. 2 августа царь сообщил вице-канцлеру, что османы не получат Азова до тех пор, пока Карл XII не будет отправлен за пределы Османской империи. Таким образом, недолгое существование «вечного мира» между Россией и Османской империей было предрешено.

14 июля 1711 года турецкое войско направилось «с того места, где трактат учинен» в сторону Дуная[53]. Оно двигалось медленно, с многочисленными остановками, поскольку великий везир Балтаджи Мехмед-паша намеревался торжественно войти в Стамбул после возвращения Азова Османской империи. От выполнения Петром I взятых у р. Прут на себя обязательств зависело не только будущее русско-турецких отношений, но и судьба русских полномочных министров, а также подписавшего мирный договор великого везира.

В связи с этим на пути в Стамбул на русских дипломатов постоянно оказывали давление. 17 августа на диване от полномочных министров потребовали письменных обязательств с указанием срока передачи Азова, а также разорения укреплений Таганрога, Каменного Затона и крепостей на р. Самаре. П.П. Шафиров был вынужден уступить, однако ему удалось получить письменное уверение великого везира, что после выполнения Россией вышеуказанных условий, шведский король немедленно будет выслан[54]. Вице-канцлер неоднократно предупреждал русское правительство, что «без оддачи Азова мир того часу разорвется и такой воинской огонь разгорится, которой нелехко может разорван быть»[55].

За день до срока, указанного в «обязательном писме» русских полномочных министров, турецкие отряды подошли к Азову. Однако выполняя государев указ, Ф.М. Апраксин заявил, что Азов и Таганрог передадут османам только после высылки шведского короля[56].

9 ноября 1711 года великий везир Балтаджи Мехмед-паша был «низверг с того чина; и посажен он до указу в тюрму со многими своими конфиденты»[57]. Однако новый везир Юсуф-паша уверил

дали туркам «обязательное письмо», согласно которому следовало через два месяца сдать Азов, разрушить Каменный Затон и Самару через два, а Таганрог через четыре месяца (Там же. Примеч. к № 4655. С. 395).

[52] Там же. № 4613. С. 28. Отметим, что в тексте мирного договора не оговаривались ин сроки, ни маршрут следования шведского короля.

[53] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4866. Л. 1.

[54] ПиБ. Т. XI. Вып. 2. Примеч. К № 4613. С. 396–396.

[55] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 174–174 об.

[56] *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 147–148.

[57] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 182 об.

П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева, что если Россия выполнит взятые обязательства, то мир между двумя державами сохранится[58].

В турецкую столицу русских послов привезли 20 ноября 1711 года. А уже 9 декабря турецкое правительство обвинило Россию в невыполнении условий договора и снова объявило войну. Одновременно с подготовкой армии к военному походу османы решили начать новые переговоры, потребовав от России передать им всю Украину, Азов, вывести русские войска из Польши. Однако, опасаясь обмана, в мирные переговоры с русскими послами турки намеревались вступить лишь при посредничестве послов Англии и Голландии. Эти государства сохраняли формальный нейтралитет в Северной войне, а в 1698–1699 английский и голландский послы в качестве посредников принимали участие в заключении Карловицкого мира[59].

В отечественной историографии утвердилось мнение, которое выразили в своих ставших уже классическими трудах Л.А. Никифоров[60] и С.Ф. Орешкова[61], что Англии была выгодна русско-турецкая война. Между тем, турецкий историк А.Н. Курат считал, что политические и экономические интересы Британии требовали предотвратить войну между Россией и Османской империей[62]. Я.Е. Водарский, подчёркивая согласованность внешней политики Англии и Голландии, к основным «подстрекателям» османов к войне с Россией (в число которых входил английский посол в Стамбуле) добавил и голландского посла[63]. «Самым поразительным» назвал Н.Н. Молчанов то, что английский и голландский послы «не только отказались от обычного для них противодействия русским интересам, но и активно защищали их» во время мирных переговоров[64].

---

[58] Там же. Л. 179 об.

[59] Карловицким миром называют комплекс мирных договоров, которые подписали 26 января 1699 года представители «Священной лиги» (Австрия, Венецианская республика, Польша) и потерпевшая поражение в войнах 1683–1699 годов. Османская империя. Представитель России на Карловицком конгрессе П.Б. Возницын подписал договор о перемирии. Посредниками на переговорах между государствами «Священной лиги» и Османской империей выступали английский посол У. Пэджет и голландский посол Я. Кольер.

[60] *Никифоров Л.А.* 1) Русско-английские отношения при Петре I. С. 85; 2) Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 253.

[61] С.Ф. Орешкова полагала, что «эта заинтересованность происходила из антирусской направленности английской политики» (*Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 90).

[62] The Despatches of sir Robert Sutton... P. 7.

[63] *Водарский Я.Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 26.

[64] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 298

Сам П.П. Шафиров полагал, что основные причины поддержки англичан и голландцев российских интересов находились в области отношений между великими державами: они опасались, что начинавшаяся война может способствовать усилению состоявшей в союзе со шведским королем Франции. В ходе переговоров он доложил русскому правительству, что английский и голландский послы «по се время без всякого каварства в наших делех поступают назло шведом и французом»[65].

Итак, 14 декабря 1711 года незадолго до обеда перед главными воротами султанского дворца были обезглавлены одни из главных инициаторов заключения Прутского договора, приближенные великого везира Балтаджи Мехмед-паши – кегая (кетхуда) Осман-ага и секретарь (мектупчи) Омер-эфенди. По словам Р. Саттона, в тот же день ещё до полудня П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев послали секретаря к английскому и голландскому послам с письмами, «умоляющими» содействовать им в переговорах с Портой, дабы избежать войны и нового кровопролития. На следующее утро английский посол получил аналогичное сообщение от турок. Затем русские полномочные министры через своего секретаря прислали ему требования турецкой стороны, а также свои предложения и комментарии (относительно высылки Карла XII, снятия претензий на остальную часть Украины, а также возможности возвращения русской армии в Польшу в случае появления на ее территории войска шведского короля)[66].

По-другому расставили акценты в своих донесениях русские министры. Согласно статейному списку, 14 декабря П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев «с позволения Порты» обратились к английскому и голландскому коллегам с просьбой, чтобы те («яко приятелские послы, известия имеющия, како к министром иметь к трактованию мочь обычай меж христиански потенции») подтвердили турками наличие у русских дипломатов необходимых полномочий для ведения переговоров («что полномочную нашу видели и о персонах наших сведомы, что веры достойны»). Однако османам этого не было достаточно. Великий везир объявил, что без медиации англичан и голландцев переговоры даже не начнутся[67].

Несмотря на свой многолетний дипломатический опыт, П.П. Шафиров до этого случая ни разу не вел переговоров с участием в качестве посредников иностранных дипломатов. Вице-канцлер не только не имел соответствующего государева указа, но даже не мог опе-

[65] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 107–107 об.

[66] The Despatches of sir Robert Sutton... P. 84–85. Перевод письма П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева опубл.: Ibid. P. 97.

[67] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 33–33 об.

ративно выяснить позицию царского двора по этому вопросу. П.П. Шафиров попытался отказаться от ведения новых мирных через посредников, заявив, что Пётр I поручил ему не «о новом мире трактовать», а «о утвержении постановленного миру и о пресечении всех в том происходящих споров»[68]. Однако вскоре был вынужден принять османские требования на свой страх и риск. Оправдываясь перед русским правительством, вице-канцлер указывал на возможность начала новых военных действий и писал, что «турки не хотели с нами ни о чем более говорить, и ничему верить без медиаторов ни ныне, ни впредь не хотят»[69].

Уже в апреле 1712 года, комментируя фрагмент текста турецкого варианта преамбулы Адрианопольского мирного договора (где говорилось, что «барон Пётр Шафиров и господин генерал-маеор граф Михайло Шереметев, полномочные его царского величества <...> просили избранных великих господ в народе месийском, послов ея королевина величества великобританской, кавалера Роберта Суттона и высокомочных господ Стат Якуба Колира»[70]), П.П. Шафиров счёл необходимым ещё раз подчеркнуть, что не он стал инициатором призыва на помощь посредников.

Впрочем, решение Порты начать новые переговоры через посредничество англичан и голландцев попытались оспорить и противостоявшие в Стамбуле русским министрам французские и шведские дипломаты. В одном из мемориалов шведский посланник Томас Функ указал, что английский и голландский послы «для собственного своего интересу и прибытку <...> вступаютца в такое великое дело», потому что имеют «великой торг и многое число своих купцов в Москве» и не желают раздражать царя и что им «невозможно веры иметь»[71]. Шведские дипломаты неустанно внушали туркам, что таким посредникам верить нельзя, поскольку Голландия и Англия были медиаторами при заключении Травендальского мира, уже нарушенного датчанами[72].

---

[68] Там же. Л. 37.

[69] Там же. Л. 4 об.

[70] Там же. Л. 204. Опубл.: ПиБ. Т. XII. Вып. 1. М., 1975. № 5256. С. 203. Турецкая сторона, напротив, подчёркивала, что привлечь посредников предложили русские министры. Султан Ахмед III подготовил для своих подданных указ, в котором говорилось, что «московского царя полномочные и аманаты просили, яко древних друзей нашей Блистателной Порты, послов аглинского и галанского, и вышереченныя послы вступили в медиацию» (Там же. Примеч. к № 5245. С. 483).

[71] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 47 об.

[72] Там же. Л. 48.

Не только у русских послов, но и у голландцев и англичан тоже не было указов своих правительство принять посредничество в мирных переговорах. Они действовали на основании инструкций своих правительств, полученных «с начала сея войны», способствовать прекращению военных действий между Россией и Османской империей[73]. Впрочем, Р. Саттон обратился к своему правительству с просьбой прислать соответствующий указ[74].

23 декабря 1711 года П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев впервые встретились с английским и голландским послами в доме реиз-эфенди, чтобы пообщаться наедине до начала переговоров. В статейном списке записано «<...> в самое Рождество призваны они были к везирю и позволено им паки с нами видется у прежде бывшаго реиз-эфендия, которого до великого конюшего салтан сам назначил о том деле разговаривать. И в тот дом и мы призываны, но явилися при том те турские депутаты толь жестоки, что ниже назрится нам дали. И хотя мы и послы требовали на наши предложении прежние ответу, но они предложили, будто от самого салтана им данные предложения, бес которых миру он содержать не хочет, такие, каковых и в мысль взять невозможно»[75].

На первых же конференциях русские послы объявили турецким комиссарам, что Россия соблюдает Прутский договор и уже выполнила основную часть записанных в нем условий, а на добавление новых статей у них нет полномочий от царского двора. Английский и голландский дипломаты («а особливо первой») поддержали позицию П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева, поскольку подобные действия Порты противоречили нормам международного права[76].

Представление о ходе русско-турецких переговоров дают тексты статейных списков и донесений русских полномочных министров. В этих документах основной упор сделан на описании турецких требований и отстаивании дипломатами интересов Петра I, однако порой невозможно четко проследить хронологическую канву событий. Например, П.П. Шафиров в отправленных к русскому двору 30 января 1712 года письмах упоминал, что после 15 декабря состоялись встречи с турецкими комиссарами «в самое Рождество» и 26 декабря (после которой было «хотя хотели вскоре пойти сьехатца розговаривать, но по 30-е число генваря то отлогали»)[77].

---

[73] Там же. Л. 34 об.

[74] The Despatches of sir Robert Sutton... P. 87.

[75] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 213–213 об.

[76] Там же. Д. 6. Л. 29–29 об.; Д. 7а. Л. 37–37 об.

[77] Там же. Д. 7а. Л. 40 об.

Между тем Р. Саттон в письме от 30 декабря 1711 года сообщил о встречах с русскими министрами и представителями Порты, состоявшихся 23, 26, 28 декабря (24 декабря Р. Саттон и Я. Кольер посетили великого везира, чтобы дать ему подробный отчет о происходившем на состоявшейся днем ранее конференции)[78]. В своих донесениях английский четко выделяет основные спорные моменты переговоров, а также прикладывает и к отчетам тексты обсуждавшихся документов.

30 декабря 1711 года английский посол пожаловался, что в течение последних четырех дней у него не было возможности уделить самому себе и секунды. Все время занимали бесконечные дискуссии с турецкими комиссарами, продолжавшиеся с утра до ночи. При обсуждении каждой из статей договора османы изобретали различные отговорки и приводили разные варианты толкований[79]. Р. Саттон отметил и обратил внимание великого везира на то, что один из комиссаров – великий конюший Мехмед-ага – страстно защищал интересы крымского хана Девлет-Гирея II[80].

Р. Саттон в донесениях своему правительству перечислил основные претензии турецкой стороны: передача Украины или ее части; вывод русских войск из Польши без права возвращения, если там появится шведский король со своей армией; беспрепятственное возвращение Карла XII на родину таким путем и в такое время, как пожелает турецкий султан; передача Азова и разрушение Таганрога и т.д. Он обратил внимание, что русские министры вскоре после начала переговоров стали старательно избегать упоминания в тексте договора Пруссии, чтобы дать возможность своему царю провести через нее свои войска[81].

Посредники поддержали позицию вице-канцлера в отношении Азова. Ещё 13 ноября 1711 года П.П. Шафиров просил царя повременить с отдачей Азова османам, чтобы иметь рычаги давления на турецкое правительство[82]. 31 января 1712 года он доложил, что объяснял туркам: «когда уже в поле они выйдут, тогда мы с ними трактовать не можем, ибо ваше величества, услыша о начатии войны иные меры воспримите и Азова отдать и Таганрога разорить не велите. И послы им то ж крепко внушали»[83]. Впрочем, эти письма задержались в пути, и Ф.М. Апраксин успел передать Азов и разорить Таган-

[78] The Despatches of sir Robert Sutton... P. 93.

[79] Ibid. P. 87.

[80] Ibid. P. 93.

[81] Ibid. P. 87–91.

[82] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 184.

[83] Там же. 1712 г. Д. 7а. Л. 16–16 об.

рог, что, как впоследствии оказалось, значительно продвинуло вперед мирные переговоры.

22 февраля 1712 года П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев снова встретились с послами-посредниками в доме реиз-эфендия. На состоявшейся без участия представителей турецкой стороны конференции Р. Саттон и Я. Кольер сообщили царским министрам, что султан Ахмед III, показывая свою готовность к миру, отказывается от претензий на Киев и готов уступить часть Украины Петру I. Однако Порта, в свою очередь, ожидала аналогичного шага и от царя, чтобы тот «ис протчих бы де провинцей на той стороне Днепра <...> уступил вместо Киева салтану для удоволства»[84].

Безусловно, требование османов о передаче им всей Украины для России было невыполнимым. Русские дипломаты понимали, что царь никогда не пойдет на уступки в этом вопросе. Ни англичане, ни голландцы помочь не могли, напротив, рекомендовали уступить часть земель по берегу Днепра «для увеселения салтану»[85]. Отказаться от данного требования турок вынудила только твердая позиция П.П. Шафирова.

В течение трех месяцев послы, а также секретари и переводчики голландского и английского посольств поочередно посещали Порту и русский посольский двор, пытаясь сблизить обе позиции, являя «великое радение и старание о интересе» Петра I[86]. П.П. Шафиров написал царю о послах-посредниках: «...и проведыванием о всем, и пересылкою корреспонденции, и склонением турских министров нам помогают, а без них бы никуды мы не были допущены и не могли б и писать»[87]. Без посредников великий везир Юсуф-паша принял русских послов только 2 апреля, когда основные пункты будущего договора были уже согласованы[88].

Наконец, 5 апреля 1712 года в присутствии послов-посредников русские дипломаты и великий везир обменялись подписанными трактатами[89]. В отличие от «вечного» Прутского мира новый Константинопольский договор был заключен на 25 лет. П.П. Шафиров передавал мнение иностранных послов, что турки такого договора будут придерживаться точнее, чем без указания срока («<...> и послы разсуждали, что и со всеми потентантами у них учинен со уреченными летами мир, и что оной турки нарушат прежде сроку, по закону

[84] Там же. Л. 84.

[85] Там же. Л. 83.

[86] Там же. Л. 15а об.

[87] Там же. Л. 66.

[88] Там же. Л. 187 об.

[89] Там же. Л. 196 об.–197

своему более зазрение имети могут, нежели вечной без сроку, определенного»[90]). Вице-канцлер попросил Петра I лично поблагодарить голландского и английского министров при русском дворе за помощь их коллег в Стамбуле, но особо «наодине» английского посла[91].

В Санкт-Петербурге текст мирного договора получили 8 мая 1712 года[92]. Утро следующего дня, как писал Ч. Уитворт, «прошло в большой радости, с крепости и судов беспрестанно палили пушки». Пётр I на устроенном торжественном обеде попросил английского посла и голландского резидента передать благодарность своим правительствам[93].

В османской столице сотрудники английского и голландского посольств получили денежное вознаграждение от П.П. Шафирова: Р. Саттон — 6000 червонцев, Я. Кольер — 4 000. Тысячу червонцев передали переводчикам и секретарям. Вице-канцлер попросил русское правительство прислать для раздачи в качестве награды собольих мехов. Он также предложил возложить на послов ордена св. Андрея Первозванного или даровать «хотя по персоне своей с алмазами доброй цены».

Признавая значительность вклада послов дружественных держав в дело установления мира между Россией и Османской империей, Пётр I не посчитал нужным удостоить их высшей российской наградой. 20 мая 1712 года Г.И. Головкин написал вице-канцлеру, что в Стамбул доставят только «персоны, каковы могли вскоре сыскатца, аглинскому в 1400 рублей да мех соболей 1000 рублей, галанскому персона в 1300 рублей да мех в 700 рублей». Секретарей послов и переводчиков канцлер рекомендовал «удоволствовать за их труды из наличной казны»[94].

Оценивая степень вклада в переговорный процесс английского и голландского посла, П.П. Шафиров отдавал пальму первенства англичанину. В своих донесениях ко двору он не раз подчёркивал заслуги и английского переводчика дубровчанина Луки Барки (который в русских документах также фигурировал как Лука Кириков и Макарий Степанов).

Готовившийся покинуть османскую столицу П.П. Шафиров и русское правительство не видели кандидатуры на место русского резидента в Стамбуле лучшей, чем Лука Барка. 3 августа вице-канц-

---

[90] ПиБ. Т. XII. Вып. 1. Примеч. к № 5256. С. 500.

[91] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 236 об.

[92] Донесения и другие бумаги английский послов... № 52. С. 196.

[93] Там же. С. 197–198.

[94] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 698 об.–699.

лер предложил принять Л. Барку на русскую службу, «ибо он знает двор здешней с основания, и человек умной и о всех наших секретах сведом»[95]. 18 сентября 1712 года для дубровчанина были отправлены верительная грамота к султану Ахмеду III и патент о приеме на царскую службу в качестве резидента[96]. Однако это назначение не состоялось, русским послам пришлось надолго задержаться в Османской империи.

Шведский король неоднократно выражал неудовольствие той ролью, которую сыграли английский и голландский послы в деле заключения мирного договора. На это указывал и посланник Гольштейн-Готторпского герцогства при дворе Карла XII Фридрих Эрнст фон Фабрис[97]. Шведские дипломаты при поддержке французов и крымского хана пытались снова усилить давление на Порту, чтобы обострить русско-турецкие отношения. Их труды увенчались успехом.

31 октября 1712 года турки снова объявили войну России (на этот раз поводом послужило нахождение царской армии на территории Польши). Русских послов заключили в Едикуле. Как потом П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев сообщили Г.И. Головкину: «Какую мы, государь, беду и тесноту в заключении от сих варваров терпели, истинно описать невозможно. Истинно, саженях на 6 сидело нас с 210 человек и не имели свету, кроме малых стекол и решеток сверху»[98]. С внешним миром русских дипломатов связывали переводчики дружественных европейских послов В. Тейлс и Л. Барка. От них П.П. Шафиров узнал о кризисе в шведско-турецких отношениях, приведшему к вооруженной стычке (так наз., калабалыку): 31 января 1713 года состоялся штурм янычарами шведского лагеря в деревне Варнице, окончившийся ранением и арестом короля. Получив это известие, П.П. Шафиров обратился с просьбой к голландскому переводчику В. Тейлсу отправиться в Адрианополь, где с начала объявления войны находился османский двор, и передать предложение туркам приступить к мирным переговорам[99]. Вернувшая назад утраченные в конце XVII века крепости и земли Порта снова предпочла не начинать военные действия, а сесть за стол переговоров.

24 марта 1713 года русские послы выехали в Адрианополь. На этот раз Порта намеревалась вести переговоры без посредников, поскольку считала, что Я. Кольер и Р. Саттон были подкуплены русскими. Тем не менее, несмотря на то, что русский «доброжелатель» Я. Кольер

[95] ПиБ. Т. XII. Вып. 2. М., 1977. Примеч. к № 5551. С. 395.

[96] Там же. № 5551. С. 138–139, № 5552. С. 139.

[97] The Genuine Letters of Baron Fabricius... P. 109.

[98] ПиБ. М., 1992. Т. XIII. Вып. 1. Примеч. к № 6027. С. 421.

[99] *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. VIII. Т. 16. С. 393–394.

остался в Стамбуле[100], его переводчик В. Тейлс получил разрешение отправиться в Адрианополь. Послы донесли в Санкт-Петербург, что голландец «истинно служит, сколко может, тайно (ибо явно его к нам не допускают)»[101].

П.П. Шафиров не сомневался, что и английский посол, и его переводчик найдут возможность помочь русским послам в новых переговорах. Однако Л. Барка не спешил покидать Стамбул. Вице-канцлер с изумлением сообщил С.Л. Владиславич-Рагузинскому, что «наш приятель» несмотря на многочисленные просьбы отказывается прибыть в Адрианополь («мы многократно его чрез писма свои просили, чтоб он домогся у посла своего, дабы он послан от него был сюда вместо другова переводчика, которой от него здесь живет, чтоб мы могли от него здесь какую помощь иметь»)[102].

По данным А.Н. Курата, ещё 11 марта 1712 года английское правительство отправило своему послу в Стамбул указ не вмешиваться в переговорный процесс Османской империи с Россией и Польшей[103]. Тем не менее, Р. Саттон и Л. Барка в течение целого года (с весны 1712 по весну 1713) продолжали оказывать поддержку русским послам, напрямую не нарушая полученный указ. Л. Барка передавал томившимся в Едикуле послам сведения о политической обстановке в Стамбуле и Европе, помогал поддерживать переписку с русским правительством и сам продолжал переписываться с главой Посольского приказа Г.И. Головкиным.

Тем большей неожиданность оказалась для освобожденных из турецкой тюрьмы русских послов резкая перемена в отношении прежних «доброжелателей». 2 апреля 1713 года П.А. Толстой из Едикуле доложил вице-канцлеру: «Господин Макарий весма от меня чюждается <...> Я об нем ныне в великом сумнении, и пишит ли он к вашему превосходителству, не знаю. Однакож я не являюся ему смущально, и паки буду его принуждать со мною в корреспонденцию, понеже ухищрение прехитрить есть безгрешно, того ради сколко мошно ласкати его не престану, долдеже познаю его намерение»[104].

5 апреля 1713 года уже П.П. Шафиров сообщил Г.И. Головкину, что прежний «приятель» Лука Барка «... ни во что не хотел вступать,

---

[100] П.П. Шафиров написал об этом: «чему и мы и не не рады, ибо, хотя галанской посол человек зело добросердой, толко прибыли в нем будет мало» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 20).

[101] Там же. Л. 20–20 об.

[102] Там же. Кн. 6. Л. 43 об.–Л. 44.

[103] The Despatches of sir Robert Sutton... P. 7.

[104] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5898. Л.3.

внушая нам, будто турки не мыслят о мире. И отбивал нас, чтоб мы о том и не промышляли»[105].

Однако когда вице-канцлер получил известия от российских дипломатов о последних политических событиях в Западной Европе (в частности, об Утрехтском конгрессе), ситуация прояснилась. В письме от 16 мая 1713 года А.А. Матвеев доложил П.П. Шафирову, что чрезвычайный посланник царя при британском дворе Бертрам фон Шак «по инструкциям своим от двора нашего домогался у королевы о вспоможении ея у Порты к отвращению войны против России, и о том предлагал стацкому ея секретарю лорду Буленбруку[106] о посылке ея королевиных указов к послу ея, ныне резидуючему при оной Порте, но он, стацкой секретарь, с ласковым молчанием ото всего того отшел». А.А. Матвеев сообщил, что Англия взяла курс на сближение с Францией и поэтому «конечно приняла все меры общия и умом поятныя пакости и предосуждения интересам его царского величества у нее, Порты, чинить и болши наговаривать к той». Посол рекомендовал вице-канцлеру не полагаться «ни на какия ласкосердныя обхождения» английского посла «и с ним обходится толко по наружной политике», справедливо резюмировав, что «посол, хотя по своей склонности мог бы нам благоприятствовать во всем, но интерес его государыни всегда превосходит и преодолевает волю его»[107].

В июле 1713 года П.П. Шафиров предупреждал Санкт-Петербург: «Лука Кириков <...> по освобождении нашем из Едикулы и весма явился яко предатель во удержании писем наших, с смертными страхом чрез руки его посылали». Вице-канцлер подчеркнул, что Л. Барка поступал подобным образом с согласия английского посла[108]. Несмотря на неоднократные донесения послов из Стамбула, русское правительство некоторое время отказывалось верить неприятной перемене. Г.И. Головкин (который продолжал напрямую переписываться с Л. Баркой) рассудил за благо «с ним поступить политично» и заплатить 4000 руб., в число которых входило 1000 руб. годового жалования и деньги на иные расходы. Доверие к Л. Барке было настолько велико, что канцлер, несмотря на тревожные известия от русских послов из Стамбула, не сразу отказался от идеи после подписания мирного договора оставить дубровчанина в

---

[105] ПиБ. М., 1993. Т. XIII. Вып. 1. Примеч. к № 6027. С. 420.

[106] Речь идёт о статс-секретаре британской королевы Генри Сен-Джоне, виконте Болингброке.

[107] Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... Ч. 1. № 81. С. 265.

[108] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 380–380 об.

качестве русского резидента при османском дворе с ежегодным жалованием в 2000 руб.

Итак, многолетнее тесное сотрудничество британского посла Р. Саттона и русских дипломатов в Стамбуле закончилось весной 1713 года. К тому времени коренным образом изменилась политическая ситуация в Западной Европе. Царь Пётр I восстановил пошатнувшийся после Прута авторитет в европейских делах. Северные союзники активно действовали в Померании и Гольштейне, усилилось их сближение с Пруссией.

Подошла к концу многолетняя война за Испанское наследство. Представители ещё недавно выяснявших отношения на полях сражений великих держав Англии, Австрии и Франции и их союзников сели за стол переговоров в Утрехте (а затем в Раштадте). У Британии появилась возможность более активно вмешаться в происходившие на Севере Европы события и заняться восстановлением политического равновесия в этом регионе.

Между тем, на другом краю европейского континента — в Османской империи, английский посол в рамках того же самого принципа «баланса сил» в течение многих лет оказывал существенную помощь русскому посольству.

И.О. Пащинская
(Санкт-Петербург)

Программа обязательного путешествия вел. кн. Николая Павловича по Великобритании 1816–1817 годов

Королевская яхта «Роял Соверен» под командованием контр-адмирала Эдварда Оуэна (Owen)[1] причалила в Диле вечером 6/18 ноября 1816 года. На её борту прибыл в Великобританию высокий гость из России[2].

Следующим утром двадцатилетнего вел. кн. Николая Павловича, брата российского императора Александра I, приветствовал салют орудий Дуврской крепости[3]. Николай Павлович осмотрел систему оборонительных укреплений крепости, пояснения ему давали полковники Марлей (Marley) и У. Форд (Ford). Он увидел фортификационные укрепления замка на холмах и разветвлённые подземные переходы[4]. Древняя крепость, существовавшая с XIII века, была значительно перестроена в годы войн с революционной Францией под руководством выдающегося инженера Уильяма Твиса (Twiss), под

[1] О яхте писали, что «ничто не может быть прекраснее этого судна, вновь расписанного и вызолоченного». См.: The Times. 1816. 23 November.

[2] The Times. 1816. 21 November.

[3] The Colchester Gazette, And General Advertiser for Essex, Suffolk, Norfolk, Cambridge shire, and Herts. 1816. 23 November. В Дувр для встречи путешественника прибыли российский посол в Лондоне граф Х.А. Ливен и адмирал Дж. Кокберн — участник военных действий против США в Северной Америке, который когда-то доставил пленного Наполеона на остров святой Елены и несколько месяцев был губернатором острова.

[4] The London Literary Gazette and Journal of Belles Letters, Arts, Sciences, etc. for the Year 1828. London, 1828. P. 614.

началом которого работал в своё время командир сапёров Уильям Форд.

Осмотром Дуврской крепости началось тщательно спланированное четырёхмесячное образовательное путешествие по Великобритании будущего императора Николая I, которое было задумано как завершающий этап его обучения.

Великобритания в то время привлекала внимание многих европейских и американских путешественников передовой промышленностью, мощными торговыми предприятиями, научными достижениями, устройством политической системы, разработкой и внедрением новых систем обучения, превосходными благотворительными учреждениями, знаменитым английским комфортом, коллекциями предметов искусства, памятниками истории и культуры, природными красотами, великолепными парками, прекрасными дорогами, развитой сетью общественного транспорта.

Николай Павлович прибыл в Великобританию с целью ознакомления с самыми разнообразными сторонами жизни этой страны. К разработке программы путешествия императрицей Марией Фёдоровной, которой принадлежала идея этого путешествия и которая стала главным его организатором, были привлечены дипломаты Х.А. Ливен и П. Николаи, в то время действительный и чрезвычайный посланник и полномочный российский министр в Копенгагене, прежде работавший в Великобритании, мореплаватель И.Ф. Крузенштерн, российский учёный И.Х. Гамель, кавалер великого князя Г.А. Глинка, свои соображения, возможно, мог высказывать лейб-медик шотландец Александр Крейтон[5].

В ходе подготовки к этой поездке специальную записку для путешественника по поручению императрицы-матери составил управляющий Министерством иностранных дел и присутствующий в Коллегии иностранных дел граф К.В. Нессельроде. Великий князь предостерегался от опасности, которой подвергается каждый чужеземец за границей: бессознательно подчиняться сумме посторонних влияний. Автор этой записки-наставления отмечал необходимость судить о какой-либо стране в связи с её историческим прошлым и развивал идею о том, что общественные учреждения никогда не являются следствием одной лишь воли человека, но плодом времени, событий, иначе говоря, самой природы обстоятельств. Нессельроде подчёркивал, что развитие учреждений, которыми Англия гордится по

[5] *Марисина И.М.* «Довершить воспитание путешествиями...»: путешествие великого князя Николая Павловича в Англию в 1816–1817 годах (по материалам переписки императрицы Марии Фёдоровны и Х.А. Ливена) // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Вып. 14. М., 2012. С. 137–153.

праву, происходило с поражающей медленностью, и возможность их упрочения во многом обусловлена самим географическим положением страны. Автор предостерегал от опасности в порыве восторга впасть в распространённое заблуждение, что можно привить этот строй и другим народам и государствам, но указывал, что учреждения англичан заслуживают ознакомления для того, «чтобы изощрить ум наблюдателя в области мышления»[6].

В одном из писем императрицы Марии Фёдоровны А.Х. Ливену, написанных в ходе подготовки к путешествию по стране, «славящейся своим богатством, просвещением и законами»[7], то многое, что предстояло увидеть великому князю, было условно разделено на следующие группы: государственные учреждения (парламент, суды, тюрьмы, арсеналы, флот); научные учреждения (университеты, музеи, коллекции, мануфактуры, фабрики); а также «провинции и сельские местности, выдающиеся своей природой и культурой». Обращалось внимание и на знакомство с людьми «наиболее выдающимися в области наук, искусств, а также литературы»[8].

Залогом успешности путешествия с целью «обогащения полезными познаниями» является наличие у путешественника так называемого «предварительного знания». Как указывает исследовательница И.М. Марисина, об этом писал, готовя молодых людей к путешествиям, в записке своим воспитанникам Николаю и Михаилу Павловичам их кавалер Г.А. Глинка[9]. По рассказам вдовы Г.А. Глинки, «довольное время было посвящено на прочтение с ними полезных в этом отношении книг»[10]. Для молодого человека возможный недостаток предварительных знаний в каких-то областях должен был восполняться в самом путешествии общением с его спутниками. Они должны были организовывать выполнение программы поездки, давать необходимые пояснения тому, с чем приходилось сталкиваться за границей, организовывать встречи с «выдающимися особами», следить за нравственным и физическим здоровьем молодого человека. Императрица тщательно выбирала спутников великого князя. Как и в путешествии по России, главным в свите Николая Павловича был пользующийся доверием императорской семьи генерал-адъ-

---

[6] *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: его жизнь и царствование. М., 2010. С. 60–61.

[7] *Свиньин П.П.* Ежедневные записки о Лондоне. СПб., 1817. С. 206.

[8] *Марисина И.М.* «Довершить воспитание путешествиями...» С. 142.

[9] Там же. С. 140.

[10] Путешествия великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. 1816 и 1817 годы. Вступление // Русский архив. 1877. Год 15-й. Вып. 6. С. 173. (Далее — Путешествия...).

ютант Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, бывший командир Кавалергардского полка и обер-полицмейстер Петербурга, боевой генерал, участник войны 1812–1814 годов[11]. В состав свиты вошли кавалеры великого князя Иван Фёдорович Саврасов и Григорий Андреевич Глинка, ранее сопровождавшие воспитанника в поездках по Европе в 1814–1815 годах и по России в 1816 году[12]. Так как спутники великого князя по его прежним путешествиям были незнакомы с Великобританией, в его свиту был назначен Павел Андреевич Николаи. Сопровождал великого князя и врач — шотландец Арчибальд Крейтон, которого в России звали Василием Петровичем, племянник лейб-медика Александра Крейтона. Среди сопровождавших были также адъютанты П.В. Голенищева-Кутузова Василий Алексеевич Перовский, капитан лейб-гвардии егерского полка[13] и Николай Логинович Манзей, ротмистр лейб-гвардии гусарского полка.

На отдельных этапах этой поездки к путешественникам присоединялись художник А. Зауервейд, дававший великому князю уроки рисования[14], и российский химик-технолог, доктор медицины, находившийся тогда в командировке в Великобритании «для усовершенствования в науках», Иосиф Гамель[15]. Высоким гостям, согласно

---

[11] В 1814 году Павла Васильевича император направил в Петербург с сообщением о взятии Парижа.

[12] И.Ф. Саврасов в юности камер-паж, поручик лейб-гвардии Конного полка и чиновник Коллегии иностранных дел, кавалер вел. кнн. Николая и Михаила с 1807 года. Г.А. Глинка, филолог, поэт, прозаик, переводчик был преподавателем на кафедре русской словесности в Дерптском университете до назначения на этот пост в 1811 г. он преподавал великому князю русскую словесность.

[13] После этого путешествия он будет назначен директором канцелярии генерала генерал-инспектора инженеров и адъютантом великого князя, а по восшествии Николая Павловича на престол в 1825 г. станет его флигель-адъютантом. О нём подробнее: Гр. В.А. Перовский // Русский архив. 1878. Год 16-й. Вып. 3. С. 373–380.

[14] А. Зауервейд работал в это время в Лондоне по заказам королевского двора, он давал великому князю уроки рисования и познакомил его с английским художником Б.Р. Хейдоном. См.: Из автобиографии Б.Р. Хейдона. Приложение к статье: *Марисина И.М.* Б.Р. Хейдон и Санкт-Петербургская Академия Художеств. Из истории русско-английских художественных связей // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Вып. 11. М., 2008. С. 183.

[15] И. Гамель увлёкся в Великобритании идеями взаимного обучения и написал работу «Описание способа взаимного обучения Белля, Ланкастера и других», вышедшую в свет на немецком, французском и русском языках. Его интересовали также достижения английских мастеров в области литографии, о которых им была опубликована специальная статья. Он проводил эксперименты с лампой Х. Деви в угольных шахтах с наличием большого содержания воспламеняющегося газа, именно поэтому можно предположить, что благодаря его советам состоялась встреча Николая Павловича с выдающимся английским

традиции, назначались сопровождающие принимающей стороны. В путешествии по Великобритании великому князю сопутствовал личный друг и адъютант принца-регента Уильям Конгрейв (Congreve), выдающийся механик и изобретатель, инспектор Королевской лаборатории Арсенала в Вуличе, который мог дать объяснения многим техническим новинкам, увиденным путешественником в ходе знакомства с промышленностью Великобритании[16].

Неоконченная биография Николая I историка, военного деятеля и директора Публичной библиотеки Н.К. Шильдера долгое время была единственным источником для тех авторов трудов о Николае I, которые кратко упоминали о поездке в Великобританию в 1816–1817 годах.

В своём труде Н.К. Шильдер отметил то значение, которое придавалось императрицей Марией Фёдоровной этой поездке, раскрыл цели и задачи, определённые ею для образовательного путешествия. Биограф писал об опасениях, которые испытывала императрица по поводу возможного влияния политической системы Великобритании и, как указывалось выше, привёл фрагменты записки, подготовленной Нессельроде для путешественника. Исследователь отметил, что императрица-мать определяла то, с чем должен был познакомиться путешественник, настаивала на очень простых условиях жилья великого князя, обращала внимание на то, что не нужно сосредотачиваться на одной области. Автор, основываясь на свидетельствах сопровождавших путешественника, охарактеризовал отношения великого князя с принцем-регентом, подчеркнул интерес Николая Павловича ко всему связанному с военной сферой, привёл оценку гостя из России, сделанную Штокмаром, врачом супруга наследницы английского престола принца Леопольда Саксен-Кобургско-

---

гравёром Томасом Бьюиком (Bewick) и посещение рудника Уолсенд в Нью-Касле, принадлежащего Джону Баддлу (Buddle), а также ланкастерской школы в Ньюкасле апон Тайн. См.: *Uglou J.* Nature's Engraver: A Life of Thomas Bewick. Chicago, 2009. P. 341; *Sykes J.* Local Records of Historical Register of remarkable Events, which have occurred in Nothhumberland and Durham, Newcastle upon Tyne and Berwick upon Twer. Vol. 2. Newcastle, 1833. P. 103; The Times. 1816. 21 December.

[16] Он сопровождал и императора Александра I в 1814 г. Биограф Николая Павловича Н.К. Шильдер, основываясь на труде французского историка П. Лакруа «История жизни и царствования Николая I, императора России» писал, что «герцог Веллингтон, два раза уже встречавшийся с Николаем Павловичем в Париже, считал своим долгом окружить брата императора Александра I вниманием и предупредительностью и нередко служил ему руководителем и спутником при обзоре замечательных военных и промышленных учреждений» — *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 64. Эти свидетельства о встречах с Веллингтоном в Лондоне пока не находят своего документального подтверждения.

го. В приложении к труду Шильдера были опубликованы записка императрицы Марии Фёдоровны императору Александру I по поводу этого путешествия, её письмо графу Ливену, а также упоминавшаяся выше записка Нессельроде.

В последние годы опубликованы несколько статьей, посвящённых отдельным эпизодам этого путешествия. Так, дружеским отношениям великого князя с 6-м герцогом Девонширским, сложившимся после знакомства в доме русского посла Ливена и продолжавшимися долгие десятилетия, посвящена статья Е.П. Ренне[17]. Посещение путешественником мастерской художника У. Аллана в Эдинбурге осветила М.В. Сидорова[18]. И.М. Марисина ввела в научный оборот и опубликовала материалы по подготовке этого путешествия и выработке его программы, а также исследовала историю посещения великим князем Британского музея[19]. Ею также на основе иных источников, чем М.В. Сидоровой, исследован визит великого князя в мастерскую художника У. Аллана[20]. Разные источники позволили исследователям создать выразительную и точную картину встречи, показать её на фоне общих явлений английского искусства этого времени и проследить историю бытования произведений У. Аллана в императорской семье.

Изучение полной программы путешествия, выявление тех мест, где побывал великий князь, промышленных объектов, с устройством и работой которых он знакомился, людей, с которыми общался, памятников истории и произведений искусства, которые он увидел и т.д. — основа дальнейшего изучения этого путешествия и значения приобретённых знаний и накопленных впечатлений для формирования личности будущего императора и, возможно, истоков некоторых его деяний.

---

[17] *Ренне Е.П.* Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. 2000. № 55. С. 23–33.

[18] *Сидорова М.В.* «Его карандаш переносит нас в самое сердце Востока...» Рисунки шотландского художника Уильяма Аллана в собрании ГАРФ // Россия – Восток. Контакт и конфликт мировоззрений. Материалы XV Царскосельской научной конференции. Сборник научных статей. В 2-х частях. Часть II. СПб., 2009. С. 125–138.

[19] *Марисина И.М.* Именитый посетитель Британского музея: к вопросу о пребывании великого князя Николая Павловича в Лондоне в 1816–1817 годах // Русское искусство Нового времени: исследования и материалы. Вып. 15. М., 2013. С. 80–98.

[20] *Она же.* «Шотландская страница» путешествия великого князя Николая Павловича по Великобритании: к истории одного визита. (В печати). Приношу свою искреннюю благодарность автору за возможность познакомиться с этой статьей.

Программа путешествия отражена в собственноручном журнале-дневнике Николая Павловича[21], его письмах[22], донесениях и письмах членов его свиты[23], финансовом отчёте по путешествию[24] и материалах английской прессы. В дневнике великий князь практически ежедневно записывал названия мест, где он находился, имена сопровождавших его свитских и тех, с кем он встречался, фиксировал, что было им увидено. Британские газеты информировали читателей о светских мероприятиях с его участием, о местах, которые он посещал во время пребывания в Лондоне и в поездках по стране.

20 ноября (по нов. стилю) восемь карет[25] въехали в Лондон и направились в предоставленный путешественнику Сент-Албанс хаус на Стратфорд плейс. Английский двор назначил гостю не только сопровождавшего — Уильяма Конгрейва, но и двух пажей и четырёх скороходов. У входа во временную резиденцию великого князя появились часовые[26]. В тот же день принц-регент послал приветствовать гостя своего личного секретаря сэра Бенджамина Блумфильда (Bloomfield)[27]. Утром следующего дня в Сент-Албанс хаус состоялся приём, на котором присутствовали члены дипломатического корпуса и представители английской знати — шотландский аристократ и государственный деятель герцог Монроз (Montrose), пэр и политик маркиз Джордж Чалми (Cholmondeley), Б. Блумфильд, генерал-адъютант сэр Хилгрейв Тернер (Turner) и др.[28] После официального приёма верхом, в сопровождении барона П. Николаи и Б. Блумфильда великий князь отправился в первую прогулку по городу — через Гайд-парк и Сент-Джеймский парк, мимо казарм королевской конной гвардии, по Черинг-кросс и Пэлл-Мелл. Вечером Николай Павлович присутствовал

---

[21] Журнал-дневник путешествия великого князя Николая Павловича по Англии // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27.

[22] Часть их опубликованы: «Ты ко мне писал, и я к тебе царапаю...» (Из переписки великого князя Николая Павловича с братом Михаилом) // Российский архив. М., 2010. С. 213–277. (Далее — «Ты ко мне писал...»).

[23] Путешествия... С. 172–204; Григорий Андреевич Глинка, состоявший кавалером (наставником) при великих князьях Николая Павловича и Михаила Павловича // Русская старина. 1876. Т. XVII. Вып. 9. С. 89–95. (Далее — Г.А. Глинка...).

[24] Отчёт в сумме его императорского высочества государя великого князя Николая Павловича, назначенный ея императорским величеством государынею императрицей Марией Фёдоровной на собственные его императорского величества расходы // Путешествия... С. 204–220. (Далее — Отчёт...).

[25] На судах через Ламанш были доставлены кареты путешественников, но, видимо, их было недостаточно и два дополнительных экипажа были предоставлены высокому гостю принцем-регентом. The Times. 1816. 21 November.

[26] Ibid.

[27] Ibid.

[28] Ibid. 22 November.

на приёме супруги российского посла графини Д.Х. Ливен в здании российского посольства на Херли стрит, 46[29].

Так началось его пребывание на английской земле. Согласно программе путешествия великому князю предстояло знакомство с метрополисом, как иногда называли Лондон, и длительные поездки по стране. Первые десять дней Николай Павлович провёл в столице, посвятив это время общему знакомству с городом и светским визитам. После этого он отправился через Уорвик, Бирмингем, Йорк, Ньюкасл он Тайн в Глазго, Эдинбург и Стерлинг в Шотландии. Обратный путь в Лондон пролегал через Моффат, Карлайл, Озёрный край, Ливерпуль, Манчестер, Честер, Глочестер и Оксфорд. Это путешествие продолжалось около сорока дней. Его маршрут был составлен заранее, как заранее были определены и те предприятия, образовательные и благотворительные заведения, памятники истории, которые он должен был осмотреть[30].

Следующий месяц великий князь провёл в Лондоне, иногда выезжая для осмотра достопримечательностей и визитов в окрестности столицы — в Виндзор, Клермон, Ньюмакет, Ричмонд, Чизуик, Туикенем, и несколько дней по приглашению принца-регента провёл у него в гостях в Брайтоне.

Затем состоялась двухнедельная поездка в западные графства — он посетил Уилтон хаус, осмотрел Солсбери и, минуя Ньютон, достиг Плимута. Далее — Бристоль и затем через Бат — возвращение в столицу. Последнюю неделю путешественники находились в Лондоне, посвятив эти дни прощальным визитам.

Увиденное великим князем в Великобритании можно условно разделить на несколько групп: промышленные предприятия — заводы, фабрики, доки, верфи, шахты, а также порты, каналы, мосты и торговые учреждения; политические и научные учреждения; учебные, благотворительные, лечебные заведения и курорты; памятники истории, культуры и места, известные своими природными красотами, королевские резиденции и усадьбы английских аристократов.

Глинка отмечал, что в городах его высочество «более всего любопытствует видеть здешние до возможного совершенства доведённые фабрики и заводы»[31]. Использование самых передовых технологий и

---

[29] Ibid.

[30] В ходе этой поездки программа претерпевала небольшие изменения. Так, в связи с незапланированной задержкой в Чатуорсе в гостях у герцога Девонширского было отменено посещение Кинстона апон Халл. По-видимому, из-за недомогания Николая Павловича во время пребывания в Эдинбурге не состоялась поездка в Инверари касл.

[31] Письмо Г.А. Глинки к великой княгине Анне Павловне. Декабрь 1816 г. // Путешествия... С. 197.

новых достижений в организации труда делало их интересными как для тех, кто имел практические интересы в сфере производства и торговли, так и для обычных посетителей. Одним из обязательных объектов осмотра путешественниками по Великобритании был находящийся близ Лондона Вулич — городок, где находились верфь, Арсенал, Королевская военная Академия и Королевская Артиллерия. Великий князь осмотрел верфь и Арсенал[32]. «Вулидж есть главнейшее депо в Англии, для флота и для армии. Нельзя исчислить пушек, находящихся всегда в готовности в здешнем Арсенале, ни великого множества всех родов амуниции»[33], — отмечал русский путешественник П.П. Свиньин. Характеризуя верфь, он писал, что там находятся «... два дока для постройки кораблей и три для наставления мачт. Шесть кораблей могут спускаться в одно время, а более того ещё починяться»[34]. Великий князь увидел паровую машину, устроенную для подъёма многотонного молота для производства якорей, которая вызвала его восхищение[35]. Возможно именно об этом производстве Свиньин написал «Адмиралтейство Вуличское весьма уважается, особливо по кузницам своим, на коих куются самые величайшие якори, и едва видимые гвозди и винты одною и тою же машиною. Ужасный огонь, выходящий из жерл кузниц, проведён через трубы к паровой машине, которая приводит в движение столярную и пильную мельницы, где всё режется, стругается и пилится машиною, где каждая дощечка, каждая палочка имеет свою форму, из коей она выходит при малейшем пособии человеческих рук, как вылитая»[36].

Если предприятия в Вуличе были государственными, то лесопилка в Баттерси, в Лондоне принадлежала выдающемуся изобретателю, инженеру и предпринимателю Марку Исамбару Брюнелю (Brunel)[37]. Лесопилка была совсем новым предприятием, открытым в том же 1816 году, после того, как прежняя сгорела. На ней использовались передовые технологии, основанные на изобретениях владельца, который кроме того, наладил производство ботинок для нужд армии[38]. В Лондоне внимания князя-путешественника удостоились и другие новаторские

---

[32] The Times. 1816. 28 November. Великий князь побывал в Вуличе, сопровождаемый Конгрейвом, также и перед отъездом на Родину. См.: The Morning Post. 1817. 15 March.

[33] *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 56.

[34] Там же. С. 58.

[35] The Times. 1816. 28 November.

[36] *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 55.

[37] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 200.

[38] Пара обуви была изготовлена в присутствии великого князя, за что было четырём рабочим заплачено 4 фунта стерлингов. Отчёт... // Путешествия... С. 212.

достижения британской столичной индустрии: паровые котлы, усовершенствованный печатный пресс, прядильное производство, завод консервных изделий и крупная пивоварня[39].

Одним из крупнейших промышленных центров Великобритании был Бирмингем, о котором Глинка писал: «Между великим множеством находящихся в нём фабрик осматривали мы заводы ружейный, пуговичный, литейный, железный (где делаются гвозди)»[40]. Это были — завод по производству гвоздей Вильямса, Джонса и К° (nail-manufacture of Messrs. Williams, Jones and C°, Britannia-buildings); завод Мюнца и Ко (P.T. Muntz and Co's mill in Water-street) по производству металлических валов, стальной и железной проволоки; патентное проволочное производство Джорденса (Jorden's patent sash-manufacture, in Friday-Street); латунное производство Томаса Кука и Бенджамина Аттвуда (Messrs Cook and Attwood's brass founders in Broad-street), где выпускались предметы роскоши с использованием позолоты и латуни; фабрика изделий из папье-маше Смолла (Small's paper mache and japan manufactury)[41].

Путешественники сделали остановку в Лидсе, крупном центре по производству шерсти, где также развивались льнопрядильная промышленность и чугунолитейное производство. Великий князь посетил биржи в центре Лидса, которые были важнейшими местами в мире по продаже тканей. Он осмотрел шерстяную мануфактуру Уормалд, Бенджамин Готт и Уормалд (Woolen-manufactory of Messrs.' Wormald Gott, and Wormalds), крупнейшее предприятие региона по производству шерстяных тканей[42].

В сообщениях прессы также указывалось, что путешественник увидел в Лидсе «один из наших главных льнопрядильных заводов и

---

[39] *Марисина И.М.* Именитый посетитель ... С. 81.

[40] Донесение Г.А. Глинки... // Путешествия... С. 196.

[41] The Times. 1816. 17 December. Этот список, приведённый в газетном сообщении, по-видимому, не полон, т.к. заканчивается выражением «и др.», в нём не названо какое оружейное предприятие посетил великий князь.

[42] The Times. 1816. 19 December. Бенджамин Готт был создателем в 1805 году самой крупной в мире мануфактуры по производству шерстяных тканей. Нет ясности в том, какое из трёх тогда принадлежащих компании предприятий посетил великий князь. На всех них широко использовались инновационные паровые машины и ткацкие станки. «Я искренне рекомендую американскому торговцу обширный мануфактурный дом господ Уормалда, Готта и Уормалда, который своему состоянию и кредиту имеет возможность осуществлять все заказы со скоростью и исходя из характера фирмы имеет право на неограниченное доверие» — так писал, познакомившийся с этими предприятиями и подробно описавший их американский путешественник Уайт. См.: *White J. E.* Letters on England: Comprising Descriptive Scenes. 2 vol. Philadelphia, 1816. Vol. 1. P. 95.

железное производство Фентона, Муррея и Вуда» (iron-works Fenton, Murray and Wood)[43]. На последнем в эти годы создавались локомотивы с зубчатым колесом, двигающиеся по зубчатым рельсам, подобно локомотиву Бленкинсопа[44].

Огромная заинтересованность в создании локомотивов, характерная для Британии той эпохи, определялась потребностями бурно развивающейся угольной промышленности. Именно она обеспечивала промышленный рост островного государства. Путешественники в Ньюкасле посетили рудник Уолсенд, принадлежащий Джону Баддлу (Buddle)[45], который в 1810 г. устроил на своей шахте современную и эффективную систему вентиляции и постоянно работал над ее улучшением. Расширение и углубление шахт для добычи угля привели к возрастанию опасности взрывов газа. Внедренные в практику изобретения и усовершенствования Баддла привлекали на шахту Уолсенд многих путешественников[46]. В Вулзли по дороге из Ливерпуля в Манчестер Николай Павлович осмотрел угольные шахты, принадлежащие маркизу Стаффорду (Stafford) и его компаньону Бредшоу (Bradshaw), разрабатываемые путём прокладки подземных каналов, и совершили четырехчасовую поездку по этим каналам продолжительностью около 3 миль на одной из угольных барж[47]. В Сандерленде он увидел новый специальный пирс, устроенный для перегрузки угля на суда предприятия Нешем и К° (Nesham и С°)[48].

Предметом интереса великого князя были и передовые предприятия сельскохозяйственной промышленности. Так, в Эдинбурге на Лейт уолк путешественники побывали на заводе сельскохозяйственных орудий знаменитого механика Самуэля Мортона (Morton)[49]. В Глазго посетили предприятие заводчика Харлея (Harley), занимавшегося разведением крупного рогатого скота[50].

В Шотландии путешественники познакомились с работой чугунолитейного завода в Карроне, одного из крупнейших в Европе того времени, где производились карронады (или каронады) — гладко-

---

[43] The Times. 1816. 19 December.

[44] См. подробнее: Leeds Engine Builders: http://leedsengine.info/leeds/histfmw.asp (Дата обращения — 09.10.2014).

[45] The Times. 1816. 16 December.

[46] О Дж. Баддле см. подробнее: British industrial history: http://www.gracesguide.co.uk/John_Buddle (дата обращения — 09.10.2014)

[47] The Times. 1817. 8 January.

[48] Ibid. 1816. 21 December.

[49] Ibid. 25 December.

[50] Ibid. 1817. 1 January.

ствольные артиллерийские орудия[51]. Текстильная фабрика в Нью-Ларнаке близ Глазго, где сделал остановку для знакомства с ней великий князь, была известна по всей Европе, её посещали многие путешественники — члены королевских семей, государственные и общественные деятели, осматривая хорошо организованное прибыльное производство, знакомясь с условиями жизни рабочих, передовыми идеями её управляющего Р. Оуэна, которые здесь он воплощал в жизнь[52].

В эти годы в Лондоне начал активно использоваться газ для освещения улиц. Путешественники осмотрели большой газовый резервуар Вестминстерской коксогазовой кампании, первой компании по производству газа в Лондоне и первой в мире компании по производству газа для общественных нужд[53]. В Лондоне Николай Павлович мог наблюдать за строительством нового гранитного моста через Темзу, сооружаемого частной компанией[54]. В Сандерленде увидел чугунный мост Уирмат через реку Уир[55], второй металлический арочный мост в Великобритании, построенный в 1796 году с невиданной для времени своего строительства длиной пролета — 72 м.

Предметом интереса путешественника стали доки Вест-индской компании в Лондоне[56] — первый коммерческий сухой док в Великобритании, доки в Лейте в Эдинбурге[57] и Ливерпуле[58]. Это были новые современные сооружения, где строили, ремонтировали, разгружали и загружали множество судов. Он увидел часть Форт энд Клайд канала в порту Глазго[59], а также, по дороге из Руфина в Уинстей, как сообщал Г.А. Глинка императрице Марии Фёдоровне, «любопытствовал видеть прекраснейший водопровод Ланголенский»[60], имея в виду часть Ланголленского канала. Глинка также записал, что «10 (22) числа [января] осматривал его высочество Лондонскую биржу»[61], а также «новостроющуюся биржу»[62], Посетили путешественники и дом Ост-Индской компании, откуда управлялась Британская

---

[51] Ibid.

[52] Ibid.

[53] Ibid. 22 January.

[54] Открытие моста Ватерлоо состоялось летом 1817 г.

[55] The Times. 1816. December. 16.

[56] Отчёт... // Путешествия...С. 211.

[57] The Times. 1816. 25 December.

[58] Ibid. 1817. 1 January.

[59] Ibid.

[60] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 198.

[61] Там же. С. 199.

[62] Там же.

Индия, с его музеем, библиотекой и огромным торговым залом[63], и Английский банк — центральный банк королевства[64].

В программу путешествия великого князя было включено знакомство с государственными и политическими учреждениями Британии, посещение заседаний парламента, судов, тюрем и т.п. Великий князь дважды побывал в здании парламента, осмотрел старый Вестминстерский дворец и посетил заседание высшего представительного и законодательного органа Британии[65], но, как отмечает Н.К. Шильдер, во время своего пребывания в Англии он менее всего интересовался ораторскими прениями в палате лордов и в палате общин, а также разговорами об этих явлениях английской общественной жизни. Распространенные в стране клубы и митинги также не встретили сочувствия со стороны Николая Павловича[66].

Великий князь познакомился с Адмиралтейством и был принят первым лордом Адмиралтейства Робертом Дундасом, виконтом Мелвиллем (Melvill). Гость осмотрел зал заседаний, где проходили совещания управляющих флотом Великобритании, ознакомился с работой семафора[67], разработанного сэром Хоумом Попэмом (Popham). В то время экспериментальная линия по новой системе соединила Адмиралтейство и Чатем, крупный кораблестроительный центр в графстве Кент, имеющий важное военное значение[68].

Не миновали путешественники Лондонскую ратушу — административный центр Лондонского Сити[69] и официальную резиденцию лорда мэра Лондона[70] и лондонские суды.

Николай Павлович посетил старейшую лондонскую тюрьму Ньюгейт[71], в которой в это время содержалось более 500 преступников. Именно в это время свою деятельность в женском отделении тюрьмы начинала выдающаяся женщина, реформатор пенитенциарной системы Елизавета Флай (Fly). Об этой тюрьме Глинка написал:

---

[63] The Times. 1817. 25 January.

[65] Ibid. 22 January.

[66] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 64.

[67] The Times. 1817. 22 January.

[68] Прежняя семафорная линия, использовавшаяся в английском Адмиралтействе, существовавшая с 1795 года (предложенная лордом Джорджом Мюрреем (Murray), соединяла Лондон Дил и Ширнес, Лондон и Грейт Ярмут, Лондон — Портсмут и Плимут. Следует отметить, что в России первая семафорная линия была устроена в 1824 г. между Петербургом и Шлиссельбургом, несколько следующих появились после 1833 г. между Петербургом и Кронштадтом.

[69] The Times. 1817. 25 January.

[70] Ibid.

[71] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 199.

«точно как и все почти общественные учреждения, может почесться, что только есть лучшее в Англии, и доказывает благодетельную мудрость ея правления»[72]. Предметом внимания стали и тюрьмы, которых были устроены в соответствии с принципами великого филантропа, юриста и тюремного реформатора Джона Говарда (Howard) — в Честере и Глочестере. Если о первой Глинка заметил, что она устроена «наилучшим образом», то о второй написал, что она «во всяком отношении столько совершенна, что всюду могла бы служить прекраснейшим образцом для здания сего рода»[73].

Значительное место в программе путешествия занимало знакомство с учебными, лечебными и благотворительными заведениями Великобритании. Свиньин заметил, описывая благотворительные учреждения Лондона: «Я не агломан, но должен признаться, что Англия в сем отношении далеко опередила все земли на свете»[74], и продолжал: «Более же всего делает чести национальному характеру ее жителей то, что величайшая часть сих заведений учреждается и поддерживается пособиями частных людей»[75].

Самым известным из подобного рода учреждений был, несомненно, Королевский морской госпиталь в Гринвиче. «Гринвический госпиталь есть прекраснейший монумент славы и великолепия Англии. Он есть по всей справедливости самое великолепное и обширное заведение сего рода в целом свете»[76]. Увидел Николай Павлович и «воспитательный дом, для солдатских детей и сирот обоего пола учрежденный» в Челси, созданный в 1801 году по инициативе герцога Йоркского, сына короля Георга III, которого нередко называли «отцом солдат» за заботливое и внимательное отношение к рядовым, резко отличавшим его от многих офицеров британской армии. Здесь вводились новые системы обучения, такие как «ланкастерская»[77]. «Он разделён на 2 части, одна для мужского, другая для женского пола. Кроме начальных правил чтения и чистописания, кои преподают им по методе взаимного обучения доктора Беля, занимают

[72] Там же. С. 200.

[73] Там же. С. 198.

[74] *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 87.

[75] Там же.

[76] Там же. С. 89. Госпиталь с самого начала своего существования был своеобразной туристической достопримечательностью. Его осматривал Пётр I, за два года до Николая Павловича здесь побывали его брат и сестра, император Александр I и вел. кн. Екатерина Павловна.

[77] Эндрю Белл (1753–1832) — английский священник, педагог, один из основателей Белл-Ланкастерской системы взаимного обучения, при которой старшие и более успевающие ученики под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися.

также разными ремеслами, как и в других заведениях сего рода, дабы при выходе из оного, были в состоянии находить более способов для своего пропитания»[78]. Интерес к этому заведению мог носить и личный характер, ибо герцог Йоркский был симпатичен молодому человеку. Позже, когда через год по Великобритании будет путешествовать его младший брат Михаил, Николай напишет ему, характеризуя членов английской королевской семьи: «...с одним Йорком можно говорить по-дружески, ибо он человек честный и добрый»[79]. Личные симпатии оказывают несомненное положительное влияние на восприятие всего, связанного с объектом этих чувств. Инвалидные дома в Челси для престарелых бессемейных военнослужащих от рядовых до фельдмаршалов, «красивые и обширные здания, в коих за самыми мелочами смотрят с особенным рачением»[80], также были осмотрены великим князем[81].

Благотворительность способствовала развитию и внедрению в практику новых образовательных систем. Ланкастерскую школу Николай Павлович посетил в Ньюкасле-апон-Тайн. Основанная в 1810 году на деньги, которые были предназначены для праздничной иллюминации в честь 50-летия правления Георга III, и добровольные пожертвования, она была предназначена для детей из бедных семей. Путешественники были встречены Уильямом Тернером (Turner), одним из секретарей. Хотя была суббота, когда школа обычно закрыта, по просьбе Гамеля, который специально прибыл в город за день до этого, в школе собралось около 500 учеников. Это была первая ланкастерская школа, которую осмотрел великий князь. Он заинтересовался этой системой и тщательно ознакомился со всем, что было ему представлено.В конце визита Николай Павлович расписался по-русски в книге посетителей[82].

Еще одним благотворительным учреждением, которое посетил путешественник, была лондонская больница Христа, или, как её ещё называли, Блюкот скул для детей из бедных семей[83]. Основанная ещё в XVI веке, она была старейшей среди подобных учреждений, существовавших к тому времени во многих городах страны.

---

[78] Путешествие в Англию К. В. Г. в 1818 г. (Путешествие в Англию князя Василия Голицына в 1818 г.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. М., 2010. С. 292–293.

[79] Великий князь Николай Павлович — великому князь Михаилу Павловичу. 13 мая 1818 г. Москва // «Ты ко мне писал...». С. 226.

[80] Путешествие в Англию К. В. Г. в 1818 г... С. 292–293.

[81] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 200; The Times. 1817. 6 February.

[82] *Sykes J.* Op. cit. P. 103.

[83] Отчёт... // Путешествия... С. 211.

Побывал Николай Павлович и в лондонском Воспитательном доме[84], основанном в середине XVIII века филантропом Томасом Корамом (Coram), Целью создания этого заведения было образование и поддержка брошенных и подкинутых детей[85]. Описывая благотворительные заведения Великобритании, русский путешественник замечал: «Вот заведения, поистине достойные похвалы и коим тысячу можно найти примеров в Англии. Не возвышая человека выше состояния, в коим он родился, облегчая, однако же, все способы к его возвышению сколько возможно, есть лучший способ, какой только употребить можно, дабы соделать его полезным своим согражданам и честным человеком»[86].

Тщательно осмотрел Николай Павлович госпиталь святой Марии Вифлеемской — «Смирительный дом», или Бартоломеевскую больницу для душевнобольных. В 1815 году на месте, где он существовал ещё с XII века, после громкого скандала из-за жестокого обращения с заключенными было выстроено новое здание. По тем временам оно было образцовым: больных здесь не держали в цепях и не морили голодом, содержали раздельно людей с разными стадиями развития болезней. Устройство этого лечебного заведения великий князь подробно описал в своём дневнике, отметив, что новое здание напоминает больницу для бедных в Литейной части, открытую в 1805 году[87]. На новых принципах гуманного отношения к больным была основана и квакерская психиатрическая больница в Йорке[88]. Познакомился Николай Павлович с системой устройства и работой школы для слепых в Ливерпуле[89], а также с созданным реформатором Р. Оуэном Институтом формирования характера в Нью-Ланарке[90].

Не миновали путешественники хирургический колледж в Лондоне и медицинский колледж в Эдинбурге[91]. Очень заинтересовала великого князя военная академия в Сандхерсте (Sundhurst Royal

---

[84] См.: Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 199.

[85] Среди управляющих Воспитательным домом долгие годы был Георг Фридрих Гендель, который завещал учреждению партитуру своей оратории «Мессия». Для Воспитательного дома работал выдающийся живописец Уильям Хогарт, также бывший одним из управляющих. Именно по его идее в Воспитательном доме была устроена постоянная выставка, где выставлялись полотна Дж. Рейнольдса, Т. Гейнсбора, Р. Уилсона и Ф. Хеймана.

[86] Путешествие в Англию К. В. Г. в 1818 г... С. 293.

[87] С 1828 года — Мариинская больница. ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27. Л. 134 об.

[88] The Times. 1816. 19 December.

[89] Ibid. 1817. 6 January.

[90] Ibid. 1 January.

[91] Ibid.

Military College). Глинка отметил, что академия «...по всем частям особенно понравилось великому князю, а потому он изволил пробыть там часа четыре, рассматривая подробно и наведываясь обо всём обстоятельно...»[92]. Эти впечатления, несомненно, были полезны, когда вскоре после возвращения из Великобритании великий князь стал руководить Главным инженерным училищем в Санкт-Петербурге. Николай Павлович, точно так же, как и его старший брат, Александр I, посетил Оксфорд, где его «провозгласили» доктором права «при отправлении обычных на сей случай обрядов и в присутствии многочисленной публики, собравшейся тут для участвования в оном торжестве»[93].

К памятникам истории и культуры, которые увидел путешественник, относятся замечательные соборы, крепости и замки Англии, Шотландии и Уэльса. Николай Павлович осмотрел собор святого Павла, знаменитое творение К. Рена[94], Кентерберийский собор[95] — один из старейших и известнейших в Европе, главный англиканский храм Великобритании, соборы в Честере и Глочестере, Солсбери[96], Йорке[97], Вестминстерское аббатство[98], аббатство св. апостолов Петра и Павла в Бате[99] и др. Таким образом, у него вполне могло сложиться впечатление о характере древних и новых храмов Великобритании. Путешественник увидел и множество английских, шотландских и уэльских замков. Выше уже упоминалось о его знакомстве с Дуврским. На пути из Дувра в Лондон великий князь сделал остановку у древнего замка Росчестер[100], который тогда, уже частично разобранный и разрушенный, с легендами о белой даме, превратился в туристическую достопримечательность, посетил он и замок Уолмер, воздвигнутый Генрихом VIII. Это когда-то мощное оборонительное сооружение к тому времени было преобразовано в комфортабельный загородный дом, который принц-регент выделил в пользование премьер-министра Роберта Бэнкса Дженкинсона (Jenkinson)[101].

В метрополисе Николай Павлович осмотрел Тауэр. Замок ещё не был приведён в свой современный вид, многие поздние постройки

---

[92] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 200.

[93] Там же. С. 198.

[94] The Times. 1817. 25 January.

[95] Отчёт... // Путешествия... С. 209.

[96] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27. Л. 156.

[97] The Times. 1816. 19 December.

[98] Ibid. 1817. 22 January.

[99] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 201.

[100] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

[101] Отчёт... // Путешествия... С. 209.

искажали его древний облик. В нём тогда помещались сокровищница английской короны, монетный двор и зоопарк. Познакомился он с замками Стерлинг[102] и Эдинбургским[103]. Последний — важнейший исторический памятник Шотландии — был местом квартирования военных подразделений, его украшали находившиеся внутри его стен королевский дворец и Большой зал. В Честерском и Йоркском замках располагались тюрьмы. Некоторые замки древнейших аристократических фамилий превратились к XIX столетию в роскошные загородные резиденции. Так, в Нортумберленде Николай Павлович стал гостем у хозяев Алнвик Касл, воздвигнутом после завоевания норманнов и неоднократно перестраивавшемся[104]. Семье Мидделтон (Myddelton) с XVI века принадлежал замок Чек в Уэльсе[105], интерьеры этой древней постройки по желанию заказчика были переделаны в неоклассическом стиле. Путешественники посетили Уорик Кастл, выдающийся памятник средневекового зодчества, заложенный Вильгельмом Завоевателем и превращенный в начале XVII века в загородное поместье[106], а также Уобурн Абби герцогов Бедфордов (Bedford)[107], Четуорс герцогов Девонширских (Devonshire)[108], Уинстей баронов Уинн (Winn)[109], Бленем герцогов Мальборо (Marlborough)[110], Паус Касл лордов Паус (Powis)[111] и Уилтон

---

[102] *Dr. Lucas Diaries.* Entries from the Georgian diaries of Dr Thomas Lucas of Stirling, 1808–1821 // http://thedrlucasdiaries.wordpress.com/1816-2/ (дата обращения — 04.11.2014).

[103] The Times. 1816. 25 December.

[104] Интерьеры замка в середине XVIII в. были оформлены Робертом Адамом в неоготическом стиле. В этой усадьбе путешественник мог увидеть созданные Р. Адамом Львиный мост и башню Брайзли, замечательные сооружения в готическом стиле. Заслуга создания фантастически роскошных интерьеров замка принадлежала сэру Хью Смитсону (Smithson) 1-му герцогу Нортумберлендскому, который начал восстанавливать Алник и преуспел в этом. В Алник Касле великий князь был торжественно встречен герцогом Хью Перси, 2-м герцогом и герцогиней Нортумберлендскими, и присутствовал на обеде в его честь. См.: *Sykes J.* Op.cit. P. 296.

[105] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27. Л. 70.

[106] Николай Павлович, переночевав в главной гостинце Уорвика, отправился в замок, где был встречен хозяином Генри Гренвиллем (Grenvill). Граф представил гостя и его свиту своей супруге, после чего провёл гостей по замку, которым путешественники чрезвычайно восхищались. В большой столовой состоялся роскошный завтрак. См.: The Times. 1816. 6 December; Донесение Г.А. Глинки... // Путешествия... С. 196.

[107] Донесение Г.А. Глинки... // Путешествия... С. 196.

[108] См. подробнее: *Ренне Е.П.* Указ. соч.

[109] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 198.

[110] Там же.

[111] Там же.

Хауз графов Пеброков (Pembroke)[112]. Из Уилтон хаус Глинка писал жене: «сад в замке сем прекрасный, и я уже дважды в нем гулял с удовольствием; розы и лилеи начинают развертываться на открытом воздухе и в грядах вдоль дорожек, а у нас еще тонут в снегу» и добавляет «я никогда не воображал себе Англию столько прелестным краем...»[113]. В загородных резиденциях английских аристократов Николай Павлович увидел характерное только для Англии особенное соединение великолепия и неформальности и отсутствия церемоний. Что касается загородных жилищ состоятельных англичан, П. Свиньин, характеризуя их, писал о таком понятии как «английский комфорт» или «роскошь английского барина» следующее: «роскошь нигде более неизвестная, нигде более не утонченная, которая совсем другого рода, чем наша: она не состоит ни в числе слуг, ни в множестве лошадей или в огромности зданий, а в совершенстве каждого предмета, каждой вещи. Осматривая конюшню, я вспомнил в ту минуту изречение одного англомана, что хорошо быть и английской лошадью. Истинная роскошь английская видна только в деревнях помещиков. Они там живут, а в Лондон приезжают на побывку»[114]. И.Ф. Саврасов в своих донесениях о путешествии Николая Павловича отметил, что в ходе поездки великий князь, посещая загородные усадьбы, «получил полное понятие об образе жизни английских людей и их гостеприимстве»[115]. Полное представление о жизни англичан включало в себя и знакомство со способами ведения хозяйства. Так, в Харвуд хаусе в честь приезда путешественника из России был устроен праздник, на который были приглашены соседи владельца усадьбы, затем хозяин провел всех гостей по деревне и саду в древний замок и церковь. В прессе отмечалось, что в особенности Николая Павловича заинтересовал труд работников, которые усердно занимались как повседневными работами, так и воплощали в жизнь проекты по улучшению поместья. Ознакомившись с организацией их труда, гость заметил, что она достойна подражания как в Англии, так и у него дома. Расспрашивая рабочих, великий князь взял лопату у одного из них и очень умело посадил несколько молодых дубков[116].

---

[112] The Times. 1817. 13 January.

[113] Письмо Г.А. Глинки жене. Wilton House. 12 (24) февраля 1817 г. // Г.А. Глинка... С. 94.

[114] *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 210.

[115] Письмо И.Ф. Саврасова к императрице Марии Фёдоровне из Эдинбурга 9 декабря 1816 г. Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Т. 1. СПб., 1903. С. 78, 483.

[116] *Jones J.* The History and Antiquities of Harewood, on the County of York. London, 1859. P. 188–190.

О художественных коллекциях британских аристократов, хранящихся в загородных резиденциях, Свиньин написал: «...несметные сокровища древней живописи и мраморов рассеяны по Англии по сельским обиталищам богачей и лордов»[117]. Хозяева, радушно принимая высокого гостя, демонстрировали ему собрания, являвшиеся предметом их гордости. Так, в Уоберн Абби он увидел полотна Рубенса, Ван-Дейка, Каналлето и Веласкеса. Делая запись в дневнике о визите в Бленем, Николай Павлович написал: «Рубенс, Ван Дейк, Рембрант, Рафаэль»[118]. Здесь он увидел «Мадонну Ансидеи» Рафаэля, которую называли «одной из прекраснейших картин в мире»[119], а также замечательную коллекцию гемм 4-го герцога Мальборо, включавшую в себя около 800 предметов. В Уилтон Хаусе предметом ознакомления были полотна Тинторетто, Рубенса, Ван Дейка, Рембранта, дель Сарто, Рейнольдса, Питера Лели и других известных живописцев, а также Арундельская коллекция античных мраморов (Arundel marbles). Николай Павлович отметил в дневнике «Рафаэль, Тициан»[120]. О пребывании в поместье Пемброков, где хозяйкой была Екатерина Воронцова, Глинка писал жене: «мы приняты здесь как нельзя лучше; здесь же находится чрезвычайное и причём огромное собрание древних статуй, барельефов и бюстов, также и картинная галерея славнейших живописцев, что всё отменно нравится»[121]. В Уорик касл находилось ценнейшее собрание работ Рубенса и Ван Дейка, предметом особой гордости владельцев была античная Уорвикская ваза. «Здесь хранится большое собрание древних рыцарских доспехов и оружий, а также много редкостей, картин и портретов лучших мастеров», — отмечал Г.А. Глинка[122].

Ценнейшие произведения искусства были в собраниях старинных и современных королевских резиденций[123]. Николай Павлович осмотрел древние официальные резиденции — Сент-Джеймский дворец в Лондоне, Хемтон-Корт[124] и Виндзор. Не могли не заинтересо-

---

[117] *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 202.

[118] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27. Л. 83.

[119] Иногда её называли «Бленемская мадонна».

[120] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 27. Л. 157 об.

[121] Письмо Г.А. Глинки жене. Wilton House. 12 (24) февраля 1817 г. // Г.А. Глинка... С. 94.

[122] Донесение Г.А. Глинки... // Путешествия... С. 196.

[123] Подробнее об этой части программы путешествия Николая Павловича см.: *Пащинская И.О.* Английское путешествие великого князя Николая Павловича в 1816–1817 гг.: знакомство с загородными резиденциями (в печати).

[124] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 199.

вать путешественника новые резиденции членов английской королевской семьи — лондонский Карлтон хаус, роскошный и элегантный дворец принца-регента. Как отмечает английский исследователь Стронг Рой, принц-регент, будущий король Георг IV был заядлым строителем, изменявшим и переделывающим дворцы, дома и сады. Карлтон хаус в то время был главным объектом его строительной активности[125]. Еще одним архитектурным проектом, занимавшем принца-регента, был его экзотический павильон в Брайтоне. Великий князь по приглашению регента провел несколько дней в этой приморской резиденции в январе 1817 года[126], Он посетил королеву Шарлотту в её лондонском Букингем хаусе[127] и в её любимом загородном доме Фрогмор, который располагался в полумиле к югу от Винзорского замка[128].

Он познакомился с Королевским ботаническим садом Кью и трижды[129] побывал в Клермоне у наследницы престола принцессы Шарлотты, единственной дочери принца-регента и ее мужа, герцога Леопольда Саксен-Кобургского. Г.А. Глинка описал Клермон в письме жене как «прекрасный загородный дворец», говоря о нем «дворец отнюдь не огромный, не столько даже великолепный, как, например, дворец Павловский, но удивительною опрятностью и совершенством отделки всех в доме частей и вещей в нем находящихся, далеко превосходит все виденное нами в России. Парк здешнего дворца очень выхваляют...»[130].

Будучи в Эдинбурге, Николай Павлович осмотрел королевский Холируд хаус (Holyrood Haus)[131]. Его страстный интерес к лошадям отразился в желании увидеть знаменитый ипподром в Ньюмаркете, где он останавливался в тамошнем королевском доме[132].

---

[125] *Roy S.* Royal Gardens. London, 1992. P. 79. Интересно, что в этом дворце создавались отдельные интерьеры в неоготическом стиле — Столовая и Оранжерея. Последняя служила не для хранения растений, а для проведения роскошных приёмов принца-регента.

[126] The Times. 1817. 16 January; 20 January.

[127] Ibid. 1816. 27 November.

[128] Ibid. 1817. 13 March.

[129] 16–17 (28–29) ноября 1816 г. (См.: Письмо Г.А. Глинки жене. Клермон. 17 (29) ноября 1816 г. // Г.А. Глинка... С. 89; The Times. 1816. 2 December.); 14–15 (26–27) января 1817 г. (См.: Письмо Г.А. Глинки жене. Клермон. 15 (27) января // Г.А. Глинка... С. 92), 28 февраля (11 марта) 1817 г. (См.: The Times. 1817. 13 March).

[130] Письмо Г.А. Глинки жене. Клермон. 17 (29) ноября 1816 г. // Г.А. Глинка... С. 89–90.

[131] The Times. 1816. 24 December.

[132] The Times. 1817. 17 February.

Знакомясь со страной, осматривая публичные здания, королевские и частные резиденции, путешественник увидел творения выдающихся архитекторов разных эпох: Иниго Джонса, Джона Уэбба, Джеймса Уайета, Уильяма Чемберса, Генри Холланда, братьев Адамов, Джонов Вудов старшего и младшего и др. Он получил представления о трудах активно работавшего в те годы по заказам принца-регента архитектора Джона Нэша. Несомненно, архитектура и градостроительство были предметами особенного интереса Николая Павловича. Во время пребывания в Эдинбурге «он пожелал познакомиться с характером активного строительства, которое ведется на Калтон хилл и в других частях города»[133]. Ему был представлен один из ведущих шотландских архитекторов того времени Арчибальд Эллиот (Elliot), показавший заинтересованному путешественнику свои чертежи и рисунки только что построенных или строившихся сооружений в неоготическом и неоклассическом стилях: Риджент бридж, Новой тюрьмы на Калтон хилл, Здания графства, церкви святого Петра и святого Георгия. Николай Павлович рассматривал их во всех деталях, и чуть позже архитектор получил письмо, в котором У. Конгрейв по поручению великого князя писал, что представленные рисунки и планы дали высокому гостю возможность представить правильное впечатление о великолепии этих работ, которые, когда они будут окончены, будут способствовать доброму имени всех, кто участвовал в их создании[134]. Николай Павлович, знакомясь с королевскими резиденциями и усадьбами английских аристократов, получил представление о знаменитых английских парках, которые создавались такими мастерами, как Джон Ванбруг, Чарльз Бриджман, Уильям Кент, Ланселот Браун, Хемфри Рептон, Дж. Нэш и др.

Поездка по Великобритании, как и другие путешествия великого князя, были временем активного формирования художественных вкусов молодого человека. Объектами осмотра были не только частные галереи и художественные собрания, но музеи и выставки. Николай Павлович познакомился с собранием оружия на Бонд стрит, посетил Британскую галерею[135]. В Лондонском Королевском Институте он «смотрел библиотеку и собрание картин», увидел здесь собрание картин художника Бенджамина Уэста, «кабинет редкостей»[136]. В программу знакомства с Лондоном было включено посещение

---

[133] The Scots Magazine and Edinburgh Literary miscellany: A general Repository of Literature, History, and Politics for 1817. Vol. LXXXIX. Edinburgh, 1817. P. 76.

[134] Там же.

[135] The Times. 1817. 8 February.

[136] Донесение Г.А. Глинки // Путешествия... С. 200. Старинное оружие будет предметом коллекционирования императора Николая I.

музея Баллока (Bullock)[137], выставочных залов Королевских обществ поощрения искусств, мануфактур и торговли и поощрения естественнонаучных знаний, анатомического музея Хантера, Королевской Академии художеств, мастерской живописца Томаса Лоуренса[138] и Британского музея[139]. Последний, размещавшийся в бывшем доме герцога Монтегю, на том месте, где находится современное здание, включал в себя в те годы кабинет минералогии, коллекцию египетских древностей, такие шедевры, как Порлендская ваза и вызывавшие огромный интерес незадолго до этого приобретенные у лорда Элгина мраморы Парфенона[140]. Николаю Павловичу показали хранившуюся здесь Великую хартию вольностей[141] — Magna Carta, «славный договор Англичан с их королём Иоанном, заключённый в XIII веке и служащий основанием их конституции», как писал Н.М. Карамзин[142], знаменитый документ, заложивший основы английских политических свобод.

Знакомство с «красивыми местностями» Великобритании было одним из пунктов программы путешествия. Он осмотрел водопады в Клайде около Нью-Ланарка, познакомился с Озерным краем, увидел поразивший его Стоунхедж[143] и Ричмонд. Николай Павлович посетил в Туикенеме находящегося в изгнании герцога Луи-Филиппа Орлеанского[144], будущего короля Франции Луи-Филиппа. Об этих местах Н.М. Карамзин писал: «Во все стороны лондонские окрестности приятны... Самые лучшие места — по реке Темзе, самые лучшие виды — вокруг Виндзора и Ричмонда... Теперь Ричмонд есть самая прекраснейшая деревня на свете и называется английским Фраскати... вид горы, на которой Ричмонд возвышается амфитеатром, удивительно прелестен. Вы следуете глазами за Темзою верст 30 в её блистательном течении сквозь богатые долины, луга, рощи, сады, которые все вместе кажутся одним садом»[145]. Именно здесь

---

[137] The Times. 1817. 8 February. Уильям Баллок представлял публике этнографическую и естественнонаучную коллекции предметов, привезённых из экспедиции капитана Кука. Большой интерес в то время вызвала также устроенная им в 1816 г. в Египетском холле (выставочный зал, сооружённый в 1812 г.) выставка реликвий наполеоновской эры, которую посетил великий князь.

[138] Там же.

[139] *Марисина И.М.* Именитый посетитель... С. 82.

[140] Там же. С. 80–93.

[141] ГАРФ. Ф. 672. Оп.1. Д. 27. Л. 105 об.

[142] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 364.

[143] ГАРФ. Ф. 672. Оп.1. Д. 27. Л. 157.

[144] Там же. Л. 105 об.–106.

[145] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 378.

император Александр I в 1814 году заявил, что всё увиденное им совершенно оправдывает славу, приписываемую Англии в отношении её торговли, истинному богатству и превосходным свойствам её жителей»[146].

Когда в 1838 году в заграничное путешествие для завершения образования собирался двадцатилетний старший сын Николая Павловича, цесаревич Александр Николаевич, в его программу заключительным пунктом было включено посещение Великобритании. В инструкции, вручённой наследнику императором, несомненно, отразилось его осмысление собственного опыта английского путешествия: «Ты покажешься в Свет чужеземный... с целию: узнать и запастись впечатлениями, но уже богатый знакомством с родимой стороной; и видимое будешь беспрестанно сравнивать без всякого предубеждения. Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания, и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может. Мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, ежели от него отстанем; в нём наша сила, наше спасение, наша неподражаемость! Но чувство сие не должно тебя делать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много увидишь и узнаешь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного[147] подражания»[148].

В данной работе автор ни в коей мере не ставил целью перечисления всего осмотренного великим князем в ходе его четырёхмесячного образовательного путешествия. Задачей было показать разнообразие впечатлений, которые были получены благодаря тщательной составленной программе и заботе об её выполнении. За рамками работы остались светские знакомства путешественника, знакомство с армией и флотом Объединённого королевства, встречи с самыми разными людьми, его помощь соотечественникам, оказавшимся в Великобритании после наполеоновских войн, пребывание в Нью-Ланарке по приглашению Р. Оуэна, приобретения путешественником гравюр, книг, сервизов, лошадей, военных мундиров, оружия и пр.

---

[146] Северная почта или новая Санкт-Петербургская газета. Прибавление к Северной пчеле. 1814. 27 июня.

[147] Выделено в оригинале.

[148] Инструкция для путешествия, вручённая мне Государем в Царском Селе 2 мая 1838 г. // Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008. С. 31.

Осведомлённый современник А.Т. Гримм, автор биографии императрицы Александры Фёдоровны, основываясь на рассказах близких Николая Павловича, писал о значительном влиянии впечатлений путешествий по Германии и Великобритании на формирование личности будущего императора, на его познание мира и самого себя[149]. Аналитические наблюдения и впечатления этого путешествия, их отражение в жизни и деятельности Николая I — направления дальнейших исследований.

[149] *Grimm A.Th.* Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. Vol. 1–2. Edinburgh, 1870. Vol. 1. P. 41.

М.К. Герцен
(США)

А.И. Герцен в Лондоне

Герцен прибыл в Лондон 24 августа 1852 года вместе с сыном и оставался там до 1864 года (с короткими перерывами). Это самый долгий период его жизни в европейской стране. Почему он выбрал пристанищем Великобританию, ведь он не знал ни английского языка, ни культуры? В первую очередь потому, что эта страна (в большей мере, чем где-либо на континенте) обеспечила ему две свободы — отсутствие угрозы ареста и наличие свободы прессы.

Чтобы понять значение «свободы прессы» для Герцена, рассмотрим, как её в целом понимали в Англии того времени. В Европе цензура в подавляющем большинстве случаев должна была ознакомиться с работой до её появления в печати и с публичным представлением до его публичного показа. Но в Англии это требование отменили уже в 1695 году[1]. Это было не просто выгодное нововведение, оно также создало основу свободы слова и печати, несравнимой с европейской. Поэтому в Англию устремились разнообразные либеральные и радикальные организации. Один немецкий журнал в 1853 году опубликовал далеко не полный список из 15 революционных организаций в Лондоне, в который вошли те, во главе которых стояли Маркс, Кинкель, Руге, Ворцель, Кошут, Герцен и другие[2].

Однако было бы заблуждением считать, что английская ситуация радикально отличалась от европейской, как тогда казалось издателям англоязычной политической литературы. Во-первых, действовали законы против клеветы и крамолы, по которым предполагались

[1] The War for the Public Mind, Political Censorship in Nineteenth-Century Europe / ed. by Robert Justin Goldstein. Connecticut; London, 2000. P. 16.

[2] Литературное Наследство. Т. 63. М., 1956. С. 829–830.

гражданские и уголовные наказания. Во-вторых, цензура постфактум могла оказаться ещё суровее, так как вся ответственность ложилась на издателя. Он обязан был сам определять границы дозволенного и потому, по выражению одного критика, кастрировать самого себя[3]! В случае неправильного решения последствия могли быть катастрофическими для издателя — от штрафов, достаточных для того, чтобы обанкротить фирму, до тюремного заключения. В ситуации же предварительной цензуры вся ответственность ложилась на цензора. Так как Герцен издавал только русскоязычные труды, то самоцензура для него не была такой серьёзной проблемой — Герцен не участвовал в английской политической жизни и конечно, невозможно было представить, чтобы против него был возбуждено дело о клевете. Для Герцена было важно, хотя он, недавний эмигрант из России, этого и не понимал в полной мере, что 150-летняя традиция свободы прессы в Англии стала своеобразной прививкой для этой страны от влияний иностранных государств. Английское правительство игнорировало попытки царского правительства заглушить голос Герцена в Англии. Аналогично Англия игнорировала нападки правительства Наполеона III на Виктора Гюго, находившегося на Нормандских островах на территории Англии. Герцен имел все основания хвастаться перед своими друзьями и недоброжелателями, что абсолютно свободен публиковать любые материалы о России и русских.

Интересно отметить незначительную ошибку — Герцен ступил на английскую землю 24 августа, а не 25, как он пишет в своих блестящих мемуарах, и в Лондоне в этот день не было никакого тумана, что тоже не соответствует воспоминаниям[4]. Я считаю, что эта неточность свидетельствует о том, что воспоминания Герцена являются не точным историческим источником, а литературным произведением, в котором автор свободно интерпретирует время и пространство[5]. Казалось бы, изучая его английскую жизнь, можно понять, как быстро он осваивает новый для себя язык, «genie de la langue»[6]. Но в начале

[3] Там же. С. 17

[4] *Carr E.H.* The Romantic Exiles, MIT Press, 1981. P. 121. (Карр пишет, что в Лондоне не было тумана на протяжении двух месяцев до приезда Герцена); Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. М., 1976. Кн. 2: 1851–1858. С. 110.

[5] Можно написать диссертацию на тему навязчивой идеи Герцена создания автобиографии, начиная с его ранних «Записок одного молодого человека», впервые опубликованных в 1840 году, и его настойчивом — и весьма успешном вплоть до наших дней, за редкими исключениями (Малия, например) — желании контролировать повествование о его собственной исторически важной жизни.

[6] *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30 т. М., 1954–1965. Т. XXX, кн. 1. С. 155. См.: Литературное наследство. Т. 63. С. 502–503.

своей английской жизни Герцен обращается к своим корреспондентам, по большей части редакторам журналов, на французском языке, а к 1864 году его письма на английском чаще всего редактируют носители языка[7].

Безусловно, годы, проведённые в Англии, стали самым продуктивным периодом жизни Герцена, обеспечившим ему место в истории. Он написал более 1000 статей, большую часть автобиографии (работу над которой, кстати, он никогда не планировал завершить), подготовил множество публикаций, в числе которых дневники Екатерины II, отрывки из «Путешествия» Радищева, мемуары Дашковой, тысячи писем. Однако у него всё ещё оставалось время на организацию 15 переездов за 12 лет жизни в Англии[8], не считая мест летнего отдыха. В своих воспоминаниях Наталья Алексеевна Тучкова-Огарёва так описывает его привычки: «он встаёт в 6 утра, читает газеты в кафе, работает до вечера, потом читает в спальне до полуночи»[9]. Этот энергичный человек поражает всех остротой ума — стоит увидеть глаза Герцена на знаменитом портрете кисти Н.Н. Ге. Говоря современным языком, его можно было бы назвать гиперактивным. Астракова косвенно пишет о тех мучениях, которые терпела Наталья, жена Герцена[10]. Этот поток энергии в конце концов сыграл свою роль.

---

[7] См., например, его письмо к редактору «Экспресс» от 13 июня 1864, (отлично опубликованного в Собрании сочинений, т. XVIII, с. 231, 583, Ежедневные Новости от 14 июня). Я не смог разыскать в Daily News его осуждения приговора Чернышевского. Эта записка написана слишком совершенным языком, каким мог бы ее написать только носитель языка. Русскоязычный человек не смог бы написать такую записку без единой ошибки, включая типичные ошибки с определенными и неопределенными артиклями. В дополнение к этой теме стоит отметить, что цитата приведена в: *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. XVII. С. 187. «To the editor of “The Daily News”», где встречается слово «alls», несуществующее в английском языке. Но это ошибка издателей собрания сочинений — на самом деле в цитате используется слово «all», без «s», что грамматически правильно. Также добавим, что цитата взята из The Express, а не Daily Mail. Carr E.H. Op. cit. P. 139. Карр пишет, что Герцен так никогда и не овладел английским языком свободно. К сожалению, он не подтверждает это утверждение никаким источником.

[8] Он всегда снимал меблированные квартиры, так как, по свидетельству дочери Таты, никогда не собирался оставаться за границей и был уверен, что скоро со всей семьёй вернётся в Россию. Герцен не был наивным человеком — но как же ещё можно назвать такие представления, как не наивностью? О его местах проживания, см.: *Carr E.H.* Op. cit. P. 373–374.

[9] *Тучкова-Огарёва Н.А.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1959. С. 106.

[10] Из воспоминаний Т.А. Астраковой: «Сколько раз он оскорблял её в жизни своею ветреностью! Сколько раз ей приходилось смотреть сквозь пальцы на его беспрестанные увлечения!» (Литературное Наследство. Т. 63. С. 559). П.В. Анненков пишет в своих воспоминаниях: «Я знаю людей, в основном из числа тех,

С полным основанием город Лондон отметил в 1970 году мемориальной доской Orsett House, наиболее продолжительное место пребывания Герцена по свидетельствам его гостей, в числе которых были Толстой, Тургенев, Достоевский, а также на основании его произведения «Былое и думы». В прошлом году появилась вторая мемориальная доска на стене Вольной Русской Типографии на Джадд-стрит в Блумсбери[11]. Насколько значительна была лондонская издательская деятельность Герцена, находившегося за тысячи километров от России, в то время, когда в самой России издавалось множество журналов? У меня есть доказательства, что к 1858 году он стал самым влиятельным издателем в стране.

Когда в 1851 году Герцен отказался вернуться в Россию, он был вычеркнут из российской жизни, и даже его имя было запрещено к печати. В 1856 году он писал Марии Каспаровне (Рейхель): «Три года мы печатали, не только не продав ни одного экземпляра, но не имея возможности почти ни одного экземпляра послать в Россию, кроме первых летучих листов, отправленных Ворцелем и его друзьями в Варшаву»[12]. Но то, как Герцен решал эту проблему с помощью корабельного магната Джозефа Коуэна[13], каковы были его отношения с продавцами книг на континенте, в том числе с Трубнером[14], и множество других деталей придётся описать в другом докладе[15].

Неожиданная смерть Николая I изменила всё[16]. Главное, Герцен смог обойти запрет на свои публикации. Вот что рассказывает известный цензор Никитенко 4 августа 1862 года: «Я встретился в Дрез-

---

кого называют серьёзными и компетентными, которые не могли терпеть присутствие Герцена» (The Extraordinary Decade / ed. by Arthur Mendel, translated by Irwin Titunik, Ann Arbor, 1968. P. 86).

[11] http://sarahjyoung.com/site/2013/06/27/herzens-free-russian-press-plaque-unveiled-on-judd-street/

[12] *Черных В.А.* Из истории Вольной русской печати (А.И. Герцен и Н. Трюбнер. Первый период сотрудничества) // Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1978. Т. 7. С. 64.

[13] *Partridge Monica*. Alexander Herzen and the Younger Joseph Cowen, Some Unpublished Materials // Alexander Herzen: Collected Studies, 2nd ed. Nottingham, UK, 1993. P. 37–49.

[14] Напр., the «Universal Library» магазин в Лондоне принадлежавший Польскому иммигранту Ерасмусу Жабицкому. См.: *Черных В.А.* Указ. соч. С. 64.

[15] Красочное, и при этом верное описание некоторых этих каналов можно найти в.: *Эйдельман Н.Я.* Герценовский «Колокол». М., 1963. С. 47–50. К сожалению, как было отмечено ранее, эта популярная история лишена справочного критического материала.

[16] *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. XVII. С. 80; цитировано в: *Черных В.А.* Указ. соч. С. 73; *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. XXVI. С. 53; цитировано в: *Черных В.А.* Указ. соч. С. 74.

дене с князем Юсуповым. Речь у нас зашла о Герцене и его революционных листках, которыми он наводняет Россию. Вот что он рассказал мне по этому случаю: “В Берлине покупал я в книжном магазине кое-какия немецкие книги. А не хотите-ли вы русских? — спросил у меня услужливый книгопродавец. — Каких же? — Да вот, например, герценовских; у меня есть всевозможные его сочинения: и прежния и самыя новыя. — Нет, отвечал я, — у нас ныне очень строго преследуются эти вещи, и я боюсь, что не довезу их до Петербурга: у меня отберут на границе. — Вот пустяки! Я вам доставлю в Петербург сколько угодно, прямо в ваш дом, в ваш кабинет. — Это удивительно! Но если я вздумаю задержать того, кто мне их принесёт? — Не безпокойтесь! Вы не в состоянии будете этого сделать, вы и не увидите того, кто вам принесёт их”»[17].

В цифрах это выглядит так. Пик тиража «Колокола» составлял 5 000 экземпляров. У «Современника» в конце 1840-х годов было 3 100 подписчиков, а у самого популярного журнала «Отечественные записки» — 6 000 в 1860 году. Учитывая то, что экземпляры запрещённого журнала «Колокол» передавались из рук в руки и что журнал был запрещённым, у него было ещё больше читателей, чем у любого легального журнала. Добролюбов пишет в своём дневнике, что ценил журналы Герцена и доверял им больше, чем своим[18].

Что же мы можем сказать про того единственного человека, который, как Париж, стоит мессы — а именно про царя? Знал ли он про Герцена, читал ли письма в свой адрес, которые неоднократно публиковал Герцен? На этот счёт сохранилось недостаточно свидетельств, по мнению большинства учёных. Но сам я вижу убедительные доказательства того, что царь был знаком с трудами Герцена, в том, что Герцен сам ссылается на сообщения из Санкт-Петербурга. Как издатель, Герцен очень дорожил своим авторитетом, и его публикации являются чрезвычайно достоверными, о чём упоминает и Добролюбов (см. выше). Также убедительные доказательства встречаются в дневнике одной придворной дамы[19]. Наконец, есть прямой источник, дневник вышеупомянутого цензора Никитенко, который он тщательно аннотировал каждые несколько дней, год за годом в тече-

[17] *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том чему свидетель в жизни был. Записки и дневник (1804–1877). СПб., 1904. Т. 2. С. 95.

[18] См.: *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 495.

[19] Это утверждение появляется в: My Past and Thoughts / ed. Humphrey Higgins. London, 1968. Vol. 3. P. 1299; *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. XI. С. 301, 705. Эту историю неохотно подтвердила фрейлина Анна Тютчева в своём дневнике, см.: Летопись жизни и творчестве А.И. Герцена. Кн. 2: 1851–1858. С. 455–456.

ние десятилетия. Вот эта заметка написана 8 ноября 1858 по поводу комиссии по вопросу освобождения крестьян: «Был разговор о Герцене и его “Колоколе”. Государь крайне огорчён и недоволен его последними выходками. Хотели литографировать какую-то записку по крестьянскому комитету, чтобы членам удобнее было её читать. Государь этого не велел, сказав, что “только литографируй, а там она и появится в Колоколе”»[20]. Это свидетельствует, что экземпляры «Колокола» явно находились в Зимнем Дворце[21]. Те, кто называли Герцена государственным преступником, не могли не читать его «Колокол».

Чем же Герцен был так неугоден власти? Во-первых, сам факт длительного существования его типографии вопреки всем препятствиям царской России доказывал, чуть ли не впервые в русской истории, что всемогущая власть на самом дела не так всемогуща. Во-вторых, постоянное обличение коррупции в правительстве и должностных преступлений подрывало доверие к этому правительству. В-третьих, Герцен опубликовал некоторые очень смелые работы, такие как произведения Радищева и дневник Екатерины II. Этот дневник, доказывавший, что Павел I не был Романовым, держали под секретом почти сто лет. Герцен опубликовал его сначала на оригинальном французском языке, затем на английском, немецком, русском, датском и некоторых других языках. То есть этой публикацией из Лондона он затрагивал очень щекотливый вопрос о легитимности Романовской династии.

Герцена критиковали многие: либералы — опасаясь последствий его подрывных публикаций. Радикалы — за то, что он направлял открытые письма правительству, тем самым легитимизируя царя. Очевидно, что Герцен доставил из Лондона много неприятностей уже самим фактом организации успешной типографии за границей, что потом повторили за ним Плеханов, Ленин, Струве[22] и другие. И Российское государство со своим слабым правительством от этого шока так и не оправилось.

---

[20] *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 532 (1852 год). Возможно, это не неуместно отметить, что Никитенко был лично знаком с Герценом, и был цензор, через кого прошёл его «Доктор Крупов»! См.: *Перкаль М.* Герцен в Петербурге. Л., 1970. С. 179.

[21] Для получения дополнительных доказательств от Герцена на вездесущность своих публикаций в правительстве, см.: Higgins, ed. My Past and Thoughts. Vol. 3. P. 1298; *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. XI. С. 300.

[22] Pipes Richard. Struve. Vol. I (Liberal on the Left, 1870–1905). Harvard, 1970; Vol. II (Liberal on the Right, 1905–1944). Harvard, 1980. I/310, 348, 353. См. также: Herzen’s pernicious influence. II/297. См.: А.И. Герцен, Pro et Contra. СПб., 2012. С. 301–305.

Его успех можно объяснить многими факторами, но основная причина — блестящий ум и творческий стиль Герцена. Вот что сказал Лев Толстой в конце жизни (он встречался с Герценом в Лондоне в 1861): «Я ни у кого уже потом не встречал такого редкого соединения глубины и блеска мыслей»[23]. В другом месте Лев Толстой писал: «Но у нас кого читать, много ли у нас великих писателей? Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Достоевский, ну... я (без ложной скромности), некоторые прибавляют Тургенева и Гончарова. Ну вот и всё»[24].

Умер Герцен не в Лондоне, а в Париже, 21 января 1870 года, на 57 году жизни, от воспаления лёгких, осложнённого диабетом. Однако именно лондонская «Таймс» написала один из самых проникновенных некрологов:

> «Умер Александр Герцен, русский писатель и журналист. В стране, где правят меч и молитвенник, он был первым, с чьим пером должно было считаться правительство... Как автор, он позволял себе смелые заявления, что не удивительно для такого импульсивного писателя, пишущего о политике. Умный, быстрый и очень образованный, он мечтал о демократическом парламенте в стране, где большинство населения неграмотно, а те, кто знаком с букварём и может читать — исключение. В правящих классах он видел коррупцию и восхищался ленивым и нецивилизованным крестьянством, считая его единственным здоровым элементом в этой стране, а также разделял необычные взгляды о том... что если дать молодой России самостоятельность, то она произведёт более новую и чистую форму культуры, чем одряхлевший Запад. Но самая сильная его сторона заключается в блестящих репликах, а не в философских теориях...»[25].

---

[23] Рассказано в мемуарах Сергеенко, цитируя Толстого в 1908, и перепечатано в: Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 396–397.

[24] Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1960. С. 318. цитировано в: *Partridge Monica*. Alexander Herzen and the Younger Joseph Cowen. P. 71.

[25] *Partridge Monica*. Herzen and the English Press // Alexander Herzen: Collected Studies, 2nd ed. P. 34.

С.Н. Третьякова
(Северодвинск)

Лондонский салон О.А. Новиковой в контексте российско-британский отношений

Имя Ольги Алексеевны Новиковой было хорошо известно в Лондоне в последней трети XIX – начале XX века. Её салон посещали многие видные британские интеллектуалы, религиозные и политические деятели, дипломаты и журналисты, люди разных взглядов. Это тем более удивительно, что хозяйка салона принадлежала к славянофильским кругам и слыла ярой защитницей самодержавной России. Её взгляды и деятельность не раз подвергались резкой критике как со стороны её идейных противников, так и исследователей, что никак не умаляет её роли в диалоге культур двух стран.

Ольга Алексеевна (1840–1925)[1] происходила из московской семьи Киреевых. Крестным отцом Ольги и её братьев был Николай I. Азы салонной культуры она познавала в салоне своей матери. С детских лет девочка вращалась в кругу писателей и политиков, увлекалась литературой и музыкой, знала несколько языков, отлично владела английским. А её отец был не только славянофилом, но и англофилом. То же в будущем можно будет сказать и о самой Ольге Алексеев-

[1] До сих пор самым полным описанием жизнедеятельности О.А. Новиковой остаётся книга, написанная журналистом У.Т. Стэдом: Stead W.T. (ed.) The M.P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff. Vol. I–II. London, 1909. (Русский перевод: Депутат от России. Воспоминания и переписка О.А. Новиковой / Сост. W.T. Stead. Пг., 1909). См. также: *Дмитриева В.Д., Майорова О.Е.* Новикова Ольга Алексеевна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 342–343; *Novikova O.A.* // Oxford dictionary of national biography: from the earliest times to the year 2000. Oxford, 2004. Vol. 41. P. 229–230.

Ольга Алексеевна Новикова. 1875 г.

не. Замуж она вышла за И.П. Новикова, который был значительно старше её. В 1861 году у них родился сын Александр, он станет известным земским деятелем. После замужества Ольга Алексеевна переезжает в Петербург, где посещает знаменитый салон вел. кн. Елены Павловны и попадает в круг столичного высшего общества.

Однако семейная жизнь не сложилась, и они подолгу будут жить врозь. Ольга часто выезжала за границу. Посетив Лондон впервые в 1868 году, будет возвращаться сюда ежегодно. По её собственным словам, «дорогая Англия овладела ею», и зимнее время года она почти постоянно проводила в Лондоне. Здесь она заводит новые знакомства и, что вполне естественно, начинает принимать у себя. Трудно даже перечислить всех, с кем она общалась — историки А. Кинглек, Дж. Фруд, Э. Фриман, Т. Карлейль; политические деятели У. Гладстон, Ч. Вильерс, Г. Кэмпбелл-Баннерман; бывший посол в России лорд Ф. Непир; австрийский государственный деятель граф Бейст, сейчас посол в Лондоне; каноник Лиддон, журналист У.Т. Стэд и многие другие.

В данном случае под «салоном» мы будем понимать не только собрания в узком значении этого слова, но и британские связи О.А. Новиковой в целом. Жила она в Лондоне по разным адресам, но предпочитала Кларидж Отель. Умная и очаровательная хозяйка, разносторонние интересы, непринужденная обстановка. Иногда гостей собиралось так много, что места в небольшой гостиной не хватало. А её знакомства со многими знаменитостями России и Европы добавляли ей авторитета и привлекательности в глазах новых английских друзей. Естественно, что салон оказывался притягательным для соотечественников, которые оказывались в Лондоне, что облегчало им «доступ» в местное общество. Среди них можно назвать философа В.С. Соловьёва, историка М.М. Ковалевского, художника В.В. Верещагина, писателя П.Д. Боборыкина, теософа Е.П. Блаватскую и др.

М.М.Ковалевский, которого с Ольгой Алексеевной познакомил В.С. Соловьёв, оставил воспоминания о салоне Новиковой этого периода. «У неё собирались некоторые члены английского духовен-

ства, озабоченные мыслью о сближении православной и англиканской церкви. Неизменно в определённый час устраивался около камина и старик Кинглек, автор известного сочинения о Крымской войне. О.А. в то время была ещё женщиной с привлекательной наружностью. Отличное знакомство с английским языком и большие связи (её муж был братом русского посла в Константинополе), наконец, самый тот факт, что она занимала квартиру в Вестенд Бон Стрит[2], — не только аристократическом квартале, но и на улице, соседней с клубом и редакциями многих газет, — были причиной того, что между пятью и шестью часами у неё можно было застать немало интересных англичан. <...> В салоне О.А. можно было встретить людей, редко где показывавшихся, между прочим, историка Карлейля»[3].

Вначале это был обычный салон, где много внимания уделялось религиозным вопросам. Её старший брат Александр Киреев был активным участником движения старокатоликов (несогласных с догматом о непогрешимости папы Римского), и Ольга Алексеевна начинает помогать ему. Интерес к этому движению, а также к сближению с православной церковью проявляла Англиканская церковь. Ведя переписку с немецкими и французскими богословами, она знакомит с их сочинениями и своих новых английских друзей. Ее первоначальное общение с Гладстоном, с которым она познакомилась в 1873 году, было как раз на религиозные темы.

Возможно, что она и дальше продолжала бы блистать в обществе своих знакомых, но обостряется ситуация на Балканах, летом 1876 года в Сербии в бою с турками погибает её младший брат Николай Киреев. Она не могла смириться с этой потерей, считая, что именно политика Б. Дизраэли, поддерживавшего Турцию, способствовала развязыванию этого конфликта и, соответственно, привела к смерти её брата. Наверное, не было в России человека, который бы не слышал о его героической смерти. Заметим, что во многом благодаря Новиковой это имя было хорошо известно и в Англии. Историк А. Кинглек, питавший нежные чувства к Ольге Алексеевне, в предисловии к новому изданию своего сочинения о Крымской войне создал романтический образ Н. Киреева.

Её личное горе совпало с начавшимся в Англии общественным движением *(Bulgarian agitation)*, вызванным жёстокой расправой турецких властей над участниками восстания в Болгарии в мае 1876 года. С яркими статьями в защиту балканских славян выступил про-

---

[2] Правильно: Бонд стрит.

[3] *Лукьянов С.М.* О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. В 3 кн. Кн. 3. Пг., 1921. С. 139–142.

винциальный журналист У.Т. Стэд, который в будущем станет хорошим другом Новиковой. Критиковал официальный курс Великобритании и У. Гладстон, находившийся в тот период в оппозиции. Он считал, что в этом вопросе России и Англии следует объединить усилия, а не противостоять друг другу. Однако традиционное предубеждение к Российской империи, память о Крымской войне были слишком сильны, Дизраэли даже грозил России новой войной. В этих условиях Ольга Алексеевна решила «сделать все, что в её скромных силах, чтобы способствовать лучшему пониманию между двумя нациями». Думается, что эмоциональное воздействие Новиковой на своих друзей было довольно сильным. Она ведет переписку с английскими и русскими корреспондентами, обмениваясь информацией и стремясь не допустить возможность войны между странами.

С началом русско-турецкой войны антирусские настроения в Англии значительно усилились. По предложению Стэда Ольга Алексеевна пишет серию писем, отражающих русскую точку зрения. Так началась её публицистическая деятельность. Статьи, которые она подписывала своими девичьими инициалами «О.К.», были написаны очень эмоционально. Затем эти статьи выходят отдельными сборниками с говорящими названиями «Ошибается ли Россия?» (1877) и «Друзья или враги?» (1878). Особенно нашумевшей была книга «Россия и Англия. Протест и призыв» (1880), которую высоко оценил Гладстон. Эти издания она посвящала памяти брата Николая. Еще одна книга «Скобелев и славянский вопрос» (1883) была написана после смерти прославленного генерала, который был ее другом.

Её активность не осталась незамеченной в британском обществе. Одни считали Новикову «агентом русского правительства», другие называли «неофициальным послом» и очень высоко оценивали ее роль в этих событиях, считая, что она одна стоила армии в 100 тыс. человек[4]. Дизраэли иронично назвал Новикову «депутатом от России» *(M.P. for Russia)*, но она этим титулом гордилась. Стэд также считал, что борясь за освобождение христиан на Балканах, она «завоевала право быть названной депутатом парламента от России в Англии», и именно такое название он выбрал для своей книги. Стэд воспринимал её издание как возможность хоть в незначительной мере отдать часть долга, в котором Англия находилась перед О.А. Новиковой.

Исследователи затрудняются в точном определении роли Новиковой в этих событиях и характере её отношений с Гладстоном. Ряд

[4] The M.P. for Russia. Vol. I. P. 1–2.

британских историков считает, что её личное влияние на русско-английские отношения было «очень реальным», хотя и преувеличивалось как её друзьями, так и врагами. Но они признают, что она была «необычной фигурой», а как женщина, участвовавшая во внешнеполитической компании совместно с бывшим премьер-министром, «почти уникальной». Гладстон не разделял её панславизма, но она была хорошим источником информации о русских делах и связующим звеном с русским обществом в Лондоне и за его пределами[5]. Это была распространенная точка зрения, что Новикову (её общественное положение и связи) использовали, причем обе стороны. Но одновременно высказывалось и другое распространенное мнение, что это Новикова использовала Гладстона.

Кстати, в Англии Ольгу Алексеевну нередко сравнивали с Дарьей Ливен, супругой посла Российской империи в Великобритании в 1812–1834 годах. Она находилась в дружеских отношениях с ведущими английским политиками и смогла, как считали, удержать Англию от вмешательства в русско-турецкую войну 1828–1829 годов. Но при некоторой схожести в деятельности этих женщин была и существенная разница. Если Д. Ливен была женой посла и имела официальную поддержку, то ничего подобного у Новиковой не было, ей приходилось действовать самостоятельно, и влиять она могла только на политика, который в то время находился в оппозиции.

В чём только не обвиняли О.А. Новикову — в том, что она шпионка, агент царской охранки, что она приехала в Англию, чтобы «соблазнить английских государственных деятелей». Но Стэд, очень хорошо её знавший, утверждал, что ничьим агентом Новикова не была. «Она была русской патриоткой, часто в сильной оппозиции с собственным правительством, сердцем и душою преданная делу угнетенных славян, на защиту которых ее брат пожертвовал жизнью»[6]. Ольга Алексеевна стала своеобразным посредником между английским и русским обществами. Она оказывала покровительство всем, кто симпатизировал России. Одновременно ее статьи об Англии печатались в российских изданиях. Она была «архитектором, строящим мост одновременно с обоих берегов реки», как охарактеризовал ее роль Стэд. Причём в Англии она представляла консервативную Россию, а в России — либеральную Англию Гладстона.

Надо отметить, что Новикова не противопоставляла две страны, как делали многие, наоборот, для нее естественным было находить точки соприкосновения. Она убеждала британских читателей, что

[5] *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. London, 1962. P. 115–117; *Matthew H.C.G.* Gladstone. Oxford, 1997. P. 322–323.

[6] The M.P. for Russia. Vol. I. P. VII–VIII.

«традиционной политикой России является союз с Англией». Для подтверждения она приводила примеры исторического сотрудничества (в период Владимира Мономаха и Ивана IV) и современные общие интересы двух империй: в Средней Азии, противостояние Ватикану, борьба с рабством. Но многочисленные усилия, которые предпринимались для установления «сердечного понимания между двумя нациями», вынуждена она констатировать, часто «сводились на нет ложью и клеветой, изобретаемыми нашими врагами» (например, фальшивое «завещание Петра Великого»). Но русские императоры всегда придерживались мнения, что Россия и Англия являются естественными союзниками, даже если обстоятельства иногда приводили их к временному антагонизму из-за ошибочной английской политики[7]. Она не раз будет писать, что есть две России — официальная и неофициальная, Россия Петербурга и Россия Москвы, как есть и две Англии: Гладстона и Дизраэли. Если между официальной Россией и Англией существует вражда и антипатия, то между вторыми — взаимное понимание и взаимные симпатии.

Новикова просто не могла мириться с тем, что в Англии относились к России в целом враждебно, причину чего она видела в «невежестве англичан в отношении России». Она неустанно защищала в британской прессе политику России, но по многим вопросам ей сложно было найти понимание. Например, Новикова оправдывала правительство даже тогда, когда по России прокатилась серия еврейских погромов или условия сибирской ссылки. Ей приходилось противостоять русским революционерам-эмигрантам, на стороне которых традиционно находились симпатии британского общества. И здесь вряд ли можно говорить об успешном результате. Наверное, она слишком увлеклась своей миссией, но руководствовалась она не только собственным самолюбием, идейные интересы для неё были важнее. Не случайно, даже не разделяя во многом взглядов Новиковой, британские друзья не могли не уважать её патриотизм.

Нельзя не упомянуть в этой связи и о К.П. Победоносцеве, который был одним из постоянных корреспондентов Новиковой. Обер-прокурор Синода был знатоком английского парламентаризма и истории Англии, читал в подлиннике английскую литературу и переводил «полезные», с его точки зрения, статьи на русский язык, в частности знаменитый памфлет Гладстона о болгарских ужасах[8]. Он активно участвовал в кампании в поддержку балканских славян, снабжая Новикову информацией из правительственных кру-

[7] *Novikoff O.* Friends or Foes? London, 1878. P. 74–75.

[8] *Гладстон В.* Болгарские ужасы и восточный вопрос / Пер. с англ. К.П. Победоносцева и К.Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1876.

гов. Победоносцев признавал значение ее салона, отмечая, что ее агитация в Лондоне и дружба с представителями британской интеллигенции «были не без пользы»[9]. Живой интерес к Победоносцеву проявил Стэд. С одной стороны, он критиковал его религиозную политику, но в то же время под его редакцией вышел английский перевод статей Победоносцева («Московский сборник») под названием «Размышления русского государственного деятеля». Предисловие к этому изданию написала Новикова, понимавшая, что его взгляды вряд ли будут поняты английскими читателями, напротив, скорее они произведут «эффект брызг ледяной воды, внезапно попавшей на расплавленный свинец». Но мнение государственного деятеля, который в течение многих лет занимал такое важное положение в Российской империи, стоит внимания Запада[10].

В 1891–1892 годах, когда в России будет неурожай и голод охватит ряд провинций, в том числе и имение ее сына, Новикова развернет в Англии активную деятельность по сбору средств для голодающих и организации поездки делегации квакеров в Россию[11]. А всё началось, как писала сама Новикова, с получения чека на 5 фунтов от неизвестного. Она поблагодарила через газету, за этим последовали другие пожертвования. Все её друзья поспешили на помощь. Она была тронута письмом старого солдата, который во время Крымской войны был ранен и попал в плен к русским. В ответ на доброе к нему отношение он прислал 2 шиллинга 6 пенсов. В целом за зиму в Лондоне она собрала 20 тыс. рублей[12]. Правда, на этот раз ее активность не очень будет приветствоваться уже в самой России.

Конечно, одной женщине не под силу было изменить состояние англо-русских отношений, но неофициальные контакты в данном случае не менее важны. Дружеские отношения сложились у Новиковой с рядом британских историков — А. Кинглеком, Т. Карлейлем и Дж. Фрудом, которые поддерживали ее усилия по наведению мостов между странами.

Самым знаменитым из ее знакомых был У. Гладстон. Многих удивляла эта дружба, учитывая, что русофилом Гладстон никогда не

---

[9] См.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании (1870-е — начало 1900-х годов) // К.П. Победоносцев: мыслитель, учёный, человек. СПб., 2007. С. 87–93; *Byrnes R.* Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington. London, 1968.

[10] *Pobyedonostseff K.P.* Reflections of a Russian Statesman. With a Preface by Olga Novikoff. London, 1898. P. VII–IX.

[11] См.: *Сорока М.* Английские квакеры и русский голод // Родина. 2011. № 12. С. 95–98.

[12] *Новикова О.А.* Несколько слов. Пг., 1914. С. 12–16.

был. Но для самой Новиковой ничего странного в этом не было, она не раз повторяла тезис о схожести характера внешней политики русских славянофилов и английских либералов: и те и другие борются за независимость угнетенных рас. Ольга Алексеевна отмечала, что для нее величие Гладстона состояло не в его государственной деятельности, но в его безупречных моральных качествах, приверженности религии. Но их отношения не надо идеализировать. Когда Гладстон в 1880 г. вновь становится премьер-министром, то их общение перешло преимущественно в область переписки. Они сохранили добрые личные отношения, но если он был несправедлив к России, Новикова без сомнений «скрещивала мечи» с ним на страницах британских изданий. Если «обижали» Россию, то чувств своих друзей она не щадила.

Друг Новиковой журналист У.Т. Стэд, по его собственному признанию, много лет был адвокатом политики российских правителей в английской прессе. Прославившись разоблачениями язв британского общества, журналист, на удивление многих, рисовал положительные образы русских императоров. Он смог добиться личной аудиенции Александра III (в Гатчине) и несколько раз встречался с Николаем II. Будучи пацифистом, он особенно подчеркивал их миролюбивую политику. Стэд отмечал, что он и Новикова представляли два полюса: она была православной, из знатной семьи, самодержавной по убеждениям; он — нонконформист, из простого народа и радикал как по поведению, так и по убеждениям. У них были разные мнения по многим вопросам (о религиозных преследованиях, Государственной Думе, евреях и нигилистах), но это не уводило от высшей цели их союза — способствовать лучшему пониманию между народами[13].

Несомненно, что влияние О.А. Новиковой испытал и молодой писатель С. Грэхем, который в 1910-е годы совершил по России несколько длительных путешествий. Все его книги проникнуты глубокой симпатией к России и русскому народу. Он также станет пропагандистом дружбы между двумя странами.

«Звёздный час» Новиковой приходится, конечно же, на период балканского кризиса, но так будет не всегда. В начале XX века она прекращает свои приёмы, к этому времени ушли из жизни многие из её старых друзей. Но полностью отказаться от активного образа жизни она не может. Из воспоминаний Грэхема возникает образ женщины-легенды, и, несмотря на преклонный возраст, еще деятельной. Она обладала яркой памятью, и о ком бы она ни рассказывала —

[13] The M.P. for Russia. Vol. I. P. 383–384.

о русских писателях, Карлейле или Гладстоне — она была способна создать эффект их присутствия. Иногда она устраивала завтраки и показывала очарование, которое сохранила с дней своего великолепия. А в предисловии, которое Грэхем написал к воспоминаниям Новиковой, каждое слово буквально пронизано восхищением ею и ее преданностью России. Она не только представляла Россию в Англии, «она сама была Россией», утверждал Грэхем[14].

Как яркая и неординарная личность, О.А. Новикова была противоречивой, имела много друзей, но и немало противников. Одни ею восхищались, у других она вызывала раздражение. Одни посвящали ей стихи и пьесы, другие обвиняли, причем не только в Англии, но даже и в России. Если Аксаков, Катков, Победоносцев считали ее деятельность полезной для России, то для других это было что-то сродни шпионству. Ей часто ставили в упрек, что она представляла именно официальную, «охранительно-патриотическую» Россию. Играл свою роль и гендерный фактор. Думается, что многие обвинения в ее адрес являются несправедливыми. Все, что она делала, было искренне и с энтузиазмом, хотя ей часто не хватало гибкости. Начавшаяся Первая мировая война на какое-то время возвращает О.А. Новикову к публицистической деятельности в поддержку англо-русского союза. Она даже пишет книгу воспоминаний. Но революционные события перечеркнули усилия всей ее жизни.

Обе страны неразрывны в судьбе Ольги Алексеевны: зимой она жила в Лондоне, а лето проводила на родине; в Англии писала о России, а в России — об Англии. Для англичан она была русской, а дома ее часто воспринимали как иностранку. Большую часть жизни она посвятила установлению взаимопонимания между странами. И символично, что родившись в России, последний свой приют она находит в Англии.

[14] *Novikova O.* Russian Memories. London, 1917. P. 1.

А.В. Ванинская[1]
(Великобритания)

Русский взгляд: российские иностранные корреспонденты в Великобритании начала XX века

Когда речь заходит об известных русских, посещавших Британию в начале XX века, на ум тотчас же приходят имена Ленина и Горького, Петра Кропоткина и Евгения Замятина, Павла Милюкова и Павла Виноградова. Но если попытаться понять, откуда российская публика заимствовала культурные клише, характеризующие жизнь тогдашней Британии, или к чьим трудам обращалась за подлинным, из первых рук описанием устройства британского общества, то упомянуть нужно совсем другие имена. Рядовой читатель не увлекался прозой Замятина или научными трудами Виноградова, но почти наверняка читал периодические издания. На страницах «Русского слова», «Мира Божьего», «Вестника Европы», «Русских Ведомостей», «Нового Времени», «Биржевых Ведомостей» и «Одесских Новостей» можно было найти как подробные глубокие обзоры, так и статьи, подкрепляющие расхожие стереотипы. В частности, читатели могли обратиться к «Письмам из Англии» зарубежных корреспондентов, которые печатались в толстых журналах и газетах, выходивших массовым тиражом. Большинство крупных периодических изданий публиковали обширные статьи на британские темы в разделах, посвящённых литературной критике, политике и обществу, истории и экономике; в них также печатали переводную литературу. Письма «от нашего Лондонского корреспондента» соседствовали с

[1] Перевод с английского К. Геворкян и М. Артамоновой.

главами из повестей современных британских романистов. Подобно этим романистам (урожденным британцам), такие корреспонденты располагали неоценимым преимуществом: их знание страны основывалось на собственном непосредственном и продолжительном опыте, что отличало их от тех русских авторов, которые изучали Британию издалека, читая английские книги или нанося туда мимолётные визиты с целью научной работы или туризма. Корреспонденты же обладали как теоретическими, так и практическими познаниями о стране.

То же самое, конечно, можно сказать о российских политических эмигрантах и революционерах, которые нашли себе пристанище в Британии в начале века, и в целом о русской эмигрантской общине, не говоря уже о таких писателях, как Замятин. Написанная в Ньюкасле новелла Замятина «Островитяне» (1917), как и менее известная повесть «Ловец человеков» (1918), основаны на его опыте жизни и работы на севере Англии и в Шотландии в 1916–1917. В своём отношении к британскому лицемерию в области религии и сексуальных отношений эти произведения замечательным образом созвучны критике британской культуры зарубежными корреспондентами. Но ни Замятин, ни другие русские эмигранты, бравшиеся за перо, не ставили себе целью ведение детальной хроники всех вообразимых аспектов британской жизни, от высокой политики и финансов, последних литературных достижений и художественных выставок до повседневной жизни людей, принадлежащих самым разным социально-экономическим слоям. А именно эти вопросы освещали зарубежные корреспонденты, если рассматривать их в целом.

Наиболее авторитетным обозревателем жизни в Британии в дореволюционной прессе был Исаак Шкловский (1865–1935), известный публике под псевдонимом Дионео[2]. В 1880-е годы народоволец Шкловский был выслан в Сибирь, потом стал знаменитым этнографом и в конце концов поселился в Лондоне в 1896 году в качестве британского зарубежного корреспондента «Русского Богатства» и «Русских Ведомостей» — двух наиболее влиятельных периодических изданий России конца XIX — начала XX века (первый — ежемесячный журнал народников, второй — либеральная московская ежедневная газета). Он провёл более половины жизни в Британии (с 1896 по 1935), и как свидетельствовал Гарольд Вильямс, специальный корреспондент газеты «Таймс» в России и одна из наиболее крупных фигур в англо-российских отношениях во время Первой мировой

[2] А его племянник, Виктор Шкловский, даже не знал про существование «дяди Исаака — путешественника». *Шкловский, В.Б.* Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. М.: Советский писатель, 1966. С. 32.

войны и Революции, «большая доля демократически настроенной русской молодёжи черпала знания об Англии почти исключительно из одобрительных статей Дионео»[3]. Его «Письма из Англии» — в среднем, 30 страниц убористого шрифта, появлялись каждый месяц в «Русском Богатстве» по мере того, как росло поколение, о котором говорил Вильямс. Дионео остался в Британии после Октябрьской революции и продолжал писать о своей новой родине — но уже не для широкой российской публики, а для эмигрантской прессы.

Шкловский-Дионео в первую очередь был исчерпывающим портретистом. Его первые сборники статей «Очерки современной Англии» (1903) и «Английские силуэты» (1905) являются, по существу, энциклопедическим обзором поздней викторианской и ранней эдвардианской эпох. Там можно найти всё: представления варьете, последние поветрия танцев, моды и рекламы, демонстрации безработных и джингоистов, празднующих победы в англо-бурской войне, бездомных на набережной, провинциалов, отплывающих на поселение в колонии, фабричных девчонок и титулованных дам, катающихся в лодках по Темзе. Серии сцен, захватывающих внимание читателя, и интерлюдий, наполненных реалистичными диалогами и запоминающимися персонажами, перемежаются фактами и цифрами, систематическими обзорами экономики империализма, периодической прессы, колониальной литературы, промышленного и сельскохозяйственного производства или детского труда. В совокупности тысячи страниц его репортажей о британской культуре и обществе, создаваемые на протяжении нескольких десятилетий, составляют своего рода журналистский эквивалент «Человеческой комедии» или «Ругон-Маккаров». В объемных репортажах Шкловского поражает не просто их исчерпывающий характер, но устойчивое впечатление, что это отчёт очевидца изнутри. Во многом этот эффект создает литературная чуткость Шкловского: его мастерские описания, его умение слышать диалог и подмечать детали. От его портретных характеристик лондонских рабочих веет подлинностью — это и фабричные гудки в Баттерси, и собрание консерваторской Примроуз-Лиги в церковном зале, и вечер в клубе социалистов. Бытописательство и зарисовки с натуры — неотъемлемые атрибуты работ Шкловского, подобные которым вряд ли можно найти у других британских обозревателей русской периодики.

Но Шкловский был лишь верхушкой айсберга. Многочисленные столичные и провинциальные газеты посылали своих собственных корреспондентов за границу или пользовались услугами людей, ко-

[3] *Williams, H.* Prefatory Note // Dioneo (I.V. Shklovsky). Russia Under the Bolsheviks. London, 1919. P. 2.

торым случилось оказаться в Британии по причинам частного характера. Некоторые из этих корреспондентов проводили в стране всего пару лет, другие — большую часть жизни. К последним относится Семён Рапопорт (1858–1932?) — ещё один представитель поколения Шкловского, подобно ему регулярно писавший для самых уважаемых ежемесячников, таких как «Мир Божий», «Русская Мысль», «Вестник Европы» и «Северный Вестник», не говоря о газетах. Как и Шкловский, Рапопорт одним из первых стал членом Лондонской ассоциации зарубежной прессы, основанной в 1888 году русским журналистом Г.С. Веселитским-Божидаровичем. Как и у Шкловского, дорога Рапопорта к журнализму была длинной и извилистой. До приезда в Британию в1891 году он учился в земледельческом училище, служил солдатом, работал электротехником и железнодорожным служащим, печатался в юмористических журналах. Ничто тогда не предвещало в нем будущего переводчика Толстого и Шоу и автора сборников статей на темы британской политики, экономики и предпринимательства. Рапопорт и Шкловский писали также для более чем двадцати британских периодических изданий: от «Pall Mall Gazette» и «Daily Mail» до «Academy» и «Daily Chronicle», а Шкловский даже внёс свой вклад в «Британскую энциклопедию».

Среди молодого поколения корреспондентов, которые направились в Британию в 1900–1910 годы, выделялись Корней Чуковский (1882–1969) и Самуил Маршак (1887–1964). Они провели в стране всего несколько лет, составляя не подробные обзоры для толстых журналов, а короткие сообщения в газеты, выходившие массовым тиражом (следует заметить, что тираж таких газет мог в 15 раз превышать тиражи журналов). В 1903–1904 годах Чуковский, молодой самоучка из Одессы, работал лондонским корреспондентом газеты «Одесские Новости». Темы его репортажей — театр Вест-Энда и жизнь еврейской эмиграции Ист-Энда; тарифные реформы и ораторы Гайд-парка; колледжи для рабочих и Британский музей — очень походили на темы статей Шкловского того же времени. Писатели хорошо знали друг друга, хотя со стороны Чуковского отношение было явно эдиповым. Маршак, молодой поэт-сионист, приехал в Британию в 1912 году после путешествия по Палестине и во время учёбы в Лондонском университете зарабатывал себе на жизнь репортажами для нескольких петербургских газет. Он тоже познакомился с вездесущим Шкловским — к тому времени патриархом зарубежной корреспондентской братии и важной фигурой русской эмиграции в Лондоне. В течение двух последующих лет Маршак писал занимательные очерки, освещавшие типичные проявления британской общественной жизни: от кино лондонского Ист-Энда и валлийских

школ простой жизни до корнуэльских рыбаков и ирландских самоуправленцев.

Маршак много путешествовал по стране, не ограничиваясь, подобно Чуковскому, графствами, близлежащими Лондону. Его письма из Ирландии, например, полны размышлений о различиях между ирландцами и англичанами, и эта чуткость к национальным особенностям разных частей Великобритании (не чуждая, однако, распространённым стереотипам), была характерна также и для других корреспондентов. Описание Рапопортом шотландского менталитета — хороший тому пример. Но корреспонденты были в равной мере чутки к присутствию других народностей, особенно в многонациональном Лондоне. Их собственные соотечественники, экономические и религиозные беженцы из Российской империи, служили непосредственным материалом для репортажей. Шкловский с особым пониманием писал о жизни еврейской иммигрантской общины в лондонском Ист-Энде в годы, предшествующие Закону об иностранцах 1905 года. Но он так же живо описывал американских миссионеров-мормонов и целителей верой христиан-сайентистов, подвизавшихся в Лондоне на рубеже веков. Он утверждал, что присутствовал в 1898 году на расследовании обстоятельств смерти американского писателя (и лондонского корреспондента «Нью-Йорк Таймс») Гарольда Фредерика — что могло быть правдой, хотя его описание этого события могло также основываться на сообщениях британской прессы. Смерть Фредерика стала международной сенсацией, спровоцировав скандал вокруг деятельности сайентистов в Англии, и Шкловский посвятил много страниц расшифровке допроса целительницы миссис Миллз, которая вместе с любовницей Фредерика обвинялась в непреднамеренном убийстве, но была впоследствии оправдана. Русские читатели Шкловского могли вдоволь насладиться этой историей, воплощавшей мелодраму западной жизни.

***

Статьи в периодических изданиях и книжки-сборники таких корреспондентов, как Шкловский, Рапопорт, Чуковский и Маршак, в совокупности с их письмами и дневниками образуют обширный и практически не исследованный источник исторического материала, уникальное окно в культуру Британии конца XIX — начала XX века. Но стекло этого окна вовсе не прозрачно, и на этой его недостаточной ясности имеет смысл остановиться подробнее. Во-первых, картина сразу усложняется двусмысленностью, присущей жанровой природе периодических репортажей как таковых, особенно в том виде, в каком

они выходили из рук таких литераторов-журналистов как Шкловский, чьи репортажи нередко пересекали границу между публицистикой и беллетристикой. Многие страницы живого диалога в его текстах основаны на опубликованных расшифровках и официальных протоколах, но многие другие наверняка были переработаны или просто сочинены. Очень вероятно, что Шкловский зачастую прибегал к вымыслу в своих рассказах, прослеживающих жизни типичных персонажей на протяжении нескольких лет, будь то школьная карьера английского мальчика из живущей в предместье Лондона зажиточной семьи или испытания недавних иммигрантов, пытающихся свести концы с концами в трущобах Ист-Энда. Перед нами скорее упражнения в литературном реализме, чем обычные репортажи.

Существовали также всем очевидные идеологические предпочтения, причем не только у самих корреспондентов, но и у печатных органов, в которых они публиковались. Русские периодические издания имели чётко определенные программы, и никто из читателей не ожидал найти в либеральном издании описание Британии, поданное в том же свете, что и в обзоре социалистически настроенном, а в малообъёмном модернистском журнале — такое же, как в ежедневной газете массового тиража.

Следует, наконец, учесть положение корреспондента как не носителя языка и иностранца. Из писем Маршака ясно следует, что в начале пребывания в Британии он лишь поверхностно владел английским, а у Чуковского был такой сильный акцент, что его с трудом понимали. Могли ли они достоверно передать реалии жизни, если смотрели на все сквозь мутную призму неполноценного языка? И наряду с малодоступностью средств к общению нужно также учесть неверные толкования, проистекающие из недостаточного знакомства с культурой страны, не говоря уже просто о неаккуратности и небрежности. Чуковский, например, любил выявлять фактические ошибки, опечатки и неточности у Шкловского, хотя его собственное знание Британии было несравненно менее глубоким.

Но знание — не то же самое, что взвешенное восприятие: в вопросе культурных предрассудков нет прямой корреляции между степенью ассимиляции корреспондента и характером его репортажей. Невежество излечивалось временем, но никакое количество лет, проведённое в стране, не могло изжить привычку толкования странных ритуалов британской культуры с позиции озадаченного и временами раздраженного превосходства. Пренебрежительный глаз чужака легко обнаруживал примеры британской эксцентричности: особенной популярностью пользовалось абсурдное зрелище судебного процесса о нарушении брачного обета. Культурные шаблоны, будь то спи-

ритические сеансы или оркестры Армии Спасения, регулярно появлялись в российских очерках о британской жизни; они становились мишенями то для легковесной сатиры, то для огульного осуждения. Одни и те же черты британского характера, от пошлого материализма и закоснелой традиционности до сексуального ханжества и крайней религиозности, вновь и вновь подвергались критике как со стороны неофитов, так и со стороны таких резидентов со стажем, как Шкловский.

Даже сравнительно беспристрастный Маршак не мог удержаться от замечаний по поводу рьяного евангелизма своих корнуэльских хозяев или шокирующего — «особенно <для> нас, русских» — «коммерческого характера» благотворительной выставки в пользу детей, организаторы которой якобы не могли понять «самоотверженности и идеализма русской дамы», которая предложила свои услуги бесплатно[4]. Ну а уж порывистый Чуковский превратил оскорбления на национальной почве в форму истинного искусства. Вот как он осуждает «духовное убожество» клерка из низов среднего класса: «Если в театре вы увидите пьесу, где артисты больше боксируют, чем играют, и если вы заметите при этом, что каждая зуботычина вызывает у зрителей бешеный восторг, — знайте, что вы попали в общество <английских клерков> и что вы наблюдаете высшую степень их эстетических эмоций...»[5]

А вот он пишет о британках среднего класса, стоящих на страже респектабельности: «Они будут вас презирать до бесконечности, ежели вы вместо ножа для рыбы возьмете тот, что полагается для мяса. <...> Одна супруга врача <...> спрашивала меня про моего соседа, известного русского профессора:– Скажите, он получил какое-нибудь образование? — Ещё бы! Его научные произведения знает вся Россия. Они переведены почти на все языки...

— Как же это он не знает еще, что вечером к обеду нужно надевать фрак и белый галстух, а не тот пиджак, в котором он появляется и к завтраку, и к чаю?»

Если бы я не знал, что это Англия, я подумал бы, что это Китайская империя, так велик здесь деспотизм общественного мнения, заправилами которого, конечно, всецело являются женщины...[6]

---

[4] *Маршак С.Я.* На Детской Выставке: Письмо из Лондона // Биржевые Ведомости. 1913, 10.04; Вечерний выпуск // Собрание сочинений в 8 томах. М.: Художественная литература, 1972. Т. 6. С. 456–457.

[5] *Чуковский К.И.* Одесские Новости (Английские Клерки и «Лакомый Кусочек»). 1903, 16 (29).08 // Собрание сочинений в 15 томах. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006. Т. 11. С. 444, 441.

[6] *Чуковский К.И.* Одесские Новости. 1903, 4 (17).10 // Там же. С. 454.

А дабы увидеть их мужей, «пойдите-ка в Hyde-Park — вы всегда найдете там несколько десятков хмурых джентльменов <...> занимающихся глядением на маленьких утят <...> Каждый из них покинул контору и специально пришёл сюда — умиляться часок-другой — пейзажем, утятами, гуляющими детьми»[7].

Мы в сатирическом мире замятинских Островитян и Ловцов, викария Дьюли, который по расписанию ест, кается, гуляет, занимается сексом и благотворительностью, и мистера Крэггса, у которого в доме от каждого стула на ковре свои четыре отметинки. Чуковский тоже говорит о «лживой, показной, симметрично расставленной обстановке в «доме»» лондонской буржуазной семьи: «Кажется, опрокинь два-три стула, задуши эту канарейку в клетке — все бы легче стало, солнце бы в окно заглянуло...»[8].

Это желание сломать часовой механизм британской буржуазной жизни нашло своё литературное выражение в прозе Замятина, но от многих репортажей также веет раздражением неосознанной условностью поведения людей, которых Чуковский называл «просвещенными дикарями в цилиндрах»[9]. Интересно, как отнеслись бы англичане к такой перемене ролей, такому превращению иностранцем-наблюдателем цивилизованного британца в аборигена. Конечно, русские журналисты могли бы занять позицию наблюдателя-этнографа, не впадая в осуждающую нетерпимость исследователя в среде дикарей, но ни один из них полностью не избежал этого искушения. Грубые культурные стереотипы соседствуют с примерами чуткости к чужой культуре даже в работах Шкловского.

В конечном счёте, никто из наблюдателей не смог избавиться от «смежного» взгляда чужака на чужой земле, который видит все как впрямую, так и сквозь призму привычных ему обычаев и представлений. На каждом шагу естественный сравнительный инстинкт иммигранта подкреплялся профессиональным долгом корреспондента объяснять иностранные манеры и привычки в терминах, привычных родным читателям. И это постоянное перемещение взад и вперёд между британской чуждостью и русской нормой характеризует большинство репортажей, независимо от степени ассимилированности их автора. Британские реалии понимались путём сравнения их с русскими. Вот типичная формулировка из статьи Рапопорта 1902 года «Моя поездка в Шотландию»: «Эдинбург — это своего рода шотландская Москва <...> имеющая свой исторический кремль в

[7] *Он же*. Одесские Новости. 1903, 2 (15).09 // Там же. С. 447.

[8] *Он же*. Одесские Новости (О Буржуазности) // Там же. С. 465.

[9] *Он же*. Одесские Новости (Митинги в Гайд-Парке) // Там же. С. 507.

виде Holyrood Palace <...> Гласго же, это — своего рода Петербург <...> более живой, более космополитический, чем Эдинбург, и более прогрессивный и многолюдный»[10]. Шкловскому тоже нравилась формула «Британское X напоминает нам русское Y», но черту, разделяющую простую аналогию и предвзятое сопоставление, легко было переступить, и осуждающие сравнения стали отличительной приметой обиходного стиля Чуковского: «Посмотрите на англичанина, когда у него в руках газета. Английская газета имеет средним числом 16 стр. огромного формата. <...> Прочитать ее всю — нужна неделя. <...> Наш русский взял бы её, и валяй сподряд всю. Англичанин отыщет глазами нужное заглавие, прочтет строк 12 интересующего его текста — и вот газета уже на земле. До прочего ему нет никакого дела. <...> изо всего этого его заинтересует что-нибудь одно, *сообразно роду его занятий*, а о платоническом интересе нашего русачка *ко всему* этому — он и понятия не имеет»[11].

Русская непосредственность и широта души, британская официальность и ограниченность, будто две переплетённые нити, эти национальные стереотипы тянутся сквозь повествования корреспондентов о культуре Британии.

Интересно обратиться к этим репортажам сегодня — как ради той информации, которую они могут предоставить об истории британской культуры, так и ради того представления, которое они дают о мировоззрении её русских наблюдателей. То, что кажется привычным и домашним в описании англоязычных авторов, внезапно оказывается увиденным с точки зрения иностранца, под другим углом, «отстранённым» и неузнаваемым. Корреспонденты, конечно же, были в прямом смысле слова «странниками», и любопытное сочетание в их трудах подлинного знания культуры и национальных стереотипов покажутся знакомыми каждому, кто занимается изучением русского восприятия сегодняшней Великобритании.

[10] *Рапопорт С.И.* Моя Поездка в Шотландию // Вестник Европы. 1902, Июль. Кн. 7. С. 82.

[11] *Чуковский К.И.* Одесские Новости. 1903, 12 (25).06. // Собрание сочинений. Т. 11. С. 439.

о. Александр Берташ
(Германия)

Каменские: семья петербургских англофилов

Русско-английские контакты можно рассматривать не только на государственном уровне или через биографии выдающихся деятелей науки и культуры, но и на примерах менее известных представителей русского образованного слоя. Одним из редких образцов «династической» связи Санкт-Петербургского и Новгородского дворянского рода с Британией и Северо-Американскими Соединенными Штатами являлась судьба семьи Каменских, на протяжении нескольких поколений объединенных не только «бытовым» англофильством, но и соответствующей практической деятельностью в научной, промышленной, культурной, дипломатической сферах.

Родоначальником данного, одного из многочисленных родов Каменских[1], считается уроженец Польши (1682) Пантелей, поступивший служить в русскую армию. Его сын, секунд-майор Федор (1739–после 1797), героически сражался в Семилетнюю войну, был ординарцем генерал-поручика гр. П.А. Румянцева, затем судьей в Ростовском уезде и в Архангельске; таганрогский помещик, автор мемуаров «Жизнь колеблющегося в счастье и несчастье дворянина К.» (утрачены). У одного из его сыновей, Павла, родившегося в 1769 (1775?), была жена Мария Ивановна Авакова, армянка по происхождению. От их сыновей пошли новые ветви рода Каменских. На трех из них, от Павла, Гавриила и Василия, необходимо остановиться подробнее.

[1] Генеалогию рода см.:
http://ru.rodovid.org/wk/%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.

Г.П. Каменский.
Фото середины XIX века

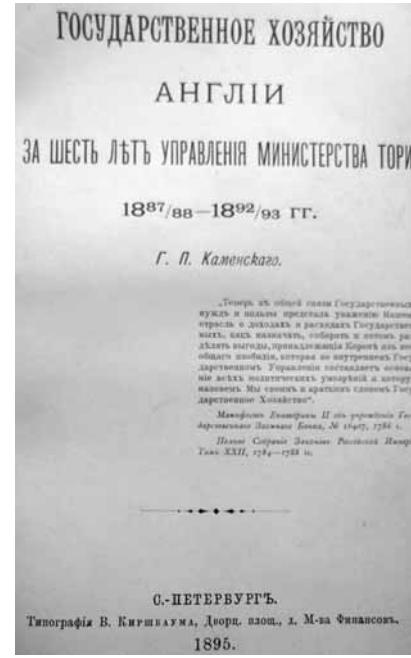
Старший сын Павла Фёдоровича Павел Павлович Каменский (1810 или 1812–1871)[2] учился в Московском и Санкт-Петербургском университете, затем уехал на Кавказ и вступил в действующую армию, где получил офицерское звание и орден св. Георгия за храбрость. Затем служил чиновником в Петербурге, где стал заниматься литературным трудом, его повести в духе позднего романтизма (особенно на кавказскую тему) имели успех. В них проявилось влияние не только Бестужева-Марлинского, но и литературы английского романтизма. Мелодраматическая повесть «Фультон» посвящена непосредственно «англо-американской» теме: быту того времени, когда «война с Англией давно уже кончилась. Вся Европа признала независимость Соединенных Штатов, вошла в политические и торговые сношения с юной республикой, как с самобытным уже государством, с участием смотрела на ее возрастающую силу и была готова пожертвовать многим <...> чтобы убедить себя же в искренности расположения, как доброй матери к своей любезной подросшей дочери <...> Нравы, обычаи, в некоторых местах даже язык и религиозные верования стали переливаться в новые формы. При этой переливке <...> явились уже странные замашки оригинальности, которыми и поныне так резко отличаются общества американские <...> Жаль только, что <...> терпимость была иногда чересчур снисходительна, и что среди всеобщего очищения нравов <...> среди новых Афин были Греки и из Жидов»[3] (последнее высказывание довольно типично для взглядов П.П. Каменского).

В 1837 году он женился на дочери вице-президента Академии художеств Ф.П. Толстого (1783–1878), графика-художника и медальера — Марии Фёдоровне (1817–1898). Однако П.П. Каменский пил и опускался до состояния нищенства. Мария Федоровна вы-

[2] См.: *Каменский П.П.* // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1992. Т. II: Г–К. С. 459–460.

[3] *Каменский П.П.* Фультон. СПб., 1855. Ч. 1. С. 27–30.

нуждена была зарабатывать деньги литературным трудом (наиболее известны ее мемуары, доведенные до 1838 года)[4], продавала свое рукоделие. До совершеннолетия дожили 6 детей Каменских. Среди них — поэтесса Анна Барыкова (1840–1893), занимавшаяся переводами, в т.ч. с английского; художник и скульптор Павел (1858 /1852?/–1922), художник-декоратор Мариинского театра Гавриил (1853–1912).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО
АНГЛІИ
ЗА ШЕСТЬ ЛѢТЪ УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВА ТОРИ
$18^{87}/_{88}$—$18^{92}/_{93}$ гг.
Г. П. Каменскаго.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1895.

Обложка книги Г.П. Каменского «Государственное хозяйство Англии»

Другой Гавриил Павлович Каменский (1824–1898), брат Павла Павловича и сын Павла Федоровича — выпускник Санкт-Петербургского университета, экономист, с 1848 года состоял агентом русского министерства финансов в Лондоне. В.В. Абрамов предполагает, что «это был официальный разведчик, информатор российского руководства по экономическим, торговым, политическим, а может быть и по военно-морским проблемам Англии и других стран Европы»[5]. Он был комиссаром русских отделов на ряде международных выставок в Англии, делегатом конференций, касавшихся торговых отношений России с Англией и другими европейскими государствами, активно публиковался в лондонской газете «Times» и в русских изданиях, в частности, в энциклопедии «Брокгауза и Ефрона». Каменский критически упомянут в работах Маркса и Энгельса. Темная страница его биографии: есть сведения о том, что в 1872 году он был заочно приговорен швейцарским судом к тюремному заключению за изготовление фальшивых ассигнаций.

В 1856 году, отойдя от должности агента в Лондоне, Каменский написал в Остаде обширный научно-популярный труд «Новый опыт о богатстве народном» (СПб., 1856). «Моё намерение было исклю-

[4] Комментированное издание: *Каменская М.Ф.* Воспоминания. М., 1991.

[5] *Абрамов В.В.* Семейные хроники на фоне истории Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 131.

чительно обогатить науку фактами, заимствованными из жизни практической, пред которыми должна часто уступать теория самая непогрешимая в основании. Я старался изложить по возможности ясно экономические явления, совершающиеся в наше время, и указать непременные законы, ими управляющие <...> Англия, где политическая экономия как наука восприняла первое начало, представляет, может быть, единственную страну, в которой её практическая часть была обработана наисовершеннейшим образом. Безсмертное творение Адама Смита "О богатстве народном" не только было книгою популярною для массы образованных читателей, но оказало полезное влияние и на умы законодателей. Это влияние успехами науки более и более усиливалось, и каждая законодательная мера, имевшая экономическую цель, была в этом государстве практическим приложением строгих правил Политической Экономии. Т.о., финансовая история Великобритании за последнее пятидесятилетие представляет нам постепенное практическое развитие этой науки, постоянно обогащаемой новыми фактами, новыми заключениями, которые мы находим в парламентских прениях и в сочинениях знаменитейших экономистов. Изучение английских источников должно быть основанием каждого практического сочинения о Политической Экономии. Вот почему я постоянно ссылаюсь на эти источники и преимущественно привожу свидетельства английских писателей, каковы Уэкфильд, Рикардо, Миль, Тук, Фуллартон и пр.». Г.П. Каменский последовательно рассматривает значение богатства, которое составляет, по его мнению, предмет политической экономии, средства и законы его умножения, распределение его между различными классами общества. Затем автор останавливается на законах ценности и торговли (мены) предметов, составляющих богатство, и на влиянии успехов просвещения на производство и разделение богатства, экономических обязательствах общества в отношении правительства. «Англия — тип государства, достигшего совершенства в промышленном отношении <...> Все невольно признают превосходство этой страны как державы коммерческой <...> Подобное превосходство, разумеется, основывается на выгодах естественных, на особенных преимуществах организации англичанина <...> Но главная причина этого превосходства — (оно есть) <...> прямое следствие политико-экономических законов <...> Но это первенство <...> далеко не представляет нам совершенства благоденствия. Вот почему Англия — страна разительных противоположностей <...> Одна и та же страна в наше время произвела Фарэдэ, Маколэ, Диккенса и таких людей, для которых парламент старается придумать новое наказание, чтобы

они не заколачивали до смерти своих жен»[6]. Автор анализирует период 1801–1841, когда Англия испытала влияние важнейших промышленных открытий, росло население, прежде всего, городское. «Увеличение промышленной деятельности в Англии является необходимым условием жизни, потому что с ним только соединено возможное удовлетворение первых жизненных потребностей <...> Если тяжёлый материальный труд исключительно наполняет земное бытие человека, то человек должен забыть о духовном усовершенствовании, оставить стремление к высоким целям и не думать об исполнении религиозно-нравственного назначения, для которого он призван в мир <...> Удивительно ли после этого, что рабочий класс в этой стране представляет такое грустное зрелище для христианского моралиста своей грубостью, невежеством, безнравственностью, недостатком религиозного чувства, на котором основывается истинная мораль? Должно ли удивляться, если мы находим в Англии совершенное отсутствие чувства изящного, если мы замечаем упадок в литературе, науке, некогда славных именами Шекспира, Бэкона, Ньютона, которые не имеют в настоящее время достойных преемников, если мы видим, наконец, что самая религия, этот основной двигатель всех действий человека, является здесь только вопросом политических партий? /...? Рано или поздно Англия, лишённая <колоний>, окончательно утратит своё политическое значение и сделается фабрикой, складочным магазином, банком Европы»[7]. Длительное пребывание в Британии сформировало у Каменского оптимистическое представление о судьбах России: ему виделась перспектива умножения ее народонаселения, эффективное использование ресурсов плодородной земли и многочисленных рек: «История политико-экономического развития России <...> должна представлять нам одну блистательную будущность, одно благоденствие, неперемежающееся бедственными кризисами, одну светлую перспективу, незатемненную мрачной борьбой закона произвождения и началами, ему противодействующими <...> Россия, оглядывая неопределенное протяжение своего чернозема, горячею молитвою должна благодарить Творца, даровавшего ей такое могучее орудие политико-экономического развития, отвращающее всякую возможность пауперизма»[8].

Желая «представить в известной полноте вообще положение государственного хозяйства в Англии, <...> весь постепенный ход движения государственных финансов, начиная от приготовления смет государственных расходов до утверждения их в парламенте, оконча-

[6] *Каменский Г.П.* Новый опыт о богатстве народном. СПб., 1856. С. 2–3, 495–496.

[7] Там же. С. 517–518, 521.

[8] Там же. С. 523–527.

тельного узаконения их Королевской властью и потом исполнения их при условиях необходимого контроля», Гавриил Павлович подготовил в Лондоне в 1893 году капитальную (376 с.) монографию «Государственное хозяйство Англии за шесть лет управления министерства тори 1887/88–1892/93 гг.». Она вышла в свет в 1895 году в типографии В. Киршбаума в Санкт-Петербурге. Эпиграфом к книге Каменский выбрал цитату из манифеста Екатерины II об учреждении Гос. Заемного банка (1786) о том, что государственное хозяйство — «отрасль о доходах и расходах государственных» — «составляет основание всех политических умозрений». «Изучая постоянно в продолжении <...> многолетнего пребывания в Англии государственное хозяйство, промышленность и торговлю этой страны, находясь вблизи самых источников, имея под руками значительное количество накопившихся материалов и пользуясь живыми указаниями здешних специалистов», автор поставил себе задачу восполнить пробел в русской экономической литературе, на который указал в своей записке академик Н.Х. Бунге — отсутствие трудов о государственном счетоводстве в Англии. Автор подробно рассматривает финансовую политику последнего к тому времени министерского кабинета тори, постатейно анализируя государственные бюджеты 1887–1888 и 1892–1893 годов, динамику изменений в них, их исполнение (напр., переоценку канцлером казначейства Гошеном таможенных доходов). Он сопоставляет английский военный бюджет с германским. Особый интерес представляет первая из двух книг монографии: «Порядок ведения государственного хозяйства в Англии», в которой Каменский описывает финансовую деятельность гос. казначейства и парламента, порядок составления смет и бюджета, его обсуждения, принятия, исполнения и, прежде всего, многоступенчатую систему контроля: департаментского, административного, аудита «усвоения».

Книгу «Государственное хозяйство...» Каменский посвятил «дорогой памяти первой жены». Гавриил Павлович был женат на Наталье Бороздиной, дочери генерал-адъютанта Николая Михайловича Бороздина, героя Отечественной войны 1812 года. Наталья Николаевна безвременно умерла в Англии.

От этого брака у Гавриила Павловича были сын Николай (1848–1919) и дочь Александра. Н.Г. Каменский (1848–1919) учился в Англии, закончил Лондонскую королевскую инженерную академию и стал металлургом. Его родным языком был английский. Возвратившись в Россию, Николай Гаврилович стал работать инженером-металлургом в литейном цехе Обуховского завода, затем начальником цеха. Коллегой и товарищем Н.Г. Каменского был генерал-майор Вас. И. Колчак. Он женился на Любови Семёновне Корвайской,

ранее жившей в подмосковном имении. Она родила 4 детей, но потом бросила их и мужа, уйдя к офицеру. Сначала детей растила ее сестра Варвара Семеновна, затем в доме Н.Г. Каменского появилась добрая и набожная женщина Елена Васильевна, которую дети стали называть мамой.

Каменские жили в Мурзинке, рядом с заводом, и снимали много лет дачу на берегу Финского залива — в Мартышкине или в Стрельне. Мемуаристка и крестница Николая Гавриловича Н.В. Тагеева запомнила Николая Гавриловича тихим и очень скромным старым джентльменом, который иногда рассказывал о своей жизни в Англии. Со своими детьми он был мягок, но часто говорил по-английски фразу: «Маленькие дети должны быть видны, но не слышны». Н.Г. Каменский умер от голода и тифа в 1919 году, был похоронен на Смоленском кладбище (26-я дорожка), могила утрачена[9].

От второго брака Гавриила Павловича с англичанкой (Каменские ее называли «Нити») родился Георгий (Жорж), который остался жить в Англии. Он перевёл с русского языка на английский «Основы химии» Д. Менделеева.

Третий брат Павла и Гавриила Каменских, Василий, имел сына Андрея (1842–1913), который мальчиком был определён в кадетский корпус. Сюда иногда привозили детей — членов императорской фамилии. Во время игры «в войну» Андрей стрелял из детской пушки резиновыми литыми мячиками и попал в наследника престола (будущего Александра II), отчего тот упал. Все очень испугались, но никакого наказания не последовало.

Родители отправили Андрея учиться в Англию, к дяде Гавриилу Павловичу. Там он закончил среднюю школу, получил высшее техническое образование в Лондонской Королевской коллегии. По воспоминаниям современников, за эти годы из него «вышел настоящий джентльмен». Английский язык он изучил и знал не хуже родного русского. Во второй половине 1860-х годов А.В. Каменский приехал в Баку, где стал работать инженером-механиком Управления командира Бакинского порта (1871). Позже он перешел работать на нефтеперегонные заводы, изобрел там нефтяную форсунку, которая позволяла сжигать тяжёлое топливо — мазут, до того времени его приходилось выбрасывать.

В 1868 году А.В. Каменский женился на Леонтине Карловне Чермак, дочери директора реального училища в Баку, ботаника и эмбриолога. Она знала с юности немецкий и французский языки и, по примеру мужа, овладела и английским языком в такой степени, что свободно читала книги и газеты. Ее дед, Леонтий Иванович, очевид-

[9] *Абрамов В.В.* Указ. соч. С. 132.

А.В. Каменский.
Фото кон. XIX – нач. XX века

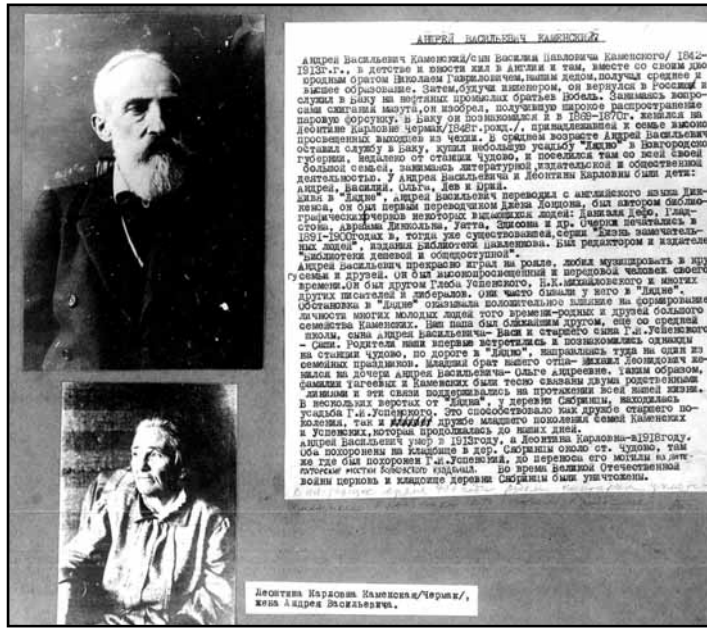
но, происходил из чехов. В 1815–1816 годах он открыл в Москве пансион, где, в частности, учился Ф.М. Достоевский. Карл Леонтьевич в 1887 году, по совету А.В. Каменского, купил имение «Тихое» у деревни Крутик, примерно в 15 верстах западнее Лядно. Сестра Леонтины Мария (Марианна) стала женой И.И. Успенского, брата писателя Г.И. Успенского, с которым Каменский дружил.

Далее А.В. Каменский трудился в должности главного механика Морского министерства в Санкт-Петербурге, организовал в России бронепрокатное дело. Параллельно А.В. Каменский занимался и литературно-издательской деятельностью: издавал и редактировал журнал «Библиотека дешевая и общедоступная», выходивший в Санкт-Петербурге в 1875—1876. Известно, что в августе 1875 года по издательским делам он побывал в Париже, где встречался с Г.И. Успенским, а затем в Лондоне[10].

Андрей Васильевич был человеком довольно радикальных, близких к социалистическим и анархическим, взглядов. После побега П.А. Кропоткина в 1876 году из тюрьмы в Санкт-Петербурге состоялся судебный процесс над организаторами побега. В мае 1880 года друзья попросили А.В. Каменского выступить в качестве свидетеля защиты активного пособника террористов доктора О.Э. Веймара, что он и сделал. К тому времени он вынужден был оставить службу и решил заняться сельским хозяйством, в чём понимал мало.

В 1870-е Каменский купил у В.И. Ребиндера, деда советского физико-химика академика П.А. Ребиндера, большой земельный участок и недостроенный дом в Новгородской губернии, Чудовской

[10] *Пруцков Н.И.* Глеб Успенский // История русской литературы. М.; Л.: 1941–1956. Т. IX. Литература 70–80-х годов. Ч. 1. 1956. С. 294, 297. Их активная переписка, датированная 1876–1889, вызвала интерес Н.Г. Короленко, который в 1910 году предполагал опубликовать её в журнале «Русское богатство» и сообщал об этом в письме А.В. Каменскому из Полтавы (*Короленко В.Г.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. X. Письма 1879–1921. М., 1956). Каменский прислал переписку Короленко, но судьба её неизвестна.

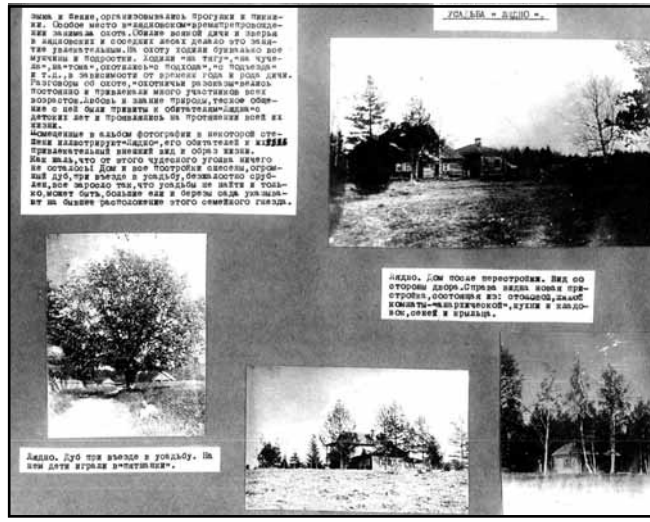

А.В. Каменский и Л.К. Чермак.
Лист из семейного альбома

волости на берегу р. Ляденки, в трех верстах от деревни Большое Опочивалово, стоящей на шоссе Санкт-Петербург-Москва. Часть имения «Лядно» принадлежала упоминавшимся выше двоюродным братьям Андрея Васильевича — художникам Гавриилу Павловичу и Павлу Павловичу Каменским. Однако хозяйство в Лядно, расположенном в болотистом мелколесье, довольно быстро пришло в упадок, трудились там 1–2 работника.

Главным средством существования семьи стала литературная деятельность Андрея Васильевича. Андрей Васильевич являлся одним из первых авторов биографической библиотеки Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей», ему принадлежат биографии большей части британских и всех американских деятелей, вышедшие в свет преимущественно в 1891–1892 годах (переиздание 1900). Это были биографии писателя Дефо, изобретателей Морзе, Уатта, Эдисона, общественных деятелей Гладстона и Линкольна[11]. При их под-

[11] *Каменский А.В.* Авраам Линкольн, освободитель невольников в Америке. СПб., 1891; *Он же.* Эдисон и Морзе: их жизнь и научно-практическая деятельность. СПб., 1891; *Он же.* Джемс Уатт, его жизнь и научно-практическая деятельность. СПб., 1891.

Усадьба «Лядно».
Лист из семейного альбома

готовке автор использовал преимущественно английские источники: в библиографии жизнеописания Уатта приведены названия 9 книг, Гладстона — 10. В почти одновременно опубликованных биографиях, несмотря на декларируемую объективность, очевидно прослеживались взгляды автора. В биографии Дефо он подчеркивает стремление своего героя к единению религиозной терпимости и свободы[12]. Оуэн для Каменского в первую очередь — «единственный защитник только что народившегося рабочего класса», «один из первых работников в пользу общества», «радетель о фабричных рабочих и их детях», и в меньшей степени — «один из лучших знатоков фабричного дела в Англии»: «Первое фабричное законодательство и кооперативные товарищества, почин в которых безспорно принадлежит Оуэну, получили громадное развитие в современной жизни». Даже его неудачные попытки насаждения земледельческих и промышленных общин Каменский рассматривает как «драгоценные, поучительные опыты в той непрерывной борьбе за более справедливое распределение продуктов труда и всеобщее пользование предметами знания, которая составляет одно из выдающихся явлений в современной жизни»[13].

[12] *Каменский А.В.* Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. С. 51.

[13] *Каменский А.В.* Роберт Оуэн. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893. С. 6, 101–102.

Книга А.В. Каменского «Даниэль Дефо»

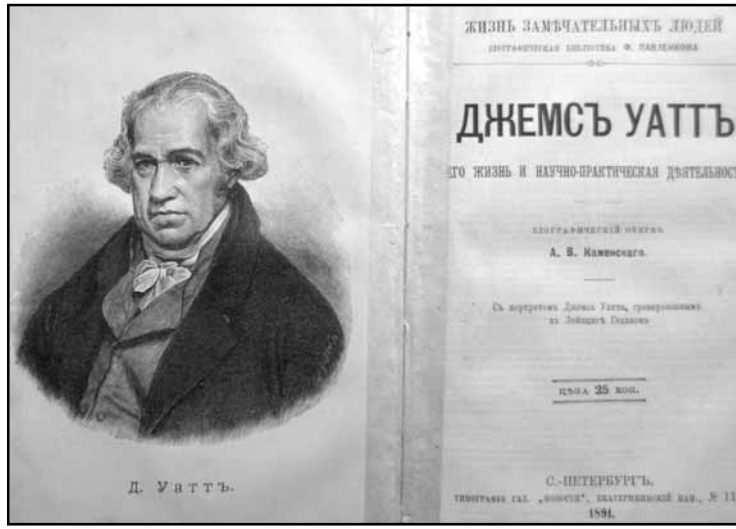
Указывая в очерке о Гладстоне, что его герой и Бисмарк являются двумя самыми крупными государственными деятелями столетия, Каменский писал, что Бисмарк «можно сказать, уже сошёл со сцены узко-немецким аристократом и шовинистом», а Гладстон «представляет прогрессивную часть английского среднего класса и всесветное стремление XIX в. к личной свободе и равноправности». Религиозности Гладстона Каменский тоже находит объяснение: его-де «вдохновляла, будила в нём творческие струны не чистая религия, а воплощение христианской нравственности в общественных учреждениях и законе»[14].

Говоря об английском характере, Каменский отмечал, что «трудовая выработка вместе со скрупулезною точностью и аккуратностью <...> в английском среднем классе составляет его силу, устойчивость и даже до некоторой степени дает ему влияние на другие слои общества»[15].

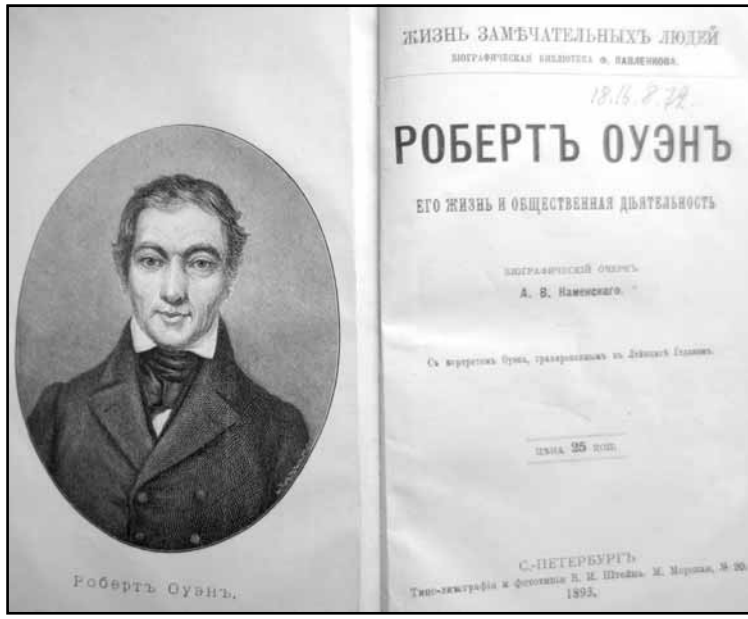
Из переводческих трудов известна его работа над собраниями сочинений Дж. Лондона с предисловием Леонида Андреева и под редакцией А.Н. Кудрявцевой (рассказы «Обреченные», «Игра» (Очер-

[14] *Каменский А.В.* В.Э. Гладстон. Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1892. С. 86.

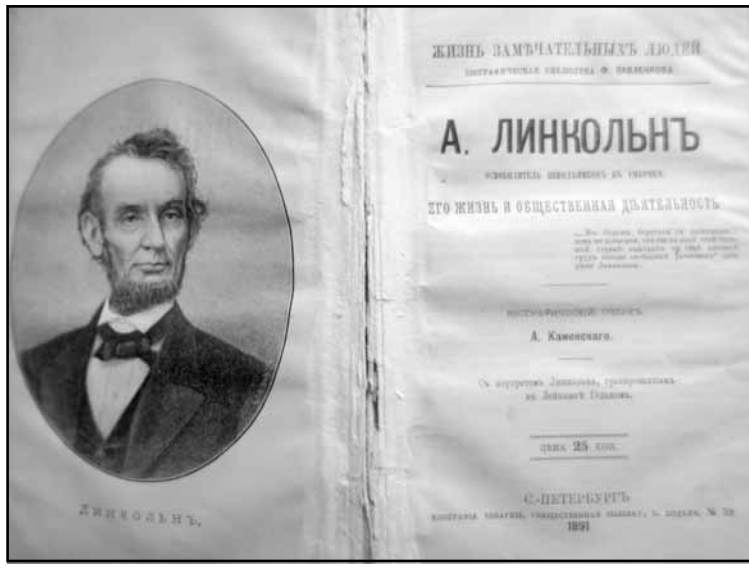
[15] Там же. С. 5, 9.

Книга А.В. Каменского «Джемс Уатт»

Книга А.В. Каменского «Роберт Оуэн»

Книга А.В. Каменского «А. Линкольн»

Книга А.В. Каменского «Эдисон и Морзе»

ки из жизни английских рабочих), «Вера в человека» и др. (опубликованы в 1912 году) и, вероятно, Г. Дж. Уэллса под редакцией В.Г. Тана (СПб., издательство «Шиповник». Т. I–XIII; 1909–1917); рассказами Ч. Диккенса («Скряга: Святочная сказка». Новгород, 1894, этому изданию предшествовал очерк жизни знаменитого писателя авторства Каменского). Он перевел также с английского и написал предисловие к книге американской писательницы-феминистки Шарлотты Перкинс Стетсон Джилман (1860–1935) «Женщины и экономическое отношение: Исследование экономических отношений между мужчинами и женщинами как фактора в социальной эволюции» (СПб., 1902). В 1897–1898 Андрей Васильевич сотрудничал с журналом «Северный Вестник», писал под псевдонимом «Астон».

В Лядно все прислушивались к мнению Андрея Васильевича и пристраивались к его привычкам. В семье много было английских книг, выписывалось много газет и журналов. В усадьбе часто слышалась английская речь, гостиную называли «ситтинг рум», а чаепитие «файф о клок ти». Жизнь в усадьбе была спокойной, но несколько беспорядочной. В Лядно отношения А.В. Каменского с левыми кругами не только не прекратились, но получили новое развитие. Глеб Иванович Успенский, тоже близкий к народнической среде, по примеру А.В. Каменского стал строить дом в д. Сябреницы около ст. Чудово. Пока дом строился, он с женой Александрой Васильевной и детьми Верой, Марией, Ольгой, Александром жили в Лядно. Рассказы Г.И. Успенского «Лядины», «Чудак-барин», «Подгорный мужик», «Четверть лошади» и др. описывают усадьбу Лядно и ее окрестности.

«О политике» и «революции» говорилось за столом с соседом-помещиком Н.А. Грибоедовым, публицистами Н.К. Михайловским и С.Н. Кривенко, под видом батрака Каменских скрывался здесь революционный деятель Г.А. Лопатин, бывал террорист и писатель Б.В. Савинков. Каменские дружили с соседним помещичьим семейством Тырковых в имении Вергеже на берегу р. Волхов. Представитель этого семейства А.В. Тырков был одним из участников покушения на Александра II 1 марта 1881 года. Отбыв 21-летнюю административную высылку в Минусинском крае, он после 1905 поселился в Вергеже, дружил с местными крестьянами, открыл для них школу. В середине января 1914 года его посетил известный английский писатель Г. Уэллс, в первый раз приехавший в Россию.

Бывали в Лядно электротехник А.Н. Лодыгин, инженер Я.М. Гаккель, железнодорожный инженер и общественный деятель В.К. Константинов, скульптор Л.В. Шервуд, железнодорожный инженер и писатель Н.Е. Гарин-Михайловский, под руководством которого на изыскательных работах трудились сын Андрея Васильевича Андрей

Андреевич Каменский (1875–1940), впоследствии ректор Политехнического института, один из разработчиков трамвайного движения в Санкт-Петербурге, а также В.Л. Тагеев. Приезжала в гости вдова композитора Серова — Валентина Семеновна с сыном, позже известным художником: она играла в четыре руки с А.В. Каменским. В Лядно бывали и дети Н.Г. Каменского от его брака с Коврайской.

В 1905–1906 Андрей Васильевич служил гласным Новгородского земства и жил преимущественно в Новгороде, где снимал жилье вместе с А.С. Тырковым и только на выходные дни приезжал в Лядно. Возможно, резкая критика начальства сказалась в том, что вскоре он уволился из земства и стал постоянно жить в Лядно. К счастью для А.В. Каменского, ему не удалось испытать на себе результаты столь радовавшей его «непрерывной борьбы» в пользу «рабочего класса» — он умер в начале лета 1913 года. В Лядно похоронить его не удалось, и погребение состоялось на кладбище в Чудово (Сябреницах), старые могилы которого уничтожены в советское время.

Весной 1918 года в Лядно скрывался бывший глава Временного правительства А.Ф. Керенский. В начале мая 1918 года он нелегально прибыл в Москву, а в начале июня с помощью британской стороны через Север России покинул её пределы и 21 июня 1918 года прибыл в Лондон.

В марте 1918 года в Лядно умерла Л.К. Каменская, её похоронили рядом с мужем в Сябреницах. В 1925–1926 годах имение Каменских было конфисковано. Оставшиеся постройки местные жители постепенно разобрали на дрова, срубив даже огромный дуб при въезде в имение[16]. Детство в имении провел сын Андрея Андреевича, впоследствии историк науки, прекрасный знаток ряда языков, в том числе английского, известный в Ленинграде духовник протоиерей Владимир Каменский (1896–1969)[17].

Сын основателя рода — Фёдор Пантелеевич имел, кроме Павла, сына Александра (городничий в Петрозаводске и судья). В семье его сына Фёдора — генерал-майора, администратора Санкт-Петербургского лесного института (1800–около 1856), родился будущий известный скульптор Федор Федорович (1836–1913). В 1852–1860 он учился в Академии художеств у скульпторов И.П. Витали, Н.С. Пименова, у Ф.А. Бруни. В академии получил золотую медаль («Сенат просит Цинциннатус остаться в Риме», «Регулус возвращается в Кар-

[16] *Абрамов В.В.* Указ. соч. С. 134–144.

[17] О нём см.: Прекрасен лик страданьями очищенной души... Протоиерей Владимир Каменский — весть через года / Авт.-сост.: Л.А. Ильюнина, М.Б. Данилушкина. СПб., 2007; *Берташ Александр, священник.* Каменский В.А., протоиерей // Православная энциклопедия. Т. 30. М., 2012. С. 40–41.

фаген»). Известны его мраморные скульптуры «Первые шаги», «Молодой скульптор», «Вдова и сын» (за нее награжден званием академика), бюсты Ф. Бруни и Т.Г. Шевченко (в Киеве) и др. В 1863–1869 и в 1871–1873 годах он жил и работал в Италии. В 1872 умерла жена Ф.Ф. Каменского Екатерина, ур. Есимонтовская, и на следующий год он уехал в США, где сначала занимался преимущественно фермерством. В 1883 году по состоянию здоровья он переехал в штат Флорида, в г. Клируотер (Clearwater), который застраивался при его непосредственном участии. К его скульптурным работам того времени принадлежат декор правительственного здания в Канзасе, проект «римских фонтанов» в Нью-Йорке, скульптура «Купидон» для г. Тампа во Флориде. В 1893 году, во время подготовки к всемирной выставке в Чикаго, он стал «куратором по искусству» русского отдела («Commissioner of Fine Arts for the Russian exposition»). Он создал «огромные скульптуры из бетона для павильона», а также лично выбрал 130 картин и статуй из России которые были показаны во время выставки. Последние годы он работал над скульптурой «Мир» (не закончена). Ф.Ф. Каменский умер в Клируотере 26 августа 1913 года, пережив и свою вторую жену Эмилию Мейер (Mayers) (1853–1896), от которой имел троих детей.

Родная сестра скульптора Федора Федоровича — Дарья Федоровна (1840–ок. 1888) была замужем за чиновником Федором Вас. Омировым, сыном священника. Их дочь стала в 1904 женой сына уже упоминавшегося в связи с Н.Г. Каменским Вас. И. Колчака — будущего верховного главнокомандующего А. Вас. Колчака, англо-американские связи которого прекрасно известны.

Род Каменских тесно пересекался с происходившей от персидского негоцианта семьей Тагеевых. За его внуков, братьев Тагеевых, вышли дочь Андрея Васильевича Ольга (за адвоката Михаила Леонидовича) и дочь Николая Гавриловича Александра (за инженера-путейца Виктора Леонидовича). Сестра, Евгения Леонидовна Кагаевская, имела дочь Татьяну, по мужу Данчинову, которая работала в Москве преподавателем английского языка в вузах. Старший брат, Борис, с юности самостоятельно занимался английским языком, проживая с отцом в Новом Маргелане, недалеко от Ташкента, в 1891 году поступил вольноопределяющимся в армию и стал активно участвовать в экспедициях по Памиру и Средней Азии. Впечатления от них он опубликовал в журналах «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Исторический вестник», «Разведчик» за 1893–1898 годы. С 1896 года он стал пользоваться псевдонимом «Рустам-Бек», ставшим впоследствии добавлением к фамилии. В апреле-мае 1897 года он в качестве корреспондента был на греко-турецкой войне и, видимо, с

этого времени выполнял поручения русской военной разведки. Летом того же года он познакомился в Санкт-Петербурге с редактором журнала «Исторический вестник» С.Н. Шубинским. С августа 1897 года по начало января 1898 он находился в Афганистане, о чем подробно написал в вышедшей в 1916 году на английском языке в Лондоне книге «Русская армия». В Санкт-Петербурге в 1900 вышла его книга «Русские над Индией», а в Москве в 1904 году — «По Афганистану». В публикациях в периодике он отмечал некомпетентность высшего звена русского управления в Средней Азии и корысть волостных управителей из местного населения. По мнению Тагеева, это вызывало недовольство низших слоев и использовалось англичанами, которые посылали из Индии агитаторов, призывающих к «газавату». Осенью 1899 года он по журналистским делам посетил Северо-Американские Соединенные Штаты, где интересовался постройкой моста через Берингов пролив, летом 1900 г., во время восстания боксеров, он побывал в Китае, осенью 1903 году — в Софии. В 1901 Тагееву было поручено составление и редактирование «Альманаха армии и флота», он активно публиковался в «Историческом вестнике», «Свете», с 1903 года — в «Русском листке», начал писать первые художественные произведения. В звании прапорщика в отставке он трудился в качестве одного из первых профессиональных русских военных корреспондентов и фотографов на русско-японской войне. Дело закончилось пленом, откуда Тагеев освободился в ноябре 1905 года. С 1906 он фактически числился политическим эмигрантом. В Харбине Тагеев публиковался газетах «Новый край» и «Харбин», в 1906 году — в газете «Воля», статьи его носили не только разоблачительный (напр., относительно хищений на флоте), но и отчасти революционный характер[18]. В связи с предполагаемыми публикациями в «Русском слове» о Дальнем Востоке завязалась переписка Б.Л. Тагеева с Вас. И. Немировичем-Данченко (1908). Из нее известно, что Тагеев устроился на работу в Гонконге в английской газете, на русском языке писал мало и больше совершенствовался в знании английского языка и литературы, переводил свои материалы на английский. Тем не менее, Тагеев испытывал к Великобритании чувство недоверия и опасения. Его антипатия к английской армии заметна уже по первым произведениям о Памирских походах[19] и была основана на политических и исторических аспектах: Тагеев представлял ее как главную геополитическую соперницу России, строящую далеко идущие антирусские планы.

[18] *Абрамов В.В.* Указ. соч. С. 83–85, 104–112, 145–170, 222–223.

[19] *Тагеев Б. Л.* Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902.

Но промыслительно Борису Леонидовичу незадолго до начала Первой Мировой войны не только пришлось жить и работать в Англии, но и служить офицером в Королевской армии. В Англию Тагеев попал тогда впервые, в поисках работы он разыскал знакомого корреспондента газеты «Дейли Ньюс», через которого занялся распространением неких аппаратов, лечивших «чрезвычайными токами». На почве сбыта приборов он познакомился со вторым лордом адмиралтейства сэром Франсисом Бриджменом, который интересовался состоянием России и ее флота и знал критический очерк Тагеева «Панама Русского флота». Один из новых знакомых Тагеева, отставной австрийский офицер фон Лустиг обещал издать рукопись Бориса Леонидовича об обороне Порт-Артура, которая хранилась у вдовы Н.Е. Гарина-Михайловского. Деятельность Тагеева шла успешно, он с компаньонами организовал акционерное общество с конторами в Лондоне и Берлине.

С началом Первой мировой войны Тагеев написал статью о предстоящей стратегии России. Ее напечатали в «Дейли Экспресс» и вскоре предложили Тагееву штатную должность военного обозревателя, где он работал с конца 1914 до конца 1915 года. Из показаний Б.Л. Тагеева на допросе в 1937 следует, что он вступил в члены «Английского Королевского Географического общества» и «Пресс-Клуба» и в батальон журналистов, где ему был присвоен чин подполковника. В том же году Тагеев поступил на фирму по снабжению английской армии снаряжением и вскоре, в начале 1916 года, стал работать представителем в Англии завода по производству авиамоторов и аэропланов одесского банкира А. Анатра, где и трудился до 1918 года. До конца 1917 Б.Л. Тагеев также сотрудничал с русским промышленным комитетом в Лондоне, где процветали злоупотребления и интриги.

Стремление содействовать укреплению союза между странами Антанты прослеживается в его небольших популярных книгах «Russia in arms» («Российская Армия») и «Aerial Russia» («Воздухоплавательная Россия»), вышедших в Лондоне в 1916 году. Они хорошо изданы и богато иллюстрированы. В книге об армии речь идет в основном о кавалерии, о казачьих войсках. Б.Л. Тагеев положительно пишет о царе, считая его жертвой антинародного бюрократического режима, а также о великих князьях Николае Николаевиче, Константине Константиновиче и Михаиле Александровиче, с которыми он встречался, и великих князьях Борисе и Кирилле Владимировичах, которых называет своими доброжелателями.

Консультантом при подготовке книги о русской авиации стал авиастроитель майор Часборо Макензи Кеннеди, который долго ра-

ботал дипломатом в России. Б.Л. Тагеев стремился убедить британскую общественность в том, что сотрудничество двух стран создаст превосходство в воздухе, которому Германия не сможет противостоять. Гонорар от этой книги Борис Леонидович передал в фонд помощи семьям погибших английских летчиков.

В 1918 году Борис Леонидович продолжал сотрудничать в английской печати и готовить военно-политические обзоры. В начале 1918 года он собирался выехать в Советскую Россию, но поездка не состоялась из-за невозможности оформить визу.

В январе 1918 года Б.Л. Тагеев в качестве журналиста был приглашен в США Эдвином Маршалом, главой газетного синдиката и другом промышленника Г. Форда. Весь 1919 год Б.Л. Тагеев активно сотрудничал с рядом американских газет, в том числе русскоязычных. Позже, в 1926 году, Б.Л. Тагеев писал, что встречался с Фордом, заинтересованным в сбыте своей продукции в СССР. В июне 1919 года он познакомился с главой советской правительственной миссии в США, германским подданным Л.К. Мартенсом, а в августе стал уже с ним работать. К концу 1918 года из-за отказа Советского правительства платить старые долги и национализации фабрик, заводов и железных дорог, принадлежащим иностранцам, Советская Россия оказалась в полной экономической и политической изоляции. Американский капитал пострадал из-за отказа платить задолженности меньше, чем европейский, и большевики надеялись на помощь США. Б.Л. Тагеев числился в миссии военным инспектором и назывался полковником, а также работал как журналист в газете «Советская Россия», где публиковал революционно-романтические опусы. Б.Л. Тагеев участвовал в работе по вербовке американских специалистов через «Общество технической помощи Советской России», в переговорах по подготовке договоров с американскими фирмами, выступал на митингах, где собирались средства для медицинской помощи Советской России. Члены миссии вели достаточно роскошную жизнь, как полагали, в том числе и благодаря привлечению вышеназванных средств. Вместе с Гр. Вайнштейном, заместителем Мартенса, он занимался военной разведкой в пользу большевиков. В феврале 1921 года в связи с прекращением деятельности миссии Рустам-Бек должен был вернуться в РСФСР. Вскоре, надеясь на то, что ему удастся получить дипломатическую работу и вступить в большевистскую партию, он закончил трехтомную рукопись «В глубоком тылу у врагов — работа военного эксперта при полномочном Представителе РСФСР в Соед. Шт. Сев. Америки 1919–1921 гг.» В конце 1921–1922 он вновь на Дальнем Востоке, в Пекине, в качестве советника миссии от Дальневосточной республики и якобы жур-

налиста англоязычной прессы, а неофициально — сотрудника разведывательного управления штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии. Там, с ведома советского руководства, встречался с английским журналистом и разведчиком Дональдо, интересовавшимся залежами нефти на Сахалине. В Китае в 1922 он печатал регулярно по три статьи в неделю в газете на английском языке «The Peking Daily News». В июле 1922 года Тагеев вернулся на родину, где вскоре был в первый раз арестован как «французский шпион». В 1923 он был завербован ОГПУ в качестве секретного уполномоченного. В «Огоньке» от 13 мая 1928 года он опубликовал очерк «Падишах Афганистана в СССР», где говорилось, что развитию отношений СССР с этой страной очень мешает Англия; писал книжки «Американские черносотенцы» (1926), «В буржуазном чаду» (1927), «В стране лордов» (1928).

19 октября 1937 года Борис Леонидович, числившийся писателем и членом группового комитета «Молодая гвардия» Детского государственного издательства, был арестован. Через день он признался в шпионаже в пользу Японии, Англии и США, хотя в действительности был связан только с русской и английской разведкой. 11 ноября следователь Антонов указал в постановлении, что Б.Л. Тагеев полностью изобличён. Военная коллегия Верховного Суда СССР от 4 января 1938 года Б.Л. Тагеева приговорила к расстрелу на основании статей Уголовного кодекса РСФСР 58–1 «а», 17, 58–8, 58–11: «Рустам-Бек-Тагеев признан виновным в измене Родине, организации контрреволюционных преступлений и соучастии в совершении террористических актов... Преступные действия его выразились в том, что он, проживая до революции за границей, на протяжении 14 лет занимался военным шпионажем в пользу Японии и Англии. По приезде в СССР в 1921 г. возобновил шпионскую деятельность и вел ее до 1933 г. в пользу Англии, Америки и Италии. Являясь секретным агентом ОГПУ-НКВД, скрыл свою связь с иностранной разведкой. Кроме того, Рустам-Бек-Тагеев пытался вербовать агентов для террористической работы в СССР». Приговор над Б.Л. Тагеевым был приведён в исполнение в день судилища — 4 января 1938 года в Москве[20].

Советскую эпоху многочисленный и разветвлённый когда-то род Каменских пережил с огромными утратами: большинство ветвей по мужской линии пресеклись, кроме линии от внука Федора Пантелеевича, генерал-майора Фёдора Александровича (в частности, Фёдор Фёдорович Каменский, 1976 г.р.), и внуком о. Владимира Каменского — Виктором (1962 г.р.).

[20] *Абрамов В.В.* Указ соч. С. 225–261 и далее.

Несколько слов следует сказать об английских связях других родственников Каменских. Родоначальник фамилии Альшвангов-Ольхиных в Санкт-Петербурге, принявший крещение выходец из еврейской семьи, Эрнст Альшванг, начав свою карьеру в качестве подмастерья, завел в 1840-е годы свою мастерскую на Невском пр. Его дочь Матильда вышла замуж за сына известного ювелира Фюрста Генриха. Позже они уехали в Англию, где открыли банковскую контору. Анна Ольшванг вышла замуж за Карла Даутендея (1819–1896), оптика-механика, мастера по дагерротипии, приехавшего из Магдебурга. Его предок — англичанин, архитектор и математик, вынужден был в свое время перебраться в Германию из-за дуэли. Павел М. Ольхин, друг А.П. Бородина и Н.Н. Зинина, владел почти десятью специальностями, в т.ч. занимался переводами с английского, немецкого и французского, химией, фотографией, медициной, полиграфией, был писателем-популяризатором науки, техники, ремесел, детским писателем, редактором многих журналов и книг, внедрил в России стенографию.

Нетрудно заметить, что в судьбах членов семьи англофилов Каменских и их родных, как в капле воды отразились основные идеи и события нескольких эпох: романтизм 1830–1840-х годов, прагматизм и рационализм технократического века, духовные и творческие поиски предреволюционного периода и время коммунистического террора. Характер связей Каменских с британской темой соответствовал этим основным идеям: пересекающиеся с литературой английского романтизма XVIII века повести П.П. Каменского, в т.ч. на американском материале; финансово-экономические труды Г.В. Каменского об Англии в пореформенный период, время интенсивного промышленного развития России; проникнутые позитивизмом и идеями прогресса работы А.В. Каменского; авантюрная биография, в которой смешались журналистика, участие в боевых действиях, связи с разведкой и, наконец, гибель в застенках НКВД их близкого родственника Б.Л. Тагеева.

В.В. Куликов
(Ярославль)

«Всё русское теперь»: золотое семилетие русской культуры, экономики на Британских островах (1907–1914)

Если поставить задачу — найти самый удачный и плодотворный период в распространении российских культурных и экономических достижений в Великобритании, то с большой уверенностью мы можем говорить, что это было семилетие перед Первой мировой войной. Русское общество пережило несколько волн «англомании», охвативших довольно широкие слои общества (например, в эпоху Байрона). В истории английского общества, напротив, более-менее широкий интерес к русской культуре, товарам, образу жизни фиксируется, пожалуй, только в период перед войной. Речь идёт не только об интересе к стране, к ее культуре (он-то был всегда), но и о желании пользоваться плодами русской культуры: одеваться как русские, оформить квартиру в русском стиле, кушать русские блюда, учить русский язык, слушать русскую музыку и смотреть русский балет.

Традиционно считается, что причиной этому была политика, и отчасти действительно можно говорить, что резко увеличившаяся (на фоне полного штиля эпохи англо-бурской и русско-японской войн) пропаганда всего русского в Лондоне и крупных английских городах была санкционированным мероприятием. Подписание англо-русского соглашения 18 (31) августа 1907 года по разделу сфер влияния в Персии обычно называют отправной точкой возрождения политической дружбы между двумя странами после почти столетнего перерыва. По взаимному согласию процесс окрестили *rapprochement*

Обнимающиеся друзья Лев и Медведь – символ сближения России и Великобритании. Иллюстрация к сказке Якова Прилукера

(сближение или даже, говоря современным языком — «перезагрузка»), хотя иногда использовалось слово *entente* — антанта. На Британских островах проснулся интерес к русским товарам, акциям российский предприятий, российских железных дорог, к поездкам в Россию. Резко возрос индекс финансово-экономического взаимодействия, индикатором которого стало увеличение количества совместных компаний. Культурный взаимообмен также интенсифицировался, многие русские художники, музыканты, балетмейстеры, скульпторы, писатели побывали на гастролях или с выставками в Великобритании. Гастроли оркестра русских народных инструментов В. Андреева, выставки Л. Бакста, Б. Анрепа, концерты русской классики имели большой успех в Лондоне. А «Русские сезоны» Дягилева произвели настоящий фурор, став главным культурным событием начала правления Георга V.

Именно в это время в газетах появляется реклама русских сигарет, мехов, балалаек; курсы русского языка пользуются большой популярностью, а количество словарей и самоучителей, изданных в этот период, поставило рекорды. Возникают первые магазины русских товаров (магазин кустарных товаров А. Погоской на Бонд-стрит, склад русской музыки в Сохо) и рестораны русской кухни. Черная икра, блины и водка покорили Лондон и аристократические курорты Англии. Широкая публика читает Ф. Достоевского и Л. Толстого, в бильярдных висят плакаты с правилами игры в «Russian pool», «литературные негры» пишут романы про любовь на фоне русской деревни, а детям на ночь рассказывают русские сказки. В 1910 году прозвучали первые выстрелы русской мафии: Пётр Художник и его банда заставили ввести в Лондон регулярные войска («битва на Сидней стрит»). Можно смело утверждать, что британские представления о многих русских товарах сложились в этот период: впервые в Англии увидели иконы, картины передвижников и авангардистов, балалай-

ку, квас, водку, икру. Золотым время было и для русской экономики: русский экспорт превышал британский в три раза!

Именно в это время свет увидели многочисленные справочники, разговорники, словари, многие из которых использовались чуть ли не в течение всего XX столетия в Англии. Интересно, что именно тогда важность поощрения изучения русского языка в Великобритании стала очевидной и для высшей русской бюрократии. Министерство торговли и промышленности учредило «особые награды» за успехи в изучения русского языка для учеников колледжа города Лондона. В феврале 1914 года перед Форин-офисом был поставлен вопрос о включении русского языка в программу консульского экзамена. Инициатива исходила от так называемых «ливерпульцев», которые, очевидно, и собирались быть экзаменаторами, учитывая, что их общество было единственным в стране серьезным центром изучения русского языка. Ещё в 1907 году лидер ливерпульского общества «русских исследований» Бернард Пэрс писал: «если англичане готовы сделать что-то для обновления и расширения торговых отношений с Россией, у них есть отличный шанс сделать это сейчас. Но сначала необходимо подготовиться. Англичане, которые хотят вступить в торговые отношения с Россией, должны быть снаряжены русским языком и иметь некоторое представление о специфике торговли в этой стране».

Именно по его инициативе при молодом «краснокирпичном» Ливерпульском университете (образованном в 1903) была создана школа «русских исследований». К 1911 году штат школы состоял из четырех профессоров и одного секретаря. Руководителем и душой проекта был Бернард Пэрс, на пост его заместителя был приглашён крупнейший американский специалист по русской истории Самуэль Харпер из Чикагского университета. Кроме того, в члены школы вступили на добровольных началах многие английские энтузиасты изучения русской истории и языка. Помимо всего прочего, важной задачей школы было обеспечение экономического сближения между двумя странами. Профессорам были положены довольно значительные оклады в 250 фунтов стерлингов в год (судя по воспоминаниям Харпера). Кроме лекций, сотрудники занимались редактированием ежеквартального издания «Russian review», целевой аудиторией которого были чиновники, депутаты, университеты, библиотеки и журналистское сообщество. Важной частью работы общества являлась пропаганда изучения русского языка в британском обществе и популяризация русской литературы. Особенно многое было сделано для популяризации творчества А. Чехова и Ф. Достоевского. Несмотря на трудности в работе, которые возникали, прежде всего, из-за бю-

Покупайте русское!
Английская леди выбирает российские сигареты

рократических препятствий и некоторых проблем с организационными способностями у самого Бернарда Пэрса, к началу войны была проделана очень серьезная работа.

Особенно знаковым явлением в отношениях двух стран стало издание в 1916 году Марком Сифом «Руководства по русской коммерческой корреспонденции». Успевшая выдержать до октября 1917 года два издания, эта книга стала настоящим памятником торговым отношениям двух стран. И также отражением последнего витка российской деловой активности, буквально за считанные дни до краха старой России. По большому счёту, это был огромный свод на все случаи жизни русских и английских форм для ведения бизнеса. Деловые и рекомендательные письма, словарь коммерческих терминов, заявки, формы заказа, примеры бухгалтерского учёта, — всё это серьёзно могло облегчить экономическое взаимодействие двух стран. Нельзя не отметить, что этот труд во многом основан на работе выдающегося русского бухгалтера, сына ярославского отходника Николая Блатова[1].

О Марке Сифе (Mark Sieff) известно немногое. До войны долгое время он работал в школах изучения иностранных языков, работавших по методу французского методиста Франсуа Гуэна. Его метод

[1] *Блатов Н.А.* Коммерческая корреспонденция: Руководство для коммерческих учебных заведений и самообучения. СПб., 1912.

неожиданно стал очень популярным в Англии, так как его активно поддерживал великий британский репортер Уильям Стэд. Идея изучения языка предложениями, где большая роль отводилась глаголам и действию, примеры конкретных жизненных ситуаций — все это пало на благотворную почву. В 1892 году в Лондоне последователями Гуэна Х. Свэном и В. Бетисом была открыта Центральная школа иностранных языков. Вскоре у неё возникло несколько отделений, в которых стал преподавать и Марк Сиф. Во время войны он состоял «инструктором» русского языка при совете Лондонского графства (Лондонский муниципалитет), преподавал русский язык в техникумах «Эктон и Чисвик» и «Виллесден Политехник». Сиф издал множество книг, облегчающих изучение русского языка. Среди них стоит отметить «Практический гид по русскому акценту» и «Разговорный русский»[2]. Наряду с ним, много работ написал и другой энтузиаст изучения русского в Англии — Леонард Магнус. До переориентации на изучение русского языка он состоял в обществе по изучению ранних английских текстов. Кроме словарей, Магнус также был известен переводом на английский множества русских сказок и «Слова о полку Игореве». В предисловии к нему Магнус отмечал увеличение студентов, изучающих русский язык, и общий интерес к сокровищам русской средневековой литературы в Англии.

Таким образом, благодаря экономическому интересу целых слоев английского общества к России и политическому урегулированию отношений между двумя странами возникла почва для быстрого развития интереса к изучению русского языка на Британских островах.

Что касается экономического аспекта русско-английских отношений, научная и популярная литература выдвигает фигуру Василия Ивановича Тимирязева на место главного организатора русско-британского взаимодействия. Будучи членом Госсовета, министром промышленности и торговли, он участвовал в 1908 году в создании русско-британской торговой палаты в Санкт-Петербурге. А после учреждения на протяжении восьми лет ее возглавлял, занимая должность председателя совета. Обоснование заслуг В. Тимирязева в данном процессе сопровождается известной речью 21 октября 1908 года на банкете, данном в его честь Лондонской торговой палаты. Выступая перед британскими промышленниками, Тимирязев подвел новый базис для торговых отношений между державами, который, с некоторым поправками, существует до сих пор. То, что «тимирязевская легенда» откровенно «натянута», не отменяет её простоты и

[2] *Sieff M.* Manual of Russian Commercial Correspondence. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and C°., 1917.

практичности. В основу его концепции русско-британских отношений положена фигура Ричарда Ченслора — «английского Колумба» и других «пионеров», которые в XVI–XVII веках завязали торговые отношения, строившиеся на взаимной выгоде и отсутствии «серьёзных экономических столкновений». По мнению Тимирязева, все русско-британские конфликты имели исключительно политический подтекст. В русско-английской торговле исторически сохранялся баланс, и никогда ни одна из стран не «душила» своими товарами другую. «Русский вывоз в Великобританию, достигавший в 70-х годах 40% общего своего вывоза, упал постепенно до 22%. Британский вывоз в Россию, достигавший в названное время 27% всех иностранных товаров, ввозимых в Россию из-за границы, упал ныне до 16%. Это ясно показывает, что другие страны вытеснили Россию с английских рынков и Англию с русских». Намеки Тимирязева были прозрачны: в 1879 г. О. Бисмарк ввел в Германии протекционистский тариф «ржи и стали», направленный против русского и британского экспорта, что, по мнению Тимирязева, положило начало таможенным войнам, отказу от свободной торговли на континенте и, как следствие, вынужденной переориентации русского экспорта на Германию из-за серии невыгодных договоров. Кроме Германии, препятствием для русско-британских торговых отношений было общее незнание друг друга, отсутствие информации о потребностях двух рынков. Тимирязев призвал британское общественное мнение и печать верить тому, что «что Россия не свернет с пути реформ и прогресса, что элемент гуманности, цивилизации и гражданственности существует и все усиливается в России ... Вы не должны забывать, что главные основы английского законодательства и английского политического устройства существуют с ранней молодости вашей нации, что ваша “Великая Хартия” носит дату 1215 г., а закон о правах — 1689, в то время как русские гражданские права провозглашены лишь в конце 1905 г.». Полвека назад в России еще существовала крепостная система, поэтому не нужно принимать «медленное движение вперед за явление реакции». В своем выступлении Тимирязев призвал англичан чаще приезжать в Россию, изучать русский язык и традиции, вместе осваивать её естественные богатства.

Русские сказки покорили сердца британских детей

Так началось русско-британское торговое сближение, причем «тимирязевский толчок» чувствуется до сих пор, особенно учитывая тот факт, что русско-британская торговая палата вновь возрождена в 1998 году и активно действует. В конце XIX века с развитием выставочного дела в России и необходимости рекламировать свои товары за границей возникает спрос на соответствующих специалистов. С начала 1880-х годов (выставки в Москве, Нижнем Новгороде, Чикаго, Париже, Филадельфии и пр.) и до 1908 года у В. Тимирязева накопился огромный опыт и связи, поэтому ничего удивительного, что именно его российские промышленники выдвинули в качестве главного представителя в развивающихся торговых отношениях с Великобританией. Однако самый успешный выставочный проект этого времени являлся частной инициативой английских предпринимателей-энтузиастов русской культуры. На двух десятинах земли в центре Лондона в выставочном комплексе «Олимпия» осенью 1913 г. выросла настоящая русская деревня с подлинными избами, в которых сидели за работой крестьяне-кустари. Экспонаты для выставки «Ideal Home» предоставила М.Ф. Шереметьева. Вокруг нее возник типичный русский пейзаж с лесом, речкой, огородами, колодцами и мельницами. Выставка открылась 9 октября 1913 года. От русско-британской палаты в Лондон был делегирован Талбот, который должен был привезти часть экспонатов Туринской выставки. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна заявила, что берёт выставку под свое покровительство. Отечественная пресса праздновала успех частной выставки.

Успех «русской деревни» заключается в том, отмечал британский журналист, что русские кустари — настоящие художники, творцы. Их творения — это искусство, а не механическая обработка материалов. Британская публика прежде всего поражалась великому терпению русских мастеров, способных часами сидеть за шлифовкой какой-нибудь детали. Десятки тысяч англичан впервые увидели и приобрели русские кружева, мебель, произведения художественной резьбы. В центре деревни была возведена русская церковь, маленькая часовня, трактир с гостиницей, водяная мельница и даже здание школы. В домах крестьян сидели девушки в сарафанах и прямо перед публикой пряли и вышивали (правда, на поверку оказалось, что далеко не все они русские). Знаковым экспонатом выставки стал первый показ в Лондоне важнейшего русского культурного символа XX века — оренбургского пухового платка.

С августа 1907 по август 1914 года благодаря усилиям группы энтузиастов в Англии и русского лобби градус русско-английской дружбы, социально-экономического и культурного взаимообмена

заметно вырос, однако не превратился в необратимый процесс. Антирусская партия в Лондоне по-прежнему требовала реформ в России как платы за возможность русско-английской Антанты. Даже на пике сближения в прессе появлялись критические статьи о России, хотя и вполне взвешенные. Так, за два месяца до начала войны в «Экономист» появилась статья о грядущем экономическом кризисе в России. Автор, приводя многочисленные доказательства, утверждал, что Россию в ближайшее время ждет тяжелый долговой кризис. Грандиозные военные расходы, резкое сокращение золотого запаса, полная зависимость от французских кредиторов — всё это должно в итоге привести к обвалу на Петербургской бирже, который почти произошёл весной 1914 года. Резкое недовольство журналиста вызывала политика царского правительства в Персии и самом Тегеране, которая противоречила конвенции 1907 года, так как целью такой политики являлось якобы полное подчинение персидских финансов русскому правительству. Русские больше заинтересованы в союзе с Лондоном, чем он с ними, утверждалось в статье, поэтому британской дипломатии надо не стесняться давить на Санкт-Петербург, а британскому капиталу нужно быть начеку и не ввязываться в авантюры в России, призывал автор.

В годы Первой мировой войны в Лондоне проходили «дни России», возникла масса обществ дружбы и сотрудничества, основанных уже при прямом государственном финансировании. Может быть, именно этот период, когда две страны вновь воевали против общего врага, можно назвать пиком дружбы? На наш взгляд, война, наоборот, прервала естественный ход взаимного сближения двух стран, нанесла тяжелый и до сих пор ощутимый удар по искренней русско-английской дружбе. То, что произошло за семь предвоенных лет, можно охарактеризовать как единственную в XX веке реальную попытку поставить сотрудничество двух стран на прочные рельсы торгового и культурного обмена.

М.В. Ефимов
(Выборг)

Д.П. Святополк-Мирский: англичанин для русских, русский для англичан

В череде посредников между российской и британской культурой в XX веке князю Дмитрию Петровичу Святополк-Мирскому (Prince D.S. Mirsky) (1890–1939) принадлежит особое место. Не будет преувеличением сказать, что это место уникально. Как писавший по-английски, Мирский стал в англо-американском мире одним из наиболее авторитетных специалистов в области истории русской литературы. Как писавший по-русски, Мирский внёс бесценный вклад в изучение британской культуры в России.

Представитель древнего аристократического рода, Рюрикович, Мирский с детства оказался связан с британской культурой — и с британским взглядом на Россию. Известный английский писатель Морис Беринг в своей книге «Вехи русской литературы» («Landmarks in Russian Literature», 1910) рассказывает о том, как гостил в украинском имении Святополк-Мирских в 1907 году. Юный Мирский попал в это описание как сын хозяина — «школьник семнадцати лет, уже знакомый с литературой на семи языках и, более того, пишущий стихи по-английски и по-русски»[1].

Именно Берингу Мирский напишет в сентябре 1920 года[2], когда — после долгих лет, проведённых в армии на Первой мировой и

[1] *Baring M.* Landmarks in Russian Literature. 2nd ed. New York: The Macmillan Company, 1912. P. 126.

[2] *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 240–241.

гражданской войнах — окажется в Европе, бежав из польского концлагеря для интернированных белогвардейцев. И именно Беринг сможет устроить Мирскому переезд в Англию, где Мирский проведёт более десяти лет (1921–1932), и ввести его в круг английских славистов, издателей и — шире — интеллектуалов.

Все эти английские годы Мирский преподавал в Школе славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета — и при этом воспринимал свою преподавательскую работу как изматывающую подёнщину. Однако эта подёнщина оказалась исключительно плодотворной: читаемые Мирским лекционные курсы выросли в книги, оказавшиеся шедеврами.

После первого краткого очерка истории русской литературы (Modern Russian Literature. London, 1925) Мирский опубликовал книгу о Пушкине (Pushkin. London, 1926), за которой последовали два тома истории русской литературы — «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» (1926)[3] и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927)[4].

Эти два тома на долгие десятилетия стали основополагающими для славистов всего мира. На сегодняшний день книга переведена на французский, немецкий, итальянский, китайский — и, сравнительно недавно, в 1992 году, на русский[5]. Значение и достоинства двух томов «Истории» Мирского можно описать с помощью откликов двух знаменитых ее читателей.

Владимир Набоков в конце 1940-х годов писал американскому редактору: «... я большой поклонник работы Мирского. Я считаю её лучшей историей русской литературы на любом языке, включая русский»[6].

---

[3] *Mirsky D.S., Prince.* Russian Literature: 1881–1925. London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1926. Книга посвящена М. Берингу.

[4] *Mirsky D.S., Prince.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1927.

[5] Перев. на нем.: Geschichte der Russischen Literatur / Tr. Georg Mayer. München: Piper, 1964; Storia della letteratura russa / Trad. Silvio Bernardini. Milano: Bernardini, Garzanti, 1965, 1977; Histoire de la littqrature russe / Trad. Vqronique Lossky. Paris: Fayard, 1969; перев. на русск.: *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфь Зернова. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992; 2-е изд.: Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005, 2006, 2007, 2009; перев. на кит.: Er Guo Wen Xue Shi / Transl. by Liu Wenfei. Beijing: Ren Min Chu Ban She (People's Press), 2013.

6 «I am a great admirer of Mirsky's work. In fact, I consider it the best history of Russian literature in any language including Russian» (*Nabokov V.* Selected Letters 1940–1977. Ed. Dimitri Nabokov and Mathew J. Bruccoli. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1990. P. 90).

Сэр Исайя Берлин в 1950 году напишет: «... книгу Мирского еще долго будут читать после того, как превосходные работы [по истории рус. лит.] будут благополучно стоять на полках библиотек, потому что — в отличие от них — она близка к тому, чтобы быть литературным шедевром»[7]. Любопытно отметить, что тот же Берлин провел параллель между Мирским и Набоковым: «Как и у всех русских, его величайшие достижения связаны с Пушкиным, о котором [Мирский] написал книгу — и его английский язык в такие моменты наполнен такой жизнью и своеобразием, а также столь удивительным мастерством, что сравнить его можно лишь с Владимиром Набоковым»[8].

Написанная Мирским по-английски «История русской литературы» — это редкое сочетание широты и глубины понимания своего предмета. Мирский сумел совместить в своей «Истории» результаты новейших (для своего времени) исследований и интерпретаций со своим личным, и в высокой степени не-конвенциональным, взглядом на многие персоналии и сюжеты в истории русской словесности. В истории западной рецепции русской культуры считанное количество книг могут (если, конечно, могут) соперничать с «Историей» Мирского по своему воздействию: на Мирском более полувека во всем мире воспитано несколько поколений славистов.

Однако двухтомной «Историей русской литературы» вклад Мирского не исчерпывается. Он — автор многих написанных по-английски статей, предисловий и рецензий, посвященных русской литературе. Его диапазон поистине огромен — от древнерусской литературы до Цветаевой и Бабеля. Собранные воедино, эти англоязычные работы превысят по объему два тома «Истории» в несколько раз. Но дело, конечно, не в количестве страниц. Мирский создал для западного читателя и западного исследователя канон русской литературы с древнейших времен до конца 1920-х годов. Этот канон был принят и усвоен западной славистикой — при том, что во многих случаях трактовки Мирского сильно отличаются и от тех, что приняты в российской филологической науке, и от иерархии внутри писательского сословия[9].

---

[7] «... Mirsky's book will be read long after these excellent works are safely established on the reference shelves of libraries, for unlike them it comes near to being itself a literary masterpiece» (*Berlin I.* Russian Literature: The Great Century // Nation. 1950. Vol. 170. № 180–183. P. 207–208).

[8] «Like all Russians he was moved to his greatest heights by Pushkin, on whom he had written a monograph — his English at such moments is wielded with a vitality and an originality as well as an astonishing skill to which only Vladimir Nabokov offers a parallel» (*Berlin I.* Op. cit. P. 207–208).

[9] См., напр., высказывание М.А. Алданова в письме к В.Н. Буниной от 17 января 1930 г.: «Теперь в смысле англ. и америк. переводов будет верно ещё

Константин Мочульский в одном из писем к А.М. Ремизову (1924) однажды назвал Мирского «аглицким обезьяном»[10]. Речь тут идёт, конечно, о знаменитой «Обезьяней Великой и Вольной палате» Ремизова, в которой Мирский был «Ambassador and Knight»[11]. Однако можно сказать, что Мирский был не только послом ремизовского «ордена» и всей русской культуры «at the Court of St. James»[12], но и полноправным представителем-ретранслятором английской культуры в русской среде: сначала — в эмиграции, позднее — в Советском Союзе.

Эта вторая часть, советская, хоть и частично, но более-менее знакома исследователям по двум советским изданиям Мирского[13] (знакома, но до сего дня не подвергалась исследовательской рефлексии). Вместе с тем, Мирский начал писать — по-русски — об английской литературе ещё в эмиграции. Меньше чем через год после приезда в Англию, весной 1922 года, Мирский получил письмо от своего дореволюционного знакомца, К.И. Чуковского. Чуковский предложил Мирскому написать о современной английской литературе для журнала, который стал называться «Современный Запад». Мирский с радостью откликнулся на предложение, впрочем, добавив: «К современной английской литературе отношусь без энтузиазма — американские [писатели. — *М.Е.*] гораздо живей. <...> Один Честертон, мне кажется, живая душа»[14]. (К слову, в конце того же 1922 года Мирский заметит в письме к одному из своих ближайших друзей, П.П. Сувчинскому: «Если хотите, Англия сохнет и отмирает, но Германия гниёт. Знаете ли Вы Честертона?»[15]).

труднее из-за той сводки, которую поместил Святополк-Мирский в “Брит. Энциклопедии” <...> этот господин всем нам сделал много зла: в Англии он считается первым авторитетом по русской литературе!» (*Рогачевский А. И.* А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 344 (сноска)).

[10] «...С вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову. 1922–1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2003. Вып. 5. С. 351.

[11] Там же. С. 349.

[12] Там же.

[13] *Мирский Д.* Литературно-критические статьи / Сост. М.В. Андронов, И.Н. Крамов, [Л.Н. Чертков]. Вступ. ст. М.Я. Полякова. М.: Советский писатель, 1978; *Мирский Д.П.* Статьи о литературе / Сост. М. Андронов. Вступ. ст. Н. Анастасьева. М.: Художественная литература, 1987.

[14] *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 245.

[15] The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G.S. Smith. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs, 26). P. 19.

Скептическое отношение Мирского не помешало ему написать блестящее эссе «О современной английской литературе. Письмо из Лондона»[16], которое и стало единственной публикацией Мирского-эмигранта в Советской России. Это эссе характерно и блестящей эрудицией, и свободой в обращении с материалом, и той эксцентричностью, которой Мирским впоследствии будет знаменит. Кого еще из крупнейших русских критиков и историков литературы можно представить себе пишущими такие, например, строки: «... вино английских поэтов — крепости не свыше мадеры, и нам, привычным к самогону, оно может показаться жидким»[17].

В эмиграции Мирский в начале 1920-х годов регулярно печатал статьи о современной английской литературе[18] (впрочем, не только о современной, но и, например, о Байроне[19]). В этих статьях, написанных, как может показаться, «на случай», Мирский создаёт яркую и объёмную картину литературной жизни Великобритании 1920-х годов — причём не только как читатель, но и как человек, близко общающийся с крупнейшими британскими интеллектуалами. Особое место в биографии Мирского занимала Джейн Эллен Харрисон, выдающийся английский историк культуры и религии[20]. Именно ей Мирский посвятил свою книгу «История русской литературы с древнейших времён до смерти Достоевского» (1927). В числе постоянных собеседников Мирского — члены знаменитого сообщества Блумсбери[21]. Отметим, что Мирский был консультан-

---

[16] *Мирский Д.С.* О современной английской литературе. Письмо из Лондона // Современный Запад. 1923. № 2. С. 139–150.

[17] Там же. С. 139.

[18] Современные английские романисты // Звено. 1923. 14 мая. № 15. С. 3; Искусство биографии (Литтон Стрэчи) // Звено. 1924. 28 января. № 52. С. 2; Новое в английской литературе. Морис Беринг // Звено. 1924. 11 августа. № 80. С. 3; Литературная пресса в Англии. Классики и романтики // Звено. 1925. 27 апреля. № 117. С. 24; Английские пуристы // Звено. 1925. 13 июля. № 128. С. 2–3; Современная английская литература. Поэты // Дни. 1925. 6 декабря. № 872. С. 3; Литературный феномен // Звено. 1925. 21 декабря. № 151. С. 2; Джордж Сейнтсбери // Дни. 1925. 25 декабря. № 888. С. 3; Современная английская поэзия. Младшее поколение // Дни. 1926. 31 января. С. 4.

[19] Байрон (К столетию со дня смерти, 1824 — 18 апреля — 1924) // Звено. 1924. 21 апреля. № 64. С. 2–3.

[20] См.: *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 96–98. Мирский посвятил памяти Харрисон две работы: Jane Ellen Harrison (Died 15 April, 1928) // The Slavonic and East European Review. 1929 (January). Vol. 7. № 20. P. 414–416; Jane Ellen Harrison and Russia. Jane Ellen Harrison memorial lecture, 2. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1930.

[21] Подробнее см.: *Smith G.S.* Op.cit. P. 98–103.

том основанного Вирджинией и Ленардом Вулфами издательства «Hogarth Press»[22].

Английская литература была для Мирского предметом страстного — и часто пристрастного — интереса. Одно из наиболее ярких тому свидетельств — журнал «Вёрсты», три номера которого вышли под редакторством Мирского в 1926–1928 годах. Готовя первый номер, Мирский собирался опубликовать в нём свой собственный перевод «The Hollow Men» Т.С. Элиота[23]. Этот замысел не был реализован, однако во вторых «Вёрстах» Мирский опубликовал исключительно важную рецензию на том поэзии Элиота[24]. В том же 2-м выпуске «Вёрст» была напечатана — в переводе самого Мирского «с рукописи» — статья Э.М. Форстера «Современная английская литература»[25]. Это, пожалуй, единственный случай, когда в русском эмигрантском издании опубликована оригинальная статья одного из крупнейших английских прозаиков[26]. В третьих «Вёрстах» Мирский даст краткую, но значительную статью об «Улиссе» Джойса[27], которую закончит следующим образом: «... эти несколько строк написаны с более скромной целью: только обратить внимание русского читателя на то, что в Европе есть сейчас писатель, равного которому она не рождала, может быть, со времени Шекспира»[28].

---

[22] См.: Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 349–367.

[23] В письме от 26 апреля 1926 г. Мирский писал П.П. Сувчинскому: «У меня есть мысль дать перевод в стихах (vers libre как в подлиннике) поэмы Т.С. Элиота (4 страницы, около 100 стихов) “The Hollow Men”, вещи гениальной по концентрированности чувства смерти, гниения и импотентности послевоенной Европы, и действительно очень большой художественно. Если Вы это одобряете, и если перевод мне удастся (он только намечен), пришлю с кратким примечанием об Элиоте» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 52).

[24] *Святополк-Мирский Д., кн.* T.S. Eliot. Poems. 1905–1925. Faber and Gwyer. London, 1925 // Вёрсты. 1927. № 2. С. 263–265.

[25] *Форстер Е.М.* Современная английская литература // Вёрсты. 1927. № 2. С. 240–246.

[26] Английский оригинал статьи до сих пор не найден. Как отмечает Дж. Смит, опубликованная в «Вёрстах» статья Форстера представляет собой довольно точное изложение книги Форстера «Aspects of the Novel», которую Мирский незадолго до того рецензировал в «London Mercury» (Smith G.S. Op. cit. P. 158). См. текст английской рецензии Мирского: Literary History and Criticism (*E.M. Forster.* Aspects of the Novel. London; J. Carruthers. Scheherazade, or the Future of the English Novel. London–New York; *J.G. MacLeod.* Beauty and the Beast. London; *L.P. Smith.* The Prospects of Literature. London; *T.S. Eliot.* Shakespeare and the Stoicism of Seneca. London.) // The London Mercury. 1927. № 17. P. 208–210.

[27] *Святополк-Мирский Д., кн.* Годовщины: 4. Джойс // Вёрсты. 1928. № 3. С. 147–149.

[28] Там же. С. 149.

Закрытие в 1928 году журнала «Вёрсты» во многом совпало с одним из ключевых пунктов в биографии Мирского — его «поворотом влево» и началом превращения в правоверного марксиста и сторонника Советского Союза. Результатом этого, как известно, стал приезд Мирского в СССР в 1932 году и, семь лет спустя, гибель на Колыме, в советском концлагере.

Английские сюжеты в советской биографии Мирского занимают исключительное место. Здесь будет достаточно отметить лишь несколько из них. Первой опубликованной Мирским в СССР книгой оказался своеобразный памфлет о столь хорошо знакомых Мирскому британских интеллектуалах — «Интеллиджентсиа»[29]. Эта книга всё ещё ждёт своего исследователя и комментатора. Причина её выхода в свет понятна: Мирский должен был доказать свою полную лояльность советскому строю и сталинской идеологии. Английскими читателями[30], бывшими приятелями и собеседниками Мирского, эта книга была понята как предательство Мирского, принятого в Великобритании не как беженец-неудачник, а как ровня британской интеллектуальной элите. Советские читатели эту книгу едва ли заметили: Мирский демонстрирует «интеллектуальное ничтожество» и «историческую обреченность» английских интеллектуалов с таким блеском и таким количеством подробностей, которые в СССР попросту некому было оценить. Не говоря уже о том, что в 1934 году сам этот сюжет — судьба британских интеллектуалов — в СССР был менее всего актуален.

В СССР Мирский стал — во многом вопреки своему желанию — одним из главных специалистов по английской литературе, как классической, так и современной. Любопытно, что, живя в Великобритании, Мирский стал автором статей о русской литературе и русских писателей в знаменитой энциклопедии «Britannica», а в СССР обобщающая статья Мирского уже об английской литературе также вошла в энциклопедический словарь — «Словарь Гранат»[31], а статьи об отдельных английских писателях — в «Литературную энциклопедию» ([М.], 1929–1939). Мирский много писал о Свифте, Смоллетте, Киплинге, Джойсе, Элиоте. Идеологическое обрамление — в сравнении с тем, что Мирский писал в эмиграции — поменялась почти полностью, однако даже в этих идеологизированных текстах трудно

[29] *Мирский Д.* Интеллиджентсиа. М.: Советская литература, 1934.

[30] Английский перевод: The Intelligentsia of Great Britain / Transl. by Alec Brown. London: Gollancz; New York: Covici Friede, 1935.

[31] Английская литература // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1936. Дополн. т. 1. С. 403–443.

не заменить блестящего владения Мирским материалом и глубоколичной эмоциональной вовлечённости, когда Мирский говорит о тех же Элиоте или Джойсе[32].

Две последние работы Мирского также оказались напрямую посвящены английской литературе. Мирский не увидел их напечатанными. Одна — исследование 1937 года «Барокко и английская литература» –была впервые опубликована лишь в 1987 году[33], «по рукописи, сохранившейся в архиве академика В.М. Жирмунского»[34]. Это блестящее исследование осталось в России почти непрочитанным. Заметили его, сколько можно судить, лишь за океаном — и этим внимательным читателем оказался Лев Лосев[35].

Второй работе Мирского была суждена намного более сложная судьба. Это «Антология новой английской поэзии», вышедшая в 1937 году[36]. Мирский был инициатором, редактором и координатором этого масштабного издания. По широте охвата представленных в ней авторов «Антология» не имела аналогов ни в момент своей публикации, ни после[37]. У нас есть уникальное свидетельство, показывающее Мирского как редактора переводов и несравненного знатока английского языка и английской литературы за работой над книгой — два письма к переводчице Елизавете Полонской, участвовавшей в «Антологии»[38].

---

[32] Есть нечто принципиальное — в автобиографическом смысле — в словах Мирского о Джойсе в статье 1933 г. (Джеймс Джойс // Год шестнадцатый. Альманах первый. М., 1933. С. 428–450): «У Джойса [–] напряжённое стремление защититься от реальности её разнообразным отражением в слове и торжествовать над ней, загнав её в тесные и чуждые узы словесных форм» (*Мирский Д.П.* Статьи о литературе. С. 175)

[33] Там же. 21–70.

[34] Там же. С. 70.

[35] «На принципиальное сходство “выросших из футуризма” Маяковского и Пастернака с английскими поэтами-метафизиками указывал ещё в 1937 г. Д.П. Святополк-Мирский (*Мирский Д.* Статьи о литературе, Москва, «Художественная литература», 1987, стр. 35)» (*Лосев Л.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 300, прим. 247).

[36] Антология новой английской поэзии / Вступ. ст. и коммент. М. Гутнера. Л.: ГИХЛ, 1937.

[37] Хотя можно отметить родственные ей (но на другом материале) антологии зарубежной поэзии — «От романтиков до сюрреалистов» (Л.: Время, 1934) Б. Лифшица и «Поэты Америки, XX век» (М.: Гослитиздат, 1939) М.А. Зенкевича и И.А. Кашкина.

[38] D.S. Mirsky: Two letters to Elizaveta Polonskaia (1935, 1936) on translating Kipling and Christina Rossetti / Ed. by G.S. Smith // The Slavonic and East European Review. 1995. July. Vol. 73. № 3. P. 490–498.

На заключительной стадии подготовки «Антологии» Мирский был арестован — и, чтобы спасти книгу, имя Мирского было вычеркнуто. Вместо Мирского редактором и автором вступительной статьи и комментариев был указан Михаил Наумович Гутнер. Именно под этим именем, как «антология Гутнера», последняя книга Мирского и стала известна в неофициальных литературных кругах в 1950–1960-х годах. «Антологию» высоко ценил Иосиф Бродский — и был её внимательным читателем: в 1963 году М.Б. Мейлах подарил её Бродскому на день рождения.

В «Антологии» все переводы подписаны именами переводчиков, за исключением шести стихотворений Д.Х. Лоренса. Как пишет Дж. Смит, «есть искушение думать, что эти исключительно точные и тонкие переводы принадлежат Мирскому»[39].

6 июня 2014 года исполнилось 75 лет со дня гибели Мирского в Северо-восточном исправительно-трудовом лагере около Магадана. Жизнь этого человека была трагична. Смысл этой трагедии до сих пор ускользает от многих, даже доброжелательных, читателей и исследователей Мирского. Понимание феномена Мирского возможно только на основе изучения его наследия. А это наследие — общее британско-российское наследие — драгоценно и плодоносно.

[39] *Smith G.S.* Op. cit. P. 253–254.

Е.В. Конюхова
(Санкт-Петербург)

«Стараясь сделать лучше для каждого» (Роль семьи кн. В.Э. Голицына в жизни русской диаспоры в Англии в 1920–1930-е годы)

Семья кавалергарда князя Владимира Эммануиловича Голицына разделила судьбу миллионов соотечественников, оказавшихся после октябрьского переворота в изгнании. Необычным лишь был их путь в эмиграцию: в июне 1919 года на спасение русских родственников английский король Георг V направил судно «Принцесса Эна». Князь Голицын за полтора года до начала Первой мировой войны женился на дочери герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого, состоявшего в родстве с английским правящим Домом по мекленбургской и гессен-кассельской линиям. Семья беженцев состояла из 6 взрослых: самого князя с супругой и её родных (матери, брата, тёти и дяди). С ними уезжали и три сына четы Голицыных в возрасте от года до 5 лет. Вскоре дядя (герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий) и тётя (принцесса Е.Г. Саксен-Альтенбургская) последовали за Вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной в Данию. Семья князя В.Э. Голицына за первые два года сменила 3 адреса в провинции и в английской столице, а мать княгини Екатерины Георгиевны — графиня Н.Ф. Карлова сразу поселилась с сыном в Лондоне. В России графиня была широко известна своей благотворительной деятельностью: она покровительствовала многим филантропическим учреждениям Санкт-Петербурга и Ораниенбаума; в годы Русско-японской войны фактически возглавила Порт-Артурский комитет; в Первую мировую войну входила в Ольгинский

комитет помощи семьям призванных в армию и была председательницей его Ораниенбаумской комиссии; она также возглавила работу складов и мастерских названного Комитета, обеспечивая жён фронтовиков работой и зарплатой.

Не случайно именно графиня Наталья Фёдоровна Карлова стала одним из организаторов жизни русских беженцев в Англии. Прежде всего, необходимо было обеспечить прибывающих эмигрантов работой, жильём, а военных и нуждающихся — бельём, обувью и теплой одеждой. С этой целью при Русском Красном Кресте решено было организовать швейные мастерские. Инициативная группа из числа русских беженцев взяла на себя поиск помещения под мастерские, средств для его аренды, технического оснащения, приобретения инструментов и тканей, оплаты труда швей. Князь Ф.Ф. Юсупов, активный организатор швейных мастерских на Белгрейв-сквер, вспоминал: «Помогла мне и графиня Карлова, вдова герцога Джорджа Мекленбург-Стрелицкого. Женщина была достойнейшая, энергичная, умная, любимая всей русской колонией. Она сразу же взяла на себя управление мастерскими»[1], где бок о бок работали молодые нуждающиеся беженки и знатные дамы, чьё состояние в результате революции сократилось «до бриллиантов в их ушах»[2]. Корреспондентка газеты «The Deseret News», рассказывая о поразительном русском заведении в центре Лондона, представила нам портрет его директора как «... женщины средних лет, скромно одетой в чёрное, не носящей ювелирных украшений, некогда владевшей дворцами полными удивительных сокровищ. <...> Графиня Карлова — морганатическая супруга недавно скончавшегося герцога Мекленбург-Стрелицкого и одна из крупнейших землевладелиц в России»[3]. Помимо ежедневной административной работы в швейных мастерских Наталья Фёдоровна составляла вместе с князем Юсуповым списки прибывавших в Лондон русских мужчин (женщин регистрировала княгиня И.А. Юсупова), фиксируя их нужды и профессиональные навыки, привлекала англичан, знакомых ещё по жизни в России, к помощи русским беженцам, занималась устройством судеб соотечественников. В Англии в начале 1920-х годов успешно действовали Русский Красный Крест (председатель граф П.Н. Игнатьев), его мастерские Русская гражданская помощь (князь Ф.Ф. Юсупов), Комитет помощи детям (А.С. Милюкова), Фонд помощи русским (Н.С. Воеводский), Русское кооперативное общество (барон Рауш).

---

[1] *Юсупов. Ф.Ф., князь.* Мемуары. М., 2011. С. 238.

[2] *Price C.* Russian exile colony formed in London // The Deseret News. 1920. 9th Jan.

[3] Ibid.

В январе 1920 года директор швейных мастерских Красного Креста графиня Карлова вместе с представителями вышеперечисленных организаций обратилась через прессу с просьбой к англичанам не прекращать жителям России гуманитарную помощь, которая регулярно поступала от союзников в годы Первой мировой войны. После призыва эмигрантов возобновился сбор средств и вещей для пересылки в свободные от большевиков районы России[4].

Следует отметить, что графиня Н.Ф. Карлова была тяжело больна, но не давала себе послабления в работе, и даже близкие не догадывались о состоянии её здоровья. Чуть более полутора лет провела она в Англии, но успела сделать многое: кончина Натальи Фёдоровны весной 1921 года, несомненно, стала ощутимой потерей для всей русской колонии.

Вскоре в Англию из Франции перебралась средняя дочь графини Н.Ф. Карловой — светлейшая княгиня Мария Георгиевна Голицына. Её муж погиб в Гражданскую войну, в эмиграции молодая вдова с двумя маленькими детьми вначале оказалась с семьёй покойного супруга во Франции, но затем переехала в Лондон. Марии Георгиевне пришлось искать работу, чтобы обеспечить детей и преданную няню, последовавшую в эмиграцию вместе со своей хозяйкой. Светлейшая княгиня Голицына вначале на паях с княгиней М.И. Путятиной открыла в Лондоне магазин модных дамских шляп под названием «Shapka» («Шапка»)[5] — филиал удачного парижского Дома головных уборов. В лондонском отделении салона работала ещё одна аристократка — Елизавета Зиновьева (урожд. княжна Голицына). Затем Мария Георгиевна вновь на партнерских началах с вдовой русского дипломата, баронессой Агнессой Стёкль создала магазин повседневной одежды для женщин из высшего общества. Он был популярен благодаря аристократическому происхождению директоров, их безупречному вкусу, умению помочь дамам в выборе, а также благодаря сотрудничеству с французским модельером Франсуа Дюре[6]. Светлейшая княгиня Голицына продолжала эту деятельность вплоть до замужества с графом ВП. Клейнмихелем в 1929 году.

Сёстры (княгиня Е.Г. Голицына и светлейшая княгиня М.Г. Голицына) первые годы на новом месте были заняты обустройством жизни своих семей, воспитанием малолетних детей. Они поддерживали благотворительную деятельность колонии, участвовали в акци-

[4] The Russian Red Cross: (To the Editor of the Spectator) // The Spectator. 1920. 17th Jan.

[5] Waco Tribune-Herald. 1929. 6th October. P. 25.

[6] British couture vs Paris couture // Jazz Age Club [Интернет-портал]. URL: http://www.jazzageclub.com/tag/francois-duret/ (дата обращения 25.05.2014).

ях Русского Красного Креста, который искал интересные формы работы с целью привлечения большего числа англичан — потенциальных жертвователей на нужды русской колонии. Например, в начале 1920-х годов в лондонском «Гайд Парк отеле» прошёл «Польский бал», участники которого, русские эмигранты, были одеты в национальные польские костюмы XVII века, исполняли польские танцы — мазурку, полонез. Светлейшая княгиня Голицына участвовала в этом ярком событии, вызвавшем интерес лондонцев. Инициаторами акций часто выступали руководители Красного Креста — граф П.Н. Игнатьев (председатель дореволюционной организации) и Д.А. Зиновьев (уполномоченный зарубежного Красного Креста в Великобритании). Русский Красный Крест устраивал в Челси ежегодные Рождественские базары, благотворительные балы. Каждому базару предшествовала большая работа в течение года: поиски помещения, сбор предметов для торговли, приглашения к участию в базаре. В подготовке базаров принимали участие все члены семей Голицыных и Клейнмихель, включая детей, а позднее и их английские родственники. Посетить благотворительный базар приглашались также высокопоставленные английские друзья Голицыных, их денежные поступления составляли значительную часть выручки. Особой популярностью у англичан пользовался знаменитый Русский буфет с традиционными национальными закусками и горячительными напитками, распитие которых вне ресторанов было запрещено, но власти закрывали глаза на это нарушение на благотворительном базаре. Вырученные средства шли не только на нужды русских в Англии, но и для соотечественников в других странах, например, в Турции, где свирепствовала холера: одним из первых дел Российского Красного Креста за границей стало открытие на пожертвования госпиталя для беженцев в Константинополе. Также финансовая помощь направлялась русским военным в Манчжурии.

В начале 1920-х годов князь В.Э. Голицын снял (в общей сложности на 14 лет) в пригороде Лондона Чессингтоне уютный двухэтажный особняк. У дома была собственная история — в XVIII веке он принадлежал английскому драматургу Самуэлю Криспу, у которого часто гостила и творила романистка Фанни Бёрни. Переезд князей Голицыных в Чессингтон открыл новую страницу в истории дома: он стал одним из центров русской эмиграции в Великобритании, а участие четы Голицыных в различных сторонах жизни соотечественников стало в это время весьма заметным. Уютный дом был распахнут как для старых друзей, так и для появившихся в изгнании. В русском Чессингтоне побывал широкий круг лиц — соотечественники,

иностранцы, жившие в Лондоне, англичане, многих из которых хозяйка дома знала по России (дипломаты, государственные деятели, учёные). По воспоминаниям племянницы княгини Е.Г. Голицыной С.В. Гудман, за столом в Чессингтон-холле редко собиралось менее 20 человек, причём рядом с послом, например, Австрии часто было место самого обыкновенного русского.

Чессингтонский дом был окружён чудесным садом, что особенно радовало родителей трёх малышей. Вероятно, загородный особняк с садом напоминал хозяевам и их гостям оставленные на Родине усадьбы, давал возможность чувствовать себя менее оторванными от своей страны, от привычной среды и образа жизни. Многие эмигранты приезжали к Голицыным в выходной день — отдохнуть на свежем воздухе, пообщаться с соотечественниками, постоловничать. Среди постоянных гостей князей Голицыных были «русские лондонцы» — Чавчавадзе, Ампеновы, Волковы, Стоянчевы, Саблины, Молчановы, Зиновьевы, Семеновы-Тян-Шанские, баронесса С. Буксгевден, С.Д. Евреинова. По воспоминаниям князя Г.В. Голицына: «Почти все русские, жившие в Англии, навещали нас: помнится, у нас постоянно бывали гости. Мы часто виделись с сестрой царя, великой княгиней Ксенией, которой английская королевская семья пожаловала дом. Вокруг нас, как в чеховской пьесе, вращались самые разные люди»[7].

Любил гостить у Голицыных в Чессингтоне вел. кн. Дмитрий Павлович. Князь В.Э. Голицын был крестным отцом его сына Павла (Ильинского), родившегося в Лондоне в 1928 году. Сестра Дмитрия — вел. кн. Мария Павловна также нанесла визит в Чессингтон-холл вместе с греческой принцессой Еленой (вел. кн. Еленой Владимировной) и младшей сестрой Николая II вел. кн. Ольгой Александровной, находившимися в Англии летом 1921 года. У Голицыных в Чессингтон-холле часто бывали Сергей Григорьев — артист балета и администратор Юрий Чавчавадзе, виолончелист Васильчиков, арфистка Евгения Саблина, композитор Владимир Дукельский. Небольшая гостиная дома Голицыных не могла вместить всех желающих услышать Ф.И. Шаляпина, певшего в Чессингтон-холле в один из приездов в Англию, и тогда хозяева распахнули окна в сад, чтобы все приехавшие могли насладиться талантом великого соотечественника. Князь Г.В. Голицын впоследствии делился впечатлениями от концерта Ф.И. Шаляпина: «Навсегда запомнился его облик, величественная фигура, изумительное лицо. Русский колорит, который он сохранил в эмиграции, придавал его голосу осо-

[7] *Florman A.* The Prince's choice // St Petersburg news. 1992. № 6. P. 9.

бую выразительность, красоту и своеобразие»[8]. Гостеприимный дом Голицыных часто посещали миниатюрист-портретист Б.Б. Мейендорф, художник В. Созонов, дававший уроки живописи среднему сыну князя Голицына Георгию, а впоследствии и художник Д. Васильев, живший у Голицыных полтора месяца (пока шла его лондонская выставка). В марте 1926 года в Чессингтон-холле обедала Марина Цветаева, привезённая князем Д.П. Святополк-Мирским. В одном из писем П.П. Сувчинскому из Лондона она отметила «чудный и странный дом» Голицыных. В книге гостей Марина Цветаева оставила автограф — стихотворение «Петру», написанное ею в 1920 году. В нём поэт обличает Петра I как разрушителя патриархальной России, в его реформах она видит истоки большевизма. Княгиня Е.Г. Голицына была внучкой Петра I в шестом колене, и строки, адресованные её великому предку, звучали по-особенному в доме его потомков на чужбине. Выбранное Мариной Цветаевой стихотворение позволяет предположить, что в день её визита в Чессингтоне речь шла о трагической судьбе России.

В доме Голицыных уютно себя чувствовали представители различных политических организаций: младороссы, евразийцы, монархисты. Но, несмотря на удалённость хозяев от политической деятельности, Чессингтон-холл тем не менее стал центром евразийства в Англии потому, что князей Голицыных связывали с представителями этого нового политического движения дружеские и отношения, с матерью одного из основателей евразийства они жили под общей крышей. Князь и княгиня Голицыны хотели, чтобы их сыновья помимо получения английского образования занимались бы по программе русской школы. В качестве домашних учителей в Чессингтон были приглашены отставной полковник, артиллерист В.С. Потехин для преподавания математики и Д.П. Арапова — кузина барона П.Н. Врангеля, обучавшая юных князей французскому и русскому языкам, а также словесности. Оба педагога поселились в доме Голицыных. Во время службы Дарьи Петровны Араповой оба ее сына — Кирилл (впоследствии известный фотограф)[9] и Пётр (видный евразиец), регулярно навещали мать в Чессингтоне, порой оставались у Голицыных на несколько дней. Хозяйка дома с детства была дружна с другим деятелем евразийства — П.Н. Малевским-Малевичем, который в эмиграции с удовольствием гостил у Екатерины Георгиевны в Чессингтон-холле. Вскоре и другие приверженцы нового

[8] *Щеглова Н.* Московские встречи // Голос Родины. 1988. № 10. С. 14.

[9] *Голицына Е.Г., Конюхова Е.В.* Кирилл Арапов — неизвестный русский фотограф // Берега. 2012. Вып. 16. С. 5–11.

политического течения — П.Н. Савицкий и П.П. Сувчинский — стали завсегдатаями гостеприимного дома Голицыных. Здесь они имели возможность не только обсуждать проблемы, идеи, планы, публикации, но и отдохнуть в кругу друзей. В Чессингтоне молодых людей называли «четыре Петра»: все они (Арапов, Савицкий, Сувчинский, Малевский-Малевич) были тёзками. Ещё один участник евразийского движения — В. Расторгуев останавливался в доме Голицыных. По воспоминаниям князя Э.В. Голицына, евразийцы часто ночевали в Чессингтоне. Когда в большом доме не хватало спальных мест для гостей, они устраивались на постеленных на полу коврах. Евразийцы проводили в доме Голицыных свои заседания, отдыхали на природе, играли на гитаре, пели, с удовольствием помогали хозяевам: работали в саду, пилили дрова, встречали на автомобиле прибывавших на железнодорожную станцию гостей.

Княгиня Е.Г. Голицына не только давала им кров в Чессингтон-холле, но и симпатизировала идеям евразийства, состояла в переписке с П.Н. Савицким. Она помогала в привлечении средств английской аристократии для финансирования нового философско-политического движения. Екатерина Георгиевна убедила британского востоковеда, миллионера и филантропа Генри Норманна Сполдинга поддержать соотечественников, передав им колоссальную сумму в 100 тысяч фунтов стерлингов (ныне около 10 млн долларов), которой было более чем достаточно для основания евразийского издательства.

В 1932 году усилиями родных удалось вырвать из советской России старшего брата князя В.Э. Голицына Николая с семьёй. История их освобождения невероятна, т.к. вплоть до отъезда в Англию они находились в ссылке в Перми[10]. Семья князя Н.Э. Голицына несколько месяцев до определения их дальнейшей судьбы жила в Чессингтон-холле. Традиция предоставления крова близким продолжилась и в новом доме Голицыных в Даличе, куда они переехали в 1936 году: гостеприимством друзей в течение года пользовались княжна Т.И. Васильчикова (в замужестве графиня Меттерних), Владимир Михайлович Родзянко (внук председателя последней Думы, впоследствии епископ Сан-Францисский и Западно-Американский Василий) с женой во время обучения в Оксфорде в 1938–1939 годах. В Даличе родился их сын Владимир Родзянко.

В доме Голицыных часто устраивали праздники, например, в 1928 году в Чессингтон-холле состоялся настоящий новогодний маскарад, такой, как это было принято в дореволюционной России. Все гости были в костюмах: здесь можно было встретить пиратов, вос-

[10] *Голицына И.Д., княгиня.* Воспоминания о России (1900–1932). М., 2009.

точного султана, французского маркиза, жгучую испанку и даже Деда Мороза. Веселье, шутки, розыгрыши на празднике били через край. Описание маскарада в стихах сделал В.С. Потехин в книге гостей. Неожиданно лёгкие, весёлые стихи, блестяще передающие праздничную атмосферу, заканчиваются на грустной ноте, раскрывая сокровенную мечту русского человека, проведшего 10 лет на чужбине: «Чтоб под вой родной метели засыпать в своей постели».

Князья Голицыны были активными членами православной общины Лондона, глава семейства был избран старостой прихода. В этом качестве он присутствовал вместе с супругой на торжествах англиканской церкви, создавшей в 1938 году Святилище Богоматери в месте её явления в XI веке в Уолсингеме. В новой церкви была устроена и православная часовня, в которой иерархи Русской зарубежной церкви (архиепископ Камчатский Нестор, архимандриты Нафанаил и Николай Гиббс) провели литургию. Князь В.Э. Голицын в эти дни стал первым не принадлежащим к англиканской церкви почётным попечителем Святилища. Но, несомненно, главным для Голицыных была жизнь православной церкви: они регулярно приезжали в Лондон на службы, жертвовали иконы, деньги, участвовали в благотворительных мероприятиях. Единственная православная церковь в Лондоне находилась далеко от Чессингтон-холла, поэтому они решили в мансарде своего дома организовать небольшую домовую церковь во имя небесного покровителя князя В.Э. Голицына — св. равноап. кн. Владимира. Служить по праздникам в Чессингтон-холл приезжали епископ Лондонский Николай, архиепископ Финляндский Серафим, митрополит Варшавский и Виленский Дионисий, архимандрит Савва, протоиерей Борис Молчанов, архимандрит Николай — преподаватель английского языка Цесаревича Алексея в дореволюционной России, а сослужили им юные князья Голицыны. 30 июня 1929 года у князей Голицыных в Чессингтоне собрались православные иерархи, приехавшие в Лондон на хиротонию архимандрита Николая в епископа Русской православной Церкви за рубежом. Они провели службу в домовой Владимирской церкви и отдохнули у гостеприимных соотечественников. Епископ Николай был наиболее частым гостем в Чессингтоне, он был духовным наставником и учителем детей хозяев дома, особенно близок ему был 10-летний князь Эммануил Голицын. Епископ Николай с гордостью писал в своём годовом отчёте в Сербию об открытии в голицынском доме православной церкви.

Одной из форм общественной жизни эмигрантов было их участие в разнообразных организациях — профессиональных, земляческих, учебных. Князь Владимир Эммануилович Голицын состоял в лондонском отделении благотворительного общества «Кавалергардская

семья», объединявшего сослуживцев одного из прославленных полков Российской армии. Члены этого общества чтили полковые традиции, занимались его историей, оказывали помощь однополчанам, оказавшимся в трудном положении, вырабатывали общую линию по отдельным вопросам политической жизни эмиграции, например, относительно права престолонаследия в Доме Романовых после гибели Николая II. Отдельные заседания кавалергардов в Англии происходили в Чессингтон-холле, но неизменно полковые товарищи собирались у Голицыных 28 июля, в день Смоленской богоматери — в свой полковой праздник. Среди «английских» кавалергардов были Великий князь Андрей Александрович, ротмистр С.С.Воеводский, братья Родзянки — полковник Павел и поручик Сергей Павловичи. Кавалергарды ценили и родственные отношения супруги князя В.Э.Голицына с шефом полка — вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной (Екатерина Георгиевна приходилась ей троюродной племянницей), и порой связь с Императрицей члены объединения «Кавалергардская семья» держали по личным каналам князя В.Э. Голицына[11]. Князь Владимир Эммануилович был активным участником деятельности Русского Красного Креста, и также на протяжении многих лет он возглавлял Комитет Русского общества беженцев в Великобритании, председателями которого впоследствии поочередно были избраны его два сына.

Для достаточно свободного образа жизни, который вела в условиях эмиграции семья Голицыных, необходим был постоянный источник дохода. Первый опыт предпринимательства оказался неудачным: князь и княгиня Голицыны попытались организовать птицеферму в своём чессингтонском доме. К работе привлекались и сыновья, и родственники, и друзья, гостившие у них[12]. Эта затея закончилась провалом, т.к. у новоявленных фермеров-аристократов не было достаточных навыков, и, несмотря на старания хозяев, птицы погибли. Следующий проект князей Голицыных оказался удачным и просуществовал почти 20 лет с перерывом на войну: в 1928 году в Лондоне по адресу Беркли-стрит, 20 «а» (район Мэйфейр) они открыли антикварный магазин,[13] вскоре занявший прочное место в мире

[11] В личном архиве князя В.Э. Голицына хранятся документы, относящиеся к деятельности общества кавалергардов в эмиграции и английского отделения «Кавалергардской семьи».

[12] В семейном архиве князей Голицыных в Лондоне хранятся фотографии, запечатлевшие кузину хозяина дома княгиню А.П. Голицыну за кормлением индюшек, сыновей князя В.Э. Голицына, разбрасывающих зерно курам.

[13] *Конюхова Е.В.* Искусство выживать князя В.Э. Голицына // Нансеновские чтения, 2012. СПб., 2014. С. 287–300.

торговли предметами искусства. Среди покупателей салона была английская Королева Мэри, коллекционеры и лондонские музеи. Супруги вместе занимались новым для них бизнесом: князь Владимир Эммануилович был администратором, княгиня Екатерина Георгиевна — бухгалтером. На протяжении предвоенного десятилетия при салоне существовала небольшая художественная галерея, в которой проходили выставки, большая часть которых представляла творчество художников русской эмиграции. К вернисажам князь В.Э. Голицын выпускал небольшие скромные, но изящные каталоги и пригласительные билеты, его супруга, имевшая знакомых в среде английских искусствоведов и музейных работников, привлекала художественных критиков к написанию в прессе рецензий на выставки. Выставочная деятельность, с одной стороны, поднимала авторитет магазина и привлекала покупателей, с другой стороны — содействовала продвижению русских художников на английском художественном рынке, расширяла представления публики о русском искусстве. В Галерее князя В.Э. Голицына состоялись персональные выставки К. Сомова (1930), Л. Летниковой (1931), вел. кн. Ольги Александровны (1933), В. Созонова (1933), А. Павловой (1935), Д. Васильева (1935). В 1931 году была организована коллективная выставка живописи Русской группы. Кроме выполнения своей непосредственной функции антикварный магазин Голицыных в Лондоне стал одним из центров русской колонии, местом встреч друзей семьи, своеобразным русским клубом. Графиня Т.И. Меттерних (урожд. княжна Васильчикова) вспоминала счастливые собрания соотечественников в магазине князя Голицына, в окружении великолепных предметов искусства, «так похожих на те, что составляли часть естественной обстановки нашей прежней жизни»[14].

Несомненно, душой русской колонии в Англии была княгиня Екатерина Георгиевна Голицына. Многие соотечественники отмечали её бескорыстность, одухотворённость, глубокую религиозность без показной обрядности, умение оставаться в тени, искреннюю заботу о ближнем. П.П. Шиловский вспоминал, что «она пользовалась уважением в британских кругах не меньше, чем в русском обществе. Именно в ответ на её приглашения наши собрания посещали некоторые весьма известные и почитаемые англичане. Её духовные потребности и бескорыстное стремление быть полезной были направлены в первую очередь на оказание помощи членам Русской общины»[15]. Екатерина Георгиевна

[14] *Metternich T., Duchess.* Tatiana. London, 1988. P. 66.

[15] *Shilovsky P.P.* «Here is Imperial Russia» // *Glenny M., Stone N.* The other Russia. London; Boston, 1990. P. 296.

много занималась благотворительной деятельностью, «задавала тон, стараясь сделать лучше для каждого. Она чувствовала ответственность за русскую колонию»[16]. Круг друзей Голицыных в Лондоне был настолько велик, что торжество по случаю 25-летия их свадьбы невозможно было организовать дома — он не мог бы вместить всех желающих. Празднование серебряной свадьбы произошло по просьбе «многочисленных английских друзей» Голицыных в Русском доме Е.В. Саблина в Лондоне 12 февраля 1938 года.

Большим испытанием для семьи Голицыных, как и для всех европейцев, стала Вторая мировая война. Князь В.Э. и княгиня Е.Г. Голицыны были мобилизованы для работы в Цензурном комитете как полиглоты. По свидетельству жены пианиста И. Менухина, они «знали полдюжины иностранных языков»[17]. На фронт ушло младшее поколение Голицыных — сыновья сражались в разных подразделениях британского флота (князь Николай), уэльской гвардии (князь Георгий), авиации (князь Эммануил). Двоюродный брат Голицыных — светл. кн. Дмитрий Голицын также ушёл добровольцем на фронт в 1939 году, сражался во Франции, осенью 1944 года погиб в Голландии. Погиб от несчастного случая на улице военного Лондона и всеми любимый учитель В.С. Потехин. Но первой жертвой войны в семье Голицыных стала княгиня Екатерина Георгиевна. Она была смертельно ранена во время одной из бомбёжек Лондона в октябре 1940 года, когда ехала в трамвае на работу. Гибель княгини Голицыной была большой утратой не только для семьи, скорбели многие, о её трагической смерти написали все английские газеты. Печальная весть вышла за пределы Англии, и русские в оккупированной Европе сопереживали этой потере. Гибель княгини Екатерины Георгиевны Голицыной завершила первую главу жизни Голицыных на чужбине. Жизнь их детей в послевоенной Великобритании, несмотря на их следование семейным традициям, русским обычаям, уже в значительной степени носила черты адаптации: оставаясь по крови русскими, они уже были гражданами Великобритании, и среда неизбежно оказывала на них влияние.

Голицыны в эмиграции поддерживали традиции аристократических домов дореволюционной России. Их стремление следовать привычному было одним из проявлений неприятия новой, советской России — страны, отказавшейся от своего прошлого, своей истории. Как многие эмигранты первой волны, Голицыны видели свою мис-

[16] *Williams M., Lady*. Pride among the packing cases // *Glenny M., Stone N*. The other Russia. London; Boston, 1990. P. 307.

[17] *Menuhin D.* A glimpse of Olympus. N.Y., 1996. P. 163.

сию в сохранении старой России в сердцах и памяти. Дом Голицыных в Англии современники называли «русским гнездом»[18]. Голицыны не были политическими деятелями, идеологами каких-либо движений, историками или публицистами, но они играли заметную роль в жизни русской колонии в Лондоне. Это объясняется в первую очередь их человеческими качествами (открытостью, сердечностью, добротой, терпимостью, готовностью помочь ближнему) и тем образом жизни, который они вели в эмиграции.

[18] *Щеглова Н.* Указ. соч. С. 14.

М.В. Шкаровский
(Санкт-Петербург)

Русско-английские церковные связи в XX веке

Начало развития русско-английских церковных связей относится к царствованию императора Петра Великого. При этом православная община в Лондоне является одним из старейших русских приходов в Европе, так как возникла в первые десятилетия XVIII века. Находясь в 1716 году в Нидерландах, Пётр I пообещал греческому митрополиту построить в Лондоне православный храм, но это обещание осуществить не удалось. Только к весне 1721 года был устроен приписанный к российскому посольству храм Успения Пресвятой Богородицы в Лондоне, который разместился в частном доме, так как законы Великобритании тогда запрещали строить неангликанские церкви. В храме первоначально служили греческие клирики, затем — в 1749–1765 место настоятеля занимал присланный из России протоиерей Стефан Ивановский. Общее число прихожан, в основном российских дипломатов и купцов, составляло около 10 человек.

В XVIII–XIX веках русская церковь постоянно переносилась из одного дома в другой. В 1749 году она находилась в здании на Йорк Билдингс и имела уже около 150 прихожан. В 1756 году церковь переехала на Клиффорд стрит, здесь в 1769–1780 настоятелем храма служил известный ученый протоиерей Андрей Самборский, увлекавшийся агрономией. В 1813 году церковь надолго обосновалась во дворе дома по Вельбекстрит, 32. Ее настоятелем более 50 лет служил протоиерей Иаков Смирнов. До 1832 году русская церковь была в Лондоне единственным православным храмом. Число её прихожан не превышало нескольких десятков, включая греков и сербов[1].

[1] Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005. С. 37–38.

В первой половине 1860-х годов храм расширили пристройкой и придали ему церковный вид. 14 февраля 1866 года новый настоятель протоиерей Евгений Попов освятил обновленную церковь. В 1868 году было разрешено периодически служить литургию на английском языке. Через два года после смерти в 1875 году о. Е. Попова его место занял протоиерей Евгений Смирнов, который более 40 лет оставался настоятелем и перевел на английский язык много богословских книг. В 1881 году он ездил в Петербург с англиканским священником Джорджем Ньюменом, который там перешел в Православие. Когда в 1870-е годы император Александр II высказал пожелание иметь в Лондоне достойную русскую церковь, его, ссылаясь на малочисленность колонии, убедили помочь грекам, которые благодаря этому выстроили и в 1877 году освятили свой большой отдельный храм. В скромной же русской церкви в 1888 году был проведён лишь очередной ремонт. Дважды в этой церкви, 20 июня 1893 и 19 июня 1894, молился император Николай II[2].

С началом Первой мировой войны и ростом российской колонии в Лондоне возник замысел построить целый комплекс: отдельный собор, Русский дом, лицей и Женский педагогический институт. Началась подготовка к осуществлению этого замысла. План должен был также способствовать сближению Православной и Англиканской Церквей, но революционные события в России помешали его осуществлению[3].

В свою очередь, к 1917 году в Санкт-Петербурге были открыты три англиканских церкви. Первая община — Иисуса Христа была создана еще в 1723 году и с тех пор находилась в здании на Английской набережной (в начале XX века она насчитывала около двух тысяч человек и просуществовала до 1919 года). Ещё две британо-американские церкви возникли в 1830-е–1850-е годы. Одна из них находилась на Ново-Исаакиевской улице и была закрыта в 1939 году, а вторая — на Шлиссельбургском проспекте и прекратила существование в 1920-е годы[4].

К началу XX века многие жители Великобритании уже знали о Российской Православной Церкви. Так, англиканский диакон Уильям Пальмер (1811–1879) посвятил свою жизнь знакомству с Православием, написал о нем несколько книг, неоднократно приезжал в

---

[2] Московские ведомости. 1890. № 259; *Мальцев А.П.* Берлинский братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906. С. 202–209.

[3] Русские храмы и обители в Европе. С. 39.

[4] *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 440–441.

Россию, побывал на Святой земле и стремился к Православию, которое, в конце концов, принял. В 1900-е годы между Российской и Англиканской Церквами шли активные переговоры, в которых, в частности, участвовал св. о. Иоанн Кронштадтский.

В Великобритании перед Первой мировой войной существовала «Ассоциация Англиканской и Восточной Церквей», знакомившая англичан с Православием и прилагавшая усилия к соединению Церквей. К началу 1920-х годов, благодаря этим трудам, Константинопольская, Александрийская, Иерусалимская и Кипрская Церкви заявили о признании ими статуса англиканского священства равным православному (в 1936 году к ним присоединилась Румынская Церковь).

Резюмируя специфику отношений, сложившихся к 1920-м годам между англиканами и православными, известный русский историк-эмигрант Н.М. Зернов отмечал три черты: «1) инициатива переговоров исходила от англикан; 2) интерес к христианскому Востоку сохранялся лишь в узком кругу духовенства, принадлежащего к Высокой Церкви и, позднее, к англо-католическому движению; 3) с начала XX века главной заботой со стороны Англиканской Церкви было признание Поместными Православными Церквами англиканского священства»[5].

Послереволюционная российская эмиграция в Великобритании была немногочисленной (около полутора тысяч), и ее основу составили солдаты и офицеры Русского экспедиционного корпуса, воевавшие вместе с англичанами во Франции, а также представители некоторых аристократических родов и богатые предприниматели (Великобритания установила для въезжавших в страну русских эмигрантов высокий имущественный ценз). После смерти протоиерея Евгения Смирнова первым настоятелем в послереволюционный период несколько лет служил о. Иоанн Лелюхин. Так как дом на Вельбекстрит пошел под снос, приход был переведен в большой англиканский храм в Сити, а в 1923 году — в другой, носящий имя ап. Филиппа, в том же центральном районе города. Как и предыдущие русские храмы, эта церковь тоже именовалась Успенской.

В 1927 году после разрыва отношений главы русской Западно-Европейской епархии митрополита Евлогия (Георгиевского) с Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) приход разделился на две примерно равные части, которые первоначально стали поочередно пользоваться храмом в Сити. В дальнейшем лондонская община РПЦЗ во главе с архиепископом

[5] *Зернов Н., Зернова М.* Содружество святого мученика Албания и преподобного Сергия: Исторический очерк // «Соборность»: Сборник избранных статей из журнала содружества «SOBORNOST». М., 1998. С. 13.

Серафимом (Лукьяновым), которую составили в основном аристократы и предприниматели, перешла молиться в домовую Всесвятскую церковь при архиерейском подворье[6].

В 1928 году в Лондон приехал назначенный Архиерейским Синодом настоятелем Успенского прихода РПЦЗ бывший преподаватель Битольской семинарии в Югославии архимандрит Николай (Карпов), на его средства был приобретен небольшой дом, где устроена монашеская обитель с домовой церковью, просуществовавшая до 1955 года. 30 июня 1929 года состоялась хиротония о. Николая во епископа Лондонского, викария Западно-Европейской епархии РПЦЗ. 18 июня 1930 года Владыка написал горячее письмо в Комитет помощи православному духовенству в Лондоне с просьбой оказать материальную помощь русским обителям Афона, ссылаясь на свой личный опыт посещения их[7]. Скончался епископ Николай 11 октября 1932 года в Белграде, куда прибыл для участия в Архиерейском Соборе. Он был похоронен на русском участке Нового кладбища у стены Иверской часовни.

Община РПЦЗ старалась поддерживать хорошие отношения с Англиканской Церковью, однако гораздо больше для развития русско-английских церковных связей сделали сторонники митрополита Евлогия, развернувшие в стране широкую просветительскую деятельность и создавшие Содружество св. Албания[8] и преп. Сергия Радонежского. В 1923 году на конференцию Британского студенческого христианского движения впервые приехали два русских студента богословского факультета Белградского университета. Один из них, Николай Зернов, выступил с инициативой организовать англо-русскую студенческую конференцию с целью познакомить молодежь с церковными традициями Русской Православной и Англиканской Церквей. Первая такая конференция состоялась в январе 1927 года, в ней принимали участие 20 англикан и 12 православных. Англикан очень заинтересовали доклады и беседы приехавших из Парижа протоиерея Сергия Булгакова и С.С. Безобразова (впоследствии епископа Катанского Кассиана). После прошедшей в 1928 году второй конференции было создано Содружество св. Албания и преп. Сергия. Его сопредседателями стали митрополит Евлогий (Георгиевский) и епископ Трурский Уолтер Фрир, вице-председателем — о. Сергий Булгаков, и уже в июне 1928 года вышел первый номер «Журнала святого

[6] *Протоиерей Аркадий Маковецкий.* Белая Церковь: Вдали от атеистического террора. СПб., 2009. С. 105.

[7] Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 94; Д. 190. Док. № 167. Л. 62.

[8] Святой Албаний (IV век) — первомученик Британии.

Албания и преподобного Сергия» («The Journal of St. Albans and St. Sergius»)[9].

Отличительной чертой первого периода истории содружества (1928–1939) были конференции, которые проходили на высоком богословском уровне. Они делились на две части: для студентов и для членов содружества. Местом проведения большинства конференций стал Хай Лей в Ходдесдоне. На эти ежегодные летние съезды собиралось все больше ведущих богословов. Из Парижа приезжали известные русские богословы, философы и церковные историки.

Первоначально основными участниками конференций были русские и английские студенты богословских учебных заведений и молодые священнослужители. Со временем в Хай Лей стали появляться православные из Румынии, Сербии и Греции, а также шведские лютеране и американские епископалы. В это время содружество сотрудничало с фондом помощи Русской Православной Церкви, целью которого было распространение среди английских христиан информации о нуждах и проблемах, с которыми она сталкивалась. Постепенно содружество начало расширять свою деятельность, проникая в церковные приходы, многие активные миряне становились его членами. Одним из плодов русско-английского сотрудничества стали небольшие местные конференции, длившиеся обычно один-два дня и включавшие совершение православной литургии. Эти конференции проходили в разных местах: в Бирмингеме, Шрусбери, Стоук-он-Тренде, Стаффорде, Кембридже, Оксфорде, Лей-он-Си, Винчестере, Лейсестере, Уэйкфилде, Грантаме, Хертфорде, Ньюкее и Лимингтоне[10].

Особое место в деятельности содружества занимал журнал. Первоначально его размножали на роторе, но с декабря 1933 года стали печатать в типографии. В марте 1935 года журнал получил новое название: «Соборность» («Sobornost»). Одной из забот содружества были также поездки русских студентов в Великобританию. Каждое лето 50–60 молодых русских эмигрантов из Парижа проводили свои каникулы в теологических колледжах или в английских семьях, знакомясь с жизнью Англиканской Церкви. Позднее вместе с ними приезжали студенты из Румынии, Сербии и Греции. Содружество устраивало также ответные визиты англикан в летние лагеря Русского студенческого христианского движения (РСХД) на юге Франции и в богословские учебные заведения на Балканах. Помимо этого, члены содружества совершили два паломничества в Румынию и Эстонию.

---

[9] *Хмыров Д.* Спорные вопросы истории РПЦЗ (1920–1945). СПб., 2014. С. 93–94.

[10] Там же. С. 94–95; *Ефимов А.Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007. С. 582–583, 590–593.

Умножение контактов между англиканами и православными привело к осознанию необходимости иметь постоянный центр, который было решено назвать именем святого Василия Великого. Однако финансовые и иные препятствия не позволили в то время осуществить этот план. В 1936 году очередная конференция содружества прошла в Париже. На этом собрании возникло ощущение, что единение англикан и православных достигло своего пика. Митрополит Евлогий пригласил епископа Фрира совершить англиканское богослужение в русском парижском соборе св. кн. Александра Невского. Это был первый случай, когда англиканское богослужение совершалось в православном храме в присутствии русской общины. Оно стало знаком признания русским архиереем англиканского епископа «как своего брата». Конференция 1936 года была организована Парижским отделением содружества, объединявшим большую группу русской православной молодежи. Их вдохновляла вера в то, что восстановление евхаристического общения с Англиканской Церковью является достижимой целью, однако эти надежды не оправдались[11].

Главным вкладом содружества в области церковной реинтеграции являлся евхаристический подход к воссоединению. В 1937 году на конференциях «Жизнь и деятельность» в Оксфорде и «Вера и порядок» в Эдинбурге члены содружества представили меморандум, в котором настаивали на том, что в программу будущих конференций должно быть включено совершение евхаристической литургии представителями различных традиций. Таким образом, каждый мог передать опыт своей Церкви, которая утверждает, что евхаристия является сердцем церковной жизни и что богословие и богослужение внутренне связаны друг с другом. Другим вкладом, который сделало содружество, являлся выпуск большого количества религиозной литературы.

В 1939 году разразилась Вторая мировая война, значительно осложнившая деятельность содружества. Нападение Германии на Польшу поставило под вопрос само его существование, однако «странная война» зимы 1939–1940 годов побудила руководящий комитет попытаться продолжить работу, что увенчалось успехом. Вскоре в содружество начали активно поступать приглашения выступать в англиканских церквах, колледжах и различных общественных организациях. Особенный интерес к России и её Церкви проявляли привилегированные частные школы. Позднее Н.М. Зернов вспоминал, что никогда ранее такого спроса не было. Ежегодно, на протяжении всей войны, проводились лагеря с постоянно растущим числом уча-

[11] *Хмыров Д.* Указ. соч. С. 95–96; *Ефимов А.Б.* Указ. соч. С. 594–595.

стников для изучения Православия и оказания помощи фермерам в период сбора урожая (в Бердене, дважды в Абингдоне, в Оксфорде и в Денстоуне в Стаффордшире). Программа лагеря включала богослужения, богословские дискуссии, выполнение хозяйственных обязанностей и работу в поле[12].

Во время войны в жизни содружества произошли большие изменения. К 1945 году оно имело собственный центр — «Дом святого Василия», домовый храм, оплачиваемых сотрудников и сбалансированный бюджет. Без перерыва выходил журнал «Соборность». Вскоре после окончания войны в ходе визита в Лондон митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) евлогианская община города и Содружество св. Албания и преп. Сергия перешли в юрисдикцию Московского Патриархата, продолжив свою деятельность.

В результате работы содружества несколько тысяч церковных людей встретились друг с другом и познакомились с богословской мыслью и благочестием других христианских традиций. Одним из последствий этой деятельности стало учреждение в 1947 году особого лекционного курса по восточно-православной культуре в Оксфорде. Оксфорд стал первым английским университетом, в учебную программу которого было введено изучение Православия, что позднее восприняли некоторые другие учебные заведения[13].

Активное участие в деятельности Содружества св. Албания и преп. Сергия в 1950-е годы принял бывший насельник русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне о. Василий (Кривошеин), прибывший в Великобританию в феврале 1951 года и поселившийся в Оксфорде. Здесь 21 мая он был рукоположен во иеродиакона и 22 мая 1951 года — во иеромонаха. Отец Василий окормлял православных разных национальностей, проживавших в Оксфорде, и активно продолжал научно-богословскую работу, в частности участвовал в составлении «Греческого святоотеческого словаря» в Оксфордском университете. Главным плодом пребывания о. Василия в Великобритании стала подготовка и издание двух работ: «Братолюбивый нищий. Мистическая автобиография преп. Симеона Нового Богослова (949–1022)» и «Неистовый ревнитель. преп. Симеон Новый Богослов как игумен и духовный наставник»[14]. Иеромонах регулярно выступал с докладами на собрании Оксфордского отделения Содружества мч. Албания и преп. Сергия.

---

[12] *Зернов Н., Зернова М.* Указ. соч. С. 21; *Хмыров Д.* Указ. соч. С. 96.

[13] *Ефимов А.Б.* Указ. соч. С. 593.

[14] *Митрополит Мануил (Лемешевский).* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Т. 2. Эрланген, 1981. С. 86.

25 января 1957 года о. Василий был возведен в сан архимандрита и в марте 1959 года назначен настоятелем православного храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Оксфорде. 14 июня 1959 года состоялась архиерейская хиротония архимандрита во епископа Волоколамского, 31 мая 1960 года Владыка Василий стал епископом Брюссельским и Бельгийским и 21 июля того же года — архиепископом. В 1965 году он был назначен от Русской Церкви членом Межправославной богословской комиссии по диалогу с Англиканской Церковью, в которой состоял несколько лет[15].

4 марта 1959 года вместе со своими духовными детьми переехал в Великобританию из Франции еще один бывший насельник русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне архимандрит Софроний (Сахаров), автор известных книг «Старец Силуан Афонский», «Его жизнь — моя жизнь», «Счастье познания пути», «О жизни в Духе», «Видеть Бога, как Он есть». В том же году он основал в графстве Эссекс монашескую общину, преобразованную в дальнейшем в Иоанно-Предтеченский скит. В скиту было две общины — мужская и женская, общее число насельников постепенно выросло с 7 до 25, обитель стала одним из самых почитаемых православных мест в стране (с 1966 года она находилась в юрисдикции Константинопольского Патриархата). За время жизни в Великобритании старец приобрел мировую известность как выдающийся духовник. Скончался схиархимандрит Софроний в основанном им скиту св. Иоанна Предтечи 11 июля 1993 года в возрасте 96 лет[16].

Когда в 1956 году церковь в Сити была закрыта, ее община, забрав иконостас, перешла в англиканский храм Всех святых (построенный в 1849 году), которым пользуется до сих пор. Благодаря энергичной деятельности талантливого миссионера митрополита Антония (в миру Андрея Борисовича Блюма), долгие годы возглавлявшего образованную в 1962 году в Великобритании Сурожскую епархию Московского Патриархата, к 1970-м годам в этом соборе Успения и Всех святых появился довольно большой (200–300 человек) приход, состоящий главным образом из обращенных в Православие англичан. В 1979 году он приобрел здание в собственность.

К этому времени число членов Содружества мч. Албания и преп. Сергия достигло трех тысяч, действовало 30 филиалов организации. 25 августа 1980 года скончался многолетний руководитель содружества, автор многих богословских и церковно-исторических

[15] *Архиепископ Василий (Кривошеин).* Из переписки с Афоном / Публ. священника Димитрия Агеева // Церковь и время. М., 2007. № 3. С. 239–252; № 4. С. 216–247.

[16] См.: *Иеромонах Софроний.* Старец Силуан Афонский. М., 1996.

книг профессор Н.М. Зернов, передавший пост лектора организации англичанину иеромонаху Каллисту (Уэру), рукоположенному в 1982 году в православного епископа и ставшему знаменитым богословом. Руководя содружеством, он являлся одним из наиболее известных в Великобритании свидетелей о православной вере и Церкви.

Лондонская община РПЦЗ к концу 1950-х годов получила в аренду новое помещение — бывшую церковь шотландских пресвитериан на площади Эмперерзгейт в Кенсингтоне. После переоборудования 4 января 1959 года архиепископ Иоанн (Максимович) освятил ее в честь Успения. Сюда верующие перенесли из прежнего общего храма в Сити богатую утварь и несколько икон. В 1978 году на месте церкви в Кенсингтоне англикане решили построить конторское здание, и общине пришлось вновь перебираться на Всесвятское подворье. В 1990 году она купила дом на Харвард роуд, 57, где в 1993–1994 в пристройке устроили церковь. На этом участке при дороге в аэропорт Хитроу было решено выстроить отдельный храм. 27 ноября 1997 года архиепископ Германский и Великобританский Марк (Арндт) и греческий епископ Каллист (Уэр) заложили небольшой Успенский храм. 16 октября 2003 года была освящена его нижняя церковь в честь Царственных Мучеников. В 2000-е годы на литургию, которая служилась на церковнославянском и английском языках, приходили около 60 человек. Издавался приходской бюллетень на английском и русском языках[17].

Усилиями митрополита Антония (Блюма) и его помощников в Православие перешли тысячи англичан. Началось литургическое использование английского языка, на него были переведены все богослужебные книги и основные творения святых отцов Церкви. Другим важным этапом развития Православия в Великобритании стало введение церковного почитания древних английских святых неразделённой Церкви.

В настоящее время в Великобритании насчитывается свыше 250 тысяч православных разных юрисдикций, но русских среди них около 3%, хотя их число растет благодаря новым эмигрантам. Общее количество православных приходов составляет около 200, при этом большинство бывших «русских» приходов в основном состоят из англичан, принявших Православие. Таким образом, русско-английские церковные связи в XX веке получили невиданное прежде развитие и дали свои зримые и действенные плоды.

[17] Русские храмы и обители в Европе. С. 39–40; Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. 1998. № 2. С. 22–24; 1999. № 6. С. 16–19; 2003. № 6. С. 16–18.

ТЕХНИКА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ

И. Гузевич
(Франция)

Яков Брюс. У истоков европейской научно-технической культуры в России, или британский лорд в Московии[1]

Просветительская деятельность Якова (James Daniel) Брюса, воина, дипломата, инженера и учёного, неотделима от его удивительной личности и от его неординарной карьеры, возможности для которой открывались именно в петровскую эпоху. Однако тот же самый контекст, который способствовал расцвету его многочисленных талантов, содействовал и тому, что его жизнь была окутана мистическим покровом. Коллективная историческая память донесла до нас сложный, размытый, двойственный образ Брюса: с одной стороны — реального человека, умного и деятельного, который преданно и достойно служил делу реформ, с другой — персонажа легендарного, загадочного, почти спектрального, которого потомки именовали то колдуном и чернокнижником, то некромантом, то астрологом, либо,

[1] Текст о Брюсе входил в главу о петровских переводчиках диссертации о роли переноса знания в становлении российского государства, защищённой автором в Париже в 2001 г. (*Gouzévitch I.* Le transfert du savoir technique et scientifique et la construction de l'Etat russe: fin du XVe — début du XIXe siècles: Thèse de doct. en hist. des techn. / Dir. A. Guillerme; Université de Paris VIII. 2 t. Paris, 3.04.2001. F. 282–287). На русском текст не публиковался.

как А.С. Пушкин — «русским Фаустом»[2]. А сколько самых фантасмагорических историй связано с его именем[3]! Брюсу приписывали власть над жизнью и смертью, знание секрета живой воды, умение оживлять гомункулусов собственного изготовления и прозревать будущее... Насыщенная столь удивительными подробностями, его фольклорная слава едва ли не затмила таковую же славу самого царя. Хотя список работ о Брюсе достигает сотен наименований[4] и в последнее десятилетие он пополнился множеством книг, вплоть до многотомных изданий, это все либо публикации документов[5], т.е. работы базового характера, либо полухудожественные и популярные тексты, хотя и достаточно основательные[6]. Однако аналитической академической биографии Брюса до сих пор не написано.

Данная статья отнюдь не претендует на восполнение этого пробела. «Колдун» из Сухаревой башни, чьи ночные бдения при свечах так пугали москвичей в 1720-х годах, будет интересовать нас здесь как один из главных российских агентов переноса европейского научно-технического знания петровской эпохи. Чтобы увидеть и понять эту роль через призму «легенды Брюса», попытаемся совместить два его образа — динамичного государственного деятеля нового времени и ученого-отшельника средневекового толка.

Пытаясь осмыслить деятельность этого обрусевшего шотландца во всем ее многообразии, невольно приходишь к мысли, что проще сказать, чем он не занимался, чем перечислять все, к чему он был причастен. Подобная характеристика, впрочем, применима ко всему поколению петровских реформаторов. Стремительное восхождение

---

[2] *Пушкин А.С.* Арап Петра Великого // *Он же.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 22.

[3] Вот лишь некоторые публикации легенд о Брюсе: *Чистяков М.Б.* Народное предание о Брюсе: из воспоминаний моего товарища // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 167–171; *Хлебников Л.М.* «Русский Фауст» // Вопр. ист. 1965, дек. № 12. С. 195–200; *Лукаш И.* Рассказы: Граф Брюс, Людовик в Митаве // Новый Журнал (Н.-Й.). Кн. 190–191. 1993. С. 158–170; *Синдаловский Н.А.* Мифология Петербурга: Очерки. СПб.: Норинт, 2000. С. 240; *Сытин П.В.* Сухарева башня: 1692–1926: Народные легенды о башне, её история, реставрация и современное состояние. М.: Отечество-Крайтур, 1993. 40 с. См. также: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1: Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия. С. 289–290.

[4] Обширная библиография о Брюсе собрана в: *Gouzévitch I.* Op. cit. T. 2. F. 835–836 et al.

[5] Например: Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса / ВИМАИВиВС. Т. 1–4. СПб.: Щёлково: Б-ка журнала «Щёлково», 2004–2008.

[6] Как две отличающиеся друг от друга, но имеюще одно название книги А.Н. Филимона **(***Филимон А.Н.* Яков Брюс. М.: Чистые воды, 2003. 459 с.; *Он же.* Яков Брюс. М.: Мол. Гв., 2013. 379 с. (ЖЗЛ)**)**.

Брюса к вершинам властной пирамиды, каким бы впечатляющим оно ни казалось, также находилось вполне в русле государственных карьер, на которые была столь щедра петровская эпоха.

Представитель «московских иноземцев» во втором поколении и уроженец старой столицы[7] (деталь весьма важная для понимания «феномена Брюса»!), он был другом юности царя и участником всех военных кампаний этого бурного царствования. Начальное образование Брюс получил в лоне своей семьи, а затем пополнил и углубил его в Европе, сначала как участник Великого посольства, потом как петровский пенсионер. Деля свои труды между военной, управленческой, преподавательской и организационной деятельностью, Брюс достиг ключевых постов (причем в нескольких областях одновременно) в высшей государственной администрациии. Он был генерал-фельдцейхмейстером, т.е. главой российской артиллерии (с 1704 как правивший должность, а в 1711 был в ней утверждён) и генерал-директором над фортификациями (1720), президентом Берг-Мануфактур-коллегии (1717) и добился отделения первой от второй (1719), директором Монетного двора (1720), получил звание сенатора (1717) и графский титул (1721), был возведён в ранг генерал-фельдмаршала (1726). Примечательно, что, имея высшие чины в военной иерархии, Брюс отклонил другое почетное предложение — чин действительного тайного советника, второй после канцлера высший гражданский чин по Табели о рангах. Подобное решение было довольно редким, чтобы не сказать исключительным, в эпоху, когда новая государственная элита рвалась к чинам и титулам, дающим знатность, почести и богатства, и которое Брюс объяснял соображениями этического порядка — невозможностью для протестанта участвовать в православных теологических дебатах, которые якобы были неотъемлемой частью дипломатических функций, присущих новому чину. Замечательная эрудиция и личная преданность царю и реформам обеспечили Брюсу при жизни монарха почти безграничные милости. А чутье придворного и личное достоиство позволили ему, при двух следующих царствованиях, избежать опалы и ссылки, которым подверглись многие другие сподвижники Петра. Он добровольно ушел в отставку, отказался от борьбы за власть и влияние, удалился от трона вскоре после смерти Петра и спокойно умер в своём подмосковном имении одиннадцать лет спустя, в возрасте 65 лет.

Взглянем теперь на тот же самый жизненный путь с точки зрения его оригинальности, которая ставит этого деятеля в особое положение среди петровских реформаторов.

[7] А. Филимон показывает, что родиться он мог и в Смоленске, но, в любом случае, с самого раннего детства жил в Москве (*Филимон А.Н.* Яков Брюс (2013). С. 35).

И тогда скромный выходец из Немецкой слободы оказывается прапра-правнуком седьмого барона Клэкманнана и побочным отпрыском одного из старейших аристократических родов Шотландии, который в XIV веке дал этой стране двух славных королей — Роберта I (1274–1329) и Дэвида II (1329–1371) Брюсов, Ирландии — короля Эдуарда Брюса (ок. 1276–1318, король 1316–1318), а по женской линии положил начало британской королевской династии Стюартов. Яков Брюс был прямым потомком ирландского короля, через его незаконнорожденного сына Томаса Брюса, родоначальника баронов де Клакмэннанов[8]. По древности этот род вполне мог соперничать с московскими потомками Рюрика (они берут начало из Нормандии и в Англию въехали вместе с Вильгельмом I Завоевателем в 1066 году) и уж конечно был намного древнее рода Романовых. Сын британского эмигранта, Брюс родился и вырос в евро-космополитической среде московской Немецкой слободы, с её высокообразованными протестантскими и католическими проповедниками, богатейшими книжными собраниями и коллекциями произведений искусства, многоязыкой замкнутой культурой. Он присоединился к Великому посольству в тот момент, когда два десятка его членов во главе с «десятником» Петром Михайловым собирались в Англию, и там, благодаря знанию иностранных языков и интересу к математике, астрономии и естественным наукам, сделался незаменимым спутником царя во всех визитах, направляя его научные интересы. Благодаря исследованию Валентина Босса[9] пребывание Брюса в Англии, где он задержался на несколько месяцев после отъезда Великого посольства, приобретает значимость ключевого момента в истории циркуляции научных идей между Западной Европой и Россией. Углубленное изучение математики и навигации, приобретение измерительных инструментов и книг по кораблевождению и кораблестроению, поиск хороших математиков для найма на русскую службу, — таковы были его основные функции, которым Петр I придавал, по всей видимости, очень большое значение. Ибо помимо довольно существенных сумм на пребывание и обучение, Брюс получил право приобрести небольшую кипарисовую яхту, купленную у «Ивана Колсуна», англичанина, обучавшего его математике[10]. Определив, что речь идёт о

[8] Династия Стюартов берёт начало с брака дочери короля Роберта I с шотландским бароном Стюартом, сын которых, Роберт II Стюарт, унаследовал шотландский трон. О генеалогии Я. Брюса, см.: *Синдеев Б.И.* Родословная Я.В. Брюса // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 215–223.

[9] *Boss V.* Newton and Russia: The early influence, 1698–1796. Cambridge (Mass.): Harward University Press, 1972. XVIII, 309 p.

[10] *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. Т. 2. М.: ОГИЗ-Соцегиз, 1941. С. 377; *Boss V.* Op. cit. C. 29. Щедрость Петра в отношении обучения

Джоне Колсоне (1680–1730), младшем из двух лондонских математиков, известных под этим именем, ученике и друге Ньютона и Фламстида, Босс таким образом выявил те каналы, по которым ньютоновские идеи проникли в Россию за четверть века до создания Академии наук, положившей их в основу своих подходов[11]. Решающую посредническую роль в этом процессе сыграл Яков Брюс, получивший необходимые знания непосредственно из первоисточника, в научных кругах Ньютона, Фламстида, Галлея, Кольсона, Хиллза и других ученых, которые он посещал в 1698 году.

Английский опыт Брюса оказал решающее влияние на формирование его интеллекта и, в более широком смысле, самой его личности. Он также стал определяющим для всех его просветительских инициатив. Похоже, Брюс сознательно стремился приноровить этот опыт к специфическим условиям Московии, где Леонтий Магницкий ещё не опубликовал свою «Арифметику»[12]. Будучи первым русским ньютонианцем, он вряд ли нашел в своем окружении собеседников, способных разделить его научные интересы, недоступные для массы его современников, за исключением, быть может, царя, чья природная любознательность позволяла ему понять если не суть ньютоновский теорий, то по крайней мере их право на существование и их значимость для астрономии[13]. Анализ издательской, образовательной и просветительской деятельности Брюса свидетельствует о сознательном и последовательно осуществляемом проекте по подготовке нового поколения специалистов, открытых к восприятию европейского научного знания.

Первым этапом на этом пути была Навигацкая школа, созданная им совместно с А. Виниусом в Москве и официально открытая в 1701 году, но задуманная, похоже, еще во время пребывания в Англии. Гипотеза Босса о том, что создатели русского учебного заведения взяли за образец Королевскую математическую школу Христова госпиталя в Лондоне (Royal Mathematical School of Christ's Hospital de Londres, 1673), готовившую технических специалистов для английского флота, кажется тем более обоснованной, что в 1698 году, в ходе

Брюса подчёркнута следующим сравнением Босса: сумма в 48 гиней, полученная Колсоном за обучение и проживание Брюса в его доме в течение 1698 года почти равнялась сумме, отводимой Фламстиду на годовой бюджет Гринвичской обсерватории (*Boss V.* Op. cit. C. 31).

[11] *Boss V.* Op. cit. По поводу ньютоновский доктрин в Академии наук, см.: Невская Н.И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л.: Наука, 1984. 240 с.

[12] *Магницкий Л.* АрїѲметїка, сирѣч' наука числителнА. Съ разныхъ диалектωвъ на славенскїй языкъ преведенА, и во едино собрана. [М., 1703]. 18, 307 л.

Великого посольства, двое учеников последней — молодые математики Стефен Гвинн (Stephen Gwyn(ne) и Ричард Грайс (Richard Grice) — были наняты на коронную службу в помощь нанятому тогда же абердинскому профессору астрономии Генри Фарварсону, назначенному преподавателем в Навигацкую школу[14]. Печатная и гравировальная мастерская Василия Киприянова, открытая при Навигацкой школе в 1704 году, стала, под руководством Брюса, настоящим издательским центром, где его коллеги шотландские и русские преподаватели могли на практике осуществлять свои дидактические проекты.

В отличие от Ильи Копиевского, просветителя-одиночки, полностью сосредоточившегося на своем иллюзорном издательском проекте, Брюс подводил под свои инициативы солидную материальную основу, используя для этого те мощные и разнообразные средства, которыми располагал как руководитель главных военно-технических ведомств страны. Хронология его переводов, осуществленных между 1703 и 1723 годами, позволяет выявить строгую логику в последовательности выбираемых тем.

Труды, готовившиеся в течение первых шести лет, посвящены различным областям элементарной математики (логарифмы и тригонометрия[15]; геометрия[16]). Затем в течение четырёх лет следуют труды по фортификации (1708–1709)[17] и артиллерии (1709–

---

[13] По свидетельству Перри, «Его Величество приказал привезти в страну свою весьма хорошие телескопы, равно как и все другие полезные инструменты и книги <...> всегда сам с величайшею любознательностью наблюдает все случающиеся солнечные затмения, рассуждая с господами своими и окружающими его людьми об естественной причине этого явления, а также и о движении других небесных светил, вращающихся в солнечной системе согласно тому, что неоспоримо доказал современному миру великий Сэр Исаак Ньютон» (*Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе / Пер. с англ. О.М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871. С. 136–137. (ЧОИДР. 1871. Кн. 1)).

[14] Интересно отметить тесную связь, существовавшую между Лондонской школой и Гринвической обсерваторией, которая должна была быть известна Брюсу. Как директор Обсерватории, Джон Фламстид был обязан ежегодно готовить в своём учреждении двух учеников, заканчивавших обучение в Королевской математической школе Христова госпиталя (*Boss V.* Op. cit. P. 79).

[15] Таблицы, логаріѲмωвъ, и сінусωвъ, тангенсωвъ, сѣкансωвъ: Къ наученїю мудролюбивыхъ тщателей... [М., 1703]. 141 л.; Таблицы Синусовъ, Тангенсовъ и Сѣкансовъ, и Логарифма Синусовъ и Тангенсовъ ... [М., 1716]. 141 л.

[16] геометрїа славенскі sемлемѣріе Iздадеся новотипографскімъ ... [М., 1708]. 233, [10] с., 122 л. ил.; [Геометрическая книга]. [М., 1708]. 255 (?) с., [87] грав.; о превращенїі фігуръ плоскіхъ во иныя такова же содержанія. [М., 1708]. 22 с., 11 л. ил.; Пріемы ціркуля і лінеікі илі iзбранн ішое начало Во математїческїхъ їскуствахъ... [М., 1709]. 353, [12] с.; То же. [СПб., 1725]. 353, [11] с.

[17] *Кугорн М.* новое крепостное строеніе на мокромъ илі hiskомъ горisонтѣ... [М., 1709]. 10, 168 с., 14 л. ил.; То же. [М., 1710]. 10, 168 с., 14 л. ил.

1711)[18]. В 1709 году делается попытка перевести трактат по механике (Штурм), но она проваливается из-за терминологических проблем. Затем наступает время работ, посвящённых географии, геодезии и навигации[19].

Если рассматривать эти труды совокупно и в контексте, то не остается сомнений — речь идёт об образовательной программе для военно-технических специалистов самого широкого спектра: военных инженеров, артиллеристов, квартирмейстеров, — представителей всех тех родов войск, над которыми начальствовал Брюс.

Однако, помимо технических, были у Брюса и переводы другого рода: например, словари и грамматика голландского языка (кстати, наиболее важного для технических специалистов петровской эпохи)[20], педагогический трактат, посвященный нормам поведения молодых людей, вне зависимости от их профессиональной принадлежности[21]. Наконец, нельзя не упомянуть *Космотеорос (Cosmotheoros)* Гюйгенса[22] (Брюс его если и не полностью переводил, то редактировал, исправлял и улучшал) — труд, который совместно с другими работами по картографии и геодезии позволил сделать первый шаг к большой науке. Все эти работы общекультурного характера, осуществлённые с 1717 по 1724 год, то есть в течение последнего периода жизни царя, свидетельствуют о глобальных подвижках в государственной издательской политике.

Что же касается просветительской программы Брюса, её можно резюмировать следующим образом: подготовка специалистов широкого профиля во всем спектре военно-технических профессий, способных к восприятию и пониманию научных теорий. Иначе говоря, повторение пути, проделанного самим Брюсом.

---

[18] разсужденїе о метанїи бомбовъ истрѣлянїи испушекъ. [М., 1708]. [21] л. Гравюр; *Браун Е.* нов йшее основаніе і практіка артілеріи ... [М., 1709]. 196 с., 23 л. ил.; *То же.* [М., 1710]. 196 с., 23 л. ил.; *Бухнер И.З.* Ученіе и практіка артілеріи или внятное опісаніе. въ нынешнемъ времяни употребляющіяся артілеріи... [М., 1711]. [14], 278 с., 46 л. ил.

[19] Земноводнаго круга краткое описаніе. изъ старыя и новыя географіи По вопросамъ и отвѣтам Чрезъ Ягана Гибнера Собраное... [М., 1719]. 426 с., 6 л. ил.; таблицы, горизонталныѦ северныѦ и южныѦ широты босхождені солнца со изъѦвленіемъ... [М., 1723]. 83, 19, 146, 63, 8 с.

[20] [Книга лексикон или Собрание речей по Алфавиту с Российского на Голландский язык...]. [СПб., 1717]. 270 с.; [Лексикон голландско-русский]. [СПб., 1717]. 248 с.; *Севел В.* віліма сѣвела искусство недерландского языка. [СПб., 1717]. 194, 270, 249–715 с.

[21] Юности честное зерцало или показанїе къ жїтеїскому обхожденію. Собранное отъ разныхъ Авторовъ... [СПб., февраль 1717]. 29, 88 с.; То же. [СПб., июль 1717]. 29, 88 с.; То же. [СПб., 1719]. 29, 88 с.; То же. [М., 1723]. 29, 88 с.

[22] Кніга мірозрѣнія, или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ, и ихъ украшенїяхъ... [СПб., 1717]. 267 с., 5 л. ил.; То же. [СПб., 1724]. 8, 267 с., 5 л. ил.

В отличие от проекта классического образования, который в ту эпоху не пережил своих инициаторов (И.Э. Глюка, И.В. Паузе, И. Копиевского), проект технического образования, запущенный Брюсом, укоренился при его жизни, воплотившись в серию технических школ, доказавших свою жизнеспособность. Что же до него самого, то ему в последние годы жизни удался другой беспрецендентный опыт, на который на сей раз он отважился в одиночку, открыв себе тем самым путь в легенду.

Напомним, что в 1726 году, Брюс, оставив все свои посты, покинул Петербург, новый город, бывший свидетелем его могущества и славы. Он вернулся в патриархальную Москву, приобрёл имение в Глинках и зажил там отшельником, деля свою жизнь между деревней и Сухаревой башней, в которой размещалась Навигацкая школа. Впрочем, шотландец оборудовал и у себя, в Глинках, обсерваторию, оснащенную инструментами, по-видимому, привезенными им из Петербурга[23].

В верхнем этаже Сухаревой башни, где учёный регулярно проводил бессонные ночи, помимо обсерватории, располагались учебные лаборатории школы, которые ее бывший директор отныне использовал для проведения своих собственных опытов, проверки наблюдений и расчётов. Об этих одиноких трудах известно очень мало. Пять писем, направленных Брюсом между 1726 и 1731 годами Иоганну-Георгу Лейтману, профессору механики и оптики Петербургской Академии наук, проливают некоторый свет на его тогдашние научные занятия. Помимо астрономических наблюдений, он интересовался проблемами практической оптики, изыскивал точные методы определения удельного веса металлов и способы их очистки. Последние исследования были, скорее всего, инспирированы проблемами, с которыми он сталкивался сначала на Лондонском монетном дворе (которым тогда управлял Ньютон), а затем на Монетном дворе в Петербурге (которым руководил он сам, а затем его ученик В.Н. Татищев). Удельные веса золота, серебра и меди, установленные Брюсом, были довольно близки к современным значениям. Другим его любимым занятием было изготовление научных инструментов. Сделанное им в 1733 году вогнутое зеркало для отражающего телескопа и две подзорные трубы, ныне хранящиеся в Эрмитаже, вполне сопоставимы по своим качествам с лучшими образцами инструментов того времени. Переписка, которую вёл Брюс с Леонардом Эйлером в 1732–1733 годах, свидетельствует об интересе, который до конца своих дней он питал к математике (аналитическая геометрия) и тех-

[23] *Синдеев В.В., Ерофеева А.Ф.* Яков Вилимович Брюс: Материалы к биографии // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук: 1990. СПб.: БАН, 1994. С. 221–222.

ническим наукам, которые тогда рассматривались как приложения математики (баллистика)[24].

Портрет Брюса не будет полным без упоминания его библиотеки и научных коллекций, насчитывавших несколько сотен раритетов (измерительные инструменты, карты, рисунки, монеты), которые владелец завещал Академии наук.

Парадоксальным образом, если не считать нескольких рукописей, отдельных предметов и разрозненных писем, Брюс не оставил никакого научного наследия. Инициатор исследовательской деятельности в стране и прямой предтеча Академии наук, он не вошёл в состав её членов и поддерживал с ней лишь эпизодические контакты. От его учёных занятий, столь необычных в московском контексте, остались только смутные легенды, лишь образ некроманта и чернокнижника, имеющего магическую власть над людьми и вещами, ночного привидения, пугающего воображение обитателей старой столицы. Где разгадка этого явления?

Позволю себе высказать предположение. Поведение Брюса в течение последних одиннадцати лет его жизни удивительно напоминает поведение энциклопедически образованного, финансово и интеллектуально независимого британского аристократа, который позволяет себе роскошь на досуге заниматься науками для собственного удовольствия. Слишком энциклопедичного, чтобы оставить заметный след в какой-то одной конкретной области. Слишком независимого, чтобы примкнуть к какой-либо ассоциации. Не напоминает ли этот образ тех британских ученых, которых Бернал назвал «виртуозами 17-го века», столь отличных от своих академических собратьев? Образ, который в Московии начала XVIII века, слишком отдаленной от референтных европейских моделей, еще не могли адекватно интерпретировать? Перед нами — человек с менталитетом британского лорда, который может спокойно отказаться от всех постов, поняв, что его время прошло, и заняться удовлетворением собственного любопытства. О том, что сам Брюс осознавал эту связь, говорит выбор символики на его графском гербе: щит, поддерживаемый двумя геральдическими фигурами Британского королевства — львом и единорогом, символизирующими Англию и Шотландию, а сверху — гордый девиз шотландских предков «Fuimus» — «Мы были».

---

[24] По поводу зеркала для телескопа, см.: *Boss V.* Op. cit. P. 73–77. О научных работах Брюса, см.: *Синдеев В.В., Ерофеева А.Ф.* Указ. соч. С. 222–223. О переписке Брюса с Эйлером см.: *Копелевич Ю.Х.* Переписка Л. Эйлера и Я.В. Брюса / Математич. примеч. Б.М. Русанова // Историко-математич. исследования. Вып. 10. 1957. С. 95–116; Леонард Эйлер: Переписка: Аннотированный указатель. Л.: Наука, 1967. С. 51–52.

Д. Гузевич, И. Гузевич (Франция),
Г.Б. Ястребинский (Санкт-Петербург)

Блеер, Зенгер, Нартов, Модсли, или «О бедном суппорте замолвите слово»[1]

Утверждения о «суппорте Нартова» и о паровой машине Ползунова, которой пытались приписать свойства универсального двигателя, были среди тех китов, на которых базировалась советская послевоенная история техники, борьба за русский приоритет и за прекращение «низкопоклонства перед Западом». Причина крайне простая: и механический суппорт, позволивший «машинами изготовлять машины», и паровая машина, ставшая универсальным двигателем, явились краеугольными камнями промышленной революции. И если бы удалось доказать их русское происхождение, встал бы вопрос пересмотра всей технической и промышленной истории XVIII века. Объём литературы по этим темам — как публикаций документов, так и аналитических, а также публицистических и художественных работ насчитывает несколько сотен наименований. Этого материала вполне достаточно для анализа ситуации. О «мифе Ползунова» и о реальном месте построенной им паровой машины в общей истории теплотехники мы уже неоднократно писали[2], поэтому перейдём ко второму объекту.

[1] Кратко о «суппорте Нартова» мы уже писали: *Гузевич Д., Гузевич И.* Кто изобретатель «нартовского суппорта»? // Труды ГЭ. Т. 70: Петровское время в лицах–2013. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 115–120. Благодарим С.О. Андросова, Э. Вагеманса, Г.В. Вилинбахова и М.П. Лепехина за консультации и помощь в получении материалов.

[2] *Гузевич Д., Гузевич И.* «Grand tour» и появление паровой машины в России и в Испании в XVIII в.: сравнительный анализ // ВИЕТ. 2009. № 3. С. 72–108; *Гузевич Д.* Холостой ход машины Ползунова // Телеграф «Вокруг Света». 28.06.2008. http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/technics/669/; Гузевич Д. [Рец.]: Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской компаративистики = Russia and

ТОКАРНЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Для начала несколько слов о самой Токарне. Обычно её оба подразделения — и московское, и петербургское — связываются с именем личного токаря Петра — Андрея Нартова (28.3/7.4.1693[3] — 16/27.4.1756). Даже название закрепилось: «Нартовские станки». При этом забывают ещё, как минимум, трёх высококвалифицированных механиков: немца или голландца Иоганна (Егана) Блеера (Блюер;

Britain in the Enlightenment: An Attampt in Philosophical and Cultural Comparativistics / Отв. ред. Т.А. Артемьева, М.И. Микешин. Ч. 1–2. СПб.: С.-Петерб. Центр истории идей, 2002. <...> // ВИЕТ. 2004. № 1. С. 170–177.

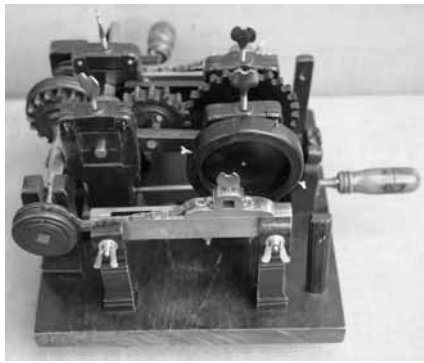
[3] Долго считалось, что он родился 7/17 апреля 1680 г. (хотя иногда встречаются также указания на 1683 и 1694). Дата восходит к позднейшей намогильной плите и «Петербургскому некрополю» (Т. 3. СПб., 1912. С. 210–211). В результате в 1950 г. широко праздновалось 270-летие А.К. Нартова, а в 1955 г. — его 275-летие: *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Очерки по истории станкостроения СССР. М.: ГНТИ машиностроит. лит-ры, 1957. С. 30; *Ачеркан Н.С.* Расчёт и конструирование металлорежущих станков. 2-е изд. М.: Машгиз, 1954. С. 14; *Болотин Д.* Выдающийся русский механик-изобретатель: К 270-летию со дня рождения А.К. Нартова // Красная звезда. 1950, 7.04. № 83. С. 2; *Корзинкин П.* Выдающийся русский инженер А.К. Нартов: К 270-летию со дня рождения // Красный флот. 1950, 6.04. № 82. С. 2; *Мелуа А.И.* Инженеры Санкт-Петербурга: [Энциклопедия]. СПб.; М.: Изд-во Междунар. фонда ист. науки, 1996. С. 414; *Мельников В.Н., Шехтер М.Е.* «28 марта (7 апреля) 1680...»: [А.К. Нартов: К 275-летию рождения] // Вестник машиностроения. 1955. № 4. С. 85–86; Нартов, Андрей Константинович / В. Р-въ // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1897. Т. 20а. С. 599; То же / *Е. Лихач* // Русский биографич. словарь. Т.: Наake-Накенский — Николай Николаевич Старший. СПб.: Изд-е ИРИО, 1914. С. 70; То же / М.Б. Плюханов // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 326–327; То же // Биографич. словарь деятелей естествознания и техники. Т. 2. М.: БСЭ, 1959. С. 61; То же // БСЭ-2. Т. 29. М.: БСЭ, 1954. С. 178–179; То же // МСЭ-3. Т. 6. М.: БСЭ, 1959. Стб. 440; Николаев Д.С. «7 апреля 1680 г. ...»: [А.К. Нартов: К 270-летию рождения: Памятные даты] // Вестник машиностроения. 1950. № 4. С. 65; *Ржонсоницкий Б.Н.* Андрей Константинович Нартов (1680–1756): Памятка читателю. Л.: ГПБ, 1955. С. 3; *Сафонов В.* Нартов — токарный мастер // Мастера крепостной России. М.: Мол. гв., 1938. С. 18; Талантливый русский механик: К 270-летию со дня рождения А.К. Нартова // Ленинградская правда. 1950, 6.04. № 82. С. 2; *Ченакал В.Л.* Русские приборостроители первой половины XVIII века. Л.: Ленгазжуркнигоиздат, 1953. С. 252; см. также: *Млынек А.* Птенец гнезда Петрова // Новый мир. 1960. № 10. С. 272. Вопрос с годами и датами, в т.ч. и датой смерти, впервые решил Данилевский (*Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов: 1693–1756 // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Т. 3. М.: Наука, 1965. С. 38; *Он же.* Нартов. М.: Мол. гв., 1960. С. 10–11. (ЖЗЛ. Вып. 2 (292); *Он же.* Нартов и «Ясное зрелище машин». М.; Л.: Машгиз, 1958. С. 37–39).

Блюхер; Blüher; 16??–1712)[4], немецкого механика Франца Зенгера (Франческо Готфрид Зингер; Senger; 16??–1722), ранее работавшего у тосканского герцога, и англичанина Георга Занепенса (Zanepens; он же — Юрий Курносый; 16??–1720). Все трое — прямые учителя Нартова; два первых — руководители токарен: Блеер — московской, Зенгер — петербургской. Среди «нартовских» станков имеются станки всех троих, а также сделанные ими совместно с Нартовым (в двух случаях тот заканчивал изготовление станков, начатых ими, но незавершённых из-за смерти каждого из них).

Их имена едва ли не впервые громко прозвучали лишь в 1993 году на выставке в Эрмитаже «*Teatrum Machinarum, или три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге*», подготовленной к 300-летию Нартова, и только после этого стали более широко встречаться в литературе[5]. Есть целая группа работ о токарне и Нартове, где либо

[4] *Данилевский В.В.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 41; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858. С. LV–LVI. Имя Блеера (Blüher) в отечественной историографии на латинице ошибочно пишут как «Blübero» (Бриткин А.С., Видонов С.С. Выдающийся машиностроитель XVIII в. А.К. Нартов. М.: ГНТИ Машиностроит. лит-ры, 1950. С. 19; Основателю Петербурга: Каталог выставки [в ГЭ (С.-Петербург, 31 мая–31 августа 2003)]. СПб.: Славия, 2003. С. 376; *Yastrebinsky G.* Peter the Great's Turnery // Peter the Great, an Inspired Tsar: [Catalogue for the exhibition, from 9 March to 13 Septembre 2013, organised by the State Hermitage Museum in St Petersburg and the Hermitage Amsterdam]. [Amsterdam: Museumshop Hermitage Amsterdam], 2013. P. 229). Первая ошибка восходит к написанию буквы «h» курсивом в шрифте XVIII в., где она очень близка к «b». А вторая — «o» на конце: это окончание падежа аблятив в латинском языке (объединяет творительный и предложный); в именительном отсутствует. Обе — результат безграмотного переписывания Бриткиным и Видоновым из книги: Mus(s)ei imperialis Petropolitani. Vol. II, pars I. Petropolitana: Typis Academiae scientiarum, 1741. P. 59. Остальные брали у них и друг у друга в т.ч. эта ошибка из каталога «Основателю Петербурга...» проникла и в работу одного из авторов настоящей статьи (*Yastrebinsky G.* Op. cit. P. 229).

[5] *Андросов С.О.* Новые материалы о токарном мастере Зингере // К истории искусства, науки и техники Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: Тез. докл. конф., посв. 300-летию со дня рождения А.К. Нартова (1693–1756): 31 марта–2 апреля 1993 г. СПб.: СПНЦ РАН; ГЭ, 1993. С. 32–33; *Он же.* Франц Зенгер в России // Проблемы развития зарубежного искусства: Сб. науч. тр. СПб.: СПбГАИЖСА, 1996. С. 31–32; Он же. Франц Зенгер в России: 1712–1722 // Краеведческие записки: Исследования и материалы / ГМИ СПб. Вып. 4. СПб.: Пилигрим, 1996. С. 37–45 (Переизд.: То же // *Андросов С.О.* От Петра I к Екатерине II: Люди, статуи, картины. СПб.: Дм. Буланин, 2013. С. 159–165); *Борисов В.П.* Токарные художества Петра Великого // Природа. 2004. № 7. С. 93–96. (Версия в Интернете: http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NATURE/07_04/PIERRE.HTM); Teatrum Machinarum, или три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге: К 300-летию со дня рождения Андрея Константиновича Нартова: Каталог. СПб.: Галерея «Петрополь», 1993. 287 с.; Токарное дело и резьба по кости / *И.Н. Уханов* // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1, кн. 2. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2001. С. 391–392.

Иоганн Блеер. Станок токарно-копировальный медальерный. Россия, 1704. Дерево, металл. ГЭ. СПб. Инв. № ЭРТх-650. На ползушке суппорта надпись «C.F.F.B. / 1704».

не упомянуты все три иностранных мастера, либо упоминается лишь Блеер как преподаватель токарного дела в Навигацкой школе, но не как крупный изобретатель[6]. Впрочем, есть и такой вариант: англичанин Георг Занепенс упоминается лишь под своим русифицированным именем Юрия Курносого, а о его происхождении либо не говорится ни слова, либо он признаётся русским[7]. Но даже в тех работах, где Блеера, Зенгера и Занепенса, вроде бы, не забывали[8], далее формального упоминания дело не пошло. К тому же они были не единственными европейскими мастерами в Токарне. Так, с самого начала 1712 года к ней был приписан приехавший из Москвы токарный мастер и оптик Людовик де Шеппер (Louis de Schepper, 16??–1717)[9]. Известно также, что в 1720–1723 годах в Токарне работал приглашённый Петром токарь Готфрид Рембиш или Райбиш[10]. Всего же

---

[6] *Виргинский С.* Очерки истории науки и техники: XVI–XIX веков: До 70-х гг. XIX в.: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1984. С. 58–59; *Данилевский В.В.* Русская техника. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Газетно-журн. и кн. изд-во, 1948. 548 с.; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века // Труды Ин-та истории естествознания и техники. Т. 13. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–34; *Зворыкин А.А., Осьмова Н.И., Чернышёв В.И., Шухардин С.В.* История техники. М.: Соцэклитиздат, 1962. С. 148–149.

[7] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 24, 52; *Васильев В.* К истории коллекции станков из «Токарни Петра I» // Сообщения ГЭ. Т. 16. Л.: Изд-во ГЭ, 1959. С. 13–17; *Он же.* Сочинение А.К. Нартова «Teatrum Machinarum»: к истории петербургской «Токарни Петра I» // Труды ГЭ. Т. 3: Русская культура и искусство. Л.: Изд-во ГЭ, 1959. С. 44; *Данилевский В.В.* Русская техника... С. 145; *Сафонов В.* Нартов — токарный мастер... С. 25–26.

[8] *Матвеев В.Ю.* «Токарня» Петра I: Путеводитель / Гос. Эрмитаж. Л.: Изд-во ГЭ, 1979. С. 4.

[9] Подробно о нём, а также библиографию см.: Шеппер Людовик, де / *Д.Ю.* и *И.Д. Гузевичи* // Французы в России в Петровскую эпоху: Биографич. словарь. СПб.: Европейский Дом, 2016. В редподготовке.

[10] *Максимов В.* Токарня Петра I // Ленинградская правда. 1990, 18.11. № 265. С. 4; Райбиш Готфрид, Reibish / *К.В. Малиновский* // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1, кн. 2. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2001. С. 213.

Франц Зенгер. Станок токарно-копировальный боковой. Италия, 1711. Дерево, железо, медные сплавы. ГЭ. СПб. Инв. № ЭРТх-648.

в Токарне было 12–15 работников[11].

Над ними, безусловно, довлеет «миф Нартова» как одно из ответвлений «мифа Петра Великого»: всё, что имеет отношение к станкам и токарному делу в петровскую эпоху, сразу и безоговорочно увязывается с именем Андрея Константиновича Нартова, и причём — исключительно с ним. Безусловно, это очень яркая фигура первой половины XVIII века. Однако ему, по традиции, приписываются достижения и его учителей, и его сотрудников, что присуще и художественной, и популярной, и академической литературе.

Сама Токарня Петра I (Лаборатория) возникла ещё в конце XVII века. Она располагалась в Москве, в Сухаревой башне, и ею руководил механик Московского монетного двора Иоганн Блеер. Позднее, когда в 1701 году в той же башне возникла Навигацкая школа, Токарня как бы оказалась «при школе» и стала её мастерской. Ну, а Нартов с 1705[12] или 1709 года[13] (обе даты восходят к его собственным

[11] *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 44.

[12] *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов: 1693–1756. Л.: Наука, 1969. С. 10. Эту дату повторяют: Нартов, Андрей Константинович / Э.П. Карпеев // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1., кн. 2. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2001. С. 18; *Борисов В.П.* Указ. соч. С. 93; Гизе М.Э. Нартов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1988. С. 8; Она же. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX века. СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2008. С. 255. См. также: *Сафонов В.* Механик великого художества: А.К. Нартов. М.: Трудрезервиздат, 1951. С. 10–11; *Он же.* Первооткрыватели. М.: Мол. гв., 1952. С. 255–256; Teatrum Machinarum... С. 8.

[13] *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 38; *Он же.* Нартов. С. 25; *Он же.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 39; Андрей Константинович

свидетельствам), начал работать «на Сухоревой башне», т.е. в 12 или 16 лет был отдан Блееру в обучение. Поэтому утверждения, что в 1709 году он встал во главе московской токарни[14], не имеют под собой никакого основания. Иногда пишут, что он был учеником Навигацкой школы и даже называют 1709 год — годом окончания обучения[15], но Данилевский, изучавший этот вопрос, настаивает, что его имя среди списков учеников Навигацкой школы отсутствует. Это же подтверждает и М. Гизе. Загорский, которому жаль расставаться с идеей обучения, находит формулу: «жаждущий знаний» Нартов мог «получить начатки знаний, даже если он официально и не числился учеником школы»[16]. Против этой формулы, пожалуй, и возразить нечего.

Царская Токарня в Петербурге создаётся при Адмиралтействе в Летнем дворце под названием «лаборатория» в 1705 году. Позднее она размещалась в Летнем и Зимнем дворцах Петра I и в Итальянском доме на Фонтанке[17]. В середине мая 1712 года в Петербург прибывает Франц Зенгер, и 16/27 мая с ним подписывается 5-летний контракт, по которому он становится руководителем токарни[18]. Нартов был призван из Москвы позже, во второй половине этого же года. Точная дата неизвестна, но 12/23 мая 1712 года он был ещё в

Нартов: 1693–1756 // История государства Российского: Жизнеописания: XVIII век / Авт. сост. Е.М. Тепер и др. М.: Кн. палата, 1996. С. 101. Ржонсоницкий, а вслед за ним, Айзенштадт и Чихачёв утверждают, что в 1704 г., но ссылок не дают (*Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 30; *Ржонсоницкий Б.Н.* Указ. соч. С. 3).

[14] *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 7; Нартов Андрей Константинович / М.Б. Плюханов ... С. 326; *Раскин Н.М.* «Токарь Петра I»: А.К. Нартов, выдающийся техник первой половины XVIII в. // Наука и жизнь. 1947. № 4. С. 27; *Ржонсоницкий Б.Н.* Указ. соч. С. 3.

[15] *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 30; *Болотин Д.* Указ. соч. С. 2; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 19–20; *Дружинский И.А., Федосеева Е.П.* «Театрум махинарум» А.К. Нартова: К 200-летию со дня смерти А.К. Нартова — автора первого русского труда о станках. Л.: ГПБ, 1956. С. 3; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 6–7; *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л.: Художник РСФСР, 1990. С. 259; Мелуа А.И. Указ. соч.; *Николаев Д.С.* Указ. соч.; *Раскин Н.М.* «Токарь Петра I»... С. 28.

[16] *Гизе М.Э.* Андрей Константинович Нартов — художник токарного искусства // Teatrum Machinarum... С. 17–18; *Данилевский В.В.* Нартов. С. 25; *Он же.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 39; *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов... С. 10–11.

[17] Подробнее о местоположении Токарни см.: *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 44–45; *Кузнецова О.Н.* Летний сад и Летний дворец Петра I. Л.: Лениздат, 1973. С. 62–71. *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. Л.: Лениздат, 1988. С. 152–153; *Максимов В.* Указ. соч.; *Семенникова Н.* Летний сад. Л.: Искусство, 1970. С. 25–27. Л. 7 об.

[18] *Андросов С.О.* Франц Зенгер в России: 1712–1722... С. 40–41.

Москве и принимал токарню после смерти Блеера (ум. 10/21 мая 1712)[19]. А в 1714 году его окончательно отчислили от Адмиралтейской канцелярии и определили в личную токарню Петра I при Летнем дворце[20].

Франц Зенгер. Станок токарно-копировальный боковой. Италия, 1711. Деталь: зубчатое колесо у приводной рукоятки с надписью: «ST: PETERBURG / 1712». ГЭ. СПб. Инв. № ЭРТх-648.

Встречающееся в современной литературе утверждение, что «В 1712 г. Зингер был приглашён Петром I в Санкт-Петербург на должность руководителя “Токарни” (одновременно с переводом А.К. Нартова сюда из Москвы)»[21], не является корректным и запутывает ситуацию. Ибо и Зенгер был приглашён ранее, в 1711 году (см. далее), и Нартов приехал позже него. Думаем, что вызов из Москвы

[19] Многие авторы почему-то укорачивают жизнь Блеера на три года, считая, что он умер в 1709 г. и что 16-летний Нартов в том же году был назначен вместо него и преподавателем токарного дела в Навигацкой школе, и руководителем московской токарни. См.: *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 30; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 20; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 7; *Сафонов В.* Механик... (1951). С. 11; *Он же.* Первооткрыватели. М.: Мол. гв., 1952. С. 256. 1709 год, как год смерти Блеера, проник в работу даже одного из авторов настоящей статьи: *Yastrebinsky G.* Op. cit. P. 229.

[20] Андрей Константинович Нартов: 1693–1756. С. 101; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 32; Гизе М.Э. Андрей Константинович Нартов... С. 19; *Данилевский В.В.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 41–43; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 8; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 11; *Мокеева В.И.* Токарное искусство резной кости // К истории искусства, науки и техники... С. 34–35; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. LVI; *Челобитная А.К.* Нартова императору Петру I, 1723 года // *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом / Публ. и пред. Л.Н. Майкова. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. С. XVI–XVII. (Сб. ОРЯС. Т. 52, nº 8. Репр.: Nendeln; Liechtenstein: Kraus repr. Ltd, 1966).

[21] Основателю Петербурга... С. 376. Близкий текст: *Гизе М.Э.* Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 53; *Она же.* Очерки... (2008). С. 77.

А. Нартов. Станок, подаренный Фридриху-Вильгельму I. Москва, ок. 1717. Хранился в Монбижу – музее Гогенцоллернов в Берлине. Погиб во время войны

подмастерья Нартова как раз и связан с тем, что московская токарня потеряла руководителя, а у петербургской он появился, и туда собирали всех специалистов по токарному делу, ранее распылённых по различным администрациям и мастерским.

Нартов стал во главе Токарни лишь в 1723 году, после смерти Зенгера (3/14 сентября 1722). По всей видимости, его назначению на этот пост способствовал как опыт, полученный им в ходе путешествия по Европе в 1718–1720 годах, так и то, что в 1720 году ушёл из жизни и другой высококвалифицированный токарь — Георг Занепенс. И тогда же Пётр официально назначил Нартова своим личным токарем[22]. Прямые или косвенные утверждения, что Нартов стал во главе токарни в 1720 году, по возвращении из европейского путешествия[23], не соответствуют действительности.

---

[22] Андрей Константинович Нартов: 1693–1756. С. 106–109; *Андросов С.О.* Новые материалы...; *Он же.* Франц Зенгер в России...; *Он же.* Франц Зенгер в России: 1712–1722... С. 41; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 65–108; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 45–46; *Гизе М.Э.* Андрей Константинович Нартов... С. 20–22; *Она же.* Нартов в Петербурге... С. 24; Она же. Очерки... (2008). С. 273; *Данилевский В.В.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 45–57; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 8–9; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 18–25; Нартов, Андрей Константинович / В. Р-въ...; То же / Е. Лихач... С. 70–72; То же / *М.Б. Плюханов...* С. 326; Очерки истории СССР. Т. [7]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 693; Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. LVI.

[23] 200-летие Кабинета е.и. величества: 1704–1904: Историч. исследование. СПб., 1911. С. 123; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 69; *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 39; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся

Всего в Токарне Петра I было не менее 51 станка, из которых 24 имели промышленное назначение, а 27 предназначались для художественной обработки кости и дерева. Изготавливались там также приборы — солнечные и звёздные часы, чертёжные и мореходные инструменты, глобусы[24].

Ситуация изменилась после смерти Петра I. Нартова загрузили другими делами, а 15/26 мая 1735 года было принято решение о передаче всех токарных станков и инструментов в ведение Академии наук. В литературе встречается утверждение, что станки были переданы по «высочайшему указу» от 25 апреля 1735 года[25], однако без каких-либо ссылок на источники. В Полном собрании законов такого указа нет. Все утверждения восходят к пассажу П. Пекарского[26], данному также без единой ссылки: «25 апреля 1735 г. императрица Анна словесно приказала передать в Академию наук оставшиеся после Петра Великого токарные инструменты и разные недоделанные на них вещи»[27].

Президент Академии наук, барон Корф, быстро понял, что с таким подарком ему не справиться, и в конце 1735 года постарался привлечь, хотя бы для инвентаризации придворной токарни, Нартова, который в это время работал в Москве на Монетном дворе. Уже 8/19 января 1736 года Нартов «для описания и перечистки» станков и инструментов затребовал двух учеников и двух слесарей, а 23 января / 3 февраля завершил опись и настаивал на перевозке оборудования в Академию наук из-за ветхости Итальянского дома

машиностроитель XVIII века. (1956). С. 10; *Корзинкин П.* Указ. соч. С. 2; *Мельников В.Н., Шехтер М.Е.* Указ. соч. С. 85; Нартов, Андрей Константинович / Е. Лихач... С. 71; *Раскин Н.М.* «Токарь Петра I»... С. 28; *Ростовцев И.* Андрей Нартов // Техники, изобретатели крепостной России: Сб. Л.: Мол. гв., 1934. С. 137; *Холодковский В.* Русские «механикусы»: Андрей Нартов // Техника — молодёжи. 1942. № 9/10. С. 6.

[24] *Борисов В.П.* Указ. соч. С. 93; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 65–61; *Васильев В.* К истории коллекции... С. 14; *Он же.* Сочинение А.К. Нартова... С. 51; *Гизе М.Э.* Очерки... (1978). С. 53; *Она же.* Очерки... (2008). С. 273; *Матвеев В.Ю.* Памятники истории науки и техники в собрании Эрмитажа // Памятники науки и техники: 1981. М.: Наука, 1981. С. 111; Он же. «Токарня»... С. 4; *Мокеева В.И.* Токарное искусство резной кости.

[25] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 128; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 42; *Ростовцев И.* Указ. соч. С. 140. См. также: *Гизе М.Э.* Очерки... (1978). С. 53, 59; *Она же.* Очерки... (2008). С. 77, 82.

[26] Это указал лишь В.В. Данилевский в кн.: Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 76.

[27] *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. VII.

А. Нартов. Станок, подаренный Луи Пажо д'Онс ан Брэ. Москва, ок. 1717. Консерватория искусств и ремесел, Париж.
Инв. № 228 (inv. 305)

на Фонтанке (где хранилось основное оборудование), в т.ч. печей в нём, и, соответственно, невозможности его протапливать[28].

В литературе встречаются ошибочные утверждения, что станки из Итальянского дома были перевезены в Академию наук уже в 1735 году[29]. Связано это, во-первых, с некорректной публикацией в «Материалах для истории Императорской академии наук», где доношение Нартова от 8/19 января 1736 года было помещено во 2-й том, в котором собраны документы за 1731–1735 годы, а не в 3-й, охватывающий 1736–1738 годы. И, во-вторых, с двумя значениями слова «передать»: «передать в административном плане» (и, с этой точки зрения, утверждения о передаче станков в 1735 году — верные)[30], и «переместить» или «перевезти». Любопытно, что передача Петровской токарни в ведомство Академии наук, как событие, по всей видимости, недостаточно значительное, не нашло отражения в новейшей «Летописи Академии наук»[31].

Первоначально станки, хотя и рассматривались как предметы музейного значения[32], так и не стали частью музейного собрания (в отличие от изделий Токарни), а легли в основу Экспедиции инструментальных и лабораторных наук (она же Лаборатория экспеди-

---

[28] *Данилевский В.В.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 97–108; Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 583; То же. Т. 3. СПб., 1886. С. 11–12, 30–31; *Ченакал В.Л.* Указ. соч. С. 48.

[29] Например: *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 45.

[30] *Матвеев В.Ю.* «Токарня»... С. 3; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 42; Нартов Андрей Константинович / М.Б. Плюханов ...

[31] Летопись Российской академии наук. Т. 1: 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

[32] *Васильев В.* К истории коллекции... С. 14.

ции механических и инструментальных наук; она же Инструментальная палата, т.е. академические инструментальные мастерские), которую с 11/22 марта 1736 года и до своей смерти, 16/27 апреля 1756 возглавлял Нартов. Экспедиция объединила также уже существовавшие ранее Оптическую, Инструментальную и Слесарную палаты. В феврале 1737 года к ним добавилось «Петра Великого <...> токарных махин и при них инструментов», которые ученик Михайло Семёнов привёз из Москвы, «из Преображенского дому», осенью 1737 года — нартовский же станок «для тянутия свинцовых досок» из Адмиралтейств-коллегии. В марте 1741 года была составлена и в том же году опубликована на латинском языке[33] опись материалов и инструментов Инструментальной палаты, куда вошли и машины бывшей Токарни (тогда их насчитывалось 44)[34].

Станки сильно пострадали во время пожара 5/16 декабря 1747 года. Традиционно считается, что восстановлены они были только частично, несмотря на все усилия самого Нартова и по их спасению во время пожара, и по их реставрации[35]. Однако сравнение выявленной В. Васильевым «Ведомости» (описи) Токарни 1757 года со сделанной Нартовым в 1741 году показывает, что ущерб от пожара был

---

[33] Андрей Константинович Нартов: 1693–1756. С. 102; *Бренева И.В.* А.К. Нартов и Инструментальная палата Петербургской Академии наук середины XVIII века // К истории искусства, науки и техники... С. 12–13. *Она же.* История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук: 1724–1766. СПб.: Наука, 1999. С. 75–87; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 126–136; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 42, 44; *Гизе М.Э.* Андрей Константинович Нартов... С. 23; *Она же.* Нартов в Петербурге... С. 43; *Она же.* Очерки... (2008). С. 293; *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 44; *Дружинский И.А., Федосеева Е.П.* Указ. соч. С. 7–8; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 13; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 44; *Матвеев В.Ю.* «Токарня»... С. 3; Материалы для истории... Т. 3. С. 44, 331, 469, 471; То же. Т. 4. СПб., 1887. С. 585–610; Нартов, Андрей Константинович / *В. Р-въ...*; То же / *Е. Лихач...*; То же / *М.Б. Плюханов ...*; Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 227; *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. С. VII–VIII; Teatrum Machinarum... С. 29.

[34] Mus(s)ei imperialis... P. 59–63.

[35] *Матвеев В.Ю.* Памятники... С. 109; *Он же.* «Токарня»... С. 3; *Бренева И.В.* История... С. 82; Васильев В. К истории проектирования «триумфального столпа» // Сообщения Гос. Эрмитажа. Т. 8. Л.: Искусство, 1955. С. 13–14; *Он же.* К истории коллекции станков... С. 14; *Данилевский В.В.* Нартов. С. 148–152; *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов... С. 53–54; *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 118; Материалы для истории... Т. 8. СПб., 1895. С. 620–621, 634–635, 637–639; То же. Т. 10. СПб., 1900. С. 485–486; *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. С. XXXIII–XXXVI.

не так велик, как предполагалось ранее. Больше всего пострадали пьедесталы. Затем станки 20 лет хранились в разобранном виде в ящиках, которые перетаскивались с места на место, что привело к утрате некоторых деталей[36].

По счастью, Нартов детально описал Токарню Петра I в своей книге «Театрум махинарум», работать над которой начал ещё до 1733 года (по-видимому, в 1731), а потом возобновил весной 1736 года. Книгу он завершил в 1755, но издана она так и не была, хотя сохранилась её рукопись с чертежами, обнаруженная Е.П. Федосеевой в 1952 году в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки (ныне РНБ в Петербурге)[37].

---

[36] *Васильев В.* К истории коллекции...; *Он же* Некоторые неизвестные архивные данные по истории «Токарни Петра I» // Сообщения Гос. Эрмитажа. Т. 11. 1957. С. 25; *Разумов И.М., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 52; *Станюкович Т.В.* Указ. соч. С. 118.

[37] А.К. Нартов «Театрум махинарум» // В мире книг. 1963. № 10. С. 16–17; *Васильев В.* К истории коллекции...; *Он же.* Сочинение А.К. Нартова...; *Гизе М.Э.* Авторы иллюстраций к «Театрум махинарум» А.К. Нартова — Пётр Ермолаев и Михаил Семёнов // К истории искусства, науки и техники... С. 29–30; *Она же.* Андрей Константинович Нартов... С. 24–26; *Она же.* Очерки... (1978). С. 60; *Она же.* Очерки... (2008). С. 83; *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 48–49; *Он же.* Нартов и «Ясное зрелище машин»...; *Доброхотов Н.* Книга о русском инженере и учёном // Правда Украины. 1959, 12.08. № 185. С. 4; *Дружинский И.А.* Теоретические основы копировально-токарных станков эпохи Петра Великого // К истории искусства, науки и техники... С. 22; *Дружинский И.А., Федосеева Е.П.* Указ. соч.; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 15–28; *Он же.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. М.: Знание, 1957. (Серия IV, n° 11). С. 16–31; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 54–55, 126–141; *Он же.* Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 46–56, 60–81, 268–274; *Кострин К.* Нартов // В мире книг. 1961, февр. № 2. С. 18; *Лебедев Т.* Книга о великом русском учёном // Ленинградская правда. 1959, 25.06. № 147. С. 4; Материалы для истории... Т. 3. С. 75–76; *Мелуа А.И.* Указ. соч.; *Млынек А.* Указ. соч. С. 271; Нартов, Андрей Константинович // Биографич. словарь деятелей естествознания и техники...; То же // БСЭ-2; То же // МСЭ-3; То же / *Ф.Н. Загорский* // БСЭ-3. Т. 17. М.: СЭ, 1974. С. 290. То же / *Э.П. Карпеев...*; *Никитина Е.* Два портрета // Знание–сила. 1960. № 2. С. 28–29; *Она же.* Книга о русском изобретателе // Наука и жизнь. 1960, март. № 3. С. 74; *Николаев Н.* Выдающийся русский механик // Огонёк. 1955, апрель. № 14. С. 32; *Разумов И.М., Видонов С.С.* Неопубликованный труд первого русского машиностроителя: К 200-летию со дня смерти А.К. Нартова // Вестник АН СССР. 1956. № 4. С. 76–83; Рукописная книга А.К. Нартова // Вечерний Ленинград. 1952, 3.11. № 269. С. 2; Рукопись Андрея Нартова // Литературная газета. 1952, 25.11. № 142. С. 2; *Свердлов Н.* «Прилежность твоя похвальна, только не сожги дворца» // Техника–молодёжи. 1994. № 8. С. 60–61; Труды выдающегося механика // Правда. 1952, 25.11. № 330. С. 1; *Федосеева Е.П.* Монумент Петра I // Сб. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (Л.). № 2. 1954. С. 161–168; *Яценко В.* Книга о великом

В 1760-е годы в Кунсткамере была вновь развернута экспозиция, и в 1767–1768 на ней уже были представлены 11 «куриезных махин» (станков из Токарни). В результате они вместе с соответствующими инструментами окончательно перекочевали в «Кабинет Петра Великого»[38].

В 1800 году унтер-библиотекарь Академии наук Осип Беляев опубликовал свой знаменитый 3-томный «Кабинет Петра Великого» — подробнейший каталог экспозиции Кунсткамеры, где описал «Комнату токарную», в том числе 10 станков[39].

В 1848–1849 годах всё это огромное мемориальное собрание по распоряжению Николая I было передано в Эрмитаж, где по месту своего расположения получило новое имя — «Галерея Петра Великого», или «Петровская галерея»[40].

В 1909 году создаётся музей, посвящённый памяти Петра I, и в 1910/11 «Галерея» опять возвращается в Кунсткамеру (в музей Антропологии и этнографии). В 1930 году её коллекции распыляют между различными хранилищами. Часть объектов Комиссия по истории знаний Академии наук СССР направляет в Институт истории науки и техники (ИИНТ), при котором создаётся Музей истории науки и техники (МИНТ)[41].

Последний функционировал недолго. В реальности он открылся лишь в сентябре 1932 году (хотя формально начал свою работу с января 1931). А в июле 1936 года в Москву, вслед за Академией наук, был переведён и ИИНТ. МИНТ ещё какое-то время в «полупридушенном» состоянии функционировал в Ленинграде, дожидаясь постройки нового здания в Москве. Однако сам ИИНТ в 1938 году был закрыт в связи с арестом и осуждением его директора, Н.И. Бухарина. После этого МИНТ превратился в склад вещей, которые стал

русском изобретателе // Изобретатель и рационализатор. 1959. № 5. С. 45; *Sinigaglia R.* Andrej Konstantinovi? Nartov nello sviluppo tecnico-scientifico della Russia del XVIII secolo // Quaderni del Centro di Studio sulla storia della tecnica del Consiglio Nazionale delle Ricerche (Genova). 1981. № 6. P. 60–64; Teatrum Machinarum... С. 29.

[38] *Матвеев В.Ю.* «Токарня» ... С. 3; *Васильев В.* К истории коллекции... С. 14.

[39] *Беляев О.* Кабинет Петра Великаго: [В 3 отделениях]. Т. 1. СПб., 1800. С. 89–166.

[40] *Матвеев В.Ю.* Памятники... С. 109; *Васильев В.* К истории коллекции... С. 15; Летопись Российской академии наук. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. С. 373, 376; *Неверов О.Я.* Из коллекции Петровской кунсткамеры: Каталог временной выставки. СПб.: ГЭ, 1992. С. 7–8; Краткий путеводитель по отделу Истории русской культуры / ГЭ. Вып. 1: Галерея Петра Великого. Изд. 2-е, перераб. Л.: ГЭ, 1950. С. 5.

[41] *Матвеев В.Ю.* Памятники... С. 110; *Большакова К.Г.* Из истории создания Музея истории науки и техники при ИИНТ АН СССР: 1932–1941 гг. // Памятники науки и техники: 1984. М.: Наука, 1986. С. 262; В*асильев В.* К истории коллекции... С. 15–16; Краткий путеводитель... С. 5.

возвращать в те музеи, из которых они пришли. Так, первая передача в ГЭ огромной (почти в 19 тыс. предметов) партии музейных объектов состоялась в августе 1938 года. А станки, инструменты и приборы из Петровской галереи (всего 694 экспоната) были переданы по акту от 2 июля 1941 года, уже после начала войны. Впрочем, через 2 дня, 4 июля, туда же были переданы (уже без поштучной проверки) и оставшиеся экспонаты, что их спасло в Блокаду. В самом Эрмитаже в это время как раз был организован Отдел истории русской культуры, куда и вошли все музейные объекты, имевшие отношение к Петровской галерее. После войны, в августе 1947 года, специальная комиссия, созданная по распоряжению директора Эрмитажа академика И.А. Орбели, среди последней партии предметов, переданных из МИНТ, приняла для этого отдела ещё 264 экспоната[42]. «Галерея Петра Великого» была открыта для публики 7 ноября 1947 года, первой из Отдела истории русской культуры[43].

После всех перемещений и катастроф в настоящее время в Эрмитаже сохранилось 12 станков из Токарни Петра I. Из них один, созданный Нартовым в 1721 году, предназначен для нарезки зубчатых колёс — зубофрезерный (единственный, промышленного назначения). Остальные представляют собой различные модификации копировальных станков: четыре — «персонных медальерных», три — «персонных боковых»; ещё три объединяются в группу «овалистых» или «розовых» «махин». И, наконец, последний предназначен для нанесения продольных гильоширных узоров (он из тех, кто пострадал во время пожара 1747 года, но в целом сохранился). Там же — огромная коллекция резцов из почти 600 предметов, а также группа копиров и токарных изделий[44].

По изготовителям: 1 станок был сделан мастером Иоганном Блеером, учителем Нартова, 2 — приехавшим из Флоренции Францем Зенгером, 1 — Георгом Занепенсом самостоятельно и ещё 1 — совместно с мастером Сергеем Яковлевым; еще 2 станка Нартов заканчивал после смерти Занепенса и Зенгера (хотя часто они приписываются исключительно Нартову, но разбор этой ситуации оставляем за границами статьи) и, наконец, оставшиеся 5 станков были созданы самим Нартовым. Все они были представлены на выставке 1993 года[45].

---

[42] *Матвеев В.Ю.* Памятники... С. 110; *Большакова К.Г.* Указ. соч.; *Гаврюшин Н.К.* Документы о коллекциях бывшего Музея истории науки и техники в Ленинграде // Памятники науки и техники: 1982–1983. М.: Наука, 1984. С. 199–203; *Васильев В.* К истории коллекции... С. 16.

[43] Краткий путеводитель... С. 5.

[44] *Матвеев В.Ю.* Памятники... С. 113; Он же. «Токарня»... С. 9–10.

[45] *Он же.* «Токарня»... С. 9; Teatrum Machinarum...

По местам постоянной экспозиции: два можно увидеть в Летнем дворце-музее Петра I, один — во дворце Меншикова, а остальные — в самом Эрмитаже, в том числе в Токарне в Малых палатках Зимнего дворца Петра I[46].

В 1990-е годы велись работы по восстановлению некоторых из утерянных станков. В частности, в 1990–1993 годах была осуществлена научная реконструкция медальерно-гильоширного станка[47].

«Суппорт Нартова», станки Нартова в Европе и влияние его идей на европейских механиков

Сразу дадим определение. Суппорт — это узел станка (токарного, режущего, фрезерного, шлифовального), предназначенный для крепления и перемещения инструмента. Только после появления механического суппорта стала возможной точная обработка и изготовление стандартных деталей с заранее заданными размерами.

Общепризнано: его всеевропейское распространение, без которого была бы немыслима машиностроительная техника, берёт начало с суппортов, созданных в Англии Генри Модсли (Henry Maudslay, 1771–1831) в 1797/98 (а может быть, и несколько ранее).

Советская и российская традиция утверждают, что механический суппорт был создан в России в петровскую эпоху и его изобретателем является токарь Петра I Андрей Константинович Нартов (1693–1756). Изобрете-

---

[46] Галерея Петра I. М.; Л.: Искусство, 1952. С. 16. (Путеводители по выставкам / ГЭ.); *Калязина Н.В.* Меншиковский дворец-музей. Л: Лениздат, 1986. С. [24]; *Кузнецова О.Н.* Указ. соч. С. 65; *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Указ. соч. С. 152; *Мещеряков В.В., Саверкина И.В., Андреева Е.А., Игнатьева Е.* Дворец Меншикова: Путеводитель / ГЭ. СПб.: Историч. иллюстрация, 2005. С. 30; *Мещеряков В., Саверкина И., Игнатьева Е.* Дворец Меншикова / ГЭ. СПб.: Альфа-Колор, 2004. С. 10–11; *Семенникова Н.* Указ. соч. Л. 7 об.; *Тарасова Н.И.* Зимний дворец Петра I / ГЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. С. 19, 21–25.

[47] *Мокеева В.И.* Парадный станок А.К. Нартова — предположение или реальность? // Teatrum Machinarum.... С. 215–220; *Михайлов Г.В., Галочкин В.К.* К проблемам воссоздания станка А.К. Нартова по иконографии и аналогам // Ibidem. С. 221–225; *Калязина Н.В.* Исследование стилистики декора пьедестала копировально-токарного станка А.К. Нартова по иконографии // Ibidem. С. 226–230; *Дружинский И.А.* Воссоздание технологической части станка А.К. Нартова // Ibidem. С. 231–237; *Мокеева В.И.* Галерея «Петрополь» и возрождение петербургского направления в искусстве резьбы по кости // Ibidem. С. 238–244; *Дружинский И.А.* Теоретические основы...; Гизе М.Э. Авторы иллюстраций...; Лазарева Т. ... и «Посольские дары» // Вечерний Ленинград. 1991, 21.01. № 16. С. 3; *Она же.* «Театрум махинарум» возрождается // Там же. 1991, 3.04. № 77. С. 3; Teatrum machinarum: [Программа научного заседания 2 апреля 1991] / Галерея Петрополь. Л., 1991. [6] с. (Буклет); *Борисов В.П.* Указ. соч. С. 95–96; Андрей Константинович Нартов: 1693–1756.

ние относят то к 1712, то к 1714–1717, то к 1715, то к 1718–1729 годам[48]. Это — классика. Хотя сам разнобой в датах говорит уже о многом.

В 1738 году Нартов предложил проект наиболее совершенной своей машины — токарно-винторезного станка с механизированным суппортом. Опираясь на этот факт, такие видные исследователи, как Ф.Н. Загорский и И.М. Загорская, выстраивают довольно воздушный замок преемственности идей между Нартовым и Модсли[49].

Впрочем, против первого звена в их построениях, хотя и гипотетического, возразить нечего. В 1749 (1750?) году Осип (Иосиф) Осипович Ботом (Ботон; Боттом; Джозеф Bottom; 1720–15.2.1778)[50], тогда руководитель Петергофской «шлифовальной мельницы», построил станок, близкий по типу к нартовскому. Анализируя его, авторы приходят к выводу, что «между их конструкциями ясно просматривается преемственность»[51]. С их позицией можно согласиться, во всяком случае, в качестве очень основательной гипотезы.

---

[48] Андрей Константинович Нартов: 1693–1756. С. 104; А.К. Нартов «Театрум махинарум»... С. 17; *Ачеркан Н.С.* Указ. соч. С. 15; *Болотин Д.* Указ. соч. С. 2; *Данилевский В.В.* Документы об изобретениях Андрея Константиновича Нартова // Из истории отечественной техники: Исследования и материалы. Л.: Лениздат, 1950. С. 220; *Дружинский И.А.* Воссоздание технологической части станка А.К. Нартова. С. 236; *Зворыкин А.А. [и др.].* Указ. соч. С. 148, 733; *Корзинкин П.* Указ. соч. С. 2; *Лебедев Т.* Книга...; *Мельников В.Н., Шехтер М.Е.* Указ. соч. С. 85; *Млынек А.* Указ. соч. С. 272; *Никитина Е.* Книга...; *Николаев Н.* Указ. соч.; *Николаев Д.С.* Указ. соч.; *Раскин Н.М.* Памятники естествознания и техники XVIII и начала XIX в. в собраниях Государственного Эрмитажа // Труды совещания по истории естествознания, 24–26 декабря 1946 г. М.; Л.: Изд-во Ан СССР, 1948. С. 90; *Ржонсоницкий Б.Н.* Указ. соч. С. 4; *Розенфельд Я.С., Клименко К.И.* История машиностроения СССР: С первой половины XIX в. до наших дней. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 14; *Струмилин С.Г.* История чёрной металлургии в СССР. Т. 1: Феодальный период: 1500–1860 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 398–399; Талантливый русский механик... С. 2; *Холодковский В.* Указ. соч.; *Цейтлин Н.И.* Металлорежущие копировальные станки. М.: Машгиз, 1951. С. 4–7; *Шкловский В.* О мастерах старинных. М.; Л.: Госдетлитиздат, 1951. С. 19–20; *Ятченко С.В.* Токарное дело. Изд. 6-е. М.: Сельхозгиз, 1954. С. 69–70; *Он же.* Книга...; и др.

[49] *Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли: 1771–1831. М.: Наука, 1981. С. 32, 81–94.

[50] Азбучный указатель имён русских деятелей для Русского биографического словаря. Ч. I. СПб., 1887. С. 60. (Сб. ИРИО. Т. 60). (Репр.: М.: Аспект-пресс, 2003); *Гейрот А.* Описание Петергофа: [1501–1868]. СПб., 1868. С. 34–35. (Репр.: Л.: Аврора, 1991). Загорские ошибочно утверждают, что Ботом (которого называют Ботоном) умер в 1779 г., и что он — «русский механик» (*Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли... С. 141). Этот британец механиком мог быть только российским.

[51] *Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли... С. 86. Этому станку посвящена отдельная работа: З*агорский Ф.Н.* Токарно-винторезный станок с механизированным суппортом и набором сменных зубчатых колёс 1749 г. // ВИЕТ. № 13. 1962. С. 119–124. См. также: *Он же.* Очерки... С. 56–57.

Далее идёт описание многочисленных станков XVIII века с суппортами: некоего часовщика, чей станочек с механизированным суппортом был описан французом Антуаном Тиу (A. Thiout) уже в 1741 году, сверлильного станка, установленного в 1770 году голландцами Яном Фербрюгеном и его сыном Питером в арсенале Вульвича, токарного станка с суппортом француза Жака Вокансона (1770-е), прецизионного токарно-винторезного станка англичанина Ремсдена (1777) и целой серии изобретений 1790-х–1800-х годов. Генри Модсли ещё молодым человеком в 1789–1797 годах работал в мастерской лондонского механика Джозефа Брамы (Joseph Bramah, 1748–1814), обессмертившего своё имя изобретениями ватерклозета, водопроводного крана и «английского» замка. Уже там Модсли использовал механический суппорт (в частности, в станке для навивания стальных цилиндрических пружин). Причём не всегда можно сказать, что из изобретений принадлежит ему, а что — Браме. Так, немеханизированный суппорт 1794 года, долго приписывавшийся Модсли, в действительности был создан его хозяином (что выяснилось лишь в 1965)[52].

В своём описании авторы упускают из виду станки, описанные ещё Бриткиным и Видоновым. Во-первых, токарно-копировальный станок Е. Блеера, созданный им в Сухаревой башне в 1704 году, т.е. когда Нартову было всего 11 лет и он ещё не работал в мастерской. Станок этот, ныне хранящийся в Эрмитаже и имеющий на ползушке суппорта надпись «C.F.F.B. / 1704»[53], уже имел два суппорта, действовавших согласованно. Один, с резцом, передвигался по поперечным направляющим брусьям посредством троса, перекинутого через блочки, насаженные на ось, на которой находились другие блочки, несущие трос, двигавший суппорт с копировальным пальцем[54]. Другими сло-

[52] *Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли... С. 15–21, 87. См. также: *Загорский Ф.Н.* Очерки... С. 57–58.

[53] Инв. № ЭРТх-650.

[54] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 48–49, 169. Это описание, взятое у Бриткина и Видонова, требует комментариев. Суть в том, что в «больших» станках (как «боковых», так и медальерных), действительно, есть кинематическая связь между приводным валом, основным шпинделем (вращающим шаблон и заготовку), а также суппортами. Причём суппорты перемещаются с достаточно малой скоростью (относительно скорости вращения основного шпинделя с шаблоном и заготовкой) для обеспечения точности «сканирования» шаблона и резьбы заготовки. В станочке же Блеера такой связи в наличии нет, т.е. при вращении рукояти в движение приводится только шпиндель с патронами для зажима шаблона-«копира» и заготовки, но не «блочки», на которые наматываются цепи, перемещающие суппорты. Вполне возможно, что эти связи (т.е. дополнительные шестерни) утрачены. В 2012 г. станочек был полностью реставрирован в ГЭ. В ходе реставрации была произведена полная разборка механизма и его изучение. Были признаны позднейшими и удалены «тросы», упомянутые при

вами, в Москве в 1704 году была изобретена «конструкция “самоходных” суппортов — копировального и резцового, с блочно-цепной (ленточной) системой перемещения суппортных ползушек»[55]. Этого уникального изобретения стараются не замечать, ибо создано оно было не Нартовым, а иностранцем Блеером[56]. Непоследовательность присутствует уже в самой книге Бриткина и Видонова, где они на стр. 48 описывают этот узел, но более его не замечают, изымают упоминание станка из описи 1741 года, где оно есть (а это уже подлог) и никак не увязывают с ним дальнейшие усовершенствования Нартова. Другими словами, Нартов с самого начала своего обучения знал станки с подвижным суппортом, знал систему синхронизации действий копировального и резцового суппортов в таких станках и работал на них. А значит, он не мог их изобрести, ибо они уже были и это была не его идея, но мог лишь их совершенствовать. Что он и делал в будущем. Указанный станок — не единственный, сделанный Блеером. Известно, что в 1707 году один из его станков брал «в поход» Пётр; в марте 1708 года мастер получил деньги за изготовление для Монетного двора в Москве «токарного стану нового переделу денег» (возможно, именно он был в 1709 передан известному медальеру, резчику Ф. Алексееву), а, как минимум, с января 1710 года изготавливал станок лично для Петра (отправлен в Петербург 3/14 ноября 1710)[57]. Учитывая, что все эти станки были построены после 1704 года, они конструктивно не должны были быть ниже описанного. Другими словами, Пётр работал

описании станка в книге Бриткина и Видонова и затем обыгранные Сафоновым (см. прим. 56). Суппорты двигали именно приводные цепи, прикреплённые к блочкам, но к моменту реставрации оказавшиеся отсоединёнными от суппортов. В ходе изучения механизма было отмечено два момента: на шестернях валов, вращающих приводные блочки суппортов, имеются также боковые канавки — вероятно, для аналогичных цепей, связывающих приводной вал с суппортами. Также на основании станка имеются две стойки с отверстиями, и одна — с канавкой, в которых, вероятно, и могла крепиться дополнительная ось механизма. Наконец, в направлении, перпендикулярном всем валам механизма, имеется тонкий стальной вал с рукоятью на нём, назначение которого пока не выяснено. Все эти обстоятельства дают основание предполагать, что суппорты станочка Блеера 1704 года также имели автоматизированный ход — вместе с вращением шаблона и заготовки. См. также: Основателю Петербурга... С. 376.

[55] Токарные станки, резцы, копиры и изделия // Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании ГЭ: Каталог. Л.; М.: Сов. Худ., 1966. С. 170.

[56] Ср. у Холодковского: «Нартов перенял скудную “науку” немца Зингера» (*Он же*. Указ. соч. С. 5). Сафонов: в станочке «видны блоки и тросики, которые помогают токарю лучше скопировать рельеф <...> придумка <...> уместная и полезная, — пороху же мастеру не выдумать» (*Сафонов В.* Механик... (1951). С. 11; *Он же*. Первооткрыватели... С. 256).

[57] *Данилевский В.В.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 35–36, 40–41.

на станках с суппортами, как минимум, с 1707 года, а в московской промышленности станок с суппортом действовал с 1708 года.

Возвратимся к Бриткину и Видонову, которые далее описывают европейские изобретения: швейцарский станок для часового дела 1725 года с несамоходным ручным суппортом, выставленный в музее Сан-Франциско; «относящийся к 1740 г. верстачный токарно-винторезный станок с суппортом французского происхождения»; какой-то станок с «резьбой стиля Рококо» и другие. Авторы там же пишут о томе *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера 1772 года, где изображён станок с суппортом. Дружинский в том же году говорит о том же томе *Энциклопедии*, где «было описание суппорта, применённого в медальерном станке герцога Орлеанского»[58]. В 1993 году он, указывая даты изготовления суппорта в разных странах, уточнил: суппорт сделан «во Франции — 1751 г. герцогом Филиппом Орлеанским»[59]. Если год верен, то речь идёт не о Филиппе, а о Луи-Филиппе I (1725–1785) герцоге Шартрском, который стал герцогом Орлеанским лишь в 1752 году. Запомним эту ошибку.

А сейчас вернёмся к Загорским, чья проблема не в том, что они упустили описания ряда станков, а в следующем построении. В конце 1790-х годов Модсли общался по работе с генерал-инспектором морских работ Самюелем Бентамом (Samuel Bentham). Загорские пишут: «Бентам несколько лет провёл в России и ознакомился с трудами А.К. Нартова и О.О. Ботона. Вряд ли он не сообщил о них Модсли»[60], не подтверждая свои слова никакими документами и никакими ссылками. А ведь кроме самого факта пребывания Бентама (в 1780-е) в России, всё остальное — фантазия авторов, во всяком случае, до представления документального подтверждения: совершенно необязательно Бентам должен был быть знаком с трудами уже умерших к моменту его приезда Нартова и/или Ботома.

Чуть более подробно пребывание Бентама в России рассматривают их предшественники, Бриткин и Видонов в 1950 году, хотя они ещё ничего не говорят в этой цепочке о станках Ботома[61]. Но и у них

---

[58] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 24, 169; *Дружинский И.А.* Первые русские копировально-токарные станки // Специализированные станки в машиностроении. М.: Машгиз, 1949. С. 22 (ЛОВНИТОМАШ, кн. 9). В действительности речь идёт о таблице «Tourneur et tours de toute espèce» в т. X «Иллюстраций» к «Энциклопедии»: Recueil de planches sur les sciences, les arts libéraux, et les arts mécaniques, avec leur explication. T. 10. Paris, 1772. (N.V.). Описание и репродукции см.: *Загорский Ф.Н.* Очерки... С. 61, 74–76.

[59] *Дружинский И.А.* Теоретические основы... С. 26.

[60] *Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли... С. 32.

[61] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 170–174.

утверждения не выходят за границу «Бентам <...> мог ознакомиться с токарными и токарно-копировальными станками Нартова <...> мог ознакомиться со всеми моделями нартовских станков»[62]. Ну, что ж: мог ознакомиться, а мог и не ознакомиться, добавим мы. И даже то, что Бентам занимался деревообделочными станками для обработки корабельных блоков, ещё не доказывает факта этого знакомства, но лишь делает его более вероятным в рамках теоретических возможностей.

В 1951 году идеи Бриткина и Видонова популяризирует В. Сафонов в полухудожественной брошюрке для детей «Механик великого художества: А.К. Нартов» и переиздаёт её в следующем году под другим названием. По всей видимости, для всех последующих трудов «нартоведов» она и служит первоисточником, на который стыдливо не ссылаются: «Во второй половине XVIII века инженер Бентам поступил на русскую службу. Он ездит по русским заводам; он знакомится со станками. В девяностых годах он возвращается в Англию. У него огромное количество новых идей о том, как следует строить станки; удивительным образом эти идеи повторяют старые идеи Нартова. Он делится ими с мистером Модслеем. И мистер Модслей строит к 1798 году модель токарно-винторезного станка. Увы! В руках английского мастера техника и тут ещё не стала ни точной, ни прекрасной. Мистер Бентам, очевидно, был недостаточно красноречив... Возможно также, что его наблюдательность и память оставляли желать лучшего. Грубо и простовато Модслей делает то, что с законченным изяществом, остроумием и гармонией всех линий было выполнено Нартовым»[63].

Апофеозом этого направления в историографии можно считать заключение известного историка техники Ф. Нестерука: «Изобретение Нартовым оригинальных автоматических суппортов, превращавших резец из ручного в механическое орудие, <...> легло на рубеже XVIII–XIX веков в основу развития машинной техники, позволило производить машины при помощи машин»[64]. Как видим, здесь уже и Модсли не требуется, а Нартов оказывается одним из основоположников механической базы промышленной революции.

---

[62] Там же. С. 171.

[63] *Сафонов В.* Механик... (1951). С. 18–19; *Он же*. Первооткрыватели... С. 261. Интересна эволюция автора. Первая версия повести, вышедшая в 1938 г. ещё вполне корректна. Так, станок 1712 года представлен как «плод немецкой науки Зингера и русского мастера Юрия Курносова» (*Сафонов В.* Нартов — токарный мастер... С. 26). О том, что Курносый — это англичанин Занепенс, Сафонов, судя по всему, тогда просто не знал.

[64] *Нестерук Ф.* Книга о талантливом русском умельце // Промышленно-экономическая газета. 1959, 8.04. № 4.

Понятно, что при своих построениях Загорские не ссылаются на повесть Сафонова, но нет и прямых ссылок на Бриткина с Видоновым, хотя их книга присутствует в библиографии. В работе самих Загорских, через 60 страниц после процитированных выше пассажей, когда читатель давно забыл уровень обоснованности авторских утверждений о связке Нартов/Ботом –> Бентам, он читает утверждение, в котором авторская гипотеза представлена уже в качестве выявленного факта: в станок Модсли «механизация суппорта на основе кинематической пары “винт-гайка” и набор сменных зубчатых колёс пришли из России от Нартова и Ботона»[65]. Здесь исчезла даже видимость гипотетичности, которая ещё присутствует у Бриткина и Видонова: «Бентам, очевидно <выделено нами>, передал Модслею идеи нартовских станков моделей 1712 и 1718–1729 гг.»[66] Ну, что ж: кому — очевидно, а кому — и не очевидно, во всяком случае, пока не будут найдены свидетельства или другие документы, доказывающие эту передачу.

Итак, цепочка, выстроенная в советской историографии от Нартова к Модсли, по степени обоснованности не может претендовать даже на уровень нормальной гипотезы, оставаясь лишь в рамках теоретически допустимого предположения, базирующегося на цепочке из нескольких документально неподтверждённых гипотетических построений. Ну, а таковых на одном и том же фактологическом материале в принципе может быть сконструировано бесконечное множество. Однако к реалиям они будут иметь отношение слабое.

Заметим: полуиздевательские фразы Сафонова косвенно говорят в пользу того, что Модсли работал сам и за пару лет создал станок, не столь хорошо отделанный как те, которые нам известны из коллекции Петровской токарни.

Цепочка Нартов — Модсли отнюдь не единственная, которую пытались выстроить в советской литературе. Просто она правдоподобна и не содержит нереальных компонентов (лишь бездоказательные). А вот другая, уже неудачная попытка (В. Шкловского): «Был май 1720 года <...>. У него <Нартова> резец был закреплён в суппорте <...>. Закреплённый резец был ещё на одном станке — во Франции, у герцога Орлеанского <...>. Заведён был тот станок после нартовского пребывания в Париже»[67]. Как видим, ошибка Дружинского

[65] *Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли... С. 90. Более мягкий вариант утверждения, где авторы настаивают на первенстве, но ничего не говорят о заимствовании, см. в их более поздней работе: *Они же*. Джеймс Несмит: 1808–1890. М.: Наука, 1989. С. 92.

[66] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 172.

[67] *Шкловский В.* Указ. соч. С. 19.

получила развитие: Шкловский превратил герцога Луи-Филиппа не просто в Филиппа, а явно в регента, Филиппа Орлеанского, жившего на поколение раньше, чем герцог-токарь. Но, по счастью, сей артефакт развития не получил.

Впрочем, и этим не исчерпывается проблема «нартовского суппорта». Анализируя существующие работы о Нартове для статьи «Du Cabinet de travail de Pierre Ier à la première exposition d'objets techniques en Russie: la Kunstkamera de Saint-Pétersbourg», которая должна быть опубликована в 2015 году, мы пришли к выводу, что казавшийся очевидным и растиражированный в литературе вопрос об изобретении суппорта именно А.К. Нартовым на сегодня является одной из самых больших загадок, связанных с его именем.

Собственно, загадок даже две. Во-первых, не менее трёх станков с суппортами были вывезены из России за рубеж. Из них два — в петровскую эпоху. Это были токарно-копировальные станки, которые могли преобразовываться из «боковых» в «медальерные». Они изготовлялись специально для «дипломатических подарков» и потому оказались в Европе. Один был подарен самим Нартовым в 1718 году прусскому королю Фридриху-Вильгельму I, которого Нартов обучал токарному делу[68]. А ещё один, судя по всему, именно он в 1719 году привёз Генеральному управляющему почт и сообщений графу Луи Пажо д'Онс ан Брэ (Pajot d'Ons en Bray), владельцу огромной коллекции машин. Это собрание в 1717 году во время своего визита во Францию осмотрел Пётр I, и нартовский станок был его подарком графу. Утверждения, что этот станок был подарен Петром I Парижской Академии наук[69], как и то, что он был привезён во Францию и подарен Пажо д'Онс ан Брэ самим царём[70], не находят подтверждений в доку-

---

[68] 200-летие... С. 123; *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 32; *Борисов В.П.* Указ. соч. С. 93; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 65; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 47; *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге... С. 23–25; *Она же.* Очерки... (2008). С. 271, 273–274; *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 38, 41; *Он же.* Нартов. С. 38–39; *Он же.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 45–46; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 4; *Он же.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1957). С. 9; *Он же.* Очерки... С. 46; *Сафонов В.* Нартов — токарный мастер... С. 33–34; Токарное дело... С. 392; *Sinigaglia R.* Op. cit. P. 31; *Yastrebinsky G.* Op. cit. P. 234.

[69] *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 32; *Владимиров Л., Клячко А.Б.* Отец машин: Рассказы о станках. М.: Знание, 1962. С. 21; *Дружинский И.А., Федосеева Е.П.* Указ. соч. С. 4; *Ржонсоницкий Б.Н.* Указ. соч. С. 5.

[70] *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге... С. 23, 29, 49; *Она же.* Очерки... (2008). С. 271, 278, 299; *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов... С. 63; *Он же.* Очерки... С. 46; *Свердлов Н.* Указ. соч. С. 60; Токарное дело...; La France et la Russie au Siècle des Lumières: Relations culturelles et artistiques de la France et de la

ментах (царь, действительно, мог «подарить», пообещав прислать. А вот привезти должен был уже Нартов). Сейчас станок хранится в музее CNAM (Национальной консерватории искусств и ремёсел), куда попал в 1807 году через Институт Франции[71].

В.П. Борисов ошибочно утверждает, что станок, «изготовленный, по-видимому, специально для несовершеннолетнего Людовика XV, был подарен Петром французскому двору в 1720 г.»[72] Во-первых, он был подарен в 1719 году (и, скорее всего, пообещан, то есть виртуально «подарен» уже в 1717: видимо, именно в этом ключе надо понимать тексты, в которых указывается именно этот год как год дарения), и, во-вторых, не «двору», а частному лицу, что было бы невозможно, если бы он изготавливался для короля (в распоряжение которого попал лишь в 1745)[73].

Письмо президента Парижской Академии наук Биньона к Петру I показывает, что академики оценили те изменения в токарных станках, о которых им рассказал Нартов (видимо, как о своих собственных, ибо ни покойный Блеер, ни здравствовавший Зенгер в письме не упоминаются): «великие успехи <...> он учинил в механике, наи-

---

Russie au XVIII-e siècle: Galeries Nationales du Grand Palais, 20 novembre 1986–9 février 1987. Paris: Association Française d'action artistique, 1986. P. 391. Артефакт появился из-за неточного цитирования. Так, Загорский расписывает, как Пётр в 1717 г. берёт с собой во Францию станок в качестве дипломатического подарка, который достался Пажо, и ссылается на Луазо. Но тот говорит лишь о том, что Пётр пообещал Пажо этот станок (*Луазо Ж.* Токарный станок А.К. Нартова во Французском Национальном хранилище искусств и ремёсел // ВИЕТ. Вып. 3. 1957. С. 212).

[71] *Баженов С.В.* Артиллерийские изобретения А.К. Нартова в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // К истории искусства, науки и техники... С. 17–19; *Борисов В.П.* Указ. соч. С. 93; *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 66–67; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 47; *Гизе М.Э.* Очерки... (1978). С. 73–75; *Она же.* Очерки... (2008). С. 91–92; *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 39; *Он же.* Нартов. С. 37, 42, 46, 49–54; *Он же.* Нартов и «Ясное зрелище машин»... С. 50–58; *Дружинский И.А.* Теоретические основы... С. 21; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 4, 8; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 63, 65; *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Указ. соч. С. 154; *Луазо Ж.* Указ. соч. С. 212–216; *Матвеев В.Ю.* «Токарня»... С. 4; *Нестерук Ф.* Указ. соч. С. 4; *Никитина Е.* Два портрета... С. 29; *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. С. V–VI; Россия–Франция: Век Просвещения: Русско-французские культурные связи в 18 столетии: Каталог выставки / ГЭ. Л.: Изд-во ГЭ, 1987. С. 237; La France et la Russie... P. 391–392 (№ 601); *Sinigaglia R.* Op. cit. P. 31–33; Tour à portrait construit par A.K. Nartov. Musée arts et métiers le CNAM. № 228 (inv. 305); *Yastrebinsky G.* Op. cit. P. 233–234.

[72] *Борисов В.П.* Указ. соч. С. 93.

[73] *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов... С. 63.

паче же в оной части, которая касается токарного станка»[74]. И тем не менее, эта информация не послужила основой для внедрения суппорта.

Последнее известие о станке, подаренном прусскому королю, относится к 1930 году. Тогда станок хранился в Монбижу (Monbijou) — музее Гогенцоллернов в Берлине[75]. Сам дворец Монбижу, построенный в стиле рококо, был разрушен во время Второй мировой войны и не восстанавливался; по всей видимости, тогда же погиб и подарок Петра I. По счастью, в архиве в Берлине сохранилось фото этого станка, ныне вывешенное в Интернете[76].

В качестве дипломатического подарка был использован ещё один, третий токарно-копировальный станок из петровской токарни. Но произошло это значительно позднее: его в конце 1840-х годов Николай I подарил австрийскому императору по просьбе последнего. Станок хранился в Вене, в Техническом музее промышленности и ремёсел[77].

Итак, в течение всего XVIII века два нартовских станка с суппортами находились в достаточно доступных для обозрения коллекциях во Франции и Пруссии, но никакому промышленному производству эта двойная реклама изобретения не послужила, и никакого влияния на европейских мастеров они не оказали. Во всяком случае, свидетельств этому не выявлено, и осторожное предположение Ачеркана, что «парижский» станок послужил, «по-видимому, образцом для подражания», повисает в воздухе[78]. Сюжет, ставящий больше вопро-

---

[74] 200-летие... С. 122; *Болотин Д.* Указ. соч. С. 3; *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге... С. 30; *Она же.* Очерки... (2008). С. 279; *Данилевский В.В.* Документы об изобретениях... С. 220; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 39; *Дружинский И.А., Федосеева Е.П.* Указ. соч. С. 4; *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1957). С. 8; *Пекарский П.* Наука и литературе в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 531; *Раскин Н.М.* «Токарь Петра I»... С. 28.

[75] *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов... С. 18; *Языков А.П.* Русская церковь в Потсдаме: 1718–1815 гг. // Русская старина. Т. 13. 1875. С. 127.

[76] Под фото подпись: «Drechslerbank, Geschenk des Zaren Peter des Großen an den König Friedrich Wilhelm I. 1701/1750. Drechslerbank, Kunstgewerbe früherer Verwalter: Berlin, Ehemaliges Hohenzollernmuseum im Schloss Monbijou». Landesarchiv Berlin, Microfiche-Scan mi03998b10. Objekt 20201498 (Foto Marburg). Вывешено на сайте: Monbijou // Bildindex der Kunst und Architektur. Treffer 2 / 322. (http://www.bildindex.de/#|5. Посещение 27.10.2014). Благодарим Б. Мегорского и Л. Усыскина. Первый нашёл, а другой переслал это изображение, в работах о Нартове нам никогда не встречавшееся, и его электронный адрес (письмо Л. Усыскина — Д. Гузевичу от 7.6.2014).

[77] *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 4; *Он же.* Андрей Константинович Нартов... С. 66; *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Указ. соч. С.154; *Разумов И.М., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 81–82.

[78] *Ачеркан Н.С.* Указ. соч. С. 14.

сов, чем дающий ответов. Приходится признать, что мало что-то изобрести и мало это обнародовать, надо ещё, чтобы был запрос на изобретение и чтобы созрели условия для его широкого внедрения. Может быть, сыграл свою роль тот факт, что оставленные в Европе станки Нартова предназначались для художественных работ и к промышленному производству отношение имели слабое. А впрочем, причины могут быть и более примитивными: британские мастера, создавшие суппорт в нужный момент и в нужном месте, королевских коллекций Франции и Пруссии ну просто не посещали...

Перейдем ко второй загадке, которая формулируется так:

Кто изобрёл «суппорт Нартова»?

К станку Блеера мы ещё вернемся, а сейчас обратимся к другому ключевому объекту — станку 1712 года и начнём с советской и постсоветской историографии.

Самым корректным надо признать один из первых отзывов о нём, данный известным историком техники Н. Раскиным в начале возникновения культа Нартова: «<...> токарно-шлифовальный станок, изготовленный в 1712 г. неизвестным мастером в мастерской Адмиралтейства. <...> он имел уже полумеханический суппорт вместо обычного в токарных станках тех дней простого подручника. Резец укреплялся в каретке, которая передвигалась вдоль обтачиваемого предмета при помощи зубчатки»[79].

Но далее корректность исчезает. Так, Бриткин и Видонов[80] подробнейшим образом разбирают конструкцию хранящегося «в музее "Государственный Эрмитаж"» «станка Нартова модели 1712» (он же «токарно-копировальный станок 1712 г.»), включая суппорт этого станка, и делают вывод: «Только теперь, в советскую эпоху <...> стало возможным установить право А.К. Нартова на приоритет в изобретении им механического суппорта в 1712 г., т.е. на 86 лет раньше вторичного открытия его Г. Моделеем <Так!>»[81]. Их повторяют В. Сафонов в 1951 и 1952, Б.Н. Ржонсницкий — в 1955 году и многие другие[82]. В 1957

[79] *Раскин Н.М.* «Токарь Петра I»... С. 28–29.

[80] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ. соч. С. 25–34.

[81] Там же. С. 25, 27–29.

[82] Андрей Константинович Нартов: 1693–1756. С. 104; *Ачеркан Н.С.* Указ. соч. С. 15; *Болотин Д.* Указ. соч. С. 2; *Николаев Н.* Указ. соч.; *Николаев Д.С.* Указ. соч.; *Плотицын В.Г.* Первые токарные станки // Труды Лен. Корабельного ин-та. Вып. 8. 1951. С. 127; *Ржонсоницкий Б.Н.* Указ. соч. С. 4; *Сафонов В.* Механик... (1951). С. 11–19; *Он же.* Первооткрыватели... С. 256–261; Талантливый русский механик... С. 2; и др.

Л.А. Айзенштадт и С.А. Чихачёв уже детализируют эту позицию: «в 1712 г. Нартов изготовил по им же разработанной конструкции токарно-копировальный станок»[83]. Утверждения перетекли и в такие фундаментальные труды, как «Очерки истории Ленинграда» («Нартовым был изобретён токарно-копировальный станок с суппортом») или «Очерки истории СССР» («Крупнейшим его <Нартова> изобретением является самоходный суппорт»)[84]. Остановиться в славословии сложно, и в 1962 году Л. Владимиров с А. Клячко превращают его «в первый токарно-копировальный станок», который «Нартов сделал для Петра»[85]: станков Блеера как будто не существует, да и суппорт уже оказывается ни при чём — главное отечественный приоритет, и не важно в чём.

Данилевский прекрасно разобрался в ситуации, но, по всей видимости, из идеологических соображений поддерживал миф с помощью двусмысленных фраз: «Нартов создал разнообразные станки с суппортами <...>. Ещё в первой четверти XVIII века А.К. Нартов работал, применяя изобретённые им суппорты»[86]. Другой исследователь, Загорский, явно чувствуя двусмысленность ситуации, писал также обтекаемо, на что последующие авторы уже не обращали внимания: «<...> при помощи механического суппорта, который был впервые в России установлен на станке, изготовленном для царской токарной мастерской в 1712 г. Станок хранится в Государственном Эрмитаже. Это самый ранний из сохранившихся станков с механическим суппортом. Возможно, что этот станок был сделан Нартовым ***совместно с другими токарями*** <выделено нами>. Но значительная роль А.К. Нартова в изобретении механического суппорта тем более вероятна, что он был выдающимся “инвентором” и ему принадлежит множество изобретений в различных областях. Кроме того, А.К. Нартов впервые в истории машиностроения, как об этом свидетельствуют известные в настоящее время материалы, применил механический суппорт на станке для изготовления деталей машин»[87]. В 1957 году Загорский просто отделил этот станок от Нартова уже без всяких оговорок, ибо считал, что последний приехал в Петербург лишь в 1714 году[88], а в 1960 году писал: «Проф. А.С. Бриткин называет его “станок Нартова модели 1712 г.” Между тем доказательств еди-

[83] *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 33.

[84] Очерки истории Ленинграда... С. 225; Очерки истории СССР... С. 693.

[85] *Владимиров Л., Клячко А.Б.* Указ. соч. С. 21.

[86] *Данилевский В.В.* Андрей Константинович Нартов... С. 38–39.

[87] *Загорский Ф.Н.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1956). С. 8.

[88] *Он же.* А.К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII века. (1957). С. 8.

ноличного авторства А.К. Нартова в этом случае не имеется»[89]. Более того, добавим мы, не имеется доказательств даже простого присутствия Нартова при изготовлении станка. А ещё точнее, имеются неопровержимые доказательства его отсутствия при этом процессе.

Из каталогов же со всей очевидностью следует, что никакого токарно-копировального станка Нартова 1712 года в Эрмитаже не существует. Единственный, который приближается к указанным выше описаниям, — это «Станок копировально-токарный боковой», он же «Станок “персонный” — “боковой”», чьё авторство определено как: «Мастер Франц Зингер. Флоренция(?). 1711» и «Изготовленный Ф. Зингером в 1711 г. во Флоренции» (там же — изображение).[90] Но именно под его изображением у Айзенштадта и Чихачева стоит подпись: «Токарно-копировальный станок Нартова 1712 г.».

Это тот самый станок, который имеет зубчатое колесо у приводной рукоятки с гравированной надписью: «ST: PETERBURG / 1712»[91]. Он же изображен в путеводителе Матвеева и обозначен как: «Ф. Зингер. “Боковой” токарно-копировальный станок. 1711–1712 гг.», Данилевским как: «Петровский токарно-копировальный станок с механизированным суппортом. 1712 год», В. Плотицыным как: «Токарно-копировальный станок начала XVIII ст.» и описан в каталоге «Основателю Петербурга» как: «станок токарно-копировальный боковой. Флоренция (?) Мастер Франц Зингер (Зенгер)... 1711–1712»[92]. Изображение и близкая аннотация — в каталоге «Peter the Great, an Inspired Tsar», а также у М. Гизе[93]. Этот станок, по-видимому, за его фактуру, очень любят художники, иллюстрирующие работы о Нартове[94].

Итак, появляются совсем новые ключевые слова. Не «Нартов» и «Санкт-Петербург», а «Франц Зингер» и «Флоренция». Причём, как выяснил С.О. Андросов, прототип этого «особого токарного станка» был некогда изобретён отцом Франца, к тому времени уже умершим мастером, Филиппо Зенгером. Последний упоминается во флорентийских документах с 1675 по январь 1704 года. Франц же, по просьбе

---

[89] *Он же.* Очерки... С. 77.

[90] Токарные станки... С. 169, табл. 60; Teatrum Machinarum... С. 33.

[91] Его изображения см.: *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ соч. С. 25–26, 29, 33; Teatrum Machinarum... С. 34–35; Основателю Петербурга... С. 171.

[92] *Айзенштадт Л.А., Чихачёв С.А.* Указ. соч. С. 34–35; *Данилевский В.В.* Русская техника... С. 143; *Матвеев В.Ю.* «Токарня»... С. 6; Основателю Петербурга... С. 376; *Плотицын В.Г.* Указ. соч. С. 126.

[93] *Гизе М.Э.* Очерки... (1978). С. 63, 65; Она же. Очерки... (2008). С. 85–86; *Yastrebinsky G.* Op. cit. P. 227.

[94] *Сафонов В.* Механик... (1951). Л. 1 обл.; *Он же.* Нартов — токарный мастер... С. 41; *Холодковский В.* Указ. соч. С. 6; *Шкловский В.* Указ. соч. С. 18.

великого герцога тосканского Козимо III, за полгода сделал новый станок по образцу старого (или воссоздал последний): «слово в слово зделан, каков старый»[95], который оказался к тому времени в нерабочем состоянии. О чудо-станке из переписки с Козимо III узнал Пётр I. Загорелся желанием его получить; в мае 1711 года писал герцогу «о присылке станка, на котором делаются резные точёные монеты» и послал за ним камергера и генерал-адьютанта С.Г. Нарышкина, которому поручил не только «добиватца той машины», но и нанять на работу мастера. Что тот и выполнил. Что касается станка, то в декабре 1711 года он ещё не полностью был починен. В январе 1712 Семён Нарышкин и Франц Зенгер вместе со станком прибыли в Вену. 25 марта 1712 года (ст. ст.) они проехали «Тарунь» (Торунь; Toruń) — город на севере Польши, где встретил их князь В.В. Долгоруков. В это же время Нарышкину было решено поручить срочную дипломатическую миссию в Вене, и канцлер Г.И. Головкин из Петербурга написал целую серию писем (в том числе не менее трёх самому Нарышкину и одно Долгорукому), требуя, чтобы «его милость» ехали «сюды на почте, как наискорее возможно. А токарной станок извольте приказать весть за собою или кому из своих людей или и сему присланному к вам офицеру немедленно»[96]. Однако письма не находили адресата. Так, кн. В.В. Долгоруков 23 апреля (ст. ст.) из Торуни писал Головкину в ответ на его письмо «о Семене Нарышкине, чтоб ево прислать на почте, а станок с афицером нашим отправить»[97]. Но последнее пришло лишь 13/24 апреля, когда Нарышкин и Зенгер уже давно покинули князя. Они добрались до Петербурга не позже 15/26 мая, ибо контракт с Зенгером был заключён, как мы уже писали, 16/27 мая, а 3/14 июня датировано благодарственное письмо Петра I герцогу Козимо III: «Пред несколко времянем наш камергер Нарышкин сюды возвратился...»[98]. Здесь станок и был окончательно

[95] ПиБ. Т.12, вып. 1. М.: Наука, 1975. С. 357.

[96] Там же. С. 522.

[97] Там же. С. 387.

[98] Цит. по: ПиБ. Т. 12, вып. 1. М.: Наука, 1975. С. 233–234. См.: *Андросов С.О.* Новые материалы...; *Он же.* Франц Зенгер в России...; *Он же.* Франц Зенгер в России: 1712–1722... С. 40; *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 45, 67; Указы, письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1873. С. 214, 216. (Сб. РИО. Т. 11); *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России: по 1800 год. Ч. 2. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. С. 247–248; *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге... С. 12; *Она же.* Очерки... (2008). С. 259; ПиБ. Т. 11, вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 122, 272, 366–367, 431; Т. 12, вып. 1. С. 357, 387–388, 522. В одной из своих работ Андросов (см.: *Андросов С.О.* Франц Зенгер в России: 1712–1722... С. 39) ошибочно датирует это письмо 3 мая 1712 года, сдвигая приезд на месяц вперёд.

доделан, а может, исправлены какие-то не известные нам повреждения, полученные в ходе транспортировки или восстановлены утраты. Во всяком случае, было изготовлено зубчатое колесо, на котором выбито: «ST: PETERBURG / 1712.»

К такой же идентификации этого станка (шифр и инв. № ЭРТх-648) пришёл и В.Н. Васильев, детально изучавший как сами станки, так и рукопись Нартова, и подчёркивавший ошибочность атрибуции Бриткина и Видонова, приписавших его Нартову[99]. Думаем, что последних спутал тот факт, что привезённый станок исправлялся или доделывался в Петербурге. Причём спутал до такой степени, что они писали: «Приводим перечень и краткое описание станков... 2. "Махина боковая персонная" вывезена в 1712 г. из Флоренции Семёном Григорьевичем Нарышкиным. Станок не сохранился». И дали примечание: «... перечень станков царской токарной мастерской приводится по описи, сделанной в 1741 г. А.К. Нартовым»[100]. Если внимательно не вчитываться, то из этого заключения можно понять, что именно Нартов в 1741 году в описи отметил исчезновение станка из Флоренции. В действительности же Нартову принадлежат слова «Махина боковая персонная», да пересказанное указание на то, что её привёз из Флоренции Семён Нарышкин, и стоит эта позиция в описи 1741 года под № 4[101]. Остальное же — на совести самих авторов, которые ошибочно атрибутировав эту «махину», были вынуждены «похоронить» прибывшую из Италии, ибо иначе одно не сходилось с другим. А вот со станком Блеера, как мы уже говорили, они обошлись совсем просто: изъяли его описание, которое присутствует в описи под № 2, сместив всю последующую нумерацию.

Вернёмся к Васильеву, который остановился на полдороге и не сделал решающего шага, признав, что раз именно этот станок имел механический суппорт, то честь изобретения последнего принадлежит Зенгеру. Впрочем, это был 1959 год — и мы не знаем: то ли вывода не сделал, то ли опубликовать не дали.

Сейчас мы можем сказать, что речь идёт о двух Зенгерах — отце и сыне: Филиппо и Франческо Готфриде. Через 10 лет после В. Васильева, в 1969 году, Ф. Загорский был вынужден признать: «Знаменитый токарный станок с надписью "St. Peterburg 1712", имевший впервые в истории машиностроения самоходный суппорт, был изготовлен под руководством и, вероятно, по проекту Зингера». Это утверждение в историографии осталось незамеченным, отчасти потому, что

[99] *Васильев В.* Сочинение А.К. Нартова... С. 54.

[100] *Бриткин А.С., Видонов С.С.* Указ соч. С. 52.

[101] «4. Machina alia, priori similis, ex Florentia huc allata per Dominum Sim. Narischkin» (Mus(s)ei imperialis Petropolitani... P. 60).

далее Загорский, как будто испугавшись собственного вывода, поправляется: «Возможно, что и другие лучшие механики Петра I, в том числе Нартов, принимали участие в создании этого технического шедевра». И затем повторяет, не называя уже имени изобретателя: «Первый механизированный суппорт <...> был построен в 1712 г. в Петербурге в личных мастерских Петра I»[102]. В дальнейшем Загорский совсем исправился и через 12 лет, в 1981 году, в другой книге[103] умудряется рассказать о Нартове, суппорте и этом станке, уже опуская имя Зенгера.

В 1982 году в собрании сочинений В. Сафонова переиздаётся повесть «Механик великого художества»[104], в которой все заслуги приписываются единственно Нартову. Ситуация как будто возвращается на 30 лет назад.

Иногда авторов спасали вкус и изощрённая осторожность формулировок, позволявшая избегать ошибок на минном поле советской истории техники. Так, у О. Кузнецовой и Б. Борзина читаем: «самым замечательным делом Нартова было создание токарно-копировальных станков с применением на них механизированного подвижного суппорта». И далее, говоря о работавшем в конце XIX века Г. Модсли: «только позднейшие изыскания доказали, что суппорт был хорошо известен Нартову»[105]. Ну что ж, возразить нечего: да, суппорт был Нартову известен, да, он создавал станки с применением этого суппорта. Но нигде не утверждается, что он его изобрёл.

В 1993 году, когда никакого идеологического давления не было и в помине, с Загорским решил поспорить И. Дружинский, передвинув изобретение суппорта на два года, чтобы нартовское авторство не вызывало сомнений: «В действительности, первый суппорт создан в России в 1714 году Андреем Нартовым»[106]. Другими словами, и Зенгера не было, и его станка тоже...

Напомним, что Нартов в 1712 году был 19-летним подмастерьем «токарного и резного дела», который приехал в Петербург из Москвы, из мастерских Навигацкой школы, уже после того, как в Петербурге появился Франц Зенгер, а возможно, что и после того, как он завершил ремонт и доделку воссозданного станка своего отца. К сожалению, известные на сегодня документы не позволяют с точно-

---

[102] *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов... С. 13, 87.

[103] *Загорский Ф.Н., Загорская И.М.* Генри Модсли... С. 79–81.

[104] *Сафонов В.* Механик великого художества: [Историческое повествование] // *Он же.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1982. С. 374–426.

[105] *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Указ. соч. С. 153–154. Близкий текст в: *Кузнецова О.Н.* Указ. соч. С. 66.

[106] *Дружинский И.А.* Воссоздание технологической части станка... С. 237.

стью до дней соотнести завершение работы над станком и приезд Нартова в Петербург. Можно лишь утверждать, что это произошло летом или осенью 1712 года. И уж точно, что не Нартов в мае–июне 1712 года привёз этот станок в Петербург из Москвы, куда его якобы доставил Нарышкин из Флоренции, как считает М. Гизе[107].

Со временем в Петербург были доставлены инструменты из московской токарни и среди них станок Блеера 1704 года. Ну, а станок Блеера, отправленный Петру в ноябре 1710 года, находился там и ранее. В результате петербургская Токарня объединила от двух до четырёх[108] ранее сделанных станков с суппортами разных конструкций, и было бы удивительно, если бы именно в этой мастерской он не получил своего дальнейшего развития.

ИТОГИ

Благодаря активной политике Петра I по поиску и переносу европейского знания, в его токарнях собрались несколько гениальных механиков-изобретателей, каждый из которых создал свой суппорт. И у них оказался блестящий ученик — Нартов. В результате ему с самого начала обучения были знакомы станки с суппортами: вначале созданные Блеером, затем — Зенгерами. Позднее он, впрочем, как и другие мастера петровской Токарни, широко применял механический суппорт в своих станках, разрабатывал этот узел и довёл его конструкцию до совершенства. После ухода из жизни Зенгера и Занепенса, т.е. после 1723 года, он оказывается ведущим специалистом в этой области. Но не он изобрёл суппорт как таковой и даже те его разновидности, которые стали «родоначальниками» суппортов Петровской токарни. Он даже не участвовал в их изобретении, хотя бы потому, что отсутствовал во Флоренции, когда станок восстанавливался Зенгером-сыном, и ещё не работал в Токарне, когда в Москве создавал свой станок Блеер. А когда станок с механическим суппор-

---

[107] *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге... С. 12; *Она же.* Очерки... (2008). С. 259.

[108] В зависимости от времени отправки в Петербург инструментов и станков из мастерской Сухаревой башни. В принципе, их могли отправить в Преображенское, а в Петербург много позже, с лета 1736 по начало 1737 г. (Материалы для истории... Т. 3. С. 77–78, 90–91, 149–150). В литературе информация об этом отсутствует. М.Э. Гизе считает, что это произошло одновременно с отъездом Нартова в Петербург в 1712 г. (*Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге... С. 7; *Она же.* Очерки... (2008). С. 254). Если станок Блеера 1704 г. попал в Преображенское, то на 1712 г. в петербургской Токарне «встретились» лишь два либо три станка с суппортами: 1707-го (или ранее), 1710-го и 1711/12 гг. Во всяком случае, в описи Нартова 1741 г. станок Блеера 1704 г. зафиксирован как находящийся в Кунсткамере (Mus(s)ei imperialis... P. 59).

том был создан Зенгером-отцом, Нартов, скорее всего, ещё даже не родился. В лучшем случае, он мог присутствовать в качестве подмастерья при доделке или ремонте Зенгером-сыном станка, восстановленного из Флоренции в Петербург. А мог и не присутствовать. Впрочем, в качестве ученика он должен был помогать Блееру при изготовлении станка 1710 года и, может быть, станка 1707 и 1708 годов (если начал обучение с 1705).

Таким образом, изобретение «нартовского суппорта» является великой заслугой отца и сына Зенгеров, с одной стороны, и Блеера, с другой. Возможно, что и у них есть предшественники. Но на сегодня более ранние изобретения не известны.

Сам же Андрей Константинович Нартов сделал в своей жизни достаточно много, чтобы войти в мировую историю техники, и не нуждается в приписывании ему чужих достижений.

О том, что станки Нартова, попавшие в Европу, оказали хоть какое-то влияние на развитие станкостроения, никаких материалов на сегодня неизвестно. Так же как нет никаких доказательств того, что идеи механического суппорта, разрабатывавшиеся в России Блеером, Зенгером, Занепенсом, Нартовым и Ботомом, оказали хоть какое-то влияние на работу Модсли, а значит, и на развитие промышленной революции в Европе...

Е.С. Тараканова
(Санкт-Петербург)

Распространение британский технологии в России в XVIII – начале XIX века

Во второй половине XVIII века Великобритания начала значительно опережать прочие государства в промышленном отношении. Понимая, какие колоссальные преимущества это даёт, власти и промышленники проявили солидарность в вопросах сохранения технических секретов. Был принят ряд законов, препятствующих отъезду специалистов, вывозу технической документации и образцов новой техники из страны. Тем не менее, начиная с 1780-х годов, британские технологии начали активно распространяться в других странах, в том числе и в России. Этот процесс, по-английски именуемый the transference of British Technology или the diffusion of British Technology — передачей или распространением британских технологий, шёл в России разными путями. Приглашались на работу британские специалисты, легально и не совсем легально приобретались чертежи и образцы техники, на английские заводы для обучения отправлялись студенты и молодые перспективные механики.

Негодование английской прессы по поводу «русских шпионов» порой имело под собой реальную почву. Действительно, некоторые из отечественных туристов, посещая британские предприятия, не просто восхищались успехами передовой страны, а стремились постигнуть особенности новой техники. Возвращаясь вечером в гостиницу, они старались по памяти зарисовать увиденные ими новые машины.

Российские государственные структуры проявляли большой интерес к новым технологиям. Ведущую роль играли инициативы Адмиралтейств-коллегии, где еще со времен Петра Великого служило

много шотландцев, которые могли использовать свои связи на родине. В этом отношении показательна переписка вице-президента Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышёва с находившимися в Англии В.Г. Лизакевичем и А.С. Мусиным-Пушкиным[1]. Переписка относится к 1777–1778 годам, и в ней впервые на русском языке упоминается паровая машина Уатта, главное техническое достижение английской промышленной революции. Следует отметить, что российские чиновники проявили интерес к совместной работе Болтона и Уатта уже через год после её начала, когда компаньоны успели построить только две или три ещё очень несовершенные паровые машины.

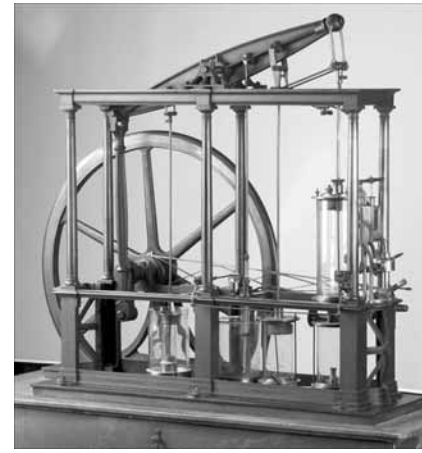
В 1784–1785 годах на учёбу в Англию был отправлен талантливый механик-самоучка из Твери Лев Фёдорович Сабакин. Здесь благодаря протекции русского посла С.Р. Воронцова он смог посетить ряд предприятий, вход на которые иностранцам был обычно закрыт. Но британцы, несмотря на видимое радушие, оставались всегда начеку. Так, описывая свой визит на завод к Болтону и Уатту, Сабакин рассказывал: *«...Я стороною слышал, что они имеют премножество таких машин, которые только у них, да и то под секретом. Ибо и я то заприметить мог, что... они меня согласны были более угащивать и по садам водить, нежели по своим заводам или фабрикам; и есть ли то когда было, они, я чаю, предупреждали в тех местах повесткою, чтобы то было скрыто, или совсем туда не водили. Однако ж с моей стороны я был и тем весьма доволен, потому что для меня встречалось очень много таких новых и удивительных вещей, которых бы я, конечно, нигде и никогда не увидел. Признаюсь, что я на тот случай имел затруднение в избрании, на которые из встречающихся машин долженствовал более обратить надлежащее внимание, и, сверх того, опасался, дабы таким разсмотрением не притти у них в подозрение»*[2].

Эта цитата прекрасно показывает всю сложность и деликатность взаимоотношений между британскими промышленниками и заинтересованными в новых технологиях русскими. Между нашими странами в те годы разверзлась настоящая технологическая пропасть. Английская промышленная революция породила не просто паровую машину или цилиндрические меха, но целый новый мир, наполненный «удивительными вещами», воспроизвести который в России казалось нереальным. Хозяева этих «удивительных вещей» были остро заинтересованы в увеличении объемов производства, расширении рынков сбыта, но в то же время опасались потерять свое уникальное положение монополистов в области новой техники.

---

[1] З*абаринский П.П.* Неопубликованная переписка об Уатте и Болтоне // Архив истории науки и техники. Т. V. М.; Л., 1935. С. 533–544.

[2] *Загорский Ф.Н.* Л.Ф. Сабакин механик XVIII века. М.; Л., 1963. С. 30–31.

Паровая машина Уатта. Модель. Механик Эжен Бурдон. 1838 год. Париж, Горный музей

В разных отраслях хозяйства процесс распространения британских технологий имел свои особенности. Где-то без них еще можно было обойтись, но существовали и такие отрасли, которые остро нуждались в техническом перевооружении. Прежде всего, это касалось таких сложных и точных производств, как изготовление монет, медалей и жетонов. Почти одновременно в середине 1790-х годов в России возникла потребность в новых предприятиях такого профиля, и за сравнительно короткий срок в Петрозаводске на Александровском заводе была создана пуговичная фабрика, а в Санкт-Петербурге построен Банковский монетный двор и полностью реконструирован старый монетный двор в Петропавловской крепости. Как же на практике осуществлялись эти проекты в условиях британских запретительных законов?

Изготовление качественных монет, медалей и жетонов издавна считалось сложным делом, требующим большого количества специальной техники. В XVIII веке монетные дворы оснащались плавильными печами и разнообразными станками — обрезными, плющильными, гуртильными, винтовыми прессами. В качестве источника энергии, как правило, использовались ручной труд, конная тяга или водяные колеса. Появление паровой машины Уатта, которая могла передавать круговращательное движение на любой механизм и обеспечивать высокую скорость печатания монет, открыла перед этим производством широкие перспективы. Оставалось только усовершенствовать винтовой пресс и соединить его с паровой машиной. Такой усовершенствованный пресс появился в результате совместной работы Болтона с приглашённым им швейцарским механиком Жаном Пьером Дро и был запатентован Болтоном в 1790 году.

В России с 1786 года работал один из крупнейших специалистов-британцев, механик и металлург Чарльз (Карл Карлович) Гаскойн, приглашенный для реконструкции Александровского пушечного завода в Петрозаводске. Сам факт появления в нашей стране британ-

Чарльз (Карл Карлович) Гаскойн. Холст. Масло. Начало XIX века. Горный музей

ского специалиста такого высокого уровня был уникальным. Отъезд его из Англии, обусловленный рядом личных причин, не был вполне легальным, и соотечественники до сих пор склонны считать его предателем, но для нашей страны его появление стало большой удачей. К 1793 году Гаскойн, в основном завершивший масштабную реконструкцию петрозаводского предприятия, начал предпринимать некоторые шаги для увеличения его прибыльности. С этой целью намечалось создать ряд новых небольших производств, изготавливающих различные нужные в быту предметы «для вольной продажи» и по госзаказу. Одним из таких производств должна была стать, по замыслу Гаскойна, пуговичная фабрика, для организации которой им был приглашен механик Джозеф Меджер.

Производство пуговиц, жетонов и медалей, сложное и тонкое, включающее множество операций, требовало использования новейшей техники и квалифицированных кадров. Меджер к тому времени был уже достаточно известной фигурой среди британских промышленников. Окружение Болтона немного посмеивалось над его маниакальной идеей создать собственную совершенную конструкцию паровой машины, но в целом относилось уважительно. Помимо особого пристрастия к паровым машинам он отличался и любовью к странствиям. Поработав в Австрии, Польше и Прибалтике, Меджер приехал в Россию, но и здесь не смог сразу осесть. Вскоре из Петрозаводска он перебрался в столицу, а затем на Урал.

Меджер в полной мере оправдал надежды Гаскойна. Уже в конце 1795 года Гаскойн с гордостью демонстрировал А.Н. Оленину образцы жетонов и медалей, изготовленных в Петрозаводске, и рассказывал о паровой машине, построенной на этой фабрике[3]. Состав масте-

[3] *Тараканова Е.С., Рябов Б.Г.* Ныне славящийся художник Осип Меджер // Проблемы культурного наследия в области инженерной деятельности / Науч. ред. Г.Г. Григорян, сост. И.И. Русецкая. Вып. 5. М., 2007. С. 321–334.

ров петрозаводской пуговичной фабрики дает основание полагать, что Меджер прибыл в Петрозаводск с целой командой прибалтийских механиков. Интересно, что с отъездом Меджера из Петрозаводска из формулярных списков Олонецких заводов исчезают и все имена прибалтийских мастеров[4].

Какой была конструкция петрозаводской паровой машины и прессов для изготовления медалей и жетонов, неизвестно, но участие в этом проекте таких выдающихся специалистов, как Гаскойн и Меджер говорит само за себя. Пуговичная фабрика процветала в первые годы своей деятельности и особенно успешной стала в царствование Павла I, когда получила большой госзаказ на крупные гербовые пуговицы для мундиров. Вскоре после гибели императора в 1801 году фабрика была закрыта.

Вторым проектом, который возглавил Гаскойн, и где также участвовал Меджер, стало создание Банковского монетного двора. Сохранившиеся в фонде Олениных Российской Национальной библиотеки документы[5] позволяют нам представить, как происходила наладка оборудования и сдача промышленного объекта в эпоху Павла I.

В конце 1796 года император Павел I одобрил предложение директора Ассигнационного банка Алексея Куракина начать чеканить золотую и серебряную монеты. Заняться организацией нового Банковского монетного двора Куракин поручил А.Н. Оленину, недавно вошедшему в Правление банка. Успешный опыт Гаскойна, впервые в России сумевшего применить в Петрозаводске паровую машину в производстве близком к монетному, побудил Оленина просить у него помощи в организации нового предприятия. В апреле следующего года, на коронации Павла I в Москве, Гаскойну удалось подписать у императора проект нового монетного двора и смету расходов.

Предполагалось использовать следующее основное оборудование: две паровые машины, семь станов для тиснения монет, семь обрезных станов, шесть пар приводных валов для плющения полос золота и серебра и двенадцать плавильных печей. Ежегодно планировалось выпускать 150 млн. монетных кружков или по 411 тыс. монет ежедневно. На устройство монетного двора первоначально было ассигновано 100 тыс. руб. из прибылей от банковских заводов и средств, предназначенных на закупку драгоценных металлов.

Гаскойн не имел возможности, тем более в короткий срок, приобрести британскую технику, но за 10 лет работы в России он сумел

[4] Там же.

[5] Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. П. 373. Л. 1–63.

сформировать квалифицированные кадры и создать необходимую техническую базу в Петрозаводске. Здесь работали и приглашенные им британские мастера, и обученные местные мастеровые. В Петрозаводске была построена первая в России паровая машина Уатта — машина Воицкого золотого и медного рудника близ Кеми. Александровский завод к тому времени уже начал строить паровые машины и разнообразные станки на заказ.

К работе на Банковском дворе был подключен помимо Меджера и другой крупный специалист по паровым машинам, бывший сотрудник Болтона, Джордж Шериф. В течение 1797 года с Воицкого рудника (к тому времени закрытого) была привезена большая паровая машина, а на Александровском заводе в Петрозаводске изготовлены малая паровая машина, прокатные станы и другая техника. Если бы не постоянные конфликты между Олениным с одной стороны и Гаскойном с его сотрудниками с другой, то проект мог быть завершён в очень сжатые сроки.

Пока шёл монтаж оборудования, надобность в Банковском дворе вроде бы отпала, но в 1799 году было решено использовать его в качестве главного российского монетного двора на время реконструкции Санкт-Петербургского. Уже в сентябре был завершен монтаж паровых машин и другого оборудования, а к концу года Банковский двор начал чеканить золотую и серебряную монету. Здесь же стали изготавливаться все медали, жетоны и знаки отличий, ранее выпускавшиеся Санкт-Петербургским монетным двором. Банковский монетный двор был закрыт только в 1805 году.

Оба эти в целом удачных проекта были осуществлены под руководством Чарльза Гаскойна, при активном участии приглашенных им крупных британских специалистов, силами обученных британцами талантливых русских мастеровых. Вся новая и сложная техника изготавливалась на Александровском заводе в Петрозаводске. Именно таким был основной путь передачи британских технологий в Россию, и он оказался наиболее успешным и надежным. Привлечение владеющих знаниями и опытом британцев для создания в России новых производств и формирования отечественных кадров квалифицированных специалистов закладывало прочный фундамент под будущее промышленное развитие нашей страны.

Третий проект, реконструкцию Монетного двора в Петропавловской крепости, было решено организовать по-другому. Еще при жизни Екатерины II было заключено соглашение с Болтоном о поставке им оборудования для монетного двора непосредственно из Англии. Для Болтона это был первый опыт экспорта своего монетного пресса за рубеж. Из-за высокой цены британское правительство не торопи-

Винтовой пресс для штампования монет системы М. Болтона. Модель. Масштаб 1:4. Мастер Иван Лизель. Бирмингем. 1798–1802. Париж, Горный музей

лось закупать у Болтона прессы для своих нужд.

Летом 1796 года шли переговоры с Болтоном, и к октябрю определился состав и стоимость требуемого оборудования: «для полного монетного двора одна паровая машина, восемь для тиснения монет и столько же обрезных, три для надписей по бортам, четыре сушильных, один или два токарные круга для обточки штемпелей, также колеса и оси железные, винты и прочее, и основа для машин из дубового дерева»[6]. Кроме поставки оборудования Болтон брал на себя обучение работе на нем двух россиян и обязался прислать своего сотрудника для монтажа оборудования. В конце 1796 года к Болтону для обучения прибыла целая делегация из 5 человек.

Из-за смерти Екатерины II проект был на время заморожен, а делегация отозвана, но через некоторое время проект был возобновлен, и в начале 1798 года прибыла новая российская делегация. В её составе были, в частности, будущий известный горный деятель А.Ф. Дерябин, уже упоминавшийся Л.Ф. Сабакин и талантливый молодой механик Иван Лизель. Историю этой поездки подробно осветил Энтони Кросс[7].

Благодаря большому политическому влиянию, которое получила Россия во время царствования Екатерины II, и мощному лоббистскому потенциалу Болтона 12 июля 1799 года в Англии был принят официальный «Акт, дающий право Мэтью Болтону, инженеру, вывезти оборудование, необходимое для устройства монетного двора во владениях Его Императорского Величества, самодержца Всероссийского». Сразу после этого среди купцов и ремесленников Бирмингема распространился панический слух, будто Болтон намерева-

[6] Романов Георгий Михайлович, великий князь. Монеты царствования императрицы Екатерины II. Т I. СПб., 1894. С. 362.

[7] *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 384.

ется «вывезти все их инструменты, их изобретения и мастеров», и к правительству обратились с петицией, чтобы Болтона остановили. Началась мощная кампания в прессе, но машины и мастеров удалось всё же вывезти, но лишь через два года, уже при Александре I[8].

Возникает вопрос, почему для реконструкции Санкт-Петербургского монетного двора было решено произвести закупку английского оборудования, а не сделать его своими силами в Петрозаводске? По-видимому, опыт Гаскойна сочли для этого недостаточным. И.Г. Спасский же предположил, что основной интерес для российских властей в данном случае представляли не паровые машины Уатта, которые у нас к тому времени уже строились, а конструкция монетного пресса Болтона-Дро[9]. Получить же один монетный пресс, по-видимому, не представлялось возможным.

Новый монетный пресс, известный в дальнейшем как пресс Болтона, совершил настоящую революцию в монетном деле. Его скорость достигала 50–120 монет в минуту, а работал на нем один человек. Как и бывшие до него станки, пресс Болтона состоял из вертикально поставленного винта, вращаемого рычагами с грузами, но, в отличие от предшественников, действовал автоматически. Специальные устройства подкладывали и снимали монеты, а разъемное кольцо одновременно с печатанием обжимало монетные кружки, нанося насечку или отпечатывая буквы на кромке монеты. Можно сказать, что это был первый в истории станок-автомат.

К сожалению, нет сведений о конструкции паровой машины, поступившей от Болтона вместе с другим оборудованием для Санкт-Петербургского монетного двора. И. Неведомский указывает, что монетный пресс соединялся с паровой машиной пневматическим приводом, т.е. машина работала как воздушный насос[10], а значит, она могла быть и не уаттовской, а более примитивной конструкции, типа Ньюкомена. Не исключено, что пневматический привод появился как «экспортный вариант», для того чтобы не вывозить за рубеж «секретную» уаттовскую машину.

Проект реконструкции Санкт-Петербургского монетного двора, в котором Гаскойну тоже пришлось участвовать на некоторых этапах, был так же успешно завершён, как и два предыдущие возглавля-

---

[8] Там же.

[9] *Спасский И.Г.* Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX века. Л., 1949. С. 77.

[10] *Неведомский И.А.* Описание новой машины для тиснения монет, изобретённой И. Неведомским. С приобщением сделанного изобретателем описания находящихся ныне в С.-Петербургском монетном дворе печатных машин и принадлежащего к ним воздушного снаряда. СПб., 1811. С. 27.

емые им проекта. В тот период без Гаскойна в России не обходилось ни одно крупное техническое начинание.

История переноса британских технологий в Россию не знала стандартных решений. Чтобы добиваться результатов, приходилось осваивать искусство компромисса. Приобретение британской техники ограничивалось строгими британскими законами, и надо было учиться эти законы так или иначе обходить. В одних случаях из общего списка закупаемого оборудования приходилось исключать наиболее «продвинутые» устройства и заменять их морально устаревшими. В других случаях оборудование вывозилось нелегально либо изготавливалось под руководством британцев в России.

Постоянно в Англию посылались люди, которые должны были «побольше разузнать» о новой технике. Среди них попадались и талантливые механики, которые многому обучались и в дальнейшем успешно создавали оригинальную технику у себя на родине. Такими одаренными людьми были Лев Сабакин, автор первого описания паровой машины на русском языке, в дальнейшем успешно трудившийся на Урале, и Иван Лизель, создавший модель пресса Болтона, которую он подарил Горному музею.

Регулярно на русскую службу приглашались британцы. В то время профессия механика была еще очень редкой и, как правило, механиками в разных частях России работали именно британцы. Деятельность их далеко не всегда была успешной, порой попадались среди них и откровенные проходимцы, не владеющие профессией, но было и немало честных и одарённых тружеников.

При создании всех трех близких по сути производств — пуговичной фабрики в Петрозаводске, Банковского и Санкт-Петербургского монетных дворов — использовались близкие технологии и британские специалисты из одного круга. Часть техники импортировалась из Англии, часть создавалась под руководством британцев на российских предприятиях.

Успешно работали на Банковском монетном дворе паровые машины, построенные под руководством Гаскойна на Александровском заводе в Петрозаводске. Кроме привезённой на Банковский двор в 1797 году машины Воицкого рудника и установленной тогда же малой машины, в 1803 году появилась третья, также изготовленная в Петрозаводске. После закрытия этого монетного двора одна из гаскойновских машин в 1806 году была перевезена на Санкт-Петербургский монетный двор, где в дальнейшем использовалась как резервная.

Интерес правительства, инженеров и предпринимателей к паровым машинам был в то время очень большим и в России, и во всём

мире, но экономическая целесообразность их применения долго находилась под вопросом. Дело в том, что паровые машины первого поколения в силу гениальности их создателя Джеймса Уатта по своим инженерным решениям значительно опережали технологический уровень своего времени. Проще говоря, они требовали большей точности исполнения, чем это позволяли сделать современные им металлообрабатывающие станки.

Кроме того, для обслуживания такой сложной и тонкой техники требовались квалифицированные специалисты, которых в конце XVIII — начале XIX века было очень мало. Именно поэтому в России и других странах, в том числе на родине паровых машин, в Англии, их поломка была в тот период обычным явлением. Должны были пройти десятилетия, прежде чем машины стали более надежными в эксплуатации, а механики и мастера по обработке металла более искусными. В нашей стране, особенно на Урале и в Сибири, дополнительные трудности с внедрением паровых машин создавал холодный климат.

Несмотря на трудности, возникшие с внедрением паровых машин в первые десятилетия их использования, процесс этот имел объективный характер, и альтернативы ему не было. Благодаря появлению паровых машин металлообработка перешла на более высокий уровень, создавались новые металлообрабатывающие станки, строились машиностроительные предприятия, формировался квалифицированный слой рабочих, мастеров и механиков. Техническое оснащение монетных дворов, в котором главную роль играли британские специалисты, внесло значительный вклад в этот процесс.

Д.И. Раскин
(Санкт-Петербург)

Вклад британских изобретателей в развитие российской техники в первой половине XIX века[1]

Изучение влияния достижений науки и техники одной страны на научно-технический прогресс другой — дело достаточно сложное, а если не установить какие-то объективные критерии такого влияния — и достаточно субъективное.

Одним из показателей вклада британских изобретателей в развитие российской техники можно считать получение в Российской империи привилегий на изобретения, сделанные либо британскими подданными, либо (в тех случаях, когда это можно с достаточной достоверностью установить) — натурализованными в России выходцами из Великобритании[2]. Именно этот показатель и положен в основу настоящего исследования.

Этот показатель не раскрывает процесса влияния достижений британской техники на русскую техническую мысль через импорт соответствующих машин и механизмов и влияния последних на российских изобретателей, тем более через знакомство с соответствующей литературой и с действующими результатами изобретений, т.е.

[1] Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 14-06-00238-а.

[2] Такое выделение по признаку подданства, тем более по этническому признаку, не может претендовать на стопроцентную точность, т.к. даже подданство и место постоянного жительства не всегда указывались в делах о привилегиях. О британском происхождении изобретателей — российских подданных приходится судить по именам и фамилиям, что, разумеется, не всегда может быть точным, особенно, если учесть русификацию написания имен и фамилий в некоторых документах.

машинами, механизмами, устройствами. Но зато он является объективным свидетельством применения британцами (или лицами, получившими от них соответствующие полномочия) своих изобретений именно в России, т.к. получение привилегии (патента) на изобретение или усовершенствование в Российской империи свидетельствует о его практическом применении или, по крайней мере, намерении его применить. Получить привилегию было не так просто. Процедура была достаточно длительной[3] — около года. Да и пошлину нужно было заплатить немалую — к середине XIX века её размер составлял 450 руб. серебром. Просто для удовольствия засвидетельствовать свой приоритет или «на всякий случай» привилегии, как правило, не оформляли. Это касалось и россиян, и тем более британских подданных. Так что если изобретатели подавали заявку не привилегию и эту привилегию получали (а случаи отказа были сравнительно редкими), то за этим следовала попытка воспользоваться этой привилегией. Ну а насколько использование данного изобретения или усовершенствования оказывалось экономически эффективным — это составляло риск заявителя.

В настоящее время имеется ряд работ, специально посвященных авторскому праву в Российской империи, «патентным учреждениям» дореволюционной России, а также отдельным периодам истории изобретательства в России и правового оформления прав на изобретения и усовершенствования. Но эти работы в основном либо являются историко-юридическими исследованиями, либо носят обзорный характер. К тому же дореформенному периоду в этих работах уделено сравнительно мало места[4].

---

[3] Даже если исключить непредусмотренную законом канцелярскую волокиту и фактор коррупции, в данном случае обычно минимальный.

[4] *Аксёнова В.Ю.* Эволюция патентного права Российской империи и его соотношение с международной практикой охраны изобретений конца XIX века. М.: Роспатент, 2003; *Кован Д.* История становления авторского права в России // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. М., 2009. № 12. С. 46–53; *Колесников А.П.* «Патентные» учреждения в Российской империи. М.: Патент, 2010; *Орлов В.В.* «Патентные учреждения» в дореволюционной России (от Канцелярии Новосильцева до Комитета по техническим делам) // Изобретательство. 2006. Т. VI. № 1. С. 13–21; *Он же.* История отечественной патентной системы: заявки и привилегии на изобретения в Российской империи в 1870–1896 гг. // Изобретательство. 2005. Т. V. № 5. С. 13–23; *Он же.* История отечественной патентной системы: охранительные свидетельства и привилегии на изобретения в Российской империи в 1896–1917 гг. // Изобретательство. 2005. Т. V. № 10. С. 13–24; *Он же.* История патентной системы Российской империи. Комитет по техническим делам Министерства торговли и промышленности (1905–1917 гг.) // Изобретательство. 2008. Т. VIII. № 10. С. 17–25.

В Российской империи юридическое оформление прав на интеллектуальную собственность прошло в XIX веке, как известно, путь от привилегии к патенту. Этот путь проделала не только Россия.

Ещё в XVIII – начале XIX века в России было выдано 76 таких привилегий. Но первое законодательное оформление порядка защиты прав на изобретения и усовершенствования в России произошло, как известно, в 1812 году, накануне Отечественной войны. Манифест 17 июня 1812 года о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремёслах гласил, что «привилегия является свидетельством, удостоверяющим факт предъявления изобретения правительству как собственности предъявителя»[5].

Манифест предусматривал рассмотрение заявки и в случае признания полезности изобретения выдачу привилегии. До 1819 года промышленностью ведало Министерство внутренних дел (МВД), причём, в соответствии с манифестом 1812 года дела о привилегиях на изобретения и открытия рассматривались сначала в Департаменте мануфактур и внутренней торговли, а затем поступали в Совет министра внутренних дел. С 1819 года управление торговлей и промышленностью перешло к Министерству финансов. В составе этого министерства делами о выдаче привилегий ведал Департамент мануфактур и внутренней торговли (до 4 ноября 1819 года — в составе МВД)[6]. Окончательное решение о выдаче привилегий на изобретения и усовершенствования принимал Государственный совет (его Департамент государственной экономии), т.е. высшее законосовещательное учреждение империи. Этот порядок был закреплён и в Положении о привилегиях, утверждённом 22 ноября 1833 года[7].

Дела о выдаче привилегий на изобретения и усовершенствования сохранились в основном в архивных фондах Департамента мануфактур и внутренней торговли (в составе этого фонда находятся также дела существовавшего с 1828 года Мануфактурного совета, осуществлявшего первоначальное рассмотрение заявок на привилегии) и Департамента государственной экономии Государственного совета, а также в фондах Департамента государственного хозяйства и публичных зданий и Хозяйственного департамента МВД[8].

Таким образом, в нашем распоряжении примерно 400 архивных дел о привилегиях на изобретения и усовершенствования за период с

---

[5] ПСЗ. Т. 32. № 25143.

[6] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4-х томах. Т. 2. Центральные государственные учреждения / Отв. ред и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. С. 25, 108–110.

[7] ПСЗ. Т. 8. № 6588.

[8] РГИА. Ф. 18. Ф. 1152. Ф. 1285. Ф. 1287.

1812 года (год издания манифеста о привилегиях) по 1853 год (с 1854 связи со вступлением в Крымскую войну Англии и Франции процесс оформления привилегий подданным этих стран прервался, хотя уже выданные привилегии продолжали действовать).

Применение иностранцами своих изобретений и усовершенствований в России было осложнено нормами тогдашнего российского законодательства. В соответствии с «Дополнительным постановлением об устройстве гильдий» 1824 года «иностранный гость» не мог «иметь никаких фабрик, заводов, мельниц и никаких торговых или механических заведений, ниже отдавать их в аренду без особого дозволения, которое предоставится только таким заведениям, коих польза будет признана. Такое дозволение дается единственно с высочайшего разрешения»[9].

Характерен случай с британским подданным инженером Александром Смитом, который изобрёл паровой котёл для перегонки, очистки, кристаллизации различных жидких и твёрдых тел, но воспользоваться полученной привилегией в России он мог, по мнению министра финансов и Государственного совета, только на казённых предприятиях, а открыть предприятие на своё имя как иностранец не имел права (без записи в гильдию). Последовала резолюция Николая I: «Я считаю сие лучшим способом удушить всякую промышленность, если не давать выгод тем, кои привозят нам известные полезностью изобретения, то мы и лишимся их надолго, и отстанем от чужестранных. Потому хочу, чтоб министр финансов положил именно условия, на коих можно будет дозволить ему самому устраивать свои заведения»[10]. Судя по последующим заявкам А. Смита на привилегии, он вполне успешно развивал свои идеи в России, от чего, конечно, получала выгоды и российская экономика.

Если для пореформенного времени характерно преобладание иностранцев среди получателей привилегий на изобретения и усовершенствования, то для первой половины XIX века это далеко не так. Среди получателей привилегий в дореформенной России иностранные подданные занимали немногим более трети.

Доля британских изобретателей среди иностранцев колеблется от половины (в начале и в конце периода) до трети (большую часть рассматриваемого времени). Разумеется, чисто количественные показатели дают лишь грубую оценку процесса. Но очевидно, что влияние британских изобретений на развитие техники в Российской империи было достаточно велико, хотя об абсолютной монополии Великобритании (как и любой другой страны) говорить не приходится.

---

[9] ПСЗ. Т. 39. № 30115. 14.11.1824.

[10] РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 366 об.

При этом успешно конкурирующие с британцами в рассматриваемый период французские изобретатели внесли свой вклад не только в традиционные для Франции изготовление предметов роскоши, текстильную, пищевую промышленность и т.п., а британские изобретатели оставили свой след далеко не только в металлургии, изготовлении и усовершенствовании машин и механизмов, хлопчатобумажной промышленности России. А подданные германских государств конкурировали и с теми, и с другими.

Британские изобретения, на которые в России были получены привилегии, относились к различным отраслям промышленности и строительства, например: гидравлическая машина для подъема воды разреженным воздухом Ч. Брайана[11], улучшение в устройстве круговращательных паровых машин П. Гитта[12], насосы или помпы системы великобританского подданного Мантона[13]; способ разработки и пайки свинца британского подданного мастера Клейворта[14]; способ управления кораблями и пароходами Роберта Джона Смита[15], «система быстрого перемещения» — механизм для всех транспортных средств, действующих колёсами на суше и на воде Роберта Виклифа[16], «гидростат» для извлечения затонувших судов Томаса Пинкертона[17]; машина для набора типографских шрифтов Дж. Г. Юнга и А. Делькамбра[18]; паровой котёл для перегонки и очистки жидкостей инженера Александра Смита[19], способ приготовления свинцовых белил Мильнера и Гаррисона[20], способ извлечения воздуха из сосудов для сохранения животных и растительных веществ лондонского типографщика Дж. Вартемьера[21]; усовершенствования в машинах для прядения и сучения хлопчатобумажного волокна, шести, шёлка и льна Дж. Вормельда[22]; машина Томаса Потса для беления, просушки и окраски тканей[23]; самоткацкие станки Коллена (Коли-

[11] РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1819 г. Д. 60. Здесь и далее имена изобретателей даются в транскрипции документа.

[12] Там же. Оп. 4. 1853 г. Д. 12.

[13] Там же. Оп. 2. 1830 г. Д. 76.

[14] Там же. Оп. 1. 1819 г. Д. 95.

[15] Там же. Оп. 4. 1852 г. Д. 180.

[16] Там же. Оп. 4. 1851 г. Д. 83.

[17] Там же. Оп. 4. 1853 г. Д. 223.

[18] Там же. Оп. 4. 1851 г. Д. 83.

[19] Там же. Оп. 1. 1826 г. Д. 16.

[20] Там же. Оп. 2. 1834 г. Д. 116.

[21] Там же. Оп. 3. 1841 г. Д. 133.

[22] Там же. Оп. 4. 1852 г. Д. 216.

[23] Там же. Оп. 1. 1821 г. Д. 61.

на) Матела[24]; способ обработки краппа (марены) и др. растений того же семейства, предложенный химиком Симоном Пинкофсом и доктором философии Генри Чунком[25]; способ дубления кожи посредством атмосферического давления, изобретенный Томасом Нолисом[26]; улучшенные мельничные жернова Томаса Барнета[27], способ изготовления крахмала «иностранца» Джозефа Вальтона[28], способ изготовления дрожжей великобританского подданного Галля[29]; улучшенный способ окраски стен, полов и проч. лондонского купца Дж. П. Анстиса[30], лампы английского инженера Джона Тейлера Биля[31] и усовершенствование в устройстве ламп «иностранца» Билла Хейварда[32] и др.

Особо следует выделить «электрический движитель» Томаса Алана (1853)[33], привилегию, полученную в 1851 году иностранцами Весселем и Питманом на применение изобретенного английским механиком Ольметом прибора для электрического освещения[34] (собственно говоря, в заявке речь шла о трёх различных приборах одного автора[35]), жатвенную и косильную машину британского подданного Франца Ригеля (1853)[36] — предок последующих механических жаток.

Таким образом, изобретения и усовершенствования, примененные британскими изобретателями и предпринимателями в России первой половины XIX века, относились к таким областям техники, как машины и механизмы общего употребления (прежде всего, паровые), обработка металлов, водный и сухопутный транспорт, типографское дело, химическое производство, обработка волокнистых веществ и изготовление тканей, кожевенная промышленность, пищевая промышленность, сельское хозяйство, а также освещение.

К британским подданным можно добавить также британцев, принявших российское подданство или поступивших на русскую служ-

---

[24] Там же. Оп. 4. 1853 г. Д. 224.

[25] Там же. Д. 140.

[26] Там же. Оп. 1. 1827 г. Д. 51.

[27] Там же. Оп. 4. 1852 г. Д. 217.

[28] Там же. Оп. 3. 1841 г. Д. 80.

[29] Там же. Оп. 2. 1831 г. Д. 33.

[30] Там же. Оп. 3. 1840 г. Д. 83.

[31] Там же. Оп. 2. 1839 г. Д. 11.

[32] Там же. Д. 139.

[33] Там же. Оп. 4. 1853 г. Д. 129.

[34] Это было одно из самых удачных, хотя довольно сложных и поэтому экономически недостаточно выгодных в применении изобретений освещения при помощи вольтовой дуги, предшествовавших знаменитой «свече Яблочкова».

[35] РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. 1852 г. Д. 216.

[36] Там же. Оп. 4. 1853 г. Д. 126.

бу, например, шотландца К. Берда, получившего в 1815 году привилегию на паровое судно и (в отличие от Р. Фултона) реализовавшего её[37], лампового мастера Стефансона[38], изобретателя «воздуходействующих» ламп и др.[39]

Говоря о вкладе британских изобретателей в научно-техническую базу модернизации российской экономики, необходимо отметить, что внедрение соответствующих изобретений (посредством получения и реализации привилегии) в русскую промышленность не только влияло на развитие тех или иных отраслей этой промышленности, но в значительной степени зависело от наличного состояния этой промышленности. Побудительным мотивом для получения привилегии с целью её реализации (т.е. открытия собственного производства или применения в действующих предприятиях) могло служить как отсутствие или недостаток соответствующего производства в России, что открывало широкие возможности для применения изобретения, так и наличие достаточно развитого производства, создающего потребность в соответствующих изобретениях и усовершенствованиях.

Что из этих двух мотивов превалировало? Ответ на этот вопрос требует дальнейших исследований. Но необходимо отметить, что сравнение распределения по отраслям британских изобретений и временной динамики этого распределения с аналогичным распределением российских изобретений и усовершенствований показывает несомненное влияние отраслевой структуры российской промышленности на структуру британского вклада в развитие технической базы этой промышленности. Местный спрос на иностранные изобретения и усовершенствования определялся, прежде всего, состоянием российской экономики, её отраслевой структурой.

Наблюдаемые в первой половине XIX века процессы получили гораздо более сильное развитие в пореформенную эпоху, начиная с 1860-х годов.

---

[37] Там же. Оп. 1. 1814 г. Д. 52.

[38] Там же. Оп. 3. 1841 г. Д. 55.

[39] Здесь опять необходимо напомнить, что для точного установления британского происхождения изобретателей зачастую необходимы специальные генеалогические исследования.

Е.М. Лупанова
(Санкт-Петербург)

Мастер Джон Берд и обсерватория Петербургской Академии наук

На экспозиции «Первая астрономическая обсерватория Академии наук», расположившейся в башне здания петровской Кунсткамеры, внимание посетителей привлекает пассажный инструмент Джона Берда. Этот массивный и вместе с тем изящный инструмент является памятником оптического приборостроения XVIII века. Он прибыл в Санкт-Петербург в 1751 году вместе с А.Н. Гришовым, приглашённым на должность профессора астрономии Петербургской академии наук и вскоре возглавившим первую астрономическую Обсерваторию Академии наук после смерти Х.Н. Винсгейма.

Августин Нафанаил Гришов родился в Берлине в 1726 году в семье известного немецкого математика и метеоролога Августа Гришова. С 1745 года он был директором Берлинской Обсерватории, в 1749 году избран членом Прусской Академии наук, а в 1750 году — профессором оптики в Берлинской академии искусств.

История создания пассажного инструмента восходит к 1748 году, когда А.Н. Гришов в ходе своей поездки в Париж и Лондон познакомился со многими астрономами и мастерами. Джон Берд пользовался большим авторитетом в Европе. Инструментами из его мастерской стремилась обзавестись каждая современная обсерватория того времени. Он был известен как изготовитель для Гринвичской обсерватории 8-футового стенного квадранта, своего рода вершины развития астрономического приборостроения. Квадрант был установлен в 1750 году и использовался для наблюдений в течение более чем шестидесятилетнего периода. Аналогичные инструменты вскоре были заказаны также для обсерваторий Кадиса и Парижа, причем в после-

дней он использовался до 1823 года, т.е. ещё дольше, чем в Гринвиче. Приборы меньшего размера и аналогичной конструкции получили распространение по всей Европе, на время утвердив превосходство английского мастера над немецким и французским производством. Практическая астрономия середины XVIII века именно Джону Берду во многом была обязана повышением точности определения положений небесных светил, в результате чего были достигнуты крупные успехи в развитии науки[1].

Искусство и точность изготавливаемых Дж. Бердом приборов произвели на А.Н. Гришова впечатление. Он заказал Дж. Берду пассажный инструмент со зрительной трубой размером 5 французских футов (162,4 см). Работа над прибором завершилась в 1750 году, когда А.Н. Гришовым уже было принято решение перейти на службу в Петербургскую Академию наук. Поэтому после доставки инструмента в разобранном виде морским путём из Лондона в Гамбург он не был распакован и установлен, но оставлен до момента отправки в Санкт-Петербург.

К моменту прибытия А.Н. Гришова в русскую столицу академическая Обсерватория находилась в плачевном состоянии. Пожар в Кунсткамере в декабре 1747 года нанес огромный ущерб, уничтожил многие инструменты. Восстановительные работы шли очень медленно. Руководившему ими молодому астроному Н.И. Попову не удавалось преодолеть бюрократические препоны и чиновничье безразличие, тормозившее столь важное дело. Более авторитетный и опытный А.Н. Гришов с энтузиазмом взялся как за завершение работ, так и за обеспечение Обсерватории новым современным оборудованием. И первым его крупным вкладом в достижение цели был привоз собственных инструментов для астрономических наблюдений. Эти инструменты оценивались петербургскими академиками, принимавшими решение о приглашении А.Н. Гришова, так же высоко, как и его научный авторитет. Леонард Эйлер писал И.Д. Шумахеру: «Я особенно рад был услышать о том, что его графским сиятельством президентом [К.Г. Разумовским. — *Е.Л.*] наш господин Гришов приглашён в качестве астронома. Он очень искусен в этой науке и сделает честь Академии... Инструменты, которые он приобрел частично в Париже, частично в Лондоне, являются в своем роде превосходными и могли бы полностью заменить утраченные вследствие пожара»[2].

---

[1] *King H.C.* The History of Telescope. London, 1955. P. 115–116.

[2] *Ченакал В.Л.* Астрономические инструменты Джона Берда в России XVIII в. // Историко-астрономические исследования. Вып.VI. М., 1960. С. 69.

Пока шли восстановительные работы в Кунсткамере, находившаяся в её башне Обсерватория не могла функционировать. Пассажный инструмент Дж. Берда использовался А.Н. Гришовым на домашних обсерваториях, оборудованных для него в 1751–1760 годах Академией наук во Вратиславском, Строгановском и Головкинском домах.

После смерти А.Н. Гришова в начале июня 1760 года пассажный инструмент работы Дж. Берда перешёл в собственность Академии наук, использовался астрономами для наблюдений, а затем стал частью музейной экспозиции, посвященной истории изучения звёздного неба в России XVIII века.

Пассажный инструмент представляет собой зрительную трубу с горизонтальной осью для укрепления в стационарных опорах, объектив и окуляр трубы с оправами. Инструмент изготовлен из латуни. Труба может вращаться по горизонтальной оси, лежащей на опорах. В фокальной плоскости объектива натянуто несколько горизонтальных и вертикальных нитей. При помощи пассажного инструмента производились наблюдения моментов прохождения той или иной звезды через точку. При этом можно было находить время (поправку часов), зная прямое восхождение звезды, и обратно: зная поправку часов, определять прямые восхождения звёзд.

На трубе ближе к окулярной части вдоль выгравирована надпись: «John Bird London» (у Л.Е. Майстрова, впервые опубликовавшего данные об этом инструменте, ошибочно сказано, что надпись сделана на центральном кубе)[3]. Внешний вид инструмента хороший, сохранился объектив, однако уровни, нити и другие приспособления утрачены, окулярное стекло сломано. Использование его для наблюдений невозможно, впрочем, никем и не ставится такая задача, т.к. сегодня пассажный инструмент является памятником науки, музейным экспонатом, а не прибором для астрономических наблюдений.

Работая над своими приборами (в частности, над тем, который представлен на сегодняшней экспозиции), Дж. Берд стремился облегчить вес. Сложная конструкция требовала нескольких сотен винтов, каждый из которых изготавливался специально для данного пассажного инструмента. В мастерской поддерживалась постоянная температура, чтобы изменения её не могли влиять на форму лимба во время его деления и гравировки. По этой же причине мастер не допускал, чтобы в мастерской находилось более двух человек, когда здесь велись работы по изготовлению инструмента.

[3] *Майстров Л.Е.* Приборы и инструменты исторического значения. М., 1968. С. 75.

Сам Дж. Берд знал цену своим трудам и писал, что изготавливаемые им инструменты прослужат ещё многие годы, сохраняя высокую точность.

Помимо пассажного инструмента в Академической обсерватории был ещё один инструмент, изготовленный Джоном Бердом, восьмифутовый астрономический квадрант, аналогичный установленному в Гринвичской обсерватории. При заказе оговаривалось, что телескоп должен перемещаться на четырех колесиках, рама должна быть выполнена из медного сплава, иметь двойной уравновешивающий механизм, лимб должен быть размечен на 90 и 96°. А.Н. Гришов просил также обеспечить возможность измерений с точностью до одной секунды при помощи дополнительной шкалы и микрометра. Квадрант был получен в августе 1752 года и обошелся Академии наук в очень крупную сумму — 350 фунтов стерлингов (1 750 руб.). При его заказе А.Н. Гришов обратился к директору Гринвичской обсерватории Дж. Брэдли с просьбой контролировать работы по изготовлению прибора. Хотя он и был осведомлен о мастерстве Дж. Берда, дополнительная подстраховка казалась ему необходимой при столь важном и дорогостоящем заказе. Имеются сведения, что А.Н. Гришов использовал этот квадрант для планировавшихся им астрономических наблюдений, для которых и был заказан прибор. Видимо, это происходило в его домашней обсерватории, так как установка квадранта в Академической обсерватории представлялась ему проблематичной. Обсерватория располагалась в залах четвертого, пятого и шестого этажей центральной части (башни) здания Кунсткамеры, подвергавшейся довольно ощутимым для точных астрономических инструментов колебаниям. При установке квадранта в этих залах нужно было бы возвести там довольно тяжелую каменную стену, что привело бы к ещё большей неустойчивости башни, а следовательно, не позволило бы производить точные измерения. А.Н. Гришов предложил построить для квадранта особый павильон, где квадрант был бы установлен непосредственно на земле. Несколько раз он обращался в Канцелярию и в Академическое собрание с проектами постройки такого павильона и просьбами о выделении необходимых средств, однако всякий раз его просьбы оставались неудовлетворенными. После смерти Гришова в 1760 году руководство Обсерваторией оказалось в руках Ф.-У.-Т. Эпинуса, который в вопросах практической астрономии разбирался плохо. В отличие от Гришова, Эпинус решил установить квадрант в так называемой «средней башне» Кунсткамеры, т.е. в зале пятого этажа. К началу 1763 года он составил план установки, согласно которому квадрант должно было установить на специальной каменной стенке. Для сооружения последней в ту же «среднюю башню» прежде квад-

ранта нужно было поднять несколько больших каменных глыб, общим весом более десяти тонн, и уже там, на месте, высечь и сложить из них требуемых размеров стенку. Узнав в начале февраля того же 1763года об этом намерении Эпинуса, профессор астрономии Н.И. Попов 19 того же февраля обратился в Академическую канцелярию с доношением, содержавшим возражения против затеи Эпинуса. Сославшись на пример установки подобного квадранта в Гринвиче именно «не на башне, но на самой земле», «отчего и обсервации его надежны и справедливы», Попов настаивал, чтобы и академический большой квадрант «был так же поставлен, как стоит такой же в Англии Бродлеев. В противном случае, будет он служить только для показу гуляющим в Академии гостям, а не для настоящей пользы астрономии». Ни доношение Попова, ни поддерживающее его «мнение» Ломоносова не были приняты во внимание. Одобрив предложенный Ф.-У.-Т. Эпинусом план установки квадранта в «средней башне», Канцелярия принялась за его реализацию. Работа по подъёму камня и изготовлению стенки в «средней башне» Обсерватории была закончена в 1764 году. Вскоре после возведения стенки смонтирован был на ней и сам большой квадрант. Ломоносов по этому вопросу писал: «Поднят не токмо оный тяжелый квадрант, но и для его укрепления камень около тысячи пуд, в бесполезную излишнюю тягость башне, в излишнюю беспрочную трату казны и в напрасную трату времени, которая и поныне продолжается, купно с беспрерывными перепочинками, кои казне стоят многие тысячи, а пользы никакой по наукам нет»[4]. Как долго и для каких наблюдений использовался этот прибор, точно не установлено. Каменная стена, возведенная для квадранта Дж. Берда в «средней обсерватории», была разобрана во время реконструкции башни 1846–1847 годах[5].

Сведения о биографии Джона Берда отличаются скудостью, что вообще характерно для многих деятелей науки и культуры XVIII века. Он родился в 1709 году в епископстве Окленд, графство Дарем на северо-востоке Англии, где провел первые 30 лет жизни. Работать он начинал в качестве ткача. Случай предопределил его будущее. Однажды в часовой мастерской юный Дж. Берд обратил внимание на неточность разметки минутных и секундных делений на циферблате, вспыхнул конфликт с мастером. Разумеется, авторитет часовщика был несравненно выше, и молодой человек был вынужден с позором удалиться. После этого он попытался сам выполнить разметку цифер-

[4] *Раскин Н.М., Макаров В.К. и др.* Примечания // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950–1983. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765. М.; Л., 1955. С. 810–811.

[5] *Ченакал В.Л.* Астрономические инструменты... С. 119–120.

блата, опыт удался, скоро все свое свободное время он стал посвящать изготовлению циферблатов и гравировке по металлу.[6] В 1740 году Дж. Берд, решив, что призванием его является гравировальное дело, покинул родные края и переселился в Лондон, где ему посчастливилось поступить на работу к Джонотану Сиссону — одному из крупнейших мастеров астрономических инструментов. В изготовлении квадрантов, секстантов и октантов для морской навигации Дж. Сиссон нашёл себе прекрасного помощника. Дж. Берд, работая с большой точностью и усердием, упрочил авторитет мастерской и материальное положение её владельца. Своим искусством он обратил на себя внимание другого крупного мастера и признанного авторитета — Джона Грэхэма. Это был уже пожилой человек, прекрасно владевший искусством практической механики и страстный любитель астрономии. Дж. Грэхэм оказал влияние на становление Дж. Берда как мастера, а тот, в свою очередь, внес существенный вклад в разметку циферблатов и астрономических инструментов в мастерской Дж. Грэхэма в последнее десятилетие жизни хозяина[7]. По его совету Дж. Берд в 1745 году открыл собственную мастерскую астрономических инструментов. Здесь он начал изготовление зрительных труб, пассажных инструментов, квадрантов. Авторитет Дж. Берда был настолько высок, что Королевская обсерватория давала ему заказы на стенные секстанты и другие инструменты для картирования звёзд, а также на уникальные инструменты для научных экспедиций. Когда встал вопрос об оснащении навигационными инструментами экспедиции Джеймса Кука в 1761 году, Адмиралтейство обратилось с просьбой о предоставлении квадранта именно к герою этой статьи. Экспедиция эта была одновременно и военной операцией (в ходе борьбы между Францией и Великобританией за территорию Канады), и частью грандиозного международного научного проекта по наблюдению прохождения Венеры через диск Солнца в 40 различных точках земного шара при участии 112 учёных (среди них М.В. Ломоносов в Санкт-Петербурге; от Академии наук были отправлены экспедиции Н.И. Попова в Иркутск и С.Я. Румовского — в Селенгинск, а Людовик XV отправил в Тобольск для наблюдений астронома Ж. Шаппа д'Отроша и т.д.). Научно-исследовательская программа Дж. Брэдли, возглавлявшего королевскую Гринвичскую обсерваторию, включала в себя также ряд менее

[6] *Hellman D.C.* John Bird (1709–1776) Mathematical Instruments Maker in the Strand // Isis. Vol. 17. № 1. 1932. P. 127–128.

[7] *Lidlam W.* An Introduction and Notes on Mr Bird's Method of Dividing Astronomical Instruments. London, 1786. P. III. *Rigaud S.P.* Miscellaneous Works and Correspondence of the Rev. James Bradley. Oxford, 1832.

масштабных экспедиций. Дж. Берд изготовил термометр со шкалой по Фаренгейту для исследования пещеры во Франции, инструменты его работы были использованы для проведения границы между штатами Мэриленд и Пенсильвания и измерения её протяженности. В 1754 году, когда директором университетской обсерватории в Гёттингене был назначен Т. Майер, английский король Георг II подарил ему 6-футовый квадрант работы Дж. Берда. Особое значение имеют работы Дж. Берда 1758–1759 годов, когда по заданию Палаты общин он участвовал в разработке стандартов мер и весов и представил устройство для изготовления эталонов.

Дж. Берд не только изготавливал новые инструменты, но и занимался ремонтом старых. Рассматривая старый квадрант Гринвичской обсерватории, он пришёл к выводу, что металл, использовавшийся для его изготовления, нельзя было размечать с такой же точностью, как латунные инструменты, поэтому он предпринял реконструкцию прибора, заменив железные детали латунными[8].

В 1765 году Дж. Берд стал членом Комиссии по долготе[9]. Парламентская Комиссия по долготе работала в Лондоне с 1714 года, состояла из ведущих учёных, пытавшихся в течение нескольких десятилетий найти решение сложнейшей навигационной проблемы — определения долготы на море. Не прошло и двух лет после вступления Дж. Берда в ряды экспертов комиссии, как он получил её премию на условиях публикации описания метода разметки шкал. Так вышел из печати труд Дж. Берда «Метод деления астрономических инструментов», а в 1768 году увидела свет ещё одна книга мастера — «Метод конструирования стенного квадранта[10]. На примере латунного стенного квадранта в Королевской обсерватории в Гринвиче». Две этих работы были переизданы в 1785 году под одной обложкой[11]. В 1776 году пятый директор Гринвичской обсерватории Н. Маскелин опубликовал наблюдения, производившиеся с 1765 по 1774 год, и дал оценку инструментам Дж. Берда: точность инструментов настолько высока и регулировка настолько удобна, что координаты любого небесного тела могут быть определены с точностью до десяти секунд — как широта, так и доглота»[12]. В 1787 году Н. Масклин в речи о широте и долготе перед членами Лондонского королевского обще-

[8] *Hellman D.C.* Op. cit. P. 133.

[9] *Собел Д.* Долгота. М., 2012. С. 137.

[10] *Hellman D.C.* Op.cit. P. 142–143.

[11] *King H.C.* Op. cit. P. 117–118.

[12] *Maskelyne N.* Astronomical Observations Made at the Royal Observatory at Greenwich from the year MDCCLXV to the year MDCCLXXIV. I. Preface. London, 1776.

ства по развитию знаний о природе снова дал самую высокую оценку точности инструментов Дж. Берда. Были у Джона Берда и ученики. Он никогда не был богат. Хотя от продажи инструментов он выручил довольно крупную общую сумму в 1 300 фунтов стерлингов (годовой заработок квалифицированного английского рабочего в те времена примерно равнялся 70–90 фунтам стерлингов в год), производство его требовало значительных затрат, и часто он был вынужден просить задаток, чтобы приобрести необходимые материалы. Наследства Дж. Берд практически не оставил. Но работа всегда увлекала его. В старости Дж. Берд был вынужден пользоваться очками, но до последних дней сохранял твёрдость руки и энергичность. Умер он 31 марта 1776 года после долгой и тяжёлой болезни. Кто знает, может быть, именно увлечённость работой, горячее желание довести начатый прибор до совершенства продлили дни этого замечательного мастера[13].

В заключение стоит сказать несколько слов о влиянии Дж. Берда на развитие астрономического приборостроения в России. С декабря 1759 по август 1760 года, выражаясь современным языком, проходил стажировку в Лондоне «академический инструментального дела подмастерье» из Петербурга Николай Галлактионович Чижов. Он был рекомендован оптику Джорджу Адамсу, но также познакомился с другими известными мастерами, в числе которых был Джон Берд и его учитель Джонатан Сиссон. Профессиональное общение с признанными европейскими мастерами оказало заметное влияние на талантливого русского инструментальщика. По возвращении в Россию он приступил к изготовлению астрономического квадранта, который затем получил высокую оценку Академии наук: «делатель оного инструмента оказал... явно своё остроумие искусство, ибо оной инструмент во всех своих частях сделан весьма исправно»[14].

[13] *King H.C.* Op. cit. P. 117–118.

[14] *Ченакал В.Л.* Русские приборостроители первой половины XVIII века. Л., 1953. С. 174.

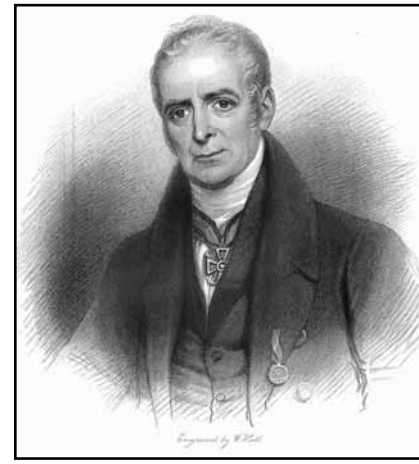
В.А. Черненко
(Санкт-Петербург)

100 лет на благо России: династия Бердов в Санкт-Петербурге

Статья посвящена династии российских промышленников Бердов, выходцев из Шотландии, три поколения которых на протяжении почти ста лет управляли широко известным в XIX веке в Санкт-Петербурге и за его пределами «заводом Берда», который стал одним из ведущих литейно-механических предприятий России.

Здесь была изготовлена первая паровая машина, построенная вне Англии и первый пароход на континенте Европы; первый чугунный мост в Санкт-Петербурге, выполнены конструкции и художественное убранство первых цепных мостов; уникальные инженерные конструкции разводного пролёта — первого поворотного моста в Европе и художественное литьё первого постоянного чугунного моста через Неву — Благовещенского моста, конструкции куполов и художественное литьё для Казанского и Исаакиевского соборов, Александровской колонны, Сената и Синода, Императорской Академии художеств, памятников, дворцов и общественных зданий столицы[1].

[1] *Черненко В.А.* Чарльз Берд: дело всей жизни. 155-летию со дня смерти посвящается // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод». 1999. № 66. Февраль. С. 1–6; *Он же.* Чарльз Берд: полвека славных дел // Металлы Евразии. Международный промышленный журнал. М., 1999. № 2. С. 92–95; *Он же.* Чарльз Берд: дело всей жизни // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства. Материалы научных конференций. СПб.: Норинт, 2003. С. 96–102; *Он же.* Чарльз Берд: полвека на благо России // Личность в истории Петербурга. Материалы IV Анциферовских краеведческих чтений 28–29 октября 2011 года, Санкт-Петербург. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 29–39.

W. Holl. Портрет К.Н. Берда. Гравюра. 1867 год

Чарльз (Карл Николаевич) Берд (1766–1843) стал родоначальником династии заводчиков, его сын Фрэнсис (Франц Карлович) (1802–1864), а затем внук Джордж (Егор Францевич) (1842 — после 1886) продолжили дело отца и деда; вместе они работали на благо России с 1786 по 1881 год[2].

Чарльз Берд (Charls Baird) — в России Карл Николаевич — искусный литейщик, инженер-изобретатель, организатор литейно-механического производства, основатель первого в Санкт-Петербурге чугунолитейного и первого в России механического завода, родился в Шотландии в Уэстертоне (Вестертауне, приход Боскеннер) 20 декабря 1766 года в семье суперинтенданта Форт-Клайд канала Николаса Берда и Кристины Прингл.

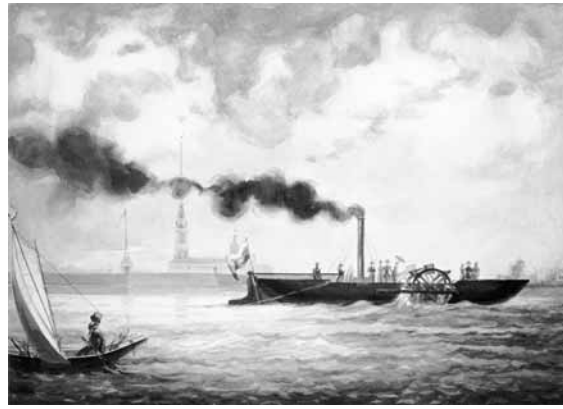
После окончания учёбы в Эдинбурге, в 1782 году Чарльз Берд поступил учеником на знаменитые Карронские заводы, где одним из директоров был известный шотландский инженер Чарльз Гаскойн создатель пушек для морской артиллерии — «карронад». Уже через три года Ч. Берд руководил отливкой и отделкой орудий, поставляемых не только для Англии, но и для Испании, Голландии и России.

В 1785 году Ч. Гаскойн был приглашён на русскую службу Екатериной II через адмирала С.К. Грейга для переоборудования российских металлургических заводов под производство «карронад». Предложение Ч. Гаскойна поехать с ним помощником одному из лучших карронских литейщиков и механиков было принято Ч. Бердом[3].

При заключении контракта с Ч. Гаскойном российской стороне пришлось преодолеть немало препятствий со стороны Карронской компании. Кроме того, необходимо было «обойти» закон, запреща-

[2] *Он же.* Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца. К 200-летию со дня рождения // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод». 2000. № 79. Февраль. С. 1–4; *Он же.* Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства. Материалы научных конференций. СПб.: Норинт, 2003. С. 103–107.

[3] *Tower T.* Memoir of the late Charles Baird, Esq., and of his son, the late Francis Baird, Esq. London, 1867. С. 3.

Пароход Берда на Неве.
Акварель неизвестного художника

ющий выезд из Англии «ремесленных людей» и вывоз машин. Дело было нелёгким, однако закончилось благополучно, и контракт был подписан в 1786 году. Вместе с Чарльзом Гаскойном среди 10 «художников огневого литья» 26 мая 1786 года в Россию прибыли братья Чарльз и Джеймс Берды[4].

Получив прекрасную техническую подготовку и, пройдя практическую школу под руководством своего учителя Ч. Гаскойна по переоборудованию Александровского чугунолитейного завода в Петрозаводске и по строительству чугунолитейного завода в Кронштадте, Ч. Берд решил основать в Санкт-Петербурге чугунолитейный и механический завод. Для строительства собственного предприятия Ч. Берд выбрал в Коломне, на западной окраине столицы, Матисов остров, где у его соотечественника Фрэнсиса Моргана уже была каменная мастерская с плавильной печью. На этой базе в 1792 году Ч. Берд и основал свой завод, став вместе с братом деловыми партнёрами Ф. Моргана. После женитьбы на дочери Ф. Моргана Софии в 1794 году Ч. Берд выделил из дела тестя с братом и стал единственным владельцем завода. К 1796 году завод Ч. Берда имел уже четыре каменных корпуса, оборудованных с учётом новейших технологий[5].

---

[4] РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 49; Металлурги с Матисова острова. Л.: Лениздат, 1967. С. 6; *Ушакова В.М., Ходаковская С.А.* Из переписки Чарльза Гаскойна с адмиралом С.К. Грейгом // Клио. Журнал для учёных. № 1 (7). СПб., 1999. С. 241–245.

[5] РГА ВМФ. Ф. 227. Д. 58. Пояснительная записка по заводу Берда. 1796. Л. 181–182; ЦГИА СПб. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–56; Ф. 37. Оп. 3. Д. 358. О строительстве медеплавильного завода Бердом. 1822. Л. 1–19.

Английский исследователь T. Tower — первый биограф Чарльза Берда — писал: «В пригороде новой столицы Санкт-Петербурга в конце XVIII столетия на месте топкого болота на берегу Невы были воздвигнуты внушительные строения, предназначавшиеся для различного оборудования, которое в то время являлось последним словом техники. На заводах работали сотни русских рабочих и служащих под руководством опытной шотландской и английской администрации, стоявшей во главе различных отделов. Эти заводы способствовали росту богатства и мощи России»[6].

С этого небольшого предприятия начинается история одного из крупнейших в Санкт-Петербурге конца XVIII–XIX века завода — завода Берда — первого в России механического (металлообрабатывающего) завода и первого в столице литейного завода, ставшего впоследствии одним из крупнейших в стране, часть которого — медно-плющильные мастерские, впоследствии меднопрокатный завод, — предки ОАО «Фольгопрокатный завод»[7].

На заводе Берда была впервые в России изготовлена и применена паровая машина уаттовского типа. Подтверждением этого является указ Павла I от 1 февраля 1800 года, содержащий предписание Адмиралтейств-коллегии ввести в употребление малую «огневую» машину для облегчения ручных работ, обделки и обтачивания всех инструментов, кузнечных работ, раздувания горнов и всех других работ, которые могут производиться с помощью этой машины, подобно тому, как это делается на заводе Берда[8].

Сам К.Н. Берд был инженером и искусным литейщиком. До недавнего времени сохранялись опоры первого чугунного моста в Санкт-Петербурге, выполненного по проекту заводчика. Этот мост был построен в 1806 году через Сальнобуянский канал, отделявший Сальный буян от Матисова острова[9].

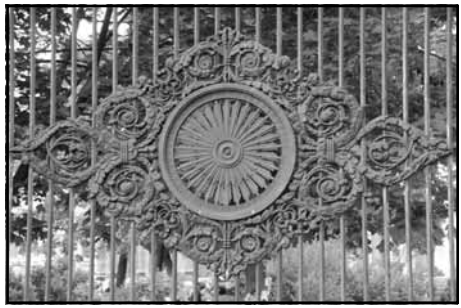
---

[6] *Tower T.* Op. cit. С. 3.

[7] Адмиралтейские верфи. Корабли и годы. 1704–1925. СПб., 1994; *Черненко В.А.* Нашему заводу — 201 год. Страницы истории // Информационный выпуск. Издание Совета директоров АООТ «Фольгопрокатный завод». 1993. № 4. Октябрь. С. 1–6; *Он же.* Нашему заводу — 210 лет. Страницы истории // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета ОАО «Фольгопрокатный завод». 2002. № 118. Ноябрь. С. 1–12.

[8] Забаринский П. Первые «огневые» машины в Кронштадтском порту. М.; Л., 1936. С.149–150.

[9] РГИА. Ф. 1487. Оп. 44. Д. 446. Л. 3–4; *Пунин А.Л.* Архитектура отечественных мостов. Л.: Стройиздат Ленинградское отделение, 1982. С. 8, 10; Модель моста сегодня можно увидеть в Музее мостов ОАО «Мостоотряд-19» в Красном Селе под Санкт-Петербургом.

Фрагмент решётки Казанского собора.
Фото В.А. Черненко, 2007 год

Декор фронтона входных дверей
здания Главного Адмиралтейства.
Фото В.А. Черненко, 2007 год

Попутно с выпуском основной продукции — паровых машин и механизмов — К.Н. Берд выполнял заказы для бурно строившегося Петербурга. Завод внёс значительный вклад в архитектурно-художественный облик столицы. В специально созданной К.Н. Бердом литейной мастерской производилась отливка памятников и художественных украшений из чугуна и бронзы для царских дворцов, государственных и частных зданий.

Художественное литьё для здания Главного Адмиралтейства архитектора А.Д. Захарова стало для К.Н. Берда одной из первых работ по украшению столицы. В 1806–1817-х годах завод выполнял чугунные «балконы» с балясинами под окна на фасадах и парапеты между колоннами в портиках здания, художественное литьё в порталы входных дверей, а также парапеты с чугунными балясинами, базы и капители колонн на башне[10].

Одновременно К.Н. Берд выполнял и заказы для Казанского собора. В 1809–1810-х годах были выполнены бронзовые капители и базы для внутренних гранитных колонн собора, в 1810–1811 годах отлита и установлена монументальная чугунная ограда — одна из вершин искусства петербургских оград, восходящих к лучшим образцам мировой архитектуры[11]. А.С. Пушкин не случайно

[10] РГА ВМФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 274, 2715, 2833; Ф. 212. Оп. 8. Д. 102. О выплате денег за изготовление на заводе Берда чугунных изделий для здания Главного Адмиралтейства. 1813. Л. 10.

[11] РГИА. Ф. 738. Оп. 16. Д. 5; А. З. [*Завьялов А.А.*] Построение Казанского собора в Петербурге // С.-Петербургский Духовный вестник. 1895. № 11. С. 251; *Черненко В.А.* Ансамбль Казанского собора и вклад завода К.Н. Берда в его архитектурно-художественный образ // Андрей Никифорович Воронихин. Мастер.

включил «оград узор чугунный» в поэтический образ Санкт-Петербурга.

В 1809 году мастера собрали из кованых железных колец и радиально расходящихся рёбер стропильную конструкцию наружного купола, несущего кровлю пролётом более 17 метров. Таких пролётов ещё не знала не только русская, но и европейская строительная практика. Это был первый в мире металлический купол[12]. Где были изготовлены конструктивные элементы купола собора неизвестно, однако известно, что именно завод Берда специализировался в то время на производстве металлических перекрытий сооружений, в частности, в конце 1790-х годов заводом было выполнено металлическое перекрытие экзерциргауза на Дворцовой площади. Таким образом, можно предположить с большой долей вероятности, что металлическая конструкция купола Казанского собора была выполнена на заводе Берда.

В 1811 году К.Н. Берд принял российское подданство и за труд на пользу мануфактурной промышленности был пожалован первым чином. В именном высочайшем Указе от 18 февраля 1811 года говорилось: «Находящегося здесь иностранца Карла Берда на пользу службы Государственной с давнего времени употребляемого искусство и труды свои, как при исправлении и усовершенствовании машин, так и при устройстве новых в разных казенных заведениях Всемилостивейше жалуем в обер-гиттенфервальтеры 8-го класса, повелевая вследствие изъявленного им желания вступить в вечное подданство Российской империи привести его к присяге узаконенным порядком». 3 июля 1815 года он получил следующий чин — обер-бергмейстера VII класса за «исправление и устройство разного рода машин и станков на Санкт-Петербургском монетном дворе»[13].

Дальновидный предприниматель, талантливый инженер не довольствовался производством мостовых конструкций, проката и литья из черных и цветных металлов. Он мечтал применить паровые машины на российском флоте. Это им — К.Н. Бердом — был спроектирован и построен первый в Европе пароход[14].

Эпоха. Творческое наследие. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 250-летию архитектора А.Н. Воронихина (1759–1814). 28–30 октября 2009. СПб.: Коломенская Верста, 2010. С. 205–214.

[12] *Иванов Ю.С.* Первый металлический купол // Строительная промышленность. 1941. № 6. С. 28–29; Памятники архитектуры Ленинграда. Л.: Стройиздат. Ленинградское отделение, 1975. С. 162.

[13] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872 гг. Л. 18, 21.

[14] *Черненко В.А.* Пароход Берда. 185-летию создания первого в России парохода посвящается // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ

Подробное описание и чертежи «парохода Берда» были приложены К.Н. Бердом к его заявке 26 мая 1815 года. В соответствии с тогдашними законами в 1817 году он получил так называемую «привилегию» сроком на 10 лет[15].

Уже летом 1815 года пароход начал ежедневные пробные рейсы по Неве. «В августе же сего года появилось на Неве движимое парами судно, построенное г. обер-гиттенфервалтером Бердом, известным по всей России знанием и искусством своим в механике, особенно в отношении к фабрикам и заводам, производящим работы свои посредством паровых машин», — писал об этом журнал «Сын отечества». В историю отечественного флота навсегда вошла дата 3 (15) ноября 1815 года: «пароход Берда» совершил первый регулярный рейс из Санкт-Петербурга в Кронштадт и обратно[16], и этот день открыл в России эпоху речного и морского парового судоходства. Наша страна стала третьей в мире после Америки и Англии, которая стала использовать паровые суда.

4 июля 1817 года К.Н. Берд был награждён орденом св. Анны 2-й степени[17]. Огромный вклад внёс К.Н. Берд в мостостроение Санкт-Петербурга. Начиная с Петербургского (Суворовского) наплавного моста, где заводом под его руководством было выполнено в 1823 году металлическое убранство береговых устоев и дамб (чугунные перила и решётки); сборных конструкций (тюбингов), перил, фонарей чугунных мостов; конструкций 1-го Инженерного по проекту П.П. Базена (1824–1825) и заканчивая конструкциями и украшениями пяти цепных мостов, спроектированных В.К. Треттером: Почтамтского и Пантелеймоновского (1823–1824), Банковского, Львиного и Египетского (1825–1826)[18].

Парящая над Дворцовой площадью фигура ангела с крестом (скульптор Б.И. Орловский), венчающая Александровскую колонну (архитектор О. Монферран), а также четыре бронзовых барельефа на пьедестале колонны (художник Д.-Б. Скотти, скульпторы П. Свин-

---

«Фольгопрокатный завод». 2001. № 1 (92). Январь. С. 1–4; *Он же*. Пароход Берда — первый в России // Гангут. 2006. № 38. С. 32–48.

[15] Привилегия, данная Обер Бергмейстеру 7-го класса Карлу Берду, на употребление паровых судов, с подробным оной описанием и рисунками. СПб., 1818.

[16] Морской офицер. Первая поездка на пароходе из Петербурга в Кронштадт и обратно в 1815 году // Сын отечества. 1815. Ч. 26. Кн. 46. С. 37–40.

[17] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872 гг. Л. 3.

[18] Там же. Ф. 1487. Оп. 4. Д. 204, 207, 208, 225, 273, 274; Ф. 206. Оп. 1. Д. 591, 704; Ф. 470. Оп. 1. Д. 33.

цов и И. Леппе), четыре канделябра, бронзовая ограда и другие украшения колонны были отлиты из бронзы в 1832–1834 годах замечательными бердовскими умельцами[19]. 29 августа 1834 года за работы по сооружению монумента Александру I К.Н. Берд был награждён орденом св. Владимира 3-й степени[20].

В.К. Треттер. Пантелеймоновский мост. Раскрашенная гравюра

С 1833 года на заводе находилась «Медная бабушка» — бронзовая статуя Екатерины II. После безуспешных попыток продать статую (приданое Натальи Николаевны) государству А.С. Пушкин через ростовщика В.Г. Юрьева отправляет скульптуру на завод К.Н. Берду, который в 1836 году её покупает[21].

Устанавливая на своём заводе произведение берлинских мастеров конца XVIII века, Карл Николаевич прекрасно понимал, что статуя императрицы Екатерины II будет служить своеобразным камертоном для его мастеров художественного литья, а также то, что скульптура должна находиться на видном месте, а «не на заднем дворе, ожидая расплавки»[22].

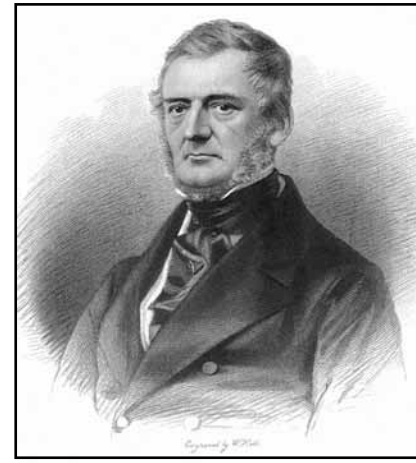
[19] Там же. Ф. 1311. Оп. 3. Д. 1, 25, 42, 43, 54, 79, 99, 109, 112, 115; *Черненко В.А.* Её назвали восьмым чудом света / Смена. 2003. № 97 (23407). 29 мая. С. 9; *Он же.* Дворцовая площадь. К истории создания ансамбля // Кафедра Исаакиевского собора. Вып. VIII. СПб.: ГМП «Исаакиевский собор», 2011. С. 94–130; *Он же.* Автограф зодчего на Александровской колонне // Кафедра Исаакиевского собора. Вып. VII. СПб.: ГМП «Исаакиевский собор», 2011. С. 94–130; *Он же.* Д.-Б. Скотти и история создания картонов барельефов Александровской колонны // Россия – Италия: общие ценности. Материалы XVII Царскосельской научной конференции. СПб.: Серебряный век, 2011. С. 601–617.

[20] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872 гг. Л. 4.

[21] Статуя Екатерины II находилась на заводе до 1846 г. Ф.К. Берд продал её екатеринославскому дворянству для установки в г. Екатеринославе, изготовив на заводе пьедестал для памятника.

[22] *Черненко В.А.* «Медная бабушка»: История статуи Екатерины II. Без мифов и легенд // Царское Село. На перекрестке времён и судеб: материалы XVI Царскосельской научной конференции: сб. науч. статей: в 2 ч. Ч. II. ГМЗ «Царское Село». СПб.: Издательство ГЭ, 2010. С. 363–393; *Черненко В.А.* «Медная бабушка»: История статуи Екатерины II // Невский архив: Историко-краеведческий сборник Вып. IX. СПб.: Лики России, 2010. С. 359–372.

С 1818 года и до самой смерти в 1843 К.Н. Берд находился в тесном творческом сотрудничестве с главным архитектором Исаакиевского собора Огюстом Монферраном, выполняя сложные инженерные и художественные задачи, начиная с отливки бронзовых баз и капителей для гранитных колонн портиков (1821–1836), колонн барабана главного купола (1837–1838), колонн четырёх малых куполов (1839) и ангелов и архангелов на колоннаду (1839), до колоссального многофигурного горельефа «Воскресение Христово» скульптора Ф.Ж.А. Лемера в тимпан северного фронтона (1843), покрытия медными листами внешних конструкций антаблемента и создания уникальной чугунной конструкции главного купола с покрытием его золочёными «через огонь» медными листами (1838–1839), а также малых куполов (1841–1843). Кроме того, на заводе Берда производились все металлические детали конструкций и механизмы, обеспечивающие строительство гигантского собора[23].

W. Holl. Портрет Ф.К. Берда. Гравюра. 1867 год

Многие владельцы петербургских частных предприятий с завистью и уважением присматривались к деятельности К.Н. Берда. Заказов у него хоть отбавляй, а из высоченных заводских труб всегда валил густой дым. Сложилась даже поговорка: «Как дела? — Дела, как у Берда на заводе. Только труба пониже, да дым пожиже»[24].

В течение последних 20 лет жизни К.Н. Берда в работе ему помогал сын Фрэнсис (Франс). Франц родился 28 февраля 1802 года в Санкт-Петербурге. 17-летним юношей родители отправили его на учёбу в Эдинбургский университет, где он получил профессию инженера. По завершению учебы в начале 1820-х годов Франц возвратился в Санкт-Петербург и начал работу на заводе отца. Трудно разделить деятельность К.Н. Берда и его сына; они вели одно общее дело, и их жизни слились в одну[25].

---

[23] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д.114, 117, 235, 253, 287, 409, 462, 901, 938, 941, 943, 975, 987, 1003, 1026, 1031, 1034, 1047, 1048; Ф. 502. Оп. 1. Д. 85, 220, 281, 285, 307, 567.

[24] Металлурги с Матисова острова. С. 7.

[25] *Tower T.* Op. cit. P. 6–7.

Чин берггауптмана VI класса К.Н. Берд получил в 1839 году, уже в преклонном возрасте, на 73 году жизни «за долговременные и разнообразные труды на пользу мануфактурной промышленности»[26].

Скульптура ангела Александровской колонны. Фото В.А. Черненко, 2011 год

Смерть Карла Николаевича Берда произошла 28 ноября 1843 года, но не остановила работы по Исаакиевскому собору, так как все контракты продолжил его сын — правопреемник завода Фрэнсис (Франц Карлович) Берд. В письме П.М. Волконскому — председателю Комиссии о построении Исаакиевского собора — Ф.К. Берд 29 ноября 1843 года пишет: «Ваша Светлость Милостивый Государь Князь Пётр Михайлович! Благоговея пред Святою волею Создателя, поставляю себе обязанностию донести Вашей Светлости, с чувством душевнаго сожаления, что любезнейший мой родитель Карл Николаевич скончался сего Ноября 28-го дня в 4 часа пополуночи; отпевание тела его последует будущий четверг т.е: 2-го числа наступающаго декабря в 12-ть часов пополудни в Английской церкви, а погребение на Смоленском кладбище. Осмеливаюсь покорнейше просить Вашу Светлость удостоить присутствием сей печальный обряд. Доверие, которым в продолжении многих лет удостаивали родителя моего, на пути его деятельной жизни, заповедал он соблюдать как неоцененное благо и уже при себе по болезни своей возложил на меня производство работ предпринятых им для Исаакиевскаго Собора. Ныне окончание работ сих относится уже до меня, почему решаюсь просить покорнейше Вашу Светлость прибыть в уверенности, что о исполнении сей обязанности буду употреблять всевозможное попечение. Имею честь прибыть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию Милостивый Государь Вашей Светлости Всепокорнейший слуга Франц Берд»[27].

[26] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872 гг. Л. 25.

[27] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1003. Об устройстве купола и прочих частей из металла. 1838 г. Л. 1–1 об.

О.-Р. де Монферран. Фрагмент скульптурной композиции в тимпане западного фронтона Исаакиевского собора. Фото В.А. Черненко, 2007 год

22 декабря 1843 года Ф.К. Берд пишет в Комиссию о построении Исаакиевского собора: «По случаю кончины Родителя моего Берггауптмана 6-го класса Карла Николаевича Берда, духовным его завещанием, в засвидетельствованной копии при сём прилагаемым, законным наследником всего им благо приобретеннаго, состою наследником я сын его, почему все обязанности, контрактами заключёнными в сей Комиссии, покойным Родителем моим, принимаю на себя <...>»[28].

После кончины отца Ф.К. Берд единолично вёл дело до самой своей смерти. Главным на заводе было дальнейшее совершенствование производства паровых машин и пароходов. В 1840-х годах Ф.К. Берд начал выпускать паровые машины мощностью 350–450 л.с. вместо делавшихся ранее 40–60-сильных. Пароходы с такими двигателями уже могли совершать дальние рейсы. В 1843 году Ф.К. Берд открыл постоянную пароходную линию Санкт-Петербург — Ревель — Рига. В ходе Крымской войны выполнял военные заказы. Время требовало создания военно-морского флота с паровыми двигателями.

В середине XIX века чугунолитейный, железоделательный и механический завод Ф.К. Берда располагал мощными паровыми механизмами. В литейном цехе были три вагранки, из них две на 350 пудов и одна на 150 пудов металла. Наибольший вес отливки достигал 2 500 пудов. Завод имел медеплавильную печь на 250 пудов. Число рабочих доходило до 1 500.

[28] Там же. Л. 2.

В 1845–1855 годах на заводе были выполнены также многочисленные правительственные и частные заказы, завершены работы по Исаакиевскому собору[29]. Заводом отлиты из бронзы по моделям скульпторов Ф.Ж.А. Лемера и И.П. Витали и установлены: в 1844–1845 годах скульптурные барельефы в тимпаны западного, южного и восточного фронтонов собора[30]; в 1846 году на южном и северном больших портиках четыре свода[31]; в 1847–1848 годах на углах трёх фронтонов портиков девять бронзовых фигур скульптора И.П. Витали, изображающих трёх евангелистов с апостолами по бокам. На северном портике скульптуры Петра, Иоанна и Павла были выполнены Гальванопластическим заведением М. Лейхтенбергского[32].

Завод Ф.К. Берда участвовал и в создании интерьера собора. Восемь колонн и две пилястры центрального иконостаса предполагалось облицевать малахитом. Чугунные цилиндры для малахитовых колонн иконостаса выполнены в конце 1843 года по контракту с Ф.К. Бердом[33]. На цилиндрах укреплена бронзовая оболочка, которая до 1848 года облицовывалась малахитом английским магазином Никольс и Плинке, обосновавшимся в Санкт-Петербурге.

В 1846 году завод Ф.К. Берда изготовил передвижной механизм подвижных лесов необычной конструкции «посредством чугунных шаров на чугунных рельсах» и двух «поворотников» с шестернями для производства Карлом Брюлловым живописной работы в большом своде купола[34].

Все работы заводом были выполнены так, что архитектор О. Монферран, преподнося Ф.К. Берду свою книгу-альбом об Исаакиевском соборе, строительству которого он посвятил всю свою творческую жизнь, написал на её титульном листе [перевод с фр.]: «Господину Берду, поднося Вам эту книгу в залог наших взаимных усилий довести до конца постройку собора Святого Исаакия, я с удовольствием признаю господин, что благодаря Вашим практическим талантам и Вашим заботам создана железная конструкция купола, покрытого бронзовыми листами, и сложная система цепей (металлических связей. — *В.Ч.*), поддерживающая медное покрытие крыши, бронзовая отделка окон, своды четырёх портиков, базы и

---

[29] *Черненко В.А.* Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца. С. 103.

[30] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1081. Л. 115–117, 146, 151, 168, 179, 192, 207 об.

[31] Там же. Д. 1049. Л. 5, 39, 66, 75, 105, 111 об.; Ф. 502. Оп. 1. Д. 357. Об отливке г. Бердом из бронзы сводов в 4-х нишах 2-х больших портиков. 1844–1846. Л. 2–4.

[32] Там же. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1307. Л. 7, 7 об., 21 об., 28, 54 об., 55, 78, 90, 90 об., 92, 108, 127, 127 об., 135 об.

[33] Там же. Д. 1290. Л. 5, 15, 30 об., 52 об.

[34] Там же. Д. 1370. Л. 7, 10, 10 об., 15, 18, 22, 25 об., 26, 60.

капители колонн, как внутри, так и снаружи здания. Вами же успешно были отлиты четыре бронзовых барельефа во фронтоны и колоссальные фигуры наверх, а также много других работ. Все эти важные искусно и качественно выполненные работы обеспечат в веках сохранность этого здания. Август де Монферран. С.-Петербург, 28 сентября 1848»[35].

Посетивший в 1858 году, в год открытия Исаакиевского собора российскую столицу соотечественник Монферрана Теофиль Готье писал: «...купол Исаакиевского собора, словно золотая митра, вооружённая над силуэтом города, уже издали привлекает взгляд... Можно сказать, что это наивысшее достижение современной архитектуры»[36].

Среди гражданских сооружений в первую очередь заслуживает упоминания Невский (Благовещенский) мост (С.В. Кербедз[37], 1843–1850), который явился первым постоянным мостом через Неву и первой крупной самостоятельной работой Ф.К. Берда38. Заводом Ф.К. Берда в 1847–1849 годах были выполнены конструкции и монтаж разводной части моста — поворотного моста[39], в 1845–1849 годах карниз и высокохудожественное литьё перильных ограждений по проекту архитектора Н.Е. Ефимова и в 1850 году — двадцать торшеров-фонарей моста по проекту прапорщика Цветкова[40].

---

[35] *Tower T.* Op. cit. P. 12.

[36] *Готье Теофиль.* Путешествие в Россию. М., 1990. С. 179.

[37] *Житков С.М. (инженер).* Инженер Станислав Валерианович Кербедз // Известия Собрания Инженеров Путей Сообщения. СПб., 1900. Т. XX. № 1; *Воронин М.И., Воронина М.М.* Станислав Валерианович Кербедз. 1810–1899. Л.: Наука, 1982; РГИА. Ф. 220. Оп. 1. Д. 179. О вторичном рассмотрении проекта майора Кербедза постоянного чрез реку Неву моста. 1843. Л. 1–11.

[38] Постоянный мост через Неву, в С. Петербурге // Журнал Главнаго Управления Путей Сообщения и Публичных Зданий. 1845. Том I. Кн. 1; *Черненко В.А.* Благовещенский мост. Первый постоянный мост через Неву. СПб.: Серебряный век, 2013; *Он же.* Творческое содружество инженеров С.В. Кербедза и Ф.К. Берда в создании архитектурно-художественного образа Невского (Благовещенского) моста // 200 лет со дня рождения профессора Института Корпуса инженеров путей сообщения Станислава Валериановича Кербедза. Сборник докладов научно-практической конференции, проходившей в Петербургском государственном университете путей сообщения 16 марта 2010 г. СПб.: ПГУПС, 2010. С. 36–74.

[39] *Усов П.*[*С.*] Строительное искусство. Ручная книга для инженеров. СПб., 1864. Ч. II. С. 418.

[40] *Tower T.* Op. cit. P. 13–14; РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 3427. Об устройстве чугунной решётки для сооружаемаго чрез реку Неву постояннаго моста. 1844–1845. Л. 13–13 об.; Ф. 217. Оп. 1. Д. 817. По отношению Департамента. Л. 22, 25, 35; 37–37 об.; НТБ ПГУПС. *Кербедз С.В.* Николаевский чугунный мост через Неву в С. Петербурге. СПб., 1848–1851. Альбом I. Л. 19; РГИА. Ф. 218. Оп. 1.

«В России это был первый поворотный мост»[41]. Механизм оказался «очень удовлетворительный, потому что двое рабочих разводили каждое полотно в 10 минут времени»[42]. Торжественное освящение и открытие для движения экипажей и пешеходов первого постоянного моста через Неву состоялось 21 ноября 1850 года. Газета «Санктпетербургские ведомости» писала: «21 ноября, освящён и открыт дивный памятник ныняшняго благополучнаго царствования, постоянный мост через Неву, без сомнения, одного из превосходнейших произведений строительнаго искусства в новейшия времена. Этот мост Высочайше повелено именовать Благовещенским»[43].

В отличие от многих своих соотечественников Ф.К. Берд и члены его семьи лишь в 1847 году стали подданными России. Ф.К. Берд по заслугам своего отца получил право на потомственное дворянство и имел почётное звание коммерции-советника, которое приравнивалось к гражданскому чину VIII класса. За свою деятельность на пользу российской промышленности был награждён четырьмя орденами и бронзовой медалью на Андреевской ленте, причём по указам о награждении можно довольно точно судить о деятельности завода. Так, в 1850 году Ф.К. Берд был награждён орденом св. Анны 3-й степени «за работы по сооружению Николаевского [Благовещенского. — *В.Ч.*] моста, в особенности его вращающейся части». В 1855 году — орденом св. Станислава 2-й степени «за устройство различных машин и механизмов в новом здании Санкт-Петербургского Арсенала». В 1857 году через Яхт-клуб, членом которого был Ф.К. Берд, он был награждён бронзовой медалью на Андреевской ленте в память Крымской войны. В 1858 году — орденом св. Станислава 2-й степени, украшенным императорской короной, «за изготовление винтовых машин для паровой флотилии». И, наконец, в 1860 году — орденом св. Анны 2-й степени «за работы по сооружению Исаакиевского собора»[44].

Д. 3517. Об освещении сооружаемого через Неву моста газом; НТБ ПГУПС. *Кербедз С.В.* Указ. соч. Альбом VIII. Л. 8; РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 3517.

[41] *Житков С.М.* Указ. соч. С. 55–56; НТБ ПГУПС. *Кербедз С.В.* Указ. соч. Альбом I. Л. 21–23; *Бунин М.С.* Мосты Ленинграда. Очерки истории и архитектуры мостов Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Л.: Стройиздат, 1986. С. 124; РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 3458. О представлении проэкта на устройство вращающейся части сооружаемаго Невскаго моста с объяснением, каким образом часть эта будет разводиться и наводиться. 1844–1847. Л. 21–22 об., 23; РГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 873. Продолжение дела, начавшагося 15 июня 1846 г. № 125 об устройстве вращающейся части Невскаго моста. 1846–1848. Л. 73–89.

[42] *Усов П.*[*С.*] Указ. соч. С. 418; *Tower T.* Op. cit. P. 13–14.

[43] Санктпетербургские ведомости. 1850. 23 ноября; Северная Пчела. № 263. 1850. 23 ноября. С. 1049.

[44] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872 гг. Л. 6–10.

Фамильное захоронение семьи Бердов на Смоленском лютеранском кладбище. Фото В.А. Черненко, 2011 год

В феврале 1864 года Ф.К. Берду пришло известие о внезапной смерти дочери в Шотландии, он срочно выехал на похороны. Вернувшись в Петербург, заболел и ровно через месяц после смерти дочери, 13 марта 1864 года скончался, вероятно, не пережив потрясения от преждевременной кончины дочери[45].

Ф.К. Берда похоронили на Санкт-Петербургском Смоленском лютеранском кладбище. На этом кладбище и сегодня существует фамильное захоронение семьи Бердов. В 1812 году здесь был похоронен его дядя Николс, в 1843 — отец Чарльз, в 1856 — мать София и другие члены семьи[46].

Сын Франца Карловича Джордж установил над их захоронениями часовню в неоготическом стиле на мощном гранитном основании, окружённую решёткой, отлитыми из чугуна на их заводе[47]. Внутри этой часовни на пьедестале из чёрного лабрадора возвышается белый мраморный четырёхгранный обелиск, на северной грани которого высечено: «Sacred / to / the Memory / of / Charles Baird / Died 28 November 1843, / Aged 77 years», а на южной грани — «Sacred / to / the Memory / of / Francis Baird / son of the late / Charles Baird / Born 28 — February 1802. / Died 13 March 1864.» «Waithing for the coming of / our Lord Jesus Christ».

Владельцем завода вскоре становится внук основателя — Джордж Францевич Берд[48]. В издании «Живописная Россия» автор очерка, рассказывающий о представляющих особый интерес промышлен-

[45] Санктпетербургския губернския ведомости. № 16. 1864. 18 апреля. С. 137; *Towez T.* Op. cit. P. 18–19.

[46] Месяцеслов на 1845 год. СПб.

[47] К великому сожалению, чугунная часовня находится в плачевном состоянии и требует срочной реставрации, а решётка — практически полного воссоздания.

[48] ЦГИА СПб. Ф. 1440. Оп. 8. Д. 1, 4, 353.

ных предприятиях Санкт-Петербурга, первым из них назвал частный завод Д.Ф. Берда[49].

В 1870 году Д.Ф. Берд был удостоен золотой медали Всероссийской мануфактурной выставки «за отличное выполнение выставленных пароходных машин и парового молота, за производство хорошего достоинства фасонного и котельного железа весьма крупных размеров, за исполнение большого числа тяжелых лафетов, и за пользу, приносимую развитием до обширных пределов машиностроительного дела»[50].

Указом Сената 22 декабря 1871 года Д.Ф. Берд был утверждён в потомственном дворянстве с правом внесения в 3-ю часть дворянской родословной книги по заслугам его деда. Кроме того, Сенат постановил выдать Георгу Берду диплом на дворянство с изображением герба и особое свидетельство на дворянское достоинство[51].

Во время русско-турецкой войны (1877–1878) на его заводе был построен для военно-морского флота 21 миноносец с торпедным аппаратом на каждом. К концу войны был спущен первый большой морской миноносец с паровой машиной мощностью 800 л.с. и подводным торпедным аппаратом[52].

Д.Ф. Берд успешно продолжал начатое его дедом дело и основал ещё один завод — сталерельсовый, так как в связи с развитием сети железных дорог в России стала остро ощущаться потребность в стальных рельсах. В марте 1877 года завод Д.Ф. Берда на Матисовом острове был оценён специальной комиссией, его владелец по контракту получил заказ на изготовление 1 800 000 пудов стальных рельсов и кредит в размере 909 835 рублей под залог своего предприятия. Однако существовавший завод не был приспособлен к прокату рельсов, поэтому Д.Ф. Берд решил строить новый завод. К тому времени он приобрёл на Неве в селе Александровском участок бывшей Александровской мануфактуры, где и началось строительство. От момента обращения в Строительное управление за разрешением на строительство завода до официального начала работ по выпуску рельсов прошло 11 месяцев. В декабре 1878 года Государственная комиссия

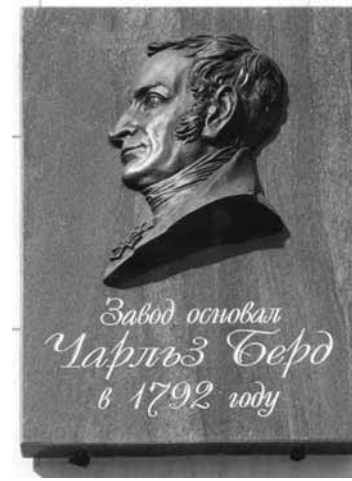
---

[49] Живописная Россия / Под общей редакцией П.П. Семёнова. Т. 1. Ч. 2. Северная Россия. Санкт-Петербург. СПб.; М., 1881.

[50] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034. О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872 гг. Л. 6–10.

[51] Там же. Л. 22–23; РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 116. Об изготовлении диплома даорянину Горгу Берду. 1872 г. 14 л.

[52] Металлурги с Матисова острова. С. 16; *Лабзин Н.* Машины и аппараты. Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. СПб., 1886. С. 44.

Мемориальная доска Чарльзу Берду, установленная в 1997 году (ул. Александра Блока, 5). Авторы: В.А. Черненко, В.Н. Васильев, Г.В. Змитрович. Фото В.А. Черненко, 2013 год

оценила вновь построенный сталелитейный и сталерельсовый завод в 1 460 670 рублей[53].

Нестабильность политической ситуации и вызванные этой нестабильностью финансовые трудности повлияли на решение Д.Ф. Берда покинуть Россию. В феврале 1879 года Д.Ф. Берд продал вновь построенный сталелитейный и сталерельсовый завод за 1 000 000 рублей. Его имя ещё сохранялось в названии завода, который перешёл к товариществу акционеров и стал называться «Бердовский сталелитейный и сталерельсовый завод». Вместе с заводом, который работал уже на полную мощность, а количество рабочих превышало 900 человек, к товариществу Бердовского завода перешёл и контракт на поставку рельсов.

Когда-то хорошо налаженное, технически оснащённое производство Д.Ф. Берда на Матисовом острове сокращалось, особенно после 1874 года. В 1881 году Д.Ф. Берд продал механический и чугунолитейный завод анонимной европейской компании с владельцами в Париже, и он стал называться «Франко-русским судостроительным заводом. Бывшим Берда»[54]. Затем семья покинула Россию.

Память о заводе Берда сохранилась не только на слуху в знаменитой пословице, но и зримо — в архитектурно-художественном облике Санкт-Петербурга. Перекинутый через р. Пряжку на Матисов остров в створе Мясной улицы мост носит имя Берда (Бердов мост), а в год 205-летия основанного им завода 25 декабря 1997 года по решению Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный

[53] ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 6. Д. 106. Л. 1, 33.

[54] *Окунев С.Н.* Завод Берда и Исаакиевский собор // Кафедра. Матер. науч.-практич. конф. «Исаакиевский собор между прошлым и будущим». СПб., 2008. С. 178; ЦГИА СПб. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–56. (1795–1918). Фонд акционерного Франко-русского общества.

завод» имя основателя завода было увековечено — на фасаде административного здания предприятия по ул. Александра Блока, 5 в Санкт-Петербурге была открыта мемориальная доска. Взору собравшихся на торжество открылся бронзовый барельеф основателя завода на полированном граните с высеченным и позолоченным текстом: «Завод / основал Чарльз Берд / в 1792 году»[55].

[55] Авторы: Черненко В.А., Васильев В.Н., Змитрович Г.В.; *Черненко В.А.* Открытие мемориальной доски основателю завода Чарльзу Берду. 25 декабря 1997 года, 13.00 // Информационный выпуск. Издание Наблюдательного совета АООТ «Фольгопрокатный завод». 1998. № 53. Январь. С. 1–3; *Он же.* История завода — судьба директора / Цветные металлы. 1999. №8. С. 73–76; Мемориальные доски Санкт-Петербурга. Справочник. СПб.: Арт-Бюро, 1999. С. 135; Открытое акционерное общество «Фольгопрокатный завод» // Золотая книга Петербурга. Т. III. 2004. С. 78–79; *Кривдина О.А., Тычинин Б.Б.* Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703–2007. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Logos, 2007. С. 96–97.

А.М. Пашков
(Петрозаводск)

Российский шотландец Адам Васильевич Армстронг

В дореволюционной России имя А.В. Армстронга *(Adam Armstrong)* было хорошо известно. Ему посвящены два некролога[1] и несколько биографических статей[2], включая статью в «Русском биографическом словаре»[3]. Но в советское время наступило забвение[4], и сейчас имя А.В. Армстронга известно только узкому кругу историков[5]. Во многом причиной этого был его многолетний начальник и наставник, знаменитый британский предприниматель, литейщик и инженер К.К. Гаскойн[6] *(Charles*

[1] Обер-берг-гауптман Армстронг // Журнал императорского Человеколюбивого общества. 1819. Ч. 7 (январь). С. 90–97; Письмо к издателю из Петрозаводска // Сын отечества. 1818. Ч. 50. № 47. С. 88–90.

[2] *Арсеньев К.И.* Описание Олонецких заводов с самого их основания до последних времён // Труды Минералогического общества. Ч. 1. СПб., 1830. С. 281–332; *Бутенев К.Ф.* Краткое известие о жизни обер-берг-гауптмана 4-го класса А.В. Армстронга // Мануфактурные и горнозаводские известия. 1843. № 12.

[3] *Кулибин С.Н.* Армстронг Адам Васильевич // РБС. Т. 2 «Алексинский — Бестужев-Рюмин». СПб., 1900. С. 290–292.

[4] Единственной работой, изданной в советское время, в которой достаточно подробно, хотя с негативной оценкой, говорилось об А.В. Армстронге, была монография Я.А. Балагурова «Олонецкие горные заводы в дореформенный период» (Петрозаводск, 1958).

[5] Из работ об А.В. Армстронге, вышедших после 1991 года можно отметить: *Савицкий И.В.* Олонецкие шотландцы — дворяне Армстронги: генеалогия и национальное самосознание // Генеалогический вестник. Вып. 9. СПб., 2002. С. 27–31.

[6] О К.К. Гаскойне существует большая литература. См., напр.: *Тараканова Е.С.* Карл Гаскойн и русские пушки // Север. 2001. № 4/5/6. С. 96–114; № 7/8. С. 165–177; № 11/12. С. 187–201; Пашков А.М. Иностранные специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. //

Gascoigne) (1739–1806), в тени которого А.В. Армстронг долгие годы просто не был заметен.

А.В. Армстронг родился 13(24) января 1762 года в шотландском городке Хоик (Hawick) недалеко от Эдинбурга в знатной дворянской семье. До 16 лет жил с родителями, а в 1778 году поступил в Эдинбургский университет. После его окончания в 1782 году А.В. Армстронг собирался стать священником, но из-за возрастного ценза вынужден был поступить на службу домашним учителем в семью адмирала С.К. Грейга *(Samuel Greig)*, служившего с 1764 года в русском Балтийском флоте, и в 1783 году переехал в Россию. В начале 1786 года он был направлен С.К. Грейгом в Шотландию для переговоров с К.К. Гаскойном о приглашении его на русскую службу[7].

После приезда в мае 1786 года К.К. Гаскойна в Россию он был назначен начальником Олонецких горных заводов, куда входили Александровский пушечный завод в Петрозаводске и его филиал Кончезерский литейный завод в селе Кончезеро). Уже в июле 1786 года А.В. Армстронг был назначен помощником и переводчиком К.К. Гаскойна «с жалованьем в 200 фунтов стерлингов»[8] и вместе с ним приехал в Петрозаводск.

В российской версии Википедии в статье об А.В. Армстронге сообщается со ссылкой на электронную «Энциклопедию Бернса» *(«The Burns Encyclopedia»)*, что в 1787 году он вернулся в Шотландию, чтобы жениться на Изабелле Линдсей *(Isabella Lindsay)* (род. в 1746 году), дочери врача из Джедборо *(Jedburgh)*. За месяц до этой свадьбы великий шотландский поэт Роберт Бернс *(Robert Burns)* познакомился с ней и посвятил ей стихи:

«Sweet Isabella Lindsay, may Peace dwell in thy bosom,
uninterrupted, except by the tumultuous throbbings of rapturous Love!
That love-kindling eye must beam on another not me;
that graceful form must bless another's arms, not mine».

(«Милая Изабелла Линдси, пусть в твоём сердце царит Покой,
И лишь восторженные трепетания Любви пусть прерывают его!
Пусть этот взгляд, разжигающий любовь, сияет для другого, но не для меня;
И пусть благословят твои объятия чужие руки, но не мои»)

(Перевод К.А. Васильевой)

Державинский сборник — 2006. Петрозаводск, 2006. С. 89–120 (сокращённый вариант этой статьи см.: *Пашков А.М.* Иностранные специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII — первой четверти XIX веков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 46–54) и др. работы.

[7] Обер-берг-гауптман Армстронг. С. 91.

[8] Формулярный список А.В. Армстронга на 1июля 1815 года // НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 86/640. Л. 1об.

В своём дневнике Р. Бернс написал: *«...a good humor'd amiable girl; rather short et embonpoint, but handsome and extremely graceful — beautiful hazle eyes, full of spirit, and sparkling with delicious moisture — an engaging face and manner, un tout ensemble that speaks her of the first order of female minds»* («Милая девушка с хорошим чувством юмора; немного полновата, но прелестна и невероятно грациозна — красивые глаза орехового оттенка, сильна духом, излучает прекрасное сияние — и внешность, и манеры говорят о ней, как о лучшей представительнице женщин»)[9] (Перевод К.А. Васильевой).

После свадьбы молодые уехали в Россию. И. Линдсей умерла и была похоронена в России[10]. После смерти И. Линдсей А.В. Армстронг женился вторично на купеческой дочери Александре Дерс. У А.В. Армстронга было 8 детей: сыновья Василий *(William)* (род. ок. 1790), Роман *(Robert)* (1791–1864) и Иван *(John)* (род. 7.08.1807) и дочери Елена *(Helen)* (род. ок. 1794), Елизавета *(Elizabeth)* (род. ок. 1804), Александра *(Alexandra)* (род. в 1804), Маргарита *(Margaret)* (род. ок. 1803) и Анна *(Ann)* (род. 14.02.1805)[11]. Из всех детей наиболее известен Роман, который в 1833–1843 годах был начальником Олонецких горных заводов, в 1843–1858 годах — начальником Санкт-Петербургского монетного двора, а в 1858 году был произведён в генерал-лейтенанты[12]. Известно также, что Елизавета вышла замуж за местного помещика и чиновника П.А. Лачинова, губернатора Олонецкой губернии в 1827–1829 годах[13].

За годы службы при К.К. Гаскойне А.В. Армстронг сумел хорошо освоить горнозаводское дело. Профессор Санкт-Петербургского педагогического института и будущий известный статистик и академик К.И. Арсеньев, эвакуированный в Петрозаводск зимой 1812–1813 годов и познакомившийся там с А.В. Армстронгом, писал, вероятно, со слов последнего: «Армстронг, прибывши снова в Россию с Гас-

---

[9] В 1795–1803 годах Р. Бернс написал стихотворение «Лиззи Линдси» («Lizzie Lindsay»), ставшее популярной шотландской детской песней, но нет никаких фактов, указывающих на связь этого стихотворения с Элизабет Линдси. Выражаю свою благодарность К.А. Васильевой за предоставление данной информации — *А.П.*

[10] Армстронг Адам Васильевич / https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 3.10.2014); Lindsay, Isabella (b. 1746) / The Burns Encyclopedia / http://www.robertburns.org/encyclopedia/LindsayIsabellab1746.524.shtml (дата обращения 3.10.2014).

[11] *Савицкий И.В.* Ведение Дворянской родословной книги в Олонецкой губернии, 1791–1841 гг. Петрозаводск, 2000. С. 40–42.

[12] О нём см.: *Кулибин С.Н.* Указ. соч. С. 292.

[13] О П.А. Лачинове см.: *Кораблёв Н.А., Мошина Т.А.* Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск, 2012. С. 53–55.

Вид Александровского завода в Петрозаводске.
Из кн.: *И.Ф. Герман.* Описание Петрозаводскаго и Кончезерскаго заводов, и производимаго при оных литья пушек и снарядов. СПб, 1803

койном, препровождён вместе с ним в Петрозаводск, где и остался при Гаскойне вроде его помощника, в каковом звании был утверждён по конфирмованному штату в 1789 году. С сего времени безотлучно почти находился он при Олонецких заводах, имел в непосредственном своем ведении отыскание, добывание и приготовление руд, расположение рубки дров, жжение угля, и вообще снабжение заводов главными материалами было на его ответственности и попечении. Стараясь о приготовлении и отыскании руд, он предпринимал многократные путешествия по северному краю Олонецкой губернии, и потому оной сделался чрезвычайно известным, так что нет, можно сказать, ни одной расщелины в горе, нет ни одной скалы, ни одного утёса, куда бы не устремлял он внимательного своего взора. Старанием и неусыпною деятельностию его найдены были с 1794 года по ныне большое количество рудников и самые превосходные, из коих производится отливка орудий»[14].

В апреле 1798 года А.В. Армстронг стал членом правления Олонецких горных заводов, а вскоре после смерти К.К. Гаскойна, 1 июля 1807 года, был назначен их начальником. К тому времени это было уже 4 завода, поскольку стараниями К.К. Гаскойна были открыты литейные заводы в Кронштадте и Санкт-Петербурге и Олонецкие горные заводы стали основным поставщиком корабельной и крепостной артиллерии для русской армии и флота.

Назначение А.В. Армстронга начальником Олонецких горных заводов совпало с присоединением России к Континентальной блокаде. Её торговля с Англией была прервана, и прекратился подвоз

[14] *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С. 321–322.

оттуда на Олонецкие заводы каменного угля, огнеупорного камня и огнеупорной глины. Именно А.В. Армстронгу пришлось искать российские заменители этих важных для литья пушек материалов. И он успешно справился с задачей. В 1797 году на юго-восточном побережье Онежского озера, на реке Андома, им была найдена черная огнеупорная («огнепостоянная») глина, из которой можно было делать огнеупорные кирпичи. До этого и огнеупорную глину, и огнеупорный кирпич привозили из Англии. С этого времени глина и кирпич стали поступать не только на Олонецкие заводы, но и на Монетный двор, на Ижорские заводы и отпускаться по частным заказам.

Месторождение огнеупорного («горнового») камня для доменных печей было найдено в 1808 году в окрестностях Петрозаводска, до этого огнеупорный камень также привозили из Англии или с Брусенского острова (современное название Брусно) у западного побережья в Онежском озере к югу от Петрозаводска, между селами Шокша и Шелтозеро. Новое месторождение камня было найдено в двух верстах к югу от Петрозаводска в урочище Каменный бор.

Большое значение имела замена с 1808 года во время плавки в домнах привозившегося из Англии каменного угля сухими еловыми и сосновыми дровами. О значении этой меры К.И. Арсеньев писал: «До сего времени каждогодно привозилось из Англии сего материала до 150.000 пудов для всех подведомственных заводов; непомерные суммы были платимы за то англичанам. Теперь же все сии деньги сберегаются..., и с пользою обращаются на другую отрасль промышленности. Доставка сосновых и еловых дров, равно как и деревянного угля, не стоит почти ничего, потому что Олонецкая губерния... имеет до 20.000.000 квадратных десятин лесу, и значущая часть оного, преимущественно по берегам озер и рек, приписана к заводам»[15].

Исходя из сказанного, можно согласиться с мнением К.И. Арсеньева: «...сей достойный преемник знаменитого Гаскойна верно следовал предначертанной им методе. Он не только умел сохранить все заведения прежнего директора в совершенном порядке, но еще весьма многое поставил на гораздо лучшую ногу и по возможности усовершенствовал. Можно сказать беспристрастно, что без содействия изобретательного ума Армстронга все Олонецкие заводы в нынешнее время (в 1807–1813 годах. А.П.) рушились бы неминуемо»[16].

После вторжения в Россию армии Наполеона в 1812 году А.В. Армстронг решал сложнейшие задачи переориентации деятельности заводов с выпуска привычной продукции — пушек и ядер морской артиллерии — на выпуск оружия и боеприпасов для сухопутной ар-

[15] *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С. 325.

[16] Там же. С. 323.

мии в экстремальных военных условиях. Всего за годы, когда начальником Олонецких горных заводов был А.В. Армстронг (1807–1819), там было изготовлено 4112 артиллерийских орудий[17]. Только в 1812–1814 годах, в период наиболее тяжелой борьбы России с наполеоновской Францией, Олонецкие горные заводы изготовили 899 артиллерийских орудий и более 487 тысяч ядер. Особого внимания заслуживает то, что Олонецкие заводы освоили выпуск чугунных пуль, до этого там не выпускавшихся, и в 1812–1814 годах выпустили более их более 1,85 млн. штук[18].

Кроме того, при А.В. Армстронге Олонецкие горные заводы отливали различные изделия гражданского назначения: металлические фонари для маяков, металлические части мостов (в т.ч. в 1816 году для Поцелуева моста и моста у Московской заставы в Санкт-Петербурге), чугунные колонны и решётки, чугунные, железные и медные части для машин, оборудование (в т.ч. паровые машины большой мощности) для различных предприятий (Петергофской бумажной фабрики, Петербургского монетного двора и др.); кубы и аппараты для винокурения «по новым методам» и т.д. Особо следует отметить участие Олонецких горных заводов в изготовлении новых образцовых мер: в 1817–1819 годах там было отлито 27410 комплектов питейных мер по 1, 1/2 и 1/4 ведра для 29 губерний России[19].

К.И. Арсеньев писал о выпуске Олонецкими горными заводами продукции гражданского назначения: «Образцом изделий сих заводов могут служить находящиеся в Петербурге решётки нового заведения для изготовления государственных бумаг при Ассигнационном банке, Таврического дворца, ворота и решетки Михайловского замка и Аничкинского дворца, перила реки Мойки и чугунный Полицейский мост, базы под наружными колоннами Казанской церкви, в Кронштадте решётка с чугунными колоннами вокруг проводного канала расстоянием на три версты, также металлический фонарь с апликированными серебром рефлекторами на Толбухинском маяке[20], наподобие которого сделано 7 в разных местах Балтийского моря и много других маяков»[21].

---

[17] Обер-берг-гауптман Армстронг. С. 93.

18 Подсчитано по: Краткие ведомости об отданных в ведомства морской и сухопутной артиллерии орудий и снарядов с Олонецких чугунолитейных заводов с их отделениями с 1810 по 1816 год // НАРК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 63–75.

19 Обер-берг-гауптман Армстронг. С. 94.

20 Толбухинский маяк — один из старейших российских маяков, построенный по приказу Петра I в 1719 году на искусственном каменистом островке к северо-западу западной оконечности острова Котлин.

[21] *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С. 328. См. также: *Пашков А.М.* «Твоих оград узор чугунный...»: чугунное художественное литьё Олонецких горных заводов в архитектуре С.-Петербурга и его окрестностей конца XVIII — первой четверти XIX

За свои заслуги в 1808 году А.В. Армстронг был награждён орденом св. Владимира 4-й степени, а в 1818 году ему было присвоено звание обер-берггауптмана 4-го класса (равное генерал-майору). В 1813–1815 годах А.В. Армстронг приобрел в окрестностях Петрозаводске, в селе Восточное Кончезеро, землю и построил там усадьбу, где поселил 4 крепостных крестьян[22].

Будучи в 1811–1814 годах предводителем дворянства Олонецкой губернии, А.В. Армстронг занимался сбором пожертвований, формированием ополчения и другими вопросами, связанными с организацией отпора наполеоновской армии. Он был членом Вольного экономического общества, Московского общества испытания природы, Императорского Человеколюбивого общества, одним из основателей Минералогического общества (в 1817 году).

В отличие от К.К. Гаскойна, который жил и работал в России ради получения максимальной прибыли, А.В. Армстронг был известен своей заботой о простых людях и благотворительностью. К.И. Арсеньев писал: «К чести Армстронга надобно сказать также и то, что он прилагал величайшее, неусыпное попечение о благосостоянии крестьян, приписанных к Олонецким заводам, и следственно вверенных его управлению... Я имел случай сам быть очевидным свидетелем того, какою доверенностью, какою любовью всех крестьян пользовался Армстронг. Я видел, с какою уверенностью на его покровительство открывались они ему в своих нуждах, с какою нелестною искренностью благословляли его имя. О! Это есть величайшая награда за все труды, им понесенные!»

В начале XIX века А.В. Армстронг попытался распространить среди крестьян Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии картофелеводство. Вот что он сам писал об этом в Вольное экономическое общество: «Корреспондент Общества обер-бергмейстер Армстронг пишет в Общество..., что он, продолжая старание о заведении картофелей в Олонецкой губернии, просил весною прошлого 1803 года тамошнего гражданского губернатора послать к нему по примеру прошедших лет людей для обучения. На что ему губернатор отвечал, что рапортуют ему исправники, что из всех вотчин[23] Петрозаводского и

века // Столицы и провинция. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. СПб., 2013. С. 172–174.

[22] Формулярный список А.В. Армстронга на 1июля 1815 года // НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 86/640. Л. 1 об.

[23] Вотчина — в 1790-е годы в Олонецком горном округе в целях усиления административно-полицейского надзора за приписными крестьянами было образовано семь вотчин, подчинённых правлению заводов. В состав каждой вотчины входило несколько волостей (Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 44 прим. 2).

Дом горного начальника в Петрозаводске.
Современный вид. Фото Е.С. Тараканової

Повенецкого уездов уже было в прошедшем году послано по человеку для оного предмета, и что везде имеется достаточное количество картофелей. Итак, в последних числах мая посеял он в приготовленный собственными его работниками земле около 15 четвериков[24]. Но как поздний сев, так и сухая погода в продолжении лета, суть причины небольшого урожая. Ибо при выкопке получил он только 210 четвериков, которые намерен хранить до весны и раздать тогда по частям желающим крестьянам заводского ведомства, обязав их подпискою, чтоб непременно оные сеяли. И что крестьяне в ведомстве земских судов[25] от 580 четвериков, им от него в прошлом 1802 году данных, едва имели ныне помянутое количество»[26].

Это свидетельство дополняет К.И. Арсеньев: «В течение нескольких лет прилагал он (А.В. Армстронг. — *А.П.*) особенные труды ввести и распространить в заводских селениях рассаживание картофе-

[24] Четверик — старинная русская мера объёма, равная 26,24 литра.

[25] Земский суд (правильнее — нижний земский суд) — создан в 1775 году в уездах как административно-судебно-полицейский орган для сельской местности. Состоял из земского или капитан-исправника, двух или трёх земских заседателей из дворян, а также, при необходимости, двух заседателей для участия в рассмотрении дел о государственных крестьянах.

[26] *Армстронг А.В.* О разведении картофеля в Олонецкой губернии // Записки деяний Вольного экономического общества. СПб., 1804. С. 43–45.

ля, который, судя по здешнему краю, мог бы быть весьма полезным произведением. Каждому крестьянину доставлено было нужное количество для посева. Жители по своему предубеждению и нерадению не совсем соответствовали его стараниям; однако ж во многих селениях с того времени продолжают садить сие произведение»[27].

Итак, в течение ряда лет А.В. Армстронг собирал в Петрозаводске крестьян для обучения их разведению картофеля. При возвращении домой эти крестьяне получали небольшой запас картофеля на семена, сеять картофель их обязывали подпиской. В 1802 году для посадок было роздано около 580 четвериков картофеля, а весной 1804 — 210 четвериков. Однако картофелеводство не получило большого развития из-за крестьянских предрассудков и противодействия старообрядцев.

Тяжёлые испытания, выпавшие на долю А.В. Армстронга в 1807–1814 годах, и многолетняя работа в условиях стресса подорвали его здоровье. Он умер 8(20) ноября 1819 года в Петрозаводске, в возрасте 56 лет, от последствий сильной простуды и был похоронен там же. Журнал «Сын отечества» писал, что во время похорон «тысячи людей покрывали улицы, пришли даже старые и малолетние»[28].

[27] *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С. 326–327.

[28] Письмо к издателю из Петрозаводска // Сын отечества. 1818. Ч. 50. № 47. С. 89.

А.О. Мещерякова
(Воронеж)

Артур Юнг и русские консерваторы: к истории создания Ф.В. Ростопчиным трактата о плуге и сохе

В конце XVIII – начале XIX века среди русских помещиков большой популярностью пользовались труды известного английского писателя, учёного-агронома, автора многочисленных сочинений по экономической истории стран Западной Европы Артура Юнга (1741–1820). Как агроном, А. Юнг был популяризатором эффективного земледелия, нацеленного на достижение максимальных результатов за счет удобрения земли и усовершенствования орудий труда. Благодаря переводам и широкому распространению его трудов с конца XVIII века в Европе повсеместно возрос интерес к английской системе земледелия. Мода на английскую агрономию не миновала и Российскую империю. Горячими сторонниками в России идей Артура Юнга были императрица Екатерина II[1], княгиня Е.Р. Дашкова, Д.М. Полторацкий, Н.С. Мордвинов и многие другие. Одним из таких «земледельцев-англоманов» был и граф Фёдор Васильевич Ростопчин (1765–1826) — владелец подмосковного имения Вороново, бывший фаворит Павла I, впавший в немилость его сыну, императору Александру I. Невостребованный на государственном поприще в первые годы александровского царствования, Ф.В. Ростопчин

[1] Известно, что в знак особого уважения к заслугам английского агронома Екатерина II отправила ему в дар золотую табакерку, а его жене и дочери подарила горностаевые мантии (см.: *Юнг А.* Путешествие по Франции. 1789 год / Пер. с англ. С. Искюля, Д. Соловьёва; вступ. ст. и прим. С. Искюля // Звезда. 1989. № 7. С. 125).

всецело посвятил себя сельскому хозяйству и литературной деятельности. Следуя идеям А. Юнга, он создал в своем имении образцовое хозяйство, оснащенное новейшей техникой и управляемое иностранными специалистами[2].

Первые земледельческие опыты Ф.В. Ростопчина относятся к 1803 году. Он активно удобрял землю, изготавливал собственные сельскохозяйственные машины, использовал привезенные из-за границы семена, наконец, организовал в своем имении школу для обучения собственных и соседских крестьян английскому методу земледелия. В июле 1803 года в газете «Московские ведомости» появилось объявление, данное Ф.В. Ростопчиным. В нем сообщалось об открытии в Вороново английской сельскохозяйственной школы и о наборе в нее учеников — русских крестьян из окрестных сёл. Отмечалось, что преподавать в ней будут приглашенные специалисты-шотландцы — «именитый агроном Паттерсон» и «изобретатель-механик Гюм». В течение восьми месяцев — с 1 марта по 1 ноября — иностранные специалисты должны были на практике показать русским крестьянам «обрабатывание земель, разделение полей, удобрение оных илом, глиною, торфом и известкою, равномерно и сеяние всякого рода хлеба, овощей и трав». Организатор школы при этом обещал снабдить всех выпускников «за весьма умеренную плату» необходимым инвентарем и «безо всякой платы» — всевозможными семенами, многие из которых «в России до сих пор не известны», а также инструкцией к их применению[3].

О всех своих сельскохозяйственных экспериментах и предприятиях Ф.В. Ростопчин сообщал в письмах к близкому другу князю Павлу Дмитриевичу Цицианову. Так, в июле 1803 года он писал ему, что начал изготавливать в своём имении молотильни, плуги, машины для корчевания пней и продавать их значительно дешевле, нежели другие помещики-новаторы — чем, по его словам, и «прогневал всю компанию». Ф.В. Ростопчин был доволен и опытами по удобрению земли. Для этого он предоставил иностранным специалистам наименее плодородные земли, которые они удобряли торфом, навозом, известкой. Увлекался Ф.В. Ростопчин и использованием новых, привезенных из-за границы семян. На своих подмосковных полях он сеял неизвестный в России озимый ячмень, американский овес,

[2] См.: *Мещерякова А.О.* «Крепостник-новатор»: Ф.В. Ростопчин и аграрно-крестьянский вопрос в первой четверти XIX в. // А.И. Кошелев и его время: Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Кошелева. Рязань, 2007. С. 174–178.

[3] См.: Объявление [графа Ф.В. Ростопчина] // Московские ведомости. 1803. № 53.

сирийскую и мексиканскую пшеницу. А явный интерес к его деятельности со стороны соседей позволял надеяться на то, что к весне следующего года в его сельскохозяйственной школе будет достаточно учеников[4]. В целом, Ф.В. Ростопчин был доволен результатами первых опытов. «Начало отменное, — писал он П.Д. Цицианову, — и я, кроме собственной выгоды, надеюсь соучаствовать и в общей»[5].

Отношение окружающих к сельскохозяйственным опытам Ф.В. Ростопчина не было однозначным. Многие смеялись над ним, некоторые находили в его сельскохозяйственных занятиях «дальние виды», а иные — «алчность к деньгам»[6]. Активной пропагандой английского земледелия Ф.В. Ростопчин стремился достичь его широкого распространения в округе. На почве общих интересов он активно общался с Дмитрием Марковичем Полторацким (впоследствии соучредителем Московского общества сельского хозяйства (1818)), княгиней Екатериной Романовной Дашковой, завязал заочное знакомство с известным масоном и просветителем Николаем Ивановичем Новиковым[7].

Однако по прошествии нескольких лет энтузиазм Ф.В. Ростопчина сменился трезвым взглядом на перспективы повсеместного распространения в России английской системы земледелия. На собственном опыте он установил, что затраты на удобрение почвы, покупку инвентаря и семян заметно снижают эффективность данного метода, а при отсутствии рынка сбыта подобное хозяйство вообще становится убыточным. Думается, что на охлаждение интереса к английскому земледелию повлияло и знакомство русского помещика с сыном своего учителя[8], знаменитого агронома Артура Юнга. По сведениям Ф.В. Ростопчина, Юнг-младший был приглашён в Российскую империю Н.Н. Новосильцевым «для сочинения описания сперва Московской губернии, а потом и всей России», хотя настоящая цель его визита, по его словам, заключалась в изучении сельского хозяйства. В имении Вороново он провёл 10 дней, особенно подробно расспрашивая хозяина об условиях труда и положении крестьян в России. Из разговоров с именитым гостем Ф.В. Ростопчин узнал,

---

[4] См.: Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 16, 19, 23.

[5] Там же. С. 26.

[6] Там же. С. 63.

[7] См.: Письмо графа Ф.В. Ростопчина к Н.И. Новикову от 21 марта 1804 г. // Русский библиофил. 1913. № 4. С. 25.

[8] Ф.В. Ростопчин снабдил свой подарок Артуру Юнгу — усыпанную бриллиантами табакерку — весьма примечательной надписью: «От ученика учителю» (см.: *Юнг А.* Путешествие по Франции. С. 125).

что ему, кроме прочего, было «внушено заняться и проектами для постановления благоденствия крестьян». «Ты можешь себе представить, — писал он П.Д. Цицианову, — как Питт настроил этого Юнга. Россия им всем давно тяжела. Образ ее правления составляет всю силу; перемени пружину, и в ту же минуту из Эликотовых часов выйдет несчастная кукушка»[9]. Таким образом, в представлениях Ф.В. Ростопчина, мода на английское земледелие и угроза национальным интересам России, в виде разрушения её патриархального уклада, оказывались взаимосвязанными.

Ещё в 1803 году, в самом начале своих экспериментов Ф.В. Ростопчин писал о том, что «доколе у нас не прибавится втрое жителей в хлеборобных губерниях, дотоле заведения английского обрабатывания земель не будут нужны»[10]. Личный опыт лишь подтвердил и усилил эту уверенность. Выводы, сделанные на основании сельскохозяйственных экспериментов, были изложены Ф.В. Ростопчиным в первом опубликованном им сочинении «Плуг и Соха» (М., 1806). Примечательно, что главный тезис брошюры — о нецелесообразности повсеместного применения в России английской системы земледелия, в том числе, отказа от традиционной русской сохи в пользу английского плуга — получил подтверждение в исследованиях современных учёных. Так, академик Л.В. Милов в своем труде «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» отметил многочисленные достоинства сохи, среди которых были простота, дешевизна, доступность и универсальность данного пахотного орудия, в котором «максимально воплотился критерий целесообразности»[11].

«Плуг и Соха» Ф.В. Ростопчина, увидевшая свет в 1806 году, положила начало его активной литературной и общественно-политической деятельности. Весьма примечателен эпиграф на титульном листе брошюры: «Отцы наши не глупей нас были»[12]. Уже в этом сочинении нашла отражение идея, которая ясней и откровенней будет звучать затем в его комедиях и памфлетах, в том числе в знаменитых «Мыслях вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» (М., 1807). Это идея о национальной самобытности России и опасности для нее слепо следовать культурному, экономическому и политическому опыту Западной Европы.

---

[9] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 100.

[10] Там же. С. 14–15.

[11] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 79, 81, 89 и др.

[12] *Ростопчин Ф.В.* Плуг и Соха // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., пред., пер. с франц., прим. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 98.

Проблема распространения в России английской системы земледелия в «Плуге и Сохе» вышла за рамки исключительно экономической, приобретя политический характер. Теперь «английский фермер столько же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант»[13], — заключал Ф.В. Ростопчин, находивший причину популярности в России английского земледелия в склонности русских к подражанию иностранцам. Но одновременно автор подчеркивал, что, являясь русским и «сердцем и душою», он превозносит достоинства русской сохи перед английским плугом не из-за слепого пренебрежения ко всему иностранному, как это делают некоторые, руководствующиеся «предрассудками», а по рациональным соображениям[14]. Ф.В. Ростопчин полагал, что эффективное земледелие пригодно лишь для малоземельных стран. Россия же, несмотря на все несовершенства ее сельского хозяйства, еще не знает, что такое настоящий голод. Под голодом, по его словам, часто подразумевают неурожай в некоторых губерниях, когда крестьяне в течение семи месяцев испытывают нужду в продовольствии, но отнюдь не гибнут от голода, «ибо правительство и помещики всегда поспевают на помощь к страждущим». Можно с уверенностью утверждать, считал Ф.В. Ростопчин, что теперешнее число жителей России может увеличиться втрое, а крестьянам «не будет надобности обращать все поля в огороды»[15]. Защищая преимущества для России сохи, он указывал на нерентабельность в современных русских условиях применения более совершенных методов английского земледелия. Использование новых технологий, по его подсчётам, значительно повысит себестоимость производимой продукции, при отсутствии же рынка сбыта производитель неминуемо будет нести убытки[16]. «У нас часто самое важное заведение, стоящее больших денег, обязано своим бытием прихоти, скуке или любопытству какого-нибудь богача, знатного барина, или мота. Если бы в существующих уже теперь в России английских фермах те, кому они принадлежат, хотели вычислить поверней все издержки на заведение, содержание людей, скота, строений, орудий, жалованья иностранным, и прежние доходы: тогда бы, пожертвуя самолюбием истине, признались, что едва получают два процента за сию модную перемену Сохи на Плуг», — писал Ф.В. Ростопчин[17].

Появление брошюры Ф.В. Ростопчина было весьма актуальным. В эти годы в России развернулась оживленная литературная полеми-

[13] Там же. С. 99.

[14] Там же. С. 99–100.

[15] Там же. С. 100.

[16] Там же. С. 109.

[17] Там же.

ка о плуге и сохе. Своеобразным ответом на сочинение Ф.В. Ростопчина стала небольшая брошюра кн. Е.Р. Дашковой «Мнение о плуге и сохе» (СПб., 1807)[18], в которой откровенно восхвалялась английская система земледелия. Она была направлена на поддержку бывшего единомышленника, а теперь оппонента Ф.В. Ростопчина — Д.М. Полторацкого. Литературными откликами на полемику о плуге и сохе явились, в частности, сочинения И.А. Крылова «Философ и Огородник» и «Модная лавка», а также комедия Ф.Ф. Иванова «Женихи, или Век живи и век учись»[19], авторы которых иронизировали, в том числе, и над таким распространенным явлением в тогдашней России, как увлечение русских помещиков модными иностранными способами обработки земли.

За короткий период с 1803 по 1806 год аграрные взгляды Ф.В. Ростопчина претерпели серьезную эволюцию. Вчерашний пропагандист английской системы земледелия стал горячим защитником русской сохи. С одной стороны, это было связано с тем, что на личном опыте Ф.В. Ростопчин убедился в неэффективности и нецелесообразности широкого распространения в России новаторских способов земледелия. С другой стороны, на общественно-политическую заостренность трактата «Плуг и Соха» повлияло изменение внешне- и внутриполитической ситуации в Российской империи с началом войны с Наполеоном (1805–1807). Через обращение к русской традиционной культуре, родному языку и истории, через идеализацию патриархального быта и обычаев в эти годы активно шло формирование идейной базы русского консерватизма и национализма. В авангарде этого течения и оказался Ф.В. Ростопчин.

[18] [*Дашкова Е.Р.*] Мнение о плуге и сохе. СПб., 1807.

[19] См.: *Овчинников Г.Д.* «Теперь служу с сохой...» // Время и текст. Историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 44–45.

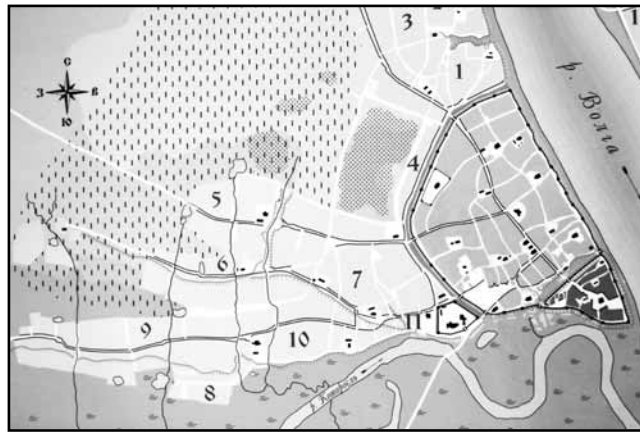
И.А. Серова
(Ярославль)

Роль Ярославля в истории торговых и дипломатических отношений России и Англии второй половины XVI века

Ярославль в 2010 году отметил своё тысячелетие. Самой судьбой ему было уготовано стать многолюдным и богатым. Молодого ростовского князя Ярослава Владимировича, основавшего этот первый русский город на Волге «во имя свое», недаром прозвали Мудрым. Ведь вряд ли можно было найти лучшее место для строительства крепости, имевшей важное стратегическое значение, чем крутой бе-

Макет Ярославля начала XIII века.
Музей истории города Ярославля

Карта-схема Ярославля в XVI – нач. XVII в.
Музей истории города Ярославля

рег на стрелке Волги и Которосли. Ярославль оказался и на самом бойком торговом перекрестке Волго-Балтийского пути — главной торговой магистрали из Европы в южные провинции Арабского халифата. Так за счет активного участия во внутренней и внешней торговле создавалось богатство города. Сюда вместе с караванами поступали товары, прибывали ремесленники и землевладельцы. Ярославль рос, развивался, процветал, обрастал посадами, украшался храмами. «Книга большому чертежу» конца XVI века (описание Московского государства) давала такое краткое описание города: «А ниже Романово-Борисоглебской слободы 30 вёрст, на правом берегу Волги, город Ярославль, строением церковным весьма украшен и посадами велик». Фактически город в это время достиг границ, которые сохранял до начала XVIII века.

Во времена Ивана Грозного, который не раз бывал в Ярославле, роль города в экономической и политической жизни Московского государства еще более упрочилась. Особым покровительством царя пользовались ярославские монастыри — Толгский и Спасо-Преображенский. Монастырям были дарованы многие земли, денежные вклады, льготы и привилегии, что служило убедительным свидетельством заинтересованности московских властей в усилении их авторитета и роли в духовной жизни страны. В 1571 году во время осады Москвы ордами хана Девлет-Гирея Иван Грозный вначале предполагал идти со своим двором в Ярославль и укрыться в Спасо-Преображенском монастыре, но дошёл только до Ростова и поменял маршрут. В 1569 году Ярославль вошёл в состав опричнины.

В результате присоединения в 1552 году Казанского ханства, а через четыре года и Астраханского, в российские владения перешёл весь бассейн Волги. С этого момента Ярославль оказался на главной водной артерии страны.

В 1553 году было положено начало русско-английским торговым и дипломатическим отношениям благодаря случайности, заставившей английского мореплавателя Ричарда Ченслера искать убежища в устье Двины. Ярославль для англичан стал транзитным узлом, в котором пересеклись водный путь по Волге с водно-сухопутной дорогой, связывавшей Москву с Архангельском. Эта дорога шла сушей из Москвы через Ярославль в Вологду, а затем по притокам Северной Двины и самой этой реке к Великому Устюгу, Холмогорам и Архангельску. Именно так добирались первые английские путешественники до Москвы: Джордж Киллингуорзе, Генри Лэйн и Артур Эдуардс[1]. После того как в 1555 году была создана особая «Московская компания» английских купцов, монополизировавшая московский рынок, «английский дом» появился и в самом центре Ярославля[2], здесь же были устроены склады для товаров, ввозимых в Россию из Англии.

Этот период истории достаточно хорошо отражён в многочисленных записках, посланиях, трактатах, мемуарах, составленных английскими путешественниками. В их описаниях Московского государства XVI века нередко речь идёт о Ярославле, «очень большом городе»[3], как называл его Р. Ченслер. Позднее Флетчер Джильс, английский посланник королевы Елизаветы I, прибывший в Россию в ноябре 1588 года, также отмечал, что среди главных городов России Ярославль по местоположению «далеко превосходит прочие: кроме получаемых им произведений от богатых пажитей и плодоносных полей, он лежит на славной реке, Волге, и расположен на высоком и весьма красивом берегу»[4].

---

[1] Подробный маршрут приводит в своих записках Антони Дженкинсон. См.: *Дженкинсон А.* Путешествие из Лондона в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 73–76.

[2] «Двор немецкой агленских немец». См.: Ярославские переписные и писцовые книги // Труды Ярославской губернской учёной архивной комиссии. Ярославль, 1914. Т. VI. Л. 723. Указано авторами коллективной курсовой работы, студентами 2 курса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

[3] *Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны // Английские путешественники... С. 56.

[4] *Флетчер Д.* О государстве русском. М., 2002. С. 31.

Ричард Ченслер.
Гравюра Р. Купера
с картины Ганса Гольбейна

Тексты, подготовленные Р. Ченслером и Д. Флетчером, больше всего напоминали инструкцию по коммерческому использованию России, в частности, в них отмечалась экономическая перспективность Ярославля. «От Вологды до Ярославля 200 миль, — писал Р. Ченслер. — Тамошние товары — кожа, сало и хлеб — в очень большом количестве. Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль, все их перевозки производятся на санях»[5]. Д. Флетчер же среди местных промыслов выделял «изготовление селитры», а также рыбную ловлю, чем в Ярославле «занимаются летом, а зимой уже рассылают во все концы государства наловленную и замороженную рыбу», попутно отмечая, что «за право производить рыбный промысел ежегодно платят значительную пошлину в царскую казну»[6].

Коммерческая деятельность «Московской компании» была теснейшим образом связана с дипломатической миссией. Английские посольства при царском дворе защищали интересы купцов, а представительство компании вело дела английской короны. Вторым послом Англии, направленным в Москву после смерти Р. Ченслера, был Антони Дженкинсон.

В 1557 и 1561 годах, когда переговоры с русским царём велись уже от имени Елизаветы I, наряду с дипломатической миссией Дженкинсону был поручен поиск юго-восточного пути в Индию и Китай. На волжский путь в земли Центральной Азии возлагались особые надежды. В 1558 году Дженкинсон получает разрешение Ивана Грозн-

[5] *Ченслер Р.* Указ. соч. С. 55–57.

[6] *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 28.

Джильс Флетчер.
Гравюра из книги
«О государстве русском»

ного на экспедицию в Персию и Бухару по волжскому пути. Он оказался первым западноевропейским путешественником, описавшим побережье Каспийского моря и Среднюю Азию. В результате появилась самая подробная на тот момент карта России, Каспийского моря и Средней Азии. Впервые изданная в Лондоне в 1562 году под названием «Описание Московии, России и Татарии», эта карта впоследствии выдержала множество изданий на разных языках. Дженкинсон на практике осуществил идею купцов Московской компании, стремившихся связать Северный Морской, Волжский и Шёлковый пути.

Агент «Московской компании» Артур Эдуардс так описал кратчайший путь в Англию из Восточной Индии, товары которой «могут в более короткое время с большей безопасностью перевозиться через Персию и по Каспийскому морю и далее через Россию и Московию по рекам до города Ярославля, а оттуда опять все время водой до самой Англии»[7].

Именно из Ярославля, не заезжая в Москву, английские негоцианты и снаряжали в Среднюю Азию свои экспедиции, которые буквально следовали одна за другой[8]. Так, служащий компании Ричард Чини, участник второго путешествия, отмечал в донесении: «10 мая 1563 г. мы выехали из города, называемого Ярославлем, в наше путе-

[7] Заметки о четвёртом путешествии в Персию, начатом в июле 1568 г. // Английские путешественники... С. 247. Из Ярославля участники путешествия Артур Эдуардс, Джон Спарк, Лоренс Чэпмэн, Христофор Фоусэт и Ричард Пингл отправились в июле 1568 г.

[8] Маршрут подробно описал Артур Эдуардс. См.: Письмо Артура Эдуардса, написанное 16 июня из Астрахани при возвращении из его первого путешествия в Персию // Английские путешественники... С. 236.

Неизвестный художник.
Портрет Джерома Бауса.
1583. Масло, холст

шествие в Персию»[9]. Подробности подготовки третьего путешествия в Персию известны от Артура Эдуардса, отправившего из Ярославля 15 мая 1565 года в Лондон письмо-отчёт секретарю компании Томасу Никольсу. Эдуардс был прислан в Ярославль в начале марта, задолго до начала экспедиции, для приёма английских товаров, следующих сухопутным путём из Вологды, а также товаров, закупленных агентом в Москве. Кроме того, ему было «поручено озаботиться заготовлением бисквитов, пива, мяса и других припасов, а также остальных необходимых согласно плана предметов»[10].

В Ярославле для приёма и хранения английских товаров, направляемых в Азию, была устроена внутренняя гавань и большие склады. Кроме того, поскольку здешние суда представлялись англичанам весьма опасными для плавания по Каспийскому морю, решено было на месте строить специальные парусные грузовые суда, малая осадка которых позволяла им ходить и по реке, и по морю. На верфи привлекались ярославские плотники, которые, по мнению Артура Эдуардса, могли при надлежащем руководстве достаточно хорошо работать. В этом же письме корреспондент докладывал в Англию и свои соображения относительно сокращения расходов по организации похода: «Ваше судно, или крайер, построенное здесь, невелико, вместимостью не более 30 тонн (единица измерения, применённая в современном русском переводе — *И.С.*), оно красиво построено по английскому образцу, но думаю, что оно слишком мало для ваших товаров и для груза съестных припасов. Если бы достопочтенная компания прислала сюда корабельного мастера, достаточно искусного, чтобы построить судно вместимостью в 60 тонн или больше, которое при полной загрузке сидело бы в воде не более 6 футов, это

[9] См.: Т. Олкок, Дж. Ренн и Р. Чини. 1563–1565 гг. // Английские путешественники... С. 216.

[10] См.: Письмо Артура Эдуардса Томасу Никольсу. Ярославль, 15 мая 1565 г. // Английские путешественники... С. 219.

было бы, я думаю, очень выгодно. Ибо если бы ваших товаров было недостаточно, то здесь есть купцы, которые были бы очень рады и довольны заплатить большой фрахт, лишь бы погрузить товары на наше судно; а этим ваши расходы сильно уменьшились бы. При таких условиях можно сберечь плату людям, которых вы здесь нанимаете, да и ваши служащие и товары будут в гораздо большей безопасности»[11].

Судя по всему, к предложению Артура Эдуардса в компании отнеслись серьезно и построили большое судно для совместного с русскими плавания. В 15681574 гг. состоялась пятая экспедиция, совершенная агентами Московской компании Томасом Бенистером и Джеффри Дэкетом. В июле 1768 года они в Ярославле «сели на баржу "Томас Благое предприятие", вместимостью в 70 тонн, взяв с собою до 40 чел. русских для работ и услуг»[12].

Участники этого путешествия встретились со множеством трудностей: судно неоднократно подвергалось нападению пиратов в Каспийском море, а на обратном пути в 1573 году, когда они с остатками груза на «заготовленных» в Астрахани лодках в начале октября подплывали к Ярославлю, лёд загородил им дорогу, и «они испытали новую опасность потерять и жизнь и товары». Вот как об этом свидетельствовал участник экспедиции Лайонель Плэмтри: «Внезапно ночью они были захвачены жестоким и сильнейшим морозом; вода настолько вследствие этого замерзла, что их лодки были раздавлены льдом и разбиты...»[13]. То, что большими хлопотами удалось спасти, на санях перевезли из Ярославля в Вологду. Часть тюков была отправлена в Москву и продана там царю.

В России англичане видели, в первую очередь, удобного торгового партнера, а вот Иван Грозный хотел найти в Англии военного и политического союзника. Кроме того, русский царь пытался породниться с королевским домом Англии. Он сделал предложение племяннице королевы Марии Гастингс. Однако этому браку не суждено было осуществиться.

В 1583 году английская королева Елизавета I послала к Иоанну IV Джерома Бауса, который, по мнению его современника Джерома Горсея, «не имел никаких других достоинств, кроме представительной внешности»[14]. Тем не менее, на Бауса была возложена очень

---

[11] Там же. С. 220.

[12] Томас Бенистер и Джеффри Дэкет. Путешествие в Персию в 1568–1574 гг. // Английские путешественники... С. 250.

[13] Там же. С. 254–255.

[14] *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 82.

А. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища Джерому Горсею. 1875

деликатная миссия, так как матримониальные притязания Ивана Грозного вызвали недоумение при английском дворе. Посланнику было поручено сделать все возможное, чтобы отклонить просьбу русского царя. «Нам угодно, – заявляла королева, — чтобы вы употребили лучшие, какие можно доводы к отвращению его от этого намерения, представили бы ему слабосилие девицы даже в самом здоровом её положении и другие затруднения, которых можно ожидать со стороны девицы и её родственников: они едва ли согласятся на столь дальнюю взаимную разлуку»[15].

Иван Грозный ничего не подозревал о столь неудачном для него завершении переговоров. Поэтому он распорядился достойно встретить английского посланника. Сэр Джером Баус на купеческих судах пустился медленно вверх по реке Двине за тысячу миль к Вологде, где была приготовлена провизия для долгого путешествия, а также подводы и лошади для обоза. В Ярославле посол был встречен большой свитой, посланной царём. Здесь же его ожидали подарки: карета и 10 лошадей с красивой сбруей русского образца «для более удобного путешествия в Москву»[16].

Царь успел назначить свидание послу королевы Елизаветы. Однако явившийся в Кремль Баус понял, что аудиенция не состоится. 18 марта 1584 года Иван Грозный в возрасте 53 лет внезапно скончался. Английский посол был арестован, его более двух месяцев со-

[15] Там же. С. 82–84.

[16] Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884. С. 98; *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 82.

держали под стражей. После чего, благодаря заступничеству Бориса Годунова, он был отпущен на родину.

Почти два десятилетия с 1573 по 1591 год выполнял посольские службы то Англии, то России Джером Горсей – английский купец, дипломат, тайный агент английской королевы.

Путешествуя из одной страны в другую, он занял исключительное положение при царском дворе. В эти времена английский посол «дерзал входить к царю, не снимая шляпы». Кроме того, написанное им после возвращения на родину сочинение «Путешествия сэра Джерома Горсея» внесло весомый вклад в создание представлений иностранцев о России.

При преемнике Ивана Грозного Фёдоре Иоанновиче отношения с Англией стали заметно прохладнее. В 1590 году состоялась последняя миссия Горсея от Елизаветы к новому царю. Он привёз богатые дары не только государю, но и, как писал он сам, «лорду-протектору», т.е. Борису Годунову. Однако вскоре Горсею, как и ранее Баусу, предъявили «многие обвинения», в числе которых называли его сношения с польским королем, а также вывоз из России «больших сокровищ». Впрочем, дальнейшее дознание быстро прекратили, а английского посланника препроводили на время в Ярославль. Здесь Горсей узнал о трагедии, случившейся 15 мая 1591 года с младшим сыном Ивана Грозного царевичем Дмитрием. Маленький царевич вместе с матерью и огромной свитой в четыре тысячи человек был выслан в древний Углич, город на Волге в 25 милях от Ярославля, подаренный ему отцом ко дню рождения. Обстоятельства его гибели — преступления или несчастного случая — так и не были выяснены.

Позднее в своих записках Дж. Горсей не раз обращался к этой истории. Его рассказ — уникальное свидетельство современника, в какой-то мере даже «очевидца» трагедии накануне Смутного времени. Горсей не только рассказал о заговоре «с целью отравить и убрать молодого царевича Дмитрия, третьего сына прежнего царя, его мать и всех их родственников... приверженцев и друзей», но и поведал подробности той кровавой драмы, якобы переданные ему Афанасием Нагим, братом вдовствующей царицы.

«Царевич Дмитрий мёртв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; [он] признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у неё вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство!

— Увы! У меня нет ничего действенного. Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом

Убиение царевича Дмитрия в Угличе.
Гравюра неизвестного художника. XIX в.

(ту небольшую склянку с бальзамом, которую дала мне королева) и коробочку венецианского териака.

– Это все, что у меня есть. Дай бог, чтобы ей это помогло.

Я отдал всё через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий»[17]. Вскоре после этих трагических событий Горсей был выслан из России.

История первого английского посольства в Московию определенно принадлежит к тем фактам, которые нельзя обойти вниманием при рассмотрении последующей истории Ярославля. Географическое положение города на пересечении важнейших транспортных коммуникаций сделало его для Англии практически незаменимым транзитным узлом в торговле с Россией и Персией. Первые английские путешественники добирались до Москвы частично по суше, а частично по рекам, при этом неизменно проезжали через Ярославль. Значение этого пути для своей восточной торговли они отметили уже к началу XVII века, хорошо освоив его. С другой стороны, активное участие самого Ярославля во внутренней и внешней торговле, а также — пусть косвенная — причастность к установлению дипломатических отношений между Россией и Англией не только выдвинули его в число крупнейших городов страны, но и обусловили многочисленные культурные связи. Все это способствовало небывалому духовному расцвету города в конце XVI–XVII веков, названному впоследствии «золотым» веком Ярославля.

[17] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 252.

Т.А. Лаптева
(Москва)

Британские купцы Гарднеры и их деятельность в России в XVIII веке

Одними из самых успешных и занимавшихся активным предпринимательством в России на протяжении XVIII и затем XIX века были английские купцы Гарднеры, происходившие из Стаффордшира[1].

Братья Гарднеры начали торговать в Архангельске и Санкт-Петербурге в конце 1720-х годов. Яков (Джеймс) находился в Архангельске, а Франц (Фрэнсис) в Петербурге, оба имели торговые операции в Архангельске «заморскими товарами» на несколько тысяч рублей, вывозили из России льняную пряжу и имели обязательства от русских купцов. Франц торговал в Петербурге тканями, в том числе поставлял ткани двору во время подготовки траурных церемоний в связи с кончиной Петра I[2].

В ответе на вопросные пункты в Коммерц-коллегии его брат Яков Гарднер сообщал: «Имя мне Яков Володимеров сын Гарднер, Аглинской земли, а ныне жительство и купечество русскими и заморскими товары имею у города Архангелского». Он также сообщил: «Брата у себя родного Франца Гарднера имею, и оной мой брат купечество имеет со мною вообще. А ныне он обретаетца ради купечества ж в Санкт-Питербурхе»[3]. Оба брата имели отчество «Володимерович», так что не исключено, что их отцом был корабельный мастер Вильям Гарднер, работавший в Воронеже в начале XVIII века[4].

---

[1] *Cross A.* By the banks of the Neva. Chapters from the lives and careers of the British in Eighteenth century Russia. Cambridge, 1997. P. 408.

[2] РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 71. Л. 910–914 об.

[3] Там же. Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 2. Д. 557. Л. 29.

[4] *Cross A.* Op. cit. P. 163.

В 1720–1730-е годы братья продолжали торговать в Петербурге. В 1724 году существовала торговая контора «Гарднер и Бони», вывозившая из России пеньку, холсты и лён[5]. В 1726 году, например, Ф. Гарднер поставил князю А.Д. Меншикову 180 аршин сукон, в 1727 году — более 700 аршин тафты и в том же году по договору с Меншиковым получил 8,7 тыс. пудов пеньки, 2,1 тыс. пудов льна и 2,7 тыс. пудов конопляного масла[6]. Гарднеры были активными членами «Британской фактории» в городе, а Джеймс стал её казначеем. В начале 1730-х годов в Петербурге действовала и фирма «Гарднер» и Ко, в которой состояли братья Гарднеры и Эрнст Бардевик. Фирма занималась поставкой сукон, закупкой сырья (пеньки), кредитными операциями. В 1733 году между компаньонами начался суд по взаимным претензиям. Дело затянулось до 1740 года[7].

В 1730–1740-е годы Гарднеры завели в Петербурге фабрики. В 1730 году братья Гарднеры получили канатное производство внаём за 900 рублей, а позже купили в «вечное владение». Завод располагался в собственном доме Ф. Гарднера на его участке земли (540 х 194 м). В 1744 году конфликт с «канатных дел» мастером привёл к временному закрытию завода[8].

В мае 1731 года английские и голландские купцы, проживавшие в Петербурге, во главе с купцом Яковом (Джеймсом) Гарднером, подали доношение в контору Коммерц-коллегии с просьбой об учреждении биржи «для собрания и по купеческому обхождению» в «новопостроенном гостине дворе» на Васильевском острове, куда купцам велено было «перебраться» с товарами с гостиного двора на Петербургском острове, а также о переводе туда Санкт-петербургской портовой таможни. Переезд таможни в «ратушские палаты, что был дом господина Нарышкина» состоялся в марте 1731 года. Каменный гостиный двор был построен вновь. По указу 13 июля 1730 года архитектор Д. Трезини сделал также ремонт в ратушских палатах. Контора Коммерц-коллегии дала согласие на предложение Гарднера и других купцов, «определила оной биржи для повседневного как российских, так иностранных купцов для их купечества обыкновенного собрания быть на Васильевском острову в новопостроенном гостине дворе и о том купечеству публиковать и в пристойных местех выставить листы, изготовя для публикования...»[9]

---

[5] *Демкин А.В.* Британское купечество в России XVIII века. М., 1998. С. 71, 74, 82.

[6] Там же. С. 59, 61, 74, 92.

[7] Там же. С. 99.

[8] Там же. С. 148–149.

[9] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1666. Л. 1, 2–3, 5–6 об.

5 ноября 1744 года Яков (Джеймс) Гарднер подал в Мануфактур-контору прошение о разрешении заведения в Санкт-Петербурге табачной фабрики и содержания её «своим коштом». На фабрике предполагалось делать из листового табака, доставляемого из-за границы и из Малой России, платя пошлины, «и продавать крошеной курительной и шнюф или разных прошков табак», не только в Петербурге, но и отвозить «в разные места повольною ценою беспошлинно». Яков Гарднер просил также, «чтоб кроме ево такого табаку никому не переделывать под конфискациею оного, у кого явитца». Гарднер уверял, что таким табаком он сможет снабдить Россию полностью, и она не будет нуждаться в вывозе из других государств, но указывал на необходимость скорого решения, так как выписал из Англии мастера и инструменты, также и табак, с которого заплатил по тарифу пошлины, и поэтому может понести убыток. Мануфактур-контора, справясь с указом 26 сентября 1727 года о свободной торговле табаком, пришла к выводу, что необходимо разрешить Гарднеру заведение такой фабрики, «дабы оной табачной торг и оттого в казну пошлинной збор умножатца мог». Однако следует отказать Гарднеру в монополии на торговлю табаком, поскольку это не предусмотрено указом о табачной торговле[10]. Доношение представлено было в Мануфактур-коллегию 5 декабря и заслушано 12 декабря. Решено было справиться с законодательством, в результате чего в Мануфактур-коллегию была представлена обширная выписка. Прошение о разрешении заведения табачной фабрики для переделки казенного табака уже подал в 1741 году артиллерии капитан Роган Адольф Акер Марк. Решение коллегии затянулось, что вызвало беспокойство Гарднера, который 25 января 1745 года подал в Мануфактур-контору новое доношение, чтобы просить об указе коллегии «непрестанно», в связи с чем контора послала в коллегию новое доношение 6 февраля 1745 года[11]. Слушание дела в коллегии состоялось 11 марта 1745 года, заведение табачной фабрики Гарднеру было разрешено, но без монополии, о чем послан указ в Мануфактур-контору 27 июня 1745 года[12]. Указ Мануфактур-коллегии о разрешении Гарднеру завести табачную фабрику датирован 30 апреля 1746 года[13]. Однако уже в январе 1753 по указу Сената содержание фабрики Гарднеру было запрещено, поскольку ещё в 1749 году табачный торг в России был отдан на откуп купцу «Козме Матвееву с товарыщи», в Петербурге

[10] Там же. Ф. 277. Мануфактур-коллегия. Оп. 5. Д. 1375. Л. 1–1 об.

[11] Там же. Л. 14

[12] Там же. Л. 16 об.

[13] Там же. Л. 28–29. Копия.

весь табак следовало продать купцу Леонтью Горбылеву. Мануфактур-коллегия, однако, в 1749 году не пресекла деятельность фабрики и не отобрала у Гарднера указ о её заведении, это упущение следовало немедленно ликвидировать. Указ из коллегии в Мануфактур-контору был послан 8 февраля 1753 года. По последующему указу оставшийся у Гарднера табак следовало продать табачной конторе, однако Гарднер этому указу «явился противен и до уничтожения той своей фабрики не допустил, и табаку не отдал, а объявил тому табаку цену с немалым повышением», отчего может произойти «народная тягость и покупающим от того излишнего повышения озлобление», о чём контора докладывала в марте 1753 года[14]. Коллегия распорядилась в случае сопротивления Гарднера фабрику запечатать, а табак конфисковать и отправить в табачную контору, откуда продать Горбылеву «настоящею ценою». 16 февраля 1753 года Мануфактур-контора произвела осмотр табачной фабрики Гарднера, в ходе которого на фабрике оказалось «переделанного табаку курительного пять ящиков, в каждом по семисот картузов, да такого ж курительного двацать бочек, в каждой бочке по пятнатцати пуд, таких же две бочки прошку. листового немецкого ж пять пуд»[15]. Указа о разрешении завести фабрику Гарднер так и не отдал, указывая на то, что ему запрещено торговать только «черкасским» табаком, которого на фабрике нет, а «явился весь зделанной из вергинского табаку», запрещения на продажу которого нет. В мае 1753 года Гарднер не явился в Мануфактур-контору, ссылаясь на болезнь, а в августе 1753 года по челобитной Гарднера дело о закрытии его фабрики было препровождено в контору Правительствующего Сената[16]. Неизвестно, чем окончилось дело, вероятно, фабрика всё же была закрыта. Возможно, за этим последовала и смерть Гарднера. По сведениям Э. Кросса, Джеймс Гарднер скончался в 1756 году[17]. Однако около этого времени в России начал предпринимательскую деятельность предположительно его сын, Франц Яковлев сын Гарднер.

В начале 1750-х годов возобновилось производство на канатной фабрике Ф. Гарднера в Петербурге. В марте 1751 года Гарднер подал челобитную с жалобой на секретаря Мануфактур-конторы Агея Све-

[14] Там же. Л. 24

[15] Там же. Л. 27

[16] Там же. Л. 38. О табачной фабрике см. также: *Демкин А.В.* Указ соч. С. 184.

[17] *Cross A.* Op. cit. P. 68. Здесь же Э. Кросс утверждает, что Якову (Джеймсу) Гарднеру наследовал его сын Фрэнсис (1745–1813), владелец канатного завода, а тому, в свою очередь, его сын Яков (род. 1787). Фрэнсис, по его сведениям, был членом масонской ложи «Урания» и основателем Английского клуба в Петербурге (1776). P. 31, 27б, 30б.

чина, которого обвинял «в подговоре и держании у себя» беглых его людей, Фрола Иванова и Василия Власова[18]. И хотя беглые были возвращены, Франц Гарднер настаивал на привлечении Свечина к суду и его штрафовании. Жалоба на Свечина была отправлена Гарднером в Петербургскую губернскую канцелярию ещё в 1750 году, но действия не возымела. Гарднеру удалось добиться своего в июле 1751 года[19].

В 1754 году Франц Володимеров сын Гарднер подал судебный иск против бывшего петербургского купца Якова Медовщикова в связи с невыплатой ему за покупные сукна 357 руб.[20] В этом же году Гарднер владел несколькими дворами на Выборгской стороне по берегу реки Малой Невы, где, вероятно, находились табачный и канатный заводы[21].

К 1755 году Ф. Гарднер задолжал по опротестованным векселям более 4 тысяч рублей. Описаны были два его дома в Петербурге: один на Адмиралтейской стороне, за рекой Мойкой у Крюкова канала, другой — на Выборгской стороне, рядом с канатным заводом. Однако под заклад этой недвижимости деньги за Гарднера выплатил С.П. Ягужинский. После смерти Ф. Гарднера в 1755 году канатным производством владела его вдова Мэри, а в 1761 году наследники Гарднера продали канатный завод немецкому купцу Пфлюгу[22].

В 1773 году Франц Францов сын Гарднер, вероятно, сын Франца Володимерова, приобрел у петербургского купца Дмитрия Васильева сына Десятильникова канатную фабрику на Выборгской стороне (фабрика заведена отцом Десятильникова в 1751), в том же месте, что и первый завод Гарднера, в приходе церкви Симеона Странноприимца (участок 374 х 216 м), которой владел вплоть до начала XIX века, расширив производство и умножив капитал. Гарднер-младший перешел в русское подданство. В октябре 1801 году он подал в Мануфактур-коллегию прошение об освобождении его фабрики от постоя «воинских людей». На челобитной он подписался по-русски: «Кронштадтский 1-й гильдии купец и канатной фабрики содержатель Франц Францов сын Гарднер руку приложил». Подал челобитную его поверенный, купец из Великого Устюга Яков Козоманов[23]. Коллегия ответила, что на его фабрике «постой введен в те покои, в

[18] РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 1131. Л. 1–1 об.

[19] Там же. Л. 4.

[20] Там же. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 410. Л. 291, 341, 447.

[21] Там же. Л. 566. «Даная из Санктпетербургской полицмейстерской канцелярии государственной Коммерц-коллегии президенту Якову Матвееву сыну Евреинову на отданные ему по Выборгской стороне по берегу Малой Невы реки между дворами аглинского купца Франца Гарднера два места».

[22] *Демкин А.В.* Указ. соч. С. 149–150.

[23] РГАДА. Ф. 277. Оп. 14. Д. 942. Л. 1–2.

которых канатной фабрики быть не может». Назначен был осмотр расположения войск в помещениях Гарднера, в ходе которого в декабре 1801 года составлено описание фабрики[24]. В результате Гарднеру в июне 1802 года было отказано в своде постоя по распоряжению коллегии, более того, он обязывался заплатить штраф за использование простой бумаги вместо гербовой. Далее Гарднеру предлагалось хлопотать о своде постоя самому[25]. В мае 1802 года Франц Гарднер просил о выдаче ему из Мануфактур-коллегии копии привилегии на заведение фабрики, данной купцу Василию Десятильникову 11 декабря 1751 года, поскольку оригинал у него затерялся[26]. Копия с отпуска указа была выдана, в чём Гарднер собственноручно расписался.

Самой широкой известностью пользовалась, конечно, фабрика Ф.Я. Гарднера по изготовлению фарфоровых изделий, находившаяся в Дмитровском уезде. Неясно, был ли основатель фабрики сыном Якова Гарднера или его родственником. По его словам, он выехал в Россию на свои собственные средства в 1746 году. Интересно, что в отличие от первого поколения Гарднеров Гарднеры, жившие в России во второй половине XVIII века, свободно писали по-русски, так что не исключено, что Франц был сыном Якова (Джеймса), какое-то время жившим и обучавшимся в России. Документы по истории фарфоровой фабрики Ф.Я. Гарднера отложились в фонде 277 «Мануфактур-коллегия». Самый ранний документ относится к декабрю 1765 года. Это челобитная Ф. Гарднера с просьбой разрешить ему завести фабрику по изготовлению фарфоровой посуды[27]. Первоначально он предполагал истратить 5000 руб. собственного капитала. Гарднер упоминал, что без указа из Мануфактур-коллегии «для заведения означенной фабрики места приискивать и производства начинать мне не можно». Поэтому он просил о разрешении купить место для фабрики и дать льготы ему и двум приказчикам, освободив от постоя, уплаты пошлин на десять лет, суда «кроме государственных и криминальных дел». Он подчеркивал, что в данном производстве невозможно обойтись «без крепостных людей», поскольку вольных людей привлечь к такой новой работе невозможно, и просил разрешить купить деревню до двухсот душ[28]. Далее необходимо выбрать из крепостных нескольких способных к обучению, чтобы затем они

[24] Там же. Л. 7–8.

[25] Там же. Л. 9об.–10.

[26] Там же. Д. 1332. Л. 1–1 об.

[27] Там же. Оп. 1. Д. 761. Л. 1 об.

[28] Там же. Л. 2 об.

могли работать мастерами. В челобитной Гарднер пишет о своем мастерстве в фарфоровом деле: «А каковою добротою я оную фарфоровую посуду делать могу, для усмотрения того предлагаю при сем зделанныя по искусству моему обрасцы».

По прошению Ф. Гарднера в Мануфактур-коллегии была подготовлена подборка сведений о не увенчавшихся успехом попытках организовать фарфоровое производство в России. В деле находится выписка из протокола заседания Мануфактур-коллегии от 16 января 1766 года, на котором Ф. Гарднеру было разрешено завести фарфоровую фабрику: «По указу е. и. в. государственная Мануфактур-коллегия, слушав выписки, учиненной по челобитью аглинского купца Франца Яковлева сына Гарднера... приказали учинить следующее: 1) означенному просителю купцу Гарднеру делания разной фарфоровой посуды фабрику... завесть вне Москвы и Московского уезду, но в других городех и уездах для оной способное место купить дозволить, и где оное куплено будет и с которого времени та фабрика действительное течение возымеет, подать рапорт...»[29]. Гарднеру не было разрешено торговать произведенной продукцией из своего дома, необходимо было продавать товар «купецким людям» с некоторой убавкой цены, а остаток продавать в специально нанятой лавке. Не был он освобожден и от уплаты податей с ежегодно произведенной фабрикой продукции. Гарднеру не разрешили покупать деревни с крестьянами, а взамен предложили нанимать на работу и для обучения детей разорившихся купцов[30].

Для строительства фабрики в феврале – начале марта 1766 года Ф. Гарднер купил у князя Н.В. Урусова сельцо Вербилки в Поволь-ском стане Дмитровского уезда. Это имение было куплено именно в 1766 году, хотя некоторые источники дают другие сведения (якобы Гарднер основал там небольшой завод ещё в 1754 или 1758–1759). В документах сельцо называется по-разному — Вербелово, Верболово и даже Вилбицы. Строительство началось в марте 1766 года подрядчиками-крестьянами и было закончено в 1767 году[31]. Для фабрики была построена машина, которая находилась за 200 сажен от фабрики на реке Якоте. В июне 1767 года машина подверглась нападению помещика соседней деревни секунд-майора Семена Никифорова сына Шишкова «с своими людьми», причём в ходе нападения пострадали двое работников Гарднера, отчего производству «учинилась остановка»[32]. Однако местные власти в лице Дмитровской вое-

[29] Там же. Л. 22.

[30] Там же. Л. 33–34.

[31] Там же. Л. 55–55 об., 57–58, 60–63.

[32] Там же. Л. 96–96 об.

водской канцелярии не прореагировали на прошение поверенного Гарднера Ивана Федорова о «защищении и впредь ото всяких обид», более того, чинили препятствия работе самой фабрики, и Гарднер был вынужден жаловаться в Мануфактур-коллегию. По-видимому, полный запуск производства произошел лишь к началу 1769 года, о чём Гарднер подал рапорт в той же коллегии 30 января этого года, представив при этом образцы своей продукции, «а имянно чайник, малошник да две пары чайных чашек»[33].

Более чем через десять лет после учреждения фабрики, в апреле 1777 года Франц Яковлев сын Гарднер подал в Мануфактур-коллегию прошение о разрешении ему завести лавку в Санкт-Петербурге и продавать там фарфоровую посуду[34]. Он писал, что употребил «на размножение» фабрики более 50 тысяч рублей, однако не все уходит в продажу, непроданное накапливается из года в год, составляя немалую сумму, тем более, что ему запрещена продажа в розницу. Узнав, что ему предстоит отпуск «в Санкт-Петербург и в другие города, тамошние купцы...не только по настоящим, но ни по каким ценам не покупают, а оттого и претерпеваю крайней убыток», Гарднер просил разрешить ему в Петербурге «нанять в пристойном месте лавку» и продавать продукцию «разных чинов людям». По выписке в коллегии в 1776 году на фабрике Гарднера сделано фарфоровой посуды на 5808 руб., продано на 4358 руб., в остатке 1450 руб. На фабрике работают 150 человек «вольных по пашпортам». Разрешение нанять лавку в Петербурге последовало только 12 июля 1777 года, на основании чего был послан указ в городовой магистрат. Этот указ Гарднер, в то время находившийся в Петербурге, 18 июля взял сам, в чём расписался[35]. Магистрат рапортовал о получении указа только 9 октября 1777 года[36].

Интересные сведения о фарфоровой фабрике Ф. Гарднера находятся в статье выдающегося учёного и архивиста Г.Ф. Миллера «Поездка в Дмитров». В 1779 году Миллер предпринял путешествие в Дмитровский уезд. Свои впечатления он изложил в статье на немецком языке[37]. Впоследствии труд Миллера был переведен на русский язык[38]. Особое внимание Миллера привлекла фабрика Гарднера в селе Вербилки, которую он посетил 13 мая 1779 года. «Наипаче любопытство

[33] Там же. Л. 103–104.

[34] Там же. Оп. 13. Д. 498. Л. 1–1 об.

[35] Там же. Л. 7.

[36] Там же. Л. 8.

[37] Там же. Ф. 199. Портфели Миллера. Оп. 1. П. 362. Ч. 1. Д. 7. Документ обнаружен С.Р. Долговой.

[38] Там же. Д. 8.

путешественника возбуждено быть может фарфоровою фабрикою, которую англинский купец, живущий в Москве, Франц Гарднер, пред несколькими годами завел в Дмитровском уезде, — писал Миллер, — и в такое состояние привел, какового с начала по причине многих при том встречавшихся затруднений при том едва надеяться можно было»[39].

Миллер обратил внимание на организацию труда и обучение русских учеников: «На заводе ожидали господина Гарднера, которой с начала зимы пребывал в Петербурге и два дни спустя к заводу и приехал. Поставленной от него надзирателем над фабрикой г. Мейснер, человек хороших качеств во всем, что видеть и знать потребно, меня удовольствовал, равно как и жена его: между тем временем, что он водил меня по мастерским полатам, приготовила нам ужин. Там был еще живописец немец, которой женат на падчерице господина Мейснера. У него было множество русских учеников, коих тамошные дворяне отдают туда без платы, чтоб чему ни есть научиться. Равным образом другие мастерские избы наполнены были русскими же крестьянскими детьми. Взрослых принимают на несколько лет по контрактам, и некоторые получают по мере их знания плату и пищу. Одним словом: опричь надзирателя и живописца, все прочие рабочие суть русские. Естьли господа воображают, что их рабы поймут все искусство, как делать фарфор, дабы чрез то завесть собственные фабрики, то сия надежда исполняться не может, потому что каждыя мастерство при делании фарфора имеет особливых работников, кои в работе других мастерств участия не имеют»[40].

Описал Миллер и производственный процесс, в том числе обработку глины и кварца для получения фарфора: «Господин Гарднер достает оную (глину) ближе: ему привозят оную из Глухова, сколько потребно, тамошние жители, коим он платит по 29 коп. за пуд. Цена привлекает людей... к тому же еще употребляется белой блесковатой камень кварц, из Олонца привозимой, за которой платится по 30 коп. с пуда, которой чрез толчение и переливку становится глиною и, будучи наподобие теста, всевозможные виды принять может. Желтоватой мулм, в коем сей кварц лежит, помешал бы белизне фарфора, естьли бы оного рачительно не отделяли и кварц от сей инородной материи не очищали, что первою есть работою на фабрике; также и от твердого дикого камня, которой часто с кварцом смешан бывает»[41].

Миллер дал также описание сбыта продукции фабрики Гарднера: «Сказывают, что господин Гарднер уже до 80 000 рублев издержал на

[39] Там же. Л. 10 об.

[40] Там же. Л. 12.

[41] Там же. Л. 13.

фабрику, и выручка только за два года началася. Еще ж и не можно утверждать, чтоб выручка по сие время велика была. От сей фабрики находится в Москве подле зеркального ряду фарфоровая лавка, где всякая фарфоровая посуда — чашки, тарелки, блюда, куклы — умеренною ценою продаются. Такая же лавка есть в Твери, и намерение положено, чтоб такие же учредить и в других городах...»[42].

Миллер уделил внимание и гарднеровским сервизам: «Лучшее, что господин Гарднер поныне в своей фабрике делал, есть большой столовой сервиз, сделанной по приказанию для двора, с многими архитектоническими украшениями, порталами, группами для дезертов. Сей, будучи в прошлую зиму отвезен в Санкт-Петербурх, заслужил, сказывают, там похвалу. Еще другие такие же сервизы делать заказано для каждого кавалерского ордена и торжества особливой сервиз с знаками того ордена. С исподи каждого листа, которого тарелка, блюда или чашка, поставлена литера G для означивания, что оная Гарднеровой фабрики»[43].

Миллер так оценивал фарфоровую фабрику Гарднера: «Она делает честь России, ибо, не упоминая о казенной Санктпетербургской фарфоровой фабрике, делание фарфора, за недостатком искусных в сем деле мастеров, здесь как будто снова изобретено быть долженствовало»[44].

Любопытные сведения дают документы Мануфактур-коллегии и о составе лиц, работавших на фабрике. Это были, как правило, помещичьи крепостные крестьяне и дворовые люди (слуги), также монастырские крестьяне и служители, в частности, Троице-Сергиевой Лавры, посадские люди, отставные солдаты, ямщики, вольные люди, в основном из Дмитровского и Переславль-Залесского уездов. Помещики отдавали своих крестьян для «прокормления» или обучения «живописному делу» или работы на определенный срок (чаще всего три года), за что им выплачивались деньги. По истечении оговоренного в контракте срока нанятый на работу возвращался к своему прежнему хозяину. Нанятым на фабрику выдавались паспорта с описанием возраста роста и внешности работника, копии с паспортов записывались в Мануфактур-коллегии. Отставным солдатам предписывалось «бороду брить, платье носить немецкое, ходить при шпаге или при кортике, також по миру не ходить, милостыни не просить и нигде праздно не шетаться». Нередко на фабрику отправляли крестьянских детей. В январе 1767 года вдова князя П.Я. Голицына Ма-

[42] Там же. Л. 14.

[43] Там же. Л. 15.

[44] Там же. Л. 15 об.

рия Семеновна заключила контракт об обучении крестьянских детей её рязанской вотчины, села Кузьминок, десяти человек, на фабрике Гарднера в течение десяти лет. За этих детей Гарднер должен был выплачивать по 30 руб. в год, а «оных ребят как обувь, так и платье верхнее и нижнее и пищею содержать ему, господину Гарднеру на своем коште»[45]. На фабрику же Гарднера в декабре того же 1767 года она отпустила и своего дворового человека, Матвея Яковлева сына Студинского, на три года, «для живописного художества» с условием жить только у Гарднера[46].

Таким образом, документы свидетельствуют о большом вкладе семейства Гарднеров в развитие русской торговли и промышленности, в том числе в новые отрасли производства. Гарднеры способствовали и развитию русской культуры. Во второй половине XVIII века в России были созданы благоприятные условия для частного предпринимательства, снято большинство ограничений для заведения любых производств. Особенно поощрялись новые отрасли. Приветствовались иностранные инвестиции в российскую экономику. Все это позволило Гарднерам проявить свои предпринимательские способности.

[45] Там же. Ф. 277. Оп. 11. Д. 547. Л. 1–2.

[46] Там же. Л. 2–2 об. О фарфоровом производстве Ф.Я. Гарднера см. также: *Демкин А.В.* Указ. соч. С. 159–163.

В.В. Брызгалов
(Архангельск)

Архангелогородские суда на службе у купечества Англии в XVIII веке

Для ведения собственной торговли на собственных кораблях Пётр I задумал построить на Соломбальской верфи торговые суда типа «флейт» *(илл. 1, 2)*. Всего планировалось заложить и построить 12 судов. В 1698 году Пётр I приказал начать подготовку эллингов и заготовку необходимых материалов[1]. Действительно, царским именным указом от 1 июля 1699 года «у города Архангельского строить четыре торговых карабля торговому иноземцу Елизарью Избранту добровольным наймом»[2]. В 1699 году «по имянному великого государя... Петра Алексеевича указу велено у города Архангелского иноземцу Елизарью Избранту строить ево, великого государя, 6 кораблей»[3]. Когда всё было подготовлено, в 1700 году по указу государя «у Архангельского города, на Соломбальской верфи, государевых шесть кораблей больших основали и делать начали»[4]. Все кораблестроительные работы поручили вести Елизарию Елизарьевичу Избранту, присланному из Адмиралтейства и назначенному экипажмейстером верфи[5]. Ему было выделено из казны средств на строительство только 6 флейтов: «А на

[1] *Крестинин В.В.* Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 года по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., [Без года]. С. 39.

[2] *Кротов П.А.* Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 65.

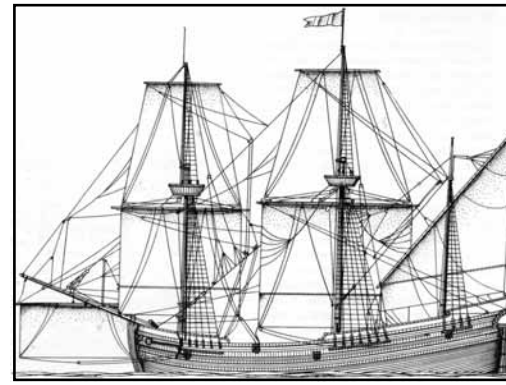
[3] Там же. С. 65.

[4] *Крестинин В.В.* Указ. соч. С. 40.

[5] Там же. С. 40; *Огородников С.Ф.* История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 12.

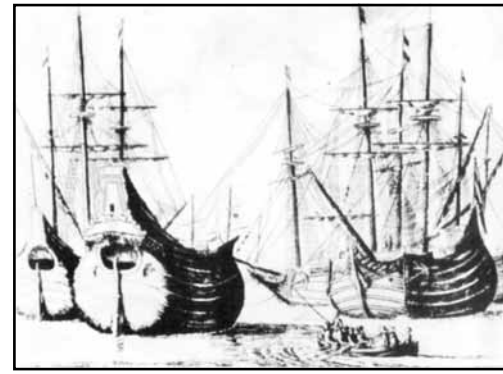
то карабельное строение дано ему, Елизарью, ис казны ево, великого государя, ис Поместного приказу да из Ратуши денег 14 500 рублев...»[6].

После подписания в Константинополе мира с Турцией, когда это известие доставил курьер из Константинополя в Москву, 19 августа 1700 года началась Северная война.

1. Флейт. Neukirchen H. Seefahrt — gestern und heute. 4. uberarbeitete Auflage. Transpress VEB Verlag fur Verkehrswesen. Berlin, 1974. S.144

Летом 1701 года все шесть судов были спущены на воду и приступили к их достройке и вооружению такелажем, снастями и т.д.[7] По тому же царскому указу от 1699 года Е.Е. Избрант построил «у города Архангельского в 701-м году 6 кораблей да заготовил лесов на 6 ж кораблей»[8]. Для осмотра и описи новых кораблей по именному указу Петра I в Архангельск прибыл заместитель (товарищ) главы адмиралтейского ведомства Фёдора Матвеевича Апраксина — стольник Григорий Андреевич Племянников, который составил подробный отчёт о состоянии каждого из судов[9].

2. Голландские флейты. Картина 1647 года. Neukirchen H. Seefahrt — gestern und heute. 4. uberarbeitete Auflage. Transpress VEB Verlag fur Verkehrswesen. Berlin, 1974. S.145

[6] *Кротов П.А.* Указ. соч. С. 67.

[7] *Крестинин В.В.* Указ. соч. С. 42; *Огородников С. Ф.* История Архангельского порта... С. 13.

[8] *Кротов П.А.* Указ. соч. С. 65.

[9] *Брызгалов В.В., Овсянников О.В.* Описание соломбальских флейтов по донесению Г.А. Племянникова (1701 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 229–287.

В донесении Г.А. Племянникова указаны запасы ещё на 6 кораблей, которые заготовил Е.Е. Избрант на дополнительные средства, выделенные из казны: «Да по ево, великого государя, указу велено ему ж, Елизарью, строить еще 6 караблей, и на те-де карабли оснастителныя и всякия леса и работных людей он, Елизарей, велел подряжать и дал денег 1000 рублев, которые даны ему из казны ево, великого государя»[10]. Стоимость одного флейта составляла 11 000–11 200 ефимков. Такую оценку дали иностранные купцы, которые осматривали флейты вместе со стольником Григорием Андреевичем Племянниковым.

Вот как описывает Соломбальскую верфь Корнелис де Бреин: «Полчаса ходьбы от города Архангельска к северо-западу расположено судостроительство царя, которое, осматриваемое с общественной дороги, представляет собой прекрасное зрелище. Приходящие и отходящие суда проплывают мимо: в то время, как я его рисовал многие суда стояли на якоре в ожидании остальных из Архангельска, с целью разом поплыть на родину. Судостроительство показано на No. 10 и обозначается буквой A. На самом краю берега видно судно в реке, почти уже достроенное с исключением надстройки. Посёлок, находящийся недалеко от судостроительства, называется *Страмболом* и обозначается буквой B»[11]. Корнелиус де Бреин был в Архангельске осенью 1701 года и сделал зарисовку верфи *(илл. 3)*.

Однако из-за Северной войны суда не смогли выйти в море, так как не были получены морские пасы (паспорта для судов. — *В.Б.*) от датского короля Фредерика IV, чтобы суда моги бы «под именем и флагом короля Датского свободно и безопасно ходить и купечество своё отправлять»[12].

В навигацию 1702 года английскому негоцианту Андрею Рихардовичу Стейльсу за 3000 рублей был передан в наём корабль «Рычард Энжен». Затем он заплатил «за корабль, именуемый флейт, у города Архангельска наёмных денег у иноземца Андрея Стейльса за 1705 год — 660 рублей». В 1706 году Пётр I подарил это судно Андрею Стейльсу со всею оснасткою и вооружением за заслуги, оказанные английским купцом царю[13]. В течение 1704–1705 годов иностранным купцам продали ещё два судна: одно приобрёл английский купец Андрей Рихардович Стейльс, а другое — гамбургский купец Мат-

[10] *Кротов П.А.* Указ. соч. С. 66.

[11] [*Корнелис де Бреин*]. Путешествие Корнелиса де Бреина через Московию, по Персии и Индии... Амстердам, 1711. С. 14. Рисунок № 10 расположен между С. 8 и 9.

[12] ПиБ. СПб., 1889. Т. II. Примеч. к № 406. С. 324.

[13] *Брызгалов В.В.* Флейты из Соломбалы // Соломбальская верфь. 1693–1862. Архангельск, 1993. С. 27.

3. Соломбальская верфь осенью 1701 года. Гравюра из кн.: Путешествие Корнелиса де Бреина через Московию, по Персии и Индии... Амстердам, 1711

вей Попп[14]. Это были первые российские купеческие суда, проданные английскому купечеству.

Вавчугская корабельная верфь, принадлежавшая братьям Баженинным – Осипу Андреевичу и Фёдору Андреевичу – располагалась в 80 км от Архангельска, на берегу реки Вавчуги, по которой парусники выводились на глубокое русло Северной Двины. С конца XVII века на Вавчугской корабельной верфи строятся из сосны различные типы транспортных и промысловых судов: флейты, пинки, галиоты и лихтеры грузоподъёмностью от 50 до 450 ласт (от 100 до 900 тонн). Баженинские парусники славились тщательностью отделки и хорошими мореходными качествами. Они обходились заказчикам значительно дешевле, чем те, что строились в Англии или Голландии. Естественно, голландские, английские и гамбургские купцы заказывали для своих транспортных нужд суда у братьев Баженинных.

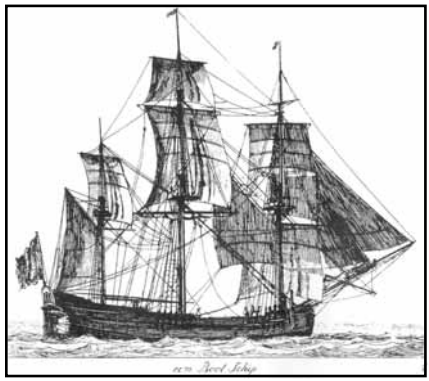
В 1778 году на Вавчугской верфи были построены два судна по заказу английского купца Артура Кейли, которые вышли в море в том же году под английским флагом[15]. В 1779 году Артур Кейли приобрёл на этой же верфи два парусника, за 16 тыс. рублей каждый, которые вышли в море в том же году под английским флагом[16]. В 1783 году английский купец Эдмонд Эгерс приобрёл на Вавчугской верфи 5 судов. Два парусника были стоимость по 17 тыс. рублей, два — по 19 тыс. рублей и одно судно — за 19,2 тыс. рублей. Все эти суда вышли в море под английским флагом[17].

[14] Там же. С. 28.

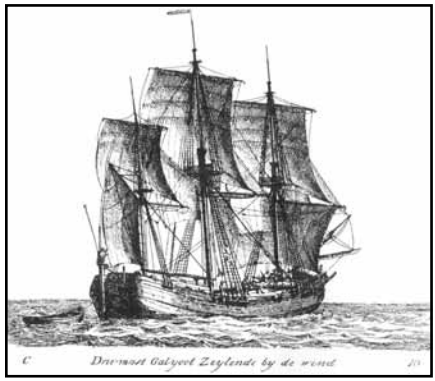
[15] АГВ. 1876. № 32. С. 4.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 5.

4. Корабль. Verzameling van Vier tn tachtig Stuks Hollandsche schepen ceteeked en in koper gebragt door G. Groehewegen. 1789. Te Rotterdam, bij J. Van den Brink. Noorblaak, D. 295. P. A 5. Препринт. 1985

5. Галиот. Verzameling van Vier tn tachtig Stuks Hollandsche schepen ceteeked en in koper gebragt door G. Groehewegen. 1789. Te Rotterdam, bij J. Van den Brink. Noorblaak, D. 295. P. C 10. Препринт. 1985

Быковская корабельная верфь располагалась в селении Бык, которое находилось недалеко от Архангельского города. Она принадлежала Никите Саввичу Крылову. В 1780 году Эдмонд Эгерс приобрёл у Н.С. Крылова за 13 тыс. рублей построенное на этой верфи судно, которое вышло в море под английским флагом[18]. В 1781 году Артур Кейли за 15 тыс. рублей купил судно, которое вышло в море под английским флагом[19]. В 1782 году Эдмонд Эгерс приобрёл на этой же верфи два судна: одно — за 14 058 рублей, другое — за 11 800. Они вышли в море под английским флагом[20]. В 1783 году он купил за 18 тыс. рублей ещё одно судно, которое вышло в море под английским флагом[21]. В 1828 году на этой же верфи, перешедшей во владение Афанасия Ивановича Амосова, для английских купцов построили корабль «Кола». Его спустили на воду в сентябре 1828 года, в море оно вышло только в 1829[22].

Гомовская корабельная верфь на реке Онеге, принадлежавшая Вильяму Гому, построила в 1763–1764 годах 5 кораблей *(илл. 4)* и 4 галиота

[18] Там же. С. 4.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 5.

[22] *Быховский И.А.* Архангелогородские корабелы. Архангельск, 1988. С. 159.

(илл. 5), которые с лесными товарами были отправлены в Англию. За период с 1761 по 1768 год на верфи построили 24 морских торговых судна, которые ушли в Англию с лесными товарами, и там суда продавались вместе с грузом[23]. К сожалению, пока не удалось установить, какие суда были построены или проданы английским купцам.

За 1755–1764 годы из Онеги было отправлено 309 тыс. досок, а за 1763–1779 Гомом вывезено за границу 3,5 тыс. мачтовых и 243 тыс. строевых брёвен, 2486 тыс. штук досок и много поделочного леса[24].

6. Пинк. Verzameling van Vier tn tachtig Stuks Hollandsche schepen ceteeked en in koper gebragt door G. Groehewegen. 1789. Te Rotterdam, bij J. Van den Brink. Noorblaak, D. 295. P. E 9. Препринт. 1985

Гомовская верфь в деревне Варавино под Архангельском действовала в период с 1755 по 1762 год. К сожалению, данных о строительстве судов на этой верфи Гома пока обнаружить не удалось.

В 1762 году В. Гом продал верфь Генриху Фразеру. Она стала называться Фразеровской. На верфи было построено для Даниеля Киню, поверенного Вильяма Гома, в 1763–1767 годах 8 судов разных типов: пинки *(илл. 6, 7)* и флейты. Все они ушли в море под английским флагом[25]. Затем эта верфь пустовала с 1768 до 1772 года. С 1772 по 1778 год корабельный мастер Вилиам Гунион строил фрегаты для Российского военно-морского флота[26].

Вновь оживает Фразеровская верфь с 1780 года, когда её владельцем становится Алексей Николаевич Свешников. За 1781–1783 годы английский купец Артур Кейли приобрёл 7 парусников. Цена судов колебалась от 12 тыс. до 18 тыс. рублей. Они вышли в море под английским флагом, а одно судно – под гамбургским[27]. В 1788 году Фразеровская

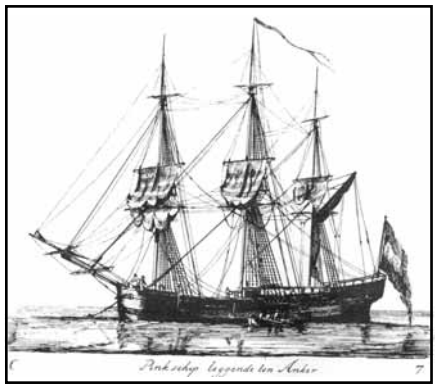
[23] *Ульянов А.* Под парусами и на моторе. Онега, 2001. С. 7–8.

[24] Там же. С. 9.

[25] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6058. Л. 1–2, 9–11 об., 29–32, 45–48.

[26] Архангельск 1584–1984: Фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 63.

[27] Там же. С. 63–64; АГВ. 1876. № 32. С. 4–5.

7. Пинк. Verzameling van Vier tn tachtig Stuks Hollandsche schepen ceteeked en in koper gebragt door G. Groehewegen. 1789. Te Rotterdam, bij J. Van den Brink. Noorblaak, D. 295. P. C 7. Препринт. 1985

верфь продана Архангельскому приказу общественного призрения, затем – Беломорской компании, а последним владельцем её был купец Влас Ермолин. Судов Фразеровская верфь больше не строила и была переоборудована в лесопильное предприятие[28].

В 1766 году архангелогородский купец Прокопий Фёдорович Пругавин основал корабельную верфь на острове Бревенник, недалеко от Архангельска. На этой верфи для английского купца Эдмонда Эгерса было построено судно, которое вышло в море под английским флагом[29].

Корабельная верфь Беляева, расположенная в Княжестровской волости, построила в 1779 году для Эдмонда Эгерса судно, которое вышло в море под голландским флагом[30].

В 1782 году английский купец Артур Кейли за 13 500 рублей купил парусник, построенный на расположенной в Пинежском уезде корабельной верфи Григория Наледина, судно вышло в море под английским флагом[31]. В 1783 году он же за 14 тыс. рублей купил судно, построенное на корабельной верфи Митрофанова в Тотемском уезде. В море парусник вышел под французским флагом[32].

Итак, с 1701 по 1783 год нами было выявлено 51 купеческое судно, построенное на одиннадцати верфях Архангелогородской губернии для английского купечества (см. таблицу). Самым активным заказчиком и покупателем был Артур Кейли, для которого построено 2 парусника и приобретено 12 парусных торговых судов на общую сумму 179 500 рублей. Всего он построил и приобрёл 14 судов на 5 корабельных верфях. 12 судов ушли в море под английским флагом, одно – под гамбургским и одно – под французским флагом.

---

[28] Архангельск 1584–1984: Фрагменты истории... С. 64.

[29] Там же. С. 61–62; АГВ. 1876. № 32. С. 4.

[30] АГВ. 1876. № 32. С. 4.

[31] Там же. С. 5.

[32] Там же.

Для Даниеля Киню построили 8 парусников, а для Эдмонда Эгерса — 2, и 9 парусников он купил, на общую сумму 148 058 рублей. Суда для него строились на 4 верфях.

Для более полного выявления судов, построенных в XVIII веке для английских купцов, необходимо продолжить исследование. Интересно было бы проследить их дальнейшую судьбу в английском торговом флоте, а для этого необходимо совместное исследование с английскими коллегами.

Таблица

Корабельные верфи города Архангельска и Архангельской губернии, строившие торговые суда для английских купцов в XVIII веке

№ п/п	Фамилия купца	Тип судна, наименование	Размерения	Грузоподъёмность	Год постройки	Строитель	Продажа судна английским купцам	Стоимость проданного судна	Флаг, под которым судно вышло в море
Соломбальская верфь									
1.		флейт	126ф.6$^{1}/_{2}$д.х 28х18ф.7д. (гол.)		1700–1701	Избрант Елизарий			
2.		флейт	128х28х19ф. (гол.)		1700–1701	Избрант Елизарий			
3.		флейт	129х28х18ф. 6$^{1}/_{2}$д. (гол.)		1700–1701	Избрант Елизарий			
4.		флейт	132ф.6д.х28х 18ф.6д. (гол.)		1700–1701	Избрант Елизарий			
5.		флейт	128ф.6д.х28х 18ф. (гол.)		1700–1701	Избрант Елизарий			
6.		флейт	129ф.6д.х28х 18ф.7д. (гол.)		1700–1701	Избрант Елизарий			
Вавчугская корабельная верфь братьев Баженины									
1.	Кейли Артур	«Систерс»			1778				1778, под англ. флагом
2.	Кейли Артур	«Голмтон»			1778				1778, под англ. флагом
3.		«Быргъ»			1779		куплен Кейли Артуром	куплен за 16 000 руб.	1779, под англ. флагом
4.		«Бвиджатер			1779		куплен Кейли Артуром	куплен за 16 000 руб.	1779, под англ. флагом
5.		«Лотери»			1783		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 19 000 руб.	1783, под англ. флагом
6.		«Вендам»			1783		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 19 000 руб.	1783, под англ. флагом
7.		«Норедш»			1783		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 17 000 руб.	1783, под англ. флагом
8.		«Олибранш»			1783		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 19 200 руб.	1783, под англ. флагом
9.		Найлан Бетти»			1783		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 17 000 руб.	1783, под англ. флагом
Быковская (Крыловская) корабельная верфь (Никита Савич Крылов)									
1.		«Иорк»			1780		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 13 000 руб.	1780, под англ. флагом
2.		«Российский Орёл»			1781		куплен Кейли Артуром	куплен за 15 000 руб.	1781, под англ. флагом
3.		«Эмпрес»			1782		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 14 058 руб.	1782, под англ. флагом
4.		«Аркенжель»			1782		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 11 800 руб.	1782, под англ. флагом
5.		«Иорк»			1783		куплен Эгерсом Эдмондом	куплен за 18 000 руб.	1780, под англ. флагом

Таблица *(продолжение)*

Корабельная верфь Афанасия Ивановича Амосова (бывшая Быковская верфь Н.С. Крылова)									
1.		корабль «Кола»	дл. 162ф.2дл. по килю		заложен 01.03.1828 спущен 00.09.1828		для английских купцов		
Гомовская верфь на реке Онеге (Вильям Гом)									
1.					1761				в Англию
2.					1762				в Англию
3.		корабль (?) «Де Вилиам»			1763				в Англию
4.		корабль (?) «Поньга»			1763				в Англию
5.		корабль (?)			1764				в Англию
6.		корабль (?)			1764				в Англию
7.		корабль (?)			1764				в Англию
8.		галиот			1764				в Англию
9.		галиот			1764				в Англию
10.		галиот			1764				в Англию
11.		галиот			1764				в Англию
Гомовская верфь в Варавино (Вильям Гом)									
Сведений о построенных судах не обнаружено									
Фразеровская (бывшая Гомовская) верфь в Варавино (Генрих Фразер)									
1.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	пинк «Жанна Мария»	140х34х14ф.[1] /2дл. (англ.)	350 ласт	1763	Вилиам Гунион			1763, под англ. флагом
2.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	пинк «Прекрасная Сарра»	112х30х12ф. (англ.)	130 ласт	1764	Вилиам Гунион			1764, под англ. флагом
3.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	пинк «Леон»	112х30х12ф. (англ.)	130 ласт	1764	Вилиам Гунион			1764, под англ. флагом
4.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	пинк «Тигр»	112х30х12ф. (англ.)	130 ласт	1764	Вилиам Гунион			1764, под англ. флагом
5.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	пинк «Город Амстердам»	127х32х13ф. (англ.)	200 ласт	1765	Вилиам Гунион			1765, под голланд. флагом
6.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	пинк «Город Роттердам»	127х32х13ф. (англ.)	200 ласт	1765	Вилиам Гунион			1765, под голланд. флагом
7.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	флейт «Амстердам»	134х33х13ф. (англ.)	250 ласт	1767	Вилиам Гунион			1767, под англ. флагом
8.	Киню Даниель (поверенный Вильяма Гома)	флейт «Де стат Архангел»	134х33х13ф. (англ.)	250 ласт	1767	Вилиам Гунион			1767, под англ. флагом
Корабельная верфь Алексея Николаевича Свешникова (бывшая Фразеровская, бывшая Гомовская в Варавино)									
1.		«Мельгунов»			1781		куплен Кейли Артуром	куплен за 12 000 руб.	1781, под англ. флагом
2.		«Сван»			1782		куплен Кейли Артуром	куплен за 15 000 руб.	1782, под англ. флагом
3.		«Минерва»			1782		куплен Кейли Артуром	куплен за 15 000 руб.	1782, под гамбург. флагом
4.		«Де брудерс»			1782		куплен Кейли Артуром	куплен за 12 000 руб.	1782, под англ. флагом
5.		«Фейбр Систер»			1783		куплен Кейли Артуром	куплен за 18 000 руб.	1783, под англ. флагом
6.		«Кервис Фовт»			1783		куплен Кейли Артуром	куплен за 18 000 руб.	1783, под англ. флагом
7.		«Анабелла»			1783		куплен Кейли Артуром	куплен за 15 000 руб.	1783, под англ. флагом
Корабельная верфь Прокопия Фёдоровича Пругавина на острове Бревенник									
1.	Эгерс Эдмонд	«Брат и сестра»			1777				1777, под англ. флагом
Корабельная верфь Беляева в Княжестровской волости									
1.	Эгерс Эдмонд	«Де стат Роттердам»			1779				1779, под голланд. флагом
Корабельная верфь Григория Наледина в Пинежском уезде									
1.		«Де Фем»			1782		куплен Кейли Артуром	куплен за 13 500 руб.	1782, под англ. флагом.
Корабельная верфь Митрофанова в Тотемском уезде									
1.		«Лавил Дарканжель»			1783		куплен Кейли Артуром	куплен за 14 000 руб.	1783, под франц. флагом.

П.В. Лизунов
(Архангельск)

Британские купцы и биржевая торговля в Петербурге (XVIII – начало XIX в.)

Одним их важных экономических институтов, заимствованных Петром I в Европе, была биржа. В Петербурге она была учреждена по личному повелению царя почти одновременно с основанием новой столицы. Во время первого путешествия в Европу в 1697–1698 годах Пётр I, ознакомившись с Амстердамской и Лондонской биржами, пожелал создать в России для иностранных купцов привычные для них условия торговли, а заодно приобщить русское купечество к европейским торговым обычаям.

«Летописец деяний Петра Великого» купец И.И. Голиков в своём сочинении о деяниях царя писал, что пришедший в 1704 году в Петербург первый английский купеческий корабль был проведён по фарватеру Невы самим Петром I, переодетым лоцманом, и доставлен к Троицкой пристани, прямо к бирже[1]. Одним из первых английских купцов в Петербурге, по утверждению Голикова, был Томсин, представитель фирмы «Томсин, Фогул и К°». Он долгое время вёл торговлю в России и вернулся в Англию со значительным капиталом уже после смерти Петра I[2].

Намерение Петра I учредить в России биржи окрепло после его второго путешествия в Европу в 1716–1717 годах М.Д. Чулков писал, что царь в иностранных государствах «бывая в компаниях с искусными купцами, искал... секретов знатного Голландского банка и вексельных обрядов», а также «с амстердамскими и лондонскими бан-

[1] *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого... М., 1796. Т. 17. С. 95–96.
[2] Там же. С. 95.

кирами... договорился о корреспонденции, чтоб в землях своей державы те же самые дела завести»[3].

Петром I были установлены и начала упорядочения биржевой торговли, отчасти заимствованные из западных торговых обычаев. Так, именным указом от 17 марта 1717 года учреждалась должность гоф-маклера: «Великий Государь указал: от казенных товаров быть гоф-маклером Самойлу Мюксу, и будучи у того дела, к стороне Его Величества чинить всякую верность и казенной прибыли прилежное радение»[4].

До своего назначения английский купец Самуил Андреевич Мюкс (Meux)[5] вёл торговлю сначала в Архангельске и Москве. В Архангельске он женился на дочери местного купца Якова Якимова — Авдотье. Затем Мюкс со всем семейством, женой и детьми, перебрался в Петербург, где продолжил торговые дела.

Мюкс был не единственным кандидатом на должность петербургского гоф-маклера. В документах Сената сохранилось доношение английского купца Самюэля Гартсайда (Gartside), датируемое сентябрём 1715 года, с просьбой назначить его генеральным маклером в Петербурге[6]. Гартсайд был хорошо известен Петру I. Царь неоднократно упоминал о нем в своих письмах и даже писал, что «сей купец много пользы сделал» в покупке и оснащении кораблей. Сохранились царская жалованная грамота Гартсайду, его письма Петру I и кабинет-секретарю А.В. Макарову, а также его проект с предложениями ряда средств для увеличения государственных доходов, развития промышленности и торговли[7].

Не дождавшись ответа из Сената, С. Гартсайд в ноябре 1715 года подал на имя Петра I мемориал с предложением учредить в России систему маклерства и бракенажа (бракования) для упорядочения торговли основными экспортными товарами. Гартсайд также просил пожаловать его званием генерального присяжного маклера и браковщика при продаже казенных товаров: льна, пеньки, сала говяжьего, воска и прочих товаров в Петербурге, Вологде и Архангельске, «дабы прежние свои несчастия, в торговле понесенные... хотя малое что число для пропитания себе возвратить». По словам Гартсада, от

---

[3] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... Т. IV. Кн.1. М., 1785. С. 5–6.

[4] ПСЗ. Собрание I. Т. V. Ст. 3074. С. 490; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 5 об.–6; Ф. 1261. Оп. 1. Д. 499. Л. 4.

[5] РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 76. Л. 217–217 об.

[6] «Просил нас аглинский купец...». Документы из архивов России и Англии. 1714–1715 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 195.

[7] ПиБ. Т. 13. Вып. 2. М., 2003. С. 335–338.

назначения его будет только польза казне и купцам, которые будут уверены в том, что приобретенный товар «добрый». За труд свой Гартсайд просил назначить плату с продавцов и покупателей, как принято обычно во всей Европе. В качестве «поручателей» он обещал предоставить в Коммерц-коллегию «добрых купцов», владевших имуществом на 10 тыс. руб. В помощь себе Гартсайд просил в разных городах определить подмаклеров, старост, вязальщиков, дрягилей и других необходимых людей столько, сколько понадобится. Он обещал, что, если будут поступать жалобы от купцов на него или его людей, то он обязуются справедливо во всем разобраться. Для этого Гартсайд просил дать ему право виновных штрафовать или наказывать телесно, в зависимости от проступка.

Кроме того, Гартсайд предлагал все казенные товары продавать и покупать публично, как это происходит других странах, от чего, уверял он, казне будет польза. Также «всем купцам приятно будет, что всем вольно из вашей царского величества казны всякие товары покупать, також де и... продавать, не так, как преж сего бывало, понеже многие товары за одним купцом были поставлены». В качестве доказательства наносимому тем «убытку и умалению казны» Гартсайд приводил пример с продажей в 1715 году смолы. Он уверял, что при ее публичной продаже можно было бы получить 20 тыс. руб. прибыли. Многие иностранные купцы в Петербурге дали бы лучшую цену и взяли бы 40 тыс. бочек, поскольку после завоевания Россией Финляндии ежегодные поставки из Стокгольма около 50 тыс. бочек финской смолы прекратились и от того возникла «великая скудость в смоле во всей Европе»[8]. В подтверждение того, что он достоин звания генерального маклера, Гартсайдер просил Петра I указать Комерц-коллегии выслушать его предложения.

По деловым качествам и коммерческим знаниям у Гартсайда было больше шансов занять должность петербургского гоф-маклера, чем у Мюкса. Однако Пётр I назначил гоф-маклером его, а не Гартсайда.

7 июня 1729 и 22 января 1731 года сенатскими указами подтверждались права Мюкса на занятие им гоф-маклерской должности, данные ему Петром I. По просьбе Мюкса в помощь к нему был определен его соотечественник маклер Джон Эдварц[9]. Им в обязанность вменялось «чинить всякое прилежание... о всяких покупках и подрядах в казну и о продаже казенных товаров, и о переводе через вексель денег из Коллегий и Канцелярий... ища казне... прибыли»[10]. В сущ-

[8] «Просил нас аглинский купец...»... С. 190–192.

[9] ПСЗ. Собрание I. Ст. 5420. С. 203; Ст. 5682. С. 368; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 546. Л. 369.

[10] ПСЗ. Собрание I. Ст. 5420. С. 203; Ст. 5682. С. 368.

ности, гоф-маклер являлся правительственным чиновником, отчего его иногда называли «придворным маклером»[11]. Мюкс оставался в своей должности до 1741 года. В 1760 гоф-маклером был определён другой англичанин, Томас Рональд[12].

Порядок во время биржевых собраний в Петербурге поддерживался самими купцами, но иногда, судя по сохранившимся свидетельствам, происходили нарушения порядка. Так, в 1738 году Коммерц-коллегия обратилась к купцам с увещеванием по поводу произошедшей на бирже драки между русскими и английским купцами. Призвав английских и голландских бургомистров, Коммерц-коллегия обязала их объявить всем иностранным купцам, чтобы те впредь во время биржевых собраний под угрозой штрафа «поступали честно и учтиво и бесчинства, крику и драк отнюдь не чинили...»[13]. О том же было приказано объявить и русским купцам. Однако и позже, например в 1763–1764 годах, приходилось неоднократно напоминать купцам и их приказчикам, чтобы они «являлись на биржу в назначенные часы и во время пребывания на оной поступали честно и учтиво и бесчинств, брани и драк отнюдь не чинили»[14].

О размерах оборотов биржи и значении английских купцов в петровское время можно судить по данным, представленным городской Ратушей в Сенат, который потребовал сведения, «...что иноземных кораблей в приходе и на них всяких товаров в привозе порознь же с ценами...»[15]. Из представленной в Сенат росписи следовало, что на 13 сентября 1718 г. в Петербурге иностранных кораблей «в приходе» было 52, из которых 30 английских (более половины), 10 голландских, 8 любекских, 3 гданьских и 1 французский. Об увеличении объёма торговли и биржевых операций в последующее время можно судить по количеству иностранных кораблей, заходящих в Петербургский порт. В 1725–1726 годах «в приходе» было 225 кораблей, в 1750–1751 — 476, в 1773–1774 — 732, в 1784 году — 890, в 1791 — 1038, в 1898 году — 1052 кораблей. Значительная их часть приходила из Англии. Стоимость всех привозных товаров в 1717 году составила 188 852 руб., в 1725–1526 годах — 1 500 000 руб., в 1750–1751 —

---

[11] *Кайданов Н.И.* Систематический каталог делам Комиссий по коммерции. СПб., 1872. С. 57.

[12] *Кайданов Н.И.* Систематический каталог делам Коммерц-коллегии. СПб., 1884. С. 236.

[13] *Тимофеев А.Г.* История Петербургской биржи. 1703–1903. СПб., 1903. С. 36.

[14] *Кайданов Н.И.* Систематический каталог делам Коммерц-коллегии. С. 234.

[15] Цит. по: *Тимофеев А.Г.* Указ. соч. С. 23.

35 510 000 руб., в 1773–1774 — 10 063 000 руб., в 1791 — 25 140 000 руб., в 1798 году — достигла 26 173 000 руб.[16]

Обычно русские купцы или их поверенные с началом навигации приезжали из разных городов Петербург, где заключали договоры на поставку товаров и сделки купли-продажи. После их приезда начинали подходить и товары. Они, как правило, осматривались на бирже браковщиками и принимались по браковке (стандартам), а холст брали по клейменным образцам. Многие русские купцы привозили свои товары и без подряда, продавая их по торговой стоимости, или ожидали более прибыльных цен. Их товары также браковались на бирже. Часть товаров обычно продавалась иностранцам «в контракты» в течение зимы на поставку будущей весной, летом или даже осенью.

Контракты, как правило, заключались в судебных местах. Сделки фиксировались в таможенных книгах, заемных и товарных книгах Крепостных контор. Договоры совершались на разных условиях. Иногда за «запроданные» российские товары получали все деньги вперед, а чаще (обычный задаток с платежом остальных денег после поставки товаров. Цены соизмерялись с заключенными условиями, чем больше получали денег «наперед», тем они были ниже. Естественно, что подобные продажи неблагоприятно сказывались на ценах, принося немалую прибыль заграничным негоциантам и их комиссионерам в России. Русские купцы, часто испытывая нехватку денег, были вынуждены прибегать к этому средству (продажам «в контракты», получая сразу все наличные деньги или их часть) в виде займа[17]. Кредит обычно давался не более чем на год. Часто русские и иностранные купцы просто обменивали товар на товар.

При покупке товаров поступали почти так же: русские купцы заказывали товары к привозу через иностранных купцов или их комиссионеров. Но в этом случае деньги почти никогда не платили, пока товар не был доставлен, да и после его поставки платеж нередко рассрочивался на месяцы[18].

О сложившейся к концу XVIII века в Петербурге практике торговли с иностранцами можно судить по записке тульского купца М.И. Пастухова, который изложил свои замечания президенту Ком-

[16] [*Жгерский В.*] Торговый адрес-календарь или всеобщий коммерческий указатель российского государства на 1836 год... СПб., 1836. С. 15.

[17] См.: *Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле... Ч. 1. С. 42–43; *Вирст Ф.Г.* Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи... СПб., 1807. С. 340–342.

[18] [*Башуцкий А.Г.*] Панорама Петербурга. Т. 2. СПб., 1834. С. 179–180.

мерц-коллегии А.Р. Воронцову. Автор записки отмечал, что в последнее время «к расстройке полезной нашей торговли... вкралось злоупотребление продавать иностранцам российские товары с обождением от 3 до 6 месяцев, за которую посрочку сверх полупроцента за месяц получают они прибавку в ценах, так что с положением в расчете времени доходит сие до 3/4 процента в месяц или около 9 процентов в год, а иногда и более», при том, что в Голландии процент за ту же услугу был равен 1%, а в Англии (5% в год[19]. Пастухов утверждал, что одной из причин, по которым «предусмотрительные и расчет знающие англичане, а с их примеру и другие иностранцы» покупают российские товары «в сроки» и несут даже «убыток», если сравнить те проценты, какие они всегда могли получить под свои товары в Европе, кроется в дешевизне всех отечественных товаров. Низкие цены на русские товары покрывали все прочие расходы и приносили иностранным купцам солидную прибыль.

«Основательно торгующие иностранцы» покупали российские товары большей частью по ордерам, и по мере прибытия для их отправки кораблей. По словам Пастухова, отправка за границу «на шпекуляцию, ибо... на удачу и за собственный щет товаров столь мала, в сравнении регулярной торговли производимой по полученным из за моря комиссиям, что не заслуживает никакого уважения». Европейские торговые конторы в России, получая приказы из-за границы на большие партии товаров, начинали заключать на бирже сделки по их покупке на срок по частям. А так как подобные срочные сделки совершались зачастую в тайне, то цены на товар почти не изменялись. Пастухов считал, что продажа российских товаров в кредит иностранцам, хотя и приносит часто выгоду некоторым богатым российским купцам, но, по существу, несет более вреда, чем пользы, «ибо таковые срочные покупки производят унижение цен на наши произращения»[20].

Большинство современников разделяли мнение о засилье на российском внешнем рынке иностранцев. Приведем высказывания по этому поводу министра коммерции графа Н.П. Румянцева, неизвестного чиновника и простого купца, относящиеся к одному времени. Так, министр коммерции приводил сложившееся в обществе суждение, что «давно уже... иностранцы держат наше купечество в порабощении»[21]. Аналогичной точки зрения придерживался и неустановленный автор записки о включении с 1798 года иностранных и ино-

[19] Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 546. Л. 212 об.

[20] Там же. Л. 214.

[21] Там же. Д. 549. Л. 354.

городних купцов в петербургское мещанство. Констатируя особое положение в России иноземных негоциантов, он отмечал: «Что ж касается до иностранных купцов, кои здесь биржевым торгом занимаются; и без коих признаться должно, по малому еще знанию наших, и внешний весь наш торг не в таком бы цветущем состоянии был...»[22]. Русские купцы в большинстве своем были единодушны: «...российская коммерция притеснена, разорена, и во истребление приходить стала». В качестве доказательства приводилась практика заключения контрактов на поставку товаров, при которой русские купцы получали от комиссионеров задаток «по три и по четыре копейки с рубля... да и в разговорах (английские купцы. — *П.Л.*) употребляют пословицу: аглицкие де деньги все перемогут»[23].

Иностранных купцов и комиссионеров в Петербурге в 1772 году на считывалось до 173 человек, сумма их товаров равнялась «в привозе» 7 292 614 руб. и «в отпуску» — 5 820 009 руб. Среди иностранцев преобладали англичане, их было 58 человек. Сумма английских товаров «в привозе» равнялась 1 844 192 руб., а «в отпуску» — 3 701 772 руб. Голландских купцов было 35, товаров соответственно «в привозе» и «в отпуску» было на 762 940 и 258 423 руб.; немецких купцов — 37, товаров — 781 195 и 579 978 руб.; французских купцов — 19, товаров 197 741 и 101 580 руб.; швейцарских купцов — 6, товаров — 71 781 и 23 164 руб.; австрийских купцов — 11, товаров — 132 230 и 7 699 руб.; датских купцов — 3, товаров — 6 117 и 25 689 руб.; итальянских и испанских купцов — 10, товаров — 115 815 и 192 053 руб.

Английские купцы благодаря их числу и сплоченности пользовались значительным влиянием в Петербурге. В начале XIX века среди английских купцов, торгующих при Петербургском порту, возникло «намерение иметь биржу в отдаленности от таможни»[24]. Из сохранившихся в архиве документов явствует, что «несколько приятелей собрались чтобы сделать начертание, которое бы соответствовало желаниям» большинства купечества. Инициатива исходила от В. Кели, Н. Гезелера, Ф. Гротена, И. Кремера и М. Андерсона, которые были обеспокоены — «почему при наинужнейших собраниях» биржевые купцы в Петербурге подвергаются многим неудобствам. Во-первых, два раза в году, в весеннее и осеннее время, когда через Неву не бывает переправы, они не имеют «порядочного и пристойного места собрания» биржи. Во-вторых, при несчастных или других случаях им вообще негде встретиться. Собрания же в частных домах

[22] Там же. Л. 337.

[23] Там же. Д. 546. Л. 457 об.

[24] РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 783. Л. 29.

удерживают многих от присутствия в них из-за опасения чем-нибудь случайно скомпрометировать себя и испортить свой кредит. В-третьих, «свидание токмо на бирже, где каждый занят своими делами», неудобно для устройства купеческих «общеполезных дел». В-четвёртых, купечеству необходимо также место и для «публичных увеселений», где «молодые люди, к торговле принадлежащие, могут образовывать свои нравы». Из-за прекращения собраний и балов в Немецком и Английском клубах многие купцы вынуждены были вообще «ходить из одного трактира в другой»[25]. Барон Александр Ралль предложил уступить купечеству свой дом, купленный им за 80 тыс. руб. на Галерном дворе за собственную цену. Для покупки дома решено было объявить подписку на акции, в которой могли «участвовать только купцы в иностранные земли торгующие», и биржевые маклеры[26]. Однако инициатива английских купцов заглохла сама собой, не найдя поддержки большинства купечества.

О некоторых обычаях и правилах, сложившихся на Петербургской бирже к концу XVIII – началу XIX века, сообщал П.П. Свиньин: «Ежедневно в три часа пополудни собирается в залу русское и иностранное купечество со всего Петербурга. Здесь человек человеку (как говорит г. Карамзин в описании Лондонской биржи)[27] даром не скажет слова, даром не пожмет руки. Когда говорят, то идёт торг; когда схватятся руками, то дело решено... Людей множество, но тихо; кругом жужжат, но не слышно громкого слова. Пробы товаров передаются от одного другому: их нюхают, пробуют на зуб, трут в руках, рассматривают на свет и — идут в другую комнату заключать условие»[28]. В этом Петербургская биржа была схожа со всеми остальными биржами Европы. Но это сходство ограничивалось исключительно внешними признаками. Если биржи в Европе, как правило, появлялись как назревшая необходимость дальнейшего развития коммерции, как следствие увеличения объёмов оптовой торговли и усложнения денежных расчётов, то в России она учреждалась по инициативе государства. Пётр I насильно заставлял купцов торговать на бирже, по-европейски. Петровская биржа возникла исключительно по воле и желанию «царя-преобразователя», когда естественные предпосылки для этого еще не сформировались. Биржа учреждалась как своеобразная купеческая ассамблея.

---

[25] Там же. Л. 31–33 об.

[26] Там же. Л. 33 об.–35.

[27] *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 539.

[28] *Свиньин П.П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1817. С. 98.

И хотя во времена Петра I биржи существовали в немногих столицах Западной Европы, только в Лондоне и Амстердаме (Парижская биржа официально была признана в 1724 году, функционируя до этого полулегально, Берлинская была учреждена в 1739, а Венская в 1771), появление биржи в Петербурге ещё не означало, что в XVIII столетии русский торговый капитал проявлял значительную активность и организованность. Просто и здесь сказалась экономическая политика Петра I — собрать «рассыпанную храмину» всего российского купечества и привить европейские обычаи торговли. Однако на протяжении почти всего XVIII века Петербургскую биржу посещали преимущественно иностранные купцы и судовладельцы. Для них биржа давно была обычным местом торговли. Русские купцы, наоборот, были вынуждены ходить на биржу по царскому повелению. Биржевые маклеры, часто иностранцы по происхождению, нередко выступали в роли переводчиков и «сводчиков», т.е. посредников. Из российских участников биржевых торгов были только купцы занимающиеся, как правило, внешней торговлей.

Положение Петербургской биржи, как и вся российская торговля, отражало общее состояние экономики страны переходного периода от средневековья к новому времени, где только еще зарождались капиталистические отношения. На незначительность внешней российской торговли, сохраняющейся в конце XVIII века и даже в первой половине XIX века, указывали сами русские купцы. Так, купец И.С. Вавилов писал, что «большая часть внешней торговли сосредоточена в руках иностранцев, торгующих под названием русских купцов». Он указывал, что в Петербурге торговля производится более комиссионная, экспедиционная и транзитная. Иностранцы, записанные в гильдиях, торговали не на собственные свои капиталы, а на принадлежащие заграничным негоциантам, которые давали тем поручения на закупку русских товаров или продажу адресованных из-за границы товаров. Автор отмечал, что иностранные негоцианты и их комиссионеры в России получали немалую прибыль: первые от своих капиталов, приносивших им от 2 до 3% в год, а вторые от комиссий, делькредере, конвенционных расходов и т.п.[29]

Биржевая торговля, ставшая одним из основных источников первоначального накопления капиталов, еще не давала возможностей для формирования торгово-промышленного капитала в широких масштабах. И хотя Петербургская биржа не застыла на уровне петровского времени (неуклонно росли обороты биржевой торговли, усложнялась биржевая практика, совершенствовались биржевые обы-

[29] *Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле: практический курс коммерческих знаний. Ч. 1. СПб., 1848. С. 41–42.

чаи и правила (всё же отставание от зарубежных бирж было очень значительным. В то время как европейские биржи бурно развивались, Петербургская биржа со 2-й четверти XVIII века практически оставалась на одном и том же уровне. Особенно заметно это было в сравнении с Лондонской, Гамбургской, Парижской и Франкфуртской биржами, где биржевая техника прогрессировала быстрыми темпами. В первую очередь это касалось фондовой и вексельной торговли. В то время как Лондон, Гамбург и Париж постепенно превращались в мировые центры финансовых расчетов, на которых обращалось достаточно большое количество ценных бумаг, на Петербургской бирже в XVIII и начале XIX века по-прежнему лишь изредка заключались незначительные валютные и вексельные сделки и не обращалось ни одной фондовой бумаги. Лишь с 1815–1820 годов на Петербургской бирже начинают происходить кардинальные изменения в её организации и развитии торговли.

В.Л. Степанов
(Москва)

Опыт британского фабричного законодательства в дореволюционной России

После отмены крепостного права в 1861 году российское правительство приступило к правовому урегулированию взаимоотношений рабочих и предпринимателей. Это диктовалось как потребностями развивающейся отечественной промышленности, так и соображениями охраны государственного порядка. В «верхах» учитывали пример Европы, пережившей революционные потрясения в 1848–1849 годах. В первые пореформенные десятилетия рабочий вопрос неоднократно обсуждался в межведомственных комиссиях: при петербургском градоначальнике (1859), под председательством члена Совета министра внутренних дел А.Ф. Штакельберга (1859–1862), члена Государственного совета П.Н. Игнатьева (1870–1872), министра государственных имуществ П.А. Валуева (1874–1875), а также при московском генерал-губернаторе (1877–1880)[1].

При подготовке проектов широко использовался западный опыт. Вплоть до 1880-х годов преимущественное внимание уделялось законодательству Великобритании как самой передовой страны в области охраны труда. Разработка английских фабричных законов началась ещё на первом этапе промышленного переворота в конце XVIII века и продолжалась на протяжении долгих десятилетий. Эти акты стали образцом для европейских стран, вставших на путь урегулирования рабочего вопроса. Особый интерес вызывали законы о нормировании рабочего дня и условиях труда детей, подростков и женщин, а также акт 1824 года о предоставлении рабочим права на

[1] *Шелымагин И.И.* Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века). М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 37–53.

проведение стачек и создание ассоциаций с целью защиты своих интересов[2]. Сильный резонанс на Западе имело введение в Великобритании в 1833 году системы надзора за соблюдением принятых законов об охране труда. Вся территория страны была разделена на фабричные округа во главе с инспекторами, которые обладали широкими полномочиями: в любое время посещать предприятия, жилища рабочих, школы, посещаемые их детьми, привлекать к суду виновных в нарушении законов, требовать от мировых судей наложения штрафов, составлять регулярные отчеты, представляемые парламенту. Опыт английской инспекции в период с 1850 по 1921 год использовали свыше двадцати европейских стран[3].

Внимание к фабричным законам Великобритании еще более возросло после их кодификации в едином акте 27 мая 1878 года, текст которого спустя два года был опубликован на русском языке[4]. В предисловии к этому изданию видный российский экономист И.И. Янжул заявил, что принятое законодательство «оказало на весь английский рабочий класс самое благодетельное действие» и «признается ныне в Англии как одна из основных общественных реформ и одно из благодетельнейших государственных учреждений». Далее он указал на несомненные, по его мнению, достоинства этих законов: «Прежде всего, преимущество британского фабричного законодательства заключается в том, что оно по времени самое старое во всей Европе и, следовательно, развиваясь постепенно, отличается наибольшею практичностью и наиболее строго и последовательно выполняется на практике. Кроме того, оно имеет за себя еще достоинство самобытности и самостоятельности: Англия не имела в фабричном законодательстве никаких предшественников, достойных подражания, и напротив, все новые европейские законы о фабриках появились на свет под большим или меньшим влиянием и воздействием английского образца»[5].

---

[2] Подробнее о фабричном законодательстве Великобритании и его влиянии в европейских странах см.: *Metz K.H.* Industrialisierung und Sozialpolitik. Das Problem der sozialen Sicherheit in Großbritannien 1795–1911. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988; *Ritter G.A.* Sozialversicherung in Deutschland und England. Entstehung und Grundzüge im Verglech. München: C.H. Beck, 1983.

[3] *Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России, 1882–1914. М.: РОССПЭН, 2009. С. 28.

[4] См.: Труды Комиссии, учреждённой г. московским генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1: Англия / Под ред. И.И. Янжула. М.: Тип. ведомостей московской городской полиции, 1880. С. 1–110.

[5] *Янжул И.И.* Предисловие // Труды Комиссии, учреждённой г. московским генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. С. II, XXIV, XXV.

В России проекты, подготовленные комиссиями в первые пореформенные десятилетия, были признаны в «верхах» чрезмерно либеральными, недостаточно учитывающими интересы предпринимателей и промышленности в целом. Только на рубеже 1870–1880-х годов под влиянием промышленного кризиса и рабочих волнений правительство было вынуждено приступить к введению законов об охране труда. В 1881 году министром финансов стал известный экономист Н.Х. Бунге, который был поклонником английского фабричного законодательства. В сентябре 1880 года, ещё в ранге заместителя министра финансов, он в записке на имя Александра II обращал внимание императора на важность использования опыта Великобритании: «Россия не имеет законов, регулирующих наемный труд, т.е. определяющих возраст малолетних, употребляемых в работы, продолжительность дневных и ночных занятий, – законов, оказавшихся столь благодетельными в Англии, где они составляют оплот против распространения социализма между рабочим сословием»[6].

В проекте о нормировании рабочего дня детей и подростков, поступившем в Государственный совет в декабре 1881 года, министр финансов повторил свои аргументы: «Лучшим наглядным доказательством выгодных последствий от хороших законов, относящихся к рабочему классу, может служить Англия, в которой в течение текущего столетия положение рабочих улучшилось, промышленная техника сделала огромные успехи, а учения социализма наименее встретили сочувствия, и именно потому, что рабочий-англичанин заинтересован не тем, какое дать устройство обществу, а тем, как извлечь наибольшую выгоду от своего труда и приобрести самостоятельное хозяйственное положение для своей семьи»[7].

Принятый по инициативе Н.Х. Бунге закон июня 1882 года запретил работу малолетних до 12 лет, для детей 12–15 лет установил 8-часовой рабочий день и запрет на ночную работу. Не имеющим образования малолетним детям владельцы предприятий обязаны были предоставлять возможность посещать школу. Для надзора за соблюдением новых правил учреждалась инспекция во главе с главным инспектором, которому подчинялись инспектора девяти фабричных округов[8]. Акт 3 июня 1885 года запретил ночную работу для женщин и подростков 15–17 лет[9]. Спустя ровно год, 3 июня 1886

[6] Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / Публ. Л.Е. Шепелева. СПб.: Лики России, 1999. С. 182.

[7] РГИА. Ф. 1149. Оп. 9. 1882 г. Д. 58. Л. 52 об.

[8] ПСЗ. Собрание III. Т. II. СПб., 1886. № 931.

[9] Там же. Т. V. СПб., 1886. № 3013.

года были приняты правила о взаимоотношениях нанимателей и рабочих, которые существенно ограничили произвол хозяев – был установлен порядок найма на работу на основании расчетных книжек, выдачи заработной платы и наложения штрафов, запрещалась расплата купонами, продуктами питания и товарами, за рабочими признавалось право на расторжение договора о найме в случае задержки зарплаты, побоев, тяжелых оскорблений и т.п. Вместе с тем правила предусматривали строгие карательные меры по отношению к участникам забастовок и волнений на предприятиях[10]. Этот закон имел существенное значение для дальнейшего развития промышленности и оставался в силе вплоть до 1917 года.

Министерство финансов рассчитывало при решении рабочего вопроса использовать английский опыт не только в сфере фабричного законодательства. Н.Х. Бунге даже выдвигал идею копартнершипа, т.е. участия рабочих в прибылях предприятия, что с успехом применялось в Великобритании. Он подробно остановился на этом вопросе в своем политическом завещании, записке «Загробные заметки» (1895 г.): «Доля участия в прибылях составляет один из лучших способов если не для упразднения социального вопроса, то, по крайней мере, для устранения из него всякой жгучести. <...> Трудность состоит не в изобретении той или другой комбинации для определения участия в прибылях (эти комбинации легко приискиваются заинтересованными сторонами), но в том, чтобы сами предприниматели убедились, что их интерес требует привлечения рабочих к участию в прибылях»[11]. Руководство финансового ведомства склонялось также к разрешению экономических забастовок, если они не нарушали общественного порядка, и допускало создание рабочих ассоциаций. «В Англии, – подчеркивал Н.Х. Бунге в одной из своих работ, – тред-юнионы способствовали доселе не распространению социализма, а определению рабочего класса и дали более практическое направление его притязаниям». Однако подобные инициативы казались высшей бюрократии чрезмерно радикальными и не получили поддержки[12].

Курс Н.Х. Бунге был продолжен крупнейшими реформаторами конца XIX – начала XX в. С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным. Однако дальнейшее развитие фабричного законодательства протекало под доминирующим влиянием социальной политики в Германии, принципы которой в большей степени соответствовали российским реали-

[10] Там же. Т. VI. СПб., 1888. № 3769.

[11] Судьбы России. С. 255; Об идеях копартнершипа в России см.: *Шепелев Л.Е.* Копартнершип и русская буржуазия // Акционерные компании в России: XIX–XX века. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006. С. 506–526.

[12] Отдел рукописей РНБ. Ф 550. Д. 237. Л. 227 об.

ям. Правящие круги Великобритании принципиально избегали чрезмерного вмешательства государства в экономическую жизнь. Они делали ставку на обеспечение широких политических и социальных прав «фабричного люда», на его интеграцию в установившийся общественный строй. Рабочие должны были самостоятельно улучшать свое экономическое положение путем участия в профсоюзах, которые представляли их интересы. Напротив, германский канцлер О. фон Бисмарк и его преемники пытались решить рабочий вопрос этатистскими методами. С одной стороны, они стремились законодательным путем повысить жизненный уровень рабочих, а с другой – отказывались признавать их равноправие с другими слоями общества[13]. Подобный подход был вполне созвучен традиционной российской политике «попечительства». В 1883–1889 годах в Германии были приняты законы о государственном страховании рабочих от несчастных случаев, по болезни, инвалидности и старости, которые стали примером для России и других стран континентальной Европы[14].

Несмотря на ориентацию на лучшие западные образцы, российское фабричное законодательство по сравнению с индустриальными странами было отсталым. Для «верхов» самодержавной монархии речь могла идти не о прямом заимствовании европейских кодексов трудового права, а лишь об использовании в трансформированном виде тех или иных положений применительно к местным условиям и политическим традициям. Поэтому российское законодательство вплоть до крушения монархии сохраняло попечительно-охранительные черты, носило фрагментарный характер и в большинстве случаев не распространялось на всех занятых в промышленности рабочих. Законы отличали низкий уровень требований по охране труда, зачастую неясность в отношении практического применения их норм к конкретным случаям, слабая эффективность вследствие отсутствия четких карательных санкций по отношению к предпринимателям[15]. Тем не менее, введение фабричного законодательства стало принципиально важным шагом в общем движении России к правовому государству.

---

[13] *Puttkamer Jo. von.* Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905. Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1996. S. 1, 2.

[14] О влиянии германского социального законодательства в России см.: *Stepanov V.L.* Die Sozialgezetzgebung Otto von Bismarcks und die russischen Arbeiterversicherungsgesetze // Reformen im Russland des 19. und 20. Jahrhunderts: Westliche Modelle und russische Erfahrungen. Frankfurt am Main: Klostermann, 1996. S. 109–138.

[15] *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука, 1981. С. 187.

Е.Г. Неклюдов
(Екатеринбург)

Британские предприниматели в составе владельцев уральских заводов*

В XVIII–XIX веках Урал был крупнейшим промышленным регионом Российской империи, а горнозаводчики — владельцы сформировавшихся за это время масштабных территориально-хозяйственных комплексов — горнозаводских округов — самой престижной группой российских предпринимателей. Среди них наиболее известны роды Демидовых, Строгановых, Яковлевых, Голицыных, Шуваловых, Всеволожских, Белосельских-Белозерских, Пашковых, Турчаниновых и др., представители которых стали «фундаторами» уральских заводов еще в XVIII веке. Во второй половине XIX века, когда были сняты прежние сословные ограничения по владению горными заводами, в составе владельцев появились и иностранцы, в том числе британцы.

Британские предприниматели проявили интерес к Уралу вскоре после начала реформ Александра II. Так, в 1866 году британец Джеймс Мурфи выразил желание построить на Урале бессемеровский завод для изготовления железнодорожных рельсов. Но тогда ему не удалось реализовать свои планы: обострились международные отношения, и предпочтение было отдано Н.И. Путилову. Новая и тоже неудачная попытка была предпринята в 1870–1871 годах, когда британец Герберт Дарри «с другими лицами» просил у Горного департамента осмотреть Ревдинские заводы П.А. Демидова и Сергинско-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение» (№ 14-18-01625).

Александр Брогден.
Гравюра 1880-х годов

Уфалейские заводы Губиных, выставленные тогда на публичную продажу, с целью «ознакомления с положением, средствами и устройством этих заводов для приобретения их покупкою»[1]. Имена этих предпринимателей больше на Урале не звучали, но в те же годы здесь объявились другие британские подданные, которым удалось войти в число уральских заводчиков.

В 1870 году Александр Брогден и Джон Ланкастер приобрели Преображенский и Воскресенский медеплавильные заводы наследников Пашковых на Южном Урале (в Оренбургской губернии), а в 1871 году барон Виллим Рекстер-Вагстаф купил Холуницкий горнозаводский округ А.Д. Пономарева на Западном Урале (в Вятской губернии). Бывшие российские владельцы этих предприятий относились к известным дворянским предпринимательским родам, но ко времени продажи фактически обанкротились, а заводы или бездействовали, или находились на грани закрытия, чем и воспользовались британцы. Рекстер-Вагстаф недолго, всего три года, владел уральскими заводами и продал их российским предпринимателям. Партнер Брогдена Ланкастер уже на следующий год перепродал свою долю владения британским подданным Фредерику Эдуарду Блексту Бомонту и Бомону Вильяму Лоббоку. Сложившаяся компания из трех владельцев двух южно-уральских заводов получила в официальном делопроизводстве наименование «Компания российской меди». Она продержалась более 20 лет и рассталась с заводами в 1890–1896 годах[2]. Об этих британских владельцах уральских металлургических заводов известно не много.

В начале XX века барона Рекстер-Вагстафа один из инженеров сравнивал с «современным Лидвалем американской складки», как бы отождествляя его с крупным аферистом. Такая ассоциация возникла, скорее всего, потому, что в России об этом британском баро-

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1189. Л. 1–7 об., 13–14, 21–23; Оп. 67. Д. 327. Л. 19, 20.

[2] *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 487–497.

Александр Дмитриевич Пономарев. Худ. К.С. Зарянко. 1855 год

не почти ничего не знали, когда его неожиданно предложил в качестве «приобретателя» Холуницких заводов обанкротившийся заводовладелец А.Д. Пономарев. Последний много путешествовал по Европе; вероятно, бывал он и в Британии. Показательно, что в 1863 году он уже пытался заложить округ у «великобританского подданного» И.А. Леве. Судя по всему, Рекстер-Вагстав и Александр Брогден были хорошо знакомы, поскольку первоначально хотели вдвоем купить заводы у Пашковых, но после разделились и уже самостоятельно приобрели: один — Холуницкие, другой (вместе с Ланкастером) — пашковские заводы.

Александр Брогден и Джон Ланкастер в купчей были названы не только «великобританскими подданными» и дворянами, но и членами Британского парламента. Брогден, подписавший купчую в 1870 году, остановился тогда в петербургском Гранд-отеле на Мал. Морской улице; в Англии он проживал в Ульверстоуне, графство Ланкастер. Известно, что он происходил из богатой предпринимательской семьи, организовавшей фирму по строительству железных дорог, добыче угля, производству железа в Англии и Уэльсе. Александр, став преемником своего отца, возглавил в 1869 году семейную фирму и вывел ее деятельность за пределы Британии. С 1868 года он на протяжении 18 лет избирался членом Парламента. Всякий раз, когда Парламент не заседает, по словам Брогдена, его можно было найти «в течение восьми или десяти дней... в Ульверстоуне, Вестминстере,

Климковский завод Холуницкого округа. Фото начала XX века

Кардиффе, Париже, Голландии и Санкт-Петербурге». Не исключено, что, отличаясь такой активностью, он бывал и на столь отдаленных от его родины уральских заводах. Его компаньоны Бомонт и Лоббок тоже были дворянами, проживали в Лондоне; один из них (Бомонт) был членом Парламента. По данным за 1886 год, он тогда «временно находился в Президентстве Мадрас в Индии».

Из совладельцев до продажи заводов не дожил Александр Брогден, скончавшийся в возрасте 67 лет в 1892 году. К тому времени уже давно обанкротилась возглавляемая им семейная фирма в Британии. Наследницей и душеприказчицей Брогдена оказалась его вдова Анна, умершая в 1895 или 1896 году. «Наследницей покойных великобританских подданных Александра Брогдена и вдовы Анны Брогден» была признана их дочь Анна Эдит Кенсингтон, проживавшая в Лондоне, которая и совершила окончательную продажу уральского имения отца[3].

Какими же мотивами руководствовались британские предприниматели и чего достигли на Урале?

«Главной целью... по покупке Воскресенского и Преображенского заводов, — разъяснял намерения Компании российской меди ее управляющий, тоже британец, Томас Рикард в 1873 году, — было поставление, чтобы развивать производство русской меди с современным усовершенствованием производств в техническом отношении и, не жалея затраты капиталов и труда, расширить эту промышленность в здешнем крае в видах обоюдной пользы, как интересам компании, так и народонаселения края». Судя по предпринятым действиям, это заявление соответствовало истине.

Компаньоны восстановили и существенно модернизировали производство: установили мощные паровые машины; на рудниках ввели механический подъем, насосы; проложили рельсовые пути для откатки руды; на Воскресенском заводе расширили прокатную фабрику для выделки листовой меди, а на Преображенском увеличили количество печей. На Воскресенском заводе в 1877 году они попытались начать производство серной кислоты из колчедана «на предмет обработки ею медных руд мокрым путём», но эта фабрика вскоре сгорела и больше не восстанавливалась. По сведениям горных чиновников, два принадлежавших компании завода производили более 40% всей южно-уральской меди, а Воскресенский завод удерживал лидерство среди медеплавильных заводов Оренбургской и Уфимской губерний.

---

[3] *Гилпин Л.* Шумный Александр // Режим доступа: http://www.brogden.info/Brogden-Alex-Brogden.htm; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 141. Л. 4–8; Оп. 32. Д. 1607. Л. 1, 13–16, 102–114; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1217. Л. 42, 80–84; Оп. 65. Д. 622. Л. 1–8; Оп. 67. Д. 309; Оп. 73. Д. 74. Л. 1–14.

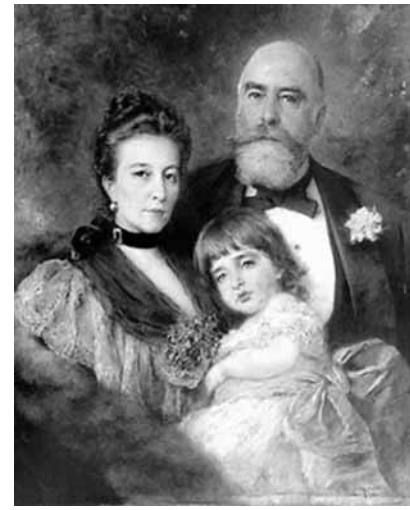

Василий Александрович Пашков. Фото конца XIX века

Но, справившись (отчасти с помощью залога имения) с проблемой финансирования хозяйства, владельцы столкнулись с другими проблемами, в итоге заставившими их продать заводы. Главную из них озвучил тот же Рикард. «В здешнем крае, — делился он своими впечатлениями, — не только развитие промышленности или какого-либо нового предприятия, но и удовлетворительное существование прежних производств невозможно без особого содействия правительственной администрации и местных начальственных лиц в побуждении рабочих к выполнению обязательств». «Особое содействие в этом тем более оказывается необходимым для здешнего края как населенного по преимуществу башкирцами, недавно перешедшими к оседлой жизни и непривычными к добросовестному труду, у которых при этом укоренилась наклонность к обману и невыполнению обязательств. По их примеру начинает поступать и русское горнозаводское население. Развитию же этих во всех отношениях крайне вредных как промышленности, так и самому населению наклонностей способствует слабое действие непосредственно местных властей и крайнее замедление в законных мерах взыскания», — отмечал управляющий. Компания российской меди оказалась, по его словам, «в невыразимо критических обстоятельствах... отнюдь не от недостатка производительного капитала или рабочих рук... но исключительно от невыполнения рабочими принятых на себя обязательств». Это касалось в первую очередь организации работ по добыче и поставке на заводы руды из отдаленных Каргалинских рудников: получив задатки, работники далеко не в полном составе являлись на рудники, а в 1873 году там была даже организована стачка, когда 14 человек «заявили претензию» на заводоуправление о том, что оно занижает цены при заключении коллективных договоров и ограничивает продажу водки. Эти «подстрекатели» убедили и остальных оставить работы.

Местные власти пытались навести порядок, но в то же время обвиняли управление заводами в незнании законов и местных традиций. «Уклонение рабочих от исполнения условий с Компанией российской

меди, по мнению моему, — писал уфимский губернатор И.Ф. Щербатский, — происходит как от неточности самих условий, так и в особенности от того, что заводоуправление заключает условия без всякого разбора с лицами несостоятельными к исполнению их и вообще от незнакомства лиц, служащих при заводоуправлении, с порядком ведения такового рода дел и с правилами о найме рабочих».

Софья Николаевна Манзей с мужем Михаилом Сергеевичем Волковым и их сыном Сергеем Волковым-Манзеем. Худ. К.Е. Маковский. 1898 год

Когда же в начале 1880-х годов из-за неурожаев повысились расценки на доставку руды, производство с каждым годом стало сокращаться. В 1884 году Преображенский завод вновь остановили. Компаньоны жаловались «на высоту заработной платы, осложнения с рабочими, возраставшие налоги, обеднение руд и, наконец, конкуренцию заграничной меди». Все это, вероятно, и привело британских подданных к решению прекратить свою деятельность на Урале. Любопытно, что один из заводов — Воскресенский — был в 1891 году продан родственнику бывших российских владельцев — В.А. Пашкову, который за увлечение учением английского проповедника лорда Редстока уже давно был выслан за границу и имел тесные деловые контакты с британцами. Второй — Преображенский завод — в 1896 году продали действительному статскому советнику В.Н. Охотникову, приходившийся Пашковым дальним родственником[4].

У барона Рекстер-Вагстафа тоже, судя по всему, были серьезные планы насчет приобретенного уральского горнозаводского имения, поскольку в Холуницу он не только сам приехал, но и перевез свою семью, хотя, как выясняется, ненадолго. Пребывание нового владельца в отдаленном от родной Британии Вятском крае тоже натолкнулось на «неповиновение» рабочих, когда в апреле 1871 году они

[4] Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 153–154, 392–393; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 261–262; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1693. Л. 3–10, 21–23 об., 32; Оп. 66. Д. 40. Л. 1–19 об.

Софья Петровна Бенкендорф. Фото 1902 года

прекратили работы из-за отказа барона увеличить им заработную плату и выдать ее заранее, к Пасхе. Кроме того, «рабочие узнали, что барон, не имея больших денежных средств, ограничивает выпуск железа с завода, не платит за контрактованный для завода уголь и прибегает к мелким займам денег». Поэтому, по словам разбиравшегося в ситуации товарища шефа жандармов Н.В. Левашова, они «весьма недоверчиво» отнеслись к владельцу, который «после стачки в последних числах сентября... выехал с семейством из заводов неизвестно куда, отправив вперед свой багаж». «Хотя он и оставил управляющего Томсона, но подготовительных материалов, как-то: угля, дров и руды в заготовке нет, а налицо имеется в самом ограниченном количестве», — писал проверяющий.

Конечно, имея ограниченную информацию, трудно судить о поступках владельца. Вероятно, отказ выдать заработную плату перед праздником обусловливался желанием оградить рабочих от пьянства, с которым его соотечественники столкнулись и на южно-уральских заводах, а отъезд — опасениями за безопасность семьи. Барон оправил её в Петербург, где сам, судя по всему, занялся решением выявившихся проблем. Позже он вернулся в Холуницу, видимо, уже один.

В то же время местные горные и гражданские власти, вообще весьма скептически настроенные к иностранному предпринимательству, отказали новому владельцу в нескольких его просьбах. Так, последовал отказ в продаже барону соседних Вятских казенных заводов с их обширными земельными дачами. Власти не запретили, но и не поддержали предложение барона построить первую в том крае железную дорогу, которая могла бы ускорить и удешевить не только перевозку металлов, но и других товаров. Отказано было и в поддержке создания акционерного общества для строительства этой дороги.

В такой ситуации владелец решился на акционирование Холуницких заводов. Судя по уставу, утверждённому Александром II в июне 1873 года, общество было призвано аккумулировать капиталы для развития округа, но реализовать подписку либо не удалось, либо барон вообще отказался от организации общества, получив

более привлекательное предложение. Всего через три месяца после утверждения устава округ был продан компании «водочного короля» Урала А.Ф.Поклевского-Козелл и Н.И. Севастьянова[5].

Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл. Фото 1890-х годов

В общественном мнении столь поспешная продажа заводов связывалась с незнанием британским бароном Рекстер-Вагстафом «условий русской жизни» или «полным незнанием местных условий, а главное — отсутствием оборотного капитала». При достаточно ограниченной информации сложно сомневаться в истинности этих оценок современников. Однако к особым «условиям русской жизни», которые, вероятно, действительно плохо представлял «великобританский подданный», стоит отнести и экономическую неразвитость региона, и то удручающее положение Холуницких заводов, в котором они поступили иностранному предпринимателю в собственность. Видимо, он действительно не рассчитал своих финансовых возможностей, когда намеревался вывести огромный уральский горнозаводский округ из затянувшегося вследствие действий прежнего российского владельца кризиса. В этих целях и предпринималась неудавшаяся затея с акционированием. Наиболее предпочтительным выходом из создавшегося положения оказалась продажа заводов, которую этот владелец предпочел не затягивать, подобно другим его соотечественникам из Компании российской меди.

Представители Британии вновь появились на Урале в начале XX века, но уже не в качестве владельцев, а как акционеры двух крупных горнозаводских компаний — Кыштымской корпорации, созданной в 1908 году во главе с Д.Л. Уркваром и Г.К. Гувером (будущим президентом США), и Сысертской компании, возникшей в 1912 году[6].

---

[5] Холуницкие горные заводы наследников А.Ф. Поклевского-Козелл. Вятка, 1890. С. 8; РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 375. Л. 6, 33, 36; Оп. 67. Д. 181. Л. 19; Оп. 73. Д. 98. Л. 209–223; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 191. Л. 453, 455, 518; Ф. 43. Оп. 1. Д. 754. Л. 1–2, 20–32, 68–69, 77–82; Д. 769. Л. 1–5, 10–11; ПСЗ. Собрание II. Т. 48. № 52415.

[6] *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 158–159, 235–238, 192–199; Предприниматели Урала

В составе уральских горнозаводчиков были также и потомки британцев, в частности, потомки шотландского рода Манзеев и их родственники из рода Трувеллер — совладельцы Алапаевских и Невьянских заводов. Совладелицей Лысьвенских заводов была жена российского посла в Великобритании Софья Петровна Бенкендорф (урожденная графиня Шувалова). Совладельцем Холуницких заводов в 1890-е годы был, по словам Витте, «интимный человек у короля Эдуарда VII», первый секретарь и советник посольства России в Британии Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл, немало содействовавший установлению торговых и союзнических отношений между двумя странами в начале XX века[7].

XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики. Екатеринбург, 2013. С. 115–116, 120.

[7] *Неклюдов Е.Г.* Указ. соч. С. 85–137; 250–266, 497–522.

О.В. Таратынова
(Санкт-Петеребург)

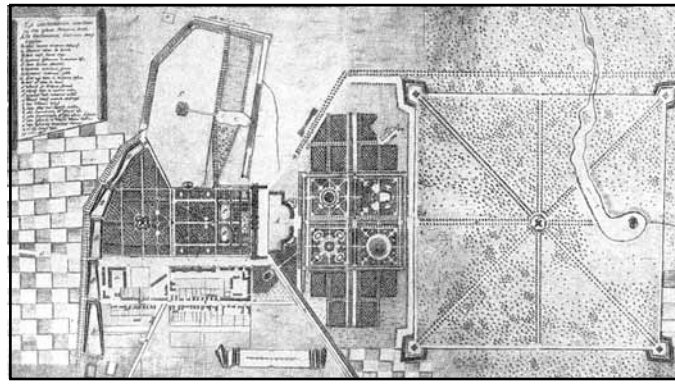
Английский парк в Царском Селе

Екатерина Великая, основательница Эрмитажа, и в императорской резиденции «Царское Село» почитается как создательница пейзажного английского парка, автор многих пейзажных композиций. Её имя могло бы стоять рядом с именами садовых архитекторов — Василия Неёлова и Иоганна Буша.

Помимо удивительной работоспособности и образованности, Екатерина обладала замечательным качеством — пылким воображением. Только такой человек мог представить, как будут выглядеть заложенные им сады через 30–40–50 лет. Можно сказать, что плодами её усилий и фантазий в полной мере насладился лишь её любимый внук — император Александр I, питавший, так же как и бабушка, к царскосельским паркам самые нежные чувства.

А теперь немного об истории.

Екатерининский парк состоит из двух частей — регулярного Старого сада и пейзажного Английского парка. Старый (Голландский) сад основал Пётр I в модном тогда голландском стиле, по легенде — собственноручно насадив там платаны и дубы. Именно голландские мастера садово-паркового дела Ян Роозен и Иоганн Фохт распланировали в 1720-е годы Старый сад на трёх уступах перед парковым фасадом дворца.

«Ея Императорского Величества Селу Царскому
Генеральный план». 1766–1768 годы

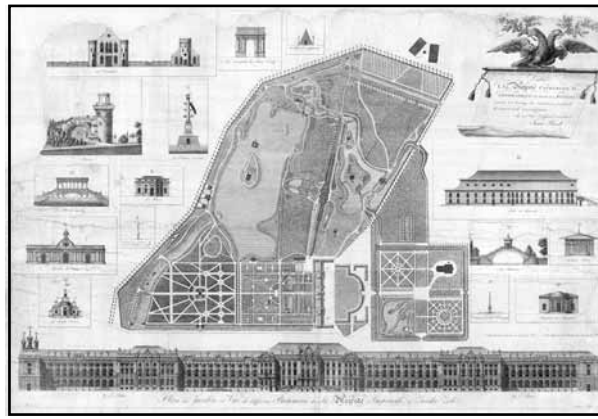
В середине XVIII века, когда хозяйкой резиденции стала императрица Елизавета Петровна, сад был расширен, перепланирован и украшен скульптурой. Большой пруд обрёл геометрическую шестиугольную форму. Были построены павильоны «Эрмитаж» и «Грот», а также Катальная гора, выходившая своим спуском прямо на остров в середине пруда.

Сменившая Елизавету императрица Екатерина II очень чутко прислушивалась к модным тенденциям Западной Европы. Вкусы и стиль ландшафтной архитектуры в середине XVIII века резко изменились. На смену регулярной планировке парков с затейливыми партерами, стриженными боскетами, геометрической планировкой дорожек и площадок пришёл пейзажный парк.

Родиной пейзажных парков и садов по праву считается Англия (именно поэтому в ряде случаев они получают название английских). Повышенный интерес к принципам свободной планировки садов Китая (стиль «шинуазери»), а также идеализация природы существенно ускорили отход от традиций регулярного стиля.

В архитектуре на смену барокко пришёл классицизм. А классицизм и принцип пейзажности в садовом искусстве имели общую философскую основу: культ естественности и природы. Сады воздействуют на органы чувств и поэтому всегда были в некотором роде синтезом различных искусств. Признаком хорошего вкуса хозяина были прежде всего сад и парк, их устройство и соответствие моде.

Сады, решенные в пейзажном стиле, постепенно, но достаточно агрессивно стали вытеснять регулярные сады — сначала в Англии, потом и во всей Европе. В Российской империи в то время среди аристократии появилось немало англофилов, ценящих порядки и

Тобиас Миллер (Thobias Miller). План Царскосельских парков (План сада и виды различных строений Ее Императорского Величества в Царском Селе). Россия, Санкт-Петербург, конец XVIII – начало XIX века

обычаи туманного Альбиона. Стали очень популярны британские парки, английское парковое хозяйство. Садовники-англичане стали весьма востребованы в России.

Екатерина II пригласила на службу англичанина Уильяма Гульда, назначив его главным садоводом Григория Потёмкина. Для работы в Царском Селе в 1771 году также был приглашён садовый мастер Иоганн Буш — в помощь царскосельскому архитектору Василию Неёлову. После своего воцарения Екатерина II, предполагая полностью изменить планировку царскосельского парка, приказывает временно прекратить все работы в регулярном Новом саду. Были уничтожены беседки, прекратилась стрижка боскетов. В 1771 году была разобрана деревянная катальная гора, спускавшаяся к озеру. В это время составляются планы расширения парка путём присоединения к нему огромного участка к югу от дворца. Новая часть парка должна была воплотить мечту Екатерины о пейзажном парке в романтическом стиле. Екатерина II в письме к Вольтеру в 1775 году писала: «В настоящее время я люблю до сумасшествия английские сады, кривые линии, нежные скаты, пруды наподобие озерков и резко определенные береговые очертания, и питаю глубочайшее отвращение к линиям прямым, похожим друг на друга. Я ненавижу фонтаны за ту пытку, которой они подвергают воду, заставляя ее следовать направлению, противному ее естественному течению»[1].

[1] Переписка российской императрицы Екатерины Вторыя с г. Вольтером, с 1763 по 1778 год. Т. 2. СПб., 1802. С. 221.

В январе 1771 года архитектор Василий Неёлов с сыном Петром были отправлены императрицей в Англию для изучения нового стиля паркостроения и переноса его «на российскую почву» — в Царское Село. Василий Неёлов вернулся в Россию в том же году, а Пётр Неёлов оставался в Англии до 1775 года. Он зарисовывал планы различных парков, копировал их, приобретал гравюры и увражи.

В коллекции нашего музея сохранилось 166 английских гравюр, привезённых Неёловыми из своего путешествия по Англии. Вся коллекция состоит из нескольких серий, посвящённых изображению известных английских парков середины XVIII века. Наиболее интересны следующие:

1. Серия видов королевских садов Кью, устроенных под руководством садового мастера Джонсона, украшенных сооружениями в китайском стиле, а также классическими павильонами.
2. Серия, изображающая парк в имении Стоу, принадлежавшем известному английскому общественному деятелю второй половины XVIII века Вильгельму Темплю. Парк был создан известным садоводом Уильямом Кентом, одним из теоретиков искусства пейзажных парков. Гравюры нарисованы Жаном-Батистом-Клодом Шателеном, гравированы Джорджем Бикхемом.

Прочие гравюры изображают различные английские города — Оксфорд, Ричмонд, Йоркшир и другие. В основном это — раскрашенные акварельными красками офорты.

У нас нет сомнения, что все эти гравюры были привезены из Англии специально для Екатерины II, принимавшей непосредственное участие в планировании парка. Некоторые гравюры, например, с изображением моста в парк Стоу или башни в китайском стиле в парке Кью, свидетельствуют о прямом заимствовании отдельных архитектурных сооружений для украшения царскосельского парка. Так называемый Мраморный или Палладиев мост, сооружённый в Екатерининском парке в 1771 году, является прямым заимствованием с увиденного В.И. Неёловым моста в парке Стоу. Наш мост был изготовлен на Урале из разноцветного сибирского мрамора по модели В.И. Неёлова, перевезён и смонтирован в Царском Селе.

Результатом этой поездки стало составление и реализация так называемого плана Буша. В. Неёлов является автором перепланировки Большого пруда (с приданием ему естественных очертаний линий берегов), а по данным А.Н. Петрова[2] — и всех пейзажных

[2] *Петров А.Н.* Пушкин. Дворцы и парки. Л., 1969. 232 с., ил.

Originl drawing by *William Marlow*. Engraved by Paul Sandby. Kew, a view of the lake and island seen from the lawn, with the Bridge, the Temples of Arethusa and Victory and the Great Pagoda in the Royal Gardens at Kew, 1763

Etcher George Bickham. Draftsman Jean-Baptiste-Claude Chatelain. A view in the Elysian Fields, from the Spring of Helicon in the Gardens of Real Temple at Stow, in Buckinghamshire. 1740–1765

частей Екатерининского парка. Он спроектировал также ряд парковых павильонов, украсив ими берега пруда и новую пейзажную часть парка. Изменились не только очертания водоёмов, но и благодаря созданию искусственных холмов, посадке живописных групп деревьев, прокладке криволинейных прогулочных дорог, весь пейзаж приобрёл характер естественной природы.

Мраморный (Палладиев) мост.
Современное фото

Мишель-Франсуа Демам-Демартре.
Прогулка Екатерины II в Екатерининском парке.
Россия. 1770-е годы

Известно, что императрица принимала непосредственное участие не только в определении планировочных решений нового парка, но и собственноручно сажала в нём деревья. Из письма Екатерины II Вольтеру 25 июня 1772 года: «Из Вашего письма ... я с удовольствием вижу, что мои кедровые орешки дошли до Вас в целости, Вы их посадите в Ферне; я то же самое сделала с ними нынешней весной в Царском Селе. Слово это покажется Вам, вероятно, трудноватым для произношения, а между тем местность, которая им называется, я нахожу восхитительною, я там сею и сажаю... Мои кедры уже достигли высоты мизинца; каковы-то Ваши?..»[3].

[3] Переписка российской императрицы Екатерины Вторыя с г. Вольтером... С. 221.

Иванов Михаил Матвеевич.
Беседка Большого Каприза в парке Царского Села

К югу от Большого дворца возник новый архитектурно-ландшафтный комплекс, выполненный в модном китайском стиле: Большой каприз, Китайская деревня, Скрипучая беседка. Царское Село было первым и самым масштабным примером создания садовых павильонов в «китайском вкусе». На первых этапах развития пейзажного стиля такие постройки рассматривались как обязательный атрибут для каждого дворцового или усадебного парка.

Одна из характерных особенностей пейзажных парков — сооружение различных мемориий личного и исторического характера. Екатерина наполнила свой парк памятниками (среди которых колонны, обелиски, ворота), посвящёнными победам русского оружия. В 1771–1778 годах в середине Большого озера под руководством Антонио Ринальди была воздвигнута Чесменская колонна из олонецкого мрамора и гранита. Эта колонна, так же как и Морейская колонна и Кагульский обелиск, посвящены победам русской армии в турецкой войне 1768-1774 годов.

Екатерина любила прогулки вокруг озера со своими гостями. Дорожка вокруг озера была запроектирована таким образом, что во время передвижения по ней неожиданно открывались новые виды на озеро, а сооружённые вокруг него постройки и обелиски — это также одна из характерных особенностей английских пейзажных парков (цветная литография Дамам-Демартре «Прогулка Екатерины II в парке Царского Села»).

Вид на Екатерининский дворец и Термы Камерона

Не меньшее значение для царскосельского ансамбля имели расширение и перестройка дворца. Для этих работ в Царское Село был приглашен шотландский архитектор Чарльз Камерон, известный как знаток и исследователь античных римских терм. Он построил рядом с южным флигелем дворца павильон «Холодная баня» с комплексом «Агатовых комнат» на втором этаже, а также знаменитую Камеронову галерею с Пандусом, по которому императрица могла спускаться из своих апартаментов прямо в парк. Камерон очень быстро стал любимым архитектором Екатерины II и воплотил её мечту о следовании канонам античного искусства. Все его постройки в Царском Селе стали хрестоматийными и вошли в историю русского искусства.

Царствование Екатерины Великой стало «золотым веком» для английских архитекторов и садовых мастеров, работавших в России. Пейзажные парки, которые также называют английскими, украшают ансамбли Гатчины, Петергофа, Царского Села, утверждая красоту естественной природы и воспевая труд художников-садоводов, их создавших.

Б.С. Макаров
(Санкт-Петербург)

О переходе от французского (регулярного) стиля к английскому пейзажному стилю в императорских садах Санкт-Петербурга

В данной статье, на основе вновь вводящихся в научный оборот архивных документов, уточняется датировка перехода от регулярного стиля к пейзажному в императорских садах Санкт-Петербурга. Этот переход по указу императрицы Екатерины II начал главный садовый мастер всех государственных садов Генрих Эклебен (Heinrich Jacob Eckleben).

В литературе по истории русского садово-паркового искусства убедительно доказывается, что переход от регулярного (французского) стиля русских садов к пейзажному (английскому) стилю произошел во второй половине XVIII века. Итоги исследований этого вопроса приведены в монографии А.П. Вергунова и В.А. Горохова[1]. Началом этого перехода считается 1762 год: «сразу после дворцового переворота 1762 года Екатерина II распоряжается временно прекратить все работы в регулярном Новом саду (имеется в виду Царское Село. Это утверждение не подтверждается архивными документами — *Б.М.*). Уничтожаются беседки-соты с куполами в боскете Скарпир, превращается в систему небольших живописных прудов боскет «эсплац». Еще более показательно задание смягчить геометрические очертания Большого пруда, прекратить стрижку деревьев. Известно распоряжение императрицы 1762 года: «В старом и новоразведенном садах шпалернику и штамбованных деревьев не подрезывать,

[1] *Вергунгов А.П., Горохов В А.* Вертоград. Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). М., 1996. С. 155.

кроме средней дороги от двора к Армитаж, оную только с боков подстригать». Имена садовых мастеров, которые провели переход от одного стиля к другому, в указанной монографии не приводятся.

Переход совершил специалист по созданию регулярных садов Генрих Эклебен (Heinrich Jacob Eckleben)[2]. Приведём его биографические данные. В 1755 году он был нанят Никитой Акинфиевичем Демидовым (представитель третьего поколения знаменитой семьи Демидовых)[3] в качестве личного садового мастера в сад при его санктпетербургском дворце. В архивных документах не удалось найти никаких сведений о его национальности. По косвенным данным (например, он всегда выписывал себе гезелей только из Германии), можно предположить, что Генрих Эклебен был немцем. В 1755 году ему было 26–27 лет[4]. Условий его первого контракта найти не удалось, но известно, что он был заключен на срок более 2 лет[5]. 3 апреля 1757 года в возрасте 46 лет скоропостижно скончался главный садовый мастер всех императорских садов Северной столицы и сада «Лаберинт» Конрад Шрейдер[6]. Узнав об этом, Генрих Эклебен договорился со своим нанимателем о досрочном прекращении срока контракта и получил у Н.А. Демидова благоприятный отзыв о своей работе: «а в данных реченному садовнику Эклебену от хозяина ево Никиты Демидова двух аттестатах написано: обретающейся пред сим во услугах ево Демидова садовник, оной Эклебен, сколко ему Демидову известно, американские и африканские планту муза банана, ананасы и протчие ранние плодовитые ращения, по разным званиям доволных сортов, с хорошим, по искусству своему смотрением и порядочно, и исправно содержал и при том находился. Ныне ж де, по случившейся окази к приобретению далнего ево щастия, просил ево о уволнени. А по силе обязателства ево, должно было ему доживать у него до положенного срока не малое время. Но не жалая он препятствовать ему в щасти, чрез то ево от себя уволняет»[7]. 10 апреля 1757 года он подал прошение о приеме на освободившуюся должность главного садового мастера сада «Лаберинт». Руководство Канцелярии от строений удовлетворило просьбу, и 23 апреля он был принят на русскую службу на просимую должность (причем он сразу не стал

[2] РГИА. Ф. 470. Оп. 1(86/520). Д. 9. 1768. Л. 1–2, 6–6об, 8–8об.

[3] *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005. С. 156–157.

[4] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Часть 2. Кн. 110 б. 1768. Л. 263, 268.

[5] Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 413. Май 1757. Л. 26–28 об.

[6] Там же. Ф. 467. Оп. 3. Д. 31. 1754. Л. 140, *Макаров Б.С.* Петербургские садовые мастера Никита Жеребцов и Михаил Кандаков // Петровское время в лицах — 2006. Материалы науч. конф. ТГЭ (Т. 32). СПб. 2006. С. 179–180.

[7] РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 413. Май 1757. Л. 27.

главным садовым мастером всех императорских садов) с очень небольшим жалованьем в 200 рублей в год. Ему был назначен испытательный срок 1 год. Только 22 июня 1762 года Генрих Эклебен высочайшим указом императрицы Екатерины II был назначен главным садовым мастером всех императорских садов с жалованьем 500 рублей в год[8]. По представлению И.И. Бецкого главный садовый мастер всех императорских садов в конце 1765 года получил чин титулярного советника и ему повысили жалованье до 700 рублей в год. Напомним, что в то время ему исполнилось 40 лет[9]. 25 апреля 1777 года Генрих Эклебен «по полудни в девятом часу, волею Божиею, умре»[10]. Его место с 29 ноября того же года занял садовый мастер Фридрих Август Церм (H.A. Zerm)[11].

Генрих Эклебен по приказу императрицы Екатерины II начал осуществлять переход от французского стиля к английскому. Он выполнял этот указ неохотно. В 1765 году императрица приказала в Царском Селе «деревья отнюдь не стричь и не косить». Через 5 лет Генрих Эклебен докладывал, что «от того деревья многия вредятся (...), и что от необстрижения деревья будут портится» (см. Приложение № 1)[12]. Руководство Канцелярии от строений создаёт комиссию из главных садовых мастеров почти всех императорских парках с целью получить ответы на вопросы: «по общему их мнению, имеющиеся в садах смотрения их же липовыя штамбовыя деревья в минование повреждения сверху кронами стричь или скашивать со сторон необходимо ль надобно? Если же их не обстригать или не скашивать, то какой от того вред произойти может им подлинно?» Ответов комиссии на поставленные перед ней вопросы найти в архивных документах не удалось. Весной 1769 года Генрих Эклебен был отправлен в Англию «для исправления порученной по повелению Ея императорского величества комиссии». Руководство Канцелярии от строений приказало: «для надобности там дать ему астрелябию с принадлежностию. Чтоб отпустить с ним на ево содержании архитектури помошника Ивана Федоровича». Астролябия — прибор для измерения углов — и профессиональный архитектор, очевидно, потребовались ему для снятия планов пейзажных садов в Англии. Очевидно, именно в этом и состояла «комиссия» главного садового мастера всех императорских садов. Вместе с Г. Эклебеном в Англию были отправлены два его лучших ученика, только что ставших садового

[8] Там же. Ф. 467. Оп. 2. Часть 2. Кн. 112а. 1768–1774. Л. 188–191 об.

[9] Там же. Кн. 110б. 1768. Л. 263, 268.

[10] Там же. Ф. 470. Оп. 4 (101/535). Д. 67. 1777. Л. 20–20 об.

[11] Там же. Оп. 4 (983/517). Д. 267. 1777. Л. 1–6.

[12] Там же. Оп. 5. Д. 617. Июль 1771. Л. 23–23 об.

дела гезелями, Пётр Андреев и Трофим Кондратьев. В их задачу, кроме помощи мастеру, входило «доволное научение английским маниром садовничества». На время отсутствия главного садового мастера всех императорских садов сад «Лаберинт» поручался «замастеру» Гавриле Шляхтину и «при нем, находящимся ныне в том саду подмастерьям Ивану Кондратьеву, Петру Алексееву» (см. Приложение № 2)[13]. Точное время пребывания Эклебена в Англии определить не удалось. В июле следующего 1770 года он был уже в Санкт-Петербурге и получил «изустный» указ императрицы Екатерины II «в Петергофском Нижнем саду с приезду от Санкт Петербурга, где фантан Перамида месте, лежащее от горы и с морю, как по плану показано, исправить титулярному советнику и главному садовому мастеру Эклебену, по ево званию, английским манером» (см. Приложение № 3)[14]. Отметим, что к этим работам не привлекался главный садовый мастер Петергофа Василий Башловский (ранее он работал в Царском Селе)[15]. Пётр Андреев и Трофим Кондратьев ещё находились в Англии, 10 октября 1771 года они получали там жалованье. Уже 17 октября того же года русские садового дела гезели вернулись в Россию. По требованию Генриха Эклебена Пётр Андреев был определён в «Лаберинт» на место умершего подмастерья Ивана Кондратьева, а Трофима Кондратьева направили в Петергофский сад (см. Приложение № 4)[16].

Напомним, что у императрицы Екатерины II был разбитый в регулярном стиле личный сад около Ораниенбаума. Главным садовым мастером сада был Канудус Ламбертус[17]. Сведений о работах по переделке этого сада из регулярного в пейзажный найти в архивных документах не удалось. Более того, работавшие в Ораниенбауме садовые мастера Людвиг Гинтер Таттер (с 1744 по 1749 годы)[18] и Иван (Иоганн) Зейфертиц (до 1766 года)[19] никогда не занимались созданием пейзажных парков или их элементов.

---

[13] Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 48. 1769. Л. 103–104 об.

[14] Там же. Оп. 2. Часть 2. Кн. 116б. 1770. Л. 349.

[15] Там же. Кн. 112 (а). 1766–1770. Д. 3. Л. 7–7 об.; Кн. 123. 1773. Л. 28–39.

[16] Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 620. Октябрь 1771. Л. 117–117 об.; Д. 620. Октябрь 1771. Л. 180.

[17] Екатерина II. Записки. СПб., 2010. С. 200–201.

[18] РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 313. Июль 1749. Л. 133–139.

[19] Там же. Д. 518. 1764. Л. 258 об.–259; Ф. 467. Оп. 2. Часть 2. Кн. 100. 1764. Л. 274–274 об., 277а.

Из вышесказанного можно сделать выводы:

1. Инициатива перехода от одного стиля к другому принадлежит Екатерине II. Сама идея не стричь деревья в императорских парках казалась даже профессионалам — садовым мастерам, работавшим в России в то время, совершенно дикой. Тем не менее, с 1762 года начинаются первые пробные попытки введения элементов пейзажных садов в государственных парках. Екатерина II указала не стричь деревья на небольшом участке Царскосельского сада. Реализация этого указа садовыми мастерами, специалистами в разведении регулярных парков, дала противоречивые результаты (стало сохнуть больше деревьев?) По этой причине, подобные указы для других императорских садов издавались и в последующие годы.
2. Началом перехода к пейзажному стилю следует считать 1769 год — начало командировки главного садового мастера Генриха Эклебена в Англию. Отметим, что даже в 1771 году он был уверен в том, что неподстриженные деревья засыхают быстрее, чем подстриженные.

Таким образом, в начале 1770-х годов стало ясно, что для завершения перехода к пейзажным садам необходимо приглашать садовых мастеров из Англии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Указ императрицы Екатерины II главному садовому мастеру всех государственных садов Генриху Эклебену в Царском Селе «деревья отнюдь не стричьи не косить».

«1771 года июля 1 дня, по указу Ея императорского величества, Кантора строения Ея императорского величества домов и садов по репорту присудствующаго во оной господина полковника Зверева, коим представляет — титулярной де советник и главный садовой мастер Эклебен, поданным к нему господину Звереву, репортом пишет, что имеющимся в смотрении ево в саду Лаберинте галанския липовыя штамбовыя деревья прежде сего стриглись короною, а в прошлом 1765 году в мае месяце Ея императорское величество соизволила в Селе Царском ему Эклебену изустно указать, чтоб деревья отнюдь не стричь и не косить. Почему оные до ныне не стригутся и не косятся. Ныне ж оно Эклебен видит, что от того деревья многия вредятся. О том же имеется Ея императорского величества высочайшее повеление. И что от необстрижения деревья

будут портится в то же время докладывал он Эклебен господину действителному тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичу Бецкому. И просит де он Эклебен означенные деревья освидетелствовать. И когда оные от необстрижения пропадать станут, того б на нем взыскано не было. ПРИКАЗАЛИ: ведения оной Канторы состоящим здесь в Санкт Питербурге, Стрелине и Питергофе садовым мастерам немедленно снесясь (связавшись друг с другом. — *Б.М.*) между собою и единственно положа, репортовать Кантору: по общему их мнению, имеющиеся в садах смотрения их же липовыя штамобовыя деревья в минование повреждения сверху кронами стричь или скашивать со сторон необходимо ль надобно? Если же их не обстригать или не скашивать, то какой от того вред произойти может им подлинно?

Иван Зверев, Степан Микулин. Подписан того ж числа».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 617. Июль 1771. Л. 23–23 об. Подлинник.

2. Дело об отправке главного садового мастера всех императорских садов Генриха Эклебена с двумя учениками в Англию для изучения и снятия планов английских пейзажных парков.

«1769 году маия 23 дня титулярной советник и главной садовой мастер Эклебен объявил: ежели он отправлен будет в Англию для исправления порученной по повелению Ея императорского величества комиссии, то необходимо потребно ему следующее: на все росходы и содержание там переводчика, сверх жалованья, 1000 рублев. Из коих половину выдать ему здесь, а другую — перевесть туда чрез вексель. Жалованье, как за прошедшую генварскую, так и нынешнюю майскую трети, выдать ему ныне сполна.

Для надобности там дать ему астрелябию с принадлежностию.

Чтоб отпустить с ним на ево содержании архитектури помошника Ивана Федоровича с выдачею ему на оные трети жалованья. Для доволного научения английским маниром садовничества, взяты будут двое садовых учеников — Петр Андреев и Трофим Кондратьев. Из которых первой из числа тех, коих он Эклебен обучать обязался. Оных, прежде отъезда, по доброму их поведению и прилежности, произвесть гезелями с жалованьем: первому по 120, второму — по 100 рублев в год и позволить иметь шпаги на все то время, на сколко их там оставить, повелить. Которым о знании и поведении пристойные и необходимо для иностранства надобное дипломы им Эклебенои изготовлены. Ныне выдать им заслуженное по прежним, да и со дня отправления их впред на год, по новым окладом жалованье. Сперва же того на проезд и на содержание там, покуды определены будут, по 60 рублев каждому. А. по прошествии года, ест-ли еще

останутся, производить годовую сумму наперед. Все те денги должны быть золотою или серебряною монетою. Необходимо надобно дать знать пребывающему в Англии российскому министру (послу. — *Б.М.*), дабы он Эклебен с теми подчиненными ссотоять мог под его протекциею. И в случае нужд, вспомоществование и защищение имел. Для проезду из Росси, дать ему из государственной Коллегии Иностранных дел надлежащей пашпорт.

По отъезде ево Эклебена, до возвращения в Россию, ведения ево сады Лаберинт со всеми в нем служителями, строениями, деревьями, кустами и протчим препоручает он, по — надежности, способности и знанию замастеру Гавриле Шляхтину, не отлуча ево от нынешняго, порученного ему смотрения и при нем, находящимся ныне в том саду подмастерьям Ивану Кондратьеву, Петру Алексееву. Кои, в содержании дерев и протчем, поступали по данному от него писменному наставлению. А как все состоять будет на попечении и ответе Шляхтина, тоб он ныне прибавкою жалованья окуражен был. А по — приезде ево Эклебена, ест — ли все в добром порядке содержанои сохранено будет, как он Шляхтин чином, так и подмастером, прибавного жалованья не оставлен бы был. Во время сей ево Эклебена отлучки, никто б, кроме повеления господина главного над строениями Ея императорского величества домов и садов директора ни дерев, ни фркутов и других произрастеней требовать и брать не мог. И такие б, сверх означенных поверенных от него, (очевидно, пропущено: в. — Б.М.) смотрители вступать не могли. Урожаемые фрукты взносимы быть должны, означенными поверенными ево, с докладу упомянутого господина главного директора, куда повелится.

Heinrich Jacob Ekliben».

Л. 104–104 об.

«Предложение

Канцелярии от сроеней Ея императорского величества домов и садов Ея императорское величество изустно указать мне соизволила, для некоторой комиссии отправить в Англию тиутлярного советника и главного садового мастера Эклебена и с ним, для доволного научения английским маниром садовничества, дву лутчих учеников. Во исполнение сего, оного Эклебена отправить ныне без замедления с тем, чтобы он нынешним же водным путем и обратно в Россию возвратился. Для нужд ево, на прошедшую генварскую, так и на сию текущую майскую трети, жалованье, да сверх того, на все путевые и протчие росходы, в годовой ево оклад 700 рублей, не в зачет, выдать здесь половину серебряною монетою.

Послать с ним, выбранных им, садовых учеников Петра Андреева и Трофима Кондратьева. Которые, по доброму поведению и прилежности, произведены мною гезелями с жалованьем по 100 рублей каждому в год (шпаги — вычеркнуть). Коим и аттестаты о знании и поведении пристойные и для иностранства надобные, им Эклебеном, изготовлены. Ныне выдать им заслуженное жалованье, да со дня отправления их, в годовой оклад, здесь половину, а другую — так же перевесть в Лондон. И на проезд, и на протчие издержки по 60 рублей каждому. По прошествии года, ест-ли еще там останутся, жалованную сумму переводить напред.

Для надобности там, отпустить с ним Эклебеном, на ево содержании, архитектурии помошника Ивана Федоровича без вычету жалованья, с выдачею ему онаго на выше помянутые ж трети. И дать астролябию с принадлежностию. Для проезду ему Эклебену с оными людми из России, истребовать от государственно Коллегии Иностранных дел надлежащей пашпорт. По отъезде ево Эклебена, до возвращения в Россию, ведения ево сад Лаберинт со всеми в нем служителями, ситроениями, деревьями, кустами и протчим, по удостоинству ево, препоручается, по надлежащей способности и знанию, замастера Гавриле Шляхтину и при нем, находящимся ныне в том саду, подмастерьям Ивану Кондратьеву и Петру Алексееву, не отлучая ево от нынешняго, порученного ему, смотрения. Кои, в содержании дерев и протчем, поступали по данному от него Эклебена писменному наставлению. А как все состоять будет на попечении и повытье Шляхтина, то для ондражения, награждается он прибавочного жалованья. Но его производить ему с сего месяца спрежним по 200 рублей на год.

Во время сей ево Эклебена отлучки, никому, без повеления моего, из того саду ни дерев, ни фруктов и других произрастений не требовать и инее брать. И никакие служители, сверх означенных поверенных от него, вступать не могут. Урожаемые фрукты взносимы быть должны, означенными поверенными ево, по приказам моим. Маия 28 дня 1769 года».

РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 48. 1769. Л. 103–104 об. Подлинник.

3. Указ императрицы Екатерины II главному садовому мастеру всех государственных садов Генриху Эклебену о переделке участка Нижнего сада около фонтана Пирамида «английским манером». «Канторе строения Ея императорского величества домов и садов Ея императорское величество изустно указать соизволила в Петергофском Нижнем саду с приезду от Санкт Петербурга, где фантан Пирамида месте, лежащее от горы и с морю, как по плану показано, исправить титулярному советнику и главному садовому мастеру Эк-

лебену, по ево званию английским манером. Во исполнение сего, имеет упомянутая Кантора к тому ево Эклебена определить. И велеть ему, учиняя проэкты. Так же не признано-ли будет еще в какое место по другую сторону канала таким же маниром исправить за способное. А ко мне немедленно представить. Июля 5 дня 1770 году».

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Часть 2. Кн. 116б. 1770. Л. 349. Подлинник.

4. Дело о возвращении на родину, обучавшихся в Англии садового дела гезелей Петра Андреева и Трофима Кондратьева.

«1771 году октября 10 дня по указу Ея императорского величества Кантора строения Ея императорского величества домов и садов по предложению господина действителного тайного советника и ковалера Ивана Ивановича Бецкого, что по присланной ассигнации от находящагося в Лондоне господина полномочного министра статского советника Алексея Семеновича Мусина Пушкина, налдежит заплачено быть господам Велдену Бакстеру и Фридриксу, выданные в жалованье сего года по сентябрь месец и на проезд, находящимся в Лондоне от канторы строения садовым гезелям Петру Андрееву и Трофиму Кондратьеву 66 фунтов 11 шилингов и 6 пенсов стерлингов. Что, по поданному от них господ банкиров щету, и состовляет российскими денгами с провизиею 344 рубли 68 копеек на серебряные денги. А ежели оных плата воспоследует ассигнациями или медными, то требуется 355 рублев 2 копейки. Которые денги Кантора строения домов и садов, означенным банкерам имеет заплатить немедля. При котором, как присланная регинална (оригинальная. — Б.М.) ассигнация от господина Мусина Пушкина, так щет от означенных банкеров присланы. ПРИКАЗАЛИ: вследствие выше писанного предложения, означенным банкирам Вендену и Фридриксу, вместо означенных, выданных садовым гезелям Андрееву и Кондратьеву в щет их жалованья, по неимению серебряных, ассигнациями или медными, оказанные денги 355 рублев 2 копейки выдать от росходу канторского ис положенной по штатам суммы, записав в росход с роспискою».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 620. Октябрь 1771. Л. 117–117 об. Подлинник.

«1771 году октября 17 дня по указу Ея императорского величества Кантора строения Ея императорского величества домов и садов и предложению господина действителного тайного советника и ковалера Ивана Ивановича Бецкаго, что посыланные в Англию для обучения

садовничества гезели Петр Андреев и Трофим Кондратьев, по приказанию Ево Высокопревосходителства, приехали сюда обратно сего октября 4 числа. Которых бы оной Канторе определить до усмотрения по званию их и должностям. А о порядочном, в бытность их тамо, поведении, данной от господина статского советника и полномочного министра Мусина Пушкина атестат при том приложен. И, слушав репорта присудствующаго во оной господина полковника Зверева ПРИКАЗАЛИ: в следствие означенного предложения, из оных садовых гезелей у исправления по их званию должности быть: Петру Андрееву, по требованию титулярного советника и главного садоваго мастера Эклебена, на место умершаго подмастерья Ивана Кондратьева в Лаберинте; а Трофиму Кондратьеву — в Петергофских садах. Какому ж они жалованнлому окладу достойны впред, по усмотрении, Канторе репортовать».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 620. Октябрь 1771. Л. 180. Подлинник.

Б.М. Соколов
(Москва)

Книга Томаса Вейтли о британских садах эпохи Просвещения: завершить проект Екатерины Великой

В фонде № 10 Российского государственного архива древних актов, известном как «Кабинет Екатерины II», хранится сборник документов, представляющий собой проект книги, хотя и неизданной, но чрезвычайно важной для истории российской культуры[1]. Этот проект посвящен английской пейзажной системе садоводства и относится к 1771 году, то есть к эпохе решительных действий императрицы по реконструкции Царского Села и введению нового садового стиля в России.

История и состав документов, входящих в сборник, подробно исследованы Э. Кроссом, А.Ю. Веселовой и автором данной статьи[2]. В 1770 году в Лондоне был издан трактат садовода-любителя Томаса Вейтли «Замечания о современном садоводстве, иллюстрированные описаниями». Это была первая книга, ярко и систематически описывающая новую английскую систему садоводства. Она приобрела исключительное влияние потому, что была написана с позиций мыслящего наблюдателя садовых сцен, впервые привлекала к садовому

[1] РГАДА. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 1. Ед. хр. 383.

[2] *Cross A.* The English Garden in Catherine the Great's Russia // Journal of Garden History. Vol. 13, no. 3. July-September 1993. P. 178–179; *Веселова А.Ю.* Ещё раз о русских переводах английских садоводческих трактатов (из фондов РГАДА) // XVIII век. Сборник 25. СПб., 2008. С. 333–345; *Соколов Б.М.* Томас Вейтли и Екатерина II: у истоков Царскосельской плантомании // Плантомания. Российский вариант. Материалы XII Царскосельской научной конференции. СПб., 2006. С. 384–406.

делу теорию психологического воздействия на человеческие способности к ассоциации и аффектам, предлагала простую и стройную систему элементов, из которых создается художественный образ сада, парка и ландшафта[3]. В следующем, 1771 году, вышел французский вариант этой книги, подготовленный Франсуа де Поль де Латапи[4]. Она была дополнена предисловием, обширным описанием парка в Стоу и складной гравированной схемой этого парка. Именно это издание стало основой для знакомства с английским пейзажным стилем во многих странах Европы.

По всей видимости, французское издание попало в руки Екатерины II сразу после выхода в свет и подтолкнуло императрицу к решению создать сводный познавательный текст об английском стиле. В набросках сохранилось два варианта заглавия. Один из них серьёзный: «Принципы создания сада в Английском вкусе». Другой — шутливый, связанный с желанием наставить в новом «вкусе» не садовников, а хозяев столичных усадеб: «Владетелям // приморских дач [*зачеркнуто*: мыз] // по Петергофской дороге // лежащих // книга сия // в дар // приносится // от // усмотревшего // природные оных прият[*зачеркнуто*: ное]ства // и способности // для вящшаго украшения // по правилам // здесь // предписанным».

Как показала А.Ю. Веселова, «Принципы создания сада в Английском вкусе» состояли из трех частей различного происхождения. Вначале шло описание загородного дворца китайского императора, позаимствованное из письма французского иезуита Жана Дени Аттире (оно было известно во Франции с 1747 и в Англии с 1752 года): «известно что сие искусство Агличаны взаимствовали у китайцов. И для того начнем описанием Тулунханского дворца». В конце рукописи помещен фрагмент об устройстве китайских садов, взятый из первого, менее радикального трактата У. Чемберса (1757; второй трактат, поразивший читателей своими драматическими описаниями и требованием сильных эффектов в саду, вышел в 1772 году). Этот перевод подписан «Иваном Нуманом», то есть английским переводчиком на русской службе Джонсоном Ньюманом[5]. Основную часть книги должны были составить переработанные главы французского

[3] См.: *Соколов Б.* Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка // Искусствознание. 2006. № 1. С. 136–185.

[4] *Whately Th.* L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglois. Traduit de l'Anglois par Francois de Paul de Latapie. Paris, 1771.

[5] *Cross A.* Johnson Newman, a Little-known Englishman in Russian Service in the Second Half of the Eighteenth Century // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1993. No 21. P. 36–47; *Веселова А.Ю.* Ещё раз о русских переводах... С. 335.

издания Вейтли, разделенные на множество параграфов. Екатерина приняла большое личное участие в этом несостоявшемся издании: пятьсот страниц (242 листа с оборотами) заполнены ее почерком; на л. 243 об. стоит незаконченная фраза «Il faut», а листы 244–250 об. переписаны кем-то из помощников. По мнению А.Ю. Веселовой, переводчиком французского текста также был Ньюман, которому работа с двумя неродными языками далась хуже, чем прямой перевод Чемберса с английского. Возможно, эта неудача привела к задержке работы над проектом: брошюра Чемберса под названием «О китайских садах. Перевод из книги сочиненной господином Чамберсом, содержащей в себе описание Китайских строений, домашних их уборов, одеяний, махин и инструментов», вышла в Петербурге в 1771 году, а письмо в типографию от секретаря императрицы Г.В. Козицкого, касающееся сверки текста «Принципов», относится к 11 июля 1773 года.

В сборнике документов из РГАДА присутствует только небольшой фрагмент перевода из Вейтли (Л. 251–264), а сам сборник имеет сплошную нумерацию листов, в которую включена и переписка. По всей видимости, на определенном этапе проект был в буквальном смысле слова сдан в архив, рукопись же осталась в типографских делах. Тем не менее, влияние трактата Вейтли на ландшафтную культуру нашей страны оказалось очень большим. Благодаря французскому изданию Латапи императрица приняла огромный, наполненный павильонами и памятниками парк в Стоу за эталон английского стиля и использовала этот заочный опыт в Царском Селе. Питер Хейден и другие исследователи справедливо отмечали использование там множества архитектурных мотивов из Стоу — среди них палладианский мост, ростральные колонны, пирамида[6]. Не менее важен опыт в создании непрерывного пейзажа с настроением, меняющимся от сцены к сцене (это качество Царскосельского парка прекрасно описано в элегии Пушкина). Начиная с середины 1770-х годов Царское Село, в свою очередь, становится эталоном русского парка в новом, пейзажном стиле.

Книга Томаса Вейтли не утратила своей ценности и для современного читателя. Работа над ее изучением и подготовкой перевода ведется автором с 2006 года. Издание предполагается осуществить в 2016 году, к 300-летнему юбилею Ланселота Брауна, ведущего ландшафтного архитектура Британии эпохи Просвещения. Символично,

[6] *Hayden P.* The Russian Stowe: Benton Seeley's guidebook as a source of Catherine the Great's park at Tsarskoe Selo // Journal of Garden History. Vol. 19. No. 1. Spring 1991. P. 21–27.

что он начинал свою карьеру в Стоу и создал там свой первый ландшафт — Греческую долину, подробно описанную в текстах Вейтли и Латапи. В состав русского издания предполагается включить: 1) исследование об истории пейзажного стиля в Англии и о трактате Вейтли, 2) современный перевод «Замечаний...», 3) современный перевод текста Чемберса о китайских садах, 3) приложение — тексты из «Принципов создания сада в Английском вкусе», а также образцовые теоретические тексты А. Поупа, У. Шенстона, Х. Уолпола, 4) иллюстративный ряд, в который войдут гравюры и современные натурные фотографии парков Англии и России.

В приложении помещена часть главы 59 из трактата Томаса Вейтли, посвященная пейзажу Стоу, в неизданном переводе 1770-х годов из РГАДА (по предположению А.Ю. Веселовой, он выполнен Дж. Ньюманом и мог быть отредактирован Г.В. Козицким) и в современном переводе автора данной статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Томас Вейтли. Замечания о современном садоводстве, иллюстрированные описаниями (1770)
LIX. [О саде, занимающем целую заграду. Описание Стоу.]

1. Перевод на русский язык с французского перевода-посредника (*Whately Th.* L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglois. Traduit de l'Anglois par Francois de Paul de Latapie. Paris, MDCCLXXI. P. 293–301) из неизданной рукописи «Принципы создания сада в Английском вкусе» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 383. Л. 251 об.–258).
Подготовка текста и публикация А.Ю. Веселовой[7].

Все сии нарядныи предметы позорища естественны представляются лишенными своих случайностей и сопряженными с другими предметами оным свойственными. Храм дружбы недалеко оттуда отстоящий явственно виден. Внутри Елисейских полей находится храм древней добродетели и великих британских мужей. Один стоит на возвышенном месте, другой же внизу лощины близ реки. Оба они украшены грудными истуканами сих славных мужей, сделавших имя свое бессмертным в гражданских или военных чинах или учеными сочинениями. Близ храма древней добродетели возвышается морской победоносный столб, посвященный памяти капитана Гренвиля, погибшего в морском сражении.

[7] *Веселова А.Ю.* Ещё раз о русских переводах... С. 341–344.

Столько же замысловато, сколько и с стихотворством согласно, что поставлено награждение храбрости в Елисейских полях и что они украшены именами оказавших услуги отечеству и человеческому роду. Великое множество грудных истуканов и возбуждаемое ими напоминовение имеет только соответственное с очертанием позорища. Никогда уединение не считалось <*нрзб*> сладостных Елисейских полей, кои всегда описываемы были обиталищем радостных утех.

В сем подражании все обстоятельства сходствуются с утвержденными мнениями. Быстрота сего большого ручья, текущего сквозь лощину, несколько света лучей, отбрасываемых от другого ручья, соединяющегося с первым, густо зеленая трава и грудные истуканы великих британских мужей, в воде изображающиеся, отличие дерев, ясность их зелени, замысловатое оных устройство, делающее из каждого дерева особливо отменный предмет и распределяющее их по малым неравностям землелога, все сие, будучи присовокуплено к сему множеству внутренних и внешних предметов, украшающих и оживляющих позорище, распространяет тут особливую веселость, едва воображением постигается и по-видимому на высочайшую степень достигнутую.

Прилегшее к нему другое позорище, составляющее с сим совершеннейшую противуположность состоит в ольховой роще, которая есть глубоким уединением в тени погруженная и в кую самый яркий солнечный свет проникнуть не может. Воды подмывают свои берега, кажутся стоячими, но не мутными и весьма темного цвета: сие происходит от густой зелени маронных дерев и многих ольх по берегам стоящих и тенью своею воду помрачающих. Комли сих последних составляют изрядные груды, возвышаясь накось от одного кореня и пересекаясь над водами. В окружающем лесу дол часто попадаются поврежденные вязы, несовершенные ели и пни от посохших дерев. Простые сюмяки, тисы, орешник и дикое терние с некоторым количеством липняка и лавровых дерев подсед сочиняют. Лес вообще темнозеленого цвета и листье становится гуще, будучи смешано с плющом, который не токмо около дерев извивается, но и простирается по глубоким и крупным скатам землелога. Наполненная хрящем тропинка покрыта мохом. Построенный в одном конце грот, у коего внешность украшена ломаным кремнем и голышами сохраняет простотою своих припасов и темным цветом все очертания своего местоположения. Два малые круглые здания, поставленные пред сим гротом, излишны в своем глубоком уединении, которое многие сопряженные обстоятельства во мрак погружают и где одно строение с избытком довольно.

Непосредственно над ольховою рощею находится главное возвышение садов. Оно разделяется широким и глубоким суходолом на два холма, на одном из коих стоит большой готический храм. Простран-

ство пред храмом представляет обширную поляну: землелог с одной стороны, с находящимися по краям его деревами, непосредственно опускается в лощину, дом же, вдали над оными возвышающийся, наполняет промежуток. Сие пространное здание кажется из своей точки зрения знатнее, нежели в самом деле. Над деревьями и между их листьями и сучьями видно верхнее жилье, преддверие башни, перила и кровли, покрытые сланцем и беспорядочно в груды соединенные, но величественный вид имеющие, по другую сторону готического храма землелог опускается довольно отлогим скатом и гораздо продолговато донизу; который кажется со всех сторон совершенно быть орошаем.

Многие рукава реки извиваются по сей плоской поверхности во всяких направлениях. Соединение вод текущих из Елисейских полей с главною рекою внизу находящеюся, и простой деревянный мост, построенный на оной единственно для сообщения представляются в полном виде. Далее показывается сквозь несколько дерев и немного повыше воды один из дорических корпусов соответствующих передней внешности дома.

Сей корпус таким образом присовокупленный и с таковыми случайностями служит удобным обстоятельством для о сей картины тихостию и веселостью. Гульбище, которое знатнее, препровождает от готического здания к греческой лощине. От всех входов сада отменяется она своею величиною и весьма за зверинец простирается, где делается гораздо обширною. В садах извивается она от входа и все становится уже и глубже, а наконец теряется в роще позади прекрасных вязов, перехватывающих ее пределы. Изрядные леса и лесочки покрывают вдоль покаты у лощины; отверстые же места так как бы изредка преграждены отдельными деревьями, распространенными сначала в недальнем расстоянии от зверинца в весьма малом количестве и с великою осторожностию, дабы широта зверинца от того уменьшенною не казалась; но чем лощина глубже становится, тем смелее они вперед простираются по бокам вниз опускаясь, и наполнив дол составляют по местам разных фигур груды умножающих отличности пространнейших насаждений, составленных из беспрерывного леса а иногда и из открытых рощ. Часто деревья одной рощи, поднимаяся на высоких своих комлях, досягают листвием другую рощу и оставляют между собою малые отверстия, сквозь кои зверинец и сады видны.

Среди позорища на одном из углов лощины, с коего все стороны открываются, и куда по наклоненной естественно весьма широкой и гладкой плоскости всходят воздвигнут храм согласия и победы. Из одной точки зрения с удивлением видим величественную переднюю внешность, составленную из шести конических столпов, подпирающих лицевую верхушку, украшенную половинною возвышенною работою и

уставленною истуканами: все прочие точки представляют в удаляющемся и <нрзб> виде прекрасный перистиль, у коего на каждой стороне по десяти великолепных столпов. Сей предмет впечатлевает очертания величественности во всем его окружающем и исполняет душу некоторым родом удивления и почтения, распространяющемся по совокупному, не имея при том ничего мрачного и унылого, но напротиву того в производимых им чувствованиях рождает больше приятности, нежели печали. Вод тут нет, кои бы позорище украшали, ниже дальностей, которые бы его обогащали. Все его части обширны: можно сказать, что предприятие сие высокое и исполнение благоустроенное. Оно от всех посторонних убранств независимо и сохраняется собственною своею великостью.

Описанные теперь позорища суть самые прекрасные и лучше всех очертаны; но сады заключают множество других, коих многочисленные и различно сложенные предметы производят самые отличнейшие действия и иногда на малых очень расстояниях. Сии действия рождаются всегда от неравности землелога и от разнообразных насаждений и строений. Часто охуждали большое количество сих последних так, как один из пороков Штов и должно признаться, что они покажутся гораздо многочисленными новому человеку, который увидит в два или три часа от двадцати до тридцати первостатейных зданий, смещенных с другими не столь знаменательными. Но леса, становяся все лучше, уничтожают нечувствительно сей порок, скрывая здания и препятствуя, чтоб толикое число вдруг не открылось. Каждое служит к украшению свойственного ему позорища; и когда их порознь рассматривать в разные времена и при досуге, то трудно определить, какое бы из них было излишно. Я также соглашаюсь, что столь умноженные строения разрушают идею о безмолвии и о уединении. Штов имеет очертанием только великолепие и надменность. Он таков как сии славные места древности, посвященные вере и наполненные таинственными рощами и освященными источниками. Великолепие и великость Штова не всюду смешаны с приятностию, красотою, преизяществом.

Среди всех сих убранств, кои можно употребить в саду сего рода, обыкновенное поле или поскотина служат иногда приятным отдохновением; да и самые дикие позорища в некоторых положениях могут быть тут кстати. Признаюсь, что по строгости рассуждая, они не принадлежат к частям сада, но могут включены быть в его окружность, и ежели поставлены в соседстве с прибранными позорищами, то послужат к умягчению в прехождениях от одного к другому, причем перемены всегда состоят в нашей власти. Сему преизящному обрабатыванию, нужному для случайностей дома недоставало бы некоторого совершенства, ежели б тут не было видно следов других очертаний, хотя б то и по весьма малому размеру. Все роды имеют столько

между собой общих вещей, что часто можно их смешивать с успехом, всегда же поставлять на краях удобно.

2. Перевод с оригинального издания (*Whately Th.* Observations on the Modern Gardening, Illustrated by Descriptions. London, MDCCLXX. P. 219–227). Пер. с англ. Б.М. Соколова.

Таковы главные сцены с одной стороны сада; с другой, близкой к находящемуся перед домом партеру, расположена уже упомянутая извилистая долина; ее нижняя часть принадлежит Елисейским полям; они орошаются чудесной речушкой; полны света и воздуха, настолько тонки разбросанные вокруг деревья; с одной стороны они открываются к большему полноводью и простору; и граница их часто прерывается, чтобы дать место отдаленным предметам, которые выглядят еще более далекими благодаря способу показа. Вход через дорическую арку, форма которой совпадает с просветом среди деревьев и образует род видовой аллеи, сквозь которую мост Пемброка внизу и лоджия, построенная наподобие замка среди парка, видны в чудесной перспективе; мост стоит на одном краю сада; колонна королевы на другом; и тем не менее оба видны с одного и того же места на Елисейских полях; и все находящиеся вовне предметы естественно введены в сцену, лишены своих собственных прав и связаны с теми, что расположены здесь; храм дружбы также виден прямо за границей этой области сада; а внутри ее расположены храмы античных добродетелей и выдающихся британцев, один на возвышенности, другой внизу в долине, около воды; оба украшены изваяниями тех, кто был отмечен военными, гражданскими или литературными заслугами; и около первого из них стоит ростральная колонна, посвященная памяти капитана Гренвиля, павшего в морском сражении; поместить похвалы доблестям на поля Элизиума и наполнить их изображениями тех, кто заслужил признание человечества, идея в равной степени верная и поэтическая; и количество образов, показанных либо потревоженных здесь, соответствует настроению места; уединение никогда не относилось к достоинствам Элизиума; его всегда изображают обиталищем счастья и радости; и в воспроизведении его каждая деталь согласуется с общепринятой идеей; живость потока, текущего через долину; блики еще одного, готового с ним слиться; веселая зелень дерна; и каждый из бюстов выдающихся британцев, отражающийся в воде; разнообразие деревьев; сияние их листвы; ее расположение; все это приметные подробности, рассыпанные по легким неровностям рельефа; в соединении с разнообразием предметов внутри и снаружи, украшающих и оживляющих сцену, они сообщают ей веселость, которую едва ли сможет породить воображение, или пожелает превзойти сердце.

Недалеко от этого места, составляя полную противоположность ему, находится ольховая роща, стоящая в глубокой впадине, в гуще тени, которую не в силах озарить даже сияние полдня; вода производит впечатление стоячего пруда, затопившего свои берега, она обладает особым цветом, не грязным, а скорее нечистым, и тускло отражает коричнево-серые краски конских каштанов и ольховых деревьев, теснящихся у края; стволы последних, растущие по нескольку из одного корня, угнетают друг друга и клонятся к воде; в лесу, заполняющем впадину, то и дело встречаются кривые вязы и косматые ели; между ними оставлены стволы мертвых деревьев; а грубый сумах, тис, а также бузина, орешник, остролист образуют подлесок; сюда прибавлено несколько лип и лавров; но их немного; в лесу преобладают темнейшие оттенки зеленого; и листву делают гуще побеги плюща, которые не только обвивают деревья, но и ползут по уклонам почвы; уклоны эти круты и обрывисты; гравийная дорожка поросла мхом; и находящийся в дальнем конце грот, отделанный осколками кремня и булыжником, сохраняет присущую этим материалам простоту и сумрачность окраски, которая вполне соответствует обстановке; две небольших ротонды около него здесь не к месту; одной постройки вполне достаточно для подобной уединенной сцены, где ощущается совместное воздействие даже большего числа мрачных подробностей, чем их было здесь собрано в действительности.

Сразу за ольховой рощей находится самая значительная возвышенность сада; глубокая ложбина разделяет ее на две вершины, на одной из которых стоит большой Готический дом; пространство перед этой постройкой занято широким лугом; рельеф с одной стороны сразу обрывается ложбиной; деревья уходят вниз вместе с почвой, дом возвышается над ними и заполняет разрыв; громада здания кажется больше, чем она есть; ибо она дана в перспективе, а посреди и поверх крон деревьев верхний этаж, галереи, башенки, балюстрады и чешуйчатые крыши предстают в величавом смешении; с другой стороны Готического дома рельеф спускается длинным пологим склоном до самой долины, на вид прекрасно орошенной; несколько потоков блуждают по ней в разных направлениях; слияние того, который протекает по Елисейским полям, с другим, находящимся ниже него, полностью видно; и простой деревянный мостик, перекинутый через последний и служащий не более чем переходом, придает реке настроение реальности; вдали дорический портик, какие ставятся на фасадах домов; но сейчас он один; он стоит на низком берегу над водой, и его вид осенен деревьями, стоящими ближе к воде; подобное расположение и сопровождение делает портик счастливой случайностью, согласующейся со другими деталями, придающими этому пейзажу веселость и прелесть.

От Готического дома широкая дорожка ведет к Греческой долине, сцене, обладающей большим величием, чем какая-либо другая; она входит в сад со стороны парка, сначала раскидываясь весьма широко; потом вьется; становится уже, но глубже; и, наконец, теряется в зарослях, среди высоких вязов, скрывающих окончание долины; красивые леса и рощи спускаются со склонов на всем их протяжении; а открытое пространство разделено отдельно стоящими деревьями, которые ближе к парку размещены осторожно и экономно, чтобы панорама не была сужена ими; но по мере углубления долины они более смело спускаются по склонам, распространяются то вдоль, то поперек низины, и иногда образуют группы и формы, которые увеличивают разнообразие основных насаждений; это порой чащи, порой редкие рощи; в первых деревья тянутся вверх своими длинными стволами, во вторых стелются вниз по долине; и между ними есть просветы то в парк, то в сад. Посреди сцены, как раз на изгибе долины, главенствуя над обоими ее концами, на крупном, пологом, естественном возвышении поставлен храм согласия и победы; с одной точки зрения виден его величавый фронтон с шестью ионическими колоннами, выше которого фронтон с барельефами, по углам увенчанный статуями; с другой уходит вдаль прекрасная колоннада о десяти высоких колоннах; храм виден отовсюду и, распространяя вокруг себя атмосферу достоинства, вносит в сцену благоговение; но его не сопровождают ни мрачность, ни меланхолия; чувства, которые он вызывает, скорее безмятежные; но полные уважения, восхищения и торжественности; нет ни воды, оживляющей сцену, ни дальних видов, обогащающих ее; части сцены крупны; ее идея возвышенна; осуществление удачно; она вовсе не зависит от случайных обстоятельств; и лишь себе обязана своим величием.

Описанные сцены выбраны по причине их выдающейся красоты либо особого характера; но в саду их гораздо больше; и даже предметы внутри них, по разному сочетаясь, меняют свое воздействие в пределах нескольких шагов, благодаря неровности рельефа, разнообразию растительности, и множеству построек; количество последних нередко ставилось в упрек Стоу; и подлинно, когда посетитель осматривает их все, двадцать или тридцать значительных сооружений, в течение двух-трех часов, да еще в смешении с другими, низшего достоинства, то их кажется слишком много; но разрастающиеся рощи с каждым днем смягчают этот недостаток, все более отделяя постройки друг от друга; каждая из них принадлежит законченной сцене; и если рассматривать их отдельно, в разное время и на досуге, то трудно решить, какая же лишняя; хотя все же следует признать, что их частота полностью нарушает идеи безмолвия и уединения; великолепие и блеск в характере Стоу; сад подобен одному из прославленных в древности мест, которые были посвящены религии и наполнены

священными рощами, чудесными источниками и храмами сразу нескольких божеств; которые были целью для отдаленных народов; и предметом поклонения половины языческого мира; в Стоу это величие соединено с красотой; и место в равной степени отмечено приятностью и величием.

Посреди столь многих украшений, которые можно поместить в садах этого вида, простое поле или овечья тропа порою дадут приятное отдохновение; и можно иногда отвести здесь место и сценам более дикого характера: они, вне сомнения, не являются подлинной частью сада, но могут разместиться на его краю; и их близость к сценам украшенным создает, по крайней мере, возможность для легкого перехода от одной к другой, и выбор всегда остается за нами; ибо, несмотря на то, что участок, в высшей степени ухоженный, необходим для празднеств, все же лишь место, совершенное во всех отношениях, не нуждается в других характерах; если нельзя создать их в крупном масштабе, они приемлемы и в меньшем; и всем им присуще так много общих черт, что их часто можно соединить; и они всегда граничат друг с другом.

И.Г. Степаненко
(Санкт-Петербург)

Диалог культур в русском пейзажном паркостроении: английские садовые мастера Иоганн и Иосиф Буши

Британские садовые мастера Иоганн и Иосиф Буши занимают почётное место в истории русского садового искусства. Старшего Буша называют «самым известным садовником XVIII в.»[1], а младшего — одним из лучших садовых мастеров XIX века[2], «художником по части садоводства»[3].

Иоганн Буш, по происхождению ганноверский подданный, обучался профессии в Германии, Голландии, Англии. В Лондоне он занимался разведением на продажу экзотических растений, получил известность благодаря своему каталогу растений и широко снабжал садоводов разных стран редкими семенами, привозимыми из Америки[4]. Его питомник какое-то время считался наилучшим, и благодаря ему Буш стал главной фигурой в развитии ландшафтного дизайна в Германии. Поставляя экзотические растения, гравюры с изображениями садов и инструкции, как их устраивать, он превратился в «учителя садовников» и иногда выполнял для них роль гида по лучшим паркам Англии. Буш выделяется среди прочих садовых масте-

[1] *Хейден П.* Русские сады и парки. Тверь, 2009. С. 82.

[2] *Петров А.Н. и др.* Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1958. С. 99.

[3] *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. М., 1899. Т. 1. С. 283.

[4] В Лондоне Буш вёл обширную переписку (которую не прекратил и в России) и получал семена и экзотические растения от своих корреспондентов со всех концов света. *Koehler M.* Wenn wir erst einem ins Wilde angelegten Garten zu sehen gewohnt sind... // Die Gartenkunst. 1993. Bd. V. S. 113–114.

ров и тем, что был в дружеских отношениях с английскими и немецкими аристократами[5].

Для нас имя Буша-старшего прежде всего связано с Царским Селом. Удивительно, что до сих пор не выяснен вопрос, является ли он автором планировки одного из первых пейзажных садов России — «английского» сада Екатерины II. Автором называют и Буша, и В. Неелова, даже императрицу, а в числе её «соавторов» — Ринальди и Бецкого. Можно принять во внимание высказывание де Сивиньи, что сама Екатерина Великая была инициатором концепции Царскосельского сада, в то время как Буш был виртуозным исполнителем её планов[6].

Однако в некоторых публикациях Бушу отводится скромная роль помощника В. Неелова и работавшего под его началом старого русского садовника Т. Ильина[7].

Крупнейший специалист в области строительства садов Т.Б. Дубяго, в отличие от всех других авторов, высказала радикальное мнение, что именно Бушу было поручено составление проекта английского сада и выполнение его в натуре, а участие Неелова сказалось только на отдельных павильонах[8].

Дело усложняется и тем, что от архитектурной графики Бушей не сохранилось ничего, кроме превосходно исполненного Иосифом Бушем плана сада, который Буш-старший посвятил императрице при своём отбытии на родину. В то же время во множестве экземпляров сохранились подписанные всеми тремя Нееловыми парковые планы, которые им, в качестве архитекторов Царскосельского Дворцового правления, многократно приходилось исполнять и копировать по требованию императрицы. Полностью принять точку зрения Дубяго не позволяет лишь тот факт, что в первоначальный период создания сада были выполнены ландшафтные элементы, которые Буш позже уничтожил.

Общеизвестно, что с середины 1750-х годов Екатерина II начала увлекаться разведением садов, и её интерес к садам в «новом вкусе» превратился в настоящую страсть. Предпринятая в Ораниенбауме, с помощью Ринальди, попытка создать такой сад показала острую необходимость в специалистах. Екатерина начала отправлять в Англию русских учеников и приглашать к себе английских садовников.

---

[5] *Хейден П.* Указ. соч. С. 82, 84.

[6] *Sivignie P.* Description objects les plus remarquables de St. Petersbourg et de ses Environs. SPb., 1816/17. P. 145.

[7] *Балог Г.П., Гладкова Е.С. и др.* Музеи и парки Пушкина. Л., 1969. Л. 22.

[8] *Дубяго Т.Б.* История Екатерининского парка в Царском Селе. 1946. Л. 60–61. Фонд рукописных материалов ГМЗ «Царское Село». Инв. № НВК 440.

В 1760-е годы, после того как она подарила Гатчину Г. Орлову, возникло желание украсить резиденцию фаворита и свою царскосельскую «аглицкими» садами. В Гатчину императрица направила двух самых первых приехавших к ней садовников-англичан — братьев Спэрроу, а в Царском приказала местному главному архитектору В. Неелову сделать план «прудков и канальцев» на расположенной южнее дворца территории, где в низинках постоянно скапливалась вода.

После того, как летом 1770 года прудки и канальцы были вырыты, императрица отправила Неелова в Англию поучиться устройству садов. Т.Б. Дубяго предполагает, что первоначальный замысел, осуществлённый в 1770 году, отражён на плане 1768–1769 годов и что именно этот план с его «беспомощными завитками», нарисованными «неопытной рукой» и ещё без единой парковой постройки — «первая беспомощная попытка создать сад в новом, незнакомом стиле»[9] — был сделан Нееловым перед отъездом в Англию[10]. Вероятно, этот план, действительно, отражает первоначальный замысел.

В том же 1770 году родился замысел установки в создаваемом саду памятников целой серии блистательных побед России над Турцией, одержанным летом этого года, и определился его уникальный характер как мемориала русской славы. Одновременно было начато сооружение Малого каприза, который насыпался из земли, вынимаемой из «прудков», а на Урал были отправлены для скорейшего изготовления чертёж и модель палладианского моста, место для установки которого, несомненно, было уже определено. Велика также вероятность, что уже было принято решение переделки геометрического Большого пруда в пейзажное озеро (очертания которого весьма напоминают очертания Средиземного моря — арены русских побед над турками).

Первоначальный план сада определенно имел англо-китайский характер, с резкими и вычурными линиями водоемов, хаотичными бессистемными посадками, отсутствием логичной и функциональной дорожной сети[11]. Можно предположить, что он оформился в 1771 году, по возвращении В. Неелова летом 1771 года из Англии, после его полугодового отсутствия. На плане показано множество задуманных, но не осуществленных сооружений, многочисленные «готические» и «китайские» постройки. К этому чертежу восходят многие известные планы Царского Села 1770-х, причём ни один из

[9] *Дубяго Т.Б.* Указ. соч. Л. 66.

[10] РГВИА. № 22774.

[11] Наиболее выразительно выглядит вариант плана в исполнении инж. Э. Карбонье. РГВИА. № 22766.

них не является фиксационным, но все в различной степени носят проектный характер[12].

Необходимо отметить, что автор планировки был весьма скован условиями местности, границами. При устройстве сада приходилось сообразоваться с уже имеющимися водоёмами и занимавшей гигантскую площадь барочной Катальной горой.

Создание на небольшой и неудобной территории настоящего пейзажного английского сада потребовало огромного мастерства. Именно на плане Буша подробно и виртуозно показана разработка берегов водоёмов, функциональная и лаконичная сеть дорожек, мастерское расположение растительных групп, создающих систему видов и длинных перспектив»[13]. По мнению Дубяго, «ландшафты Большого пруда «построены согласно лучшим традициям проектирования пейзажных парков» и сам план Буша следует считать основным графическим документом по истории строительства английского сада, с чем нельзя не согласиться[14]. Тем не менее, строительство сада началось за несколько лет до появления мастера в России.

19 января 1771 года Буш подписал контракт, согласно которому обязался везде, где будет приказано, сочинять и рисовать планы садовых планировок, с указанием назначенных построек, исполнять их, а также обучить учеников. Оговаривалось, что при нём будут находиться два помощника, один из которых его старший сын «одинакового с ним искусства»[15]. Жалованье, помимо прочего содержания, ему было назначено в размере 1,5 тыс. руб., в то время как русский садовый мастер получал не более 400 руб, а главный царскосельский архитектор В.И. Неелов максимальную сумму в 1 тыс. руб.[16]

В момент приглашения предполагалось, что Буш будет содержать сады в Коломенском[17], однако его направили в Ораниенбаум, где он продолжил привычную деловую переписку, возобновил деятельность по собиранию коллекции редких растений и сразу принялся рассы-

---

[12] Напр., РГВИА. № 22779, 22770 и др. Показана даже такая затея, как Китайская деревня, к осуществлению которой приступили только через 10 лет.

[13] Фонд архитектурной графики ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-19-XII. Факт посвящения плана императрице уже сам по себе свидетельствует о том, что и сам Буш, и Екатерина II считала его автором сада, иначе это подношение теряет смысл.

[14] *Дубяго Т.Б.* Указ. соч. Л. 65, 72.

[15] Текст контракта приведён: Дубяго Т.Б. Указ. соч. Л. 60–61. Он также имеется в АВПРИ (см.: *Cross A.* By the banks of the Neva. Cambridge, 1997. P. 443 (fn. 39)).

[16] РГИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. 1762–1765; Ф. 467. Оп. 2. Д. 1. 1762–1766. Л. 1475.

[17] *Cross A.* Op. cit. P. 271.

лать их экземпляры своим прежним покупателям[18]. Одному из них, лорду Ковентри, Буш успел послать, находясь в Ораниенбауме, целую русскую коллекцию.

При его приглашении в Россию оговаривалось, что он привезёт с собой растения из своего питомника. Бушу удалось привезти партию редких растений — «разного звания заморские деревья и произращения»[19].

В сентябре 1771 года Буша перевели в Царское Село. Екатерина повелела дать ему «пристойную квартиру» и обязала царскосельскую Контору выполнять все его требования[20].

В этот первоначальный период важнейшей была работа Буша с растениями. Он решительно и энергично взялся за дело, быстро организовал при теплицах свое отдельное оранжерейное хозяйство, где не только адаптировал привезенную им коллекцию, но и выращивал редкие растения из семян, которые привозились и присылались со всех концов России и передавались ему по приказу императрицы. Он вытребовал себе значительный штат помощников и рабочих, построил новую огромную каменную теплицу. За рубежом, в том числе и в своем бывшем питомнике, он в больших количествах заказывал фруктовые саженцы, цветущие кустарники и цветы, которые высаживал и сам, и передавал для посадок царскосельскому и гатчинскому садовникам. Причем места посадки роз и сирени на горках, которые потом были срыты, императрица сама указывала своему садовнику Т. Ильину[21]. Много внимания Екатерина уделяла выращенным Бушем из семян кедрам, а результатами этих необычных опытов оживленно делилась с Вольтером[22]. Известно, что Буш насадил в английском саду лиственницы разных видов, которые он высоко оценил и охотно использовал в других своих садах. Садовый мастер Д. Мидер отмечал, что в саду выращивается необычайное для этого климата разнообразие растений[23].

---

[18] Продолжая и в России заниматься продажей растений и семян, Буш вместе с Мидером стали членами товарищества по торговле английскими товарами. *Рейман А.Л.* Английские садовые мастера в России // Россия – Англия. Страницы диалога. Материалы 5-й Царскосельской научной конференции. СПб., 1999. С. 29.

[19] РГИА. Ф. 487. Оп. 17. Д. 999. 1771–1785. Л. 2; Ф. 468. Оп. 1. Д. 3887. 1771. Л. 148, 166.

[20] Там же. Л. 1.

[21] Там же. Ф. 487. Оп. 17. Д. 999. 1771–1785. Л. 8, 9, 11, 17, 18, 77.

[22] Летом 1772 г. императрица писала Вольтеру, что находит Царское чудным местом, потому что она здесь сажает и сеет и что её кедры уже ростом с мизинец и спрашивает, каковы его. (Письмо от 26 июня/6 июля 1772 г. // Сборник ИРИО. Т. XXIII. СПб., 1878. С. 158).

[23] *Хейден П.* Указ. соч. С. 87.

Буш восстановил в Царском Селе культуру выращивания ананасов и вознёс её на небывалую высоту (причём ананасы он вывез из своего питомника). До конца своего пребывания в Царском Селе он продолжал неуклонно расширять и совершенствовать оранжерейное хозяйство, модернизировать старые и строить новые теплицы. Баронесса Димсдейл тогда записала, что «здесь великое множество теплиц для всевозможных фруктов, и она думает, что самые вкусные дыни, которые она когда-либо ела — это выращенные Бушем, также в изобилии очень хорошие арбузы, персики и нектарины»[24]. Успех определялся скрупулёзным уходом, причём наибольшее значение придавалось постоянству правильного теплового режима, за которым Буш следил лично и не доверял никому, кроме своих сыновей или помощников-англичан.

Одновременно Буш составил проект сада для Гатчины, осуществлял который Д. Спэрроу[25]. В это же время по проекту и под руководством Буша создавался сад в Пулкове. Этот сад, с его извилистыми тенистыми гравийными дорожками поразил императрицу, и она признала, что это именно то, чего ей давно хотелось[26].

Возможно, предпринятое в это время в царскосельском английском саду укрупнение и углубление прудков и канальцев, изменение рельефа их берегов и островов осуществлялось не без участия Буша в качестве советчика императрицы, однако официально за все работы в садах отвечал В. Неелов, а «по садовой части» в Старом и английском садах — садовый мастер Т. Ильин. К 1 января 1775 года он был отправлен в отставку, и Буш уже официально получил «в полную власть» сады с оранжереями, теплицами, подмастерьями, садовыми учениками и рабочими. В. Неелову было приказано передать в его ведение «новоразводившийся сад» и назначение работ в нём. Бушу было разрешено употребить в помощь своего «другого искуснейшего сына, получающего жалованье по тому же искусству», или кого-то из подмастерьев англичан. С 1781 года Буш получил в свою «дирекцию» и остальные царскосельские сады, с принадлежащими к ним теплицами и оранжереями, включая Баболовский, который он распланировал в середине 1770-х годов[27].

С 1775 года Буш начал подавать требования на оплату земляных и прочих работ, выполненных под его присмотром, и, судя по суммам,

---

[24] An English Lady at the Court of the Catherine the Great. The Journal of Baroness Elisabeth Dimsdale, 1781 / Edited by A.G. Cross. Cambridge, 1989. P. 71.

[25] *Хейден П.* Указ. соч. С. 128.

[26] *Loudon J.C.* An Encyclopedia of Gardening. London, 1834. New edn. Цит. по: *Rae I.* Charles Cameron Architect to the Court of Russia. London, 1971. P. 41–42.

[27] *Дубяго Т.Б.* Указ. соч. Л. 63, 64, 70, 184.

объём этих работ был колоссальным. Он вёл их так, как привык это делать в Германии и Англии: стремительно выполнял пожелания заказчика, сам нанимая необходимое для этого количество «вольных конных и пеших людей»[28]. На первых порах деньги за выполненные работы выдавались по его запискам без задержек, даже когда он требовал их до семи раз за год. Этим он нарушал устоявшийся порядок, когда об устном указании императрицы необходимо было донести в Контору, потом получить оттуда официальное уведомление, потом составить смету и чертеж, по которым в Контору ассигновались деньги, и только после этого можно было приступать к работе[29]. Нетерпеливая императрица, как ни странно, иногда годами вынуждена была ожидать исполнения своих повелений.

В саду возникли новые планировочные решения, которых не было на планах Неелова, были заново распланированы практически все районы английского сада, изменены их рельеф и объемно-пространственное решение. По желанию Екатерины были внесены и некоторые изменения в регулярные сады.

В этот период Буш был, что называется, вхож к Екатерине, «демократичнейшая» императрица дружелюбно беседовала с ним о садовых предметах (притом на родном языке), а иногда, вооруженная лопаткой, давала указания прямо в саду. Баронессу Димсдейл сильно удивило это особое положение обыкновенного садовника, в доме которого она встречала самых высокопоставленных особ. Можно предположить, что Буш действительно заслужил это доверие императрицы, и она оценила его знания и воображение, практические навыки, его такт, дар общения и артистизм. Все это говорит о нем как о человеке незаурядном, талантливом, на деле доказавшем свои возможности. Екатерина была очень довольна Бушем именно потому, что он сумел создать для неё именно такие сады, о каких она долго и безуспешно мечтала.

То, что сад получился безусловно английским, признавали и сами британцы. Так, леди Димсдейл записала, что парк разбит в настоящей английской манере и являет собой весьма приятное сочетание рощ, лужаек и дорожек из гравия[30].

Где-то сразу после 1777 года, когда работы по созданию английского сада в Царском Селе были, в основном, приведены к оконча-

---

[28] РГИА. Ф. 487. Оп. 17. Д. 999. 1771–1785. Л. 35, 39, 44, 46, 48, 50, 52, 57, 59, 68, 69, 70, 74 и др.

[29] Обязательно издавалось Высочайшее повеление, все разрешения царскосельская Контора получала через Гоф-интендантскую, хотя иногда экстраординарные суммы выдавались по записке императрицы.

[30] An English Lady at the Court of the Catherine the Great... P. 54, 71.

нию, Буш приступил к благоустройству острова в дельте Невы, только что приобретённого его шефом Елагиным у Потёмкина. Весьма вероятно, что делом его рук явилось создание для защиты от наводнений земляного вала вокруг острова и его осушение путем рытья прудов и каналов. Исходя из примера Царского Села, можно сказать, что такие работы были вполне обычны для Буша и вообще для английских садовников, которые часто коренным образом преобразовывали территорию, где им поручалось возвести сад. Именно такие работы он производил и в царскосельском саду. Выкопанная земля шла на подсыпку в низких местах, насыпку «гор». Также Буш мог заниматься на Елагином оранжереями и зимним садом, в котором отмечали пейзажную планировку и «множество чужестранных растений». К югу от дворца Буш распланировал пейзажный сад, названный, после того как его сын Иосиф создал рядом новый, «старым пешеходным английским садом»31. Как и в Царском Селе, главную роль в композиции сада получила вода.

Имеются отдельные сведения о работе Буша в Павловске и других местах[32]. Он разбивал сады при подготовке Потёмкиным к шествию Екатерины II в Крым (1784–1785). Начатые им работы по планировке парка при дворце в Пелле (ок. 1789) продолжил его младший сын Иосиф[33]. Иосифа привезли в Россию 11-летним ребёнком. Видимо, обучение под началом отца и старшего брата, участие в разбивке царскосельских и других садов стали для него превосходной школой. Будучи энергичным и инициативным от природы, он успешно впитал преподанную ему на практике садовую науку.

Официально Иосиф приступил к работам в садах с 1778 года. Осенью 1783 его почти на год отправили в Англию с заданием осмотреть все примечательные парки и привезти и большую коллекцию деревьев и растений[34]. Со следующего года начались несчастья: семья потеряла своего второго сына — Джона, затем Буш лишился жены — Анны, а также подвергся унизительным репрессиям со стороны царскосельских чиновников, которых раздражала его независимость[35].

В начале 1786 года Буш отправился на год в Англию, все обязанности во время его отсутствия успешно исполнял Иосиф. Через год

---

[31] РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 126. Л. 409.

[32] *Немчинова Д.* Елагин остров. Л., 1982. С. 9, 16.

[33] О Пелле императрица сказала, что «здание прекрасное и сад не терпит колифише (безделушка, украшение), всё надобно en grande (сама изволила работать с молодым Бушем). Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. 44.

[34] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Разряд IV. Оп. 1. № 999. Л. 58 об.

[35] РГИА. Ф. 487. Оп. 17. Д. 999. 1771–1785. Л. 83, 97.

после возвращения, в 1789 году, старшего Буша злокозненно обвинили в худом состоянии «оранжевых дерев» и, хотя ему удалось оправдаться, все эти участившиеся «военные действия», вероятно, переполнили чашу его терпения, он отошёл от дел и уехал с семьёй в Англию.

Буш преподнёс императрице посвящённый ей план царскосельского сада, исполненный Иосифом, а Екатерина до его последних дней выплачивала своему садовому мастеру жалованье, которое после смерти отца стал получать уже Буш-младший, с включением его собственного жалованья в 300 руб, за которое он в течение 6 лет исполнял все отцовские обязанности, поскольку после отъезда отца остался его преемником и был утвержден в должности главного садовника[36].

В Екатерининском парке он выполнил значительные работы по перепланировке, связанные с постройкой Камероном Пандуса и разборкой Катальной горы, заново распланировал пространство к югу от Камероновой галереи, создав один из наиболее впечатляющих парковых ландшафтов, выполнил планировки других районов[37].

Ещё при Екатерине Иосиф Буш, распоряжаясь всеми царскосельскими садами, распланировал небольшой сад вокруг строящегося Александровского дворца. Округлость и плавность очертаний дорог и прудов, непринужденно вписанных в трапециевидный участок, характерны для его почерка[38]. Эту планировку называют одним из высших достижений русского паркостроения конца XVIII века[39].

Вслед за созданием этого сада и как продолжение работ по нему возникла необходимость превращения в пейзажный парк территории всего царскосельского Зверинца и присоединенных к нему крестьянских полей.

Можно с уверенностью предположить, что замысел планировки огромного парка, простирающегося до Египетских ворот, осуществленного в натуре А. Менеласом, принадлежит И. Бушу, хотя не сохранилось подписного изначального проектного плана этого парка (как и другие его планы, потому что они были рабочими), имеется только несколько планов, изготовленных для представления императору, однако все они восходят к одному, не сохранившемуся плану. Об изначальном авторстве Буша свидетельствует единая для всего сада система дорожек и полностью разработанная ландшафтная

[36] Там же. Оп. 19. Д. 1880. 1810. Л. 42 об., 68, 158, 166 об, 209, 254, 307 об, а также *Дубяго Т.Б.* Указ. соч. Л. 93, 189.

[37] *Яковкин И.Ф.* История Села Царского. Ч. 3. СПб., 1831. С. 491.

[38] *Дубяго Т.Б.* Указ. соч. Л. 94, 190; РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2767. Л. 23.

[39] *Петров А.Н.* Пушкин: Дворцы и парки. Л., 1969. С. 106–107.

планировка новой территории, а также широта и единство замысла, логичность связи всей частей, профессионализм подхода, наконец, его статус главного мастера всех царскосельских садов.

Расширение территории садов требовало увеличения расходов на их содержание. Для разрешения проблемы с оплатой счетов был создан особый Комитет, который положил на содержание садов, теплиц, огорода сумму, почти в два раза меньшую той, что требовалась по подсчётам Буша. Поскольку Буш не согласился с этим, последовало его увольнение от службы. Когда его отставка была уже решена, комитет всё же пришёл к мнению, что сумма действительно является недостаточной[40].

Если по парковым работам в Царском Селе имеются лишь отрывочные сведения, то свойственную Бушу масштабность, стремительность и чёткую организованность являют его работы 1816–1826 годов на Елагином острове[41], где они проводились методично, последовательно и с громадным размахом. Он решился здесь на «просто небывалый» объём земляных работ, напомнив то, что в своё время проделывал английский садовник Ланселот Браун, который наполовину всерьёз предполагал перепланировать всю Англию. Современник Буша садовый мастер М. Колл сказал, что «этот парк остаётся самым прекрасным самостоятельным творением Джозефа Буша»[42].

Известно, что Буш планировал ещё многие сады Петербурга и находился на императорской службе до 1833 года.

---

[40] РГИА. Ф. 487. Оп. 19. Д. 1880. 1810. Л. 455, 456 об, 509, 510, 559, 611, 626, 631.

[41] Там же. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 1. Д. 532. Л. 40.

[42] *Cross A.* Op. cit. P. 274, 443 (fn. 56); Call M. History of the First Introduction of the Modern Stile of Laying out Grounds into Russia // Gardener"s Magazine. 1827. Vol. II. P. 387.

А.Д. Марголис
(Санкт-Петербург)

Памятник британской архитектуры конца XIX века в Царском Селе (дача вел. кн. Бориса Владимировича)

В царскосельском Отдельном парке на берегу Колонистского пруда в конце XIX века появилась усадьба вел. кн. Бориса Владимировича, которую называют «английским уголком Царского Села» или «Царскосельским Альбионом».

С 1922 года бывшая великокняжеская усадьба принадлежит Всероссийскому Научно-исследовательскому институту растениеводства. Николай Иванович Вавилов выбрал её для создания Детскосельской опытной станции.

Хорошо известно, что работы британских садовых мастеров (Чарльз Спарроу, Джон Буш, Джозеф Буш, Чарльз Мэннерс) и архитекторов (Чарльз Камерон, Адам Менелас, Уильям Гесте) во многом определили облик Царского Села задолго до начала строительства дачи вел. кн. Бориса Владимировича. Этот памятник конца XIX века стал очередной гранью «царскосельского Альбиона», гранью, которая отразила новые веяния в архитектуре.

Исследователь архитектуры петербургского модерна Б.М. Кириков считает этот памятник, созданный британскими архитекторами, строителями и декораторами, «отправной вехой становления петербургского модерна»[1]. Англия была общепризнанным пионером и

[1] *Кириков Б.М.* Дача великого князя Бориса Владимировича в Царском Селе — первый памятник петербургского модерна // 100 лет петербургскому модерну: Материалы научной конференции 30 сентября – 2 октября 1999 года. СПб., 2000. С. 78.

лидером (до 1900 года) в развитии архитектуры модерна. Последнее десятилетие XIX века — время наивысшего расцвета и влияния английского зодчества и дизайна.

Важным источником «нового искусства» было творчество поздних прерафаэлитов (Уильям Моррис и др.), оказавшее существенное влияние на формирование двух главных направлений английского модерна — «Движения искусств и ремёсел» и «Эстетического движения» во главе с Оскаром Уальдом. Достижения английских и шотландских архитекторов-новаторов и дизайнеров (Ричард Н. Шоу, Чарльз Войзи, Уильям Летаби, Макей Х. Бейли Скотт, Чарльз Р. Макинтош и др.) были признаны повсеместно. В это время британский дом-особняк с его комфортом и уютом, мебелью и декором самого изысканного толка стали моделью для всего цивилизованного мира[2].

Мастера британского неоромантизма опирались на традиции средневековой народной архитектуры. Подчёркнутая простота и обобщённость деталей, стремление к цельности композиции отличали работы представителей этого направления от предшествующей эклектической архитектуры. Как и для всей архитектуры модерна, для неоромантического варианта этого стиля характерно стремление к синтезу искусств.

Согласимся с Борисом Кириковым, что в петербургской архитектуре неоромантическая «готика» явилась своеобразным мостом от эклектики к модерну, а её первым образцом — усадьба вел. кн. Бориса Владимировича в Царском Селе.

Участок в императорском Отдельном парке, на котором находится усадьба, в июне 1896 года был пожалован Николаем II вел. кн. Владимиру Александровичу. Нам до сих пор неизвестен проект дворца, который был построен здесь для его сына — Бориса Владимировича — в 1896–1897 годах.

Вместо отсутствующих документальных материалов существует легенда о том, что царскосельская дача — «подарок английской королевы Виктории её крестнику (?!) Борису Владимировичу». Оставим без комментариев эту фантазию, кочующую из издания в издание. Сосредоточимся на более или менее достоверных данных.

30 марта 1897 года в «Неделе строителя» (воскресное приложение к журналу «Зодчий») появилось извещение от Петербургского общества архитекторов: «С разрешения Его императорского высочества великого князя Владимира Александровича во вторник, 25 марта, состоялся осмотр строящейся дачи великого князя Бориса Владимировича в Царском Селе». Из Журнала собрания Общества архитек-

[2] См.: *Горюнов В.С., Тубли М.П.* Архитектура эпохи модерна: Концепции. Направления. Мастера. СПб., 1992.

торов от 1 апреля 1897 года мы узнаём, что «на осмотр дачи великого князя Владимира Александровича в Царском Селе собралось 20 членов Общества, которым осмотр дачи доставил большой интерес, так как многое в постройке этой, производимой англичанами, по приёмам своим является новой и не согласно с приёмами русских строителей»[3].

Полтора года спустя, «Неделя строителя» извещала, что 8 декабря 1898 года состоялось очередное собрание Общества архитекторов под председательством Виктора Шретера. В присутствии 57 человек «А.И. Гоген сделал сообщение о новом дворце Его императорского высочества великого князя Бориса Владимировича, построенном в Царском Селе двумя английскими архитекторами, гг. Шербоном и Скоттом»[4]. Мы дословно процитировали единственное свидетельство, которое содержит имена авторов царскосельского коттеджа. Это свидетельство принадлежит Александру фон Гогену, который в 1893–1908 годах был штатным архитектором двора вел. кн. Владимира Александровича. В 1899 году на территории усадьбы Бориса Владимировича по его проекту был построен запасной дом, аналогичный по стилю ансамблю, созданному англичанами.

В путеводителе по Царскому Селу Сергея Николаевича Вильчковского, изданном в 1911 году, о даче Бориса Владимировича говорится: «На берегу Колонистского пруда виднеются здания дворца великого князя Бориса Владимировича, выстроенные в 1896 году лондонской фирмой Мэпль в стиле английских коттеджей, по проекту английского архитектора Шернборна»[5]. Обратим внимание на то, что Вильчковский упоминает лондонскую фирму, осуществлявшую строительство, и «архитектора Шернборна», но не называет архитектора Скотта, которого фон Гоген считал соавтором Шернбона (Шернборна).

Автор историко-архитектурного очерка «Александровский дворец» В.И. Яковлев утверждал: «...интерьеры Английской запасной половины [Александровского дворца] отделаны весной и летом 1896 г. одновременно с постройкой дворца Бориса Владимировича под руководством архитектора лондонского торгового дома Maple англичанина Шернбурка (так!)»[6]. Заметим, что комнаты в Александровском дворце, «которые хорошо устроил англ. Maples»,

[3] Неделя строителя. 1897. № 17. С. 86.

[4] Там же. 1898. № 51. С. 319.

[5] *Вильчковский С.* Царское Село. СПб., 1911.

[6] *Яковлев В.И.* Александровский дворец: Историко-архитектурный очерк. Л., 1927.

упоминаются в дневнике Николая II (записи от 19 октября, 4 и 13 декабря 1896 года)[7].

Считается также, что фирма «Maple and C°» участвовала в отделке апартаментов вел. кн. Кирилла Владимировича на Миллионной ул., 27 (1894–1897) и личных комнат вел. кн. Павла Александровича в его дворце на Английской набережной в Петербурге (1898–1899).

Бросается в глаза разница в русском написании фамилии одного из архитекторов, строивших великокняжескую дачу: ШЕРБОН (у фон Гогена), ШЕРНБОРН (у Вильчковского), ШЕРНБУРК (у Яковлева). Современные авторы справочника КГИОП остановились на варианте «ШЕРНБОРН». Однако никаких сведений об архитекторе с такой фамилией (или похожей на неё) не удалось найти ни в России, ни в Англии! Наши консультанты в Лондоне сообщили, что в конце XIX века был известен гравёр Carles William Sherborn (1831–1912), он делал эстампы, экслибрисы, но к архитектуре отношения не имел и с Россией никак не связан.

По поводу второго британского архитектора, упомянутого А.И. фон Гогеном в 1897 году в качестве соавтора усадьбы Бориса Владимировича, Б.М. Кириков пишет: «В лице загадочного Скотта соблазнительно представить выдающегося мастера модерна Макея Х. Бейли Скотта. В 1896–1898 годах он создал интерьеры во дворце герцога Эрнеста Людвига Гессенского, знаменитого мецената и покровителя нового стиля, родного брата российской императрицы»[8]. Эту гипотезу поддерживают авторы статьи «Империя Мейпл. Заказы Российской Императорской семьи» Г.Н. Корнева и Т.Н. Чебоксарова[9]. Действительно, многие черты царскосельской великокняжеской дачи присутствуют в работах Макея Хью Бейли Скотта (Baillie Scott, 1865–1945) 1890-х годов. Он изучал архитектуру в 1886–1889 годах у С.Е. Дейвиса, архитектора города Бата, с 1893 года самостоятельно строил, главным образом, на острове Мэн: «Красный дом» в Дугласе (1893), деревенский центр в Онгане (1898) и др. В 1901 году получил первую премию за проект дома для любителей искусства. Но в детально изученной творческой биографии знаменитого архитектора нет ни слова о его участии в проектировании царскосельской дачи.

Не всё ясно и с лондонской фирмой «Maple and C°», строившей дачу одновременно с отделкой интерьеров Александровского дворца. Она специализировалась на изготовлении мебели и отделочных

[7] Дневники императора Николая II. М., 1992.

[8] *Кириков Б.М.* Указ. соч. С. 79.

[9] *Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н.* «Империя Мейпл». Заказы Российской Императорской семьи // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. VIII. СПб., 2008. С. 289–306.

работах. Хорошо известно о выполнении фирмой Maple заказов императорской семьи в Петербурге и Царском Селе. Но в списке работ фирмы за все 1890-е годы нет никаких упоминаний о даче Бориса Владимировича!

Итак, вопрос об авторах царскосельского коттеджа остаётся открытым. Необходимы дополнительные исследования, прежде всего в британских архивах, чтобы разобраться в этой загадочной истории.

Дача вел. кн. Бориса Владимировича является объектом культурного наследия федерального значения (г. Пушкин, Московское шоссе, 11). Под государственной охраной находятся главный усадебный дом, конюшенный корпус, запасной дом, служебные постройки, фонтан и парк с оградой. Надо сказать, что этот замечательный архитектурный ансамбль сравнительно неплохо сохранился.

Усадьба полностью соответствует нормам британского коттеджного строительства конца XIX столетия. Выбирая место для особняка, архитекторы заранее разрабатывали план парка, в котором определяли положение всех усадебных построек. Главный дом помещался в глубине парка, скрытый от посторонних глаз густыми кронами деревьев или высокой оградой. Именно так и поступили авторы усадьбы Бориса Владимировича, разместив коттедж в глубине участка Отдельного парка на восточном берегу Колонистского пруда.

Вокруг главного дома разбит живописный сад с разнообразными набивными дорожками, фонтаном и цветником, газонами и кустарниками, липами, клёнами, вязами, соснами и лиственницами, пихтами и голубыми елями. От пруда к главному подъезду коттеджа ведёт аллея, обсаженная вечнозелёными туями. Композиция сада, обнесённого со всех сторон декоративной оградой, имеет подчёркнуто замкнутый характер.

В общем решении двухэтажного коттеджа ясно читаются два основных объёма, соединённые переходом: господская и служебная части. Пространственным ядром господской половины является двухъярусный холл — характерный атрибут британских особняков.

Интерьеры сохранили значительную часть убранства: дубовые панели обшивки, мраморные камины, резные колонки и плафоны, остатки витражей, тиснёные обои, отдельные предметы мебели, оконная и дверная фурнитура.

Одновременно с главным домом в 1896 — 1897 годах был построен конюшенный корпус, увенчанный миниатюрной часовой башенкой. К сожалению, эта постройка дошла до наших дней со значительными утратами: исчезли наружная лестница с деревянным балконом, двойной щипец, черепица кровли, внутреннее убранство.

Уже говорилось, что Запасной дом сооружён в 1899 году не англичанами, а «штатным архитектором» вел. кн. Владимира Александровича — Александром фон Гогеном. В этой постройке он следовал композиционно-стилевым приёмам авторов Коттеджа и Конюшенного корпуса. Широкая арка (в дальнейшем заложенная) соединяла две части Запасного дома. В одной из них помещалось экипажное хозяйство, а в другой — один из первых в России гаражей и квартира шофёра. Второй этаж дома с лестничной башенкой отводился под жильё. «Если сам великокняжеский дворец уподоблен коттеджу и отмечен печатью “народной” простоты, — пишет Борис Кириков, — то запасной дом, преимущественно утилитарный по назначению, отличается изяществом и рафинированностью форм. В этом проявились и антииерархичность программы модерна, и различие творческого почерка архитекторов»[10].

Ветераны Всероссийского института растениеводства вспоминают сгоревший уже после войны «чайный домик» и разрушенную скульптуру Афродиты, которая украшала фонтан напротив бокового фасада дворца-коттеджа. Лишь частично сохранилась художественная ограда, когда-то окружавшая великокняжескую усадьбу.

В заключение несколько слов о вел. кн. Борисе Владимировиче, хозяине царскосельского коттеджа. Третий сын вел. кн. Владимира Александровича, внук императора Александра II родился в 1877 году. Он окончил Николаевское кавалерийское училище и в августе 1896 года был произведён в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. В ноябре следующего года назначен флигель-адъютантом Николая II. Напомним, что лейб-гусары квартировали в Царском Селе. Таким образом, дача Бориса Владимировича строилась неподалёку от места его службы. Вел. кн. Кирилл Владимирович вспоминает, что в начале лета 1904 года он провёл несколько недель в Царском Селе «сначала с родителями, а потом с братом Борисом. В своём загородном доме, построенном в английском стиле фирмой “Мейпл и К°”, он держал весьма колоритных слуг-англичан, дворецкого и кучера»[11]. Вел. кн. Борис Владимирович имел репутацию ловеласа и дебошира. Человек широкой натуры, довольно легкомысленный, но добродушный и весёлый, он был типом настоящего русского барина, который любил и умел хорошо пожить.

Во время русско-японской войны Борис Владимирович принимал участие в боях, в декабре 1904 года получил золотое оружие с

---

[10] *Кириков Б.М.* Указ. соч. С. 83.

[11] *Кирилл Владимирович, вел. кн.* Моя жизнь на службе России: Воспоминания. М., 2006.

надписью «За храбрость» и чин штаб-ротмистра. В 1911 году он произведён в полковники, а в 1914 — в генерал-майоры с зачислением в Свиту его императорского величества.

Борис Владимирович жил в своём царскосельском дворце-коттедже холостой рассеянной жизнью, иногда выполняя особые поручения императора, который ему симпатизировал. В 1914 году Борис Владимирович посватался к старшей дочери Николая II вел. кнж. Ольге Николаевне. Это сватовство было решительно отвергнуто императрицей. «Мысль о Борисе мне слишком не симпатична, — писала Александра Фёдоровна супругу, — и я уверена, что наша дочь никогда не согласится выйти за него замуж». Великая княжна и не согласилась, а её мать продолжала возмущаться: «Отдать чистую, свежую, на 18 лет его моложе девушку... полуизношенному, пресыщенному... человеку 38 лет, чтобы она жила в доме, где он сожительствовал со столькими женщинами!»[12]

В начале Первой мировой войны великий князь командовал лейб-гвардии Атаманским казачьим полком. За блестящее дело полка при Лежно 25 октября 1914 года награждён орденом св. Георгия 4-й степени. Накануне Февральской революции он находился при Ставке в качестве походного атамана всех казачьих войск. В марте 1917 года Борис Владимирович был арестован Временным правительством и до июня находился под домашним арестом в своём царскосельском коттедже. В сентябре переехал из Петрограда на Северный Кавказ, а в 1919 году покинул Россию и поселился во Франции. Остаток жизни провёл в эмиграции, где и скончался 8 ноября 1943 года. Похоронен рядом с матерью, вел. кн. Марией Павловной, в русской православной церкви в курортном местечке Контрексевилль.

[12] *Федорченко В.* Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск, 2000. С. 148.

Р.П. Блейксли
(Великобритания)*

Повесть о двух академиях: тёплые отношения между ведущими школами искусств Лондона и Санкт-Петербурга

Случайный прохожий, прогуливаясь по Английской набережной Невы 28 июня 1765 года, задержался бы там дольше обычного, поскольку на реке и на её противоположном берегу происходило нечто более интересное, нежели обычная повседневная суета. Там, за рекой, на Васильевском острове проходила пышная церемония открытия нового здания. Если бы наш любопытный прохожий решил узнать побольше и пересёк Неву по одному из ближайших мостов, он оказался бы в весьма пёстрой компании: в тесной толпе наблюдали за церемонией священнослужители и придворные, послы и вельможи, художники, писатели и военная элита. Трепет прокатился по толпе, когда сама Екатерина II почтила церемонию своим присутствием. Невдалеке зазвучали гулкие песнопения церковной службы, а на воде маленькими островками цвета и звуков декламаций расцвели театральные представления[1].

Событием, отмечаемым с такой помпой и блеском, было официальное открытие Императорской Академии трёх знатнейших художеств, основанной императрицей Елизаветой в 1757 и получившей официальный устав указом Екатерины в 1764 году[2]. Вначале акаде-

* Пер. с англ. Д.А. Прияткина.

[1] О торжествах, посвящённых открытию академии см.: Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Под ред. К.В. Малиновского. Т. 1. М., 1990. С. 147–151.

[2] Указ Екатерины см.: Привилегия и устав Императорской Академии трёх знатнейших художеств, Живописи, Скульптуры и Архитектуры с воспитательным при

мия временно размещалась в жилых помещениях и во дворце своего основателя графа Ивана Шувалова (теперь там находится более прозаический городской музей гигиены), а в новый дом на берегах Невы переехала в 1788 году, где и находится по сей день[3].

Если официальное открытие императорской Академии художеств в 1765 году стало важным событием культурной жизни России, в Лондоне, наоборот, никаких патриотических торжеств, связанных с изобразительным искусством в том году не было. В Англии ещё не было академии художеств, несмотря на то, что инфраструктура для культивации изобразительных искусств в тот период превосходила то, что имелось в России. Более того, по словам новейшего историка Королевской Академии, «на протяжении 1760-х художественное сообщество Лондона пребывало в состоянии перманентной распри»[4]. Первые выставки современного искусства в Англии, проводимые с 1760, имели большой успех по числу посетителей, продаж по каталогам, способствовали растущему интересу к изобразительному искусству. Но при всей революционности этих событий лондонский мир искусства раздирали междоусобные раздоры по поводу того, как и через какие организации устраивать эти выставки. И лишь 10 декабря 1768 года, через три с половиной года после пышных торжеств на берегах Невы, Георг III подписал указ об учреждении Королевской Академии художеств в Лондоне[5]. Чуть больше десяти лет Академия размещалась в арендованном здании на Пэлл-Мэлл, а затем, в 1779 году, переехала в роскошный Сомерсет-Хаус Уильяма Чемберса на Стрэнде и располагалась там следующие пятьдесят шесть лет.

Скромная международная деятельность Императорской Академии в основном сводилась к контактам с Королевской Академией живописи и скульптуры (Académie Royale de Peinture et de Sculpture), основанной в Париже веком с небольшим ранее[6]. Такой интерес

оной Академии училищем // Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств, 1764–1914 / переиздание под ред. С.Н. Кондакова. Т. l. Часть историческая. СПб., 1914. С. 152–160.

[3] О временных помещениях, в которых изначально располагалась Академия см.: *Северюхин Д.Я.* Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников. СПб., 2008. С. 23.

[4] *Hoock Holger.* The King's Artists. The Royal Academy of Arts and the Politics of British Culture 1760–1840. Oxford, 2003. P. 19.

[5] См.: The Instrument of Foundation // *Hutchison Sidney C.* The History of the Royal Academy 1768–1968. London, 1968. P. 209–213.

[6] Важным исключением являются работы И.М. Марисиной, включая: О некоторых чертах академического художественного образования в России и Англии во второй половине XVIII века // Русское искусство нового времени: Исследования и материалы / Под ред. И.В. Рязанцева. Вып. 2. М., 1996. С. 40–60; Историческая

неудивителен, поскольку французская Академия служила тем образцом, по которому создавалась академия российская, и многие первые преподаватели были оттуда. Сосредоточенность на русско-французских контактах оставляла несколько в тени не менее плодотворный диалог между Императорской Академией и Королевской Академией в Лондоне. Моя цель сегодня — исследовать нарождавшееся сотрудничество между этими двумя заведениями и определить, каким образом конкретные аспекты управления, методики и практики Санкт-Петербурга совпадали или заимствовались в Лондоне.

Основанные с разницей чуть более десятилетия, оба учебных заведения стремились стать центрами обучения изящным искусствам в своих странах и за образец брали Académie Royale: в то время французская Академия была практически всеобщим ориентиром для новых академий, оказавшихся к тому же в неловкой роли опоздавших на академическое празднество, испытывая от этого, возможно, горькое чувство неполноценности. Но какие бы тревоги ни испытывали эти учреждения поначалу, обеим академиям удалось стать лидерами культуры своих стран; отшлифовать теорию и практику изобразительных искусств и придать местным художникам профессиональный статус. Особый интерес в этом отношении представляет роль Принса Хоура, секретаря по международным связям Королевской Академии, который активно собирал информацию по российской Академии и находился с ней в постоянном диалоге. В начале XIX века он сыграл определяющую роль в распространении знаний о ведущей художественной школе России.

Было бы ошибочно предполагать очень уж тесную интеллектуальную связь между основателями академий, основанных с разницей в десятилетие и на расстоянии более 2 000 километров. Тем не менее, учредители русской и английской академий ставили перед собой одну и ту же большую цель: дать местным художникам возможность начать и продолжить профессиональную карьеру и по ходу этого процесса вырастить собственные национальные школы искусства. В середине XVIII века в обеих странах при распределении художественных заказов доминировали иностранные художники, что не устраивало всё большее число местных теоретиков культуры, отсюда и стремление упрочить авторитет и поднять престиж отечественных художников. В представлении, поданном в российский Сенат 1757 года, Шувалов считал необходимым создать нужную массу местных

живопись и портрет. К вопросу о взаимосвязи жанров в петербургской и лондонской Академиях художеств во второй половине XVIII века // Там же. Т. 3. М., 1997. С. 37–61; Портрет и портретист в петербургской и лондонской академии художеств во второй половине XVIII века // Там же. Т. 5. М., 1999. С. 22–50.

талантов для работы над теми казёнными проектами, за которые иностранцы, имеющие посредственные знания, получают изрядно денег и обогащаются, а возвращаются домой, не оставив после себя ни единого русского, сведущего с каком-либо из искусств[7]. Двумя годами ранее анонимный автор в Лондоне аналогичным образом порицал необходимость выписывать «профессоров из какой-то заграничной академии», пока не повысится уровень местного художественного мастерства[8]. Как в России, так и Англии желание обучить местных художников и поднять их положение до уровня, который занимали иностранцы, было явно делом первостепенным.

По мере того как каждая из академий приобретала чёткую структуру, обозначились общие черты в их организации и управлении. В Санкт-Петербурге руководящий, административный и преподавательский составы, объединённые понятием «собрание», состояли из президента, трёх ректоров и шести профессоров живописи, скульптуры и архитектуры, двух адъюнкт-ректоров, шести адъюнкт-профессоров, трёх профессоров перспективы, анатомии, истории, географии, иконологии и мифологии, инспектора, надзирающего за академической школой, помощника инспектора и секретаря[9]. Для сравнения, Королевская Академия предусматривала сорок членов, или академиков, которых надлежало выбирать из художников, живущих в Англии, в их числе — президент (изначально, сэр Джошуа Рейнольдс), казначей, секретарь и смотритель, в чьи обязанности, подобно инспектору в России, входил надзор за школой при академии. Наряду с ними имелись профессора анатомии, архитектуры, живописи, а также перспективы и геометрии.

В России устав допускал неограниченное число академиков, двенадцать почётных членов и двенадцать почётных любителей, а в 1766 году добавилась категория почётных членов-корреспондентов («вольных общинников»)[10]. Эти почётные звания соответствовали приня-

---

[7] РГАДА. Ф. 248. Д. 2875. Л. 202. Цит. по: *Гаврилова Е.И.* Ломоносов и основание Академии художеств // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования / Под ред. Т.В. Алексеевой. М.: Наука, 1973. С. 73.

[8] An Essay in two parts, on the Necessity and Form of a Royal Academy for Painting, Sculpture and Architecture. London, 1755. P. 20: цит. по: *Hutchison Sidney C.* Op. cit. P. 33.

[9] О деятельности десяти президентов и вице-президентов, временно их замещавших, со времени основания Императорской академии в 1757 до её закрытия в 1917 г. см: *Кириченко Е.И.* Президенты Императорской Академии художеств: к 250-летию Академии художеств. М., 2008.

[10] *Байбурова Р.М.* «Почётные вольные общинники» в Санкт-Петербургской Академии художеств // Иностранные мастера в Академии художеств / Под ред. Е.Д. Федотовой. М., 2007. С. 8–12.

тым в академиях по всей Европе, за исключением, впрочем, Королевской Академии в Лондоне, где было изначально решено не принимать почётных членов. Этим отчасти можно объяснить малое количество британцев среди почётных членов Императорской Академии, хотя были и немаловажные исключения — гравёр Джеймс Уокер, работавший в России в 1785–1801 годах и избранный в академики в 1794 году[11]; и Кристина Робертсон, шотландская художница, которая трудилась в Санкт-Петербурге в конце 1830-х и в 1840-е годы. Одна из самых высокооплачиваемых портретистов столицы России, увековечившая образы русской аристократической элиты, она — вторая женщина-художница, ставшая почётным «общинником». Это случилось в 1841 году[12].

Что касается руководящего органа, в российской Академии таковым был Совет, изначально состоявший из президента, четырёх профессоров и секретаря[13]; а в Лондоне президента и совета из восьми академиков, половина которых менялась каждый год, выбирались на ежегодной Генеральной ассамблее, куда входили все члены Королевской Академии[14]. В обоих учреждениях проводились ежегодные выставки, которые в Петербурге длились неделю, а в Лондоне месяц. Обе академии могли также похвастать библиотеками, подтверждавшими их статус высокоинтеллектуальных центров вольных искусств, а не просто мастерских или студий для совершенствования навыков ремесла[15]. В отличие от почти всех континентальных академий, студенты в Петербурге и в Лондоне содержались за государственный

---

[11] Об Уокере см.: *Cross Anthony (ed.)* Engraved in the Memory: James Walker, Engraver to the Empress Catherine the Great, and his Russian Anecdotes. Oxford, 1993.

[12] О Робертсон см.: *Farr Amanda (ed.)*. Christina Robertson: A Scottish Portraitist at the Russian Court. Edinburgh, 1996; *Renne Elizaveta*. A British Portraitist in Imperial Russia: Christina Robertson and the Court of Nicholas I // Apollo. September 1995. P. 43–45; Кристина Робертсон в России // Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев, XVII–XIX век / Под ред. Г. Андреевой. М., 1997. С. 110–115; Придворный художник Кристина Робертсон // Наше наследие, 55 (2000). С. 35–37; Bridging Two Empires: Christina Robertson and the Court of St. Petersburg // *Pomeroy Jordana, Blakesley Rosalind P. et al. (eds)*. An Imperial Collection: Women Artists from the State Hermitage Museum. London; Washington DC, 2003. P. 87–99.

[13] Это поменялось, когда в XIX веке в устав были внесены поправки. См.: *Кондаков С.Н.* Список русских художников к Юбилейному справочнику Академии художеств. М., 2002. С. 581.

[14] The Instrument of Foundation. P. 210, 213.

[15] См.: *Kriz K.* Dian. Stare Cases: Engendering the Public's Two Bodies at the Royal Academy of Arts. // *Solkin David H. (ed.)*. Art on the Line: The Royal Academy Exhibitions at Somerset House 1780–1836. London, 2001. P. 56–57.

счёт. При этом российская Академия была уникальна ещё и тем, что при ней был свой интернат, куда ученики принимались в возрасте всего пяти-шести лет, после девяти лет обучения переходили в саму Академию, которую заканчивали в двадцать один год. Те, кто не проходил на факультеты живописи, скульптуры или архитектуры, получали возможность овладеть профессиями часовщика или столяра. Такое решение отражало коммерческие интересы многих новых академий, стремящихся, наряду с развитием изящных искусств, удовлетворить потребности промышленности и торговли[16]. Спустя примерно сорок лет секретарь Королевской Академии по международным связям одобрительно отозвался об этом пункте программы российской Академии и высказал предположение, что Лондону следовало бы перенять этот опыт[17].

А ещё ему стоило бы пожелать перенять у российской Академии немного дисциплины — в этом отношении два наших заведения кардинально отличались друг от друга. В Санкт-Петербурге учащиеся обязаны были носить форму, а родителям запрещалось навещать сыновей или забирать их на время домой, несмотря на нежный возраст, в котором мальчики в то время принимались на обучение. Дисциплина была суровой, телесные наказания в порядке вещей, а отчисленных — очень много. За десять лет, начиная с 1774 года, 73 из 380 учащихся в интернате попросту умерли, возможно, в результате спорной идеи, высказанной в недавней публикации Академии наук, где говорилось, что детей, начиная с шести-семилетнего возраста не следует одевать тепло, ибо только так, мало-помалу, они с детства приучатся переносить лютый холод[18]. При всех высоких амбициях и благородных помыслах Императорской Академии мальчишкам, обучавшимся в ней, было совсем нелегко. Одна характерная, хоть и вроде бы малозначительная деталь ученической жизни в Лондоне свидетельствует о совершенно ином положении вещей. Там ученики стирали неудавшиеся части своих рисунков катышками из хлеба: в итоге занятия перерастали в предсказуемые и неуправляемые баталии хлебными шариками.

В живописных классах обеих академий ученики начинали свою деятельность, копируя утверждённые рисунки и гравюры и рисуя

---

[16] См.: *Pevsner Nikolaus.* Academies of Art, Past and Present. Cambridge, 1940. P. 153.

[17] *Hoare Prince.* Extracts from a Correspondence with the Academies of Vienna & St. Petersburg, on the cultivation of the arts of Painting, Sculpture, and Architecture, in the Austrian and Russian dominions. London, 1802. P. vii.

[18] *McConnell Allen.* Catherine the Great and the Fine Arts // *Mendelsohn Ezra, Shatz Marshall S. (eds).* Imperial Russia 1700–1917. State, Society, Opposition. Essays in Honour of Marc Raeff. DeKalb, Ill., 1988. P. 40–41.

слепки с античных статуй и декоративного орнамента. Затем они копировали картины и рисовали с натуры, и только после этого приступали к самостоятельным композициям. Такой порядок был позаимствован у парижской Академии и лежал в основе академической программы по всей Европе. Особое удивление вызывает тот факт, что и в российской, и в английской академиях практические занятия в студиях живописи и ваяния, как и рисунок, вели свои кадровые профессора. Это составляло резкий контраст французской Академии, где обучение непосредственно живописи осуществляли профессора, преподающие вне стен академии[19]. Такой подход к студийному обучению в Лондоне и Петербурге свидетельствует об уверенности в собственных педагогических кадрах, что существенно отличает обе академии от их французской предшественницы. Да, оба заведения брали за образец французскую Академию, но к счастью, сделав акцент на персональной педагогике, они шли своим путём.

К 1790-м годам и Императорская, и Королевская Академия добились большого прогресса в профессионализации изобразительных искусств, обучении местных художников и продвижении наиболее талантливых из них. В обоих этих заведениях зависимость от иностранных художников на исходе века снизилась. В Санкт-Петербурге французы ещё получали иногда преподавательские должности, но каждое такое назначение встречало растущее неодобрение[20]. К 1799 году желание отдать предпочтение русским выросло настолько, что в докладе, составленном важными персонами на имя Павла I, рекомендовалось с монаршего соизволения сделать обычаем отдавать государственные заказы русским художникам, а не иностранцам[21]. Граф Александр Строганов тоже весьма энергично ратовал за русских художников с самого своего назначения на должность президента Академии в 1800 году. Во многом благодаря его усилиям обновлённый устав 1802 года во многих отношениях укреплял позиции русских художников. Строительство и отделку казённых зданий надлежало доверять «художникам, обученным в академии, а не иностранцам равных достоинств»[22]. Императорской Академии также предоставлялось право воздвигать «монументы патриотической славы»

---

[19] *Tatarinova Irina.* The Pedagogic Power of the Master: The Studio System at the Imperial Academy of Fine Arts in St Petersburg // Slavonic and East European Review, 83/3. July 2005. P. 470–489.

[20] *Молева Н., Белютин Э.* Педагогическия система Академии художеств XVIII века. М., 1956. С. 384.

[21] *Беккер И.И., Бродский И.А., Исаков С.К.* Академия художеств. Исторический очерк. М.; Л., 1940. С. 39.

[22] *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник... Т. 1. С. 166.

и приоритет в «прожектах по украшению больших и малых городов»[23]. Строганов в полной мере использовал эти привилегии, когда возглавил комиссию по надзору за строительством Казанского собора в Петербурге в 1801–1811 годах и настоял, чтобы убранством его занимались студенты и учителя Академии[24]. Короче говоря, к 1800-м годам Академия стала неоспоримым консультативным органом государства и употребляла своё влияние на то, чтобы в крупнейших государственных проектах и работах были задействованы русские художники.

Такая перемена политики в пользу местных художников параллельно происходила и в Королевской Академии, где, как отмечали Ширер Уэст и другие, с конца 1780-х годов нарастало неприятие иностранцев. Это привело к тому, что Анна Пютц назвала «практическим прекращением к 1790 сотрудничества академии с иностранными мастерами, что отличало её в первые годы существования»[25]. В Санкт-Петербурге с 1800 года на руководящие, административные и преподавательские должности назначались исключительно русские. В 1801 году секретарь Императорской Академии не без гордости информировал секретаря Королевской Академии по международным связям, что «за исключением знаменитых иностранных художников, являющихся членами академии», профессорами живописи, ваяния и зодчества являются русские выпускники, «из коих многие, благодаря гению и таланту, явленному в их работах... снискали превосходную репутацию; эти художники известны и за границей, большинство из них побывало в Италии и Франции». Он приложил список работ тогдашних ректоров и профессоров, чьи работы выставлены в церквах, монастырях и царских дворцах, подчёркивая их распространение и в общественных и в частных местах[26].

Секретарём по международным связям, которому была адресована эта похвальба, был не кто иной, как Принс Хоур, переписка которого даёт нам бесценный материал для оценки отношений между британской и российской академиями на заре XIX века. Стремясь получить «общее представление о современном состоянии изящных искусств в различных странах», Хоур написал письма своим колле-

---

[23] *Он же.* Список русских художников... С. 582.

[24] *Богдан В.* Музей Академии художеств // Наше наследие, 65 (2003). С. 100.

[25] *Puetz Anne.* Foreign Exhibitors and the British School at the Royal Academy, 1768–1823 // *Solkin David H. (ed.).* Art on the Line. P. 229–241 (234); West Shearer. Xenophobia and Xenomania: Italians and the English Royal Academy // West Shearer (ed.). Italian Culture in Northern Europe in the Eighteenth Century. Cambridge, 1999. P. 116–139.

[26] *Hoare Prince.* Extracts... P. 33, 35–38.

гам в нескольких европейских городах с просьбой поделиться информацией об истории и текущем положении дел в их академиях[27]. В ответ он получил и опубликовал три послания от Александра Лабзина, конференц-секретаря российской Академии. Первое из них — письмо, датированное декабрём 1801 года, которое Лабзин дополнил сведениями о работах членов Императорской Академии и выдержками из указа о привилегиях, ратифицированного Екатериной II в 1764 году[28]. За ним последовало письмо декабря 1802 года с отчётом о недавнем заседании совета Академии, на котором были приняты дополнительные пункты устава[29]. Также Лабзин прислал экземпляр аннотированного каталога коллекции картин Строганова, признанной одним из богатейших собраний европейской живописи в России того времени. И напоследок Лабзин прислал Хоуру выдержки из своей речи, произнесённой в Императорской Академии в декабре 1803 года[30].

В первом ответном письме Хоур почти открыто проявляет дух состязательности: «Разумеется, сравнение не является целью подобных разысканий, но всякий раз, наблюдая талант, равный себе, творческий ум исполняется мыслью потягаться с ним, что лишь усиливает энергию интеллектуального прогресса»[31]. Как упоминалось выше, его в особенности восхищало то, что Императорская Академия давала возможность альтернативного обучения учащимся, недостаточно способным для профессиональных занятий изящными искусствами, и он полагал, что этот пункт Британии следовало бы позаимствовать. Также Хоур подчёркивал очевидные преимущества российской системы отправки художников за границу: такой опыт, по его утверждению, способствовал успеху скульптора Михаила Козловского, чьи работы были известны в Англии, и помогал раскрыть «таланты, первоклассные как по подготовке, так и по природным данным»[32].

Ещё большее одобрение деятельности петербургской Академии Хоур выразил в ответе на второе письмо Лабзина, в котором тот

---

[27] Ibid. P. v.

[28] Ibid. P. 33–47 (33).

[29] *Hoare Prince*. Academic Correspondence, 1803. Containing Extracts, no. II, from a Correspondence with the Academies of Vienna and St Petersburg, on the present cultivation of the arts of Painting, Sculpture, and Architecture. London, 1804. P. 14–18.

[30] См.: The State of the Fine Arts. Part of a discourse delivered by Mr. De Labzin, Perpetual Secretary of the Academy of St. Petersburg, in the General Assembly of the Academy, December 1803 // Academic Annals, published by authority of the Royal Academy of Arts, 1804–1805. London, 1805.

[31] *Hoare Prince*. Extracts... P. v.

[32] Ibid. P. vii.

возвещал об улучшении финансового положения Академии после принятия дополнений к уставу в 1802 году. Увеличилось жалование профессоров и других служащих, ежегодная государственная субсидия Академии выросла с 60 до 146 тысяч рублей; а ещё 10 000 рублей выделялись «на выплату тем художникам, чьи работы будут сочтены достойными украшать казённые учреждения» (последнее касалось важного нововведения, согласно которому Академия должна была ежегодно заказывать картины и скульптуры на темы русской истории и выставлять их в особой галерее)[33]. Поздравляя Хоура с большим количеством «выдающихся произведений» на последней выставке Королевской Академии, Лабзин, не без яда, добавляет: «Возможно, мы здесь менее усердны или более взыскательны по отношению к работам, созданным, чтобы предстать перед взором публики, поскольку никогда не мерили представленное на наших выставках сотнями»[34]. Завершалось письмо фразой, что вице-президент, инспектор, двое проректоров Академии и — о счастье! — сам Лабзин удостоены императорских орденов.

Такие факты побудили Хоура высказаться по поводу покровительства и благодеяний, оказываемых Александром I изобразительному искусству, в поэтическом ключе. Особенно сильное впечатление на него произвела щедрая стипендия для российских художников, чьи произведения на исторические темы будут украшать казённые учреждения, и сравнил их с планами создания национальной галереи в Лондоне. Оба проекта, по его заключительным словам, «призваны заложить справедливое основание для грядущего торжества Славы»[35].

Насколько мне известно, переписка Хоура и Лабзина к каким-либо непосредственным переменам ни в одной академии не привела. Но она важна для понимания национальной состязательности между ними, по мере того как оба учреждения, подпитанные многолетним ростом влияния внутри своих стран, обретали уверенность на международной арене. Своеобразным постскриптумом можно считать февраль 1807 года, когда Императорская Академия изготовила медали для вручения императору, императрице, вел. кн. Константину Павловичу, Российской академии наук и «Лондонской Академии искусств» — и эта последняя медаль была единственной наградой такого рода за пределами России[36].

---

[33] *Hoare Prince.* Academic Correspondence... P. 14, 18.

[34] Ibid. P. 14–15.

[35] Ibid. P. vii–viii.

[36] *Петров Н.* Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за 100 лет её существования. В 3-х т. СПб., 1864. Т. 1. С. 492–493; См.: *Марисина И.М.* Из истории межакадемических связей

За десятилетия, последовавшие за перепиской Хоура и Лабзина, пути обеих академий разошлись: в России похвальные начинания Императорской Академии оказались загублены вмешательством Николая I. При том, что Георг III «любил вмешиваться в дела, которым покровительствовал». Королевская Академия была в числе немногих национальных академий искусства, в целом свободных от прямого политического вмешательства[37]. В первые годы существования Императорская Академия тоже управлялась, в основном, «дистанционно»: Екатерина II, Павел I и Александр I доверяли управление президенту, конференц-секретарю и Собранию[38]. Но в то время как Королевская Академия сохранила автономию и в XIX веке, в правление Николая II Императорская Академия стала зависимой от капризов непоследовательного царя, который самовольно нанимал и увольнял профессоров и превратил академию в «инструмент, делающий из художников государственных чиновников»[39]. Показательно, что президентом Королевской Академии всегда был художник, тогда как в Императорской Академии стоял царедворец, фаворит и, с 1843 года, близкий родственник царя[40]. По мере того как в одной стране государственное вмешательство росло в той же степени, в какой уменьшалось в другой, отношения между российской и британской академиями больше никогда не поднимались до того уровня, которого они достигли в годы формирования академий.

начала XIX века // Русское искусство нового времени / Под ред. И.В. Рязанцева. Вып. 4. М., 1998. С. 81, 96–97.

[37] *Hoock Holger.* Op. cit. P. 28.

[38] Иногда из этого бывали исключения, например, когда вмешательство Екатерины ограничило полномочия Академии в 1794. *Perkins Etta L.* Nicholas I and the Academy of Fine Arts // Russian History, 18/1. Spring 1991. P. 53.

[39] *Valkenier Elizabeth.* Russian Realist Art, the State and Society: the Peredvizhniki and their Tradition. New York, 1989. P. 3–4.

[40] *Марисина И.М.* О некоторых чертах... С. 43.

Э.В. Седых
(Санкт-Петербург)

Прерафаэлиты в контексте русской культуры

Братство прерафаэлитов, созданное в 1848 году под покровительством теоретика искусств, писателя-художника Дж. Раскина, изначально объединяло живописцев. В него входили У.Х. Хант, Дж. Э. Миллес и Д.Г. Россетти, создатель и душа этого художественного движения. В дальнейшем членами и сторонниками братства стали не только мастера кисти, но и мастера слова, считавшие главной целью творчества возрождение культа средневековья с его духовностью и красотой. Среди них были художники Ф.М. Браун, А. Хьюз, Ч. Коллинз, Д. Мэклайз, Г. Уоллис, Э. Бёрн-Джонс; поэты К. Россетти, А. Суинбёрн, М. Арнольд; поэт-скульптор Т. Вулнер, поэты-художники Э. Сиддал, У. Моррис и сам Д.Г. Россетти. В стилистическом отношении они не представляли единого целого; их объединяли интерес к Библии, мировым литературам и мифологиям, средневековым легендам, текстам Дж. Чосера, Т. Мэлори, У. Шекспира, поэмам Дж. Китса, Дж. Байрона, А.Теннисона. По манере письма, способу интерпретации, стилю они были разными художниками и поэтами со своим видением мира. В искусстве прерафаэлитов можно обнаружить элементы романтизма, реализма, символизма и подходы к модерну.

В своё время прерафаэлиты-художники бросили вызов общепринятым викторианским взглядам: они с максимальной правдивостью рисовали с натуры согласно идеалам искусства прошлого до появления Рафаэля. Средневековое прошлое они противопоставляли настоящему, лишённому былой духовности, красоты, устремлённому к массовому производству в рамках промышленного развития. Сред-

невековое искусство было для них свободным и чистым, отражающим внутреннюю сущность, индивидуальность творца. Этот постулат лёг в основу литературных произведений, созданных прерафаэлитами-поэтами, которые, так же как и художники, испытывали пристрастие к символичности, живописности, детализированности, колористике (на втором этапе развития братства — орнаментальности, декоративности). В трактовке героических и этических сюжетов они развивали психологическое направление, показав внутренний драматизм человеческих судеб, изображение сильных страстей и противоречивого внутреннего мира человека.

Для прерафаэлитов главным концептом творчества был идеал мистического человека, основанный на синтезе материального и духовного начал. В их картинах и поэмах создаётся атмосфера изысканной чувственности, балансирующей на грани с божественным, возвышенным. Каждый их образ одновременно эфемерен и реален, написан с натуры и порождён воображением. В искусстве прерафаэлитов романтический мир соединяется с натуралистической верностью деталям и фактам. В их произведениях, буквально дышащих эстетизмом, имеет место перенос действия из интерьера в природу и из природы в интерьер. Природа (символ Творца) и искусство (символ творца) сливаются на их полотнах в единое целое, которое становится эстетически сакральным.

Прерафаэлиты выдвигали тезис о синтезе искусств — единстве поэзии и живописи. Они попытались создать синтезирующие жанры — «поэтическую живопись» (картина как поэма) и «живописную поэзию» (поэма как картина). Синтетическим единением искусств служило для них и искусство иллюстрации, которая являлась литературно-живописно-декоративным полотном. В результате их оригинальной интерпретации литературное произведение получало вторую жизнь в изобразительном искусстве. Кроме того, прерафаэлиты обратились к жанру «литературной картины» — произведению, основанному на литературном источнике, не предназначенном для оформления книги. Они стремились не к дословной передаче содержания литературного текста посредством изобразительного искусства, а к выявлению его концептуальной сущности: освещая основную идею литературного произведения, они добавляли в свои картины детали, отсутствующие в оригинале.

На втором этапе развития братства художники начали смешивать мотивы, взятые из разных литературных источников: персонажи поэм Теннисона соседствовали с рыцарями из романа Мэлори, прекрасные дамы красовались в нарядах викторианской эпохи. Возник также ряд оригинальных мотивов: удивительные пейзажи и таинствен-

ные ландшафты, созданные под влиянием работ Россетти портреты легендарных *femmes fatales.*

В поэзии прерафаэлиты явились создателями живописного жанра «пейзажи души» для психологической характеристики персонажей через картины природы, передающие смену настроений, в которых при помощи языка красок и ярких живописных образов апеллировалось к чувственному восприятию реципиента. Ещё одно достижение прерафаэлитов — жанры «сонеты к картинам» (Россетти) и «поэмы к картинам» (Моррис). Данные авторы писали поэтические произведения, комментирующие их собственные картины, и делали стихотворные иллюстрации к картинам любимых ими художников. Кроме того, они стремились к живописности, декоративности и музыкальности в поэзии.

Для представителей прерафаэлитизма характерен неосинкретизм художественного творчества; они развивали в своей деятельности концепции целостной творческой личности, искусства как жизнетворчества. Самыми яркими представителями этого течения были Д.Г. Россетти и У. Моррис. Под руководством Россетти выходил журнал «Росток», в котором одновременно печатались поэзия и проза, сопровождаемые графическими иллюстрациями и рисунками. Моррис создал собственную теорию синтеза искусств («идеальный дом — идеальная книга — идеальная личность»), воплотив её в многогранном творчестве.

Моррис был поэтом, писателем, художником, дизайнером, создателем иллюминированных книг и печатником, теоретиком искусств, переводчиком. Его произведения искусства включают картины, витражи, обои, фрески, изразцовую плитку, мебель, ткани, ковры, гобелены, вышивки, книги как артефакты. В своём творчестве он не только соединил произведения различных видов искусства в единое целое, но и создал синтетические произведения искусства, выразив в них свой идеал красоты, увековечив в них представления о взаимодействии искусств. Искусству модерна принадлежат его «позднеготическая» иллюстрированная книга, уникальный «средневековый» Ред Хауз, многочисленные прекрасные изделия декоративного искусства, необычные по красоте поэмы и romances.

Моррис явился родоначальником Эстетического движения и одним из основоположников стиля модерн, повлияв на развитие искусства конца XIX – начала XX века. Синтез искусств в контексте его творчества породил особый тип текста — полихудожественный текст, в котором одновременно реализуются несколько способов взаимодействия искусств. Его метатекст, базирующийся на категориях интертекстуальности, интерсемиотичности, синтетичности, живо-

писности, декоративности, охватывает все виды художественного творчества, объединяет черты разных стилей и эпох, синтезирует культурные традиции Запада и Востока, сочетает вещное с духовным, реальное с фантастическим.

Художественная деятельность прерафаэлитов, особенно Моррриса, подготовила почву для создания и развития стиля модерн в мировой культуре, в том числе и в культуре России. Она содействовала утверждению нового стиля в изобразительном искусстве и поэзии, легла в основу теории активной жизнестроительной роли искусства. Творчество прерафаэлитов-художников заинтересовало русских любителей живописи ещё во второй половине XIX века. В собрании картин в Александровском дворце в Царском Селе, принадлежащем императрице Александре Фёдоровне, супруги Николая II и внучки королевы Виктории, находились два полотна прерафаэлита Л. Альма-Тадемы (сейчас — в Павловском дворце-музее); одно из них — «Розы. Наслаждение любовью». Представитель русского академизма Г.И. Семирадский знал Альма-Тадему, был близок ему по стилю. Ещё одна его картина, «Фредегонда и епископ Претекстатус. Из времён Меровингов», была куплена С.М. Третьяковым (сейчас — в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина).

Искусство прерафаэлитов и их эстетические идеи стали необычайно популярными в России на рубеже XIX–XX веков. Ещё в 1880-е годы в русской живописи наметилось тяготение к модерну в творчестве В. Васнецова, который обратился к форме панно, к холстам больших размеров, рассчитанных на общественный интерьер, что являлось неизменной чертой прерафаэлитского искусства. Кроме того, В. Васнецов, как и прерафаэлиты, обратился к искусству прошлого, к сказке, былине. В контексте его картин наблюдается схожая с прерафаэлитами живописная система. Это заметно, например, в картине «Три царевны подземного царства», выполненной в технике сочетания натуралистичности и декоративности. Позы, в которых находятся фигуры, характеризуют действие как театральное. Ближе всего к стилистике В. Васнецова находилось творчество позднего прерафаэлита У. Уотерхауса: оба они помещали мифологических персонажей в поэтико-мистические пейзажи. С подобного рода схожестью связана история начала 2000-х годов, когда старая копия картины У. Уотерхауса «Леди из Шалотт» (подлинник находится в галерее Тейт) была продана в России как работа В. Васнецова «Княгиня Ольга».

Одним из верных поклонников прерафаэлитизма в России был М. Нестеров. Он искал героев в далёком прошлом, в религиозных легендах. В его картинах сосуществуют продуманная картинность и

растворение персонажа в природе, пребывающих в состоянии идиллической умиротворённости, а мифологическое соединяется с реальным («Пустынник»). Модерн нашёл воплощение в творчестве В. Поленова, И. Левитана, М. Врубеля. Поленов был живописцем, театральным художником, архитектором, музыкантом; мастером поэтического пейзажа («Заросший пруд»). В творчестве Левитана возникает тенденция к созданию «условно-реального» пейзажа («Над вечным покоем»). Ближе всего к стилю прерафаэлитов подошёл Врубель, для которого модерн стал способом мышления. В своих работах он неизменно воссоздаёт разные грани красоты, доказывая её априорность. Неизменным качеством его живописи и графики становится орнаментальность. Орнамент является одновременно и предметом изображения, и принципом композиции картины в целом («Девочка на фоне персидского ковра»), он превращается в моррисовскую «путаницу сада» (эскизы орнаментов для панно). Показательными для искусства русского модерна служат портрет «Ида Рубинштейн» В. Серова, эскиз панно «Весенний вечер» и картина «Водоём» В. Борисова-Мусатова, в которых имеет место линейно-декоративная система женских персонажей, разработанная прерафаэлитами, и музыкальность.

Для русского модерна, несомненно, знаковую роль сыграли принципы нового искусства, разработанные Моррисом в теории и воплотившиеся в его многогранном творчестве: стремление к всеединству и целостности; псевдоисторичность, вневременность и внепространственность, совмещение фантастического и реального; мифологизация собственного универсума, обобщение мифологем с позиций собственного видения, осовременивание архетипов; отношение к человеку и природе как к божественным сущностям, «одушевление материала» и участие человека-творца в этом процессе, оживление вещного и овеществление живого; «многомирие» и «многоипостасность» персонажей, неоднозначность интерпретаций, символизм, «театр масок»; поэтика возвышенного стиля, эстетизация объективной реальности; тема всеобщей органической связи всего сущего, стремление к циклизации, тематика времён года; подвижность и бесконечность пространства произведения, мотивы водной стихии (река, озеро, поток, волна, волосы и т.д.) и растительности (дерево, цветок) как воплощение развития мира, культ солнца и света; использование рамки как границы перехода из мира реальности в мир фантазии, мотив зеркала, отражения, двойника как постоянного пребывания человеческой личности на грани между двух миров: реальным и духовным, мотив лестницы и пути как восхождения прекрасной души; участие всех видов искусства в создании единого

гармонического пространства, дом как целостное, синтетическое произведение искусства, книга как микрокомпонент интерьера, человеческая личность как часть пространства интерьера; высокохудожественное ремесленничество как искусство, уникальность каждого создаваемого артефакта; концепция одноцветной картины, «цветовые доминанты», цветовой символизм; орнаментализация художественного произведения, отражение в нём варьированного повторения; стремление к театрализации жизни, художник как режиссёр, создающий праздничное «игровое пространство» бытия; неразрывность универсума и человеческой личности, творчески участвующей в процессе становления бытия, читатель/зритель как со-творец.

Все эти принципы нашли отражение в творческой деятельности русских художников начала XX века. В 1898 году в Петербурге начал выходить журнал «Мир искусства», который знакомил читателей с творчеством прерафаэлитов. Этот журнал по оформлению, характеру и содержанию напоминал английские журналы модерна, начиная с прерафаэлитского «Ростка» и печатных книг Морриса, до журналов «Жёлтая книга» и «Савой», редактируемые последователем прерафаэлитов художником-поэтом О. Бёрдсли.

В группу «Мир искусства», созданную по образцу Братства прерафаэлитов, входили А. Бенуа, Л. Бакст, М. Врубель, К. Сомов, М. Добужинский, Е. Лансере, И. Билибин, В. Серов, М. Нестеров, К. Коровин, Б. Кустодиев, Н. Рерих, С. Судейкин и многие другие. Объединение не представляло собой какого-либо художественного течения или направления; в него, как и в Братство прерафаэлитов, входили яркие индивидуальности, каждый художник шёл по собственному пути. В их творчестве имела место ретроспективная тенденция, выразившаяся в увлечении культурой XVII–XVIII веков.

Прерафаэлитский стиль прослеживается, например, в картинах К. Сомова, который мастерски имитировал технику старинной живописи. Он изображал реальную сцену как фантастическое видение из прошлого, превращал живописное полотно в театрализованную игру с персонажами-масками («Арлекин и Смерть»); умел представить современный женский образ в одеяниях былых времён на фоне поэтичного пейзажа («Дама в голубом»).

Отличительной особенностью «мирискусников» была многогранность: они занимались не только живописью, но и книжной графикой, декоративно-прикладным искусством, оформлением театральных постановок. Одним из руководителей объединения был покровитель искусств С. Дягилев, организатор «Русских сезонов» в Париже. В статье «Сложные вопросы» он, вслед за прерафаэлитами, утверждал, что целью художественного творчества является красота в

субъективном понимании каждого художника, который обладает абсолютной свободой в выборе тем, образов и выразительных средств, что для России того времени было довольно ново и непривычно. Так же как и прерафаэлиты, возродившие английское искусство в середине XIX века, «мирискусники» возродили русское искусство начала XX века. Их идеи опосредованно повлияли на поэтов эпохи Серебряного Века (А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, В. Хлебников, К. Бальмонт, И. Северянин).

Что касается рецепции литературного наследия прерафаэлитов, то на протяжении XIX–XX веков оно было практически неизвестно русскому читателю. В дореволюционный период, начиная с 1891 года, в России выходили рецензии на некоторые произведения Морриса; основной исследовательницей его творчества была З.А. Венгерова. После революции до середины XX века встречались лишь отдельные статьи, в которых Моррис преподносился как писатель-социалист. Во второй половине XX века интерес к его творчеству возрос; однако советские литературоведы исследовали наследие писателя в русле поиска революционного идеала и героических исканий. Вслед за литературоведами к изучению его творчества обратились и искусствоведы, которые также рассматривали его художественное наследие в социалистическом контексте. В немногочисленных работах о Моррисе-художнике имелись тенденции отрицать связь Морриса с прерафаэлитами.

Диаметрально противоположная точка зрения на творчество Морриса начала складываться в России в конце XX века. В это время появились исследования, в которых его стали относить к прерафаэлитам, творцам «средневековой» красоты в литературе и других видах искусства; вышли в свет первые научные работы, посвящённые творчеству прерафаэлитов: диссертация Н.И. Соколовой о литературном творчестве прерафаэлитов (1995) и книга о творчестве Д.Г. Россетти (1995), монография Н.В. Тишуниной «Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств» (1998). В 1996 году впервые был переведён на русский язык romance Морриса «Воды дивных островов» (пер. С. Лихачёва).

В начале XXI века произошёл настоящий культурный переворот в сознании российского реципиента относительно прерафаэлитского дискурса. Постепенно английские прерафаэлиты начали заполнять собой лакуну в контексте русской культуры. Стали появляться «русский Моррис», «русский Россетти», «русский Бёрн-Джонс» и другие «русские прерафаэлиты» в таких областях, как изобразительное и декоративное искусства, искусствоведение, литературоведение, искусство художественного перевода. О популярности прерафаэлитов

в России говорит и факт наличия в интернете русского сайта «Прерафаэлиты», и сочинение песен на стихи прерафаэлитов (кельтик-фолк группа «Нок-На-Рей»).

Что касается изобразительного искусства, то, к сожалению, картин собственно прерафаэлитов в музеях России нет. Представлен только тремя произведениями упоминавшийся нами ранее Л. Альма-Тадема. В контексте декоративного искусства прерафаэлитов в экспозиции Государственного Эрмитажа представлена шпалера «Поклонение Волхвов», вытканная в 1902 году в Мёртоновском аббатстве моррисовской компанией по эскизам 1887 года Морриса и Бёрн-Джонса. Всего было создано десять шпалер, различающихся по цвету и деталям; в Россию попала седьмая шпалера, приобретённая купцом и коллекционером С.И. Щукиным. Что касается Эрмитажа, то здесь периодически читаются лекции по английскому искусству XIX века, в том числе посвящённые прерафаэлитам: «Художники "Прерафаэлитского братства". Идеи и творчество», «Прерафаэлиты в 60–90-е гг. XIX в. Россетти, Бёрн-Джонс, Моррис». 22 апреля 2014 года в Лектории Эрмитажа состоялась лекция из серии *In Memoriam* «Уильям Моррис. К 180-летию со дня рождения».

Впервые полотна прерафаэлитов были выставлены в России в мае 2008 года, когда лондонский Аукционный дом Christie's проводил предпродажный показ работ прерафаэлитов и их последователей. Из Великобритании было привезено тринадцать работ для совместной выставки «Искусство прерафаэлитов и русская живопись» в Государственной Третьяковской галерее. В экспозиции были представлены «Приглашение на свадьбу» Дж. Миллеса, «Святая Цецилия» Дж. Уотерхауса, «Спящая красавица» Дж. Коллиера, «Жасмин», «Грёзы» А. Дж. Мура, картины Ф. Лейтона, Л. Альма-Тадемы, Дж. Тиссо, Ф. Дикси.

Следующая выставка, познакомившая русского реципиента с искусством прерафаэлитов, «Графика прерафаэлитов. Последние рыцари викторианской эпохи», состоялась в 2010 году. Она прошла в Палатах Старого Английского Двора (архитектурном симбиозе стилей двух столиц), хранящих историю русско-английских отношений XVI–XVII веков, отражающих дух средневековья. Выставка явилась совместным проектом галереи «In Artis», Музея Москвы, посольства Великобритании. На выставке были представлены сорок четыре гравюры, выполненные Бёрн-Джонсом в качестве иллюстраций к поэме Морриса «Купидон и Психея» из четырёхтомного «Земного Рая». Данное издание планировалось напечатать в моррисовской типографии *Кельмскотт Пресс*, но проект не был осуществлён из-за смерти Морриса (гравюры были напечатаны небольшим тиражом лишь в 1973).

В 2013 году в России произошло самое важное культурное событие, связанное с творчеством прерафаэлитов — в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина состоялась масштабная, долговременная выставка «Прерафаэлиты: викторианский авангард». По случаю её открытия в июне 2013 года Christie's в резиденции посла Великобритании провёл закрытый показ аукционных картин британских художников, большую часть которых составляли прерафаэлиты. Среди представленных работ были «Портрет леди Кэмпбелл» Дж. Э. Миллеса и знаменитая «Любовь среди руин» Э. Бёрн-Джонса.

Выставка «Прерафаэлиты: викторианский авангард» была организована совместно с галереей Тейт и Британским Советом. В экспозицию вошли восемьдесят произведений из музейных и частных коллекций Великобритании и США, среди которых — «Благовещение», «Возлюбленная», «Беата Беатриче», «Прозерпина» Д.Г. Россетти; «Марианна», «Офелия» Дж. Миллеса; «Клаудио и Изабелла» У. Ханта; «Сидония фон Борк», «Любовь, ведущая пилигрима» Э. Бёрн-Джонса. Структурно выставка включала в себя шесть разделов, посвящённых определённой тематике в творчестве прерафаэлитов: «Спасение», «Образы прошлого», «Природа», «Красота», «Поэтическая живопись», «Утопия». В последнем разделе были представлены произведения декоративного искусства, выполненные. Моррисом и компанией. Выставка явилась обзором творчества прерафаэлитов на протяжении пятидесяти лет в областях различных искусств; она предоставила русскому зрителю уникальную возможность не только познакомиться с их работами, но и составить представление о стилевых параллелях в британском и русском искусстве данного периода.

К выставке был приурочен литературный проект: издание сборника «Поэтический мир прерафаэлитов», а также насыщенная образовательная программа, включая лекции и конкурсы по прерафаэлитской тематике. Научный лекторий музея подготовил цикл лекций, охватывающий все виды искусства, которыми занимались прерафаэлиты: «Последние романтики великой империи», «Художники круга Россетти и зарождение эстетизма», «Уильям Моррис и движение "Искусств и ремёсел"», «Поэзия прерафаэлитов в контексте истории английской литературы», «Прерафаэлитизм в фотографии». В заключение выставки была проведена международная научная конференция «Випперовские чтения-2013: Тайное обаяние прерафаэлитов», посвящённая различным аспектам их творчества.

Начиная с 2004 года в России стали издаваться альбомы, журналы, книги, энциклопедии, посвящённые творчеству прерафаэлитов. В 2004 году вышла книга В. Шестакова «Прерафаэлиты: мечты о красоте». Журнал «Художественная галерея» выпустил два номера,

посвящённые Дж. Миллесу (№ 47, 2005) и Д.Г. Россетти (№ 104, 2006). В 2006 году появились книга «Прерафаэлиты» И. Светлова и иллюстрированная энциклопедия «Прерафаэлитизм» (сост. И. Мосин). В 2011 году издательство «Белый город» опубликовало альбомы «Самые знаменитые шедевры прерафаэлитов» (сост. А. Пантилеева) и «Тайное очарование прерафаэлитов» (сост. В. Шестаков). В 2013 году в этом же издательстве вышел альбом «Викторианская живопись и прерафаэлиты» (сост. Н. Майорова, Г. Скоков). В разные годы выходили альбомы, посвящённые творчеству Д.Г. Россетти, У. Ханта, А. Хьюза. К открытию выставки работ прерафаэлитов в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина были переведены на русский язык и изданы великолепные книги-альбомы «Прерафаэлиты» П. Бейт и «Прерафаэлиты. Жизнь и творчество в 500 картинах» М. Робинсона. Венцом русских изданий о прерафаэлитах-художниках стал фолиант «Прерафаэлиты. Викторианский авангард» А. Познанской (изд-во Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 2013).

В контексте искусствоведения защищён ряд диссертаций, посвящённых прерафаэлитам: «Орнамент в художественной практике декоративно-прикладного искусства второй половины XIX в.» Т.Ю. Арб-Кнорозок (2002), «Становление и развитие английского книжного дизайна XIX – начала XX вв.» Л.В. Жебровской (2006), «Творческий метод Э. Бёрн-Джонса и тенденции историзма в английской художественной культуре второй половины XIX в.» А.Ю. Броновицкой (2004), «Традиции средневекового шпалерного ткачества и проблема возрождения искусства шпалеры в XIX в. У. Моррис» А.В. Матюхиной (2006), «Исповедальность как принцип творчества Д.Г. Россетти» И.А. Агаповой (2006).

Если прерафаэлиты-художники признаны российскими учёными, критиками, зрителями, то прерафаэлиты-поэты ещё до конца не поняты и не оценены по достоинству. На сегодняшний день достаточно полно переведены поэтические работы Д.Г. Россетти: «Дом Жизни: поэзия, проза» (пер. В. Васильев, Т. Казакова и др.), 2005; «Избранное» (пер. А. Юрьев), 2008; «Дом жизни: собрание сонетов» (пер. Вланес), 2009. В 2012 г. вышел сборник переводов избранных стихотворений А. Суинбёрна «Молю, успейте внять стихам моим...», а в 2013 году появились новые переводы стихотворений Д.Г. Россетти, Э. Сиддал, К. Патмора, Дж. Раскина, К. Россетти, У. Морриса, А. Суинбёрна в контексте издания «Поэтический мир прерафаэлитов», подготовленного Британским Советом в России и Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Что касается литературных шедевров У. Морриса, то они по-прежнему ждут своего часа, чтобы быть правильно интерпретированными и эстетично переведёнными на русский язык. В помощь будущим переводчикам автором данной статьи проделана следующая подготовительная работа: издан иллюстрированный научный труд «Уильям Моррис: Лик Средневековья» (2007), представляющий собой биографию этого видного деятеля английской художественной культуры, в которую включены переводы отрывков из его поэтических, прозаических и публицистических сочинений; опубликована литературоведческая монография «Взаимодействие искусств в литературных произведениях Уильяма Морриса» (2008); защищена докторская диссертация на тему «Творчество Уильяма Морриса в контексте эстетизации средневековья и взаимодействия литературы с другими видами искусства» (2009), включающая в себя как литературоведческие, так и искусствоведческие аспекты; выпущена монография «Проблема синтеза искусств в теории и истории литературы и искусства» (2010), в которой освещается проблема синтеза искусств в эстетической концепции Морриса, анализируются формы присутствия элементов литературы в его живописно-декоративных произведениях; издано учебное пособие на английском языке «Английская поэзия XIX в. Ч. 2» (2012), в котором представлены творческие биографии Д.Г. Россетти, К. Россетти, У. Морриса, поэтические тексты и комментарии к ним.

В заключение хочется подчеркнуть, что творчество прерафаэлитов, которое с каждым годом обретает в нашей стране всё большую популярность, становится эстетически значимым не только для специалистов в области различных видов искусства и переводчиков, но и затрагивает душу, заставляет размышлять о бытии и красоте зрителей и читателей. Таким образом, создаётся и крепнет незримая нить между прошлым, настоящим и будущим, между российским и британским восприятием мира, между двумя великими мировыми культурами — культурой Великобритании и культурой России.

К. Ансон (Великобритания),
Н.Ф. Поленова (Поленово)

Мэри Уоттс и Елена Поленова: заочный дуэт

Наше сообщение посвящено двум представительницам движения «Искусства и ремёсла» (хотя в России это было скорее прикладное искусство в стиле «модерн») рубежа XIX и XX веков — шотландской художнице Мэри Уоттс и её русской современнице Елене Поленовой.

Насколько нам известно, имена этих двух художниц никогда ранее не связывались друг с другом. Они были ровесницами и принадлежали к сходному социальному слою, но их жизнь и творчество развивались в непохожих культурах: английской и русской. Кроме того, их наследие долгое время оставалось в тени их знаменитых родственников. Мэри Уоттс была замужем за Джорджем Фредериком Уоттсом (1817–1904), а Елена Поленова была младшей сестрой Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927).

Источники их искусства на первый взгляд совершенно различны: шотландка по рождению, Мэри Уоттс черпала вдохновение из близкого ей кельтского искусства, тогда как Поленова искала свои истоки в русском народном искусстве. Но обе они в эпоху промышленной революции и социальных потрясений стремились соединить современность с традицией, сделать декоративное творчество органичной частью повседневного быта и обновить — как это делала, в частности, Мэри Уоттс — искусство религиозное.

Тогдашние русские мастера чаще черпали художественное вдохновение во французском изобразительном искусстве, но с любопытством присматривались и к тому, что проходило в других европейских странах, в частности, в Англии.

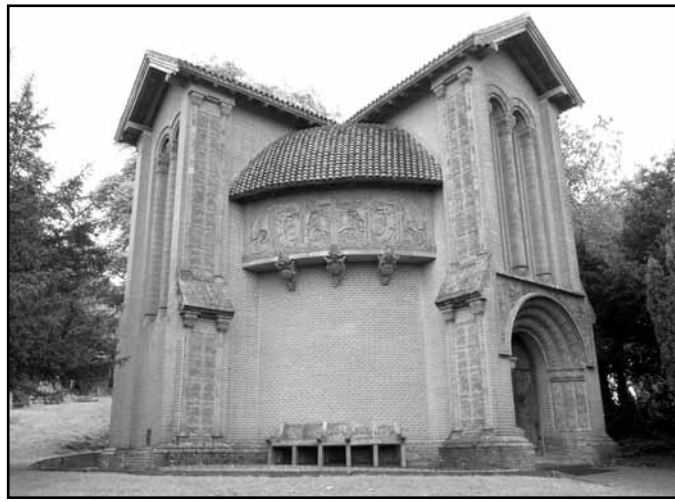
Елена Поленова признавала, что на стиль её книжных иллюстраций повлиял англичанин Уолтер Крейн. Он же породил интерес Мэри Уоттс к возрождению искусства лепки из гипса. Кстати, Джордж и Мэри Уоттс были гостеприимны. Так, их имение в 1887 году посетил Василий Верещагин. В свою очередь, Поленов пригласил двух английских художниц — Эмили и Мэри Шенкс — работать и выставляться вместе с ним и его «плеядой».

У истоков новых веяний в искусстве Британии стоял искусствовед Джон Рёскин. Парадоксально, но факт — этот «модернист» ратовал за возвращение к средневековой системе гильдий. Он полагал, что цеховая система, устраняющая разрыв между художественным проектированием и ремесленным изготовлением, гарантирует эстетическое качество, которого так недоставало фабричному производству XIX века. Вдохновленный Рёскином, Уильям Моррис — художник, теоретик искусства и яркий публицист — возродил ряд почти утраченных средневековых методов разработки эскизов и ремесленного изготовления мебели и тканей, повлияв на вкусы целого поколения. Безусловно, его вторая жена Мэри Уоттс формировалась под его влиянием.

Если в Британии идеи соединения искусства и ремесла оформились в конце 1880-х годов, то в России они стали укрепляться ещё в 1860-х, то есть на два десятилетия раньше, когда в Москве было основано Строгановское училище. Русский аналог «Искусств и Ремёсел» (разумеется, со своими специфическими художественными корнями) возник в подмосковном Абрамцеве под просвещённым патронажем владельцев усадьбы и меценатов Саввы Мамонтова и его жены Елизаветы Григорьевны. Там были организованы ремесленные мастерские для обучения крестьян изготовлению традиционных изделий кустарного промысла. Постепенно эти изделия, во многом благодаря энергии члена Абрамцевской культурной колонии Елены Поленовой, стали входить в моду среди городской элиты.

Следуя примеру Абрамцева, многочисленные помещики организовали свои сельские мастерские, и к концу XIX столетия около 7,5 миллионов крестьян (!) занимались традиционными ремёслами, что приносило им немалый доход, а — главное — придавало отечественному интерьеру новые краски с ярким национальным оттенком.

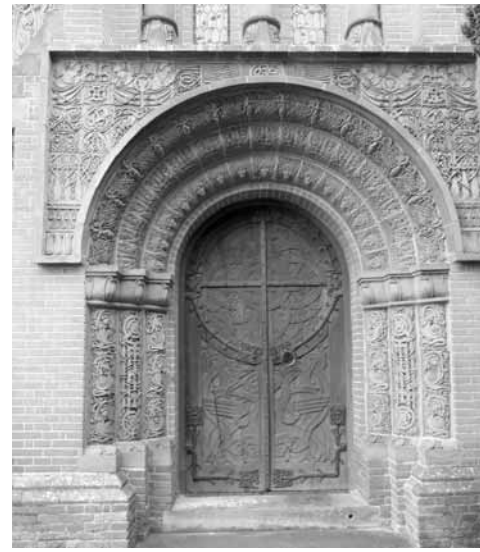
Параллельные нити художественных и социальных переплетений, впоследствии заочно связывавшие Мэри Уоттс и Елену Поленову, возникли почти одновременно в середине XIX века. Уоттс (урожд. Фрейзер Тайтлер) родилась в 1849 году, а Поленова — в 1850, причём обе — в родовитых семьях. Обе смолоду подолгу жили среди природы: одна — кельтской, другая — карельской. Обе получили

Мэри Уоттс. Часовня на кладбище в имении Уоттсов Комптон

художественное образование, обе занимались общественно-социальным служением. И хотя сформировались они в совершенно разных культурах, их социальные ценности были схожи. Обе обладали недюжинной силой воли и понимали культуру как служение социальным смыслам. Отсюда перекличка их творческих устремлений.

В имении Уоттса в Комптоне на сельском кладбище решено было возвести часовню. Мэри сама разработала замысловатый проект символического декора, выполненного в терракоте и основанного на её излюбленном кельтском орнаментальном переплетении. Строительство и декоративное оформление интерьеров велись с 1896 по 1904 год.

Мэри Уоттс. Портал часовни на кладбище в имении Уоттсов Комптон

Мэри Уоттс. Надгробие на кладбище в имении Уоттсов Комптон

Ради выполнения этой художественной задачи Мэри Уоттс организовала свою собственную вечернюю школу «надомных искусств», где обучала сельских жителей лепке из глины. Каждый четверг в доме Уоттсов проходили занятия, в которых участвовало тридцать-сорок учеников в возрасте от десяти до шестидесяти лет. В оформление часовни внесли свой вклад не менее семидесяти трёх человек. Часовня стала живым примером осуществления возвышенных принципов «Искусств и ремёсел», взаимопроникновения одного и другого.

После смерти мужа в 1904 году художница посвятила свою жизнь работе над его биографией и составлению каталога произведений, продолжая при этом руководить коммерческой деятельностью Гильдии гончаров и связанного с ней коллектива. Она умерла в 1938 году, но гончарные мастерские продолжали существовать до середины 1950-х годов. Её усилия преобразили повседневную жизнь и хозяйственную деятельность в Комптоне, а её наследие пережило её на многие годы и во многом актуально и сегодня.

«Лишить себя общественной деятельности в той или другой области — всё равно, что лишить себя самой здоровой и подкрепляющей пищи», — писала Елена Поленова брату в 1878 году.

Поленова приехала в Абрамцево в 1893 году, чтобы присоединиться к другим профессиональным художникам, работающим под попечительством Саввы Мамонтова. В 1881–1883 годах в Абрамцеве была возведена церковь, прообразом которой послужил храм Спаса на Нередице под Новгородом. Художники экспериментировали с живописью, резьбой по дереву и керамикой, а поэтому этот храм

может рассматриваться как первый проект движения «Искусства и ремесла» в России.

Жена Мамонтова Елизавета организовала ремесленную мастерскую, чтобы обучать там местных жителей традиционным народным ремёслам. У работников абрамцевской мастерской вначале не было никаких художественных амбиций, и их изделия были довольно посредственного качества. Но когда в 1885 году Поленова стала художественным руководителем мастерской, её судьба преобразилась благодаря поленовским проектам деревянной мебели.

Е.Д. Поленова. Тарелочка «Июнь» из серии «Двенадцать месяцев»

Край изобиловал лесом, и древесина была здесь главным строительным и ремесленным материалом. Деревянную мебель обычно расписывали или украшали резным граненым или инкрустированным декором. Поленова собрала обширную коллекцию подлинных образцов народного творчества, на основе которых с 1885 по 1893 год разработала более 100 художественных проектов мебели. Затейливые полосы мелкой «трёхгранной» резьбы чередовались со стилизован-

Е.Д. Поленова. Иллюстрация к сказке «Морозко»

Елена Дмитриевна Поленова.
Фотография 1874 года

ными цветами, птицами и мотивами солнечных лучей — традиционными народными символами плодородия и изобилия. Они изготовлялись вручную местными жителями под наблюдением самой Поленовой. После завершения трёхлетнего курса обучения, мастера отправлялись обратно в свои деревни, причём их снабжали инструментами, чтобы они могли продолжать там трудиться самостоятельно.

Увлечённость Поленовой народным творчеством и талант к разработке декоративных мотивов привели к тому, что скромное крестьянское ремесло вошло в моду сначала у либеральной городской элиты, а потом и в высшем свете, включая и царские покои. Они послужили примером и для других владельцев поместий, стремившихся посильно помочь сельским общинам.

Известность абрамцевских мастеров росла так стремительно, что в 1900 году поленовские проекты заняли центральное место в разделе ремёсел российского павильона на Парижской всемирной выставке и завоевали широкое международное признание.

«Язык символов — удивительная смесь Севера и Востока» — так определила английская исследовательница Нетта Пикок в 1899 году стиль Елены Поленовой. Но это же определение годится и для характеристики творчества Мэри Уоттс. Эти две художницы следовали одним и тем же духовным, даже мистическим интуициям, шли путём возрождения народного искусства, романтического представления о национальном характере. Это был новый синтез эстетизма и духовности. Независимо друг от друга, обе они смешивали северные и восточные влияния. Кельтские мотивы сочетались у Мэри Уоттс с орнаментами и мотивами Египта и Индии.

Поразительно, что независимо друг от друга обе художницы стремились к одним и тем же идеалам, создав своеобразную творческую смесь эстетического и демократического начал. Народное искусство в их творчестве естественно соединилось с модернистской линией и аристократической утончённостью.

Мы лишь наметили точки пересечения творческих миров Мэри Уоттс и Елены Поленовой. Думаем, что эта тема, вписанная в кон-

Мэри Уоттс. Орнамент для камина

текст эпохи, слом которой был уже не за горами — в 1914 году, ещё не раз привлечёт исследователей.

Не случайно в конце 2011 года Третьяковская галерея организовала первую с 1903 года выставку, посвящённую Поленовой, а в Англии дом Уоттсов вскоре должен быть превращён в выставочный центр, посвящённый жизни и творчеству Мэри Уоттс и продолжению её социальной деятельности и обучению искусству. Особенно важно, что в результате данного исследования были установлены рабочие отношения между Музеем Уоттса и Музеем-заповедником Поленово. Планы Елены Поленовой выставляться в Англии не исполнились на протяжении её жизни, но новая эра культурного обмена даёт надежду на возобновление отношений, которые столь трагически пресекла её преждевременная смерть.

Уоттс и Поленова никогда не встречались, но их идеалы, таланты, личные качества были настолько схожи, что если бы они увиделись в конце XIX века, то наверняка распознали бы друг в друге родственные души — не только в движении «Искусства и ремесла», но также в символизме и стиле модерн.

Дж. Боулт
(США)*

Малевич в Зазеркалье

Предметом моей статьи будет творчество Казимира Малевича. Тема эта на первый взгляд кажется весьма далёкой от российско-британского дискурса, но, как я надеюсь, поможет нам взглянуть на недооценённую, хотя и в высшей степени важную грань наших художественных связей. Позвольте мне для начала показать изображение замочной скважины с портрета Михаила Матюшина кисти Малевича (1913). Недавний взрыв интереса к работам Малевича, кульминацией которого в этом году были выставки в Амстердаме, Бонне и Лондоне, свидетельствует о том, что мы пытаемся подобрать ключ к его творчеству и, подобно Алисе, сделать шаг в Зазеркалье, переступив черту, разделяющую публичную поверхность и частное содержание его работ. Несмотря на огромное количество ключей (как самых обычных, так и музыкальных), которыми изобилуют полотна Малевича периода кубо-футуризма (например, работа 1914 года — «Туалетная шкатулка» с её крохотным ключиком), вполне вероятно, что нам так и не удастся открыть этот ящик Пандоры, хотя беспристрастное исследование указывает на существование определенного напряжения и точек пересечения между автобиографическими и внутренними конструкциями Малевича и его живописным отображением явлений внешнего мира.

Не слишком придавая значения формальному определению политических систем, философски и художественно Малевич восставал как против внешних проявлений, так и против сути того, что мы могли бы назвать капитализмом, и искал иные, более устойчивые

* Пер. с англ. М.В. Батхен.

истины. В результате Малевич создает пространство, в котором происходит постоянное колебание между публичным, или политическим, «здесь» и приватным, или «аполитичным», там, учреждая таким образом особую, буферную зону, и тем самым нередко вызывая недоумение зрителя и приглашая нас задуматься и попытаться разрешить эту загадку. Более того, если мир буржуазных безделушек, по выражению самого Малевича, «растаял, как дым», то после Октябрьской революции художник прекратил интересоваться этим миром, до того момента, пока не открыл бескрайний и безупречный мир чудес коммунистической утопии, населённый людьми-роботами и залитый однородным, равномерным светом.

Как свидетельствуют работы Малевича, их автор был не только знаком с различными идеологиями и мировоззрениями, но и отзывался на них в своём творчестве: это идеализм, если вспомнить его символистский период, христианство — как в его «Плащанице» 1908 года, капитализм или консюмеризм («Туалетная шкатулка» или «Женщина возле афишной тумбы») и коммунизм, если говорить о приспособлении супрематизма к социальным нуждам. В каждом случае Малевич пытается разобраться в данной системе социальной организации и дать к ней собственный комментарий, причём делает это, накладывая на данную систему собственное глубоко личное, даже герметическое, видение. В очень общих терминах мы могли бы сказать, что, например, в своём дореволюционном творчестве, особенно в кубофутуристических, или «заумных» работах, Малевич осуждал или, по крайней мере, пародировал имперский порядок с его капиталистическим культом вещей и христианской иконографией, а в послереволюционных работах выражал дух коллективизма и новой общинности. При этом Малевич нередко подчёркивает направление индекса движения внутри заданных рамок: назад, как в его поздних флорентийских портретах, или вперёд, как в его изображении грубых красных рук простых людей, используя подобный художественный жест для усиления переклички между здесь и там.

Таким образом, стратегия Малевича заключается в маскировке, в преднамеренном создании ребуса, являющегося продуктом своеобразного внутреннего мира, преломляющего и подвергающего сомнению конкретный мир с его непосредственной данностью. В этом Малевич напоминает нам других загадочных художников русского Серебряного Века, таких как Павел Филонов, Василий Масютин, Виктор Замирайло и даже Михаил Врубель, чьё творчество тоже находится в ожидании раскрытия тайн, даже если ключи к ним уже безвозвратно утеряны.

Однако теперь, не отвлекаясь более на отступления, давайте вернемся к теме настоящей конференции и рассмотрим российско-британские связи на примере работы Малевича «Англичанин в Москве». Картина была написана в конце 1913 или начале 1914 года и породила множество интерпретаций, которым, однако же, не удалось увидеть самого главного — того, что эта картина является встречей между реальной действительностью (политическим событием) и вымыслом. Здесь мы вступаем в игру в прятки, причем ключи в этой игре оставлены в самых непредсказуемых местах, и некоторые из них, правда, далеко не всё, мы можем обнаружить. Другими словам, Малевич одновременно и скрывает, и обнажает правду, оставляя нас, зрителей, в положении привилегированных посредников, подобно тому, как это делал Александр Блок, описывая героиню своего стихотворения 1906 года «Незнакомка»:

И странной близостью закованный,
Смотрю на тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Что же именно мы видим, глядя на «Англичанина в Москве», говоря простым, конкретным языком? Изображения разнообразных предметов (штык, свеча, рыба, церковь, ложка, лестница, ножницы) поверх человеческого лица и торса (которые, кстати сказать, предстают перед нами вновь, но уже в виде полноценной фигуры, в «Авиаторе» 1914 года), и внутренние надписи: «Скаковое общество» и «Частичное затмение». Но человек, маячащий на заднем плане, парень отнюдь не простой, поскольку одет в платье священника — пасторский воротничок, фиолетовая блуза и цилиндр. Глядя на нас почти вызывающе, этот протестантский епископ исчезает за нагромождением разнообразных предметов и наступающих со всех сторон цветовых плоскостей.

Если считать, что мы расшифровали всё правильно, что тогда означает эта фигура епископа англиканской церкви и в чем её публичный смысл вне значения, которое придаёт ему Малевич во внутренней игре своего воображения?

Конечно, в Москве начала 1910-х годов было много англичан, и их количество росло по мере расширения коммерческих и академических связей между нашими странами, но в этом случае существует определённое искушение предположить, что Малевич имеет в виду какое-то конкретное событие, например, визит делегации британского парламента в Петербург и Москву в январе–феврале 1912 года. Время прибытия этой группы в Петербург — 16 (29) января — было в

высшей степени благоприятным, поскольку совпало с неделей Англии, организованной для развития коммерческих и академических отношений между двумя странами. Делегацию возглавлял лорд Филипп Джеймс Стэнхоуп Уердейл (Philip James Stanhope Weardale), и она состояла из тридцати шести членов обеих палат английского парламента и четырёх епископов[1], представляя собой внушительную дипломатическую, военную и религиозную миссию, посланную британским правительством, чтобы заручиться благосклонностью имперской России, которая, следуя собственным интересам в области развития промышленности и железных дорог, уж слишком далеко зашла в дружбе с Германией. Однако кроме общей задачи завоевать благорасположение царя Николая и переиграть в этом всё более опасных соперников — Германию и Австрию (и сабля со штыками, с картины Малевича, могут как раз намекать на громкое бряцание этого оружия)[2], перед делегацией стояла ещё одна, куда более конкретная задача, а именно: учреждение так называемого «Русского общества», призванного укрепить отношения между православной и протестантской церквями[3]. Делегация была удостоена аудиенции царя Николая, сердечно встречена в Думе и получила широкий приём в обеих столицах. Среди светских членов делегации были Лорд Эмптилл (Lord Ampthill), адмирал Лорд Чарльз Бересфорд (Charles Beresford), Лорд Хью Сесил (Hugh Cecil), Лорд Дарби (Lord Derby), мистер Джеймс Лоутер (James Lawther) — спикер палаты представителей, сэр Джеймс Вульф Маррей (James Wolfe Murray) — представляющий армию, мистер Харольд Бейкер (Harold Baker) и мистер Джефри Дрейдж (Geoffrey Drage) — оба выдающиеся члены парламента, а также теолог Уильям Джон Бёркбек (William John Birkbeck). С делегацией приехал знаменитый русист Морис Бэринг (Maurice Baring), а среди сопровождающих лиц был Брюс Локхарт (Bruce Lockhart) — в будущем один из лучших британ-

---

[1] Авторы приводят разные цифры. Например, Брюс Локхарт говорит о «восьмидесяти великих мужах». См.: *Lockhart R.H.* Bruce. British Agent, Book Two: The Moscow Pageant. G.P. Putnam's Sons, New York; London, 1933.

[2] См.: *Бьюкенен Джордж.* Моя миссия в Москве и другие дипломатические воспоминания (B*uchanan George.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. London: Cassell, 1923. Vol. 1. Chapter 9. P. 108–109). Во время визита делегации Бьюкенен был британским послом в Петербурге. См. Также: *Neilson Keith.* Britain and the Last Tsar, British Policy and Russia, 1894-1917. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 322–323. Bruce Lokhart's description is especially vivid (see Note 2).

[3] См.: Birckbeck and the Russian Church. Containing Essays and Articles by the late W.J. Birckbeck, M.A., F.S.A., written in the years 1888–1915 (Being a continuation of Russia and the English Church, vol. I) // Collectedand edited by his friend A. Riley. London, 1917.

ских секретных агентов. В Петербурге их принимал британский посол Джордж Бьюкенен, чьи воспоминания служат нам важным источником информации о делегации.

Имея в виду «Англичанина в Москве», нас, конечно же, интересуют британские клерикальные связи, и тут мы узнаем, что делегация включала по крайней мере четырех протестантских епископов — Идена Уэйкфилдского (Eden of Wakefield), Арчибальда Робертсона Эксетерского (Archibald Robertson of Exeter), Уоткина Уильямса из Бангора (Watkin Williams of Bangor) и Джона Генри Бернарда (John Henry Bernard) из Оссори в Ирландии, которая в 1912 году всё ещё входила в состав Великобритании. В настоящий момент уже невозможно с определённостью идентифицировать епископа с полотна Малевича как одного из четырёх вышеназванных, хотя очень соблазнительно предположить, что это был епископ Бернард из Оссори, поскольку именно он выполнял роль основного гида и переводчика миссии и из всех членов делегации был наиболее заметен и разговорчив. (Здесь делегация посещает Третьяковскую Галерею, Епископ Оссори — в центре). Физическое сходство — узкое лицо с острыми чертами — делают епископа Экстерского Робертсона ещё одной вероятной кандидатурой на прототип портрета Малевича, даже несмотря на то, что, по слухам, он, к ужасу царя, был накоротке с Распутиным, а остальные члены делегации относились к нему неодобрительно. И, наконец, по сообщениям прессы, накануне поездки в Россию в недостойном поведении в Лондоне был обвинён епископ Уильямс, за что подвергся чему-то вроде маргинализации со стороны остальных членов делегации. Однако вне зависимости от того, принадлежит ли англичанин Малевича к вышеназванной группе и является ли он епископом Оссори, Эксетера или Уейкфилда, он без сомнения имеет некоторые опознавательные знаки своего сана — фиолетовую рубашку, пасторский воротничок и шёлковый цилиндр, то есть, одет в соответствии с повседневным, уличным дресс-кодом, который был особенно по вкусу епископу Оссори. (В более поздний период епископы, по-видимому, тоже отдавали предпочтение этому неформальному виду одежды. (Вот совсем современное изображение). Перед отъездом епископов из Лондона старейшины англиканской церкви настаивали на том, чтобы они были одеты по всей форме — в мантии и митры, дабы выглядеть «как можно великолепнее», но епископ Оссори настоял на скромном пиджаке, рубашке и цилиндре, простоте, которая, по газетным сообщениям того времени, снискала им симпатии[4] россиян. Вот как писал об этом Бёрбек в своём письме домой жене:

[4] См., напр.: The Times. London, 1912, 13 February. P. 5.

«В целом визит делегации прошел с большим успехом, и когда мы слышали, как люди на улице приветствуют англичан, было трудно представить себе, что это та самая Россия, где мы были столь непопулярны всего шесть лет назад. У меня сложились очень милые отношения с епископами. Епископ Уэйкфилдский оказался очень сердечным и добродушным человеком, епископ Эксетерский — умным и глубоко образованным, а епископ Оссори — был просто само очарование»[5].

К отчёту Бёрбека можно добавить, что вместе с епископами он был принят в Петербурге Священным Синодом, а 19 января (1 февраля) в Троице-Сергиевской Лавре митрополитом Трифоном. Возможно, эта встреча объясняет то, что Малевич поместил изображение церкви, похожей на очень обобщенную модель храма Успения в Загорске, поверх рыбы, (напоминая нам, что греческое слово «рыба» «ichthus» является акронимом «Христа»), которая в свою очередь помещена поверх лица епископа, что возвращает нас к одной из основных причин визита британской делегации — её попытки воссоединить православную и протестантскую веру. Будучи католиком, Малевич вряд ли был в особом восторге от такого союза, что могло бы объяснять иронический, если не сказать сардонический, дух, которым пропитан «Англичанин в Москве».

И в самом деле, как мы узнаем из ярких воспоминаний Брюса Локхарта, духовная часть делегация не отличалась абсолютной непогрешимостью: «На следующий день, к общему и их собственному облегчению, делегация отбыла в Англию. Но прежде чем она полностью покинула русскую землю, ей было суждено пережить ещё одно приключение. Поздним вечером, когда поезд, на котором они возвращались в лоно здравомыслия, прибыл в Смоленск, на платформе их встречала делегация русских священнослужителей во главе с местным епископом. Они пришли, чтобы хлебом и солью приветствовать английских епископов, но увидели вагоны с потушенными огнями и задернутыми занавесками на окнах. Несчастные англичане отсыпались после десяти дней беспрерывных банкетов. Русские, однако, проявили настойчивость. Они не побоялись холода, чтобы увидеть епископа из Англии, и они его увидят, пусть даже в ночной рубашке. Наконец, проводник поезда, опасающийся гнева собственного духовенства больше, чем вероятного негодования иностранных гостей, разбудил Мориса Беаринга. Сей великий муж оказался на высоте ситуации, и развязка наступила незамедлительно. Высунув голову в окно, он обратился к собравшимся священникам на самом

[5] *Birkbeck William John*. Life and Letters of W.J. Birkbeck.

лучшем русском, на какой только был способен. «Ступайте с миром! — прокричал он, — епископы спят». А затем, чтобы поставить окончательную точку, добавил доверительно, но твердо: «Они все пьяны»[6].

Конечно, не все детали «Англичанина в Москве» имеют отношение к христианству. Собственно говоря, обилие чужеродных образов (штыки, свечка, сабля, ложка и пила) скрывает от нас объективный мир, подвергая его частичному затмению. Однако, на самом деле, большинство этих образов относятся к словесной «зауми» из оперы «Победа над солнцем», которая в конце 1913 года в буквальном смысле не выходила у Малевича из головы.

Но что означают разбросанные по картине слова «частичное затмение»? С одной стороны, Малевич, как и все остальные в России, просто следил за новостями, и его внимание было приковано к реальным солнечным затмениям 1912–1914 годов, двух частичных (в 1912 и 1913) и одному полному — 8 (21) августа 1914 года[7]. Этому явлению было посвящено огромное количество книг и статей, научных и оккультных лекций, предлагавших ему как астрономические, так и астрологические объяснения[8]. И снова, упоминая частичное затмение, Малевич отсылает нас к текущим событиям, если и не имеющие особого отношения к Британии, то, по крайней мере, вполне реальным. Не приходится сомневаться, что затмения 1912–1914 годов и живой интерес к грядущему полному затмению 21 августа 1914 года оказали глубокое влияние на визуальную концепцию «Победы над солнцем» Малевича летом и осенью 1913 года. Все это свидетельствует о том, что, накладывая приватную «заумь» на публичные, если так можно выразиться, идеологические соображения, Малевич тем самым подрывал и подвергал цензуре эти соображения и глубокие политические последствия, которые они имели в 1912–1914 годах.

---

[6] *Lockhart R.H.* Bruce. Op. cit.

[7] В русских источниках до января 1918 даты даны по старому стилю. То есть, если они относятся к XIX веку, то отстают от западного календаря на двенадцать дней, если же они относятся к периоду между 1900 и 1918 гг., то на тринадцать дней.

[8] См., напр.: *Михайлов А. и др.* Полное затмение солнца 8 августа 1914 года в европейской России. М.: Московское общество любителей астрономии, 1913 (Михайлов также заранее описал полное затмение 1921 года — Михайлов А. ред. Затмение солнца и луны в 1921 году. М.: Государственный вычислительный центр, 1920); *Святский Д.* Предстоящее полное затмение солнца 8 августа 1914 г., видимое в европейской России. СПб.: Стасиулевич, 1914. Об общем обсуждении затмений в России см.: *Соловьева О.* Затмения. М., 2007.

Но что означает фраза «Скаковое общество»? И снова, в поисках ответа мы обращаемся к реальным событиям, и в рассказе Брюса Локхарта о делегации 1912 года читаем:

> «Мои следующие три дня прошли в вихре развлечений. Я даже ни разу не видел посла. Вместо этого я скромно следовал по пятам делегации, обедая то с одной, то с другой корпорацией, посещая монастыри и скачки, присутствуя на театральных гала-представлениях, пожимая руки длиннобородым генералам и по-французски обмениваясь высокопарными комплиментами с жёнами московских купцов»[9].

Не знаю, соответствует ли такое подробное прочтение «Англичанина в Москве» непосредственной теме нашей конференции, а именно, плодотворному культурному обмену между Великобританией и Россией, но присутствующие в этой работе слои — религиозный, сектантский, националистический, общественный и даже военный — указывают, что уже задолго до революции Малевич был человеком с развитым политическим сознанием, а не просто «живописцем», и в данном случае отлично видел британские дипломатические интересы и тактику. «Англичанин в Москве» — отнюдь не просто «заумная картина». Это очень рациональный, глубоко политизированный документ, едкий комментарий по поводу двух сомнительных союзников, чья государственность определяется религиозными настроениями не в меньшей степени, чем политической стратегией.

[9] Там же.

К.Э. Лоддер
(Великобритания)*

Наум Габо: проникновение русского искусства и конструктивизма в Британию[1]

За те десять лет, которые Наум Габо прожил в Британии (1936–1946), он стал ведущей фигурой британского авангарда и оказал громадное влияние на художественную жизнь страны. Его вклад в творческие достижения Британии имеет несколько аспектов. Во-первых, как русский художник, живший в Москве в героические дни Октябрьской революции и Гражданской войны, он был свидетелем, обладавшим ценными и подлинными знаниями русского авангардного искусства революционного периода, а также глубоким пониманием идей и формальных экспериментов, составивших основу конструктивизма, появившегося на свет в 1921 году. Для своих британских коллег Габо был прямым звеном и важным источником точной информации относительно теории и практики перемен в русском искусстве, происходивших в это беспримерное время. Художники в Британии стремились узнать про этот период как можно больше и с восторгом впитывали все факты, которые он мог им предоставить. Во-вторых, Габо ускорил развитие британского модернизма и рождение британского конструктивизма, став инициатором выхода сборника «Круг: международный обзор конструктивного искусства» (*Circle: International Survey of Constructive Art*, 1937), в кото-

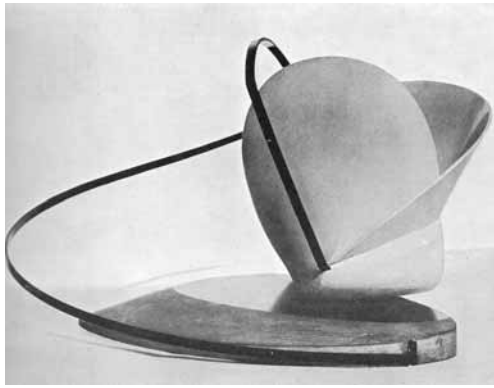
* Пер. с англ. Д.А. Прияткина.

[1] Эта статья основана на подробнейшем исследовании жизни и деятельности Габо: *Hammer Martin, Lodder Christina.* Constructing Modernity: The Art and Career of Naum Gabo. New Haven; London: Yale University Press, 2000. См. также: *Сидлина Н.З.* Наум Габо. М.: Русский авангард Сергея Гордеева, 2011.

ром он опубликовал идеи конструктивизма и репродукции русских работ этого направления. В-третьих, он стимулировал схожие процессы в Британии через свои конструкции и дизайнерские работы, в которых продемонстрировал на практике идеи конструктивизма и собственные убеждения, что искусство должно отражать новейшие технические достижения, воплощая новое научное понимание мира, используя современные материалы, такие как пластик, решая повседневные задачи и становясь активной силой, улучшающей жизнь каждого и совершенствующей среду, окружающую человека. И наконец, Габо просвещал широкую публику Британии на тему русского искусства в своих статьях, публиковавшихся в таких журналах как *World Review* («Всемирное обозрение») во время Второй мировой войны.

Конечно же, взаимоотношения Габо и британского искусства не были односторонними. Они были «возвратно-поступательными». Габо также получил многое от жизни и работы в Британии. Впервые за всё время своей творческой деятельности он стал ведущей фигурой, заметным лидером авангарда. В Москве он лишь начинал работать как скульптор, создавая свои конструкции практически в безвестности, на периферии художественного мира, и лишь наблюдал за успехами более известных личностей, таких как Владимир Татлин и Казимир Малевич. Ко времени своего переезда в Лондон почти двадцать лет спустя он был уже достаточно известной и авторитетной фигурой в прогрессивных художественных кругах Германии и Франции, так что британские коллеги сразу приняли его как состоявшегося, значительного авангардного художника и признали одним из лидеров. Он тут же занял весьма высокое положение в самом центре художественной жизни. В Лондоне Габо также приобрёл благосклонную аудиторию для своих работ и группу верных спонсоров, обеспечивших некоторую финансовую стабильность. Более того, именно в Британии Габо получил возможность реализовать многие свои проекты, в частности, опубликовать свои идеи в «Круге». И, в конечном счёте, дружба Габо с английскими художниками вроде Генри Мура и Барбары Хэпуорт побудили его более интенсивно заняться резьбой как техникой, чего он практически не делал раньше. Вскоре после прибытия в Лондон в 1936 году Габо представил законченный вариант композиции «Конструкция: Камень с воротников» *(илл. 1)*. Впоследствии он продолжил заниматься резьбой по камню, а в «Круге» писал о резной скульптуре, утверждая, что через нее можно выразить динамические энергии материала[2].

[2] См.: *Gabo N.* Sculpture: Construction and Carving in Space // Circle: International Survey of Constructive Art. London: Faber and Faber, 1937. P. 103–111; reprinted in Hammer Martin, Lodder Christina. eds. Gabo on Gabo: Texts and Interviews. Forest Row, Sussex: Artists Bookworks, 2000. P. 107–115.

1. *Наум Габо.* Конструкция: Камень с воротником. Ок. 1936–1937. Известняк, ацетат целлюлозы и бронза на слюдяном основании, 37 x 72 x 55 см. Галерея Тейт, Лондон. Иллюстрация: Circle: International Survey of Constructive Art. London, 1937

2. *Наум Габо.* Сконструированная голова № 2. 1916. Металл, 45 см выс. Частная коллекция, США.

Приехав в Лондон в 1936 году, Габо привёз с собой непосредственный опыт свершений русского авангарда в революционные годы. Для британских коллег Габо был живым воплощением революции и революционного искусства. За это они его уважали, и он пользовался непререкаемым авторитетом. Хотя он покинул Россию в 1922 году и на родину больше не вернулся, в судьбоносный период с 1917 по 1922 год он жил и трудился в Москве[3]. Его брат Антуан (Натан) Певзнер принял руководство студией Малевича в Московских государственных студиях свободного искусства, после того как сам Малевич уехал в Витебск в 1919 году. Таким образом, Габо был непосредственным свидетелем того, как развёртывалось движение авангарда в ответ на Октябрьскую революцию, да и самой революции. При этом он по существу оставался на периферии процесса — он не учился в Москве и в московскую художественную жизнь до 1917 года вовлечён не был.

Более того, Габо стал заниматься скульптурой всего за несколько лет до того, в Норвегии, где жил с начала Первой мировой войны до

[3] Gabo returned to the Soviet Union only once after leaving in 1922, visiting as a tourist in 1962.

Февральской революции 1917 года. Его ранние работы, такие как «Сконструированная голова № 1», «Сконструированная голова № 2», «Сконструированная голова» (Голова в угловой нише)» и «Торс» были фигуративными, сконструированными из деревянных и металлических пластин, переводя фрагменты кубистской живописи в трёхмерные элементы *(илл. 2)*[4]. Полые пространства, создаваемые композицией плоскостей в такой работе, как «Голова № 2», очень напоминают структуры, встречающиеся в математических моделях, с которыми Габо ознакомился, изучая естественные науки в Мюнхенском университете в 1910–1914 годах[5].

С ведущими деятелями московского авангарда Габо был связан главным образом через брата. В августе 1920 года Габо выставил свои фигуративные скульптуры рядом с живописными работами брата и Густава Клуциса на помосте на Тверском бульваре в Москве[6]. В связи с этой выставкой он написал и опубликовал «Реалистический манифест», в котором озвучивались идеи, лежащие в основе этих ранних работ[7]. Изложенными там концепциями и принципами он руководствовался на протяжении всех лет творческой деятельности и выражал их в своих публикациях и произведениях, созданных в Британии.

В основе своей они сводились к приверженности радикализму и русской революции, к технике, науке и машине как основополагающим элементам современного мира; стремлению использовать современные материалы для отражения этой приверженности; вере в то, что искусство может преобразить человека, а искусство должно стать составной частью повседневной жизни, т.е. должно находиться

---

[4] *Габо Наум.* Сконструированная голова № 1, ок. 1915, реконструирована в 1985, многослойная фанера, 54 см выс., Музей Штедель, Франкфурт на Майне; Сконструированная голова № 2, 1916, металл, 45 см выс., частное собрание, США; Сконструированный торс, ок. 1916–1917, утрачен. Репродукции см.: *Hammer Martin, Lodder Christina.* Constructing Modernity, P. 32–39; *Сидлина Н.З.* Указ. соч. С. 37, 42, 51.

[5] См.: картонные модели «Поверхностей второго порядка» Мартина Шиллинга, 1901, Мюнхенская Мастерская, организованная Феликсом Кляйном (1849–1925) и Александром фон Брилем в 1870-х, Музей науки, Лондон. Группа включает: эллипсоид с 22 секциями, эллипсоид с 30 секциями; гиперболоид из 2 листов; гиперболоид из 1 листа; параболоид; гиперболический параболоид; и конус из двух листов.

[6] См.: *Сидоров А.А.* О новом реализме // Творчество, № 5–6. 1920. С. 33.

[7] *Габо Н., Певзнер Натан (Певзнер Антуан)*, Реалистический манифест. М.: Вторая Государственная типография, 1920; воспроизведён в: *Hammer Martin, Lodder Christina. eds.* Gabo on Gabo. P. 23; *Сидлина Н.З.* Указ. соч. С. 75. Хотя авторами текста обозначены Габо и его брат, он очевидно был написан одним Габо.

в общедоступных местах; стремлению участвовать в качестве художника в улучшении среды обитания, т.е. применять искусство в практическом дизайне.

В «Реалистическом манифесте» Габо утверждал: «Пространство и Время родились для нас сегодня. Пространство и время — единственные формы, в которых строится жизнь и, стало быть, должно строиться искусство»[8]. Такие идеи вдохновили Габо на отказ от фигуративности во имя абстракции и создание «Кинетической конструкции» (она же «Стоящая волна»), представляющей собой металлический стержень, создающий при вращении посредством электромотора, зримый объём в пространстве[9].

Акцент, сделанный Габо на технику, науку, современность, и на общественную роль искусства, демонстрирует большую близость к идеям русских конструктивистов, но существует одно принципиальное расхождение. В отличие от них, Габо никогда не прекращал создавать произведения искусства и никогда не отступал от убеждения, что искусство — чрезвычайно важный вид деятельности. Он экспериментировал с дизайном в разных его проявлениях, но при этом продолжал создавать скульптуры и постоянно подчёркивал колоссальную роль искусства как такового[10]. Чтобы подчеркнуть разницу между своими идеями и идеями московских конструктивистов, Габо часто называл своё искусство не «конструктивистским», а «конструктивным».

Ещё до приезда Габо в Британию его творчество было в ней представлено декорациями к спектаклю Русского Балета (Ballet Russes) «Кошечка» (La Chatte), показанному в Лондоне в июле 1927 года *(илл. 3)*. Изобразительный ряд спектакля произвёл сильнейшее впечатление новаторским использованием современных материалов, таких как пластик и клеёнка, и ансамблем прозрачных абстрактных форм, создающих впечатление пространственной бесконечности Можно сказать, что до своего прибытия в Британию Габо был более известен здесь как художник-постановщик, а не как скульптор.

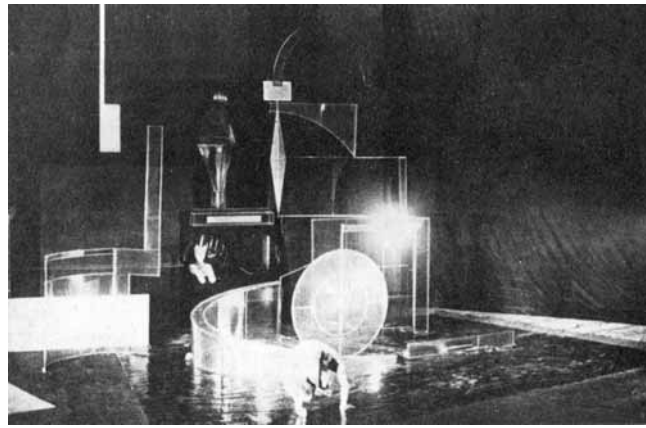
До приезда в Лондон в марте 1936 года Габо установил контакты с британским миром искусства. Он определённо встретился и познакомился с живописцем Беном Николсоном в Париже. После этого

---

[8] *Габо Н., Певзнер Натан.* Реалистический манифест; переводы на английский, см.: Hammer Martin, Lodder Christina. eds. Gabo on Gabo. P. 24–34.

[9] *Габо Наум.* Кинетическая конструкция (Стоящая волна), ок. 1920, металл, дерево и электромотор; 61.6 x 24.1 x 19.0 cm, галерея Тейт, London; репродукция в: *Hammer Martin, Lodder Christina*. Constructing Modernity. P. 69; и *Сидлина Н.З.* Указ. соч. С. 55.

[10] См.: *Lodder Christina*. Russian Constructivism. New Haven; London: Yale University Press, 1983.

3. Декорации к спектаклю русского балета «Кошечка», показанного в Лондоне в июле 1927 года. Статую Афродиты создал *Антуан Певзнер*, всё остальное — *Наум Габо*

знакомства (предположительно в январе 1936) Николсон писал критику Герберту Риду, что нашёл у Габо «поразительное чувство современности и очень широкое и глубокое понимание жизни... он принадлежит к числу самых значительных личностей, творящих в наши дни»[11]. Именно через Николсона Габо познакомился с другими видными британскими художниками, таким как скульпторы Генри Мур и Барбара Хэпуорт, архитектор Лесли Мартин, Рид и другими важными персонами британского мира искусства.

С самого начала жизни в Британии Габо стремился предать широкой огласке свои идеи «конструктивного искусства». В 1936 году он подготовил и опубликовал два текста, в которых разъяснял свою позицию: один был посвящён собственно «конструктивному искусству» и подчёркивал социальный и психологический смысл абстрактного искусства, а во втором анализировалась взаимосвязь изобразительного искусства и архитектуры и утверждалось, что оба вида искусства должны объединять общие идеалы[12]. Эта кампания по про-

[11] Письмо Бена Николсона Герберту Риду, 24 января [1936] // Herbert Read Archive, Special Collections. University of British Columbia, Victoria, Canada (hereafter Victoria).

[12] Gabo Naum. Constructive Art // The Listener. Vol. 16, no 408 (4 November 1936). P. 846–848; Gabo N. Modern Art and Architecture: Reports of the Principal Speakers at the Informal General Meetings on Wednesday 9 December 1936 // Journal of the Royal Institute of British Architects. Vol. 44, no 5 (9 January 1937). P. 213–215. Оба материала перепечатаны в: *Hammer Martin, Lodder Christina. eds.* Gabo on Gabo. P. 87–91, 93–96.

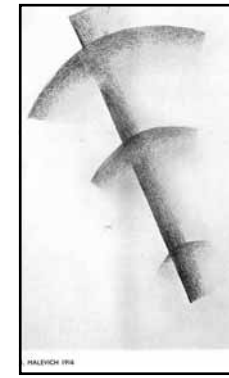
движению радикальной эстетики в британское искусство получила своё усиление и дополнение в «Круге». Этот сборник был подготовлен Габо при участии живописца Бена Николсона и архитектора Лесли Мартина. Логично, учитывая разные сферы деятельности составителей, «Круг» состоял из трёх разделов, посвящённых живописи, скульптуре и архитектуре, а четвёртый был посвящён искусству в повседневной жизни. Ведущая роль Габо в создании сборника проявляется ещё и в том, что он написал вступительную статью «Конструктивная идея в искусстве»[13].

В двух статьях, опубликованных в «Круге», Габо вновь выказал оптимизм по поводу той роли, которую должно сыграть «конструктивное искусство» в преобразовании человечества и его повседневного существования. Термин «конструктивизм» не использовался, но озвученные идеи не отличались от тех, которые Габо высказал в «Реалистическом манифесте». Это, следовательно, были те самые принципы и концепции, которые мы ассоциируем с теорией и практикой международного конструктивизма в том виде, в каком он появился в Западной Европе. Иными словами, «Круг» провозглашал идею универсального и абстрактного искусства, тесно связанного с современной наукой и техникой и ставящего прогрессивные в широком смысле политические (т.е. в общем, социалистические) цели. Это было искусство, которое можно было использовать как в чистом виде, так и применительно к более утилитарным дизайнерским проектам.

К сожалению, к середине 1930-х годов «конструктивное искусство» такого типа оказалось под давлением. В России и Германии оно было практически ликвидировано сталинизмом и фашизмом соответственно. В то же время во Франции и в Британии ему приходилось конкурировать с сюрреализмом. В такой достаточно угрожающей обстановке «Круг» стал попыткой утвердить, защитить и поддержать конструктивизм, или «конструктивное искусство».

Репродукции в «Круге» выбирались с целью максимальной поддержки «конструктивного искусства», но при этом они ещё и подчёркивали вклад русского искусства в теорию и практику международного конструктивизма. Так, раздел живописи открывали и закрывали супрематистские произведения Казимира Малевича. Габо определённо взял их из книги Малевича «Die gegenstandlose Welt», или «Необъективный мир», вышедшей в 1927 году в серии

[13] Gabo Naum. The Constructive Idea in Art // Circle: International Survey of Constructive Art / *Martin J.L., Nicholson Ben, Gabo N. eds.* London: Faber and Faber, 1937. P. 1–10; reprinted in Hammer Martin, Lodder Christina. eds. Gabo on Gabo. P. 97–106.

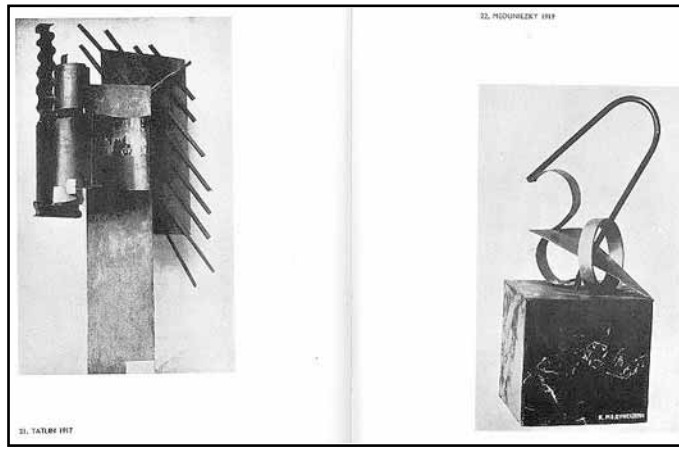

4. Страница из «Круга» с репродукцией Казимира Малевича. Иллюстрация: Circle: International Survey of Constructive Art. London, 1937.

«Баухаус» *(илл. 4)*[14]. Малевич также фигурировал в разделе, посвящённом выставкам, где были опубликованы фотографии инсталяций с выставки «Кубизм и абстрактное искусство», состоявшейся в Музее современного искусства в Нью-Йорке в 1936 году[15]. Среди других иллюстраций были фотографии конструкций Владимира Татлина и Константина Медунецкого. Оба этих автора и представленные работы плотно ассоциировались с русским конструктивизмом и формальными экспериментами, лежавшими в основе этого направления. Благодаря своей «Модели памятника Третьему Интернационалу» 1920 года, Татлин стимулировал появление конструктивизма через синтез разных видов искусства и использование материалов и принципов современной инженерии. Но Габо решил не давать репродукцию этого символа модернистских устремлений, вместо неё он включил изображение одного из более ранних рельефов Татлина. Это могло бы показаться странным выбором, поскольку данная работа не входила в число самых значительных произведений Татлина, но репродукция этого рельефа была размещена в каталоге Первой выставки русского искусства (Erste russische Kunstausstellung) в Берлине в 1922 году. Габо предоставил для выставки свои работы, участвовал в её организации и имел экземпляр каталога, так что это изображение было доступно. Это было немаловажным фактором, поскольку контакты с СССР к середине 1930-х годов стали чрезвычайно затруднены, и получить изображения напрямую из России было практически невозможно. Изображение конструкции Медунецкого также имелось в берлинском каталоге. Кстати, Медунецкий был членом Московской рабочей группы конструктивистов и выставлял скульптуру, иллюстрация которой появилась в «Круге» не только в Берлине, но и на знаменитой московской выставке мая 1921 года (Вторая Весенняя Экспозиция ОБМОХУ, или Общества

[14] Изображения, воспроизведённые Габо, см.: *Malewitsch Kasimir.* Die gegenstandlose Welt. Munich: A. Langen, Bauhausbücher 11, 1928. P. 83, fig. 79, p. 88, fig. 83.

[15] См.: Circle. P. 279.

5. Разворот из «Круга» с изображениями скульптурных конструкций Владимира Татлина (Контр-рельеф, 1917) и Константина Медунецкого (Пространственная конструкция, 1921). Иллюстрация: Circle: International Survey of Constructive Art. London, 1937.

Молодых Художников), где демонстрировались формальные изыскания конструктивистов в качестве своего рода прелюдии к полному и окончательному вливанию участников в профессиональную деятельность *(илл. 5)*[16].

Когда в 1937 году «Круг» вышел в свет, идеализм, отражённый на его страницах, представляется чрезмерно оптимистичным: слишком уж напряжённой была международная обстановка. Начало войны в 1939 году поставило британских художников в весьма трудное положение. Большую часть Второй мировой войны Габо провёл в Корнуолле, он жил в Карбис-Бэй, маленькой деревушке неподалёку от Сент-Ива. Он продолжал работать и смог даже выставлять свои скульптуры в Лондоне на тех немногих выставках, которые проводились вопреки бомбардировкам. Пока Германия не вторглась в Россию и СССР не присоединился к союзникам в борьбе против Гитлера, Габо никак не мог участвовать в деятельности, сопряжённой с войной. Поскольку Россия как бы сохраняла нейтралитет, его не интернировали, но он оставался под лёгким подозрением и обязан был регулярно являться в местный полицейский участок. После июня 1941 года

[16] Когда конструкция Медунецкого была показана на выставке «Erste russische Kunstausstellung» в Берлине в октябре — декабре 1922, её приобрела Кэтрин Дрейер, коллекционер из США, и впоследствии передала Художественной галерее Йельского университета (Yale University Art Gallery, Newhaven, Connecticut, USA).

ему доверили должность пожарного инспектора, хотя Сент-Ив ни разу не бомбили. Он внимательно следил за развитием конфликта в Европе, доверяя свои мысли и чувства дневнику. Многие записи в этом дневнике посвящены боевым действиям на территории Советского Союза. Брянск, его родной город, был оккупирован немцами, и Габо занялся сбором средств среди своих корнуолльских соседей на отправку в СССР медицинской помощи[17].

Во время войны Габо также писал и об искусстве своей родины. В «Концепциях русского искусства» он осветил общественную роль иконописи и представления, лежащие в основе русского искусства. Он явно стремился подчеркнуть положительные качества русской художественной культуры и обозначить её отличие от художественной культуры Западной Европы. Он писал:

> Русское искусство никогда не было плавным потоком последовательно меняющихся фаз. Готики в России не было, мимо прошёл ренессанс, европейское барокко она зацепила лишь краешком, и случилось это очень поздно. За исключением недолгой псевдоклассической манеры, привнесённой Петром Великим, ни один из периодов, столь значимых для европейского искусства, не оставил никакого следа в искусстве русском. Однажды возникнув, это искусство оставалось верным одной-единственной традиции, и как бы оно ни развивалось, это происходило согласно четкой и устойчивой эстетической концепции. Эта концепция была, во-первых, чисто идеалистической по смыслу, во-вторых, утилитарной и коллективистской в своих общественных задачах и, в-третьих, абстрактной в своём формальном выражении[18].

Со времени отъезда из России часть своих творческих усилий Габо посвятил дизайну. Живя в Берлине (1922–1933), он разработал систему шрифтов, выработал разнообразные архитектурные решения для новых видов строений, например, гаражей, и даже выдвинул свой проект на конкурс Дворца Советов в 1931 году[19]. Этой деятельностью он продолжил заниматься в Британии, разработав фурнитуру для кают круизного лайнера «Королева Мария» (Queen Mary), двер-

---

[17] Текст речи Габо о медицинской помощи теперь имеется в архиве Габо (Tate Archive, London). Он напечатан в: *Hammer Martin, Lodder Christina. eds.* Gabo on Gabo. P. 136–139.

[18] Gabo Naum. The Concepts of Russian Art // World Review (London), June 1942. P. 49; перепечатан в: *Hammer Martin, Lodder Christina. eds.* Gabo on Gabo. P. 140–146.

[19] См.: Наум Габо и Конкурс на Дворец Советов, Москва 1931–33. М.: Музей архитектуры им. Щусева, 1993; *Hammer Martin, Lodder Christina*. Constructing Modernity. P. 189–210; *Сидлина Н.З.* Указ. соч. С. 111–121.

ные засовы и камин (у которого просматриваются интересные параллели с печкой Владимира Татлина)[20]. В 1943 году Габо начал сотрудничать с Дизайнерским исследовательским бюро (DRU) и получил заказ на дизайн автомобиля для Джоветт (британской автомобильной компании), предполагавшегося к массовому производству в конце войны. Хотя Габо сделал множество эскизов и даже модель автомобиля, в производство он так и не пошёл. Компания в итоге посчитала его проект слишком сложным и дорогим. Определённо, гнутое лобовое стекло создавало серьёзные проблемы при производстве[21].

К сожалению, попытки Габо в области архитектуры были не более успешны. В 1931 году он изготовил проект Дворца Советов и разработал систему конструкций, позволяющую иметь минимальное количество опорных колонн в громадных залах. Элементы этой системы он запатентовал в Британии и постарался заинтересовать ею архитекторов и строителей[22]. Увы, все сошлись на том, что система эта слишком материалоёмкая при недостаточной эластичности.

Пожалуй, наглядней всего Габо приверженность Габо теории и практике русского авангарда революционного периода была его неизменная верность идее искусства на общественной арене. В «Реалистическом манифесте» он выразил эту убеждённость такими словами:

> «...на площади и улицы мы выносим своё Дело, убеждённые в том, что **искусство** не может и **не должно оставаться** убежищем **для праздных**, утешением **для усталых**, оправданием **для ленивых**. Искусство призвано сопровождать человека повсюду, где течёт и действует его неутомимая жизнь — за станком, за столом, за работой, за отдыхом, за весельем; и в будни и в праздник, и дома и в пути — **чтоб не угасло в человеке пламя жить**»[23].

Ещё живя в России, Габо создал «Колонну», которая (как и татлинская «Модель памятника Третьему Интернационалу) задумывалась в рамках ленинского Плана Монументальной пропаганды *(илл. 6)*. Габо намеревался поместить текст новой советской конституции на высоких прозрачных стеклянных плоскостях колонны с тем, чтобы но-

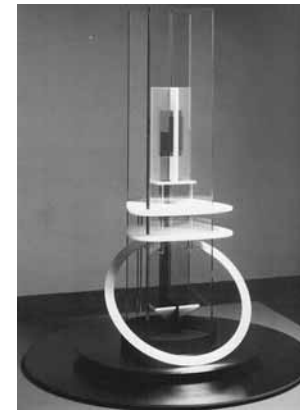
---

[20] Иллюстрации см.: *Hammer Martin, Lodder Christina*. Constructing Modernity. P. 234–235, 297; *Сидлина Н.З.* Указ. соч. С. 157.

[21] См.: *Hammer Martin, Lodder Christina.* Constructing Modernity. P. 292–297. Изображение автомобиля см. также: *Сидлина Н.З.* Указ. соч. С. 156.

[22] Историю патентов Габо см.: *Hammer Martin, Lodder Christina*. Constructing Modernity. P. 209–210.

[23] *Габо Н., Певзнер Наман.* Реалистический манифест. Пер. на англ., см.: Hammer *Martin, Lodder Christina. eds.* Gabo on Gabo. P. 24–34.

6. Архивное фото «Колонны» Наума Габо. Ок. 1923 (реконструирована в 1937). Пластик, металл, дерево и стекло, 104,5 x 75 см. Музей Гуггенхейма, Нью-Йорк

чью, подсвеченные прожекторами, эти слова плыли по тёмному небу, как бы написанные светом[24]. Этот проект не был единственным, так как в архивах Габо сохранилось несколько эскизов скульптурных памятников (статуй и рельефов), которые он в то время разрабатывал для разных советских учреждений. После переезда в Германию в 1922 году, Габо продолжал проектировать скульптуры для общественных мест, а вскоре после приезда в Британию разработал дизайн для авиакомпании «Империал Эйрлайнз»[25].

Во время войны, несмотря на бомбёжки, Габо вновь обратился к проблеме городской скульптуры и даже начал задумываться о реконструкции и необходимости нового типа городской скульптуры для нового мира, который, по его убеждению, вырастет на руинах мира старого. В 1942 году он писал Герберту Риду:

> «Я стараюсь... найти путь и более прямой подход к тому своеобразному Обществу, в котором, по моему мнению, нам, художникам, предстоит жить в не столь далеком будущем... Мои конструкции, главным образом, предназначены, в конце концов, для открытых пространств в новых городах. Главенствовать в новом обществе будут, как мне кажется, специалисты-профессионалы. И именно профессиональным корпорациям больше всего понадобятся новые скульптуры. Я стараюсь выполнить заказ, который ещё не получил. Я стараюсь... предупредить возможные обвинения в пренебрежении потребностями общества»[26].

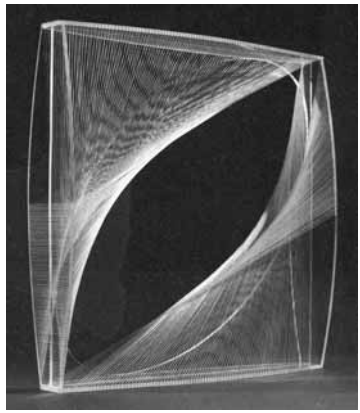
Одним из непосредственных итогов подобных размышлений стала «Линейная конструкция № 1» *(илл. 7)*. При работе над дизайном автомобиля для Джоветт Габо посетил разные фабрики и свою композицию построил на теме ткацкого станка. Хотя не Габо придумал

---

[24] Чарльз Уилсон, ассистент Габо в 1960–1970-е, в разговоре с Мартином Хаммером и Кристиной Лоддер, апрель 1988.

[25] См.: *Hammer Martin, Lodder Christina.* Constructing Modernity. P. 85–100.

[26] Gabo, letter to Herbert Read, 27 November 1942 // Victoria.

7. *Наум Габо.* Линейная конструкция в пространстве № 1. Ок. 1942. Плексиглас и нейлон, 34,9 x 34,9 x 8,9 см. Галерея Тейт, Лондон

понятие струн в скульптуре, он его развил, используя нейлон для создания плотной, но проницаемой мембраны, которая одновременно очерчивала пространство и подчёркивала пространственную бесконечность.

18 января 1943 года Габо описал свою великую радость в связи с освобождением Ленинграда и посвятил ему «Линейную конструкцию № 1». В своём дневнике он записал:

> «Очередную мою работу, за которую я уже принялся, я посвящаю Ленинграду. Я делаю это не из сознания долга, а в знак выражения моих глубочайших искренних чувств восхищения перед родиной моей, смиренных чувств строптивого сына к огорчённой и горячо любимой матери, с которой судьба меня разъединила. Я приложу все силы, чтоб сделать эту работу лучшею из моих лучших»[27].

Спустя год, вспоминая прорыв блокады, Габо упомянул «мою конструкцию в честь и память этого дня» и, процитировав лирическое описание Петербурга у Пушкина, воскликнул: «Прекрасный Пушкин... будут ли мои молчаливые струны достойны твоих звонких строк?»[28]

«Линейная конструкция № 1» так и не стала «общественной скульптурой». Вообще же, очень немногие из работ Габо оказались там, где «течёт и кипит жизнь», но за несколько лет до смерти он увидел, как его «Спираль» (Torsion) воплотилась в фонтане на территории больницы св. Фомы в Лондоне *(илл. 8)*. Особенно он гордился тем, что эту работу, некоторым образом восходящую к русской революции, можно увидеть через реку из здания британского Парламента, матери всех парламентов и символа парламентской демократии.

Возможно, это и есть надлежащая, и непреходящая, дань художнику, сделавшему так много для того, чтобы донести понимание

[27] Gabo. Diary. 18 January 1943. Tate Archive, London.

[28] Ibid. 27 January 1944.

8. *Наум Габо*. Вращающаяся спираль: Фонтан. 1972–1973 годы. Нержавеющая сталь, 310 х диаметр 335 см. Установлен рядом с больницей св. Фомы в Лондоне, напротив здания Парламента

русского авангардного искусства до Британии и привить британскому модернизму некоторые его идеи, идеализм и утопические устремления, вдохновлявшие героический русский авангард в бурные дни революционной эпохи.

Т.Ф. Верижникова
(Санкт-Петербург)

Александр Билибин: судьба и искусство (1903, Россия, Санкт-Петербург — 1972, Англия, Хартинг)

Жизнь английского художника Александра Билибина принадлежала к уникальному пласту европейской истории первой трети XX века, вместившему судьбы множества русских людей, оказавшихся вне России. Преобладал мощный поток эмигрантов (после революционных событий 1917 года), но существовали и исключения: так, судьба Александра, его отрыв от России был не актом эмиграции, а фатальной неизбежностью.

Ничто не предвещало будущего исхода, когда Александр Билибин появился на свет в Санкт-Петербурге в ухоженном с любовью и вкусом родительском доме («Квартира наша на Мытнинской, 11, была прекрасной», — будет ностальгически помнить он всю жизнь»[1]. Лишь стечение жизненных и исторических обстоятельств переместило Александра Билибина с берегов Невы на берега Темзы.

Счастливая путеводная звезда, казалось, всходила над его ранним детством. Родители Александра принадлежали к художественной элите столицы империи и находились в центре нового и современного объединения «Мир искусства. Отец — Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) входил в блистательную плеяду русских мастеров изобразительного искусства конца XIX – начала XX века, эпохе Серебряного века отечественной культуры.

[1] *Билибин А.И.* Об отце // *Голынец С.В.* Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1970. С. 142.

Для многих поколений имя художника связывается с волшебным миром русских народных сказок, образами языческой и Древней Руси, широкой панорамой русской старины, воссозданной им в книжной графике, театральных декорациях и костюмах[2].

Его художественная манера сплеталась из многих присущих времени веяний и одарила Серебряный век ярким и самобытным «билибинским» стилем. Русский Серебряный век не закончился 1917 годом, он разорвал границы исторического времени и ещё долго продолжал посылать своё сияние России — но уже из-за её пределов, из разных стран мира, куда вынужденно переместились многие представители великой когорты русской культуры.

Александр Иванович Билибин.
Лондон, 1960-е годы.
Англия, частный архив

Судьба привела Ивана Яковлевича Билибина из тревожного сентябрьского Петрограда 1917 года в любимый Батилиман — крымское имение художника. Однако в феврале 1920 года ему пришлось бежать из охваченного паникой Новороссийска. Он оказался в Египте, затем, в августе 1925 года, перебрался в Париж. В сентябре 1936 года судьба вернула его в Санкт-Петербург, тогда Ленинград.

На этом длительном, нелёгком пути знаменитый «билибинский» стиль не померк. Он эволюционировал в сторону более свободного, динамичного начала и обогатился живым знанием культур Египта, Сирии, Палестины, Франции. Расширился жанровый диапазон искусства художника: в эти годы он много работает как живописец, создавая портреты, пейзажи, фрески. Метод Билибина остался прежним — от понимания национального начала, от точного знания истории к художественному образу. И всюду — в Каире, Александрии, Париже, Амстердаме, Праге — Билибин оставался на высоте своего таланта.

---

[2] Подробнее об И.Я. Билибине: *Голынец С.В.* Указ. соч.; *Голынец Г.В., Голынец С.В.* Иван Яковлевич Билибин. М.: Изобразительное искусство, 1972; *Верижникова Т.Ф.* Иван Яковлевич Билибин. СПб., 2001; *Она же.* Иван Билибин. Жизнь и творчество. Суждения об искусстве. Современники о художнике. СПб., 2011.

Мария Яковлевна Чемберс. Санкт-Петербург, нач. 1900-х гг. Архив автора

Мать — Мария Яковлевна Чемберс (1874–1962), петербургская англичанка, «Мэри», как её называли друзья, также была художником, иллюстратором детских книг в изящном и поэтичном графическом стиле, напоминавшем английский книжный дизайн конца XIX — начала XX века. (М.Я. Чемберс закончила Школу Общества Поощрения художеств и училась в классах И.Е. Репина в Тенишевской студии в Санкт-Петербурге[3].

Мария Чемберс и Билибин познакомились в художественной студии княгини М.К. Тенишевой, где обучались живописи под руководством Репина. «Наши ученические годы в Тенишевке происходили как-то удивительно лучезарно. У Толстого в “Войне и мире” при описании Ростовых сказано, что там существовала “любовная атмосфера” — вот нечто подобное было и у нас. Потом несколько пар переженились», — вспоминал их соученик[4].

Брак Ивана Билибина и Марии Чемберс был, бесспорно, союзом искренней, взаимной любви и дружеской близости, основанной на общих профессиональных интересах и художественных идеях. В дальнейшем их жизненные пути разошлись, семейные узы распались, но осталась память о первых годах неомрачённого счастья. На фотографиях мужа молодая Мэри Чемберс-Билибина в старинных русских костюмах предстаёт пленительным олицетворением тонкой и строгой красоты. Влюблённый Иван Билибин пишет в это время друзьям шутливые письма на плохом английском языке, подписывая их «your truly G. Bilibin» или «Yours truly John J. Bilibin» — «Искренне Ваш Дж. Билибин» или «Искренне Ваш Джон Я. Билибин»[5].

---

[3] Подробнее о М.Я. Чемберс и её семье см.: *Верижникова Т.Ф.* Иван Билибин. С. 154–157.

[4] *Левитский В.Н.* Молодые годы И.Я. Билибина и русской графики // *Голынец С.В.* Указ. соч. С. 13.

[5] И.Я. Билибин — А.И. Бенуа. Письмо на обороте визитной карточки. До 1904. ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 717. Л. 1, 4.

В семье Билибина и Чемберс родились два сына. Старший, Александр появился на свет 3 января 1903 года, младший, Иван — 13 декабря 1908 года. Но к концу первого десятилетия XX века между супругами всё определённее обозначалась неизбежность разрыва. Позднее, в 1936 году, Билибин, заполняя личный листок по учёту кадров Академии художеств в Ленинграде, укажет точную дату состоявшегося разрыва — 1910 год[6]. (Следует отметить, что судьба художника не была лёгкой, а жизнь ровной: два расторгнутых брака и одна отвергнутая любовь. Когда любовь вставала на его пути, Билибин всецело принадлежал ей. Первая жена — Мэри Чемберс, вторая — Рене О'Коннель, юная Людмила Чирикова, не разделившая его чувства, и непревзойдённая уже никем Александра Щекотихина-Потоцкая, прорвавшаяся в 1923 году к нему в Каир из России — вехи личной жизни Билибина. Последний союз навсегда связал жизни двух больших мастеров русского искусства. Поразительная закономерность — все его жёны были художницами!

Мэри Чемберс осталась с детьми. Неожиданно всем им пришлось уехать из России. Но временный, как предполагалось, отъезд превратился сначала в скитания по Европе, а затем (и навсегда) — в жизнь в Англии.

Жизнь братьев Билибиных реализовалась в Англии. В 1917 году Александру было четырнадцать лет, и встал насущнейший вопрос о его образовании. В годы скитаний мать, Мэри Чемберс, занималась с глухим мальчиком сама — в основном английским и русским языками. В Англии Александр сначала обучался у священника мистера Джилби, специализировавшегося на обучении глухих, затем, в 1918 году, поступил в частную школу для глухих мальчиков Инс-Джонса в Спринг-Хилле (Нортгемптоншир). Эта школа, находившаяся в уединённом загородном поместье, славилась своей системой обучения — здесь развивали умение читать по губам без помощи жестов, и знаковый «язык рук» был под запретом.

Александр окончил школу около 1922 года, превосходно освоив систему «слышания» по губам, причём на двух языках — английском и русском. В Спринг-Хилле он получил и достаточно широкие познания по традиционной для английских школ учебной программе: репутация образованного и культурного человека была присуща ему до конца жизни.

В Англии проявились и незаурядные художественные способности Александра. В 1923 году он поступил в Центральную школу ис-

[6] НБАХ. Архив Российской Академии художеств. Дело Билибина. Ф. № 7. Оп. 3. Д. 41. Л. 15.

А.И. Билибин. Портрет И.И. Билибина (брата Ивана). Сер. 1920-х гг. Х., м. Англия, частное собрание

кусств и ремёсел в Лондоне, а в 1924 — в Королевскую академию художеств в Лондоне, где учился у Сиккерта.

Всю свою жизнь Александр Билибин сочетал работу профессионального художника театра и кино (на известных английских киностудиях в Пайпвуде, Твикенхеме и Эльстрее) и создание станковых произведений. К числу наиболее значительных фильмов, созданных при его участии, следует отнести два, вошедших в классику мирового кино, — «Святая Жанна» (1957) и «Жёлтый роллс-ройс» (1964), где снимались такие великие актеры как Жан Марэ, Ингрид Бергман, Омар Шариф.

Александр Билибин постоянно участвовал в выставках Королевской академии в Лондоне и в выставках Общества глухих артистов в Брюсселе. Он входил в Королевское общество художников-акварелистов и был пожизненным членом Художественного клуба в Челси. Интересный эпизод моих исследований жизни Александра Билибина связан с Челси Артс-клабом. На открытке, адресованной ему в Париж на адрес квартиры-студии его отца, написано: «Мы смотрели фильм «Шантаж» (знаменитый звуковой фильм Альфреда Хичкока британского периода, 1929 год) и встретили Хичкока после». Этот текст дополняет шутливый набросок портрета Хичко-

А.И. Билибин. Игра с быком в Древнем Крите. Декорация к фильму «Желтый роллс-ройс». Великобритания, 1964 год. Архив автора

ка и короткое сообщение: «Маргарет потеряла два зуба». Открытка подписана: «Томми».

Благодаря помощи мистера Стивена Бартли (архивист Челси Артс-клаб), исследование почерка автора открытки позволило идентифицировать «Томми» со знаменитым королевским живописцем А.Р. Томсоном, членом Королевской Британской Академии художеств (1894–1979). Он был ближайшим другом Александра Билибина на протяжении 53 лет, и (такова судьба) также глухим, как и Александр Билибин. Для обоих Челси Артс-клаб стал вторым домом, где Королевский Художник был известен как «Томми».

Александр Билибин – «казак» на костюмированном балу в Чэлси Артс-Клаб. Фото из архив Чэлси Артс-Клаба

Из года в год Александр писал монументальные декоративные завесы, скрывавшие огромный орган в Альберт-Холле (Лондон), для традиционного новогоднего бала (по эскизам известных современных английских художников), организуемом Челси Артс-клабом.

Александр Билибин в процессе работы над завесой для новогоднего бала Чэлси Артс-Клаб в Альберт-Холле

Александр Билибин обладал природными способностями мастера монументальной живописи. Его кисть, необычайно внушительных размеров (кисть — «швабра»), темпераментными и мощными ударами, обобщенными мазками создавала экспрессивное изобразительное поле. И завесы, исполненные художником, становились регистром динамичного пространства интерьера помещения, вмещавшего до двух тысяч участников бала. Декорации исполнялись, т.е. переносились Александром с эскиза в помещении близлежащей к

Альберт-Холлу церкви прямо на огромные полотнища холстов, акрами устилавшими её пол.

В 1927 году оба художника, Билибин Иван и Александр, объединяются в работе над декоративным убранством храма Успения Богородицы на православном кладбище в Ольшанах в Праге[7]. Безусловно, контакты между Иваном Яковлевичем Билибиным и Александром Билибиным существовали и до этой даты, и после. Отец Билибин, несомненно, знал достаточно о художественных способностях сына, чтобы пригласить его в помощники для работы над столь ответственным заказом. Александр Билибин, «Шуша», как его называли в семье русского художника, поддерживал дружественные связи с ней и в дальнейшем: об этом свидетельствует, в частности, обнаруженная в одном из частных архивов Санкт-Петербурга открытка на русском языке в дореволюционной орфографии, посланная 15 июня 1931 года из Лондона — в Париж.

«Понедельник.
Дорогая Александра Васильевна
Выслал Е. Brtca.
Эту открытку пишу, чтобы если на почте пропала,
то Вы могли бы спросить.
Ваш Шуша»[8].

Однако с горечью следует отметить трагический факт после возвращения в 1936 году в Россию, ставшую СССР. Иван Яковлевич Билибин, заполняя анкету для приёма на работу во Всероссийскую Академию художеств в Санкт-Петербурге, учитывая жестокие реалии этого периода советской истории, должен был написать, что связи со своей бывшей семьей, проживающей за границей, не имел и не имеет, и местонахождение её неизвестно[9].

В Ольшанах и ранее, с 1870 года, существовал православный приход и увеличивались православные захоронения. Так, в 1906 году здесь были перезахоронены останки сорока пяти русских офицеров, раненных в битве под Дрезденом и Кульмом в августе 1813 года и умерших в госпитале Праге.

Безымянные братские могилы русских воинов, участников Первой мировой войны, также расширили площадь этого кладбища. Массовая эмиграция из России после 1917 года привела в Чехосло-

[7] Крупным исследователем этого памятника, как и всего художественного наследия И.Я. Билибина в Чехии, является искусствовед из Брно Д. Кшицова.

[8] Brtca E. — сокращённое название Британской энциклопедии.

[9] НБАХ. Архив Российской Академии художеств. Дело Билибина. Ф. № 7. Оп. 3. Д. 41. Л. 15.

вакию и, прежде всего в Прагу (наряду с Берлином и Парижем — крупнейшим её центром), огромный поток беженцев, и давно возникшая потребность в создании храма на православном кладбище стала необходимостью. Но сейчас в условиях трагического исхода из «Красной России» он, сохраняя свои прямые канонические функции, приобретал значение духовного объединительного центра, памятника существования русских на чужбине, памятника русской культуре.

В.А. Брандт. Храм Успения Богородицы в Ольшанах. Чехия. 1925 год

Таковой эта церковь и станет в исторической перспективе. Здесь и вокруг неё обретут покой многие деятели русской науки и культуры, значительные в жизни России личности. Среди них: знаток византийского и древнерусского искусства, академик Н.П. Кондаков, писатель А.Т. Аверченко, инженер Н.Н. Игнатьев, в доме которого в Екатеринбурге был убит последний российский император Николай II и его семья, сын знаменитого русского художника В.М. Васнецова священник М.В. Васнецов, графиня С.Н. Толстая, мать и сестра писателя В.В. Набокова.

Благодаря поддержке премьер-министра Чехословакии Карела Крамаржа и его русской супруги Надежды Николаевны (урожд. Хлудовой) были собраны средства (включая крупный личный дар этой четы), необходимые для строительства. Проект храма Успения Богородицы принадлежал русскому архитектору В.А. Брандту (помощники — студенты-архитекторы Н.П. Пашковский и барон С.Г. Клодт). В 1925 году строительство было завершено, и на православном кладбище в Ольшанах возник однонефный однокупольный храм, стилизованный под церковную архитектуру новгородской школы конца XIV – начала XV века. (Аналогичный храм Успения Божией Матери — арх. А.А. Бенуа — будет воздвигнут в 1939 году на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем).

Иван Яковлевич Билибин, знаменитый своим неповторимым «русским стилем», был единственным, кто, по общему мнению эмиг-

И. Я. Билибин и А.И. Билибин. Мозаика «Св. Михаил» для церкви Успения Богородицы в Ольшанах. 1927 год

рации, мог создать росписи и мозаики для церкви Успения Богоматери в Ольшанах.

С 1926 по 1928 год в своей парижской мастерской он увлечённо работал над эскизами мозаик и фресок для храма в Ольшанах. (Автором иконостаса в стиле древнерусской иконописи XIV–XV веков был художник К.М. Катков (1905–1995), сотрудничавший с княгиней Яшвиль и консультировавшийся у Билибина). Однако из-за недостатка денег в конце 1920-х годов были выполнены только мозаики на внешних сторонах храма: «Богоматерь Знамения» — над главным входом и «Архангел Михаил» на северной стене храма.

Именно в работе над последней объединяются Билибины — русский и английский художник. Александр Билибин вспоминает: «Я потом сошёлся с отцом, уже будучи молодым человеком, в 1927 году. Я тогда был учеником в школе Королевской академии художеств в Лондоне... Когда я туда впервые приехал, то отец занимался приготовлением эскизов для русской православной церкви в Праге. Я ему с этим эскизом помогал. У него были и другие помощники, но он ими не был очень доволен. Хоть и не мне это говорить, но он был вполне доволен моей работой из-за её точности... Сам он занимался исключительно приготовлением эскизов. Я ему помогал с картоном Архангела Михаила... Я тогда прожил у него около четырёх-пяти месяцев»[10].

[10] *Билибин А.И.* Об отце // *Голынец С.В.* Указ. соч. С. 144.

Два момента для понимания Александра Билибина как художника важны в этих воспоминаниях:

1. Билибин — отец, ещё в Петербурге получивший прозвище «Иван — железная рука», оценил изобразительную точность Александра. Это свойство, близкое к «фотографической памяти», впоследствии отметят его друзья, члены Челси Артс-Клаб: «Билибин прославился тем, что смог нарисовать карту Британских островов по памяти. В процессе её демонстрации членам клуба было признано, что карта полностью соответствует аналогичной из атласа клубной библиотеки. Он практиковался изображать по памяти, так как считал, что это может быть полезным для работы»[11].

2. «...помогал с картоном Архангела Михаила». Эскизы Ивана Яковлевича Билибина необходимо было перенести абсолютно зеркально, но в сильном увеличении на картон, с которого при помощи шаблона-прорисовки набиралась мозаика в натуральную величину. (Этот шаблон, без сомнения, выполненный Александром Билибиным, был обнраужен мною в одной из частных коллекций Санкт-Петербурга). Местонахождение эскизов мозаик неизвестно, однако, по аналогии с увеличением эскизов фресок для этого храма в 12 раз, можно считать, что Александру Билибину пришлось создавать значительные масштабы. Это отвечало его формирующимся способностям монументалиста-исполнителя, которые блестяще проявятся в последующем.

Мозаики гармонично сочетаются с архитектурой церкви и поражают строгой торжественностью стиля, близкого к древнерусской интерпретации византийского. Изысканные, благородные цвета и золотое сияние смальт неотразимы на фоне белоснежных стен.

Работа по исполнению фресок по эскизам Ивана Яковлевича Билибина была начата лишь в 1941 году, когда художник уже жил в СССР. Руководила этим процессом его ученица, художница Т.В. Косинская (монахиня Серафима). Она приезжала из Парижа в Прагу. Под ее началом трудилась бригада русских мастеров-эмигрантов, многие из которых были выпускниками чехословацких художественных школ и Академии художеств в Праге.

Благодаря творческому единству, энтузиазму и высокому профессиональному мастерству эскизы знаменитого русского художни-

[11] *Dimmock A.F.* «Tommy». A Biography of Distinguished deaf Royal Painter A.R. Thomson / Scottish workshop publications. 1991. P. 74.

Иван Иванович Билибин.
Фото кон. 1950 – нач. 1960-х гг.
Англия, частный архив

ка Александра Билибина были воплощены в высшей степени адекватно, с полным сохранением оригинальной художественной манеры их создателя. Храм Успения Богородицы в Ольшанах остается прекрасным образцом творчества Ивана Яковлевича Билибина и уникальным примером совместной работы двух Билибиных — русского и английского художников над мозаикой «Архангел Михаил».

Жизнь второго английского Билибина — Ивана, брата Александра, также была яркой и насыщенной, хотя и не связанной с искусством[12]. Иван Иванович прошёл долгий и успешный путь от студента Оксфорда, журналиста первого поколения Би-Би-Си — до представителя прессы Императорского дома России в изгнании (Великобритания) и главы канцелярии великого князя Владимира.

В 1992 году восьмидесятичетырёхлетнему И.И. Билибину довелось ненадолго вернуться в Санкт-Петербург — город, откуда его увезли шестилетним ребёнком. На похоронах великого князя Владимира в Петропавловском соборе он состоял в свите их императорских высочеств великой княгини Марии, великой княжны Леониды и великого князя Георгия. За заслуги Ивана Билибина перед Русским Императорским домом он был награждён орденом св. Андрея Первозванного.

Иван Билибин умер 9 августа 1993 года. Похоронная церемония состоялась в церкви св. Джона в Рединге, где жил Иван Билибин с семьёй, и стала первой православной службой в этой церкви.

«Английские Билибины» — британская ветвь петербургской семьи Билибина — Чемберс — безусловно, внесли значительный и своеобразный вклад в историю Англии и исторические русско-английские культурные связи.

P.S. Об отце английских Билибиных. В 1936 году закончился период эмиграции Ивана Яковлевича Билибина. 16 сентября он

[12] Подробно об И.И. Билибине см.: *Верижникова Т.Ф.* Иван Билибин. С. 157.

вместе с женой, Александрой Васильевной Щекотихиной-Потоцкой и приёмным сыном «Славчиком» (Мстислав Николаевич Потоцкий) возвратился в Санкт-Петербург, ставшим Ленинградом. Без сомнения, художник искренне стремился в Россию, хотя опасался возможных очередных превратностей судьбы.

«...а дома зайца ждёт, Быть может, и покой, а может, и могила», — провидчески писал художник в «опусе» — метафорическом грустно-шутливом стихотворении, отразившем всю историю его эмиграции[13].

В первую блокадную зиму, 8 февраля 1942 года Иван Яковлевич Билибин умер в подвалах Академии художеств, где жили, спасаясь от бомбёжек, и умирали от голода многие его коллеги. При жизни их объединяло искусство, объединила их и смерть — братская могила на Смоленском кладбище.

БИБЛИОГРАФИЯ

Верижникова Т.Ф. Иван Билибин. СПб.: Аврора, 2001.

Верижникова Т.Ф. Иван Билибин. Жизнь и творчество. Суждения об искусстве. Современники о художнике. СПб.: Аврора, 2011.

Верижникова Т.Ф. Храм Успения Богородицы в Ольшанах: мозаика Ивана и Александра Билибиных // Научные труды Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Вып. 29: Проблемы развития зарубежного искусства. 2014. Апрель–Июнь. С. 261–270.

Голынец С.В. Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1970.

Голынец Г.В., Голынец С.В. Иван Яковлевич Билибин. М.: Изобразительное искусство, 1972.

Кшицова Д. И.Я. Билибин и Чехия // Наше наследие. 2004. № 70.

Bilibin I. Notes on Alexander. Рукопись. Англия, частный архив.

Bilibin G. Alexander Bilibin. Artists in Harting. Harting, 1985.

Verizhnikova T. Ivan Bilibin, Book design and England: a view from Russia. Russian stories. Ivan Bilibin. Catalogue of the exhibition held in the Univesity of Brighta gallery 5-28 October 1993. University of Brighta, 1993.

Dimmock A.F. «Tommy». A Biography of Distinguished deaf Royal Painter A.R. Thomson / Scottish workshop publications. 1991.

Halliwell L. Film & video guide. 2001.

Ivan Bilibin. The Times. 1993. 24 August.

[13] См.: *Голынец С.В.* Указ. соч. С. 227.

О.А. Моргунова (Петрунько)
(Великобритания)

«Русское присутствие» в Британии: люди, события, контекст

Русско-британский проект «Русское присутствие в Британии» представляет собой попытку социологического взгляда на динамику культурного обмена в результате развития русско-британских связей в исторической перспективе. Собирая материалы по истории миграции, авторы проекта не ставили задачу описать некий социологический портрет русскоязычной миграции в Британию, а предпринимают попытку создать возможности для более детального анализа динамики взаимодействия культур через человеческие судьбы, а также судьбы идей и произведений в новом культурном контексте. Сначала я расскажу о деятельности проекта и его планах, а затем остановлюсь на том, какие особенности поиска и анализа материалов стали методологической основой проекта, и рассмотрю предложенный подход во взаимодействии с существующей традицией изучения «русского зарубежья».

Проект *Russian Presence UK* был создан в 2008 году как независимая инициатива под руководством социолога О. Моргуновой (Петрунько) и попечителя Пушкинского Дома в Лондоне Н. Макаровой. Создатели проекта исходили из того, что среди многочисленного русскоязычного населения современной Британии появился интерес к «своим предшественникам» на этой новой для них земле. Этот интерес трудно было удовлетворить, не являясь специалистом, так как материалы по истории пребывания россиян в Британии были или недоступны в печати и Интернете, или носили поверхностный характер и содержали множество непроверенных фактов. Мы решили создать архив материалов, прошедших проверку на достоверность,

и разместить его в сети как общедоступный ресурс[1]. Предстояло решить вопросы как авторского права, так и критериев отбора материала и его размещения, которые решались в ходе консультаций со специалистами. Во время работы над цифровым архивом, мы также в некоторых случаях просили экспертов систематизировать или описать материал. Так появился раздел «Скрытые коллекции», созданный искусствоведом Н. Будановой и посвященный коллекциям русского искусства в Британских музеях. Мы стараемся следить за появляющимися новыми академическими публикациями, с благодарностью принимаем материалы, написанные краеведами, фотографии и сканы документов из семейных архивов, расширяем круг организаций, оказывающих нам партнерскую помощь. Письма, которые получает наш проект, позволяют нам более целенаправленно производить дальнейший поиск материалов. В 2012 году, после взаимодействия с Обществом устной истории, мы приступили к записи серии интервью с русскими эмигрантами, привезёнными в Британию детьми в 1920-е – 1930-е годы. Таким образом, сегодня проект видит свою задачу в том, чтобы сохранять цифровые копии материалов, дающих представление о многовековой истории русско-британских связей. Эти материалы смогут быть использованы как для дальнейших историко-культурных исследований, так и для получающей распространение дисциплины исторической социологии.

Методологическую основу проекта составили работы Ю. Лотмана и его представления о формировании Нового. Обращаясь к этой проблеме с семиотической перспективы, Лотман рассматривал процесс освоения и усвоения Новых символов и представлений в некой устойчивой системе культуры. Он предлагал разделять стабильное ядро семантического объекта и его динамическую периферию[2]. При взаимодействии этой динамической периферии с Новым в ней начинают происходить изменения, которые медленно воздействуют на ядро.

Русское присутствие как исследовательская парадигма подразумевает существование процессов культурного взаимопроникновения и делает акцент на взаимодействие переселенцев со страной эмиграции, на создание новых форм в каждодневной и интеллектуальной деятельности, на вклад эмигрантов в культуру страны пребывания. Этот подход широко распространен в сегодняшней социологии миграции, где вопросы интеграции и идентичности были вклю-

[1] http://www.russianpresence.org.uk Мы благодарим Энтони Кросса, главного консультанта проекта, коллег в России и Британии, а также волонтёров-переводчиков и редакторов, без помощи которых мы не могли бы осуществить этот проект.

[2] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 136.

чены в сферу внимания исследователей в последних десятилетиях XX века. Так, Стюарт Халл рассматривал идентичность эмигрантов не как данную сущность, а как индивидуальное позиционирование, не как единый текст, но как нестабильные идентификации, отмеченные «разрывами», а культуру миграции в целом как «открытие воображаемого»[3]. Однако такой подход не так распространён в изучении культурного наследия русской эмиграции не только в Британии, но в Европе в целом. Представляется важным остановиться на связи понятий *русское зарубежье*, в рамках которого широко и плодотворно изучается сегодня наследие российской эмиграции, и *русское присутствие*, которое стало концептуальной основой этого проекта.

Как мы знаем, такое культурное явление как *русское зарубежье* появилось в результате трагических последствий Первой мировой войны и революции, установления сталинского режима, когда железный занавес обусловил существование двух параллельно развивавшихся русскоязычных культурных вселенных. В некоторых случаях исследователи говорят о существовании «зарубежья», имея в виду истории более ранних российских изгнанников XIX века. Однако в целом *русское зарубежье* — это люди, которые жили вне России на протяжении сложного XX века, но не теряли с ней духовной связи, а также их произведения, созданные как отклик на личные истории и судьбы их современников, размышления о судьбах России и ее культуры. В коллективной памяти русского зарубежья, как утверждают многие исследователи, доминировали нарративы разрыва, травмы и насильственного отторжения. Начиная со знаменитой Нобелевской речи И. Бунина, обозначившей миссию русской эмиграции, до формулирования самого термина «Россия За рубежом» в одноимённой книге М. Раева[4], *русское зарубежье* трактовалось как исследователями, так и читателями как некая консервация русскости, разумеется, не в этническом, а в культурном смысле. Целью общения внутри этого мира было сохранение, консервация и мечта о возвращении.

Однако происходящие сегодня в мире процессы, в том числе сотрудничество учёных разных стран, более свободный доступ к архивам и материалам, цифрование редких и малодоступных источников, позволили обратить внимание и на другие аспекты развития русскоязычной культуры вне России, на её роль в культуре «принимающих стран», и в свою очередь на взаимообогащение и инновационность

[3] *Hall S.* Cultural Identity and Diaspora. London: Lawrence & Wishart, 1990. Здесь и далее перевод автора.

[4] *Raeff M.* Russia abroad. New York: Oxford University Press, 1990.

созданного эмиграцией в новом культурном контексте. Именно поэтому проект *Russian Presence UK* ввёл в научный оборот понятие *русского присутствия*, предлагая рассматривать судьбы эмигрантов и созданные в эмиграции произведения в контексте существующих на тот момент представлений о России и русской культуре, в тесном взаимодействии русских эмигрантов с обществом и культурой принимающей их страны, в контексте русско-британских культурных связей. Далее я остановлюсь на некоторых особенностях этого понятия, подкрепляя их примерами из практики нашего проекта.

В первую очередь, термин *русское присутствие* позволяет рассматривать эмиграцию в более широких хронологических рамках и не разделяет период изучения этого явления на условные прошлое и настоящее, не выделяет из среды эмигрантов литераторов, людей искусства и учёных. Такой подход позволяет увидеть некоторые особенности российской эмиграции в Британию, которые иначе остались бы незамеченными, будучи разделёнными временными границами. Так, например, нам удалось обратить внимание на удивительную схожесть тех социально-культурных типов мигрантов, которые селились в Британии в различные эпохи. Из трудов Энтони Кросса, основоположника изучения ранних культурных контактов между Россией и Британией, мы узнаём, что развитие связей между странами происходило, как и в других странах Европы, через официальные каналы (посольства, визиты), прирастало родственными связями дворянства, а также благодаря развитию концепции Большого Путешествия и позднее делового туризма[5]. В отличие от многих других стран, в русско-британских культурных контактах на протяжении столетий значительную роль играли образование и обучение, и эти цели продолжают оставаться одним из главных типов долгосрочных виз, полученных россиянами сегодня, сохраняя тем самым интеллектуальный характер миграции между этими странами. Собранные нашим проектом на сайте в цифровой форме материалы, касающиеся российских стажеров, студентов и высококвалифицированных мигрантов последних столетий в Британии, открывают новые возможности для исследователей провести параллели в том, как адаптировались и как использовали впоследствии свои знания эти люди. Другой особенностью российской миграции в Британию, начиная с первой половины XIX века, была роль, которую играли и играют

[5] В том числе, см.: *Кросс Э.* Начало: русские в Британии // *Макарова Н., Моргунова О.* Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. *Cross A.* «By the banks of the Thames»: Russians in eighteenth century Britain. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. *Cross A.* Peter the Great through British eyes. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

политические мигранты. Однако свести русскую эмиграцию исключительно к интеллектуальному поиску или политическому протесту представляется неправомерным.

Практически все авторы, занимающиеся русской эмиграцией, обращали внимание, что русские сообщества во всех странах создавали культурные и образовательные институты, общества, некую инфраструктуру общения. Книга «Ливинг Лондон», изданная на рубеже XIX–XX веков, описывает русскую колонию и даже колонии Лондона среди других примечательных особенностей лондонской жизни[6]. В ней неоднократно упоминаются русские (русскоговорящие) жители Лондона. Отмечалось, что существует целая колония, если не колонии, россиян со своими почтой, банками, врачами. Среди лондонских типажей оказались и русские туристы, в основном деловые люди или инженеры, приезжавшие в страну по работе. В книге «Русские в Англии» О. Казнина[7] собрала значительный материал о русских эмиграционных объединениях после 1917 года. Антрополог Х. Копнина[8] описала, пользуясь языком иной дисциплины, социальные связи русских, живущих в Лондоне уже в конце XX века.

В воспоминаниях «известных» русских лондонцев разного периода встречаются упоминания о других россиянах, с которыми авторы этих мемуаров сталкивались в Англии. Вот несколько случайных примеров. В письмах Герцена встречаются частые упоминания о соотечественниках. В 1857 году он отмечал, что русских в Путнее, районе Лондона, где он жил, «видимо-невидимо». В том же году в другом письме добавлял, что его посещают «лавины русских»[9]. В 1923 году Борис Пильняк, приехавший в Британию налаживать контакты с ПЕН-клубом, описывая свои встречи с другими «командировочными», с Дмитрием Мирским и другими русскими интеллектуалами, жившими в Лондоне, в письме к Ремизову по ходу замечал, что снял квартиру, а хозяйка «оказалась русской из Полтавы, но с британским паспортом»[10]. Эти выдержки из писем и воспоминаний свидетельствуют, что, несмотря на не столь значительное число россиян, су-

---

[6] *Sims G.* Living London. London: Cassell and Co, 1902.

[7] *Казнина О.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М: Наследие, 1997.

[8] *Kopnina H.* East to west migration. Aldershot, Hants, England: Ashgate, 2005.

[9] Цит по: *Рогачевская Е.* Библиотека Британского музея как центринтеллектуальной и культурной жизни российской политической эмиграции XIX века // *Макарова Н., Моргунова О.* Указ. соч.

[10] Цит. по материалам о семье Говард (Howard), предоставленным проекту М. Фальчиковым.

ществовала некая среда если не общения, то интереса между россиянами-эмигрантами.

Различаясь по роду занятий, идеологическим и политическим пристрастиям, финансовому положению, россияне в Британии формировали некое культурное «поле»: были «интересны» как самим себе, так и россиянам, жившим в других странах, а также вовлекали в это поле коренных британцев, делая для них ближе и увлекательнее русскую культуру. Создание активной периферии (по Лотману), зоны взаимопроникновения и взаимовлияния культур является, в какой-то мере, особенностью русской эмиграции в Британии, где, в отличие от других стран Европы, в 1920-е — 1930-е годы проходили процессы натурализации эмигрантов, где они активно участвовали в местной жизни, устанавливая дружеские и профессиональные связи. Эти совсем не изученные, культурные и социально-информационные связи и представляли собой некую плодородную почву, повседневный фон, в котором происходила интенсивная работа по созданию тех гибких форм культурной адаптации и создания нового, о котором говорил Лотман. Эти механизмы, очевидно, продолжают оказывать воздействие сегодня, однако чрезвычайно мало исследовались.

Русская эмиграция — это не только выдающиеся творческие личности и мыслители, но множество неизвестных нам судеб. Так, в уже упоминавшейся книге «Ливинг Лондон» говорилось: «Среди иностранных сообществ русское в Восточном Лондоне имеет особый интерес. <...> На ум приходят сцены [из произведений] Толстого, стоит только столкнуться с пёстрым и многообразным русским населением, теми, кто толпится на главных улицах, улочках и аллеях Ист Энда»[11]. Это многочисленное и колоритное русское население Лондона не оставило значительного эпистолярного наследия, и очень мало известно, как развивалась жизнь этих колоний, как соприкасались они и знакомились с британским укладом жизни. Однако жизнь этого национального круга представляет собой некий исторический контекст, важный для понимания эпохи и восприятия в Британии русской культуры. Наш проект, проводя устные интервью с русскими эмигрантами, обращаясь к семейным альбомам и архивируя цифровые копии материалов о жизни русских сообществ в Британии, вносит свою лепту в описание «повседневности» эмиграции в Британии, сохраняет то, что может быть полностью утеряно, и позволяет увидеть параллели с сегодняшними «интеграционными» тенденциями русской эмиграции.

[11] *Sims G.* Op. cit. P. 28. Перевод автора.

Говоря о творческой составляющей российской эмиграции, хотелось бы отметить, что и в этом отношении проект придерживается широкого понимания термина «культура». Исследователи *русского зарубежья* традиционно делали акцент на изучении литературного творчества эмигрантов. Раев, например, утверждал, что «современная русская культура представляется, находит наиболее яркое выражение в ее наиболее индивидуализированной и характерной форме, в литературе ... и язык — это та черта, которая определяет национальную идентичность»[12]. Не случайно, например, создавая некую типологию эмигранта-творца, Инна Минеева в статье «Феномен эмиграции в русской культуре XX–XXI веков» говорит именно о писателях: писатель-эмигрант, экспатриант, номад и турист[13]. Однако другие исследователи настаивают на том, что следует более широко интерпретировать национальную культурную традицию в эмиграции. Например, в недавно вышедшем сборнике «Русская культура в эмиграции: консервация или эволюция» Кристофер Фламм считает проблематичным утверждение Раева, что визуальные виды искусства универсальны и легче «ассимилируются» в западную или мировую культуру[14]. Холистический, инклюзивный подход к этой проблеме был принят в сборнике статей под редакцией Э. Кросса, посвящённом проблемам восприятия, приятия и понимания российской культуры в Британии. В сборник вошли материалы, касающиеся как вербальных, так и невербальных видов творчества, созданные или описанные как русскими эмигрантами, так и британцами-русофилами[15].

Присутствие русской культуры (знание о ней и интерес к ней) в сознании британцев сыграли огромную роль в формировании пространства русской культуры, в котором оказывались приезжавшие эмигранты. Обратившись к уже приведённой цитате из «Живого Лондона», хотелось бы отметить, что конкретные персонажи Лондона воспринимались автором в контексте известных уже в то время в Британии литературных произведений Толстого. То есть, мы опять можем говорить о некоем русском присутствии, в данном случае присутствии «большой» русской культуры, в контексте которой могла восприниматься русская эмиграция в британской столице. Жизнь

[12] *Raeff M.* Op. cit. P. 95.

[13] *Минеева И.* Феномен эмиграции в русской культуре XX–XXI веков: Генезис, семантика, интерпретации // Русское зарубежье и славянский мир. Белград: Славистическое общество Сербии, 2013.

[14] *Flamm C., Keazor H., Marti R.* Russian Émigré Culture: Conservatism or Evolution? Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2013.

[15] *Cross A.* A people passing rude. Cambridge: Open Book Publishers, 2012.

русских эмигрантов в Британии была неотделима от шлейфа ассоциаций, вызванных русской культурой.

Огромную роль в создание *русского присутствия*, т.е. в формирование представлений и знаний о русской культуре, внесли те британцы, которые жили в России, а затем вернулись в родную страну, привезя с собой воспоминания и во многих случаях предметы искусства. Однако это влияние в исторической перспективе, через судьбы предметов и жизненный путь потомков, не являются, к сожалению, предметом детального анализа при изучении русского зарубежья.

Пытаясь хотя бы частично восполнить этот пробел, проект Русское присутствие в Британии включает в сферу поиска материалов и семейные вебсайты британских семей, когда-то живших в Британии, например, воспоминания семьи Шанкс[16], и архивные материалы предприятий, активно работавших на русском рынке и посылавших туда своих сотрудников, таких как шотландская компания Холланд энд Шерри, и семейные архивы, например, сохранившиеся документы семьи Говардов, пять поколений которой жили в России до начала XX века. Мы надеемся, что собранные материалы будут введены в научный оборот и будут полезны для грядущих исследователей.

Таким образом, понятие «русское присутствие», с точки зрения авторов проекта, включает в себя не только судьбы россиян и деятельность британских русофилов, но и влияние русской литературы, музыки, изобразительного искусства на британскую культурную жизнь, и общественные настроения, вызванные политическими событиями, и памятники, имеющие отношение к России и находящиеся в Британии, а также произведения искусства, исторические свидетельства, семейные архивы, связанные с жизнью россиян в Великобритании на протяжении нескольких столетий. По мере возможности наш небольшой проект старается внести свой вклад в сохранение и расширение материалов, которые могли бы помочь исследователям в будущем.

[16] http://www.shanks-family.org/.

М.Ф. Мудрак
(Санкт-Петербург)

Роль общественной дипломатии в развитии культурного сотрудничества Санкт-Петербурга и Великобритании

Двусторонние культурные контакты Санкт-Петербурга и Великобритании на уровне общественной дипломатии вносят существенный вклад в развитие российско-британских отношений и содействуют формированию объективного образа России, укреплению ее авторитета в Великобритании. Неправительственные организации при поддержке государственных органов включают в эти связи активную и заинтересованную часть гражданского общества, создают благоприятный климат для их развития.

Как в России, так и в Великобритании эти организации осуществляют функции «мягкой силы», сохраняют и развивают традиции гуманитарного сотрудничества, способствуют укреплению взаимопонимания. У них есть опыт, потенциал, зрелость, готовность работать в новых условиях и, что немаловажно сегодня — им свойственна культура компромисса. Они также оказывают влияние на формирование общественного мнения в отношении России. Их инициативы вовлекают деятелей культуры, представителей академического сообщества, широкие круги общественности и являются дополнением к усилиям государственных структур и профессиональной дипломатии. Программы сотрудничества представляют широкий спектр направлений: фестивали, художественные выставки, концерты, конференции и форумы по актуальным проблемам современности, связи в области науки и образования, спортивные контакты, молодежные и туристические обмены.

Великобритания стала первой европейской страной, установившей дипломатические отношения с советской Россией. В этот же период возникает инициатива по формированию новой формы связей через негосударственные объединения. Уже в 1924 году было создано «Британское общество культурных связей с СССР», основной целью которого провозглашалось установление тесных контактов представителей науки и культуры двух стран. Общественная дипломатия позволила смягчить, а затем преодолеть политическую и экономическую изоляцию молодого советского государства.

Вторая мировая война внесла значительные изменения в расстановку сил на мировой арене. Произошли изменения и в российско-британских отношениях. Сразу после нападения Германии на Советский Союз Великобритания выразила готовность оказать СССР поддержку и помощь. Арктические конвои приходили в Мурманск и Архангельск до самого окончания войны и доставили четвертую часть всех поставок материальных ресурсов, полученных Советским Союзом из-за рубежа, в том числе вооружения и военного снаряжения. Люди всех социальных слоев и политических убеждений создавали комитеты и фонды по сбору средств в помощь Советскому Союзу. Самым значительным из них был Фонд «Помощь России» Британского Красного Креста, возглавляемый женой Уинстона Черчилля, Клементиной Черчилль. Таким образом, народная дипломатия внесла свой вклад в победу над фашизмом, способствуя формированию, а потом и сохранению антигитлеровского блока.

Акции в поддержку военной помощи России проходили во многих городах Великобритании. В Государственном музее истории Санкт-Петербурга хранятся редкие документы — письма и послания с восхищением стойкостью духа женщин Ленинграда. Они вошли в историю как Шотландский альбом[1]. Альбом, отправленный в Шотландию из осажденного города, был великолепным ответом и представлял собой настоящее произведение искусства. Он был создан летом 1942 года известной ленинградской художницей Анной Петровной Остроумовой-Лебедевой от имени ленинградских женщин. Ленинградский альбом, как символ дружбы и взаимной поддержки, хранится в фондах библиотеки Митчелл в Глазго[2].

Вторая мировая война затормозила культурные и научные контакты между странами. Вместе с тем в эти годы во всей своей полноте

[1] Шотландский альбом. Рукопись документального фонда Государственного музея истории Санкт-Петербурга. КП 59792/ШБ-8061-Д. 28 листов

[2] Ленинградский альбом. Женщинам Котбриджа, Эйрдри и Уирсайда. Ленинград. 1942 г. (рукопись). Библиотека Митчелл в г. Глазго. Шотландия. Вводится в научный оборот впервые.

проявились роль Всероссийского общества культурных связей (ВОКС) и его контактов за рубежом, способствовавших объединению видных деятелей мировой культуры в борьбе с фашизмом.

В годы войны и в послевоенное время в Великобритании создавались новые организации по сотрудничеству с Советским Союзом. По инициативе ВОКС встречный процесс шёл и в СССР. Создание обществ дружбы с зарубежными странами привело к тому, что в 1958 году они были объединены в Союз советских обществ дружбы (ССОД), который стал правопреемником ВОКСа. Тогда же было создано Общество «СССР–Великобритания», которое внесло заметный вклад в развитие сотрудничества, прививая культуру общения, прокладывая дорогу к гражданскому обществу.

С 1992 года правопреемником ССОД и одним из основных партнеров Государственного агентства Россотрудничества стала Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), которая занимает прочные позиции среди активно действующих институтов гражданского общества. Включаясь в российско-британский диалог на уровне гражданского общества, она осуществляет программы по ознакомлению британской общественности с богатейшим российским культурным наследием и современными достижениями. Опыт деятельности Ассоциации подтверждает, что контакты между людьми — самый эффективный и самый короткий путь к преодолению стереотипов и недопонимания.

Среди руководителей Ассоциации по связям с Великобританией в Санкт-Петербурге были известные деятели культуры и науки: дирижёр А.К. Янсонс, ректор Ленинградского государственного университета, член-корреспондент АН СССР К.Я. Кондратьев, кинорежиссёр Г.М. Козинцев, актриса Государственного Академического театра драмы им. А.С. Пушкина Н.В. Мамаева и другие. Важным ресурсом Ассоциации являются многолетние связи с британскими неправительственными организациями, университетами, деятелями культуры. Конференции по актуальным проблемам российско-британского сотрудничества, проводимые совместно с историческим факультетом, факультетом международных отношений СПбГУ, Петербургским отделением РАН, охватывают широкий спектр исторических и современных взаимосвязей.

Ассоциацией ежегодно проводятся фестивали, посвященные Шотландии, которые заняли свою нишу в культурной жизни города. На протяжении 44 лет они охватывают широкий спектр культурных взаимосвязей и являются примером успешного совместного проекта Комитета по внешним связям, общественных организаций, учреждений культуры и образования. Важными участниками диалога Пе-

тербурга и Шотландии выступают петербургские школьники, которые демонстрируют способность принять и понять шотландскую культуру. Победители конкурсов сочинений по произведениям Роберта Бернса и «Знаешь ли ты Шотландию?» ежегодно награждаются поездками в Шотландию. Особый колорит фестивалю придают посвященные шотландскому поэту Роберту Бернсу вечера, на которых звучат его произведения.

Мероприятия к 300-летию Посольства Петра I в Великобританию, 300-летию Санкт-Петербурга и 450-летию установления дипломатических отношений между Россией и Великобританией значительно оживили связи Ассоциации, включив в процесс партнерского сотрудничества новые организации.

В 1998 году в Санкт-Петербурге было открыто отделение Союза англоговорящих (The English-Speaking Union), известной международной организации с центром в Лондоне, которая играет важную роль в развитии гуманитарного сотрудничества в области культуры и образования. Она была создана в 1918 году в Великобритании как англо-американский союз и находится под патронажем английской королевы Елизаветы II[3]. Долгие годы Президентом Союза был Уинстон Черчилль, затем принц Филипп, герцог Эдинбургский, с 2012 года — Её Королевское Высочество принцесса Анна. Основная цель Союза — способствовать международному взаимопониманию и дружбе посредством английского языка, воспитанию политической элиты нового поколения, в частности, через международные конкурсы ораторского мастерства и политические дебаты.

Лорд Джордж Робертсон, экс-министр обороны Великобритании и экс-Генеральный секретарь НАТО, отметил важность создания Союза англоговорящих в Санкт-Петербурге и выразил согласие стать ее патроном. Глава Союза англоговорящих в России — президент Санкт-Петербургского государственного университета, президент Российской академии образования Л.А. Вербицкая.

Объединение специалистов в области английского языка, преподавателей ВУЗов и школ, специалистов в разных областях знаний содействует развитию взаимовыгодных контактов, полнее удовлетворяет интерес петербуржцев к совершенствованию и практическому использованию английского языка. Среди молодежи популярны фестиваль-конкурс школьных театров на английском языке «Шекспир — культурное наследие третьему тысячелетию», интернет-проект «Шекспир через границы», конкурсы переводов, интернет-проекты.

Деятельность Союза англоговорящих и Ассоциации по связям с Великобританией поддерживают Комитет по внешним связям Санкт-

[3] Союз Англоговорящих. [Электронный ресурс]. URL: http://esu.org/.

Петербурга, учреждения культуры и образования, Генеральное консульство Великобритании.

Примером гражданской консолидации могут служить связи с городом-побратимом Манчестером, которые помогают сохранять культурный диалог, даже когда на государственном уровне возникают проблемы. В развитии партнерских связей по линии породненных городов значительная роль принадлежит общественной дипломатии. Ассоциация по связям с Великобританией и Общество дружбы «Манчестер – Санкт-Петербург» (Manchester–St.Petersburg Friendship Society), при активной поддержке городских властей, помогли создать прочную основу для сотрудничества в области культуры и образования, науки и высшей школы, благотворительных программ.

Общество находит новые формы взаимодействия, в частности, по содействию в развитии деловых связей. Благодаря их контактам в период перестройки в наш город пришел британский инвестор «Литтлвудс Трейдинг», была создана первая российско-британская консультативная юридическая фирма. Ему принадлежит инициатива по созданию программы обучения представителей петербургского малого и среднего бизнеса в Манчестерской школе бизнеса. Гуманитарную помощь, поступавшую в Петербург по линии Общества дружбы в период перестройки, осуществлял Благотворительный Фонд помощи детям-сиротам.

Сотрудничество между городами-побратимами развивается и в музыкальной сфере. Примером может служить создание в Манчестере в 1984 году молодежного ансамбля русских народных инструментов «Калинка» по инициативе группы энтузиастов и любителей русской музыки и при поддержке Общества «СССР–Великобритания». Ансамбль исполняет русские программы на концертных площадках Манчестера, организует поездки в Петербург, выступает с рождественскими благотворительными концертами, в том числе в Королевском Северном колледже музыки. Средства концертов идут на оказание помощи детским домам Санкт-Петербурга.

Библиотеки Петербурга пополнили фонды иностранной литературы на английском языке благодаря инициативе членов Общества дружбы в Манчестере и при поддержке Фонда Маргарет Тэтчер. Городской Совет Манчестера оказывает содействие Обществу дружбы при проведении мероприятий, посвященных празднованию Дня Победы, Дней Русской культуры и русского языка. Председатель Общества в Манчестере — преподаватель Университета Манчестер Метрополитен Кэтрин Дэнкс — является автором книг по современной России. Благодаря ее деятельности растет интерес к России среди студентов и преподавателей университета.

Негосударственные партнерства являются еще одной формой культурного сотрудничества. Один из ярких примеров — партнерство Британской Ассоциации «Санкт-Петербургская коллекция. Творения Тео Фаберже» и Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества. В 1984 году внук знаменитого ювелира Тео Фаберже приступил к созданию коллекции, посвященной знаменитым дворцам и историческим памятникам Северной столицы. Эти произведения передаются в музеи Петербурга: Музей истории города, музеи-заповедники Петергоф и Царское Село.

Национальный язык является ключом к пониманию особенностей культуры и инструментом для развития диалога между странами. По ряду объективных причин интерес к русскому языку в Британии снижается, а потому столь значимы мероприятия, связанные с его развитием. Ярким примером являются Дни Санкт-Петербурга и семинары «Русский язык. Новые пути в Британии», проводимые по инициативе Комитета по внешним связям, Ассоциации международного сотрудничества, Британского общества по сотрудничеству в изучении России и при поддержке СПбГУ.

В свою очередь, одной из перспективных программ Санкт-Петербургской Ассоциации Международного Сотрудничества являются культурно-образовательные программы в британских университетах, которые дают возможность студентам и школьникам совершенствовать знания английского языка.

Британские общественные организации по связям с Россией стремятся найти новые подходы к созданию объединённых информационных ресурсов, координировать усилия в проведении культурных акций и планировании перспективных программ. Руководители организаций, развивающих сотрудничество с Россией, как правило, авторитетные и влиятельные люди. Много сил и времени отдают укреплению связей с Россией члены Палаты лордов Британского парламента Элизабет Смит и Алан Уотсон, экс- Генеральный секретарь НАТО, бывший министр обороны Великобритании лорд Джордж Робертсон, один из руководителей Британского общества по изучению России Джин Тернер. Заслуги многих отмечены советскими и российскими наградами по государственной и общественной линии.

Среди наиболее активных организаций следует в первую очередь отметить Британское Общество по содействию в изучении России и Советского Союза. Его учредителями были известные британские деятели культуры и науки — Джулиан Хаксли (биолог, гуманист, политик, первый генеральный директор ЮНЕСКО), Джон Мейнард Кейнс (один из основателей макроэкономики, идеолог создания МВФ), Бертран Расселл (философ, математик, общественный дея-

тель), Джордж Бернард Шоу (ирландский драматург), писатели Герберт Уэллс. Это было первое общество дружбы с СССР за рубежом. Гордость общества — библиотека, которая представляет уникальное собрание 35 тысяч единиц хранения — книг, журналов и брошюр на русском языке. По инициативе Общества в 1999 году в Лондоне открыт мемориал в честь 27 миллионов военнослужащих и мирных жителей Советского Союза, погибших в годы Второй мировой войны.

В 2006 году в Лондоне после долгого перерыва вновь открылся российский культурный центр Пушкинский дом (Pushkin House). Эта уникальная благотворительная организация объединила русских и англичан, интересующихся русской культурой, историей и языком. Здесь проводятся семинары, конференции, выставки, кинопоказы и концерты, а также вечерние занятия русским языком. С 2012 года директором Пушкинского дома стала Урсула Вулли, которая хорошо знакома с русской культурой, изучала русский язык в Кембриджском университете и Институте иностранных языков в Москве.

В марте 2008 года был сделан большой шаг в продвижении России — открылось Представительство Россотрудничества в Лондоне на Кенсингтон Хай Стрит, 37, недалеко от посольства Российской Федерации. Центр стал площадкой для организации широкого спектра культурных мероприятий и продвижения русского языка.

По исторически сложившимся традициям, Шотландия не менее активно, чем Англия, развивает связи с Россией в рамках негосударственных программ. Первое Общество дружбы с Шотландией, Общество «Шотландия–СССР» (Scotland–USSR Society), было основано в 1945 году. В 1950 году в Глазго был открыт Дом дружбы, который стал центром по связям с СССР. В советское время Общество «Шотландия — СССР» заложило основу для развития партнерских связей. С 1961 года на базе Общества стала работать туристическая компания «Совскот Турс», которая направляла многочисленные туристические группы, круизы и делегации в СССР и в Шотландию.

Санкт-Петербургский Форум (St.Petersburg Forum) был основан в 1995 году в Шотландии в городе Пейсли. Его основными целями являются содействие развитию связей между Шотландией и Россией в области культуры, образования, здравоохранения и знакомство россиян с историей и культурой Шотландии. При содействии Форума проводятся Дни Шотландии в Петербурге, был создан Центр поддержки онкологических больных, Шотландская библиотека при Санкт-петербургской Ассоциации Международного Сотрудничества. Форум проводит мероприятия для сбора средств на благотворительные программы для детских домов и финансирует программу «Анг-

лийский в действии» в детском доме № 46, направленную на развитие навыков общения на английском языке.

Форум Шотландия–Россия (Scotland–Russia Forum) был основан в 2003 году как неправительственная организация по инициативе членов Эдинбургского отделения Ассоциации «Великобритания–Россия», которое к тому времени остановило свою деятельность. Он организует лекции и беседы специалистов, поддерживает восстановление статуса русского языка в шотландских школах, создание языковых классов и русских клубов. Форум насчитывает более 300 членов, 800 человек получают рассылку информационных электронных писем. Сайт Форума посещает около 6 000 человек в месяц.

В последнее время в Великобритании появляются новые организации, заинтересованные в развитии культурного сотрудничества с Россией: Фонд Calvert, 22, посвящённый современному искусству и культуре России, стран СНГ и Восточной Европы; компания ENSEMBLE PRODUCTIONS, занимающаяся популяризацией русского искусства в Великобритании и помогающая молодым талантам из России участвовать в международных проектах; интернет-издание RUSSIAN ART AND CULTURE, создавшее постоянный форум для обсуждения тенденций развития русского искусства и культуры[4].

Следует отметить организации российских соотечественников, работающих в области культуры и образования: RUSSIAN COMMUNITY COUNCIL — Совет российского сообщества; RUSSIAN TEACHERS GROUP UK — Объединение учителей русского языка Соединённого Королевства; RUSSIANS IN UK — «Русские в Соединённом Королевстве» — сайт, посвящённый русскому искусству и культуре.

Важным показателем взаимной заинтересованности является активное участие общественных организаций в мероприятиях Перекрёстного года культур России и Великобритании 2014 года.

Приведённые примеры доказывают, что Петербург и Великобритания продолжают диалог культур через многообразие форм культурных связей, делают практические шаги по расширению сотрудничества, что ведёт к новым контактам, обменам и двусторонним проектам.

Однако в настоящее время в России нет серьёзной исследовательско-экспертной работы по изучению общественного и медийного резонанса от культурных программ. Мало информационного про-

[4] RUSSIAN ART AND CULTURE. [Электронный каталог]. URL: http://russianartandculture.com

дукта соответствующего качества. Снизился уровень деятельности российских неправительственных организаций (НПО) по распространению среди британской общественности объективной информации об усилиях России в решении задач внешнеполитического характера. Отсутствие финансирования и недостаточная поддержка со стороны государственных структур сказывается на качестве информационного сопровождения их деятельности.

Анализ традиций, развития, общей специфики связей Санкт-Петербурга и Великобритании по линии общественной дипломатии позволяет выявить особенности процесса интеграции в современном мире. Петербург сохранил потенциал общественной дипломатии, и сейчас перед органами государственной власти и организациями гражданского общества стоит задача — выстроить действующую модель развития международного культурного диалога, отвечающую реалиям XXI века. Он должен иметь чёткие цели, основываться на понятных принципах, оптимальным образом использовать имеющиеся возможности и ресурсы, динамично развиваться с учётом вызовов и требований времени, вовлекать в свои программы более широкие круги общественности. При выработке основных направлений, форм и принципов культурных связей по линии общественной дипломатии необходимо учитывать российский и зарубежный опыт, значимость исторических и традиционных связей и развивать новые формы гуманитарного партнерства.

Т.Р. Кузьмина
(Санкт-Петербург)

Литературные бренды Ввеликобритании как инструмент Soft Power

Немногие нации могут предъявить литературное наследие такого масштаба как Великобритания. Великая литература великой страны — это всегда связь настоящего с прошлым, литературной школой, которая начала складываться в удалённые времена и до сих пор определяет вектор её будущего развития. Британская культурная составляющая формировала литературную картину британского мира, в то время как литература оказывала формирующее влияние, в свою очередь, на развитие британской культуры. Великая литература стала одним из самых узнаваемых символов Великобритании. Литература стала осознаваться британским культурным брендом, способным приносить ощутимые выгоды экономического и политического характера. *British Council* разработал самую масштабную за всю историю программу продвижения культурного имиджа страны посредством распространения знаний о языке и литературе с целью привлечения дополнительно четырёх миллионов туристов в страну и одного миллиарда фунтов инвестиций за четыре года. Были выпущены плакаты с портретом *Shakespeare*, олицетворяющего для всего мира британскую литературную традицию и современный английский язык под слоганом *«Literature is GREAT: "Be not afraid of greatness"!»*[1]

Каковы причины того, что именно британская литература приобрела такое мировое политическое и культурное значение? Прежде всего, это длительная история литературной традиции (более пят-

[1] British Council http://www.englishcourseadvice.com/british-literature-course. Режим запроса 15.05.2014.

надцати веков) и синергетический эффект развитой образовательной системы, политической истории и колониально-географическая экспансия, которая сегодня замещается цифровыми каналами коммуникации. Британская литература проникнута аллюзиями исторического и политического характера и осуществляет экспорт *британизма* в глобальном масштабе, чему способствует превращение родного языка британской литературы — *English* — в современный вариант *lingua franca — Globish*[2].

Исключительно важное место британской литературы в мировой системе культурных ценностей подтверждается беспрецедентно большим количеством литературных имён, охватывающих три основных периода: *Old English (Beowulf, VII в. н.э.); Middle English (The Canterbury Tales, Chaucer; XII–XV вв.); Modern English (J. Austen, Ch. Dickens, J. Milton, M. Shelley, O. Wilde, W. Shakespeare)*[3]. Многие исторические процессы способствовали утверждению мирового влияния британской литературы. Литература Викторианского периода *(J. Conrad, G. Orwell, T.S. Eliot, V. Woolf)* оказала решающее влияние на развитие философской мысли и политических воззрений. *Oliver Twist (Dickens)* отразил результаты Промышленной революции начала XIX века; *Middlemarch (Eliot)* — идеи гуманизации общественного устройства; пьеса *Look Back in Anger (Osborne)* нанесла сокрушительный удар по системе государственной цензуры. Превращение Великобритании в мировую колониальную державу привело к распространению английского языка как инструмента проведения в жизнь идей империализма и колониализма, что, в свою очередь, способствовало диссеминации британских политических и образовательных стандартов в мире *(Kipling)* и, следовательно, повсеместному распространению англоязычной грамотности, осуществляемой посредством текстов британских авторов. Закат системы колониализма после двух мировых войн привел к обращению литературы к внутреннему миру индивидуума *(D. du Maurier)* и вымышленному миру фантазии *(J.R.R. Tolkien)* вследствие того, что географическое расширение границ перестало быть актуальным.

Культурная экспансия американской голливудской кинематографической продукции на английском языке обратила вектор внимания мировой аудитории на великие литературные произведения Великобритании, используемые в качестве основы для визуальных

[2] *McCrum R.* English Is a World Language — and That's to Be Prized // Los Angeles Times. 13.10.2003. — http://www.latimes.com. Режим запроса 15.05.2014.

[3] History of British literature: www.enotes.com/homework-help/what-major-influence-20th-century-british-influence+of+british+literature&newwindow 18.01.2011. Режим запроса 15.05.2014.

видов искусства. Распространение интернет технологий на основе англоязычных носителей способствовало дальнейшей популяризации произведений британских авторов. Сегодня британская литература удерживает лидирующее положение в мире как образовательный и воспитательный фактор. Согласно веяниям времени она присутствует и в социальных сетях[4].

Культура, выраженная в литературе, формирует мировоззрение индивидуума. Именно в этом аспекте наблюдается точка соприкосновения *высокой литературы* и массовой культуры. Современная массовая культура это не просто теле- и кинопродукция, игры и музыка — она может рассматриваться как своеобразный *shortcut* (согласно терминологии, бытующей в сфере компьютерной коммуникации) *к высокой* культуре. Все эти факторы превращают британскую культуру и её важное проявление — литературу — в новую индустрию. Культура как индустрия стирает классовые различия. Попкультура делает высокую британскую литературную традицию общедоступной. В новых исторических условиях роль литературы заключается в том, чтобы сделать достижения этой индустрии доступными массам. *Dickens* и *Shakespeare* не планировали создавать шедевры — это были произведения, созданные... для массового потребления! Их наследие способствовало развитию самосознания британской нации и формированию отношения к Великобритании за рубежом. Британская литература стала мировым брендом, инструментом её *Soft Power*, посредством которого культура этой страны входит в каждый дом; с помощью которого страна утверждает своё влияние на глобальном уровне, не обладая экономической или политической мощью, сравнимой с мощью таких лидеров как США или Китай.

Хорошо узнаваемые бренды становятся иконами или символами страны своего происхождения[5]. Культура становится понятной и близкой через восприятие её *брендовых* имён. Это дверь, через которую читатель, подобно *Alice*, проникает в *Britanland*. Когда произносится имя *Shakespeare*, перед ментальным взором встает весь конструкт британской культуры во всем её многообразии.

Словари определяют бренд как хорошо известное, обычно с высокой репутацией имя, легко выделяемый в качестве концепта в общественном сознании, легко коммуницируемый и используемый в продвижении образа страны[6]. Культурный бренд связан с системой

---

[4] All Things British Literature on Pinterest www.pinterest.com/.../all-things-british-literature. Режим запроса 15.05.2014.

[5] *Holt D.B.* How to Build an Iconic Brand // Market Leader (summer). 2003.

[6] Merriam Webster Dictionary http://www.merriam-webster.com/dictionary. Режим запроса 15.05.2014.

ценностей и высокими этическими стандартами. Его невозможно создать за короткое время по заказу, он всегда имеет длительную историю развития и продолжает развиваться во времени[7].

Британская литература уже в XIX веке стала осознаваться как национальный бренд, репрезентирующий культуру страны. Литература отмечена длительной историей развития; в полной мере отражает глубинные установки родной культуры, легко узнаваема в иных культурах (кто не знает уже упомянутых *брендовых* имен как *Shakespeare* и *Dickens*?!); отвечает нашим ожиданиям высокого литературного стандарта, предлагая яркие переживания эстетического свойства; утверждает этический стандарт и широко используется в маркетинге посредством теле- и кинопродукции, цифровых проектов, сувенирного ряда и т.д. и т.п.

Британская литература издавна была тесно связана с индустрией рекламы, начиная с литературы периода британского романтизма. Британские издатели стали помещать рекламу в текстах писателей, тем самым финансируя публикации и применяя те же методы продвижения авторов, что употреблялись для рекламы товаров. Растущий уровень грамотности населения, развитие печатных механизмов и индустриальный бум в Британии привел к расцвету и литературы и рекламы в XVIII веке[8]. Развитие литературной критики как жанра превратило её в фактор, формирующий литературный пейзаж. Критики нередко прибегали к ухищрениям, подобным рекламным трюкам для продвижения своих авторов. Данное утверждение справедливо, например, в отношении *Byron*. Принято верить в то, что выход *Childe Harold's Pilgrimage* был мгновенно принят обществом, потому что соответствовал его чаяниям. Но мгновенный успех стал результатом рекламной кампании: вниманию читающей публики был предложен конструкт из образа писателя, его писем и репутации. Коммерциализация британской литературы стала обыденным явлением.

Сегодня британская литература как *бренд* активно используется для продвижения имиджа страны за рубежом, в целях реализации её *Soft Power*. Во многом технологии *мягкой силы* сходны с рекламными кампаниями. Английский термин *advertising* происходит от латинского *ad vertere* со значением «обращаться к, поворачиваться к»[9]. Именно британская литература *поворачивает мир лицом* к Великобритании, способствует культивированию любви и уважения к стра-

[7] http://www.ipo.gov.uk/types/tm/t-about/t-whatis/t-brands.htm. Режим запроса 15.05.2014.

[8] *Mason N.* Literary Advertising and the Shaping of British Romantism. Johns Hopkins University Press, 2013.

[9] Dictionary.reference.com. режим доступа 25.05.2014.

не, что приносит ощутимые дивиденды в политическом и экономическом плане. Британская литература как реклама её культуры в целом присутствует на всех носителях: и старых (популярные газеты, журналы, телевизионные постановки, кинематография, радиопередачи, постеры); и новых (блоги, вэбсайты, соцсети и пр.). Люди выбирают своих любимых героев и произведения, которые отвечают их внутренним установкам и устремлениям. Прочитав книгу, полюбив ее героев, они хотят большего: им интересна экранизация, книга об этой книге, визуальные образы и материальные объекты, связанные с произведением.

Британская литература как *бренд* открывает страну с лучшей стороны, привлекая внимание международной аудитории к достижениям страны, способствует развитию туризма. Глобальная кампания по *Soft Power* Великобритании с привлечением литературных образов начиналась с аудитории внутри страны, когда авторы и произведения утверждались в умах и сердцах британской читающей публики, чтобы впоследствии выйти за пределы страны на международный простор Британского Содружества, и далее, завоевав глобальный рынок, стали универсальным брендом (концептом, составляющей) общечеловеческой культуры.

Литературные бренды обладают трансцендентным характером. Они пронизывают все стороны современной жизни, часто иконизируются. Такие бренды отмечены особыми характеристиками: они мгновенно узнаваемы, но уникальны; знакомы с детства, читаемы в любом контексте (дискурсе), ассоциируются с устойчивыми визуальными образами.

Их суперизвестность подтверждается рейтингами[10], например: *British Popular Fiction: From Holmes to Harry Potter; 110 best books*: и др. Так, рейтинг *Best-selling Fiction Authors* отражает популярность авторов в мире в количестве проданных экземпляров их произведений. В первой сотне можно увидеть множество британских литературных имен, среди них такие, как: 1. *W. Shakespeare* — 2 миллиарда экземпляров; 2. *A. Christie* — 2 млрд.; 11. *J. K. Rowling* — 350 млн.; 35. *J.R.R. Tolkien* — 200 млн.; 67. *L Carroll* — 100 млн.; 70. *I. Fleming* — 100 млн. Список Top 100 Most Popular Books содержит множество всемирно известных британских литературных произведений: *1. Harry Potter and the Goblet of Fire (JK Rowling); 2. The Hobbit (J.R.R. Tolkien); 5. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban (JK Rowling); 7. The Lion, the Witch and the Wardrobe (CS Lewis); 8. Fifty Shades of Grey (E L James); 10. Lord of the Rings: Return of the King (JRR Tolkien); 11. Pride and Prejudice*

[10] Все данные рейтингов приводятся на 05.2014 в интернете по названию рейтинга.

(Jane Austen); 12. Lord of the Rings: The Two Towers (JRR Tolkien); 15. Great Expectations (Charles Dickens); 22. Romeo and Juliet (William Shakespeare); 29. David Copperfield (Charles Dickens).

Узнаваемы не только имена авторов и названия мировых бестселлеров. Так, например, в рейтинге *111 Male Characters Of British Literature* можно увидеть такие известные персонажи британских литературных произведений (в порядке возрастания их мировой популярности), как: *103. Hercule Poirot; 96. Dr. Watson; 68. Peter Pan; 66. King Lear; 63. Romeo; 49. Dorian Gray; 45. Legolas; 44. Robin Hood; 35. Othello; 32. Aslan; 23. James Bond; 19. Sherlock Holmes; 10. Beorn; 3. Mr. Darcy; 2. Aragorn; 1. Mr. Rochester.*

Литературные бренды глубоко укоренены в национальной культуре и обращаются к социальным проблемам общества *(Austin, Dickens, Kipling)*. Они порождают мифы, создают воображаемые миры *(Carroll, Tolkien, Rowling)*. Вокруг литературного бренда возникает широкое поле, понимаемое аудиторией. Британские литературные бренды настолько узнаваемы, что охотно адаптируются локальными культурами, приобретая новые, региональные, черты. Британская литература давно стала достоянием мировой культуры, что нашло отражение в списке *110 Perfect Library Books that Changed the World: Pride and Prejudice; Gulliver's Travels; Jane Eyre;David Copperfield; Vanity Fair; Middlemarch* и др.

Тексты британских авторов разошлись на цитаты по всему миру. Shakespeare оставил потомкам множество крылатых выражений: *He was not of an age, but for all time!; Et tu, Brute; The seven ages of man; What's in a name; the winter of our discontent; music be the food of love; To be, or not to be: that is the question; neither here nor there; the short and the long of it; It's Greek to me; been tongue-tied; fair play; slept not one wink; too much of a good thing...*

Вдохновение для создания современных литературных произведений может черпаться в произведениях более ранних британских авторов: *Gertrude and Claudius (J. Updike (prequel к Hamlet); Shylock's Daughter (E. Jong); Brave New World (A. Huxley, основан на The Tempest); Dog Soldiers (R. Stone — Julius Caesar); The Winter of our Discontent (J. Steinbeck — Richard III); The Undiscovered Country (A. Schnitzer — Hamlet); Something Wicked this Way Comes (R. Bradbury — Macbeth); Bell, Book, and Candle (J. van Druten — King John)* и др.

Такие всемирно известные группы, как *The Who, The Rolling Stones* или *The Beatles* неоднократно в своем творчестве обращались к сюжетам из книг британских авторов. Наблюдается заимствование брендовых имен из литературы для названий музыкальных групп, например: панк группа *Titus Andronicus om Titus (Shakespeare); The Doors —*

The Doors of Perception (Huxley) от *W. Blake; Marillion — Silmarillion (J.R.R. Tolkien)* и мн. др. Инди-рок группа *Mumford & Sons* выпустила альбом на основе пьесы *Much Ado About Nothing*, а песня *Brush Up Your Shakespeare* используется в мюзикле *Kiss Me, Kate*. В 1990-е годы был создан французский мюзикл *Romeo and Juliet*.

Литература, превращаясь в бренд, становится объектом коммерциализации, в частности, литературные образы начинают активно использоваться в рекламе товаров и услуг. Вероятно, больше всего обращаются к бессмертным произведениям *Shakespeare*. Например, *Romeo and Juliet — «the greatest love story of all time»* дали название множеству продуктов: от мороженого, шоколада до сигар! Скорость распространения информации, новые медианосители способствуют появлению новых литературных брендов *(Harry Potter)*. Кино как самый массовый медианоситель оказывает большое влияние на диссеминацию британских литературных брендов в мире: *Peter Pan, Vanity Fair, The Four Feathers, Boy Called Twist* и др. Ряд радиокомпаний прибегают к шекспировским образам для своей рекламы: Радиостанции *Espace 2* позиционируется как *passionate, instantaneous, powerful* (аллюзия на *Twelfth Night u Romeo and Juliet*).

Можно привести множество примеров мирного завоевания мирового культурного пространства произведениями британских авторов, многие из которых стали поистине культовыми. *Alice in Wonderland* стала самой знаменитой детской книгой всех времён. Произведения *L. Carroll* хорошо укладываются в цифровой формат, что позволило создать множество продуктов для компьютера, например: *Alice in Wonderland Kids Book* (*eBook app* приложение для *Android*); *Find the hidden Cheshire Cat* (игра для детей); *Alice in New York* (электронная книга) и многие другие. *Museum of Mathematics* предлагает юным посетителям головоломку *Alice in Math Wonderland*. В 1974 году было создано *The Lewis Carroll Society of North America*). Alice широко представлена в экранизациях по всему миру. Вне сферы культуры также наблюдаются аллюзии к *Alice*, например, в науке существуют гипотеза Красной королевы, в бизнесе — маркетинговая технология Красной королевы; в медицине — синдром Алисы в стране Чудес.

Пожалуй, *Alice* была более чем остальные произведения британских авторов растиражирована в коммерческих товарах и сувенирах от сервизов до косметики и украшений. На примере произведений об Alice можно проследить превращения британского по сути произведения в мировое достояние. Этому произведению посвящено более тысячи книг и более трех тысяч памятных предметов и сувениров.

Феномен другого британского автора — *Tolkien* — породил беспрецедентный мировой культ. В 1960–1970-е годы в США зароди-

лась контркультура на основе его произведений, которая была реэкспортирована в Британию. M*iddle Earth* стало названием модного неформального клуба в Лондоне. Альбом *The Beatles — Sgt.Pepper's Lonely Hearts Club Band* (1967) — был вдохновлён этой контркультурой так же, как и произведения другой группы — *Led Zeppelin*. Выход трилогии способствовал рождению специфического жанра ролевых игр. Возникли многочисленные литературные стилевые имитации: серии The Sword of Shannara; The Wheel of Time; Mithgar.

Еще один красноречивый феномен глобального влияния *мягкой силы* британской литературы — это произведения о *Harry Potter*, которые представляют собой проявления мировой поп-культуры, пережившие мгновенную славу. Волшебная сага, вызвав вал судебных исков и публичное сожжение книг, принесла доход в 450 миллионов фунтов, породив целую отрасль академических исследований... *Pottermania* вызывает противоречивое отношение вплоть до того, что генеральный прокурор Ирана запретил эти книги в стране как опасные. Сегодня трудно представить мир без *Harry Potter* и его франшиз. Эти книги охотно адаптируются локальными культурами, легко коммерциализируются, причем время *брендирования* литературных произведений с Н*arry Potter* значительно сокращено по сравнению с предыдущим периодом. Они приносят прибыли на международном кинорынке. Так, *The Lord of the Rings: Return of the King* получил не только премию за лучшую режиссуру от Академии кинематографии США, но и три миллиарда долларов США прибылей от проката.

Великая литература (литературные бренды) способна выходить за пределы своего времени и географии, становясь феноменом массовой культуры. Бренд быстро становится самой эффективной формой коммерческого и некоммерческого продвижения британской культуры, создавая актуальные эмоциональные связи. Настоящие литературные бренды обладают рядом характеристик: имеют глубокую связь с национальными корнями и ценностями родной культуры, обладают узнаваемыми чертами в символической и предметной форме, обращаются к чувствам читателя, оставаясь актуальными в любые времена. Великая британская литература стала таким культурным брендом и эффективным инструментом британской политики *мягкой силы (Soft Power)*, сделав британскую культуру знаковой и знакомой для каждого просвещенного человека в мире, помогая проникнуться её спецификой, узнать и полюбить страну.

БИБЛИОТЕКИ, МУЗЕИ, АРХИВЫ

И.М. Беляева (Санкт-Петербург),
Г.Н. Питулько (Санкт-Петербург)

Английские книжные раритеты XVI века в собрании Библиотеки РАН

В 2014 году исполнилось 300 лет со дня основания Петром Великим Библиотеки Академии наук. В этой связи для исследователей особенно интересны вопросы, связанные с формированием её первоначального фонда. Данная проблематика актуальна ещё и потому, что позволяет шире взглянуть на эпоху Просвещения в России XVIII века и ранних ее представителей, включая самого российского императора и его ближайшее окружение. Как известно, в первые десятилетия существования Библиотека пополнила свои фонды за счёт поступлений частных книжных собраний Я. Брюса (1699–1735), А. Виниуса (1641–1717), А. Питкарна (1652–1713), Р. Аресскина (1674–1719) и некоторых других современников Петра, являвшихся ещё и крупными библиофилами. Что касается, к примеру, библиотеки генерал-фельдцейхместера Я.В. Брюса, то первые тома из его коллекции были переданы в состав Библиотеки еще в 1717 году. В дальнейшем большая часть книжного собрания сподвижника Петра Великого после его кончины была приобретена для Библиотеки АН и поступила в 1736 году[1]. Мы не случайно выделили имя этого ценителя книг, поскольку его книжное собрание хорошо известно благо-

[1] История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. Л., 1964. С. 52.

даря каталогу, составленному Е.А. Савельевой[2]. К числу собирателей книг, по-видимому, можно отнести и ближайшего друга Петра Великого А.Д. Меншикова, о чем подробно писала И.В. Саверкина[3]. Так, примечательным представляется то, что, согласно реестру, в составе библиотеки светлейшего князя были издания на многих европейских языках, включая английский[4].

Не менее интересными по своему репертуару были и некоторые другие частные коллекции первой четверти XVIII века. Стоит вспомнить имена двух известных уже упоминавшихся библиофилов – лейб-медика Петра I, президента Аптекарской канцелярии Роберта Арескина и британского библиофила Арчибальда Питкарна. Если благодаря первому собирателю в состав Библиотеки вошло крупнейшее собрание в 2527 томов, то благодаря второму, никогда не бывавшему в России, первоначальный фонд обогатился уникальной по своим размерам библиотекой в 1906 томов. Оба эти частных собрания оказались в только что организованной Библиотеке уже в 1719 году[5]. В составе книжного собрания Питкарна было немало книг на английском языке, в том числе научные труды по ботанике, физике, зоологии и т.д. Вполне естественно, что английская книга занимала достойное место среди раритетов. Следует напомнить об одной особенности комплектования нашей Библиотеки, начиная с самых ранних ее этапов: книги как будто «растворялись во всё увеличивающихся фондах. Такая участь постигла большинство коллекций XVIII века»[6].

Наконец, важными с точки зрения поступлений в первоначальный фонд стали редкие издания, привезенные в 1714–1716 годах в качестве трофея из завоеванных Петром I Балтийских провинций в ходе Северной войны. Среди них оказались и английские издания XVI–XVII веков, первоначально принадлежавшие известному лифляндскому библиофилу Рудольфу фон Штрауху[7]. Оставленные им

---

[2] Библиотека Брюса. Каталог / Автор-составитель Е.А. Савельева. Л.: БАН, 1988.

[3] *Саверкина И.В.* Как и чему учился Александр Данилович Меншиков // Петровское время в лицах–2004. Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 191–199.

[4] Там же. С. 196.

[5] История Библиотеки Академии наук... С. 25.

[6] *Беляева И.М.* К вопросу о реконструкции частных собраний XVIII в. в Библиотеке Академии наук // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН). СПб., 2010. С. 98.

[7] См. подробнее: *Питулько Г.Н.* Английские издания XVII в. Рудольфа фон Штрауха в собрании Отдела редкой книги Библиотеки РАН // Книга в России: к истории академической библиотеки / Отв. ред. И.М. Беляева; отв. сост. А.А. Романова. СПб., 2014. С. 16–28.

владельческие пометы говорят о том, что он был несколько раз в Англии, в частности, в Лондоне и, возможно, в Оксфорде, в том числе в период революции 1640–1660 годов. Штраух приобретал не только современные ему книги, но иногда и более ранние издания, относящиеся к XVI веку. Помимо обычных автографов на титульных листах – иногда полностью («Rud[olf] Von Strauch»), а иногда и сокращенно («R[udolf] V[on] Str[auch]»), есть и датированные владельческие записи – «Rud[olf] V[on] Strauch. Londini. 1656». На всех без исключения книгах, приобретенных Рудольфом Штраухом, на титульных листах есть первоначальный штамп Библиотеки АН. В конце изданий расположен соответствующий систематический знак первого печатного, так называемого Камерного, каталога Библиотеки, составленного в первой половине XVIII века. «Камерным» каталогом он называется в силу того, что библиотечные книги располагались не только по форматам и в систематическом порядке, но и хранились в определенных залах – «каморах». Следует отметить, что при изучении книжных раритетов большую помощь могут оказать индивидуальные особенности того или иного экземпляра: пометы, экслибрисы, штампы, печати, владельческие записи и т.д.

В частности, для определения принадлежности книг к первоначальному фонду БАН принципиальны две детали: маленькая печать XVIII века на титульном листе, а также штамп – знак вышеупомянутого Камерного каталога, издававшегося в течение 1741–1744 годов. Этот штамп в конце книги означал систематический раздел Камерного каталога, в том числе «Brit» (Британика). Также на британских книгах можно встретить и другие знаки Камерного каталога: «Gr.» (Грамматика), «Poe.» (Поэтика), «Cri.» (Критика), «H.Ec.» (История церкви) и т.д. Несмотря на то, что Камерный каталог отражает далеко не весь первоначальный фонд БАН на иностранных языках, следует признать его первостепенное значение, поскольку основными источниками, дающими представление о составе книжных фондов Библиотеки периода её становления, являются рукописные каталоги первой половины XVIII века, а также первый и единственный печатный каталог[8].

Давая общую оценку хранящимся в БАН британским раритетам XVI века, можно утверждать, что некоторые книжные памятники, без преувеличения, являются уникальными источниками периода становления и развития российско-британских отношений. Общеизвестно, что благодаря искусству английской дипломатии русский

[8] Bibliothecae Imperiale Petropolitanae. SPb., 1741–1744. P. 1–4; История Библиотеки Академии наук... С. 75–76.

царь Иван Грозный в 1555 году не только подтвердил привилегии английской Московской акционерной торговой компании, но и дал разрешение на строительство английских факторий в Холмогорах, Вологде и Москве[9]. К этому периоду относится уникальный по своему значению рукописный лист на английском языке, обнаруженный специалистами Рукописного отдела БАН в одном из списков русской псалтыри XVI века из Архангельского собрания. Судя по тексту, это хозяйственная запись, сделанная на бумаге, использованной в дальнейшем в качестве т.н. «макулатурного листа» для укрепления нижней крышки переплета русской псалтыри. Самое примечательное, что английский текст датирован 1552 годом. Таким образом, значимость подобных английских памятников, в том числе английских изданий XVI века, возрастает, поскольку они являются ровесниками становления политических, экономических и культурных российско-британских связей.

Часто одной из определяющих характеристик принадлежности книги служит характерный для этого периода т.н. «английский» переплёт: тёмно-коричневая кожа гладкой фактуры, иногда крышки переплета украшались тиснеными линейными рамками, а обрез тонировался. Особую роль в книжном деле играла английская гильдия писчебумажников (Stationer's Company), имевшая с 1557 года монопольную королевскую привилегию следить за качеством и содержанием изданий[10]. Обычно среди наиболее знаменитых лондонских печатников XVI века исследователи выделяют книги, изданные в типографии Джона Дэя. Его издания, которые представлены и среди наших книжных фондов, выделялись с точки зрения полиграфического оформления благодаря качественным шрифтам, в том числе готическим, а также гравированным инициалам.

Если касаться численного состава книг английской печати, то, к сожалению, их число весьма скромно — в фондах Отдела редкой книги БАН, где хранятся все западноевропейские издания XVI века, насчитывается около 40 британских раритетов. Большинство изданий было отпечатано в лондонских типографиях, лишь одно — в Оксфорде и несколько раритетов — в Эдинбурге.

Остановимся подробнее на наиболее интересных образцах английской печати XVI столетия и начнем с уникального экземпляра лондонской печати 1550-х годов. Речь идет об издании на английском языке знаменитой поэмы «Энеида» Публия Вергилия Марона,

---

[9] См. подробнее: *Любименко И.И.* История торговых сношений между Англией и Россией. Юрьев, 1912.

[10] *Владимиров Л.И.* Всеобщая история книги. М., 1988. С. 158.

крупнейшего римского поэта I века до н.э.[11] Краткие сведения об этом издании отражены и в Камерном каталоге: «Virgilii Maronis libri Aenedos, angl.»[12]. Несомненным украшением издания является готический английский шрифт, а также рукописные рисунки и многочисленные пометы на полях. Судя по росчеркам пера, книга находилась в длительном употреблении, а некоторые рисунки, например, изображающие профессора в мантии, позволяют предположить, что читателями данного экземпляра поэмы Вергилия когда-то были студенты одного из лондонских колледжей. Книга имеет знак Камерного каталога «Poe.» (Поэтика).

Помимо «Энеиды» Вергилия английские литературные издания представлены в Библиотеке ещё одним раритетом: «поэта-лауреата» Джона Скелтона (1460–1529). Примечательно, что книга Скелтона вышла в Лондоне в типографии известного мастера, заслужившего славу «английского Плантена» – Джона Дэя (1522–1584)[13]. Ещё одной особенностью типографского искусства Дэя является готический шрифт, далеко не всегда использовавшийся словолитчиками и типографами в Англии. Фактически это поэтический сборник, состоящий из четырёх самостоятельных издательских единиц, имеющих свой собственный титульный лист. На первом титульном листе сборника Скелтона расположены ранняя печать Библиотеки АН и автограф лифляндского библиофила Рудольфа Штрауха («RVStrauch»). Оставленные им владельческие пометы на этой книге и на некоторых других изданиях, хранящихся в наших фондах, говорят о том, что он, как правило, приобретал редкие издания. Видимо, это было не случайно, поскольку ещё в молодые годы Рудольф фон Штраух был отмечен как поэт, писавший «стихи на случай»[14].

Крайне ценным экземпляром с точки зрения истории английского книгопечатания может служить и первое оксфордское издание 1589 года англо-латинского словаря, составленного англиканским священником и любимцем Елизаветы I Джоном Райдером (1562–1632), который вышел под названием «Двойной словарь ... по употреблению письменного и разговорного латинского языка»[15]. Помимо содержательных материалов по лексикографии, расположенных

[11] The XIII Bukes of Eneados of the Poete Virgill... London, by William Copland, 1553.

[12] Bibliothecae Imperiale Petropolitanae. P. IV. Vol. I. P. 366.

[13] *Skelton John*. Theare after foloweth certain bokes compiled by master Skelton... London, by John Day, [1560].

[14] Handbuch des Personalen Gelegenheitsschrifttums in Europäischen Bibliotheken und Archiven / herausgegeben von Klaus Garber. T. XII. Hildesheim; Zürich; New York: Olms-Weidmann, 2004. S. 258. N 720.

[15] *Rider John*. Bibliotheca scholastica dictionarium anglico-latinum... Oxford, 1589.

A
WORLDE
of Wordes,
Or
Most copious, and exact
Dictionarie in Italian and
English, collected by
IOHN FLORIO.
Printed at London, by
Arnold Hatfield for
Edw. Blount.
1598

1. Титульный лист англо-итальянского словаря, составленного Дж. Флорио (Лондон, 1598)

в три столбца, в книге имеется целый ряд интересных владельческих помет. Этот словарь также входил в состав первоначального фонда Библиотеки, что подтверждается знаком Камерного каталога «Gr.» (Грамматика)[16]. К этому же разделу Камерного каталога относится и первое издание англо-итальянского словаря, составленного Джоном Флорио (1553–1625) *(илл. 1)*, появившемся в Лондоне в 1598 году и также упоминаемом в первом печатном каталоге БАН.

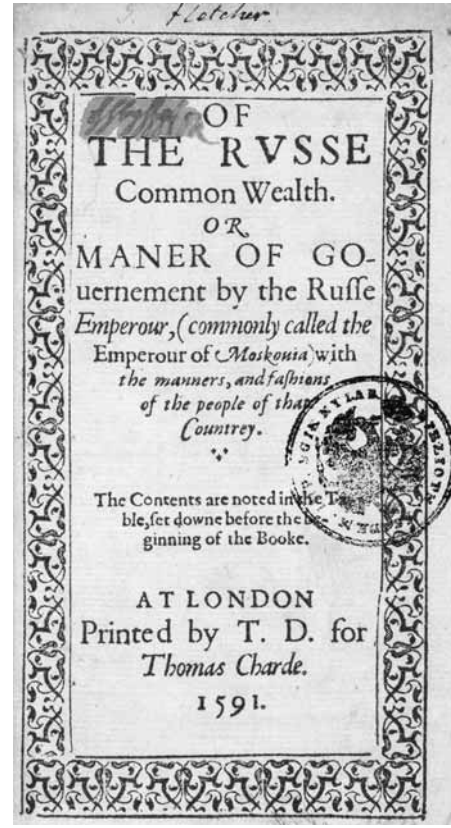
В период так называемого «золотого века» английской культуры времени правления Елизаветы Тюдор, как известно, особое место занимали литературные и исторические труды. К ним, в частности, относится и хранящееся в БАН, издание знаменитой «Британии» Уильяма Кэмдена (1551–1623), крупного знатока географии и истории, а также известного лондонского антиквария, дружившего с Филиппом Сидни и хронистом Джоном Стоу. Он первым составил обозрение Великобритании и Ирландии, которое переиздавалось семь раз в течение второй половины XVI века. Первое издание вышло в Лондоне в 1586 году, а уже в следующем году оно вновь было издано. В БАН хранится второе издание «Британии»[17].

Среди английских раритетов следует выделить книгу «О государстве российском или о способе управления русского императора» Дж. Флетчера (1548–1611), известного сочинителя, поэта и дипломата *(илл. 2)*. Она относится к теме «Россики» и представляет собой один из немногих сохранившихся экземпляров сочинения. Книга была напечатана в Лондоне в типографии Томаса Доусона в

[16] Bibliothecae Imperiale Petropolitanae. P. IV. Vol. I. P. 228.

[17] *Camden Wil.* Britannia... London, per Radulphum Newbery, 1587.

1591 году[18]. Известно, что Дж. Флетчер посетил со специальным визитом Московское государство в 1588 году. Этому английскому дипломату не удалось отстоять монопольные интересы английской Московской торговой компании. И хотя книга Дж. Флетчера имела некоторое сходство с сочинением Сигизмунда Герберштейна, она содержала и некоторые негативные оценки русского государства. Поэтому в книговедческой литературе существует точка зрения, что большинство экземпляров первого издания книги Флетчера было уничтожено по распоряжению правления Московской торговой компании, опасавшейся за свои привилегии на русском рынке.

Fletcher

OF
THE RVSSE
Common Wealth.
OR
MANER OF GO-
uernement by the Ruſſe
Emperour, (commonly called the
Emperour of *Moskouia*) with
the manners, and faſhions
of the people of that
Countrey.

The Contents are noted in the Ta-
ble, ſet downe before the be-
ginning of the Booke.

AT LONDON
Printed by T. D. for
Thomas Charde.
1591.

2. Титульный лист первого издания книги Дж. Флетчера «О государстве российском или о способе управления русского императора» (Лондон, 1591)

В эпоху Великих географических открытий шла борьба Англии не только за российский рынок, но и шире — за морское могущество, поэтому XVI столетие — время появления работ, пропагандировавших эти идеи. Одной из таковых стало издание «Важнейших мореплаваний, путешествий и открытий английского народа», предпринятое писателем и издателем Ричардом Хаклюйтом, собиравшим многочисленные письма, дневники и многие другие документы, относящиеся к данной теме. В БАН имеются два первых издания «Путешествий», каждое из которых по-своему уникально: первое — 1589 года (однотомное)[19] и второе, трёх-

[18] *Fletcher Jiles.* Of the Russe Common Wealth... London, pr. ву T.D. for Thomas Charde, 1591.

[19] The Principall Navigations, Vojages and Discoveries of the English Nation... by Richard Hakluyt. London, by George Bishop and Ralph Newberie, Deputies to Christopher Barker, printer of Qeenes, 1589.

THE PRINCIPALL
NAVIGATIONS, VOIA-
GES AND DISCOVERIES OF THE
English nation, made by Sea or ouer Land,
to the moſt remote and farthest distant Quarters of
the earth at any time within the compaſſe
of these 1500. yeares: Deuided into three
In certaine parts, according to the po-
sitions of the Regions whereun-
to they were directed.

The firſt, conteining the perſonall trauels of the Engliſh vnto *Iudea, Syria, Arabia*, the riuer *Euphrates, Babylon, Baſſara*, the *Perſian* Gulfe, *Ormuz, Chaul, Goa, India*, and many Iſlands adioyning to the South parts of *Aſia*: together with the like vnto *Egypt*, the chiefeſt ports and places of *Africa* within and without the Streight of *Gibraltar*, and about the famous Promontorie of *Buona Eſperanza*.

The ſecond, comprehending the worthy diſcoueries of the Engliſh towards the North and Northeaſt by Sea, as of *Lapland, Scrikfinia, Corelia*, the Baie of *S. Nicholas*, the Iles of *Colgoieue, Vaigats*, and *Noua Zembla* toward the great riuer *Ob*, with the mightie Empire of *Ruſſia*, the *Caſpian* Sea, *Georgia, Armenia, Media, Perſia, Boghar* in *Bactria*, & diuers kingdoms of *Tartaria*.

The third and laſt, including the Engliſh valiant attempts in ſearching almoſt all the corners of the vaſte and new world of *America*, from 73. degrees of Northerly latitude Southward, to *Meta Incognita, Newfoundland*, the maine of *Virginia*, the point of *Florida*, the Baie of *Mexico*, all the Inland of *Noua Hiſpania*, the coaſt of *Terra firma, Braſil*, the riuer of *Plate*, to the Streight of *Magellan*: and through it, and from it in the South Sea to *Chili, Peru, Xalisco*, the Gulfe of *California, Noua Albion* vpon the backſide of *Canada*, further then euer any Chriſtian hitherto hath pierced.

Whereunto is added the laſt moſt renowmed Engliſh Nauigation,
round about the whole Globe of the Earth.

By Richard Hakluyt Maiſter of Arte, and Student ſometime
of Chriſt-churches in Oxford.

Imprinted at London by GEORGE BISHOP
and RALPH NEWBERIE, Deputies to
CHRISTOPHER BARKER, Printer to the
Queenes moſt excellent Maieſtie.
1589.

3. Титульный лист первого издания «Важнейших мореплаваний, путешествий и открытий английского народа», составленного Р. Хаклюйтом (Лондон, 1589)

томное издание 1599–1600 годов[20]. Уже первое издание принесло самому Хаклюйту европейскую известность *(илл. 3)*, и даже вечные соперники англичан голландцы, в том числе на российском рынке, консультировались у издателя при подготовке экспедиции В. Баренца. Баренц, как впрочем, и сами англичане, пытался найти и проложить новый маршрут на восток, в Китай, через северные морские пути, оказавшись у русских территорий — островов Новая Земля и Вайгач в самом конце XVI века.

Следует обратить внимание и на то, что в первом томе второго издания «Путешествий» Р. Хаклюйта уже содержались извлечения из работы Дж. Флетчера, касавшиеся России. Можно также утверждать, что оба издания находились под особым патронатом королевского типографа Кристофера Баркера, судя по выходным данным титульных листов. Вообще следует отметить достаточно высокий уровень полиграфического искусства уже первого издания — гравированные инициалы, заставки и виньетки, а также два варианта шрифтов, в том числе готического, украшают текст. Помимо оформительских характеристик издание было выполнено в лучших традициях европейской печати конца XVI столетия — после титульного листа в первом издании размещалось посвящение герцогу Ланкастерскому — Фр. Уолсингему, одному из влиятельнейших политических деятелей времени правления Елизаветы I. После трех страниц посвящения следовало обращение Р. Хаклюйта к «любезному читателю». Также в начале тома была помещена рос-

[20] The Principall Navigations, Voiages and Discoveries of the English Nation... by Richard Hakluyt. Vol. I–III. London, by Ralph Newbery, 1599–1600.

пись содержания, а в конце — алфавитный указатель всех основных материалов с указанием соответствующих страниц. Сведения о первом издании «Путешествий» отражены в Камерном каталоге в разделе «Historia exotica»[21].

Не стоит забывать, что помимо ренессансных изданий гуманитарного профиля, в Англии этой поры важную идеологическую роль играли латинские издания по теологии. Так, в 1563 году в типографии Джона Дэя вышла книга «Дела и памятники церкви» английского священника Джона Фокса. Спустя несколько лет, а именно в 1571 этим же издателем была опубликована книга проповедей одного из трех оксфордских мучеников, сожженных на костре в период правления ярой католички Марии Кровавой, Хью Латимера (1480–1555) и представленная, судя по печати и знаку Камерного каталога «L[ibri].Th[eologi].», уже в первоначальном фонде БАН[22]. К сожалению, нам не удалось обнаружить какие-либо сведения об этом издании в Камерном каталоге. Впрочем, как отмечалось, далеко не все книги, имевшиеся в первоначальном составе Библиотеки, отражены в печатном каталоге. Само по себе издание представляет интерес в связи с тем, что книги по богословию занимали скромное место – примерно 13%[23]. Значимость книги возрастает ещё и потому, что далеко не во всех британских собраниях сохранилось данное издание. Например, в известном кэмбриджском двухтомном каталоге книг английской печати, вышедших в 1501–1600 годах, нет упоминаний о данном издании Х. Латимера[24]. Помимо этого, следует остановиться и на некоторых других деталях нашего экземпляра. На корешке переплета тома работы Х. Латимера имеется красная кожаная наклейка, а также некоторые другие признаки, говорящие о том, что книга когда-то принадлежало лейб-медику Петра I Роберту Арескину[25]. На сохранившихся форзацных листах имеются многочисленные пометы на латыни и английском, относящиеся к XVI веку и, конечно, к содержанию книги. Среди наиболее интересных помет выделяется следующая владельческая запись: «Amor vincit omnia. Philipus Williams. 1594» («Любовь преодолевает всё. Филипус Уильямс.1594»). Нам не удалось точно определить, кто из обладателей или читателей книги Х. Латимера оставил этот автограф. Вполне

[21] Bibliothecae Imperiale Petropolitanae. P. III. P. 258.

[22] *Latimer Hugh.* Frutefull Sermons... London, by John Day, 1571.

[23] История Библиотеки Академии наук ... С. 77.

[24] См.: Catalogue of Books printed on the continent of Europe, 1501–1600 in Cambridge Libraries / By H.M. Adams. Vol. I–II. Cambridge, UP, 1967.

[25] История Библиотеки Академии наук ... С. 52.

возможно, что этим человеком мог стать довольно популярный автор и переводчик с нидерландского языка Уильям Филлип, расцвет творчества которого приходится на самый конец XVI века[26].

Таким образом, представленные в БАН английские книги XVI века ярко демонстрируют своё своеобразие, подтверждают небывалый подъём гуманитарной книжной культуры тюдоровской Англии, а также их неразрывную связь с первоначальной историей Библиотеки АН, относящейся к петровской эпохе.

[26] Dictionary of National Biography. Vol. XV. P. 1077.

Н.Ю. Болотина
(Москва)

Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов

В составе РГАДА хранятся уникальные материалы XVI — начала XVIII века архива Посольского приказа (затем Коллегии иностранных дел). Важное место в международной политике государства занимали отношения с Великобританией, обширный комплекс документальных источников по русско-английским связям в настоящее время составляет Ф. 35 «Сношения России с Англией» (Оп. 1–4). Высшей формой дипломатической переписки между главами государств являлись грамоты. В настоящее время послания английских монархов за 1700–1718 годы составляют отдельную опись № 3 фонда № 35, а три грамоты за 1682–1687 годы, адресованные царям Иоанну и Петру Алексеевичам, числятся в описи № 2. Грамоты английских монархов востребованы исследователями, частично опубликованы неоднократно, экспонировались на выставках[1].

Общий объём посланий насчитывает 57 грамот английских монархов, из них адресованных лично Петру I — 54 (1700 — 1, 1701 — 1, 1702 — 1, 1703 — 1, 1704 — 1, 1707 — 4, 1708 — 3, 1709 — 2, 1711 — 2, 1712 — 2, 1713 — 1, 1714 — 4, 1715 — 10, 1716 — 9, 1717 — 9, 1718 — 4,

[1] См., например: *Стерликова А.А.* Русская дипломатия в 1714 – начале 1718 гг. (Поиск выхода из Северной войны): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; *Долгова С.Р., Лаптева Т.А.* Россия и Британия. XVI–XIX века. М., 2007. С. 50–52, 68. Грамоты Петра I опубликованы в ПиБ по хранящимся отпускам (до настоящего времени вышли выпуски по 1713 год включительно).

1719 — 1)[2]. Как видим, пик переписки приходится на 1715 год, когда на английский престол вступил союзник России ганноверский курфюрст Георг Людвик (Георг I). Перемена монарха в Англии была благоприятной для Петра I и его союзников, дипломатические сношения значительно активизировались. Позиция английского короля была высказана им в грамоте от 21 февраля 1716 года: «мое удовольство не меньше Вашего есть ныне себя в так ближайшем совершенном соединении с Вашим величеством действительно видеть»[3].

Значительная часть грамот написана на больших листах пергамена на английском языке, полные титулы монархов выполнены золотой или акварельными красками. Послания имеют не только значение исторических источников, но и являются произведениями искусства, созданными в английской королевской канцелярии. Основные элементы украшения грамот — это английские геральдические эмблемы, цветы, фигуры, монограммы и растительные орнаменты. На документах сохранились делопроизводственные записи, сделанные в Посольском приказе при их получении, которые позволяют проследить механизм работы дипломатического ведомства с посланиями из Англии. Подлинные грамоты находятся в отдельных делах, как правило, вместе с синхронными переводами, подготовленными для информирования российского монарха и дипломатов. В некоторых случаях имеются также переводы рукописные XIX и машинописные второй половины XX века, но не все грамоты сопровождаются переводами.

Каждая грамота была подписана лично королем или королевой, с обязательным наименованием «брат» или «сестра». Таким же образом подписывались в посланиях к Петру I и другие европейские монархи, это означало равное положение русских царей в семье европейских монархов. Под адресом располагалась сургучная печать под кустодией, которая предназначалась для ее защиты от повреждений во время доставки документа в Россию. Почти все печати хорошо сохранились. Большинство пергаменных грамот хранится в сложенном состоянии, в том виде, как они были привезены в Посольский приказ и затем поступили в его архив.

Исключением по оформлению являются более 30 грамот короля Георга I, которые написаны на немецком языке на стандартных листах бумаги с водяными знаками и не имеют украшений. Здесь можно отметить перенос традиции очень скромного оформления грамот из немецких княжеств на внешний вид посланий из Англии. Грамо-

[2] Материалы фонда после 1718 года хранятся в АВПРИ.

[3] РГАДА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 33. Л. 3.

ты, написанные на бумаге и отличавшиеся по оформлению от официальных, поступали из Англии и до вступления на престол короля Георга I, они в посольском делопроизводстве именовались приватными.

Послания Георга I к Петру I во многом имели характер личной переписки, они свидетельствуют о дружеских связях двух монархов. Даже в условиях обострения двусторонних отношений, связанных с так называемым «мекленбургским делом», тон посланий Георга I не менял дружеского характера, и король в каждом послании подчеркивал свое непременное хорошее отношение к Петру I. Так, можно назвать грамоту от 21 февраля 1716 года, полученную царем 25 марта в Гданьске, в которой английский король извинялся за задержку с ратификацией Грейфсвальдского договора и высказывал дружеские чувства к России и самому царю: «мое удовольство не меньше вашего есть, ныне себя в так ближайшем совершенном соединении с вашим величеством действительно видеть, которое не иное что, как много доброго и полезного обеим сторонам привлечь может»[4].

По сложившейся делопроизводственной традиции грамоты иностранных государей поступали в дипломатическое ведомство сначала в Москву, а с 1712 года в Санкт-Петербург. Грамоту Вильгельма III, подписанную в королевской резиденции Кенсингтоне 20 мая (н.ст.) 1701 года, в Посольский приказ боярину Ф.А. Головину подал 9 августа английский консул Карл Гутфеллоу[5]. Доставлялась грамоты к русскому двору разными способами, нередко английские послы передавали документ российским дипломатам, а те, в свою очередь, посылали их в Россию почтой. В то время, когда Пётр I находился в походе вместе с армией или за границей России, документы препровождались к месту его пребывания, а регистрацию и перевод осуществляли служащие Посольской канцелярии, сопровождавшие царя. Так, грамота Вильгельма III от 20 октября 1700 года (н.ст.) о посредничестве его послов на Карловицком конгрессе была отдана английским посланником российскому послу в Гравенгагене, затем отправлена им по почте, и уже «принята с почты близ Новагорода» 23 ноября 1700 года[6]. Просьба английского короля не «учинать» войны со шведами застала Петра I в дни похода на Ингерманландию.

В Посольском приказе полученные из Англии грамоты регистрировалась, и переводчик на чистом поле пергамена записывал пред-

[4] Там же.

[5] См.: там же. Д. 2. Л. 2.

[6] См.: там же. Д. 1. Л. 1 об. Опубл.: *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1837. Т. II. С. 359–361.

мет послания, дату и место получения. Например, «грамота к великому государю аглинской королевы, принята в Минске генваря в 5 день 1708 году. Что Ея в[еличество] уведомила штатов галанских, дабы Его императорского в[еличеств]а призывать в союз и о коммерции для лутших прибыли обще подданным охотно желает договор чинить»[7].

Следующим шагом была подготовка перевода грамоты на русский язык. В отдельных случаях в приложении к подлинной грамоте сохранилось несколько вариантов перевода, различающихся по полноте (с титулами и без титулов) и стилистике перевода. Русский текст представлялся на рассмотрение Петру I, который при необходимости указывал, что должно содержаться в ответной грамоте. Основываясь на терминологии переводчиков Посольского приказа и сложившейся в России классификации документов, английские грамоты можно разделить на известительные, просительные, поздравительные, соболезнующие, верящие, отзывные и отпускные.

Известительные и просительные составляют основную часть грамот, сохранившихся в РГАДА. Известительные — это документы, в которых глава государства сообщал о каком-либо событии в своей стране (смерти государя, вступлении на престол его наследника, заключении мирного договора и др.). Как правило, в XVI–XVII веках иностранные монархи в обязательном порядке сообщали о своем вступлении на престол и подтверждали дружественные отношения с Россией. Такой порядок сохранился и в XVIII веке. Королева Анна первой своей грамотой, данной в Виндзорском королевском замке 20 июля 1702 года, извещала Петра I о кончине Вильгельма III и своем вступлении, заверяя царя о незыблемости продолжения дружеских отношений: «Мы предка нашего принца мудрейшаго стопам последовати и его советы ко общему эйропейскому благу продолжати крепки намерили есмы и толико дружбу оную, которая между им и между империальным вашим величестием была не токмо сохраняти желаем, но и все тщание прилагати хощем, дабы оная ко взаимным подданных из обомих стран наших пользам день от дне крепчайшая была»[8]. Приватной можно назвать известительную грамоту Анны от 9 ноября 1708 года, в которой она сообщала Петру I о кончине своего супруга принца-консорта Георга Датского. Королева писала о своих переживаниях в эти скорбные дни: «Хотя печаль и болезнь, которую Мы чувствуем о толь невозвратном уроне есть вящее, нежели о сем печальном случае довольно мочно объявить»[9].

[7] РГАДА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 7. Л. 1 об.

[8] Там же. Д. 3. Л. 2 об.

[9] Там же. Д. 11. Л. 5об.

Король Георг I отправил 27 сентября 1714 года своему союзнику Петру I сообщение о кончине королевы Анны «через приключившийся ей паралич» 12 августа (нов. ст.), своём вступлении на престол и сохранении дружбы между двумя государствами: «я того ж дня за короля Великобританского с надлежащим торжеством в Лондоне объявлен, и ныне в готовности обретаюсь для овладения сего мне доставшегося престола в Англию переехать»[10].

Несколько известительных английских грамот связаны с дипломатическим участием Англии в русско-шведских отношениях и Северной войне. Так, 23 июля 1711 года королева Анна сообщала о согласии своем и Голландских штатов содержать определенное число войск для предупреждения неприятельских действий Швеции против России[11]. 5 сентября 1716 года король Георг I извещал Петра I об отправлении своего генерал-лейтенанта барона Ботмара для содействия в войне со Швецией[12].

Просительные грамоты английских монархов связаны с защитой интересов своего купечества. 29 мая 1701 года Вильгельм III обращался к Петру I с просьбой об облегчении условий торговли в России табаком купцам Францу Статфорту с товарищами, с которыми царь встречался еще во время своего пребывания в Лондоне во время Великого посольства[13]. Заботу о привилегиях в отношении ввоза английскими купцами табака в Россию проявила и королева Анна, которая отправила 20 января 1703 года просительную грамоту об этом[14].

Поздравительные грамоты английских монархов присылались в Россию в связи с произошедшими важными событиями. Первое послание из Англии получил Петр I совместно со своим братом Иваном в ноябре 1682 года по случаю их венчания на царство[15]. Особо следует отметить послание королевы Анны от 9 октября 1709 года, в которой она поздравляла царя с одержанной победой под Полтавой и обещала содействовать в деле всеобщего блага[16]. Поздравительной грамотой 13 марта 1716 года приветствовал Георг I прибытие Петра I в «немецкий край» и просил выслушать предложения, переданные через ганноверского посланника на Брауншвейгском конгрессе Фабрициуса, а также «показать како тесное соединение Вашего в[еличе-

[10] Там же. Д. 20. Л. 2–2 об.

[11] См.: там же. Д. 15. Л. 1.

[12] См.: там же. Д. 39. Л. 3.

[13] См.: там же. Д. 2. Л. 1а–4а.

[14] См.: там же. Д. 4. Л. 1.

[15] См.: там же. Оп. 2. Д. 112. Л. 1.

[16] Там же. Оп. 3. Д. 13. Л. 1.

ств]а со мною, и состояние нынешних времен и обстоятельств к общей безопасности и лутшему требуют»[17].

Ряд посланий короля Георга I был направлен в Россию в связи с радостными событиями в семье Петра I. Двумя грамотами от 18 августа из Ганновера и 7 сентября 1714 года из Англии он поздравлял царя с рождением первой внучки Наталии Алексеевны (1714–1728), а в феврале 1715 дочери Маргариты (03.09.1714–27.07.1715), высказывая готовность быть её восприемником (крёстным)[18]. 29 ноября 1715 года Георг I поздравлял царя с появлением на свет внука Петра Алексеевича и высказывал благодарность за выбор его в «восприемники к молодому принцу»[19]. Спустя несколько дней, 9 декабря, получив из России известие о рождении у Петра I сына — Петра Петровича (1715–1719), Георг I отправил новое поздравление «о сем благословенном приращении Вашего величества дому», а также высказал пожелание, чтобы Его величество «в сем принце великую радость нажили, и оной бы к утверждению Вашего царского поколения в глубокую старость достиг»[20]. К сожалению, ожидания Петра I и приветствовавших его монархов-корреспондентов о судьбе второго и горячо любимого сына не оправдались, он умер, порадовав родителей всего несколько лет.

Соболезнующие грамоты приходили из Англии в Россию в скорбные для царской семьи дни. Такие послания поступали по случаю кончины царевен дочерей Петра I Наталии (дата грамоты 19.08.1715) Маргариты (дата грамоты 30.09.1715), сестер царя Наталии (19.09.1716) и Екатерины (17.08.1718); супруги царевича Алексея Петровича крон-принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской (2.12.1715)[21].

Верящие грамоты являлись дипломатическими документами, которые удостоверяли назначение представителя одной страны в другом государстве. В 1705 в Москву с верительной грамотой от королевы Анны прибыл чрезвычайный английский посланник Чарльз Уитворт, который подтвердил желание своей государыни поддержи-

[17] Там же. Д. 34. Л. 3.

[18] См.: там же. Д. 21. Л. 1, 4; Д. 24. Л. 1–1 об. Надо отметить, что крёстным Маргариты соглашался стать и император Священной Римской империи Карл VI, о чём он писал в своей поздравительной грамоте (См.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 4. Д. 22). Подобный выбор крёстных для дочери, а затем и для внука Петра Алексеевича свидетельствует о желании Петра I таким образом укрепить международные связи со своими союзниками.

[19] Там же. Ф. 35. Оп. 3. Д. 30. Л. 3.

[20] См.: там же. Д. 32. Л. 3–3 об.

[21] См.: там же. Д. 28, 29, 31, 38, 52.

вать с Россией древнюю дружбу и «добрые письменные пересылки, которые за такие многие веки пребывали между нашими предки»[22], а также готовность выступить посредником в примирении России со Швецией. Последняя грамота королевы Анны от 26 апреля 1714 года рекомендовала Петру I резидента Д. Макензия, который уже 20 марта 1715 года лично подал Петру I в его доме отзывную грамоту от короля Георга I[23]. Интересно, что отправление в Россию полномочного и чрезвычайного посланника Ивана Нориса сопровождалось официальной грамотой от 2 июля 1717 года и собственноручным письмом Георга I от 4 июля, в котором тот называл причину отправления дипломата — необходимость через доверенное лицо сообщить мнение короля о «некоторых делех»[24].

Отпускные грамоты давались русским дипломатам при их отправлении из Лондона. В РГАДА сохранился такой документ, выданный 19 июля 1708 года российскому послу А.А. Матвееву при отъезде из Лондона[25]. Причина хорошо известна. Оскорбление, нанесённое послу арестом по жалобе кредитора, вызвало возмущение русского правительства и привело к изданию английским парламентом закона, в котором впервые было зафиксировано понятие дипломатического иммунитета[26]. Отпускную грамоту сопровождало послание королевы Анны, названное российскими дипломатами «извинительной» грамотой. В ней публичный арест посла Матвеева на улицах Лондона с военным караулом назывался «злощастным случаем» и «великим бесчестием»[27]. Согласно записи служащих Посольского на переводе грамоты, его копия «слово в слово» был 1 октября 1708 года послан лично Петру I, который в это время преследовал шведов после своей победы при Лесной. Как видим, дипломатические извинения английской стороны в такой вопиющей ситуации были столь ожидаемы для царя, что копию грамоты срочно направили к Петру I.

В феврале 1710 прибывший в Россию с английский посол Ч. Уитворт от имени своей королевы принёс Петру I официальные извине-

---

[22] Там же. Д. 6. Л. 3. Ч. Уитворт был отозван 1 декабря 1712 года, что свидетельствовало о крайнем обострении двусторонних отношений.

[23] См.: там же. Д. 19. Л. 1; Д. 23. Л. 1.

[24] Там же. Д. 45. Л. 3.

[25] См.: там же. Д. 10а.

[26] См.: *Cracraft James.* Diplomatic and Bureaucratic Revolutions // The Revolution of Peter the Great. Harvard, 2003. P. 73. О парламентском акте и наказании виновных в бесчестии Матвеева королева Анна писала к Петру I в грамоте от 15 августа 1709, в деле сохранился перевод парламентского акта (РГАДА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 12. Л. 8–8 об.; Л. 12–14 об.).

[27] РГАДА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 10. Л. 3.

ния за оскорбление, нанесённое Матвееву. Подробности его приезда нам раскрывают архивные документы, находящиеся в одном деле с грамотой королевы Анны от 15 августа 1709 года о направлении посла. В ходе переговоров канцлером Г.И. Головкиным был поднят вопрос об именовании Петра I в королевских грамотах императором: «ему послу говорили о том титле Его императорского величества, чтоб и впредь писали таким же образом непременно императором Великороссийским, как напредь сего»[28]. Как видим, уже в первые годы после кардинального поворота, произошедшего вслед за Полтавской победой, российские дипломаты стремились утвердить образ Петра I — императора в переписке с европейскими монархами и закрепить это в оформлении его титулатуры в грамотах. Отзывная грамота Уитворту была направлена в Россию 29 сентября 1712 года[29].

Можно назвать еще одну отпускную грамоту, данную 21 июня 1711 года королевой Анной посланнику князю Б.И. Куракину при его отъезде из Лондона. Он был отозван Петром I, и в послании, привезенном в Россию, Куракину давалась отличная характеристика: «Ревность, которую он показал толь преимущным образом к службе Вашего императорского величества, такожде и ко мне благоразумением и тщанием он всегда трудился споспешествовать Вашим интересам...»[30]. Сам Б.И. Куракин писал о почтении и особом отношении к себе, встреченном в Англии[31].

Корпус английских грамот к Петру I, хранящихся в РГАДА, свидетельствует о высоком уровне дипломатических связей России с Англией в первой четверти XVIII века. Особо активизировалась переписка после вступления на английский престол союзника Петра I Георга I. Надо отметить, что значительная часть его посланий носила характер личных писем и отличалась по оформлению от официальных документов. Изучение порядка поступления документов в российское дипломатическое ведомство, их регистрации, перевода и организации хранения позволяет охарактеризовать начальный этап становления российского дипломатического делопроизводства.

---

[28] Там же. Д. 12. Л. 19.

[29] См.: там же. Д. 17. Л. 1.

[30] Там же. Д. 14. Л. 4 об.–5. О миссии Куракина в Англии см.: ПиБ. Т. XIII. Вып. 2. М., 2003. С. 564.

[31] См.: *Куракин Б.И.* Записки князя Б.И. Куракина о пребывании в Англии, отъезде в Россию к армии, путешествии с царем Петром Алексеевичем в Карлсбад и о назначении своем на съезд в Утрехт. 1710–1711–1712. Писано в апреле 1712 г. // Архив князя Куракина. Кн. 3. СПб., 1892. С. 301–302.

Тематика английских грамот обширна — от важнейших международных вопросов до значительных событий в монарших семьях. Следует отметить, что при всех сложностях русско-английских отношений, доходящих иногда до угрозы прямого столкновения, и дипломатических интригах английского двора в годы Северной войны[32], характер переписки сохранял дружеский тон, и грамоты из Англии содержали заверения в дружбе и любви. Пожалуй, только последняя в собрании РГАДА грамота Георга I от 1 мая 1719 года свидетельствует о напряженности двусторонних отношений, связанной в данном случае с недовольством Петра I по случаю заключения Венского трактата между Англией, Австрией и Польшей. Король писал о нарушении прежнего доброго согласия между монархами из-за вмешательства царя в «дела Римского государства», своей невиновности в ссоре, и предлагал «о том подумать, чтоб мимошедшее предать забвению и впредь исправить, нежели чрез письменною о приключившихся делах пересылку время пробавлять»[33].

[32] См.: *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. Необходимо отметить, что монография основана на обширном дипломатическом делопроизводстве, сохранившемся в посольских делах. Они значительно более откровенно показывают сложности в русско-английских отношениях, чем грамоты английских монархов, которые в исследовании практически не использованы.

[33] РГАДА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 55. Л. 4.

И.В. Кувшинская
(Москва)

Scotia me genuit…: судьба библиотеки генерала Патрика Гордона

Личные библиотеки неповторимы — в них отражается склад ума, вкусы, характер и пристрастия их владельцев. Для историка бесценны любые свидетельства о библиотеках давно минувших веков. Настоящая статья посвящена книжному собранию прославленного сподвижника Петра Великого, генерала Патрика Гордона (1635–1699).

Жизненный путь петровского генерала подробно изложен в «Дневнике», который Патрик Гордон вёл на протяжении всей жизни[1]. Изгнанник, покинувший родину в шестнадцать лет, наёмный солдат, испытавший превратности войн, потрясавших Европу в середине XVII века, Патрик Гордон не забывал о книгах даже среди боевых действий: «На другой день армия стояла на месте. Я пошёл в обитель иезуитов, которую разграбили, не оставив ничего, кроме превосходной библиотеки, хранителем коей был назначен секретарь фельдмаршала. Он допустил меня, дабы помочь ему отобрать особо нужные фельдмаршалу книги, так что я имел возможность отложить кое-какие для себя...», — записал он в «Дневнике» в 1655 году[2]. Генерал Гордон получил образование в Браусбергском иезуитском коллегиуме в Восточной Пруссии и прекрасно владел латынью, которая в XVII веке была не только литературным языком римских класси-

[1] Патрик Гордон. Дневник: 1635–1659. М.: Наука, 2000; 1659–1667. М.: Наука, 2003; 1667–1668. М.: Наука, 2005; 1684–1689. М.: Наука, 2009; 1690–1695. М.: Наука, 2014.

[2] Запись от 8 августа 1655 года. Патрик Гордон. Дневник: 1635–1659. С. 40.

ков, но и живым языком науки и дипломатии. В «Дневнике» Патрик Гордон неоднократно цитирует латинские эпиграммы, девизы и надписи, которые встречались ему во время странствий: он тщательно копировал эти тексты и заносил в свой дневник. Среди военных действий, семейных забот и государственных дел Патрик Гордон оставался независимым и благородным, тонко образованным человеком, не мыслящим себя вне достижений европейской культуры.

Генерал Патрик Гордон и Франц Лефорт. Фрагмент гравюры Адриана Шхонебека «Взятие Азова». 1699–1700 годы

Судьба библиотеки генерала Гордона связана с историей католической миссии в Немецкой слободе, которой Патрик Гордон подарил свои книги. По прибытии в Москву генерал Гордон, воспитанный в католической вере, стал уважаемым членом небольшого католического прихода в Немецкой слободе. Благодаря своему влиянию при дворе, генерал старался оказывать постоянную поддержку московским католикам: его труды и денежные средства сыграли важную роль в обустройстве католической миссии и строительстве храма во имя Пресвятой Троицы. Сведения о библиотеке миссии сохранились в письмах, которые отправлял из Москвы католический священник о. Франциск Эмилиан (Ян Милан, 1662–1738), приехавший в Москву весной 1698 года в составе посольства Его императорского Величества Леопольда I. Священники о. Франциск Эмилиан и о. Иоанн Берула, были направлены в Немецкую слободу из Клементинума, Пражского иезуитского коллегиума, прославленного учебного заведения Центральной Европы. В течение многих лет они пересылали в Прагу отчёты о своей деятельности и письма, сохранившие многие подробности жизни Москвы на рубеже XVII–XVIII веков.

История изучения текстов писем связана с именем Ф. Дворского, в 1880-х годах передавшего Археографической комиссии копии документов из Земского архива Праги. Латинские тексты писем католических миссионеров и перевод их на русский язык впервые были

опубликованы в 1904 году[3]. Подлинные тексты писем, хранившиеся в архивах Праги и Брно, в середине XX века изучал выдающийся историк А.В. Флоровский, в течение многих лет живший в Чехии в эмиграции. В 1941 году он издал фундаментальную монографию о миссионерской деятельности чешских иезуитов в Московском государстве[4]. Среди рукописных текстов А.В. Флоровский обнаружил два рисунка о. Франциска Эмилиана, а также перечень книг, хранившихся в библиотеке миссии. В донесении из Москвы от 23 июня 1699 года о. Франциск указывал: «Для пользы этой миссии славнейший господин генерал Гордон, родом шотландец, подарил драгоценное и весьма полезное для нас сокровище, — библиотеку, а господин императорский посол ещё увеличил её многими книгами, подаренными им. Прилагаем здесь каталог всей библиотеки, из которого можно видеть, какова она»[5]. По словам о. Франциска Эмилиана, стоимость библиотеки составляла 600 флоринов[6]. Несмотря на несовершенство приводимого А.В. Флоровским списка, в котором не всегда дано точное заглавие книги и не указаны год и место её издания, каталог библиотеки представляет собой ценнейшее свидетельство о текстах, которые были известны в Москве во второй половине XVII века.

Список библиотеки миссии открывают справочные издания и словари: итальянско-французский, итальянско-английский, латинско-французский, голландский, французско-немецко-латинский. Персидско-латинский словарь, еврейско-сирохалдейский лексикон Буксдорфа и еврейско-сирохалдейско-арабский словарь, очевидно, принадлежали о. Франциску Эмилиану, намеревавшемуся посвятить свою жизнь миссионерской деятельности на Востоке. В распоряжении миссии находились грамматики, в том числе грамматика английского и французского языка, латинская грамматика и греколатинские учебные диалоги. Традиционный перечень книг античных авторов, на которых было основано классическое образование, включал имена Горация, Овидия, Вергилия, Гомера, Тита Ливия,

---

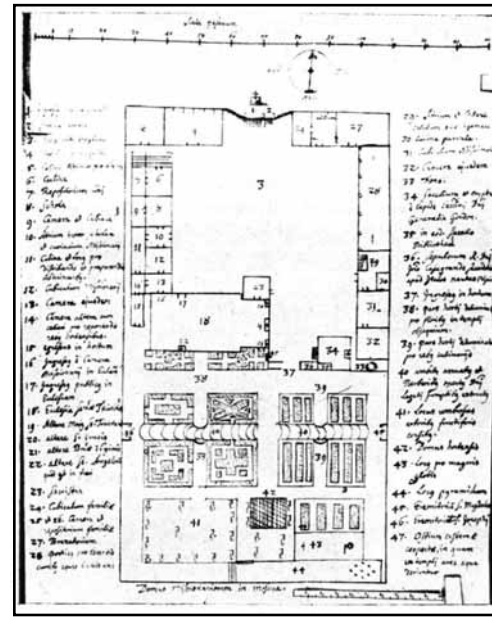
[3] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1904. В 2010 русский текст перевода писем был переиздан. В настоящей статье тексты писем цитируются по изданию: Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. // Источники истории. Рязань, 2010. (Далее: Письма 2010).

[4] *Florovský A.* Čečti jesuite na Rusi. Praha, 1941.

[5] Письма 2010. С. 49; *Florovský A.* Op. cit. С. 284–287.

[6] Чтобы представить реальную ценность книжного собрания генерала Гордона, отметим, что годовое содержание учителя приходской школы храма составляло 150 флоринов, или 50 рублей.

Цезаря, Цицерона, Сенеки. Сочинения Тацита и Плиния были представлены в книжном собрании во французском переводе, Плутарх — в переводе на французский и латинский языки. В библиотеку вошёл ряд исторических сочинений, в том числе: «История Византии» Грегоры и Халкондила; «История Италии» Франческо Гвиччардини, «Путешествие в Московию» («Iter Mosco-viticum») Адама Олеария, «Хронология Польши» («Chronologia Poloniae») и «Описание Венгрии» («Descriptio Ungariae»).

Католическая миссия в Немецкой слободе. Рисунок 1699 года

Среди собрания находилась книга Томаса Мора «Утопия», полное название которой было: «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Упоминаются многочисленные книги по истории права — в том числе «Институции» Гая и «Право греко-римское, гражданское и каноническое».

В библиотеке миссии были собраны труды Отцов церкви и богословские трактаты — можно предположить, что именно эта часть книжного собрания в 1698 году пополнилась за счёт даров посла Игнатия Христофора Гвариента фон Рааля. В перечне богословских книг упомянуты сочинения Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Дунса Скота, «О Подражании Христу» Фомы Кемпийского, «О граде Божьем» Аврелия Августина, «Анналы» Цезаря Бароний. В библиотеке находилась инкунабула — латинская Библия 1480 года. Заслуживает внимание книга под названием «История Ломбардии», помещённая А.В. Флоровским среди перечня исторических книг. Это примечательное свидетельство того, что в Москве на рубеже XVII–XVIII веков читали сочинение

Иакова Ворагинского «Legenda Aurea» («Золотая Легенда»), известное также как «Ломбардская история»[7].

Профессиональные интересы генерала Гордона связаны с появлением в его библиотеке книги Иозефа Фуртенбаха, которая названа «Архитектура, в 2-х томах». Подразумеваются два тома иллюстрированного сочинения Фуртенбаха «Architectura militaris moderna» — «Современная военная архитектура», посвящённая, прежде всего, вопросам фортификации. Также упомянута «Военная архитектура» Голдманна, книга «О мостах», «Архитектура» (без автора).

Из популярной во все века литературы в библиотеке имелись «Физиолог испано-галльский» и «Толкование снов» Артемидора Далдианского. Отметим также ряд книг по медицине: «Медицина» Монтана, «Медицина бедных» Превоция («Medicina pauperum») и книгу «Физика», напечатанную в Риме. («Physica Romae impressa»). В одном из писем о. Франциск Эмилиан рассказывал о том, что по приказанию Петра I он занимался приготовлением химических составов для симпатических чернил и шлифовал стёкла для оптических приборов. «О, если бы у меня было больше редкостей, особенно вроде симпатических составов, или любопытных новостей по физике. Светлейший царь весь живёт в них, — восклицает о. Франциск. — Вся жизнь светлейшего царя обновляется и сердце его прыгает от радости, когда он увидит что-либо подобное и услышит объяснения физических явлений»[8].

Приезд в Москву учёных богемцев из Клементинума не остался незамеченным для ближайшего окружения Петра I. На территории миссии образуется небольшая школа, и через год по приезде миссионеров в Москву в ней появляются первые русские ученики. «Отец Иоанн взял на себя труд обучать латинскому языку, и уже несколько русских детей с хорошими способностями собрано для этого», — рассказывает о. Франциск Эмилиан в письме от 23 июня 1699 года[9]. В кратком известии о деятельности миссии за 1699 год указано: «Многие русские вельможи просили обучать их сыновей латинскому языку. Этим положено начало училищу, и с каждым днем более и более возрастает число учеников»[10]. Внимательное отношение к детям и незаурядные знания учителей постепенно создают маленькой школе

[7] Знаменитое собрание житий Святых и сказаний о христианских праздниках, составленное около 1260 года Иаковом Ворагинским и вскоре переведённое на все европейские языки, оказало большое влияние на последующую агиографическую литературу, в том числе на труд Димитрия Ростовского.

[8] Письма 2010. С. 130–131.

[9] Там же. С. 58–59.

[10] Там же. С. 189.

Геометрия

Музыка

Ханс Зебальд Бехам (1500–1550). Семь свободных искусств.

в Немецкой слободе добрую славу. В латинской школе на протяжении 1699–1704 учились мальчики из семейств Нарышкиных, Голицыных, Апраксиных, Долгоруких: по словам католических священников, им удалось собрать в школе «цвет здешнего дворянства». Среди учеников школы был сын, а позднее, и внук генерала Гордона. Можно предположить, что генерал Гордона сделал свой бесценный подарок также и ради учеников новой латинской школы, которые стали первыми читателями его книжного собрания. Чтобы упрочить положение школы и привлечь в неё новых учеников, о. Иоанн Берула берётся за преподавание немецкого языка[11]. О. Франциск Эмилиан преподавал в школе математику, радуясь и удивляясь успехам своих слушателей: «Кроме сына господина генерала Гордона я имею много и других, русских учеников. Сколько нужно было убеждать их, чтобы они начинали учиться по порядку, с самых первых начал; потому что они желают всё иметь скоро, да и весь этот народ не терпит медленности. В настоящее время мы дошли до решения тре-

[11] Там же. С. 83–84.

Бартоломеус Спрангер (1546–1611). Минерва, торжествующая над Невежеством в окружении Семи свободных искусств

угольников, и теперь они уже сами собою любуются»[12]. В одном из писем о. Франциск Эмилиан просит узнать, какие новые работы по алгебре изданы за последнее время, поскольку три его ученика «прошли все трудности Эвклида и тригонометрии и по окончании геометрии начинают заниматься алгеброй, как приказал им светлейший царь, который весьма похвалил их»[13]. Пётр I с одобрением отзывался о деятельности католических священников. На неоднократные требования православного духовенства закрыть латинскую школу в Немецкой слободе царь отвечал: «Что хорошо начато, того не следует так внезапно и скоро прекращать»[14].

На плане миссии, приложенном к письму от 23 июня 1699 года, подробно отмечены все постройки, находившиеся на её территории. Среди них деревянный храм во имя Пресвятой Троицы (18), школа (8), жилые и хозяйственные помещения, обширный регулярный сад с беседкой (42), галереей-берсо (40) и традиционными для XVII века «затеями» — площадками с пирамидами и шаром-глобусом (43, 44). В «Дневнике» генерала Гордона и письмах богемских священников есть упоминания о праздниках в «Саду императорских миссионеров», где звучала музыка, в то время ещё редкая в Москве. По установленным правилам, лютеранам и католикам было запрещено иметь храмы «с колокольным звоном», однако произведения церковной и

[12] Там же. С. 59.

[13] Там же. С. 95.

[14] Там же. С. 98. История латинской школы в Немецкой слободе изложена в статье: *Кувшинская И.В.* Сад императорских миссионеров. «Аристей». Т. IV. М.: Институт Дмитрия Пожарского, 2011. С. 234–251.

светской музыки XVII века нередко исполнялись в Немецкой слободе. «Музыка великолепна, на трубах и литаврах играют музыканты господина посла, а в праздник св. Ангела хранителя у нас была такая музыка, которую не часто услышишь и в ваших странах. Музыку эту устроили католики голландцы и валлонцы, недавно прибывшие сюда», — пишет о. Франциск Эмилиан[15].

На территории миссии в конце XVII века находилось единственное каменное сооружение — часовня, построенная генералом Гордоном над фамильным склепом (34). Именно здесь хранилась библиотека (35): своё главное сокровище миссионеры стремились уберечь от частых в Москве пожаров в неуязвимой для огня каменной постройке. В этой усыпальнице в ноябре 1699 года был погребён генерал Патрик Гордон. О его кончине о. Франциск Эмилиан рассказал в одном из самых проникновенных писем: «Наш столп, господин генерал Гордон, простился с этим миром 29 ноября старого стиля. Я был при нём до последней минуты...»[16]. Во время торжественной панихиды на богослужении присутствовала царская семья. «У гроба благочестиво почившего господина генерала царь выказал мне великое внимание... Царевич с любопытством всё осматривал и с большим благоговением воздавал честь нашему храму», — записал о. Франциск Эмилиан[17]. Позднее небольшая часовня стала основой воздвигнутого на территории миссии каменного барочного храма, под алтарём которого был похоронен Патрик Гордон.

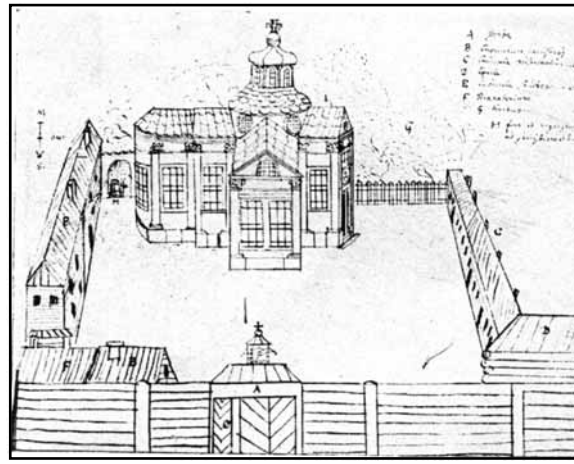
В 1684 году, в Киеве генерал провожал в последний путь своего однополчанина, также шотландца, по имени Эндрю Арбатнот. На его могиле был поставлен камень с латинской эпитафией, очевидно, сочинённой самим Патриком Гордоном:

Scotia me genuit... Tenuitque Polonia quondam. Russia nunc Requiem praebet. Amice, vale[18].

В Скотии был я рождён. В Полонии некогда жил я.
Ныне обрёл я покой в России. Путник, прощай.

Этот элегический дистих представляет собой вариацию на тему знаменитой латинской эпитафии Вергилия: «Mantua me genuit... — В Мантуе был я рождён...». В риторических школах существовала давняя традиция сочинять вариации на тему этой эпитафии. Но в данном случае перед нами не только пример литературного мастер-

[15] Письма 2010. С. 38.
[16] Там же. С. 70.
[17] Там же. С. 73.
[18] Патрик Гордон. Дневник: 1684–1689. С. 39.

Католический храм Пресвятой Троицы,
место упокоения генерала Гордона. Рисунок 1706 года

ства петровского генерала. Эпитафия на могиле безвестного шотландца — это одновременно лаконичный рассказ о судьбе самого Патрика Гордона, которому так и не суждено было вернуться в родные края.

Время не сохранило католический храм Пресвятой Троицы, латинскую школу, библиотеку, цветники и аллеи Сада императорских миссионеров. Разрыв дипломатических отношений между Россией и Священной Римской империей в 1719 году привёл к прекращению деятельности иезуитской миссии. Книжное собрание осталось в Москве, но его дальнейшая судьба неизвестна. В 1720-х годах служение в католическом храме Немецкой слободы продолжили священники-итальянцы из Ордена капуцинов — с этого времени храм упоминается в московских документах как храм Святых Апостолов Петра и Павла. Каменный храм в Старокирочном переулке Немецкой слободы сильно пострадал от большого пожара Москвы 1812 года, практически уничтожившего все постройки в Лефортово. В конце XIX века старый обветшавший храм был полностью разобран, его территория перешла к новым владельцам, построившим на ней многоэтажные фабричные корпуса. Прах генерала Патрика Гордона был перенесён на Введенское кладбище в Лефортове: на камне, установленном в католической части кладбища, в 1877 году была выбита надпись на немецком языке с именем Гордона, соратника Петра Великого и Лефорта. Но лучшей эпитафией достойному Петровскому генералу мог бы стать написанный им самим элегический дистих: Scotia me genuit...

Е.П. Рене
(Санкт-Петербург)

Коллекционер британской живописи Алексей Захарович Хитрово и его дар Эрмитажу

Британская живопись довольно поздно по сравнению с другими европейскими школами стала предметом собирательства. В России единственным коллекционером, сознательно и планомерно составившим небольшую, но ценную коллекцию именно английской живописи, был Алексей Захарович Хитрово. Завещав собрание Императорскому Эрмитажу, он вписал своё имя не только в историю музея, но и в историю русско-британских отношений. Благодаря его стараниям и щедрости в Эрмитаже появились семь замечательных картин Томаса Гейнсборо, Джона Хоппнера, Джорджа Ромни, Генри Реберна, Джона Опи и Томаса Лоуренса[1]. *(илл. 1–6)* Его щедрый дар явился существенным дополнением к уже имевшемся в императорском собрании полотнам британских художников, которые оказались в нём случайно, если не считать нескольких картин, купленных Екатериной II. Великая императрица интересовалась современным состоянием искусства и, опережая время, приобрела несколько произведений Джошуа Рейнолдса и шедевры малоизвестного в то время в Европе Джозефа Райта из Дерби. Однако на фоне широкого собирательского размаха государыни её внимание к английской школе живописи было эпизодическим, а после её смерти картины оказались в разных дворцах, кабинетах и кладовых и не составляли единого целого. Само понятие école anglais, включённое в описание её галереи

[1] Картина «Дети Килби», считавшаяся работой Джошуа Рейнолдса (ныне — неизвестный художник середины XVIII века) была передана в 1927 в ГМИИ.

1. *Томас Гейнсборо.*
Дама в голубом.
Конец 1770-х–начало 1780-х

2. *Джон Хоппнер.*
Ричард Бринсли Шеридан.
Конец 1770-х — начало 1790-х

3. *Джордж Ромни.*
Миссис Харриэт Грир. 1782

4. *Генри Реберн.*
Миссис Элинор Бетюн. 1790-е

5. *Джон Опи.* Женский портрет (ранее считался портретом Фрэнсис Винникомб). 1805–1807

6. *Томас Лоуренс.* Портрет Эмили Уэлсли-Поул (леди Реглан). 1814–1815

И.Г. Георги в известной книге 1794 года о Санкт-Петербурге и его окрестностях, пропало в последующих каталогах Эрмитажа вплоть до 1863 года, когда под влиянием возникшего интереса к английской живописи были извлечены на свет и объединены вместе холсты Неллера, Добсона, Джонса и Рейнолдса. Позднее к ним присоединились отдельные произведения из частных коллекций, в которые работы англичан попадали скорее не как предмет собирательства, а как результат семейных или деловых связей с Британией.

То, что Алексей Захаровичем Хитрово составил коллекцию именно английской живописи — явление уникальное в истории коллекционирования в России. К сожалению, происхождение Хитрово не способствовало интересу к его биографии в советскую эпоху. Долгое время одним из основных и широкодоступных источников сведений о нём оставалась статья П.П. Вейнера в журнале «Старые годы», появившаяся вскоре после смерти коллекционера[2]. Она готовилась при жизни Хитрово, который принимал деятельное участие в сборе материалов к ней ещё весной 1912 года, но не дожил до её выхода в свет. Он скончался в доме своего брата в Италии 21 сентября 1912 года в результате быстротечной и мучительной болезни и был похоронен на кладбище Аллори во Флоренции. Печальное событие

[2] *Вейнер П.П.* Собрание Алексея Захаровича Хитрово // Старые годы. 1912, декабрь. С. 3–36.

нашло отражение в журналах «Старые годы», «Среди коллекционеров» и газетах «Новое время», «Речь», «День», поместивших на своих страницах в октябре–ноябре 1912 года некрологи, отчасти проливающие свет на биографию Хитрово[3]. Некоторые детали жизненного пути собирателя, изложенные в настоящей статье, почерпнуты в изданиях «Весь Петербург» и трёхтомнике «Кавалергарды», в воспоминаниях М.Д. Бутурлина и А.Н. Бенуа, в исследованиях о пребывании О. Кипренского и Н.В. Гоголя в Италии.

7. Алексей Захарович Хитрово

Алексей Захарович родился 21 марта 1848 года в очень высокопоставленной и богатой семье *(илл. 7)*. Его отец, Захар Алексеевич (1807–1876), много лет пробывший на дипломатической службе в Италии и Франции, с 1858 по 1866 год занимал пост обер-церемониймейстера императорского двора. Родословная книга А.Б. Лобанова-Ростовского указывает основателем древнего боярского рода Хитрово Еду-Хана, по прозванию Сильно-Хитр, который «выехал из Золотой Орды во второй половине XIV века и получил во святом крещении имя Андрей», что несколько расходится со сведениями, опубликованными в газете «Новое время» будто бы со слов Алексея Захаровича[4]. В 1831–1836 годах Захар Алексеевич был секретарём миссии во Флоренции, где познакомился со своей будущей супругой тосканской маркизой Пуччи, урождённой Паолиной Ненчини (1810–1882)[5].

[3] Журнал «Старые годы». 1912, октябрь. С. 49; газеты: «Речь» 27 ноября 1912. № 319; «Новое время». 12 октября 1912. № 13142; «День», 10 ноября 1912. № 39.

[4] *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1885. Т. 2. С. 316. История о том, что З.А. Хитрово происходил по прямой линии от рязанского великого князя Олега Иоанновича и был потомком боярина Богдана Матвеевича Хитрово, пользовавшегося большим почётом и влиянием при царе Алексее Михайловиче, изложенная в газете «Новое время» (12.10.1912), не находит подтверждения у Лобанова-Ростовского.

[5] *Мусатова Т.* Гоголь в Риме: «По поводу разных духовно-дипломатических дел...» // Toronto Slavic Quarterly. № 31. Winter 2010. Автор ссылается на документ Архива Внешней политики России. Департамент личного состава и хозяйственных дел (АВПРИ. Ф. ДЛСиХД. Оп. 464. Д. 2945).

К этому времени относятся их акварельные портреты, исполненные К.П. Брюлловым, и рождение сына Алессио (1835–1904)[6]. Лишь через несколько лет после смерти первого мужа маркиза Джузеппе Пуччи (1782–1838) Паолина смогла выйти замуж за З.А. Хитрово, и они поселились в Петербурге, где её звали Прасковьей Егоровной. Мать Прасковьи Егоровны Элеонора Тереза Ненчини была последней представительницей старинного флорентийского рода Пандольфини[7]. С разрешения великого герцога Тосканского она унаследовала титул графов Пандольфини и передала его внуку, старшему сыну Прасковьи Егоровны — Алессио. В то же время её второй внук Алексей стал наследником отца Захара Алексеевича и владел его имениями в России. Прасковья Егоровна часто жила во Флоренции в палаццо Пандольфини, где в одной из комнат до сих пор висит её портрет кисти Ореста Кипренского. Фамильный дворец, проект которого разработал в 1520 году Рафаэль для епископа Джаноццо Пандольфини, друга папы Льва X, был построен архитектором Джан Франческо Сангалло в новаторском для Флоренции стиле. В честь архитектора улица, на которую выходит основной фасад, получила название Via San Gallo. Здесь у брата часто и подолгу гостил Алексей Захарович.

---

[6] М.Д. Бутурлин осенью 1845 встретил маркизу Пуччи в Петребурге, но, как он писал: «неловко было бы с моей стороны напоминать ей о Флорентийской жизни и об одновременных моих с нею светских дебютах в том обществе, зимою с 1826 на 1826 год, потому что подобные воспоминания были в связи с позднейшим её побегом от живого мужа, событием сделавшим большой эскландр...» (Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский Архив. М., 1897. Кн. 3. С. 531.

[7] В обзоре Флорентийского общества я мало говорил о графине Элеоноре Ненчини, потому что она не выезжала в свет, но не по причине преклонных лет, а потому что имела свой домашний кружок близких знакомых, преимущественно из мужчин. Впрочем, у нас в доме она бывала довольно часто. Слывшая когда-то красавицею, графиня Ненчини была ещё в конце 30-х годов удивительно моложава и привлекательна, хотя уже «на дурном покате» (in the wrong side, как говорят Англичане), пятидесяти лет. Привлекательность эта исчезала, к сожалению, как только она прерывала молчание, но не потому, чтобы ей не доставало ума, или чтобы речь ея была нестройною, а по причине крикливой и вместе с тем, сипловатой интонации голоса, потрясавшей нервы слушателей. Не будь этого, её можно было бы причислить к любезнейшим женщинам и по обращению, и по сердечной доброте, что по-французски называется «bienveillant pour chacun». Она была близка с семейством Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола, долго нанимавшего верхний этаж её палаццо в улице Сан-Галла, фасад коего приписывался, как архитектурная редкость, Рафаэлю. Дворец этот прежде принадлежал знаменитому Флорентийскому роду маркизов Пандольфини, коих графиня Ненчини была последнею отрасль. Добавлю, что она осталась известною в летописях садоводства от произрастания в её заведении новой разновидности камелии, названной в каталогах её именем (Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский Архив. М., 1901. Кн. 3. С. 214.

8. А.З. Хитрово в костюме воеводы XVII века. Костюмированный бал 1903 г.

Как справедливо писала газета «Новое время»: «Немногим выпадало на долю жить в такой художественной рамке, в какой вырос и провёл всю свою жизнь Алексей Захарович Хитрово»[8].

В 1865 году Алексей Захарович поступил в Пажеский корпус, в следующем — был произведён из камер-пажей в корнеты Киевского гусарского полка, а в октябре 1867 — переведён в Кавалергардский Её Величества императрицы Марии Фёдоровны полк. Внешне гладкая и благополучная судьба не избавила Хитрово от чисто человеческих глубоких переживаний. Брак с фрейлиной Марией Павловной Голицыной (1852–1944), заключённый в 1870 году, распался. Жена, забрав родившуюся в 1876 году дочь, ушла к Павлу Владимировичу Родзянко. Неудавшаяся семейная жизнь, смерть отца, последовавшая тогда же, подорвали здоровье Алексея Захаровича, который в 1877 году в чине ротмистра вышел в отставку. Долгое время он нигде не служил, но состоял в попечительских и благотворительных обществах. Лишь в 90-е годы он поступил на гражданскую службу — сначала в Министерство Народного просвещения, а затем с 1898 по 1901 год заведовал гофмейстерской частью двора вел. кн. Владимира Александровича. В 1898 году он был произведён в действительные статские советники, а в 1904 — пожалован в егермейстеры *(илл. 8)*.

Служба позволяла ему много времени проводить за границей. «...Он был в полном смысле слова светским космополитом, любил

[8] К кончине А.З. Хитрово // Новое время. 1912. № 13142; С. 6.

придворную атмосферу и smart set тех городов, где он мелькал. Проведя разгар зимнего сезона в Петербурге, он на весну уезжал во Флоренцию, затем спешил в Париж и Лондон, — опять-таки на сезон, часть лета проводил в своём тульском имении, чтобы осенью снова появиться во Флоренции и Париже. Довольно часто он принимал у себя на Сергиевской, но на обеды и балы его, отличавшиеся отменным изяществом и удостаивавшиеся посещением многих высочайших особ, приглашались лишь весьма немногие избранные...»[9].

Несомненно, на художественный вкус А.З. Хитрово повлияло общение с такими законодателями европейской моды, как граф Робер де Монтескью и графиня Греффюль. Робер де Монтескью — поэт и писатель, светский лев, утончённый эстет, непревзойдённый денди и покровитель литераторов и художников. Его прекрасные черты запечатлены во множестве фотографий Надара и на портретах Больдини, Уистлера, Бланше. Марсель Пруст вывел его героем эпопеи «В поисках утраченного времени» (барон де Шарлю), а Гюисманс — героем романа «Наоборот» (герцог Жан Флорессас дез Эссент). Граф де Монтескью был завсегдатаем салонов, которые устраивала в своём особняке на улице д'Асторг в Париже его любимая кузина знаменитая графиня Элизабет Греффюль (прототип герцогини Германтской в романе М. Пруста). В её доме собирались французские и европейские деятели культуры и политики, среди которых бывали вел. кн. Павел Александрович и близкая подруга графини вел. кн. Мария Павловна. Элизабет Греффюль, как и её кузен, была деятельным меценатом, поддерживала и продвигала многих людей искусства. В том числе огромную пользу граф де Монтескью и графиня Греффюль оказали С.П. Дягилеву в период «Русских сезонов» в Париже. А.Н. Бенуа описывает в воспоминаниях, относящихся к жизни во Франции в 1905–1908 годах, поездку в имение графини с компанией человек в пятнадцать, среди которых он упоминает А.З. Хитрово, С.П. Дягилева и Д.А. Бенкендорфа. Последний «потчевал нас чудесно поднесёнными анекдотами, относящимися к концу Второй Империи или первым годам Третьей Республики, — писал Бенуа, — ему вторил и его вызывал на большие уточнения его сверстник Хитрово, и для меня, охотника до всякой ... старины, это было большим наслаждением. Приём же в самом "шато" графини Греффюль был украшен сеансом кинематографии. Любительские снимки были мутными и частично попорченными, но это не мешало им быть интересными. Особенно смешными казались тогдаш-

[9] Там же.

9. Интерьер дома А.З. Хитрово на Сергиевской улице
в Санкт-Петербурге. На мольберте пастель работы Джона Рассела

ние моды (ок. 1896), тем более что жесты и вся повадка появлявшихся на экране персонажей имела в себе что-то дергающееся, судорожное и торопливое, что придавало всему какую-то кукольность. Серёжа [Дягилев] громко хохотал. Радости Хитрово не было границ, когда он увидел самого себя в обществе "божественной Елизабет", но тут же он брякнул какую-то бестактность, касающуюся её возраста и наружности. Тактом этот милый человек вообще не отличался, а его пронзительный голосок, пытавшийся имитировать ту манеру, с которой актеры "Comédie Française" или нашего Михайловского театра представляли мольеровских маркизов, придавал его речам удивительно потешный характер. Это не мешало тому, что в Петербурге у него бывали очень приятные собрания — приятные главным образом потому, что его апартаменты (на Сергиевской? Фурштатской?) были полны прекрасной французской мебели, бронз, фарфора, со стен глядели портреты Гопнера, Генсборо, Реберна и Лоренса, которые он пожертвовал Эрмитажу»[10]. *(илл. 9)*

В архиве Эрмитажа хранится ходатайство егермейстера А.З.Хитрово к Министру Императорского Двора от 11 августа 1910 года о передаче в Эрмитаж, после его смерти, в дар коллекции его картин английской школы XVIII столетия, состоящей из следующих вещей:

[10] *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. В 5-ти кн. Т. 1–2. М., 1980. С. 451–452.

1. Gainsborough. Lady of Quality
2. Reynolds. Enfants Kilby.
3. Raeburn. Mrs. Bethune.
4. Opie. Frances Vinnicombe.
5. Rome[sic]ney. Mrs Hadley d'Oyly.
6. Hoppner. Sheridan.
7. Lawrence. Lady Raglan.

Вместе с сим Егермейстер Хитрово ходатайствовал о разрешении сделать на этих картинах, по приёме их в Эрмитаж надпись: «дар Алексея Захаровича Хитрово»[11].

Решение о передаче картин в Эрмитаж Хитрово принял ещё раньше, но, как пишет Бенуа, первая русская революция так его напугала, что он «решил, что не хочет оставлять свои шедевры "au roi Witte" и увёз их в Париж[12]. Однако в столыпинские годы он доставил картины обратно и тогда же подал ходатайство о передаче их в дар музею. Но этого его прошения оказалось бы мало, если бы он не подтвердил своё намерение в завещании, оформленном за полтора месяца до смерти в Российском генеральном консульстве в Париже. После его кончины появились близкие и дальние родственники, претендующие на наследство. Суд долгое время не утверждал решения о принадлежности Эрмитажу оставленных в дар произведений, и лишь 18 марта 1914 года картины окончательно перешли в собственность музея.

Императорский Эрмитаж с самого начала проявил обеспокоенность судьбой ценных произведений, оставшихся без хозяина. Директор Эрмитажа граф Дмитрий Иванович Толстой обратился к столичному мировому судье с просьбой «о принятии мер к охране находящихся в квартире покойного по Сергиевской ул. в собственном доме № 53 семи картин», и 7 ноября 1912 года они были выданы реставратору Н.А. Сидорову «для установления их в Эрмитаже на хранение, впредь до утверждения духовного завещания Хитрово», поскольку в холодном, неотапливаемом помещении они могли подвергнуться порче[13]. Первой отреагировала на событие газета «День». Уже 10 ноября она сообщала читателям, что картины «помещаются временно во французском зале Эрмитажа, для обозрения же публики будут открыты только через месяц»[14]. Корреспондент газеты «Речь»

[11] Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ч. 1. Д. 40. 1910 г. Л. 8.

[12] *Бенуа А.Н.*, там же.

[13] Архив ГЭ, там же. Л. 45, 48.

[14] «День» 10.11.1912. № 39.

отметил: «Думается, эти портреты одно из самых ценных приобретений Эрмитажа за последнее время не только в смысле необходимого пополнения отдела, а и сами по себе, как высочайшая сейчас художественная редкость»[15]. В коллекции Хитрово оставались ещё три английских портрета, не вошедшие в число завещанных Эрмитажу, — эскиз к «Портрету мисс Сиддонс» Томаса Лоуренса (местонахождение не известно), и две пастели Джона Рассела. Они попали в музей значительно позже. Но английские портреты не были единственным увлечением коллекционера[16]. Его дом украшали изделия из бронзы таких мастеров, как Буазо, Гутьер, Томир, гобелены, ковры Савоннери и Обюссон, редчайшие образцы древних персидских ковров, превосходная мебель Ризенера, Эбена, Жакоба, Буля, Бенемана. Коллекцию драгоценных табакерок вспоминали посетители парижской квартиры на авеню Морсо, 50. Алексей Захарович в значительной степени пополнил превосходное собрание фарфора, унаследованное от отца. В изобилии были представлены у него серебро, стекло, редкие книги, гравюры, среди которых было особенно много английских листов. Он собрал несколько десятков серебряных и золотых солонок большого художественного значения, коллекцию всевозможных трубок и мундштуков, изделий из янтаря. Автор статьи в газете «Новое время» писал: «Алексей Захарович обладал несомненным художественным чутьём и верным вкусом, но мода имела для него огромное значение и во всём им руководила. Равным образом — увлекала его трудность приобретения той или иной картины»[17].

Коллекционирование английской живописи вполне совпадало с духом той аристократической среды, в которой вращался Алексей Захарович. Он принадлежал к утончённому обществу европейских эстетов, где тон задавали Робер де Монтескью и графиня Греффюль, литераторы и художественные критики типа Теофиля Готье, Карла Жориса Гюисманса, Марселя Пруста, Оскара Уайльда, где был распространён дендизм, где поклонялись изысканной красоте, где важно было быть оригинальным. Всем перечисленным требованиям вполне отвечала страсть к собирательству редких в России, да и вообще за пределами Британии в то время, портретов XVIII–первой четверти XIX века, области в которой особо отличились художники

[15] «Речь» 27 ноября 1912. № 319.

[16] К сожалению, судьба коллекции Хитрово оказалась печальна, многие вещи попали к вел. кн. Андрею Владимировичу, но после революции рассеялись по разным собраниям.

[17] К кончине А.З. Хитрово // Новое время. 1912. № 13142. С. 6.

английской школы, преимущество которой перед живописью других стран состояло в том, что «она была молода». Образы, созданные Гейнсборо, Реберном, Ромни, как нельзя более соответствовали культу красоты, царившему в парижских и лондонских салонах. Во второй половине XIX столетия появляется все больше книг об английской живописи не только на английском, но и на французском, немецком и русском языках. Большое влияние на эстетические воззрения европейцев оказывают труды Джона Рескина, современная периодика, такая как журнал «The Studio» (начал выходить в 1893). Возможно также, что на вкус А.З. Хитрово оказал влияние англичанин по отцу Фредерик Стибберт (1836–1906), приходившийся братом жене Алессио Пандольфини, Софронии Стибберт-Пандольфини. Большое состояние, которое составил их дед, Джайлз Стибберт, в Индии в XVIII веке, позволило Фредерику, получив образование в Англии, вернуться в Италию, где он родился, и заняться коллекционированием археологических древностей и произведений искусства: живописи, мебели, фарфора, костюмов и оружия всех времён и народов. Дом во Флоренции он превратил в музей, который после его смерти был открыт для публики. Во всяком случае, пример Фредерика Стибберта мог сподвигнуть А.З. Хитрово завещать Эрмитажу небольшую, но ценную своей редкостью и качеством коллекцию картин британских живописцев, снискав себе благодарную память потомков.

И.Ф. Фоменко
(Крым)

Русско-британские контакты в памятниках материальной культуры: от музейного предмета к музейной реликвии из фондов Ливадийского дворца-музея

«Ноктюрн уснувшей Темзы…» *Оскар Уальд*

120 лет назад, в 1894 году, внучка английской королевы Виктории принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская впервые посетила Крым, Ливадию. Через 100 лет, в 1994 году в Ливадии, в залах царского дворца была открыта экспозиция «Романовы в Ливадии». Два таких разных события объединяет одна звучащая из уст экскурсоводов Ливадийского дворца-музея на протяжении последних 20 лет романтическая легенда, в основе которой лежит музейный экспонат. О нём и пойдёт речь.

В процессе знакомства с музейной экспозицией, расположенной в личных комнатах императорской семьи, в самом интимном помещении — спальне Их Императорских Величеств — идёт рассказ о любви обитателей этих апартаментов, о семейных узах и родственных связях высочайших особ. Внимание привлекает гравюра с изображением красивой молодой женщины с чистым, непорочным лицом, перед которой стоит ангел с чёрными крыльями. Кажется, будто глаза женщины смотрят глубоко в её собственную душу или в её будущее, либо обращены в глубину вашей души или вашей судьбы. Вокруг множество фотографий Романовых в значимые периоды их жизни и ряд подлинных предметов из имения Ливадия. Но о гравюре

Фрагмент экспозиции «Романовы в Ливадии»,
зал «Спальня Их Императорских Величеств». Фото 2014 года

рассказ особый, позволяющий раскрыть тему нежной и трепетной любви между наследником российского престола цесаревичем Николаем Александровичем и гессенской принцессой Алисой.

Вот о чём рассказывает музейная легенда

Сто лет назад, в апреле 1894 года в Кобург (Германия) из разных европейских государств съехались высочайшие родственники на свадьбу старшего брата принцессы Алисы — великого герцога Эрнеста Гессен-Дармштадтского, унаследовавшего титул после смерти отца, и великой княгини Виктории Саксен-Кобург-Готской. Вел. кн. цесаревич Николай Александрович, получив разрешение отца, приехал в Германию с целью помолвки. Он и его невеста давно тайно любили друг друга, но теперь для соединения их сердец необходимо было преодолеть последнее препятствие — перемену религии, совершив переход принцессы Алисы в православие. Она была чрезвычайно религиозной, воспитывалась в протестантстве, искренне и глубоко веря в его истинность. Препятствие к браку казалось непреодолимым. После продолжительных разговоров, усталости души и «недолгого томления»[1] помолвка состоялась 8 (12) апреля, а перипетии вокруг сватовства Ники и Аликс почти заслонили свадьбу великого герцога. Счастливые моменты событий в Кобурге — на фотографиях в экспозиции.

Рядом с фотографией сияющих лучезарным настроением цесаревича Николая и принцессы Алисы в день помолвки — литография

[1] Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. С. 49.

Фотокопия платинотайпа
Ф. Холльера «Сердце Розы»
с картины Э. Бёрн-Джонса

«Чёрный ангел» с надписью на обратной стороне: «Память сердца о Розенау». Её приобрели жених и невеста, Николай и Алиса, когда провели несколько безмятежно счастливых дней в местечке Розенау близ Кобурга. Это символическое изображение — образ предчувствия: ангел, принесший благую весть, за спиной прячет чёрные крылья, будто предвестник беды и печали. И судьба не замедлила явить свою неблагосклонность. Не успел счастливый жених вернуться домой в Россию, как встретил тревожное и трагическое сообщение о том, что его отец император Александр III неизлечимо болен, и болезнь сильно прогрессирует. Врачи бессильны. Возникла необходимость срочно приглашать в Россию невесту наследника — принцессу Алису. Так она прибыла в Ливадию, где в это тревожное время находилась императорская семья.

Размещение этой гравюры в экспозиции музея и присутствие её в художественном собрании царского дворца Ливадии имеет глубокий смысл. Этот экспонат позволяет проиллюстрировать состояние августейших влюблённых, их дальнейшую судьбу, позволяет рассказать о невероятной интуиции и чуткости молодой жены, её готовности брать свой крест и идти до конца. В этой жертвенности и жизни с предчувствием предопределённости отличие этой пары от обыкновенных людей.

Так гласит музейная легенда, которую каждый экскурсовод интерпретирует по-своему. А теперь обратимся к музейным реалиям.

Музей в Ливадийском дворце был создан в 1993 году из существовавшего прежде выставочного комплекса. Тогда появилась возможность показать и раскрыть музейными средствами тему «Романовы в Ливадии». Работа над новой экспозицией проходила спешно, в течение нескольких месяцев, тогда же шло активное формирование фондов вновь созданного музея за счёт других музеев Крыма. Среди поступивших музейных предметов была и переданная из Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника так называемая западноевропейская гравюра конца XIX века «Чёрный ангел» работы анг-

лийского художника Эдварда Бёрн-Джонса[2]. Авторы экспозиции «Романовы в Ливадии», сотрудники Алупкинского и Ливадийского дворцов-музеев, поместили её в зал «Спальня Их Императорских Величеств» в том контексте, который был представлен выше. Как вы могли заметить, в музейной легенде было упомянуто название работы, и не был представлен автор. Тем не менее, так называемая гравюра, представлявшая искусство прерафаэлитов, украшает один из залов царского дворца Ливадии в Крыму с 16 июля 1994 года, когда была открыта новая экспозиция. Прошло 20 лет со дня открытия экспозиции, но ещё ни разу никто не назвал подлинных творцов этого чуда, мимо которого невозможно пройти, оставшись равнодушным.

Музейный предмет и красивая легенда о нём будоражили мысль исследователя, не давали покоя. Дальнейшее изучение экспоната, его истории и особых примет позволило установить подлинное название, время, место, технику изготовления, имя мастера и, возможно, изменить или дополнить музейную легенду.

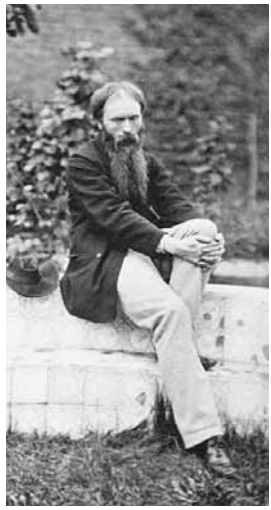
Карточка научного описания интересующего нас музейного предмета даёт начальную информацию для полноценного его изучения (составитель карточки научный сотрудник дворца-музея П.А. Ардюков, май 1995 г.). Согласно научному описанию, гравюра «Чёрный ангел» автора Эдварда Бёрн-Джонса выполнена в Англии в 1850-е годы в технике литографии на бумаге размером 37,3 х 52,4 см, поступила под инвентарным № Г-58, КП №976 по акту №1 от 23.06.1994 из Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника. На оборотной стороне гравюры содержалась важная информация, которая многие годы неверно интерпретировалась, хотя попытки изучить предмет в полной мере предпринимались. Особый интерес представляют карандашные пометки и штамп. Надпись карандашом в левом нижнем углу на английском языке: not / 7 Heart of the Rose (Сердце Розы), рядом — фиолетовый штамп с надписью: Copyright / Freds Hollyer / Pembroke. Имена авторов говорят о многом, а вот название «Чёрный ангел» — из области фантазий и недоказанных предположений. Перевод с английского надписей карандашом и текста штампа через два десятка лет позволяет точно атрибутировать исследуемый экспонат и приоткрыть завесу над тайной его происхождения.

Имя художника сэра Эдварда Коли Бёрн-Джонса (1838–1898) в карточке научного описания говорит о многом. Ассоциированный член Королевской Академии художеств, входивший в группу художников-прерафаэлитов, яркий представитель художественного мира

[2] Ливадийский дворец-музей. Книга поступлений 976. Гравюра 58.

Э. Бёрн-Джонс. Сердце Розы

Сэр Эдвард Бёрн-Джонс. Фото Ф. Холльера

викторианской Англии, один из открывателей новой эпохи в искусстве. А название «Сердце Розы» на обороте музейного экспоната — это название одной из картин художника, послужившей основой для изображения.

Вдохновение для написания этой картины художник черпал из сюжета аллегорической поэмы «Роман о Розе» — памятника французской литературы XIII века, бестселлера эпохи, переведённого на несколько европейских языков, в том числе на английский. Красота рукописи XV века, хранящейся в Британском музее, увлекла художника. Как свидетельствуют исследователи, он любовался ею неоднократно, воздействие содержания поэмы на художника было особенно продолжительным и плодотворным[3]. Следуя мотивам поэмы, Бёрн-Джонс создал трилогию в романтическом стиле: «Паломник у ворот праздности», «Любовь, ведущая пилигрима» и «Сердце Розы».

Работать над картиной художник начал в 1889 году, а завершил, в связи с болезнью, в 1893 году к выставке в Новой галерее Лондона[4]. На картине изображён поэт, который пройдя долгий и тернистый путь, ведомый аллегорическим персонажем — амуром с луком и стрелами (т.е. любовью, а не Чёрным ангелом), приближается к Розе, олицетворяющей идеал женственности[5]. Роза — красивая молодая женщина в изумрудных одеждах, сидящая в розовом кусте, сердце которой и хочет завоевать поэт.

---

[3] Интернет ресурс: http://www.leicestergalleries.com/19th-20th-century-paintings/d/pre-raphaelite/edward-coley-burne-jones/12636.

[4] Там же.

[5] *Забабурова Н.В.* Средневековый французский «Роман о Розе» // Научно-культурологический журнал, № 7 (61). 8 апреля 2001. Интернет ресурс: www.relga.ru

Друг Бёрн-Джонса со студенческих лет Уильям Моррис, поэт и ярчайший художник из группы прерафаэлитов, также вдохновился средневековой поэмой «Роман о Розе» и картиной своего друга. Моррис написал стихи к этой картине, о чём отмечает в своём исследовании о языке цветов в творчестве прерафаэлитов Дебра Н. Манкофф, воспроизводя для читателя лишь две последние строки[6], но приведём стихотворение полностью:

The Heart of the Rose

The ending of the tale ye see;
The Lover draws anigh the tree,
And takes the branch, and takes the rose,
That love and he so dearly chose[7].

Восхищение средневековой поэмой породило многогранный творческий процесс.

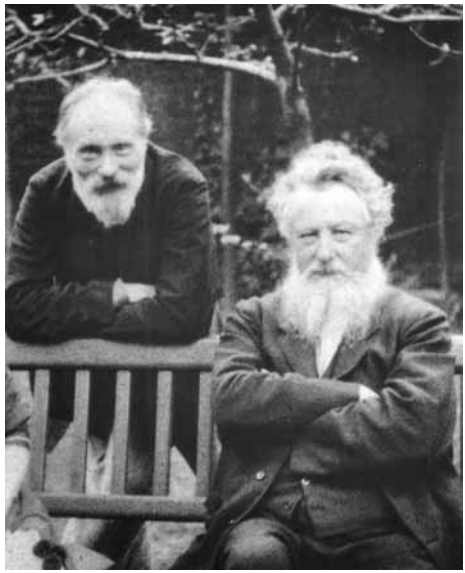
Известно, что Бёрн-Джонс обладал необходимыми знаниями и умением для создания гравюр, но не изготавливал их на основе своих живописных полотен. В Ливадийском дворце-музее представлено изображение картины «Сердце Розы» Э. Бёрн-Джонса, выполненное Фредериком Холльером, чьё авторское право на технику копирования живописи было защищено его собственным штампом, размещённым на реверсе изображения, с отметкой адреса мастерской. Карандашные надписи на реверсе, вероятно, сделаны рукой автора печати, так как на других известных его работах присутствуют аналогичные надписи карандашом[8].

Фредерик Холльер (1838–1933) считал фотографирование главным занятием своей жизни. Пройдя подготовку в качестве меццотинто-гравёра, он увлёкся фотографированием произведений искусства и изготовлением фотопортретов. У него своя мастерская в Лондоне, богемное окружение, он близко сходится с художниками-прерафаэлитами, особенно с Э. Бёрн-Джонсом, который был ему близким другом. Фредерик, используя особую технику — платинотипию, делает много фотографических репродукций картин и эскизов ведущих художников, работая на протяжении нескольких десятков лет в студии 9 на Pembroke Sq. (площади Пемброк в Кенсингтоне), а один раз в неделю, по понедельникам, он создает там

[6] *Mankoff Debra N.* The Pre-Raphaelite. Language of Flowers. Munich; London; New York: Prestol, 2012. P. 6.

[7] Текст воспроизводится из интернет ресурса: http://www.leicestergalleries.com/19th-20th-century-paintings/d/pre-raphaelite/edward-coley-burne-jones/12636.

[8] Интернет ресурс: http://www.photohistorytimeline.com/.

Эдвард Бёрн-Джонс и Уильям Моррис. Фото Ф. Холльер. 1890 год

фотопортреты. Студия Холльера находилась рядом с Holland Park, центром художественной общественности Лондона. Сам мастер являлся членом фотографического общества в Лондоне и настоящим художником-фотографом. Большинство известных людей того времени были засняты его камерой.

Узнать биографию Фредерика Холльера двадцать лет назад было непросто, она появилась впоследствии в электронном ресурсе благодаря исследователям и музею Виктории и Альберта[9].

Особая техника изготовления Холльером изображений носит название Platinotype, а некоторые специалисты называют её Hollyertype, она позволяет делать отпечатки очень высокого качества и большого формата. Со временем они не скручиваются и наиболее стабильны для архивного хранения из всех фотоотпечатков, срок их хранения может достигать тысячи и более лет, ограничиваясь лишь сроком жизни бумаги, так как изображение формируется непосредственно на волокнах бумаги.

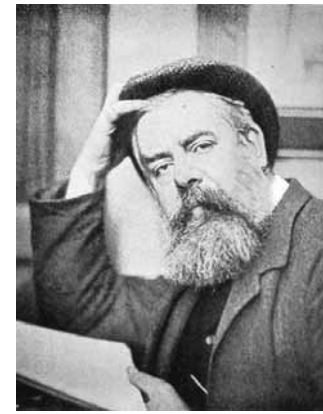
В фотографических кругах слово «платинотипия» произносится с трепетом и придыханием, трудно не быть почитателем этого способа изготовления изображений, изобретённого в 1873 году Уильямом Уиллисом. Основанная им компания поставляла платиновую бумагу на рынок, когда платина была ещё дешева, быстро дорожать она начала с 1906 года, но, как свидетельствуют специалисты, платиновую бумагу продолжают использовать до сих пор[10].

Платинотайп являлся королём печатных процессов. А Фредерик Холльер был величайшим специалистом в этой области. Его отпе-

[9] Интернет ресурсы: http://www.photohistorytimeline.com/, http://www.vam.ac.uk/page/f/frederick-hollyer/,http://www.vam.ac.uk/content/articles/f/frederick-hollyer-biography/

[10] Интернет ресурс: http://www.photographer.ru/cult/history/4538.htm.

чатки картин и рисунков художников-прерафаэлитов способствовали популяризации их творчества, позволяли воспроизводить их в книгах и журналах и составляли основу его бизнеса. Лучшие репродукции Холльера выполнены на платинотайп бумаге, некоторые из них достигают значительных размеров (40х30 см), а ливадийский — около 37х52 см. Один из исследователей творчества Ф. Холльера воскликнул о его работах: «Они должны быть найдены во многих коллекциях во всех частях цивилизованного мира!»[11]

Автопортрет
Фредерика Холльера.
1890 год

В собрании гравюр Ливадийского дворца-музея обнаружен один из платинотайпов Фредерика Холльера, анонимно знакомивший посетителей музея с творчеством сэра Эдварда Бёрн-Джонса на протяжении 20 лет. Он мог быть изготовлен, предположительно, после участия оригинальной картины художника в осенней выставке современных картин в Ливерпуле 1893 года, так как известно, что в пошаговой инструкции Холльера для платиновой печати, опубликованной в 1894 году фотографическим журналом, указано на необходимость использования солнечного света из окна в ноябре, декабре или январе[12].

Есть убеждённость, что в собрании Ливадийского дворца-музея платинотайп Холльера не является единственным. Вероятно, коллекция различных репродукций работы мастера платиновой фотопечати Ф. Холльера была приобретена в конце XIX — начале XX века в его лондонской мастерской или по каталогу, выпускавшемуся в то время. Репродукции, подписанные автором, продавались как роскошные отпечатки и, помещённые в рамку, были неотъемлемым украшением интерьера в конце викторианской эпохи. Их приобретали те, кто не мог себе позволить оригинальные картины известных художников. Можно предположить, что коллекция платинотайпов украшала интерьеры особняка одного из южнобережных жителей. Но в процессе национализации имений в Крыму в 1920-е годы предметы прикладного искусства пополняли создающиеся музеи, Лива-

[11] Интернет ресурс: http://www.luminos-lint.com/app/photographer/Frederick-Hollyer/A/.

[12] Интернет ресурс: http://www.vam.ac.uk/content/articles/f/frederick-hollyer-working-methods.

дийский и Алупкинский. На обороте изучаемого музейного экспоната сохранился номер, проставленный цветным карандашом. Он мог быть проставлен сотрудниками одного из южнобережных музеев, откуда при перемещении и расформировании экспонатов, которые происходили в Крыму в 1920–1930-е годах, репродукция попала в Алупкинский дворец, где и пролежала не одно десятилетие. По мнению сотрудника Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника Е. Филатовой, ещё в 1926 году в алупкинской библиотеке графа М.С. Воронцова были обнаружены собрания гравюр и литографий (1627 шт.), через 10 лет в отделе гравюр, чертежей и карт насчитывалось 4 686 экземпляров, коллекция отдела гравюр пополнялась из национализированных имений Южного берега Крыма, а также из Эрмитажа[13].

Сегодня Ливадийский дворец-музей по праву может гордиться редчайшим в нашей стране произведением искусства — платиновой репродукцией с картины «Сердце Розы». Изучение музейного предмета позволило рассказать о творчестве выдающихся представителей британской культуры викторианской эпохи — сэра Эдварда Бёрн-Джонса и Фредерика Холльера (Hollyer). Музейный экспонат из экспозиции «Романовы в Ливадии» по праву можно отнести к музейным реликвиям в собрании дворца-музея. Он раскрывает русско-британские контакты на рубеже веков.

[13] *Филатова Е.* Мемориальная библиотека М.С. Воронцова. История её формирования в советское время // Старая Ялта, № 2 (10). С. 7.

Е.В. Анисимов
(Санкт-Петербург)

Слово на закрытие Конгресса

Вот и подошёл к концу наш замечательный конгресс. Это шестой по счёту и, как мне кажется, лучший из Конгрессов.

Конгресс был приурочен к году русско-английских культурных связей за пять последних веков. Некоторым это могло показаться отходом от традиционной для наших конгрессов петровской тематики. Но это не так. Несомненно, петровский сюжет был в центре программы Конгресса. И дело не в том, что узнали нечто сенсационное о поездке Петра Великого в Англию – сведения об этом давным-давно известны. Дело в другом. Доклады на Конгрессе раскрыли нам контекст эпохи, в которую произошла эта судьбоносная для русско-английских отношений поездка. Мы многое узнали о научных, технических связях, о переносе знаний, технологий, идей из Англии в Россию. Причём расширение хронологических рамок Конгресса оказалось очень удачным. Если допетровская история русско-английских отношений так и осталась в тумане обрывочных сведений, то происшедшее в наших взаимных отношениях после поездки Петра потрясает — настолько разнообразным, многогранным было это сотрудничество. Перед нами открылся огромный пласт культуры, который можно смело назвать: «Англичанин в русской культуре». Какую сферу ни возьмёшь, всюду виден отчётливый «английский», точнее, «британский», след в русском прошлом. Слушая доклады, я каждый раз внутренне ахал: «И здесь англичане приложили руку, и тут они побывали, основали, развили. Что за энергичный, предприимчивый народ!»

Среди лениво слонявшихся по крепости туристов разных стран можно было видеть шустрых, озабоченных конгрессменов с холщё-

выми сумками через плечо. Они разбегались на доклады и потом опрометью мчались, чтобы успеть в другую секцию, чтобы послушать другой доклад. Я лично хотел бы послушать минимум 15 докладов, но, конечно, не успел и очень об этом сожалею. Думаю, что у всех конгрессменов была такая же интеллектуальная жажда, так было обидно упустить этот беспримерный сгусток знаний. Собрать такой обильный и разнообразный русско-английский контент, может быть, ещё долго не удастся в будущем. Ко всему прочему хочу особенно подчеркнуть необыкновенно высокий уровень докладов. Некоторые из них были просто научными шедеврами. За это мы благодарны докладчикам.

Мы благодарны также участникам за творческое отношение к проблематике Конгресса, за проявленную ими организованность и толерантность. Особо хочу сказать, что за прошедшие годы Петровские конгрессы подружили многих людей, которые и могут порой увидеться только в рамках Конгресса. Дух дружбы, взаимопонимания, какой-то особой сердечности витал над нами, как – уже в который год! — над нами было чистое, ясное небо Петербурга.

Список сокращений

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской Империи
АГВ	– Архангельские губернские ведомости
АИЗ	– Адмиралтейские Ижорские заводы
БАН	– Библиотека Академии наук
БСЭ (БСЭ-2, БСЭ-3)	– Большая советская энциклопедия (2-е изд., 3-е изд.)
ВИЕТ	– Вопросы истории естествознания и техники
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГААО	– Государственный архив Архангельской области
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГМЗ «Царское Село»	– Государственный музей-заповедник «Царское Село»
ГМИ СПб	– Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЖЗЛ	– жизнь замечательных людей
ИРИО	– Императорское российское историческое общество
ИРФ	– История русского флота: Период азовский: Приложения
КГИОП	– Комитет государственной инспекции охраны памятников
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
МИРФ	– Материалы для истории русского флота

МСЭ-3 – Малая советская энциклопедия, 3-е изд.
НАРК – Национальный архив республики Карелия
НБАХ – Научная библиотека Академии художеств
НТБ ПГУПС – Научно-техническая библиотека Петербургского Государственного университета путей сообщения
ПГУПС – Петербургский Государственный университет путей сообщения
ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РБС – Русский биографический словарь
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская национальная библиотека
РНФ – Российский научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
Сб. ОРЯС – сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
Сб. РИО – сборник Русского исторического общества
СПбГАИЖСА – Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина
СПбГУ – Санкт-Петербургский Государственный университет
СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ТОДЛР – Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГА КФФД СПб – Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Список авторов

Аваков Пётр Ашотович *(Ростов-на-Дону)*, научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, старший преподаватель кафедры исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Акиньшин Александр Николаевич *(Воронеж)*, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета

Анисимов Евгений Викторович *(Санкт-Петербург)*, профессор истории Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, научный руководитель Института Петра Великого

Анкудинов Игорь Юрьевич *(Великий Новгород)*, старший научный сотрудник Государственного архива Новгородской области

Ансон Кристи *(Великобритания)*, меценат, коллекционер, член попечительского совета Галереи Джорджа Уоттса

Аристов Вадим Владимирович *(Кингисепп)*, президент исторического общества Ямбурга–Кингисеппа

Базарова Татьяна Анатольевна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Беляева Ирина Михайловна *(Санкт-Петербург)*, заместитель директора по научной работе Библиотеки РАН

о. Александр Берташ *(Германия)*, настоятель православного прихода в г. Бремен, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета

Блейксли Розалинд Полли / Blakesley Rosalind Polly *(Великобритания)*, преподаватель русского и европейского искусства Кембриджского университета

Болотина Наталья Юрьевна *(Москва)*, доцент кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Боулт Джон / Bowlt John E. (США), профессор славянских языков и литературы Университета Южной Калифорнии

Брызгалов Виктор Васильевич *(Архангельск)*, действительный член Архангельского отделения Русского географического общества

Бурим Лариса Дмитриевна *(Санкт-Петербург)*, директор музея истории Ижорских заводов

Ванинская Анна Владимировна *(Великобритания)*, доцент отделения английской литературы Эдинбургского университета (Викторианская литература)

Верижникова Татьяна Филипповна *(Санкт-Петербург)*, профессор кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

Герцен Михаил Константинович / Herzen Michael *(США)*, приглашённый исследователь Центра российских, восточноевропейских и евразийских исследований Стенфордского университета

Граля Хероним *(Польша)*, профессор факультета «Artes Liberales» Варшавского университета

Гузевич Дмитрий *(Франция)*, сотрудник Центра изучения российского, кавказского и центрально-европейского пространства Школы высших социальных исследований

Гузевич Ирина *(Франция)*, сотрудник Центра Мориса Альбвакса

Дмитриев Егор Евгеньевич *(Саратов)*, ведущий переводчик Управления международных связей Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Ерофеев Алексей Дмитриевич *(Санкт-Петербург)*, член правления Санкт-Петербургского союза краеведов, член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга

Ефимов Михаил Витальевич *(Выборг)*, старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо»

Жерихина Елена Игоревна *(Санкт-Петербург)*, научный редактор раздела «Быт и архитектура» энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга», филологического факультета СПбГУ

Завьялова Любовь Владимировна *(Санкт-Петербург)*, ведущий специалист Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина

Искюль Сергей Николаевич *(Санкт-Петербург)*, заведующий группой источниковедения и Научно-историческим архиве Санкт-Петербургского института истории РАН

Кайдашев Сергей Вадимович *(Москва)*, старший научный сотрудник Музея Москвы (отдел «Старый Английский двор»)

Комолов Николай Анатольевич *(Воронеж)*, ведущий специалист Управления культуры администрации города Воронежа

Конюхова Елена Васильевна *(Санкт-Петербург)*, исполнительный директор Мемориальной библиотеки князя Г.В. Голицына

Кросс Энтони / Cross Anthony *(Великобритания)*, почётный профессор Кембриджского университета

Кувшинская Ирина Владимировна *(Москва)*, старший преподаватель исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Кузьмина Татьяна Руслановна *(Санкт-Петербург)*, директор информационно-аналитического центра межкультурной коммуникации и международных отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета, руководитель программы российско-британских связей

Куликов Виктор Викторович *(Ярославль)*, доцент Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Лаптева Татьяна Александровна *(Москва)*, заместитель начальника отдела Российского государственного архива древних актов

Лизунов Павел Владимирович *(Архангельск)*, заведующий кафедрой философии и культурологии Северного (Арктического) университета имени М.В. Ломоносова

Лиштенан Франсин-Доминик / Liechtenhan Francin-Dominique *(Франция)*, профессор Сорбонны (Университет Париж-IV), директор Национального центра научных исследований (CNRS), центра Ролана Мунье

Лоддер Кристина Энн / Lodder Christina Anne *(Великобритания)*, профессор Кентского университета

Лупанова Евгения Михайловна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII века (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Мазур Тамара Петровна *(Санкт-Петербург)*, главный специалист Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)

Макаров Борис Сергеевич *(Санкт-Петербург)*, сотрудник Нидерландско-Российского центра

Марголис Александр Давидович *(Санкт-Петербург)*, председатель Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), член правления Санкт-Петербургского союза краеведов

Мезин Сергей Алексеевич *(Саратов)*, профессор, заведующий кафедрой истории России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Мещерякова Арина Олеговна *(Воронеж)*, ведущий библиограф Воронежского государственного университета

Моргунова (Петрунько) Оксана Алексеевна *(Великобритания)*, координатор проектов Международного института миграции и гендерных проблем

Мудрак Маргарита Фёдоровна *(Санкт-Петербург)*, председатель Правления Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества

Неклюдов Евгений Георгиевич *(Екатеринбург)*, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Новикова Нина Вячеславовна *(Санкт-Петербург)*, член Российского Генеалогического общества, генеалог Санкт-Петербургского Дворянского собрания

Носков Владимир Витальевич *(Санкт-Петербург)*, заведующий Отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН

Орлова Ирина Анатольевна *(Александров)*, старший научный сотрудник Историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода»

Пашков Александр Михайлович *(Петрозаводск)*, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

Пащинская Ирина Олеговна *(Санкт-Петербург)*, хранитель музеев «Царицын и Ольгин павильоны» Государственного музея-заповедника «Петергоф»

Питулько Галина Николаевна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Библиотеки РАН

Поленова Наталья Фёдоровна *(Поленово)*, директор историко-художественного природного музея-заповедника В.Д. Поленова

Раскин Давид Иосифович (Санкт-Петербург), профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Ренне Елизавета Павловна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа

Севастьянова Алла Александровна *(Рязань)*, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Седых Элина Владимировна *(Санкт-Петербург)*, профессор кафедры английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Серова Ирина Александровна *(Ярославль)*, старший научный сотрудник Музея истории города Ярославля

Славнитский Николай Равильевич *(Санкт-Петербург)*, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Соколов Борис Михайлович *(Москва)*, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Степаненко Ирина Григорьевна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село»

Степанов Валерий Леонидович *(Москва)*, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Талалай Михаил Григорьевич *(Италия)*, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, представитель в Италии

Тараканова Елена Сергеевна *(Санкт-Петербург)*, заведующая отделом истории горной и горнозаводской техники Горного музея

Таратынова Ольга Владиславовна *(Санкт-Петербург)*, директор Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника «Царское Село»

Третьякова Светлана Николаевна *(Северодвинск)*, доцент филиала Северного Арктического федерального университета

Фоменко Ирина Феликсовна *(Крым)*, заместитель директора по экскурсионной работе Ливадийского дворца-музея

Черненко Валентин Андреевич *(Санкт-Петербург)*, член Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга, внештатный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга, член секции «Старый Петербург»

Шкаровский Михаил Витальевич *(Санкт-Петербург)*, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Юркин Игорь Николаевич *(Москва)*, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Ястребинский Григорий Борисович *(Санкт-Петербург)*, хранитель фондов научных приборов и инструментов Отдела истории русской культуры XVIII века Государственного Эрмитажа

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д.Ю., *Гузевич И.Д.* **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

Гузевич Д.Ю., *Гузевич И.Д.* **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Максимов Е.К., *Мезин С.А.* **Города Саратовского Поволжья петровского времени.** СПб.: Европейский Дом, 2011 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. *Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года.* Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. **Рождение Петербурга.** СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

Юркин И.Н. **Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.** СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. *Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.* Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. *Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года.* Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. **Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков.** Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

Вагеманс Э. **Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

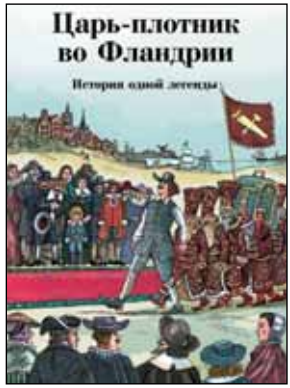
Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

Макаров Б. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года***.** Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эмануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

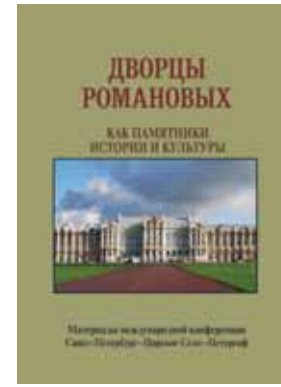
А.Л. Пунин. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

Ханс ван Конингсбрюгге. **История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

Сергей Мезин. **Пётр I во Франции.** СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. *Санки-Петербург–Царское Село–Петергоф, 7–9 октября 2013 года*. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.

Россия–Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года*. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.

РОССИЯ–ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

◆

ПЯТЬ ВЕКОВ

КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Материалы
VI Международного петровского конгресса

Санкт-Петербург
6–8 июня 2014 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 48.
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28